

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2 0 1 6

№ 2
(56)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврутин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Антонян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;

Баев О.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Европейский институт JUSTO;

Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Кибальник А.Г., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Avrutin Yu.E., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;

Antonyan Yu.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;

Baev O.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Golik Yu.V., Doctor of Law, Professor, the European Institution JUSTO;

Golovnenkov P.V., Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

Zaitsev O.A., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

Ishchenko E.P., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Kamyshansky V.P., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Kibalnik A.G., Doctor of Law, Professor, the North Caucasian Federal University;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;

Larichev V.D., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;

Подшибякин А.С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических наук, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет;

Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

Хелльманн У., доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет.

Lukashov A.I., Master of Law, Assistant Professor, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus;

Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;

Podshibyakina A.S., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Kutafin Moscow State Law University;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University;

Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

Hellmann U., Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Карнаушенко Л.В. Тенденции архаизации трансформирующегося российского общества и проблема криминализации

Гладышева О.В., Дзидзоев Р.М. Историческое наследие судебной реформы 1864 года в России и его ревизия в современной правовой науке

Жинкин С.А., Чернявская Т.М. Некоторые проблемы реализации принципов правотворчества в современной России

Берг Л.Н. Социально-психологическая система правового воздействия: общетеоретический анализ

Кадников Б.Н. О становлении и развитии законодательства об охране частной жизни граждан

Пржиленский И.В. Развитие оснований пересмотра приговора в дореволюционном уголовном процессе России

Харитонов И.К., Яшин В.Н. Исторические предпосылки формирования полиции в современной России

Азарова И.А. Правовая природа смешанных правовых систем

Куликова Н.С. Определение и содержание законности как юридического принципа, метода и состояния общественных отношений

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Зырянов И.В. Административные возможности органов местного самоуправления как субъектов обеспечения правопорядка (по материалам Республики Крым)

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Габов А.В. О праве кредитора при проведении реорганизации потребовать досрочного исполнения обязательства, а при невозможности такого исполнения – прекращения обязательства и возмещения убытков

Виноградова Е.В., Намчук А.А. К вопросу о применении положений об исковой давности по искам в защиту государственной собственности

Бутенко А.А. Противоправная деятельность по обналичиванию безналичных денежных средств

Семёнова Е.Г. Проблемы оборота имущественных прав, вытекающих из договора аренды

10 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

10 **Karnaushenko L.V.** The archaizing tendency of transforming Russian society and the problem of criminalization

15 **Gladysheva O.V., Dzidzoev R.M.** The judicial reform of 1864 in Russia and its revision in contemporary legal science

22 **Zhinkin S.A., Chernyavskaya T.M.** Some problems of realization of principles of lawmaking in modern Russia

25 **Berg L.N.** The social and psychological system of the legal influence: theoretical analysis

30 **Kadnikov B.N.** About formation and development of the legislation on protection private life of citizens

34 **Przhilensky I.V.** The development of the grounds of review of sentence in criminal proceedings of pre-revolutionary Russia

39 **Haritonov I.K., Yashin V.N.** Historical background of the formation police in modern Russia

43 **Azarova I.A.** Legal nature of mixed legal systems

48 **Kulikova N.S.** Definition and contents of the legality as a juridical principle, method and legal state of social relations

54 CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

54 **Zyryanov I.V.** The administrative capacity of local self-government as subjects of law order ensuring (on materials of the Republic of Crimea)

59 CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS

59 **Gabov A.V.** On the right of the lender to demand during the reorganization of the early performance of obligations, and if it is impossible for such performance – termination of an obligation and compensation for damages

68 **Vinogradova E.V., Namchuk A.A.** The application of statute of the limitation of actions on claims for protection of state property

72 **Butenko A.A.** Illegal activity to cash non-cash cash

76 **Semenova E.G.** Issues of turnover of property interests implying from the lease contract

- Лепилкина А.М.** Особенности правового положения юридических лиц при определении пределов юридической ответственности **82** *Lepilkina A.M.* Peculiarities of legal status of legal entities in determining the limits of legal responsibility
- УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА** **86** **CRIMINAL POLICY:
THEORY AND PRACTICE**
- Векленко В.В., Акиев А.Р.** Юридическая природа понятия «семья» **86** *Veklenko V.V., Akiev A.R.* The essence of the concept «family»
- Иванцов С.В., Борисов С.В.** Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности **91** *Ivantsov S.V., Borisov S.V.* Organized forms of terrorist and extremist activities: the regulation and prosecution of responsibility
- Иногамова-Хегай Л.В.** Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера **98** *Inogamova-Khegai L.V.* Differentiation and individualization of criminal responsibility and other measures of criminal-legal character
- Кадников Н.Г., Дайшутов М.М.** О проблемах ответственности за преступления террористической направленности **104** *Kadnikov N.G., Dayshutov M.M.* About the problems of responsibility for crimes of terrorist orientation
- Квашис В.Е., Генрих Н.В.** Сравнительный анализ преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в России и Японии **108** *Kvashis V.E., Genrih N.V.* The comparative analysis of crime, criminal policy and law-enforcement practice in Russia and Japan
- Осокин Р.Б., Немтинов Д.В.** К вопросу о признаках преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием **121** *Osokin R.B., Nemtinov D.V.* To the question about the signs of crimes in the sphere of economic activity, committed by deception and (or) abuse of trust
- Волосюк П.В., Навасардова Э.С.** Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность, во внутреннем вооруженном конфликте **129** *Volosyuk P.V., Navasardova E.S.* Circumstances for criminal responsibility's exception in domestic armed conflict
- Иванов С.А., Шибков О.Н.** Уголовно-правовое отношение как сфера осуществления коррупционного поведения его субъектов **133** *Ivanov S.A., Shibkov O.N.* Criminal-legal relation as a sphere of implementation of the corrupt behavior of its subjects
- Лепешкина О.И.** Смертная казнь в России в контексте мировой тенденции к отмене **138** *Lepeshkina O.I.* Capital punishment in Russia is in the context of a worldwide tendency to abolition
- Максимова О.В., Марковиченко С.В.** Категория «неприкосновенность частной жизни» в российском уголовном праве и законодательстве **146** *Maksimova O.V., Markovichenko S.V.* The category «personal privacy» in Russian criminal law and the legislation
- Петровский А.В.** Религиозно-правовые практики разрешения криминальных конфликтов в исламских государствах **152** *Petrovskiy A.V.* Solution of criminal conflicts in Islamic countries: religious and legislation practices
- Скачко А.В.** Уголовная политика в сфере противодействия таможенным преступлениям в условиях присоединения России к Всемирной торговой организации (ВТО): детерминистические факторы **160** *Skachko A.V.* Criminal policy in the sphere of counteraction to customs to crimes in the conditions of accession of Russia to World trade organization (WTO): deterministic factors
- Танага И.В., Танага А.В.** К вопросу о необходимости законодательного закрепления термина «опасное вождение» **165** *Tanaga I.V., Tanaga A.V.* On the question of the need for legislative consolidation of the term «dangerous driving»

Бадалов А.Э. Проблемы систематизации правового регулирования оснований конфискации предмета взятничества в уголовном праве России	168	Badalov A.E. Problems of systematization of legal regulation of the bases of confiscation of the subject of bribery in the criminal law of Russia
Кулагин А.Н. Особенности квалификации продолжаемого взятничества	173	Kulagin A.N. Features of qualification of the continued bribery
Мхитарян Л.Г. Исторический очерк развития уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей	177	Mkhitaryan L.G. Historical sketch of the criminal liability for evasion from payment of customs duties
Черная С.В. Анализ понятия и сущности коррупционных преступлений, совершаемых военнослужащими	181	Chernaya S.V. The concept and content research of corruption crimes involving military staff
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	185	THE PREVENTION OF CRIMINALITY
Антонян Ю.М. Предмет и сфера интересов криминологии	185	Antonian Yu.M. Subject and scope of criminology interests
Игнатов А.Н., Григорьев П.Е. Влияние геологофизических факторов на состояние преступности	189	Ignatov A.N., Grigoriev P.E. Influence of heligeophysical factors on the state of crime
Клюковская И.Н., Зикеев В.А. Пути совершенствования антикоррупционного законодательства	197	Klyukovskaya I.N., Zikeev V.A. Ways of improvement of the anti-corruption legislation
Зибер А.Э., Рубачева Е.Л. Социально-психологические особенности формирования и развития криминального поведения несовершеннолетних	202	Ziber A.E., Rubacheva E.L. Socio-psychological features of formation and development of criminal behavior of minors
Кашкаров А.А. Виктимологический механизм должностной преступности	206	Kashkarov A.A. Victimological mechanism of official crime
Климаков Л.Л. Классификация организованных форм и видов преступной деятельности в местах принудительного содержания	210	Klimakov L.L. Classification of organised forms and types of criminal activities in places of detention
Лимарь А.С. Социальные предпосылки вовлечения населения в азартные игры	215	Limar A.S. Social preconditions of community involvement in gambling
Узембаева Г.И. Самодетерминация как системное свойство преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей	218	Uzembayeva G.I. Self-determination as a system property crimes of an extremist orientation, committed with use of mass media or information and telecommunication networks
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	223	CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
Абшилава Г.В. О задачах и назначении согласовательных уголовно-процессуальных процедур внутри обвинительно-следственной власти	223	Abshilava G.V. On the tasks and the appointment of the negotiation of criminal procedure in accusatory procedures and investigative authorities
Семенов В.А., Сафарян Г.О. О проблеме определения в стадии возбуждения уголовного дела процессуального статуса лица, которому преступлением причинен вред, и возможном пути ее решения	227	Sementsov V.A., Safaryan G.O. On the problem of determining under initiation criminal case procedural status the person to whom the crime caused harm and possible solutions

Вецкая С.А. О некоторых особенностях расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними	233	Vetskaya S.A. On some features of investigation of crimes committed by minors
Науменко О.А. Новеллы уголовно-процессуального законодательства в части процессуального статуса начальника органа дознания	237	Naymenko O.A. Novels of the criminal procedure legislation of the procedural status of the chief of inquiry
Рудич В.В. Позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о конституционности положений уголовно-процессуального законодательства относительно исключений из общего порядка применения меры пресечения в виде заключения под стражу	240	Rudic V.V. The positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the constitutionality of provisions of the criminal procedure legislation concerning exceptions to the general application of a preventive measure in the form of detention
Сидоренко М.В. Правовая определенность системы российского уголовно-процессуального права: методическая константа проблемы (часть 1)	244	Sidorenko M.V. Legal certainty of the Russian system of criminal procedure: constant methodological problems (part 1)
Евсеенко В.Е. Некоторые теоретические проблемы определения тайны в уголовном процессе	250	Evseenko V.E. Some the oretical problems of definition secrets in criminal proceedings
Каримова С.С. Денежное взыскание как иная мера уголовно-процессуального принуждения	253	Karimova S.S. Monetary collecting as other measure of criminal procedure coercion
РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	258	DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES
Дронова О.Б. Обстановка совершения преступления в сфере потребительского рынка как основной элемент криминалистической характеристики	258	Dronova O.B. The condition of committing crimes in the sphere of the consumer market as an essential element of criminalistics characteristic
Еремченко В.И. Нарушения авторских и смежных прав посредством рерайтинговой деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: современное состояние и проблемы доказывания	263	Eremchenko V.I. Violations of copyright and related rights through rewriting in the information and telecommunication network Internet: current state and problems of proof
Кулешов Р.В. Мотивация как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью	266	Kuleshov R.V. Motivation as a key element of the criminalistic characteristics of crimes related to extremist and terrorist activities
Дрога А.А. Факторы, влияющие на формирование современных методов судебно-бухгалтерской экспертизы при исследовании признаков преступных финансово-хозяйственных операций, отраженных в компьютерной информации	271	Droga A.A. The factors influencing forming of modern methods of forensic accounting in case of research of signs of the criminal financial and economic operations reflected in computer information
Самусь Г.А. К вопросу об использовании электронных документов в процессе доказывания фактов нецелевого расходования и распределения бюджетных средств	276	Samus G.A. To a question of use electronic documents in the course of proof of the facts of an inappropriate expenditure and distribution of budgetary funds

- Эндерс А.И.** Теоретико-методологический аспект проблемы выявления и определения преступной деятельности в условиях целенаправленного сокрытия следов преступления (на примере поджогов)
- ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
- Антонов И.А., Каширин Р.М.** Организация режима в местах содержания под стражей: формирование категориального аппарата и основные направления деятельности
- Дудин Н.П.** Становление и развитие правоохранительной системы Российской Федерации
- Бабайцев М.А.** Роль органов местного самоуправления в реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**
- Денисенко В.В., Мумладзе М.А.** Классификация административных правонарушений, непосредственно либо опосредованно связанных с правоотношениями в сфере частной охранной деятельности
- Долгополов А.А., Жеребцов А.Н.** Административно-правовой режим как критерий структурирования отрасли российского административного права
- Быкодорова Л.В.** Производство по административным делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости: проблемы и противоречия
- Петров В.И., Пилюгина Т.В.** Современные аспекты административно-правового регулирования отношений общества с государственным аппаратом
- Ярыгин И.И., Беликов А.П.** О понятии «административный процесс» в российской юридической науке
- Александров А.Г.** Проблемы защиты прав и свобод лиц, подвергшихся региональному государственному контролю
- ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ**
- Шевченко А.И.** Социально-философский аспект трудовой занятости проблемных групп населения Российской Федерации в правовом поле
- 280 Enders A.I.** Theoretical and methodological aspect of a problem of identification and definition of criminal activity in the conditions of purposeful concealment of traces of crime (on the example of arsons)
- 284 LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY: HISTORY AND PRESENT**
- 284 Antonov I.A., Kashirin R.M.** The organization of the regime in places of detention: the forming of categorical apparatus and the main activities
- 289 Dudin N.P.** Formation and development of law enforcement system of the Russian Federation
- 295 Babayceev M.A.** The role of local governments in implementing the National Security Strategy of the Russian Federation
- 299 ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS**
- 299 Denisenko V.V., Mumladze M.A.** Classification of administrative offenses directly or indirectly connected with legal relationship in the sphere of private security activity
- 303 Dolgopolov A.A., Zherebtsov A.N.** Administrative law regime as a criterion for structure of branch of Russian administrative law
- 308 Bykodorova L.V.** Clarifications regarding contestation of cadastral value: problems and contradictions
- 313 Petrov V.I., Pilyugina T.V.** Modern aspects of administrative-legal regulation of relations of society with the state apparatus
- 316 Yarygin I.I., Belikov A.P.** About the concept of «administrative processes» in the Russian legal science
- 320 Alexandrov A.G.** Problems of protection of the rights and freedoms of persons subjected to regional state control
- 326 QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE**
- 326 Shevchenko A.I.** Social-philosophical aspects of employment problem groups population of the Russian Federation in the legal field

<i>Палий В.М.</i> Современные факторы и структурные признаки института властных отношений	333	<i>Paly V.M.</i> Modern factors and structural signs of institute of the imperious relations
<i>Гамидова Н. В.</i> Глобализация и менталитет молодежи	337	<i>Gamidova N.V.</i> Globalization and youth mentality
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	342	MODERN PROBLEMS OF HIGH EDUCATION
<i>Кравченко О.Г., Юзьвак С.А.</i> Непрерывное образование в системе МВД России: основные подходы и содержание	342	<i>Kravchenko O.G., Yuzvak S.A.</i> Continuing education in the system of the Ministry of the Interior of Russia: main approaches and content
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	346	PHILOLOGY QUESTIONS
<i>Кунина М.Н., Ярмолинец Л.Г.</i> Связь юридического и спортивного дискурсов в рамках объединяющего их параметра институциональности	346	<i>Kunina M.N., Yarmolinets L.G.</i> Connection of legal discourse and the discourse of sport as part of their unifying parameter institutionality
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	349	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Тенденции архаизации трансформирующегося российского общества и проблема криминализации

Автор исследует влияние на общество трансформационных процессов, которые, как правило, рассматриваются как положительное явление для общества и анализируются в контексте социального развития и прогресса. Отмечает, что происходящие изменения могут иметь и противоположный вектор. В этой ситуации обостряются многие системные социальные проблемы, в том числе и проблема криминализации российского социума.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, социальное развитие, прогресс, архаизация, криминализация, право.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

The archaizing tendency of transforming Russian society and the problem of criminalization

The author considers an influence for society of transformation processes which are considered as a positive phenomenon and are analyzed in the context of social development and progress. He notes that changes can have the opposite vector. In this situation many system social problems are exacerbated, including the problem of criminalization of the Russian society.

Key words: transforming society, social development, progress, archaization, criminalization, law.

В последние десятилетия в публикациях ученых прослеживается тенденция положительной оценки социальных изменений. Принято считать, что информатизация, компьютеризация, научно-техническая революция, происходящие в контексте глобализационных процессов, в корне изменили жизнь общества, и не просто изменили, а сделали это в «правильном», позитивном направлении. В самом общем виде происходящие изменения вписываются в научно-стереотипное суждение о поступательном движении современного социума от «мифа к логосу», к просвещению, расцвету науки, образования, техник и технологий и т.д. Однако, как показывают теория и практика, во многих случаях имеет место «обратное движение» – когда вместо ожидаемых прогрессивных изменений происходят другие, которые при определенных допущениях можно классифицировать как регрессивные, антимодернистские. Механизмы подобных социальных изменений недостаточно изучены в современной обществоведческой литературе. Именно поэтому в данном случае целесообразно рассуждать об острой проблеме гносеологического и эвристического плана.

Причина происходящих специфических социальных изменений, не следующих логически из общего тренда, – в нарастающих дисфункционально-дезорганизационных тенденциях. Как указывают исследователи, современное российское общество, несмотря на растущую информатизацию и широкое включение в глобальные процессы, крайне ошибочно было бы понимать как модернизированное. Напротив, технический прогресс в Российской Федерации играет скорее обратную роль, способствуя закреплению традиционных практик. Поэтому изучение архаизации общества приобретает особенную актуальность.

Стоит отметить, что распространение в последние годы интернет-технологий, виртуальных социальных сетей и вообще «интернетизация» жизни современного человека – метод насаждения необразованности и узкого социального опыта. Дело в том, что сегодня круг коммуникаций зачастую замкнут на равных по статусу индивидах, неспособных сообщить действительно новую информацию [1, с. 115].

Подобного рода проблемы связаны с типичными характеристиками трансформирующегося общества, где неустойчивость, неопределенность, риск становятся атрибутивными

характеристиками. Как следствие, возникающая дезорганизация приводит к ситуации, когда вектор развития общества, подобно маятнику, может двинуться в любую сторону. Это может произойти в направлении как дальнейшего социального развития, так и, напротив, социального регресса. Одним из примеров социально-регрессивного развития общества является феномен архаизации.

По мнению Ч.К. Ламажаа, нынешние социальные процессы демонстрируют обращения общества, социальных групп к архаическому прошлому, возрождаются элементы древних культурных программ, т.е. очевидно проявление архаизации общества. Возвращение к прошлому, в том числе архаическому, можно назвать универсальным социальным механизмом, присущим практически всем обществам на протяжении всей их истории. Речь идет о процессах обращения к архаике, обусловленных, спровоцированных социальными изменениями [2, с. 35–42].

Как полагает А.С. Ахиезер, «архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер, связанный с доосевой культурой, с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности» [3, с. 89].

Для определения процессов регрессивного развития социума можно использовать термин «архаизационные тенденции», понимаемый как направленность, склонность, стремление индивидов, социальных групп, социума к архаическому социокультурному опыту, что проявляется в разных по формам ориентациях на архаические социальные практики и культурные смыслы, возникающие в условиях социальных изменений [2].

Как отмечают исследователи, со второй половины 1980 г. по конец 2010 г. в России происходит процесс изменения ткани социального и политического бытия. Все сильнее проявляются архаизационные тенденции, означающие реанимацию традиционных общественных практик и генерирование «малых» социальных связей, сопротивление инновациям, эскапизм и уход от всех форм социальной активности. Научно-технический прогресс приспособляется под архаическое сознание, образованность становится уделом избранных [1, с. 118].

Анализируя механизмы возврата социума к архаической организации, исследователи

обращают внимание на то, что в переходные периоды наблюдается напряженная ситуация, связанная с тем, что новые, возможно, более сложные структуры еще не построены, не начали нормальное функционирование. Поэтому движение общества к архаической культурной программе представляется чаще всего временным средством обращения к надежным, проверенным способам взаимодействия с природной и социальной средой до завершения переходного периода. Однако в ряде случаев актуализация архаики может обернуться инволюцией как системным упрощением, обратным развитием [2, с. 35–42].

В данном ракурсе научного анализа архаизация репрезентируется как некий защитный механизм социума, как элемент противодействия высоким скоростям социальных изменений, глубоким перестроениям социальной системы в целом. Поэтому методологически неверным было бы прямое отождествление архаизации с социальным регрессом, с неким антипрогрессивным, по своей сути, началом. Также феномен архаизации оказывается гораздо шире, чем следствие дисфункционально-дезорганизационных тенденций социальной системы в целом либо ее ключевых институтов и подсистем. Как справедливо отмечают исследователи, социальная трансформация не всегда сопровождается архаизацией. Последняя выступает лишь показателем кризисности [2].

Б.А. Дорошин для характеристики нынешнего этапа общественного развития предлагает использовать категорию «постсовременность», представляющую собой характеристику стадии общественного развития, которая замещает индустриальную эпоху модерна и соотносится с постиндустриализмом, информатизацией и глобализацией. Постсовременность отличается высоким уровнем кризисности, стохастичности и трансформативности. Одной из тенденций постсовременности является именно архаизация общества, т.е. рост проявлений форм социальной жизни, характерных для «доосевых» культур, отмечаемая для переходных периодов с их социальной хаотизацией и аномией [4, с. 87–91].

На наш взгляд, имеет под собой основания поиск логической взаимосвязи между тенденциями архаизации социальной системы и разрушением доктринального ядра доминирующей культуры. В результате возникают системные проблемы, связанные с духовно-нравственным кризисом, нарушениями механизмов социального контроля.

Между тем социокультурный кризис, порожденный дисфункциональным состоянием

доминирующей культуры, имеет множество негативных социальных последствий, как эксплицитных, так и имплицитных. В ситуации трансформирующегося российского общества целесообразно обратить внимание на проблему криминализации социума, на возрастающее негативное влияние, прежде всего, на подрастающее поколение.

С.Н. Кулешова отмечает, что «социокультурное влияние и давление преступного мира на общество, распространение и легитимизация его морали деформируют ценностные ориентации, прежде всего, у наименее устойчивой части населения – молодежи, создают предпосылки для незаконопослушания, снижают порог нетерпимости к преступности, стирают грань между аморализацией и преступностью» [5, с. 3–4].

Стоит подчеркнуть, что под криминализацией, как правило, понимается усиление преступности, обострение криминогенной обстановки, проникновение преступных элементов во властные и общественные структуры и подчинение последних влиянию преступных группировок [6].

Криминализация как социально-правовой процесс подразумевает активизацию противоправной деятельности, общее нестабильное состояние правопорядка, отсутствие эффективных методов борьбы с данным явлением в обществе [7].

Факторы, катализирующие процесс криминализации социума, характеризуются многообразием и связаны как с объективными, так и субъективными сторонами бытия. Это весьма сложная последовательность событий, явлений, фактов, создавшая опасную социальную ситуацию.

Как отмечает Б.А. Дорошин, процесс криминализации корректно связывать с более широким социальным процессом – архаизацией. В этой связи криминализация может быть оценена не только как контркультурное, но и как антицивилизационное проявление одичания, поскольку основные (преступные) ценности и функции организованной преступности деструктивны и антисоциальны, ее деятельность не направлена на удовлетворение основных общественных потребностей, не санкционирована и не легитимизирована обществом в целом [4].

В российском обществе начиная с 1990-х гг. возникает противоречивая ситуация. С одной стороны, основным вектором происходящих трансформаций выступает интеграция в глобальный информационный мир, включение в

интернет-среду, компьютерную и телекоммуникационные системы. Происходят и дальнейшие изменения, связанные с интеграцией в постиндустриальный мир: растет значимость сферы услуг, инновационных технологий, индустрии знаний (правда, этот процесс наиболее активно протекает лишь в столицах и крупных мегаполисах). С другой стороны, проявляются социал-дарвинистские тенденции, позволяющие отмечать косвенные аналогии с традиционным обществом. В данном случае мы также отмечаем признаки архаизации социума, которые лишь укрепились в последние годы.

По мнению некоторых исследователей, тенденция к сословно-силовой организации ярко проявляется в постсоветской России, доминантные социокультурные тенденции и ценностные сдвиги в которой приближают ее к «социал-дарвинистской антиутопии» – иерархическому обществу с неравным распределением социальных ролей, ресурсов и знания. Значительную ценность имеет иерархия, построенная на силе и подчинении конкретным лидерам, а не абстрактному закону [4, с. 87–91].

Механизмы генезиса и развития антисоциальных установок в массовом сознании жителей России, позволившие создать фундамент для роста криминализации социума, весьма вариативны. Они связаны как с менталитетом, мировоззрением, идеологическими и нормативными конструктами людей, так и «внешним» агрессивным социокультурным и социально-коммуникативным воздействием.

По мнению Б.А. Дорошина, одним из факторов криминализации постсовременного общества выступает массовая, прежде всего экранная, культура. В условиях рынка предложение на поставляемые образы и сюжеты диктуется в первую очередь спросом массового потребителя, основанным на потребностях в постоянном самоутверждении и стремлении к лидерству, в разрядке негативных эмоций, сублимации подавляемых обществом психофизиологических, в том числе агрессивных, импульсов, что способствует переполнению виртуального мира ужасами, насилием, порнографией [4].

Криминализация российского социума стала следствием двух противоречивых тенденций, связанных с интеграцией в глобальный мир. Как известно, основные векторы подобной интеграции затрагивают духовную и экономическую подсистемы общества. И если экономическая подсистема достаточно быстро и без серьезных негативных социальных последствий включилась в мир транзакций, транснациональных корпораций, мировой тор-

говли и т.п., то духовная испытала серьезные проблемы. Многие социокультурные конструкты, транслируемые в произведениях массовой культуры, соответствовали не обществу модерна, а скорее наоборот – демодернизированной, иерархической системе средневекового традиционного общества. Произведения массовой культуры пропагандировали состояние войны «всех против всех», жестокость, агрессию, насилие и т.д. Это наложилось на политические, экономические, социальные и духовные реалии 1990-х гг. Подобные социальные процессы носят инерционный, длительный характер, вследствие чего их эффекты начинают сказываться уже на нынешней молодежи.

Так, в городе Кольчугино Владимирской области в 2008 г. произошло чудовищное по своей жестокости и циничности преступление – пьяные подростки на Вечном огне заживо сожгли человека, который, проходя мимо Вечного огня, где они грелись, курили и выпивали, сделал замечание. В ответ пьяные подростки избili его и засунули головой прямо в газовое сопло Вечного огня [8].

Приведенный пример демонстрирует негативные последствия криминализации российского общества в контексте нарастающей архаизации социальной системы. Фактически произошло возвращение к жестоким временам традиционных обществ, где насилие культивировалось, поощрялось и играло заметную роль в жизни государства и общества.

Таким образом, целесообразно отметить, что начавшийся в 1990-х гг. процесс трансформации российского общества привел к возникновению устойчивого состояния риска и дезорганизации, следствием чего явились определенные «побочные» эффекты развития. Одним из них стал феномен архаизации социальной системы, внедрения в жизнь общества конструктов, алгоритмов, устойчивых образований, которые, как казалось, стали уже достоянием истории. Между тем социальная система обладает определенным потенциалом возврата к архаическому состоянию, который актуализируется в периоды неоднозначных трансформационных процессов, характеризующихся дезорганизационными, дисфункциональными эффектами.

Высокие скорости трансформационных процессов, наряду с глубокими социальными и культурными противоречиями, привели к возникновению эффекта аномии (или духовно-нравственного вакуума). Развитию данного эффекта способствовало и начавшееся движение к архаическим моделям социума. В

результате развивающейся аномии в российском обществе возникли мировоззренческие, ментальные основания для криминализации. Соответственно, данный антисоциальный процесс опирается на вполне существенные и долговременные основания, вследствие чего противодействие ему крайне затруднительно.

Возникла достаточно опасная ситуация, заключающаяся в том, что нарастающая криминализация в целом соответствует архаическому вектору общественной динамики, а также удовлетворяет существенные социальные потребности, запросы. Речь идет о кризисе социально-правовой системы (при этом несправедливость, неравенство всех перед законом играет роль своего рода маркера неудовлетворенных потребностей). В этой ситуации обращение населения России не в правоохранительные органы и суды, а к влиятельному криминалитету выглядит как попытка установить «альтернативную» социально-правовую систему, чтобы добиться справедливости. При этом данная система в определенных элементах скорее соответствует традиционному обществу и традиционному праву.

Кроме того, культ физической силы, агрессии, мстительности, злобности, поддерживаемый индустрией массовой культуры, СМИ, способствовал созданию ментальной модели, когда человек, обратившийся в правовую сферу при решении возникающих проблем, конфликтов, выглядит как «неудачник» и девиант. Согласно социально-мифологическим представлениям, внедренным в сознание россиян начиная с 1990-х гг., «вершить правосудие» необходимо самому по праву «сильного» (мстить, избивать, убивать и т.д.). «Культовые» российские фильмы, сериалы как раз актуализируют данные представления («Брат», «Брат-2», «Бригада», «Ворошиловский стрелок»). Подобные мировоззренческие, ментальные модели близки «криминальным понятиям» о жизни и никак не соответствуют вектору развития общества от поздних индустриальных форм к постиндустриальным, когда предполагалось снижение уровня конфликтности и напряженности, снятие социально-классовых и социально-групповых противоречий. Однако указанные модели вполне легитимны для архаического социума.

Касаясь возможных прогнозов развития ситуации в российском обществе в аспекте затронутой проблемы, необходимо обратить внимание на следующее. С одной стороны, принципиальных изменений в характере и направленности трансформационных процессов движения к постиндустриальному информаци-

онному глобальному миру в настоящее время не наблюдается. По-прежнему однозначного ответа на вопрос о том, перешло ли российское общество к постиндустриальной стадии развития, не существует. Сохраняется и даже усиливается интеллектуальный, информационный разрыв между столицами и мегаполисами, с одной стороны, и остальной территорией России – с другой. Неудовлетворенные потребности значительной части населения, рост имущественного неравенства, экономические проблемы негативно влияют на социальное настроение людей, способствуют генезису конфликтов, агрессии, различных форм девиации и делинквентности. Рост влияния неформальной интернет-коммуникации (социальные сети, форумы и т.п.) лишь усугубляет проблемную ситуацию, замещая трансляцию культурного и социального опыта обыденными информа-

ционными элементами весьма низкого качества, безусловно, имеет место и, виртуальная агрессия, конфликтность, в ряде случаев переходящая в физическую, повседневную реальность. В сложившейся ситуации архаизация российского общества может стать достаточно длительным социальным процессом, т.к. он в целом соответствует многим институциональным элементам российского социума. В сложившейся ситуации возможности правоохранительной системы в борьбе с криминалитетом, противодействии тенденциям криминализации серьезно ограничены. В современных российских условиях актуальной задачей науки и практики становится выработка теоретико-прикладных моделей, способных оптимизировать проблемную ситуацию. Это необходимо осуществить в расчете как на тактическую, так и стратегическую перспективу.

1. Кузьменков В.А. Архаизация мировоззрения и системы ценностей в современной России // Система ценностей современного общества. 2014. № 33.

2. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3.

3. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2.

4. Дорошин Б.А. Криминализация как проявление архаизации постсовременного общества // Сб. конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 6.

5. Кулешова С.Н. Криминализация молодежной среды российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2009.

6. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 12.12.2015).

7. Мейтин А.А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.

8. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=161628&t_only=1 (дата обращения: 12.12.2015).

1. Kuzmenkov V.A. The archaization of the worldview and system of values in modern Russia // System of values of modern society. 2014. № 33.

2. Lamazhaa Ch.K. Archaization of society in the period of social transformation // Knowledge. Understanding. Skill. 2011. № 3.

3. Ahiezer A.S. Archaization in Russian society as a methodological problem // Public sciences and modernity. 2001. № 2.

4. Doroshin B.A. Criminalization as a manifestation of archaizing post-modern society // Coll. of conferences of SRC Sociosphere. 2013. № 6.

5. Kuleshova S.N. The criminalization of the youth environment of the Russian society: diss. ... Master of Sociology. Stavropol, 2009.

6. URL: <http://dic.academic.EN/contents.nsf/efremova/> (date of access: 12.12.2015).

7. Meytin A.A. Criminological characteristics of crimes committed by football fans and prevention: diss. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2004.

8. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=161628&t_only=1 (дата обращения: 12.12.2015).

Гладышева Ольга Владимировнадоктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(e-mail: volkolup@yandex.ru)**Дзидзоев Руслан Мухарбекович**доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Кубанского государственного университета
(e-mail: Drm@law.kubsu.ru)

Историческое наследие судебной реформы 1864 года в России и его ревизия в современной правовой науке

В статье подчеркивается, что судебная реформа 1864 г. создала основу для формирования нового типа судебной власти и судопроизводства в Российской империи, обеспечила последовательное их развитие на много лет вперед, определила направления и возможные пути решения актуальных вопросов осуществления правосудия на основании истины и справедливости. По мнению авторов, преемственность выработанных тогда положений о самостоятельности судебной власти и независимости судей, их воплощение в современном законодательстве позволяют сохранить демократическую основу судопроизводства, свидетельствуют о его гуманистических началах. В то же время в правовой науке предпринимаются попытки пересмотреть некоторые достижения судебной реформы 1864 г., в корне изменить подход к важнейшим основам судопроизводства – истине и справедливости.

Ключевые слова: реформа, суд, судопроизводство, независимость, самостоятельность, истина, справедливость, доказывание, ускоренное производство, сокращенное доказывание.

O.V. Gladysheva, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: volkolup@yandex.ru;

R.M. Dzidzoev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of the Kuban State University; e-mail: Drm@law.kubsu.ru

The judicial reform of 1864 in Russia and its revision in contemporary legal science

The article emphasizes that judicial reform of 1864 created the basis for the formation of a new type of judicial power and justice in the Russian Empire, ensured consistent development for many years ahead, have identified areas and possible solutions of topical issues of implementation of justice on the basis of truth and justice. According to the authors, the continuity is then developed provisions on the independence of the judiciary and independence of judges, and their expression in modern law allow you to maintain a democratic basis of judicial proceedings, testify to his humanist principles. At the same time, in legal science there are attempts to review some of the achievements of the judicial reform of 1864, to radically change the approach to critical bases of justice – truth and justice.

Key words: reform, court, judiciary, independence, autonomy, truth, justice, proof, fast production, short proof.

Судебная реформа 1864 г., затронувшая все сферы судебной власти и судопроизводства, оставила заметный след в истории России, а ее результатами стали такие кодифицированные акты, как Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Учреждение судебных установлений и Устав о проступках, подведомых мировым судьям. Разработка нормативно-

правовых актов заняла длительное время, на что были затрачены огромные усилия, которые привели к поистине грандиозным результатам [1; 2; 3].

Россия впервые за всю историю получила систематизированное и кодифицированное процессуальное законодательство, регламентировавшее судебное производство во всех известных в тот период формах. А.Ф. Кони отме-

тип: «Судебная реформа призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости. Она имела своим последствием оживление в обществе умственных интересов и научных трудов. Со старой судебной практикой науке было нечего делать» [4, с. 154].

Заслуги авторов судебной реформы не всегда однозначно воспринимались потомками. В советский период истории Российского государства результаты судебной реформы 1864 г. зачастую упоминались в негативном аспекте, что приводило к существенным искажениям в оценке их истинной роли и значения.

Л.Г. Захарова пишет: «Обычно обращение к истории государственных учреждений своей страны сопровождается ощущением определенной преемственности или даже почтительности. Создать исследование действительно глубокое, фундаментальное, отличающееся проникновенным отношением к предмету, невозможно, если не воспринимаешь государственные институты и деятелей прошлого как своих исторических предшественников. Феномен, получивший определение – пролетарская революция, обусловил полный разрыв между прошлым и настоящим... И даже если советские историки не осознавали до конца этого разрыва или никогда полностью не верили в него, все равно сам факт свершения революции серьезнейшим образом сдерживал изучение государственных учреждений царизма, особенно в течение первых десятилетий после 1917 г.» [5, с. 24–43].

Современные представления способствовали восстановлению исторической справедливости и подтвердили исключительную значимость результатов судебной реформы: «Ставшее устойчивым выражение “великая судебная реформа”, подаренное нам предшественниками... в полной мере отражает глубину осуществленных преобразований в юридической сфере России...» [6, с. 10–14]. Н.В. Черкашина справедливо отмечает, что «судебная реформа 1864 г. имела большое значение не только для развития судопроизводственной системы в России, она весьма существенно повлияла на становление новых общественных отношений и общественного сознания» [7, с. 3]. С.В. Потапенко пишет: «Впервые в России гражданское судопроизводство было отделено от уголовного и приспособлено к обновленной судебной системе... Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. по праву считается символом удавшейся судебной реформы» [8, с. 86–90].

Значимость судебной реформы 1864 г. проявляется в самых разных аспектах. Не имея возможности рассмотреть их все и в полном объеме, остановимся на некоторых, имеющих, как представляется, самое существенное значение для организации и функционирования современной судебной власти.

По мнению большинства ученых, основная ценность судебной реформы 1864 г. состояла в реализации принципа разделения ветвей власти, позволившего обеспечить независимость судей. Н.И. Грачев пишет: «По сути дела, с тех пор основные принципы судостроительства и судопроизводства, закрепленные в этих уставах, составляют основы организации деятельности судов и по настоящее время. К ним относятся: отделение судебной власти от административной, процессуальная независимость судей, равенство всех перед судом, гласность судопроизводства, его состязательный характер, право подсудимых на защиту и другие. Для либерально-демократических концепций правового государства, конституционализма и разделения властей эти принципы выступают в качестве “священной коровы”, не подлежащей критическому обсуждению» [9, с. 25]. В.А. Семенов отмечает, что для «судебной власти характерна независимость, самостоятельность, обособленность» [10, с. 6].

В результате коренных преобразований государственной власти новые судебные учреждения выводились из-под юрисдикции губернских органов и Государственного Совета, подвергаясь минимальному надзору со стороны министерства юстиции.

Важнейшей гарантией независимости судей стала их несменяемость, которая предполагала назначение судей правительством и отрицала выборность. Однако прерогатива такого назначения, согласно Судебным уставам, принадлежала лишь верховной административной власти. Только император по представлению министра юстиции мог производить назначения на судебную должность, дальнейшее пребывание в которой зависело уже от желания самого судьи, увольняемого только по прошению, за исключением случаев наступления неспособности его к дальнейшему отправлению своих функций. В соответствии со ст. 243 Учреждения судебных установлений «Председатели, товарищи председателей и члены судебных мест не могут быть ни увольняемы без прошения... ни переводимы из одной местности в другую без их согласия».

Пожизненная принадлежность судейского звания выдвигала в ряды судей лишь лиц с

безупречной репутацией. Высокий моральный ценз служил естественным условием занятия судебной должности. Судьями не могли быть «исключенные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежали» (ст. 201 Учреждения судебных установлений). От соискателя звания судьи требовалось предварительное занятие судебной практикой либо в звании кандидата, либо в канцелярии суда, либо в адвокатуре.

Залогом свободы судей от внешнего влияния служил и порядок их награждения. Все члены судебных мест удостоивались правительственных наград исключительно по личному усмотрению императора, не получая во время прохождения службы чины в общем порядке чиновпроизводства. Целям независимости содействовал и запрет совмещения судебной службы с какой-нибудь другой как государственной, так и общественной, за исключением некоторых весьма немногочисленных случаев.

В качестве нового элемента организации судебной деятельности, введенного судебными уставами, часто называли выборное начало (в лице мировых судей и присяжных заседателей). Однако выборность лиц судейского звания в России всегда выступала заметным признаком организации судебного дела. Можно даже сказать, что дореформенный суд в целом был судом выборным, во всяком случае, большинство судебных должностей замещалось по выборам, и при этом число выборных судей заметно превышало число коронных.

Независимость и самостоятельность судебной власти продолжают выполнять роль основных начал организации судебной власти. Эти положения превратились в общепризнанные принципы осуществления правосудия. Международное сообщество посчитало возможным и необходимым установить стандарты осуществления судебной власти. В результате 13 декабря 1985 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла специальный документ «Основные принципы независимости судебных органов» [11], который стал основополагающим в организации российской судебной системы, получив статус конституционного (ст. 120 Конституции РФ). Кроме того, независимость судей рассматривается как гарантия законности, объективности и справедливости судебных решений и закреплена во всех процессуальных кодексах: ст. 8.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ст. 8 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 5 Арбитражного процессуаль-

ного кодекса РФ, ст. 7 Кодекса административного судопроизводства РФ.

В настоящее время проводятся масштабные научные исследования принципа независимости судей. Ученые, раскрывая его современную сущность, дают, в частности, следующее определение: «принцип конституционного строя демократического государства, согласно которому профессиональные судьи и иные лица, участвующие в отправлении правосудия, организационно обособлены и защищены от какого-либо вмешательства со стороны политических деятелей, государственных органов, тяжущихся сторон и других заинтересованных лиц в реализацию компетенции судебной власти, установленную Конституцией Российской Федерации и законодательством» [12, с. 6].

Отметим, что независимость судей рассматривается как принцип демократического государства, имеющего развитые правовые институты, направленные на охрану и защиту основных человеческих ценностей, в том числе справедливости.

Но если независимость судей и самостоятельность судебной власти продолжают сохранять свою актуальность и по-прежнему рассматриваются как гарантии объективности и справедливости судебных решений, то в отношении некоторых иных итогов судебной реформы 1864 г. звучит все больше критических замечаний. К их числу можно отнести истину и справедливость. Эти категории заслуживают самого пристального научного внимания и непосредственным образом связаны с независимостью судей и самостоятельностью судебной власти.

Александр II в своем знаменитом Указе Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. повелевал «распубликовать Судебные Уставы во всеобщее сведение», а их сущность охарактеризовал следующим образом: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого от высшего до низшего» [13].

А.И. Трусков отмечал: «Отцы Судебных Уставов прекрасно понимали, что без истины правосудие не может быть правым и справедливым. Потому не только применительно к уголовному судопроизводству, но и в судопроизводстве

по гражданским делам, считали неизменным правилом: суд есть достижение правды, и решение суда будет тогда только справедливо, когда судьи при возникающем сомнении относительно факта могут сами лично или посредством заключения экспертов убедиться в действительности события, к которому они должны приложить закон и разрешить предмет спора на основании не формальной, но материальной истины» [14].

В современной процессуальной науке вопрос об истине является едва ли не самым дискуссионным. Авторы одного из учебников по гражданскому процессуальному праву предлагают следующее суждение: «Если по конкретному делу суд не установил полно и верно фактических обстоятельств по делу, прав и обязанностей сторон, т.е. истины, то нельзя и принять законное действие. Истинным называется суждение, в котором верно отражается объективная реальность. Под истиной в гражданском процессе понимается верное суждение судьи (судей) о действительно фактических обстоятельствах по делу в их правовой оценке» [15].

Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ [16] вызвало активные дебаты по поводу объективной истины в этой форме судопроизводства. Высказано мнение, что «соответствующие положения АПК РФ и ГПК РФ ни в коей мере не противоречат общей направленности процесса на постижение объективной истины, поскольку предусмотренное ими ограничение активности суда в процессе сделано в угоду принципу состязательности... КАС РФ понятием истины... не оперирует. Однако выраженный в нем подход к регламентации состязательных начал процесса дает пищу для размышлений о понимании истины в административном судопроизводстве... Общими для административного, арбитражного и гражданского судопроизводства являются цель – постижение объективной истины о фактических обстоятельствах дела и задачи – представление доказательств и надлежащее информирование суда» [17, с. 153].

В уголовном судопроизводстве дискуссия об истине и справедливости имеет особое значение в силу специфики его результатов – возможное применение уголовного наказания, влекущего тяжелые правовые и социальные последствия. Представляется очевидной недопустимость применения уголовной репрессии на основании предположений. А это значит, что знание судом (иными правоприменителями) обстоятельств совершения преступления должно быть истинным, соответствующим реальности. В уголовно-процессуальной науке по этой проблеме имеются самые разнообразные

мнения – от утверждения об исключительной роли объективной истины [18; 19; 20; 21], до полного отрицания ее позитивного значения [22].

Наша позиция по данному вопросу заключается в признании необходимости установления объективной истины и нормативном определении соответствующей задачи правоприменителей в каждом случае вынесения обвинительного приговора. Однако те изменения, которые произошли, в частности, в уголовно-процессуальном законодательстве за последнее время, свидетельствуют о принципиально ином подходе законодателя к этому вопросу.

Речь идет о расширении круга альтернативных, так называемых ускоренных, производств, в основе которых заложены усеченные процедуры доказывания. 4 марта 2013 г. [23] в системе уголовного судопроизводства появился очередной «шедевр» ускоренной формы – сокращенная форма дознания. Ускорение процедуры предварительного расследования достигается исключительно за счет секвестирования доказательственной деятельности:

сокращения предмета доказывания;

освобождения дознавателя от производства следственных и иных процессуальных действий, направленных на познание и удостоверение фактов и обстоятельств совершенного преступления.

По вопросам доказывания в сокращенной форме дознания ученые-процессуалисты высказались уже достаточно масштабно и в основном в негативном аспекте [24; 25; 26; 27]. Не имея намерения повторять достаточно обоснованные суждения, отметим лишь одно обстоятельство. Историческое наследие реформы 1864 г. заключалось в установлении правил доказывания, в числе которых требования о получении совокупности непротиворечивых, относимых и допустимых доказательств, свободы оценки доказательств, заменившей в уголовном судопроизводстве формальные правила оценки доказательств. Введение данных правил в уголовное судопроизводство нужно рассматривать как исключительное достижение правовой мысли, осознание и признание на государственном уровне ценности права человека на справедливость осуждения. Уголовно-процессуальный закон в СССР, несмотря на неоднозначное отношение государства и ученых к итогам реформы 1864 г., неоднократно воспроизводил правила доказывания, закрепленные в Судебных уставах. На протяжении долгого периода времени они не подвергались сомнению и неукоснительно исполнялись.

В настоящий же период вызывает настороженность деятельность законодателя по внедрению в уголовное судопроизводство таких уголовно-процессуальных форм, которые до-

пускают в качестве безальтернативных доказательств (при условии, что они не оспариваются сторонами) признания обвиняемого виновным в совершении преступления. Для обвиняемого, признающего свою вину, предусматриваются различного рода преимущества, одним из которых является существенное снижение срока наказания, назначаемого судом. Логика законодателя ясна: стимулировать лиц, совершивших преступления, к сотрудничеству с органами предварительного расследования, за счет чего снизить затраты на уголовное преследование. Для гражданина эта логика выглядит так: хочешь получить минимальное наказание – признавай свою вину. В результате допускаются серьезные отступления от общих правил доказывания, в том числе отказ от полноценного доказывания [28], собирания достаточных доказательств, соответственно, и от свободы оценки доказательств. Для органов предварительного расследования существенно упрощается производство по уголовному делу: не требуется собирать иные процессуальные доказательства, кроме признания вины.

Процессуально упрощение доказывания выражается и в том, что за сокращенной формой дознания неизменно следует особый порядок судебного разбирательства с его поверхностным и неполным судебным следствием, в ходе которого доказательства, направленные на установление фактических обстоятельств совершения преступления, исследованию и проверке не подвергаются.

В результате признание вины, полученное в упрощенной форме (например, посредством объяснений в стадии возбуждения уголовного дела), не проверяется в условиях предварительного расследования (когда имеет место сокращенная форма дознания) и состязательном судебном разбирательстве (если применяется особый порядок судебного разбирательства) и становится единственным доказательством совершения преступления подсудимым, основанием для вынесения ему обвинительного приговора. В таких условиях вряд ли можно говорить о сохранении сформированных более 150 лет назад правил доказывания, которые рассматривались как самое важное завоевание, основанное на признании важнейшего права человека на обоснованное обвинение и справедливое осуждение.

Внедрение в уголовное судопроизводство сокращенных форм производства по уголовным делам, основанных исключительно на сокращении доказывания, отказ от устоявшихся и апробированных правил доказывания означает забвение нашего исторического наследия, отказ от общепризнанной ценно-

сти справедливости, немислимой без истинного знания обстоятельств совершения преступления.

Подводя итог, сделаем основные выводы.

1. Историческое наследие судебной реформы 1864 г. для современности выражается в создании принципов формирования судебной власти и механизмов их реализации посредством различных форм судопроизводства.

2. Отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, обеспечение ее самостоятельности и независимости судей при осуществлении правосудия сохраняют свое принципиальное значение. Историческая преемственность этих положений в современном российском процессуальном праве позволяет обеспечить способность судебной власти эффективно выполнять свою функцию – правосудия. В то же время независимость судей и самостоятельность судебной власти не могут в должной мере выполнять свое предназначение при отступлении от основополагающих принципов судопроизводства, касающихся доказательственной деятельности.

3. Признавая объективность утраты отдельными положениями судебной реформы 1864 г. актуальности для современной судебной и правовой системы в силу цивилизационных (политических, экономических, социальных, культурных, технических и иных) изменений, считаем недопустимой ревизию положений, которые утверждают общечеловеческие ценности в судопроизводстве, особенно при сокращенных формах уголовного судопроизводства.

4. Истина является основой справедливости, а доказывание составляет форму познания обстоятельств совершения преступления. В современном судопроизводстве доказывание должно обеспечивать познание истины в объеме, необходимом для вынесения справедливого итогового решения при любой форме судопроизводства.

5. Для обеспечения истинности и справедливости процессуальных решений в уголовном судопроизводстве предлагаем использовать комбинированный подход, при котором производство по конкретному уголовному делу включало бы как сокращенные, так и обычные формы досудебных и судебных стадий.

Если, например, применяется сокращенная форма стадии предварительного расследования, то судебное разбирательство должно осуществляться в обычной форме. И наоборот, обычная форма стадии предварительного расследования должна позволять применять ускоренную форму судебного разбирательства.

Такой подход может стать решением задачи по обеспечению истинности и справедливости итоговых процессуальных решений по уголовному делу, особенно приговора суда.

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1991. Т. 8.
2. Смыкалин А.С. История судебной системы в России: учеб. пособие. М., 2013.
3. Щечоев В.К. История суда в России: учеб. пособие. М., 2010.
4. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914.
5. Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России, 1855–1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Экпофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.
6. Зипунникова Н.Н., Зипунникова Ю.Н. Великая судебная реформа и дифференциация гражданской процессуальной формы (посвящение юбилею судебных уставов 1864 года) // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 9.
7. Черкашина Н.В. Судебная реформа 1864 г. в России (по материалам Владимирской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
8. Потапенко С.В. Значение Устава гражданского судопроизводства 1864 года для реформирования современного гражданского процесса: 150 лет судебной реформе в России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. П.М. Курдюка, С.А. Куемжиевой, В.Д. Зеленского. Краснодар, 2015.
9. Грачев Н.И. Судебная реформа 1864 года в контексте великих реформ: опыт историко-софской ревизии // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2015. № 1(26).
10. Семенцов В.А. Судебная власть: понятие и основные признаки // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и адвокатской деятельности: сб. науч. тр. / под ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. Краснодар, 2010.
11. Основные принципы независимости судебных органов от 13 дек. 1985 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Шеломанова Л.В. Независимость судей как конституционный принцип правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2013.
13. Указ Правительствующему Сенату. Царское Село. 20 нояб. 1864 г. // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рас-суждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. СПб., 1866. Ч. 1.
14. Трусов А.И. Образец законотворчества и правовой культуры. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Гражданский процесс: учеб. / под ред. М.К. Треушников. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
1. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. Moscow, 1991. Vol. 8.
2. Smykalin A.S. The history of the judicial system in Russia: study aid. Moscow, 2013.
3. Tsechoev V.K. The History of court in Russia: study aid. Moscow, 2010.
4. Koni A.F. Fathers and children of judicial reform. Moscow, 1914.
5. Zakharova L.G. Autocracy and reform in Russia. 1861–1874 (To the question of choice of development path) // Great reforms in Russia, 1855–1874 / ed. by L.G. Zakharova, B. Expof, J. Busnell. Moscow, 1992.
6. Zipunnikova N.N., Zipunnikova Yu.N. The great judicial reform and the differentiation of civil procedure form (dedicated to the anniversary of the court regulations of 1864) // Arbitration and civil process. 2011. № 9.
7. Cherkashina N.V. Judicial reform of 1864 in Russia (on materials of the Vladimir province): auth. abstr. ... Master of Law. N. Novgorod, 2006.
8. Potapenko S.V. Value of the Charter of civil procedure of 1864 to reform the modern civil process: 150 years of judicial reform in Russia: proc. of All-Russian sci.-pract. conf. / ed. by P.M. Kurdyuk, S.A. Kuyemzhieva, V.D. Zelensky. Krasnodar, 2015.
9. Grachev N.I. Judicial reform of 1864 in the context of the great reforms: experience of historiographical audit // Bull. of Volgograd state university. 2015. № 1(26).
10. Sementsov V.A. The judicial power: the concept and main features // Actual problems of the judiciary, prosecutor's supervision, law enforcement and legal practice: coll. of sci. papers / ed. by O.V. Gladysheva, V.A. Sementsov. Krasnodar, 2010.
11. Basic principles on the independence of the judiciary d.d. Dec. 13, 1985. Access from legal reference system «ConsultantPlus».
12. Shelomanova L.V. Independence of the judiciary as a constitutional principle of justice: auth. abstr. ... Master of Law. Belgorod, 2013.
13. Decree of the Governing Senate. Tsar Selo. Nov. 20, 1864 // Judicial Statutes d.d. Nov. 20, 1864, to set out the arguments on whom they are based. The publication of the State Chancellery. St. Petersburg, 1866. Pt. 1.
14. Trusov A.I. A model of lawmaking and legal culture. Access from reference legal system «ConsultPlus».
15. Civil process: textbook / ed. by M.K. Treushnikov. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, 2007.
16. The Code of administrative court procedure of the Russian Federation d.d. March 8, 2015 № 21-FL (as amended on Febr. 15, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Art. 1391.

16. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 15 февр. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
17. Павленко К.А., Хаматова Е.В. Цели, задачи и средства доказывания: специфика административного судопроизводства и гражданской процессуальной формы // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2015. № 3.
18. Азаров В.А. Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4(5).
19. Васильева Е.Г. Для оправдания достаточно состязательности, для осуждения необходима объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 4(5).
20. Костенко Р.В. Объективная истина – цель уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. 2012. № 4(5).
21. Орлов Ю.К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4(5).
22. Резник Г.М. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4(5).
23. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28 дек. 2013 г.) // Собр. законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
24. Алимурзаев А.А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
25. Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. / общ. ред. и предисл. И.С. Дикарева. Волгоград, 2013.
26. Семенцов В.А., Науменко О.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания. М., 2016.
27. Харзинова В.М. Актуальные проблемы производства дознания в сокращенной форме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов, 2015. № 5(55). Ч. I.
28. Качалова О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2016.
17. Pavlenko K.A., Hamatova E.V. Goals, objectives and means of proof: the specificity of administrative court procedure and civil procedural form // Bull. of Voronezh institute of MIA of Russia. 2015. № 3.
18. Azarov V.A. Whether objective truth – the purpose of proof of criminal proceedings? // Library of criminalist. 2012. № 4(5).
19. Vasilyeva E.G. To justify quite adversarial, necessary for conviction of the objective truth // Library of criminalist. 2012. № 4(5).
20. Kostenko R.V. Objective truth – a goal of criminal procedure evidence // Library of criminalist. 2012. № 4(5).
21. Orlov Yu.K. Truth as the goal of proving in criminal process // Library of criminalist. 2012. № 4(5).
22. Reznik G.M. Institute of objective truth as a cover of repressiveness justice // Library of criminalist. 2012 № 4(5).
23. On amending articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation: fed. law d.d. March 4, 2013 № 23-FL (as amended on Dec. 28, 2013) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 9. Art. 875.
24. Alimirzaev A.A. The proof of abbreviated forms of proceedings in matters of public prosecution: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2014.
25. Inquiry in abbreviated form: issues of legislative regulation documentation and enforcement problems: coll. of papers / gen. ed. and forew. by I.S. Dikarev. Volgograd, 2013.
26. Sementsov V.A., Naumenko O.A. Ensuring the rights of the individual to the inquiry. Moscow, 2016.
27. Harzinova V.M. Actual problems of inquiry in abbreviated form // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice: in 2 pt. Tambov, 2015. № 5(55). Pt. I.
28. Kachalova O.V. Types of expedited proceedings in the Russian criminal process. Moscow, 2016.

Жинкин Сергей Алексеевич

доктор юридических наук,
декан юридического факультета
Кубанского государственного университета

Чернявская Татьяна Михайловна

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета

(e-mail: decanat-jf@mail.ru)

Некоторые проблемы реализации принципов правотворчества в современной России

В статье исследуются вопросы реализации принципов правотворчества в правотворческом процессе в современной России. Авторы отмечают, что необходимо разработать критерии выделения тех или иных принципов правотворчества, измеримые показатели эффективности реализации данных принципов.

Ключевые слова: правотворчество, принципы, качество регулирования.

S.A. Zhinkin, Doctor of Law, Dean of the Faculty of Law of the Kuban State University;

T.M. Chernyavskaya, Postgraduate of the Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; e-mail: decanat-jf@mail.ru

Some problems of realization of principles of lawmaking in modern Russia

The article investigates the issues of implementation of the principles of lawmaking in the lawmaking process in modern Russia. It is necessary to develop criteria for the allocation of certain principles as principles of lawmaking, as well as measurable indicators of the effectiveness of the implementation of these principles.

Key words: lawmaking, principles, regulation quality.

Как известно, правотворчество – это такая форма государственной деятельности, которая направлена на создание правовых норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену. Это процесс создания и развития действующего права как единой и внутренне согласованной системы общеобязательных норм, которые регулируют общественные отношения.

Правотворчество, являясь разновидностью правовой деятельности, осуществляется на основе определенных принципов, в соответствии с которыми создаются нормы права, что обеспечивает качество и эффективность законодательства. «Формируя и устанавливая основные начала регулирования, правовые принципы создают базовые условия и способность давать верное направление пониманию духа и буквы закона как в правотворчестве, так и в правоприменении» [1, с. 22].

Таким образом, принципы – это основополагающие начала, идеи, в соответствии с которыми протекает правотворчество. Одновременно

принципы заключают в себе представления общества и государства о том, что с их помощью процесс правотворчества будет наиболее рациональной формой выработки законов и других нормативных правовых актов.

Отечественными учеными выдвинуто небольшое количество принципов правотворчества: законность, демократизм, гуманизм, профессионализм, научность, использование правового опыта, связь с практикой, гласность, коллегиальность, системность, плановость, тщательность (скрупулезность) подготовки проектов, техническое совершенство принимаемых законов, эффективность и некоторые другие. Также выделяют следующие основополагающие начала и идеи: 1) принцип заимствования и переработки накопленного опыта законотворческой работы; 2) принцип практичности (прагматичности) законотворческого решения [2, с. 117–119]. Другие авторы предлагают считать принципами правотворчества: 1) принцип компетентной адекватности нормативно-правовых установлений; 2) принцип понятийно-тер-

минологической определенности; 3) принцип достаточной мотивированности норм права; 4) принцип логической сбалансированности норм права; 5) принцип обеспечения действенности норм права [3, с. 60].

Как видим, в отношении выделения тех или иных принципов правотворчества в литературе высказываются самые различные точки зрения. Однако гораздо более важным представляется обеспечение практической реализации выделяемых принципов и достижение практической пользы в плане качества правотворческого процесса и эффективности принимаемых нормативных актов.

Для реализации каждого из выделяемых принципов необходимо установить соответствующие процедуры реализации. При этом необходимо проанализировать, насколько та или иная процедура способствует (и способствует ли вообще) реализации данного принципа. Так, реализация принципа демократизма может соотноситься с реальными результатами проводимых референдумов, всенародных обсуждений, рассмотрения обращений граждан.

В юридической науке отмечается, что принципы правотворчества выполняют основополагающую роль в повышении качества законодательства и других нормативных правовых актов [4, с. 8]. Однако до сих пор не сформировалась их окончательная система, поскольку не найден единый подход к пониманию места каждого из них в правотворческом процессе. Видимо, поэтому российское законодательство также не содержит однозначного перечня принципов правотворчества, что создает дополнительные трудности правового регулирования общественной жизни.

Многообразие выявленных принципов правотворчества объясняется его сложным многоуровневым характером и одновременно богатством основополагающих идей, присущих правовому государству и современному гражданскому обществу, которые, безусловно, должны быть реализованы в процессе правотворчества.

Но законодательно должны быть закреплены не все выявленные юридической наукой принципы. Этого не стоит делать не только во избежание громоздкости возможного законодательного акта о правотворческой деятельности в Российской Федерации, но и в связи с открытостью перечня принципов правотворчества,

который с каждым годом будет пополняться новыми и новыми идеями. Поэтому законодательно необходимо закрепить только основные принципы правотворчества, составляющие квинтэссенцию той или иной стороны данного процесса.

Принципы «пронизывают и пропитывают собой всю правовую жизнь общества, всю правовую материю. Они служат ориентиром всей правотворческой (законотворческой), а затем правоприменительной и правоохранительной деятельности государственных органов. Поэтому представляется полезной разработка постановлений Пленума Верховного Суда РФ, касающихся реализации тех или иных принципов правового регулирования, в том числе принципов правотворчества, в правоприменительном процессе.

Основные принципы правотворчества имеют объективное значение, их содержание зависит в конечном счете от экономических общественных отношений, от объективных закономерностей развития общества. Тем самым основные принципы правотворческой деятельности не есть произвольные веления тех или иных органов, должностных лиц. Они должны отражать и учитывать объективные факторы, влияющие на законодательное регулирование общественных отношений в Российской Федерации, а также различные факторы общественного сознания, уровень культуры и правосознания народа и другие факторы и обстоятельства.

Итак, являясь идеологической категорией, принципы правотворчества представляют собой выраженные в соответствующих нормативных актах исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закрепленные в нем закономерности. Принципы правотворчества – результат обобщения людьми определенных фактов и познания закономерностей, характерных для данного процесса и в своей совокупности выражающих его содержание. С одной стороны, они выражают закономерности данного процесса, а с другой – представляют собой наиболее общие нормы, которые действуют на всех его стадиях и распространяются на все его субъекты. Эти нормы либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из общего смысла законодательства.

Принципы правотворчества играют важную роль в правовом регулировании. Во-первых, они выступают в качестве руководящих идей

для законодателя, определяя пути совершенствования правовых норм. Во-вторых, в случаях пробелов в законодательстве указанные принципы могут использоваться в качестве юридического основания, на что должно быть обращено более серьезное внимание юридической науки и практики.

Необходимо разработать критерии выделения тех или иных начал в качестве принципов правотворчества, а также измеримые показатели эффективности реализации данных принципов. Это должно повысить эффективность реализации принципов правотворчества, а также качество принимаемых нормативно-правовых актов.

1. Андриянов В.Н. О роли и сущности принципов современного административного права // *Рос. юстиция*. 2015. № 2.

2. Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

3. Законотворчество в Российской Федерации: науч.-практ. и учеб. пособие / под ред. А.С. Пиголкина; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2000.

4. Синюков С.В. Механизм правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

1. Andriyanov V.N. About the role and nature of principles of modern administrative law // *Rus. justice*. 2015. № 2.

2. Spirin M.Yu. Theoretical problems of law-making in the Russian Federation: diss. ... Master of Law. Moscow, 2003.

3. Lawmaking in the Russian Federation: sci. and pract. and study manual / ed. by A.S. Pigolkin; the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. Moscow, 2000.

4. Sinyukov S.V. Mechanism of lawmaking: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2013.

Берг Людмила Николаевнакандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета
(e-mail: mila-berg@mail.ru)

Социально-психологическая система правового воздействия: общетеоретический анализ

В статье анализируются элементы системы правового воздействия в рамках психологического подхода. Рассмотренные элементы представляют в совокупности социально-психологическую систему правового воздействия, которая оказывает влияние на волевое поведение людей, формирование и развитие мотивов поведения.

Ключевые слова: социально-психологическая система правового воздействия, правовое убеждение, правовое принуждение, правовая идеология, правовая психология, результат социально-психологического правового воздействия.

L.N. Berg, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Ural State Law University; e-mail: mila-berg@mail.ru

The social and psychological system of the legal influence: theoretical analysis

The article analyzes the elements of the system of legal influence within the psychological concept. These elements are in the set of social and psychological impact of the legal system, which has an effect on volitional behavior, the formation and development of behavior motives.

Key words: social and psychological system of the legal influence, legal conviction, legal coercion, legal ideology, legal psychology, result of the social and psychological legal influence.

Вопрос о системном воздействии права в рамках психологического подхода является достаточно сложным в силу его недостаточной проработанности в юридической науке. Исходя из контекста рассматриваемого вопроса, в качестве методологической основы используем коммуникативную теорию права [1, с. 41]. Поскольку правовая коммуникация органично включена в правовое общение и обмен юридической информацией между субъектами права, прямую и обратную связь между ними отражает коммуникативный (информативный) блок общения [2, с. 11–12].

Исходя из данного тезиса правовое воздействие в рамках психологического подхода будет включать следующие элементы:

1. Субъект правового воздействия.
2. Объект правового воздействия.
3. Содержание правового воздействия.
4. Методы правового воздействия.
5. Результат правового воздействия [3, с. 125].

Проанализируем отдельные элементы обозначенной системы. Во-первых, отметим, что субъект правового воздействия в данном подходе – это прежде всего субъект права, кото-

рый организует и реализует систему действий, направленных на изменение системы правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок и чувств, в которых выражается отношение к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права.

Рассматривая объект, можно указать на то, что это прежде всего разные социальные группы вплоть до социума в целом, которые являются носителями группового и общественного правосознания, на которые направлено социально-психологическое воздействие. В то же время некоторые авторы к объектам относят экономику, культуру в целом с характерными макропоказателями развития, отрасли экономики (промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт), институты экономики (имущество, финансы, труд, производство и т.п.), федеральные государственные унитарные предприятия и муниципальные унитарные предприятия, акционерные общества, госкорпорации, публичные органы [4, с. 5–16].

Рассуждая об объекте правового воздействия в рамках психологического подхода, исследователи не всегда учитывают специфику

этих отношений. Нужно учитывать, что духовная сфера как объект правового воздействия принципиально отличается, скажем, от экономической. Отличие в том, что здесь совершенно иной уровень свободы. Внутренний мир человека намного меньше может и должен подвергаться контролю, чем его внешнее поведение. Поэтому даже самые благие намерения государства заставить людей думать и чувствовать определенным образом представляются неуместными.

Особенность духовной сферы общества еще и в том, что социально-психологическое правовое воздействие на нее не всегда дает тот отклик, на который рассчитывает государство. Официальный запрет тех или иных идей способен вызвать прямо противоположный эффект – спровоцировать еще больший интерес к ним. Суровое наказание за выражение определенных идей создает для наказанных лиц образ мучеников, оппозиционеров, «борцов с режимом», придает им еще большую известность [5, с. 59–63].

Под содержанием правового воздействия понимается соответствующим образом выстроенное правовое сообщение, призванное к заданным изменениям объекта правового воздействия. Квалифицированное правовое сообщение предполагает тщательный отбор и структурирование правовой информации, определенную последовательность ее предъявления. Значение содержания правового воздействия стало особенно тщательно прорабатываться в последние годы, о чем свидетельствует привлечение специалистов из разных областей знания в качестве экспертов.

Хотелось бы отметить, что знание социально-психологических закономерностей правового воздействия – важнейшее условие эффективного законодательства. Утверждение высокого социального статуса нормативного правового акта возможно только через создание социально-психологических условий правового воздействия для реального верховенства права и закона как регулятора социальной жизни и через превращение права и закона в реальную коллективную и индивидуальную ценность, в реальное ориентированное поведение для всех. Это, в свою очередь, предполагает в профессиональной законодательской деятельности наличие определенной этапности. Модель законодательства с учетом социально-психологических особенностей правового воздействия, по мнению специалистов-психологов, занима-

ющихся данной проблематикой, должна включать в себя шесть взаимосвязанных этапов подготовки, обсуждения, рассмотрения, принятия и обнародования законопроекта:

1) предзаконодательство (этап формирования в обществе законодательских решений);

2) этап подготовки проекта закона;

3) этап обсуждения проекта закона с заинтересованными органами, организациями, общественностью, депутатскими группами, избирателями и т.п.; например, на этапе предварительного обсуждения (общественные и парламентские слушания, расширенное обсуждение на заседаниях постоянных комиссий, конференции, семинары, круглые столы, встречи с избирателями и т.п.) проекта закона необходимо выяснить следующее:

степень активности граждан, госструктур, общественных организаций, политических партий и др. в обсуждении законопроекта (низкая, средняя, высокая);

наличие замечаний и предложений по проекту закона от представителей слоев общества (интеллигенции; рабочих; студентов, учащихся; коммерсантов (бизнесменов); пенсионеров; и др.);

меру учтенности замечаний и предложений субъектами права (депутатами) в ходе разработки и обсуждения проекта закона (максимальный учет предложений, высказанных в ходе обсуждения; в полном объеме; частично; не учитываются; как исключение);

степень отражения объективной (реальной) действительности в созданных правовых нормах (полностью отражают; не полностью; частично; не отражают);

способ обсуждения проекта закона (на местах с привлечением целого ряда учреждений, общественных организаций; парламентские чтения; обсуждение на совещаниях непосредственно при правотворческом органе с участием научной общественности и заинтересованных министерств, ведомств и иных организаций; обсуждение в печати, Интернете и на телевидении; рецензирование законопроекта научно-исследовательскими и психологическими учреждениями; отзывы, экспертизы и заключения на законопроект со стороны министерств, ведомств и иных учреждений и организаций, не участвующих в его разработке, и т.п.);

содержание и соответствие полученных замечаний и предложений (общее количество) по законопроекту (существенные; несуществен-

ные; носят концептуальный характер; несоответствие действующему законодательству; несоответствие международным договорам; несоответствие требованиям нормотворческой техники и др.);

насколько отлажен механизм учета и анализа предложений и замечаний на этапе предварительного обсуждения (в полном объеме; частично; не отлажен);

4) этап внесения законопроекта на рассмотрение (обсуждение) и его официального принятия;

5) этап официального одобрения;

5) этап вступления закона в силу;

6) этап действия закона.

Каждый этап занимает определенное место, нарушение последовательности, системности и недостаточный учет социально-психологических факторов правового воздействия существенным образом влияют на качество, эффективность и своевременность принятия законопроекта [6, с. 18–23].

Под методами социально-психологического воздействия понимается совокупность психологических приемов осуществления воздействия на сознание объекта. Выделяют такие методы психологического воздействия, как убеждение, принуждение [7, с. 19].

В последние годы при исследовании данного вопроса делается акцент на комплексном анализе, включающем экономический анализ права, политические теории права, социологию права, философию права, психологию права. Это связано с развивающимися процессами дифференциации и интеграции научного знания в юриспруденции.

Выбор соответствующего метода зависит от особенностей психологии объекта воздействия и состояния его правовой психологии. Соответственно, для разных категорий населения дозируется правовая информация, определяются ее содержание, ведущий метод воздействия, последовательность применения существующих методов [8, с. 11–17].

Правовое убеждение – это информация, опосредованная правом и выраженная в форме открытого воздействия на сознание объекта, в результате которого в правосознании происходит формирование воли к совершению деяния. Данный метод считается основным открытым методом как в межличностном взаимодействии, так и в процессах взаимодействия личности и общества, личности и государства, государства и общественных организаций и т.д.

Безусловно, метод характерен для демократических правовых систем и позволяет получить устойчивый позитивный результат. Убеждение, опосредованное правом, не ограничивается информацией и разъяснением, требует доказательства их правильности, логического обоснования. С учетом этого должны быть выстроены нормы права. При этом право должно быть объективным, понятным и открытым [9, с. 1170–1174]. Этот метод направлен, прежде всего, на формирование у лица позитивных представлений об обществе, коррекцию негативных социальных ориентаций путем использования психологических приемов воздействия. Метод убеждения является основным методом добровольного и добросовестного исполнения гражданами своих обязанностей, без каких-либо угрожающих санкций за невыполнение норм.

Правовое убеждение призвано оказать первоочередное влияние на волю и сознание субъектов правоотношений. Если рассматривать практический аспект, то на примере отрасли таможенного права можно установить, что метод убеждения в области таможенного права есть совокупность приемов, способов и средств, формирующих сознание и волю участников внешнеэкономических отношений. Средства убеждения, применяемые таможенными органами, состоят из комплекса мер, включающих разъяснения, внушения, обмен опытом, формирование интереса, напоминания (об уплате платежей, об исполнении обязанностей участников внешнеэкономических отношений) и др. В экономической деятельности таможенных органов могут использоваться такие средства, как пропаганда, критика, обучение, разъяснение, консультирование и др. [10, с. 1114–1121].

Соответственно, правовое принуждение – это информация, опосредованная правом с целью принятия объектом воздействия набора определенных идей и правоотношений, а также конкретного правового поведения. Важно обратить внимание, что в случае правового принуждения речь идет о принуждении, которое исходит от органов государственной власти. Принуждение осуществляется с помощью разных методов и инструментов, которые также включают в себя все виды средств массовой информации и коммуникации.

Последний элемент – это социально-психологический результат правового воздействия. Результат – это последствия каких-либо дей-

ствий или событий, которые могут быть выражены качественно или количественно. Очевидно, что при рассмотрении данного критерия необходимо учитывать телеологическую установку, поскольку понятие «цель» используется в следующих значениях: во-первых, как осознанный образ превосходящего результата, на достижение которого направлено действие человека (социальной группы, общества); во-вторых, как превосхождение в сознании человека средств, использование которых приведет к достижению желаемого результата [11, с. 388]. Например, В.А. Щегорцов результатом называет правосознание, под которым понимается не просто совокупность элементов (идей, взглядов, представлений, чувств), а их взаимное расположение при условии, что один из элементов занимает доминирующую позицию. Правосознание, понимаемое как состояние, отличают эмоциональная окрашенность, интенсивность и продолжительность социально-психологического правового воздействия на поведение его носителей [12, с. 18].

Г.Г. Курагин считает, что правосознание является только результатом юридического воздействия [13, с. 18]. Безусловно, правосознание участников правового общения обусловлено их информированностью, образованностью, интеллектуальным и духовно-нравственным развитием. Данную позицию автор исследования разделяет, в то же время, анализируя данные факторы, можно констатировать, что при исследовании правосознания существует разрыв между его теоретическим анализом и эмпирическим исследованием. На сегодняшний день правосознание вызывает интерес у психологов, социологов и юристов. Представители каждой специальности обладают собственным взглядом на то, с каких позиций и с помощью каких методов должен изучаться этот феномен.

Уточним, что правосознание представляет собой социально-психологический, индивидуально-психологический образ правовой действительности, который в результате правового отражения формируется у субъектов права, сначала непосредственно отражая реальную социальную действительность, а потом уже, будучи отрефлексированным непосредственно в дефинициях права. Нередко на первом этапе (т.е. социально-психологического, индивидуально-психологического отражения) и заканчивается формирование правосознания субъектов права, т.е. «работает» такой элемент правосознания, как правовая психология.

Таким образом, важнейшую роль в поведении субъекта права играют непосредственное правовое отражение конкретной среды и социальные нормы, которые группа, социум предъявляет ей, а не идеологические установки, которыми руководствуется законодатель.

В связи с этими тезисами продолжаем фиксировать, что правовая идеология как некая совокупность представлений необходима для объединений субъектов права в те или иные социальные структуры. Иными словами, правовая идеология – это соединительная субстанция социальных структур, внешне объективированная в правовой политике государства. Таким образом, идеология государства представляет собой феномен социально-политический по своей природе (основаниям и происхождению) и наряду с этим, в сущности, становится правовой, т.к. не просто обосновывает политическое единство, но и имеет своим предметом порядок – право властвования, распределение статусов, структуру общества и т.д.

Рассмотренные элементы представляют в совокупности социально-психологическую систему правового воздействия, которая оказывает влияние на волевое поведение людей, формирование и развитие мотивов поведения.

1. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

2. Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. М., 2011.

3. Берг Л.Н. Информационно-психологический аспект правового воздействия в сфере

1. Polyakov A.V. Communicative concept of the law (problem of genesis and theoretical-legal justification): diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 2002.

2. Mamut L.S. Legal communication: theory sketch. Moscow, 2011.

3. Berg L.N. Information and psychological aspect of legal influence in the sphere of sci-

научной деятельности // *Рос. юрид. журнал*. 2013. № 4.

4. Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // *Журнал рос. права*. 2014. № 3.

5. Сигарев А.В. Наказание за отрицание: к вопросу о юридической ответственности за искажение исторических фактов // *История государства и права*. 2014. № 1.

6. Кибак И.А. Инновационная психотехнологическая модель законотворчества // *Общество и право*. 2011. № 5.

7. Степанова А.Т. Основы права. М., 2000.

8. Мельников В.Ю. Правосознание и правовое воспитание личности в демократическом, правовом государстве // *Культура: управление, экономика, право*. 2012. № 3.

9. Калинина Л.Е. Убеждение как метод государственного управления экономикой // *Административное и муниципальное право*. 2014. № 11.

10. Кобзарь-Фролова М.Н. Административно-правовое регулирование экономической деятельности таможенных органов // *Административное и муниципальное право*. 2013. № 12.

11. *Краткий психологический словарь*. М., 1985.

12. Щегорцов В.А. Социология правосознания. М., 1981.

13. Курагин Г.Г. Механизм ведомственного правового регулирования деятельности органов внутренних дел. М., 1976.

entific activity // Russian juridical journal. 2013. № 4.

4. Tihomirov Yu.A. Forecasts and risks in the legal sphere // *Journal of Russian law*. 2014. № 3.

5. Sigarev A.V. Punishment for denial: to a question of legal responsibility for distortion of historic facts // *History of state and law*. 2014. № 1.

6. Kibak I.A. Innovative psychotechnological model of lawmaking // *Society and law*. 2011. № 5.

7. Stepanova A.T. Law bases. Moscow, 2000.

8. Melnikov V.Yu. Law understanding and legal education of the personality in the democratic, constitutional state // *Culture: management, economy, law*. 2012. № 3.

9. Kalinina L.E. Conviction as method of public administration of economy // *Administrative and municipal law*. 2014. № 11.

10. Kobzar-Frolova M.N. Administrative and legal regulation of economic activity of customs authorities // *Administrative and municipal law*. 2013. № 12.

11. *Short psychological dictionary*. Moscow, 1985.

12. Shchegortsov V.A. Sociology of sense of justice. Moscow, 1981.

13. Kuragin G.G. Mechanism of departmental legal regulation of activity of law-enforcement bodies. Moscow, 1976.

Кадников Борис Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Юриспруденция,
интеллектуальная собственность и судебная экспертиза»
Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
(e-mail: kadnikovbn@yandex.ru)

О становлении и развитии законодательства об охране частной жизни граждан

В статье рассматриваются исторические аспекты развития законодательства о защите права человека на частную жизнь, так называемой приватности. Проблема исследуется в рамках естественных прав и свобод человека и гражданина, которые обретались человеком не стихийно, а путем длительного развития правовых и социальных институтов в обществе.

Ключевые слова: становление и развитие законодательства, права и свободы человека, правовая защищенность, охрана частной жизни граждан.

B.N. Kadnikov, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of «Jurisprudence, Intellectual Property and Forensic Examination» of the Bauman Moscow State Technical University; e-mail: kadnikovbn@yandex.ru

About formation and development of the legislation on protection private life of citizens

The article considers historical aspects of development of the legislation on the protection of human rights to privacy, so-called privacy. The problem is considered in the framework of natural rights and freedoms of man and citizen, which was discovered by man not spontaneously, but through a long development of the legal and social institutes of the society.

Key words: formation and development of legislation, rights and freedoms of the person, legal protection, protection of the private lives of citizens.

История развития законодательства о признании и правовой охране прав и свобод человека показывает, что потребовались века для уяснения их фундаментальной важности [1]. Особую роль в этой сфере имела французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., в которой впервые была провозглашена важнейшая цель государства – обеспечение естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека.

Особая роль в системе основных прав уделялась праву на неприкосновенность личности, что по мере развития общества позволило человеку более глубоко познать себя и необходимость выделения такого конституционного права, как право на неприкосновенность частной жизни, которое, по мнению ряда специалистов, хоть и является правом второго поколения, но имеет важное значение для статуса личности [2, с. 28]. Положения этого объективного права отражались в отдельных нормативных актах. Это право рассматривалось как право народа на защиту личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов. В 1858 г. во Франции был установлен запрет на публикацию частных данных. За нарушение этого правила введено большое денежное наказание.

С развитием человеческого общества, экономических отношений у людей постепенно формируется представление о наличии неко-

его особого жизненного пространства, которое данный конкретный индивид желает сохранять в тайне от других. Концепции неприкосновенности частной жизни складывались в разное время на различных территориях, однако появление таких концепций было обусловлено одними и теми же причинами, а именно: желанием человека иметь собственную индивидуальность, свой внутренний мир, о котором он не желает никому рассказывать, а также держать отдельные сведения в тайне и самостоятельно определять объем информации, подлежащей огласке.

Постепенно в международных документах, закрепляющих права и свободы человека, выкристаллизовывалось право человека на частную жизнь. Например, в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. было закреплено правило, согласно которому никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию [3, с. 41]. Данный институт получил развитие и в других международных документах [4; 5].

Следует согласиться с теми специалистами, которые указывали, что институт частной собственности, становление товарно-денежных отношений стали толчком к изменениям

в политической жизни передовых государств. Частный интерес, частная жизнь находили отражение в праве, в первых крупных законодательных актах тех стран, где проходили революции и великие потрясения. В передовых странах, которые прошли через эпоху Просвещения, провозглашались принципы равноправия, справедливости, уважения прав и свобод личности. Это находило свое отражение в основных законах, конституциях.

Говоря о становлении законодательства, охраняющего частную жизнь граждан в России, нужно отметить, что проходило оно довольно сложно и неоднозначно [1; 6]. Мощным сдерживающим фактором являлась затяжная эпоха крепостничества, лишавшая определенные категории людей практически всех прав, а любые движения, направленные на их развитие, встречали жесточайшее сопротивление со стороны власти.

Вмешательство государства в частную жизнь граждан России того времени было связано с имеющим долгую историю упорядоченным контролем и, соответственно, политическим сыском. Учитывая сословную структуру феодального общества, где каждое сословие обладало наследственным правовым статусом, отличавшим его от иных сословий, полиция должна была следить, чтобы подданные вели предписанный каждому сословию образ жизни и носили определенные для каждого сословия одежду, прически и т.д. Через запреты и взыскания частная жизнь обретала свою значимость, очень медленно, но верно получала правовую защищенность. Вместе с тем, для развития данного правового института весьма актуальны слова нашего великого поэта А.С. Пушкина, который, узнав о том, что их переписка просматривается Третьим отделением, писал жене: «Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше» [7].

Однако нельзя отрицать, что в отдельных нормативных актах дореволюционной России содержались нормы, пусть фрагментарно, но направленные на охрану отдельных сторон частной жизни. Так, в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), а также в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, была установлена уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений и иные подобного рода деяния (ст. 1102, 1104). В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.), была предусмотрена ответственность за «разглашение, с намерением оскорбить чью-либо честь, сведений, сообщен-

ных втайне или же узанных вскрытием чужого письма или другим противозаконным образом» [8, с. 412].

Нормы об охране неприкосновенности частной жизни нашли свое отражение и в Уголовном уложении 1903 г. [9], которое разграничивало преступления, посягающие на интересы частной жизни, по характеру деяния и публичности. В гл. 28 «Об оскорблении» и 29 «Об оглашении тайн» данного документа была предусмотрена ответственность за разглашение позорящих сведений. Согласно содержанию данных глав ответственность наступала и за разглашение сведений, соответствовавших истине, но относящихся к сфере частной или семейной жизни потерпевшего (ст. 531). Разглашение должно было быть публичным, «притом было учинено в распространенных или публично выставленных произведениях печати, письме или изображении или публичной речи». Немаловажным, на наш взгляд, можно считать и то, что за подобное деяние было предусмотрено весьма жесткое наказание – тюремное заключение [10, с. 260].

События и волнения в царской России в 1905 г. заставили власть пойти на либерализацию законодательства в части защиты прав и свобод граждан. В Основные государственные законы в 1906 г. были включены гарантии неприкосновенности частной жизни, предусмотренные главой второй «О правах и обязанностях российских подданных». Среди них можно выделить следующие: неприкосновенность жилища (ст. 33), свободу выбора места жительства, передвижения и занятия (ст. 34), свободу веры и др. [11]. Однако реализация данных свобод носила в основном формальный характер.

Отмеченные тенденции проявлялись и после Октябрьской революции 1917 г. Идея прав и свобод личности отошла на второй план, уступив место идее господства определенного класса людей. В этой связи вполне характерно высказывание В.И. Ленина: «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [12, с. 398].

Несмотря на это, объективный вектор развития права охватывал и область охраны прав и свобод граждан даже в эпоху диктатуры пролетариата, построения основ Советского государства. Так, в Уставе почтовой, телеграфной, телефонной и радиосвязи, утвержденном постановлением СНК СССР от 15 февраля 1929 г., закреплялась тайна корреспондирующих лиц. При нарушении указанных правил служащие связи могли быть привлечены к уголовной ответственности [13, с. 142]. С правовой точки зрения более четким и закрепляющим права и обязанности граждан документом явилась при-

нятая в 1936 г. Конституция СССР. Однако также необходимо отметить, что в основном этот важный документ носил декларативный характер. К достижениям принятой Конституции нужно отнести и закрепление в ней неприкосновенности жилища, почтовой, телеграфной и иной корреспонденции (ст. 132). Но на практике такое явление, как несанкционированное вскрытие и изучение различного рода корреспонденции правоохранительными органами, являлось вполне обычным.

В ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1958 г.) преступным признавалось посягательство на личность, имущественные и другие права и свободы граждан [14, с. 275]. Таким образом, процесс правовой охраны прав и свобод развивался хоть и очень медленно, но непрерывно.

Например, в УК РСФСР 1960 г. целым рядом статей была предусмотрена уголовная ответственность за совершение действий, посягающих на права и свободы граждан, в том числе и в сфере частной жизни (ст. 135 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений», ст. 136 «Нарушение неприкосновенности жилища граждан», ст. 143 «Воспрепятствование совершению религиозных обрядов» и др.).

Позже в Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. была внесена ст. 124.1 «Разглашение тайны усыновления» в целях защиты интересов семьи и несовершеннолетних. Благодаря этому под уголовно-правовую защиту попал один из основных элементов частной жизни человека – тайна усыновления. Позднее законодателем в УК была включена также очень важная статья об ответственности за разглашение сведений, составляющих врачебную тайну (ст. 128.1). По Закону РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 не подлежал уголовной ответственности священнослужитель за недонесение о преступлении, ставшем ему известным из исповеди.

В 1993 г. была принята Конституция РФ, в которой приоритет отдан правам и свободам человека и гражданина. В Конституции продекларирована охрана достоинства личности, права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 21 и 22). Это нашло свое отражение в ст. 23 Конституции, закрепляющей непосредственно право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Можно утвердительно сказать, что с принятием Конституции РФ в обществе произошло осознание того, что частная жизнь гражданина имеет важное социально-правовое значение для демократического развития государства. Институт защиты частной жизни граждан получил развитие в

дальнейшем в различных отраслях законодательства Российской Федерации. Например, было установлено, что неприкосновенность частной жизни должна быть сохранена при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), при проведении проверочных мероприятий в период оформления допуска к государственной тайне (ст. 23 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»). Нормы Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» четко указали на неприкосновенность частной жизни как принцип защиты информации. Нормы Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» установили общий запрет на обработку персональных данных без согласия субъекта персональных данных. Можно указать и такой нормативный акт, как Закон 1992 г. «О частной детективной и охранной деятельности» (с изменениями и дополнениями), нормы которого запрещают частным детективам собирать сведения, связанные с личной жизнью, политическими и религиозными убеждениями отдельных лиц.

Более четко на то, что частная жизнь особо охраняется законом, указывается в нормах Гражданского кодекса РФ. Статья 152.2 «Охрана частной жизни гражданина», которая введена в ГК РФ Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», вступившим в силу с 1 октября 2013 г., определяет: «Если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни». На практике даже с учетом данной статьи ГК РФ возникают вопросы о том, каково содержания понятия «частная жизнь». На наш взгляд, подробнее эту сферу рассматривает Конституционный Суд РФ. Так, в понятие «частная жизнь» Конституционным Судом включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер (определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом “б” части третьей статьи 125 и частью третьей

статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [15]). В другом определении Конституционного Суда РФ указано, что лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне (определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» [15]).

Охрана частной жизни граждан в определенном смысле означает, что право на частную жизнь является неприкосновенным, а в соответствии с нормами Конституции РФ это право является и конституционным. В этом смысле

мы должны говорить об обязанности государства не только охранять частную жизнь, но и защищать право на неприкосновенность частной жизни. Поэтому очень важно четко и точно применять и статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за нарушение права на неприкосновенность частной жизни. Речь идет о ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений» и др.

Расширение демократических начал в обществе и государстве позволит гражданам более широко реализовывать свои права и свободы, однако это накладывает на государство дополнительные обязанности по правовой защите частной жизни граждан.

1. Кадников Б.Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: науч.-практ. пособие. М., 2011.

2. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2001.

3. Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1998.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах. (Нью-Йорк, 16 дек. 1966 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Американская конвенция о правах человека: заключена в Сан-Хосе 22 нояб. 1969 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Мачковский Л.Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

7. Лекция М.Е. Петросян – эксперта Комиссии по правам человека при Президенте РФ. URL: <http://www.hrights.ru/text/bogoraz/Chapter3.htm>

8. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8.

9. Уголовное уложение 1903 года. СПб., 1904.

10. Фон-Резон А.К. Уголовное уложение: краткое изложение глав положений его в сопоставлении с действующим правом. СПб., 1903.

11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отд. I. № 27805.

12. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1982. Т. 44.

13. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997.

14. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1982.

15. Сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://ksrf.ru>

1. Kadnikov B.N. Criminal legal protection of privacy: sci.-pract. manual. Moscow, 2011.

2. Scientific-practical commentary to the Constitution of the Russian Federation / resp. ed. V.V. Lazarev. 2nd ed., ext. and rev. Moscow, 2001.

3. International instruments on human rights: coll. documents. Moscow, 1998.

4. The International covenant on civil and political rights. (New York, Dec. 16, 1966). Access from reference legal system «ConsultantPlus».

5. American Convention on human rights, concluded in San Jose on Nov. 22, 1969. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

6. Mackovsky L.G. Crimes against the constitutional rights of man and citizen: problems of theory and practice of legal regulation: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2005.

7. Lecture by M.E. Petrosyan – expert of the Commission on human rights under the President of the Russian Federation. URL: <http://www.hrights.ru/text/bogoraz/Chapter3.htm>

8. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. Vol. 8.

9. Criminal code of 1903. St. Petersburg, 1904.

10. Fon-Reson A.K. Criminal code: a summary of the chapters of its provisions in comparison with the current law. St. Petersburg, 1903.

11. Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. the third. Vol. XXV. 1905. Department I. № 27805.

12. Lenin V.I. Complete collection of works: in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1958–1982. Vol. 44.

13. Criminal law. Special part / resp. ed. I.Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamov, G.P. Novoselov. Moscow, 1997.

14. Fundamentals of legislation of the USSR and the Union republics. Moscow, 1982.

15. Website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <http://ksrf.ru>

Пржиленский Игорь Владимирович

кандидат социологических наук,

доцент кафедры уголовного права и процесса

Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

(e-mail: yesdreamer@yandex.ru)

Развитие оснований пересмотра приговора в дореволюционном уголовном процессе России

В статье автор рассматривает исторические тенденции развития оснований к отмене или пересмотру приговоров по уголовным делам. Зарождение поводов к отмене решения по жалобе, апелляционному либо кассационному производству описывается еще со времен Русской Правды. Далее рассмотрены периоды централизованного Московского государства, судебных реформ Петра I и Екатерины II, новые правила в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. На указанных исторических этапах по мере усложнения судебной системы и правил пересмотра приговоров складывается система формальных оснований для отмены или изменения судебных решений, что впоследствии оказало серьезное влияние на развитие данного уголовно-процессуального института вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: основания пересмотра, приговор, уголовное судопроизводство, история развития, законодательство, апелляция.

I.V. Przhilensky, Master of Sociology, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Law of the North Caucasus Federal University; e-mail: yesdreamer@yandex.ru

The development of the grounds of review of sentence in criminal proceedings of pre-revolutionary Russia

In the article the author examines the historical trends in the development of the grounds for annulment or revision of sentences in criminal cases. The origin of the reasons for cancellation of the decision on complaint, appeal or cassation proceedings, is described since the times of the Russian Truth. Then the periods of the centralized Moscow state and judicial reforms of Peter I and Catherine II, as well as new rules in the Charter of criminal judicial proceedings of 1864 are considered. Data on historical stages as the complexity of the judicial system and rules of review of sentences is a formal reason for cancellation or change of judicial decisions that subsequently had a major impact on the development of criminal procedure institute up to the present time.

Key words: grounds of review, sentence, criminal justice, history of development, legislation, appeal.

Основания отмены или изменения приговора суда по уголовному делу вышестоящим судом в том виде, в каком они сегодня закреплены в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, прошли длительный путь исторического развития. Эволюция оснований апелляционного, кассационного, а также более ранних, еще не закрепленных институционально видов обжалования приговора фактически соответствовала развитию института проверки и пересмотра приговоров, а если посмотреть шире, то и в целом истории российского судопроизводства.

При этом в фокусе ученых, рассматривавших данный вопрос, практически всегда возникновение и развитие оснований пересмотра и отмены приговора не рассматривались отдельно от истории непосредственно института апелляционного пересмотра. Зарождение и оформление конкретных оснований, по кото-

рым бы суд мог критериально рассматривать жалобы и отменять либо изменять приговоры, вынесенные нижестоящим судом, практически не становилось предметом отдельного исследования в доктрине уголовного процесса. Но в то же время многие выдающиеся процессуалисты в разные годы уделяли внимание этому вопросу и, говоря об истории развития института обжалования, вносили ценный вклад в понимание истоков оснований, по которым был возможен пересмотр судебных решений.

В историческом развитии целесообразно рассмотреть более широкий круг поводов к пересмотру приговоров, чтобы проследить последовательность становления элементов данного института. Это обусловлено тем, что в истории отечественного уголовного процесса апелляционное производство как таковое существовало сравнительно недолгий период или, как в советское время, было заменено

кассацией, имевшей лишь некоторые черты классической апелляции. Обжалование решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу, также называлось кассационным и по современному УПК РФ вплоть до 2013 г. Поэтому в историческом контексте мы будем рассматривать основания к отмене приговора не только в апелляционной, но и в иных существовавших формах проверочных производств.

Сам институт обжалования судебных решений в европейской правовой традиции берет начало с Древнего Рима. Позднее, начиная со средних веков, он получил развитие в европейских странах. Нельзя утверждать, что речь идет о рецепции судебной системы позднего римского права, тем не менее можно увидеть определенное правопреемство некоторых юридических процедур, особенно в странах Западной Европы.

Первые зачатки института обжалования судебного решения в России можно отнести к временам Русской Правды. При этом следует отметить, что в этот период на Руси еще не была выстроена судебная система как таковая и в самом тексте Русской Правды отсутствуют упоминания о каких-либо апелляционных инстанциях, пересматривавших приговор. Впрочем, это не означало, что князья не принимали жалобы на действия посадников и волостелей, исполнявших судебные функции. Как считал С.В. Юшков, «разбирая жалобы этого рода, князь вынужден был пересматривать дело заново, по существу» [1, с. 522].

М.А. Чельцов-Бебутов, исследуя историю суда и уголовного процесса, отмечал, что «право Русской Правды уже значительно ушло вперед от примитивных обычаев доклассового общества и представляло собою развитую правовую систему, в которой можно говорить о суде, о процессе...» [2, с. 641]. При этом само разнообразие форм судебных разбирательств по уголовным делам указывает нам, во-первых, на еще четко не формализованные виды подсудности (предметную и территориальную) и, во-вторых, на возможность обжаловать те или иные решения.

Достаточно сказать, что уже к X в. князь непосредственно разрешал только тяжбы в главном городе, и то не все. Кроме него уголовные разбирательства велись тысяцкими князьями, тиунами, ябетниками, вирниками. Особое место занимает в этот период и церковь, представители которой приобретают право вершить суд по делам, связанным с верой, а также в отношении «церковных людей». Еще одной формой

процесса, хотя и достаточно спорной, является «извод перед 12 мужами», упомянутый в ст. 15 Краткой Правды. Мнения о данном виде процесса разнятся: от общинного суда или суда присяжных (И. Сыромятников, С.В. Юшков, В.Ф. Владимирский-Буданов) до процедуры «виндикации опознанных вещей» [3, с. 30–32].

Как бы то ни было, судебная власть в данный период уже не концентрировалась в одних руках, а образовывала определенную систему, которая по своим признакам предполагала разделение на элементы не только по горизонтали (по предметному или территориальному принципу), но и по вертикали, т.е. возможность обжаловать ошибочное или несправедливое решение у более высокого представителя власти.

Следующий заметный этап развития судебной системы связан с преодолением раздробленности и становлением Московского великого княжества. С появлением более сильного государства уголовный процесс становится неотъемлемым инструментом управления, поэтому особенности суда, в частности по делам о наиболее тяжких преступлениях, изменились в сторону ужесточения наказаний и перехода полномочий от существовавших еще судов удельных князей и бояр.

Судебник 1497 г. Иоанна Васильевича еще не содержит строгого разделения норм материального права и процедурных вопросов. В частности, в нем уже говорится о возможности обжалования приговора боярского суда у великого князя: «А которого жалобника непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказано ведати» [4, с. 54]. Формой обжалования можно считать появляющийся в данный период «доклад», с которым к князю обращались судьи, в результате чего некоторые дела разрешались окончательно уже в Москве боярским судом. При этом речь не шла о судебных инстанциях, т.к. причиной «доклада» был характер преступления, но не отличия в процедуре суда.

При этом централизация государства неизбежно влекла за собой необходимость объединения правового пространства, единообразия правоприменения, что могло быть обеспечено только появлением проверочных инстанций. Эта структура появляется уже в период правления Ивана IV, который в 1550 г. принимает новый судебник, дополненный также издававшимися ранее положениями губных грамот. По мнению М.А. Чельцова-Бебутова, в данный период некоторые уголовные дела могли проходить через три судебные инстанции: «суд

местный, суд приказов и суд Боярской Думы». При Боярской Думе для разбирательства уголовных дел была организована «Расправная палата» [2, с. 666–667].

Говоря о периоде вплоть до начала XVI в., как историки права, так и процессуалисты нередко высказывают точку зрения о том, что о судебных инстанциях здесь говорить нельзя. Так, Гартунг считал, что тиун докладывал наместнику, а наместник в свою очередь – князю лишь то, что хотел [5, с. 80]. Как пишет А.С. Червоткин, форма доклада была «способом разрешить дело при возникающих затруднениях, а жалоба обвиняемого мало чем отличалась от личного доноса на судью» [6, с. 29]. Но даже если согласиться с мнением, что формализованного хода разбирательства в нескольких инстанциях в этот исторический период не было, в контексте зарождения института пересмотра приговора все же можно говорить об особенностях и основаниях изменения или отмены судебного решения по уголовным делам.

Во времена царствования Петра I апелляционная, кассационная и надзорные формы проверки и пересмотра приговоров закрепляются институционально, что связано с появлением Правительствующего Сената как органа, наряду с управленческими наделенного функциями высшей судебной инстанции [7, с. 135–141].

Уже в период правления Екатерины II порядок рассмотрения апелляционных жалоб по уголовным делам конкретизируется, что регулировалось, в частности, указами 1762 и 1764 гг. При этом апелляционная жалоба могла быть подана по тем уголовным делам, которые возбуждались по жалобам потерпевших. Для всех других уголовных дел, которые по современному уголовному праву можно сравнить с делами публичного обвинения, был предусмотрен «ревизионный порядок пересмотра – дело поступало в высшую инстанцию не по жалобе, а на основании закона» [8, с. 17].

Хотя в указах не говорилось о формальных основаниях отмены приговора, мы можем выделить предмет разбирательства, что косвенно указывает на факты проверки и требования к приговору суда первой инстанции. Спустя почти столетие Бентам, рассуждая о развитии судостроительства, писал о екатерининской реформе, что «апелляционный суд, рассматривавший дело по апелляционной жалобе, должен был преследовать две цели: убедиться в правильности с формальной точки зрения произведенного низшим судом разбирательства дела и удостовериться в справедливом, основанном на законе решении этого дела» [9,

с. 142]. Таким образом, в этой модели апелляции уже появляются классические для европейской апелляции основания, а именно неправильное исследование фактов и неправильное применение права как в части материального закона, так и в части судебной процедуры.

Рассматривая в целом период дореформенного уголовного процесса, можно сделать вывод о том, что на протяжении XVIII столетия и до принятия в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства основания пересмотра приговоров еще не получают законодательного оформления, однако происходит разделение на рассмотрение дела по существу, т.е. изучение фактических обстоятельств, и непосредственную проверку законности решений нижестоящих судов. До и даже после великой судебной реформы 1864 г., в уголовно-процессуальном праве формальное перечисление оснований отмены и пересмотра приговоров впервые возникает не в апелляционной инстанции, а уже в кассации. Это связано с тем, что апелляция по своей природе не только в России, но и в европейских странах являлась проверочной инстанцией, в которой суд в части жалобы рассматривал уголовное дело по существу. Итогом рассмотрения дела в апелляционном суде, в отличие от кассационного, могла стать не только отмена прежнего приговора, но и постановление нового приговора, отличного от первоначального. Потому апелляционный приговор рассматривался как новый акт правосудия, в любом случае и независимо от оснований влекущий отмену первоначального приговора.

Предметом рассмотрения кассационным судом уже был вопрос об отмене приговора либо оставлении его в силе, для чего и нужны были конкретные и формализованные основания, которые бесспорно считались достаточными и весомыми для такого решения.

С одной стороны, дореформенный уголовный процесс в России отличался большим количеством судебных стадий, инстанций, которые усложняли ход дела и приводили к многолетним разбирательствам. С другой стороны, большое количество инстанций, причем не только судебных, но и административных, рассматривали дело весьма формально, негласно, в письменном виде, зачастую без участия сторон. Ситуация эта кардинально изменилась лишь с принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства, создавшего новую, более стройную и менее громоздкую, структуру судебных инстанций. Среди множества институтов, заложенных в Уставе и определивших раз-

витие уголовного судопроизводства, впервые в тексте закона были перечислены основания отмены и пересмотра приговора, хотя и применявшиеся не в апелляционном, а в кассационном разбирательстве.

Во-первых, необходимо отметить, что еще в 1862 г. ст. 13 Основных положений уголовного судопроизводства был отменен существовавший до того «ревизионный порядок» пересмотра дел, предусматривавший восхождение уголовных дел в более высокую инстанцию независимо от наличия жалоб участников процесса.

Во-вторых, Устав закрепил разделение всех приговоров на окончательные и неокончательные, а также на вступившие и не вступившие в законную силу. Неокончательные приговоры допускали еще одно рассмотрение дела по существу обстоятельств, т.е. в апелляционном порядке.

Примером окончательного приговора был, например, приговор, вынесенный с участием присяжных заседателей, в силу чего он не подлежал апелляционной критике согласно ст. 854 [10]. Если же приговор был постановлен в общих судебных установлениях без участия присяжных, то в двухнедельный срок он мог быть обжалован в виде «апелляционного отзыва» со стороны осужденного либо гражданского ответчика или в виде «апелляционного протеста» со стороны прокурора.

Окончательные же приговоры (как вступившие, так и не вступившие в законную силу) обжаловались или опротестовывались в Правительствующий Сенат, «являвшийся единственной кассационной инстанцией Российской империи в полном соответствии с французским по происхождению принципом “единства кассационной инстанции”» [11, с. 66].

Как мы уже отмечали, в Уставе не перечислялись возможные основания пересмотра приговора для апелляционной инстанции, но в ст. 892 было сказано, что «в приговоре палаты должно быть означено точно и положительно, по каким обоснованиям она утверждает или отменяет, вполне или отчасти, приговор окружного суда...» [10]. Таким образом, несмотря на отсутствие перечня, основания все же указывались судом в самом решении, независимо от того, относились они к вопросам фактических обстоятельств, процедурных нарушений или правильности применения уголовного закона.

Что касается проверки окончательных приговоров, то авторы Устава уже давали исчерпывающий перечень нарушений и судебных ошибок, в случае которых приговор подлежал

отмене. Отделение, состоявшее из четырех статей, называлось «поводы к отмене окончательных приговоров». Так, ст. 912 Устава устанавливала поводы, по которым окончательные приговоры могли быть обжалованы:

«1) в случае явного нарушения прямого смысла закона и неправильного толкования его при определении преступления и рода наказания;

2) в случае нарушения обрядов и форм столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения и

3) в случае нарушения пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебному установлению» [10].

Интерпретируя эти основания более современным языком, фактически можно говорить о неправильном применении уголовного закона или существенных нарушениях уголовно-процессуального права.

В последующих статьях авторы Устава перечисляли ситуации, которые хотя формально подпадали под названные поводы, но не должны были повлечь отмену приговора. Согласно ст. 913 не могла служить поводом к отмене ошибка в ссылке на закон при определении преступления или назначении наказания, если все же наказание было назначено правильно и соответствовало предусмотренному законом. Не должно быть поводом к отмене приговора и неправильное применение закона при совокупности преступлений к преступному деянию менее важному, когда наказание было назначено правильно за преступление более важное (ст. 914).

В ст. 915 речь идет о возможной отмене судом кассационной инстанции приговора, вынесенного с участием присяжных заседателей, но противоречащего решению присяжных. В таком случае это является основанием, чтобы приговор был отменен, но это не может быть поводом к отмене решения присяжных заседателей.

По мнению многих процессуалистов, как Устав уголовного судопроизводства в целом, так и отдельные его институты, не только оказали заметное влияние на развитие уголовного судопроизводства в последующий исторический период до революции 1917 г., но и стали фундаментом для советского и российского уголовного процесса до наших дней. Если анализировать развитие инстанций и проверочных производств, а также оснований для пересмотра решений, то, безусловно, перечисленные в Уставе поводы стали отправной точкой для

дальнейшего развития всего правового института оснований пересмотра приговоров.

После революции законодательство, регулирующее уголовное судопроизводство, отразило социальные и политико-правовые преобразования, внедренные новым государством. В

частности, изменились сами формы процесса, появились новые инстанции и формы пересмотра приговора. Например, институт мировых судей был упразднен, на смену апелляционной инстанции для обжалования не вступивших в законную силу приговоров пришла кассационная.

1. Юшков С.В. *Общественно-политический строй и право Киевского государства*. М., 1949.

2. Чельцов-Бebutov М.А. *Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах*. М., 1957.

3. Максимейко Н.А. *Опыт критического исследования Русской Правды*. Харьков, 1914. Вып. I.

4. *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова*. М., 1985. Т. 2.

5. Гартунг Н. *История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России*. СПб., 1868.

6. Червоткин А.С. *Апелляция и кассация: пособие для судей*. М., 2013.

7. Курков К.Н. *Высшая юридическая инстанция Российской империи // Человек: преступление и наказание*. Рязань, 2004. № 4.

8. Петров А.В., Кудрявцева А.В. *История развития института апелляции // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та*. 2013. № 3.

9. Бентам И. *О судоустройстве*. СПб., 1860.

10. *Устав уголовного судопроизводства. Ст. 854 // Судебные уставы М., 1864*.

11. *Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки*. М., 2014.

1. Yushkov S.V. *Socio-political system and law of the Kiev state*. Moscow, 1949.

2. Chelzov-Bebutov M.A. *Course of Soviet criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal proceedings in slave, feudal and bourgeois states*. Moscow, 1957.

3. Maximeiko N.A. *The experience of critical study of Russian Truth*. Kharkov, 1914. Iss. I.

4. *Russian legislation of X–XX centuries: in 9 vol. / ed. by O.I. Chistyakov*. Moscow, 1985. Vol. 2.

5. Hartung N. *The history of criminal procedure and the judicial system of France, England, Germany and Russia*. St. Petersburg, 1868.

6. Chervotkin A.S. *Appeal and cassation: handbook for judges*. Moscow, 2013.

7. Kurkov K.N. *The highest legal authority of the Russian Empire // Man: crime and punishment*. Ryazan, 2004. № 4.

8. Petrov A.V., Kudryavtseva A.V. *History of development of Institute of appeal // Bull. of South Ural state university*. 2013. № 3.

9. Bentam I. *On the judiciary*. St. Petersburg, 1860.

10. *Statute of criminal proceedings. Art. 854 // Judicial statutes*. Moscow, 1864.

11. *The great reform: on the 150th anniversary of the Judicial statutes. Vol. II: Statute of criminal proceedings / ed. by L.V. Golovko*. Moscow, 2014.

Харитонов Илья Константинович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: urpom.haritonoff@yandex.ru)

Яшин Вячеслав Николаевич

адъюнкт Академии управления МВД России
(e-mail: amvd@mail.ru)

Исторические предпосылки формирования полиции в современной России

В статье рассматривается историческое развитие полиции (милиции) как одного из важнейших институтов государства. Анализируются вопросы зарождения и развития полиции на отдельных отрезках становления Российского государства и общества. Отмечается, что каждому историческому этапу присущи свои особенности формирования полиции, что находит свое проявление в соответствующих принципах деятельности, функциях и организации полиции.

Ключевые слова: государственная служба, милиция, полиция, подразделения полиции.

I.K. Haritonov, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Civil Law and Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: urpom.haritonoff@yandex.ru;

V.N. Yashin, Adjunct of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: amvd@mail.ru

Historical background of the formation police in modern Russia

In the article the authors examine the historical development of the police as one of the most important institutions of the state. Analyze the origin and development of the police in some parts of the formation of the Russian state and society. It is established that each historical stage has its own characteristics of formation of the police that is reflected in the relevant principles, functions and organization of the police.

Key words: public service, militia, police, police subdivisions.

В начале своего исследования хотелось бы отметить, что в литературе недостаточно внимания уделяется изучению истории развития полиции. Необходимо отметить, что становление полиции в России происходит под влиянием, в том числе, и исторических предпосылок, сформировавшихся за многие годы развития полиции. Она меняла свое наименование, корректировались ее функции, организация, принципы деятельности, но при этом полиция оставалась и остается важным институтом государства, основной целью которого являются защита и охрана прав и свобод человека и гражданина, поддержание правопорядка в стране [1].

Наиболее значительные успехи по исследованию правовых аспектов деятельности полиции были достигнуты в трудах государствоведов В.Ф. Дерюжинского, И.П. Высоцкого [2; 3]. В советской историографии наиболее признанными работами в этой области являются труды Р.С. Мулукаева [4] и др.

Еще в конце XIX в. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон утверждали, что «служба государственная... есть результат долгого исторического процесса, находящегося в тесной связи с развитием самого государства» [5].

Общеизвестно, что служба в полиции представляет собой разновидность государственной службы. Данный вид службы имеет определенную историю развития.

Причем каждому историческому этапу развития соответствуют определенные принципы формирования, задачи и функции, обусловленные потребностями общества и государства.

К общим чертам всего исторического развития полиции условно можно отнести следующие характеристики: территориальный принцип ее организации; государственную природу; полифункциональность; правоохранительную направленность; единоначалие. Рассмотрим, как в действительности происходило зарождение и развитие данного института государства.

Историю развития полиции можно условно разделить на несколько этапов: первый – до-революционный период, второй – советский период, третий можно обозначить как современный период.

Рассмотрим основные вехи становления современного института полиции.

Возникновение в России специализированных полицейских органов связано с реформами Петра I и становлением Российской империи как великой европейской державы.

25 мая (5 июня по новому стилю) 1718 г. была учреждена должность Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера – начальника главной полицмейстерской канцелярии и издан руководящий документ «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» [6].

Для данного периода были характерны следующие отличительные особенности деятельности полиции: многофункциональность, военизированный характер, кадровая связь с армией, активное привлечение населения к выполнению административно-полицейских обязанностей.

В это время за полицией были закреплены несвойственные ей функции, в частности надзор за благоустройством и санитарией, а также обеспечение пожарной безопасности.

Следующий этап становления полиции приходится на 1802 г., когда был принят манифест «Об учреждении министерств». Данный этап характеризуется продолжением становления и укрепления полиции.

Еще до публикации манифеста 8 сентября 1802 г. В.П. Кочубей был заинтересован в образовании Министерства внутренних дел и принимал активное участие в его создании, привлекая сотрудников, которые работали в его кабинете, в том числе и М. Сперанского [7]. После того как манифест вступил в силу, министр внутренних дел начал организовывать деятельность Министерства, для чего создан Департамент внутренних дел. Департамент включал в себя четыре экспедиции, исполняющие функции управления снабжения продовольствием, благочиния, сельского хозяйства и приказов общественного призрения. Департамент создавался не с целью управления всеми делами – он выступал в качестве главной канцелярии Министерства.

В 1810 г. произошло выделение из Министерства внутренних дел Министерства полиции, которое начало выполнять функции благочиния, а Министерство внутренних дел сохранило функции обеспечения и контроля в различных сферах деятельности государства.

Указанная стадия характеризуется усилением правоохранительных аспектов полицейской деятельности. В качестве ведущего направления нового курса императора Николая I стала борьба с революционным движением как внутри государства, так и во внешней политике со странами Западной Европы. Для внутренней борьбы с вольнодумством 3 июля 1826 г. Николай I учредил третье отделение канцелярии его Императорского Величества с целью расширения полицейского аппарата. С этого момента началась история тайной полиции в Российской империи.

Реформы второй половины XIX в., ознаменованные отменой крепостного права, разви-

тием капитализма, задали новое направление развитию полиции. В частности, это привело к изменениям в организации и в содержании деятельности полиции. Потеря помещиками собственности на крестьянина означала также потерю своих полицейских прав, что обусловило необходимость создания новых полицейских структур на уровне округа, особенно если учесть, что правящие круги после отмены крепостного права ожидали крестьянских бунтов. Именно эти причины и привели к реформе полиции, и начать было решено снизу – с округа.

Соответствующие предложения, называемые «Основными принципами реформирования полиции», были утверждены Александром II 25 марта 1859 г. Суть планируемых реформ заключалась в следующем: слияние городской и земской полиции под руководством уездного исправника, назначаемого правительством; исключение обязанностей полицейского расследования из хозяйственно-административной части (которая должна была создать специальные структуры управления); более точное определение сферы деятельности, прав и обязанностей полиции в отношении губернаторов и других органов власти как в обычное время, так и в чрезвычайных ситуациях.

Проекты «великих реформ» были разработаны группой министров. Наряду с реформой земств, судов, армии, особая позиция была в отношении Министерства внутренних дел. Первым шагом в этом направлении стала смена министра внутренних дел С.С. Ланского на П.А. Валуева, который взял на себя ответственность за осуществление реформы на основании указа от 4 июля 1858 г., разработанного Н.И. Милютиним. В указе содержались следующие положения: назначать сотрудников полиции от правительства; объединить городскую полицию с уездной.

П.А. Валуев продолжил политику своего предшественника. В результате его деятельности был издан указ от 25 декабря 1862, который установил временные правила о структуре полиции в 44 губерниях России [8]. Согласно этому указу городская полиция объединилась с окружной, местной полицией под контролем городской полиции. Помимо административных подразделений, в городах было введено деление на полицейские участки и околотки. Все эти меры помогли систематизировать работу и создать систему координации и подчинения в структуре Министерства внутренних дел.

Что касается советского периода, то с 1917 по 1993 г. не было никакого специального законодательного акта о государственной службе.

Этот период характеризуется переходом от добровольной милиции к профессиональной, карательной полиции.

В качестве одной из важнейших задач коммунистического строительства в области раз-

вития советского государственного управления КПСС потребовала дальнейшего укрепления верховенства закона, полной защиты прав и законных интересов советских граждан. «Партия ставит задачу, – говорилось в Программе КПСС, – обеспечение строгого соблюдения социалистической законности, устранение каких-либо нарушений закона, борьба с преступностью, устранение всех причин, которые порождают ее» [9].

10 ноября (28 октября по старому стилю) 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) принял постановление «О рабочей милиции», установив, что все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию, которая целиком и полностью находится под юрисдикцией Советов рабочих и солдатских депутатов. Это решение стало правовой основой для создания советской милиции.

10 мая 1918 г. коллегией НКВД РСФСР было принято решение, что «милиция существует как постоянный штат людей, выполняющих специальные функции». С тех пор милиция из «народной» начинает переходить в профессиональную.

12 октября 1918 г. НКВД и Наркомат юстиции утвердили Инструкцию об организации советской рабоче-крестьянской милиции, юридически закрепив создание профессиональной милиции в РСФСР как «исполнительного органа рабочих и крестьян», состоящего в непосредственном ведении местных советов и под руководством НКВД.

В 1920 г. ВЦИК впервые было утверждено Положение о рабоче-крестьянской милиции. В структуру милиции стали входить: городская и уездная милиция, промышленная, железнодорожная, водная (речная, морская), розыскная милиция. Служба в милиции была добровольной.

В структуре милиции с течением времени появились новые подразделения. В 1936 г. были созданы подразделения Государственной автомобильной инспекции (ГАИ), а в 1937 г. – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС).

В 1941 г. в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции были образованы отделы уголовного розыска, ОБХСС, наружной службы, дорожной милиции, железнодорожной милиции, паспортный, научно-технический, по борьбе с бандитизмом. Впоследствии в разные годы в состав милиции входили отряды милиции специального назначения – спецназ (1987), отряды милиции особого назначения – ОМОН (1988), Главное управление по борьбе с организованной преступностью – ГУБОП (1992) и др. В 1990 г. в России было создано Национальное центральное бюро Интерпола.

Первоначально милиция подчинялась и входила в состав НКВД РСФСР (1917–1930).

15 декабря 1930 г. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) и Совет народных комиссаров (СНК) СССР приняли постановление «О ликвидации наркомата внутренних дел союзных и автономных республик». После отмены наркоматов на базе отделов коммунального хозяйства, милиции и уголовного розыска были созданы такие же подразделения при СНК РСФСР. Такой порядок сохранялся до 1934 г. [10].

В связи с этим интересно определение задач, возложенных на милицию Положением о НКВД, утвержденным ЦИК и СНК РСФСР 24 мая 1922 г. Защита прав человека и личности в данном положении не предусматривалась. Ответность также отразила эту особенность советского уголовного права. В отчетах под заголовком «информация о преступлениях, зарегистрированных милицией» преступления указывались в следующем порядке: контрреволюционные преступления, преступления против общественного порядка, должностные преступления, нарушение правил об отделении церкви и государства, экономические преступления, а затем преступления против личности [11].

С 1991 г. милиция перешла в ведение Министерства внутренних дел РСФСР.

В соответствии с Законом о милиции милиция в Российской Федерации – это система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и имеющих право использовать принудительные меры в пределах, установленных настоящим Законом и другими федеральными законами [12].

В соответствии с этим законом милиция в России подразделялась на криминальную и милицию общественной безопасности (МОБ). В состав криминальной милиции вошли подразделения уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями, по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, по противодействию экстремизму и др. В состав МОБ вошли дежурные части, участковые инспекторы милиции, Государственная инспекция безопасности дорожного движения МВД России, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых, специальные приемники для содержания лиц, арестованных в административном порядке, и другие подразделения.

В декабре 1991 г. после того, как Президент СССР Михаил Горбачев ушел в отставку, был принят Закон РСФСР «Об изменении названия государства Российская Советская Федеративная социалистическая республика» [13], в соответствии с которым РСФСР ста-

ла Российской Федерацией (Россией). В связи с этим все органы, учреждения и организации Министерства внутренних дел СССР на территории России были переданы под юрисдикцию России, с включением в систему МВД России.

К 2004 г. в структуре МВД России насчитывалось 37 отделов (управлений). 5 ноября 2004 г. Президентом был подписан указ, в соответствии с которым эти отделы были заменены 15 департаментами.

С 1 марта 2011 г. вступил в силу Федеральный закон «О полиции». Закон определяет

статус, права и обязанности сотрудника полиции; освобождает полицию от дублирующих и несвойственных функций, закрепляет партнерскую модель отношений между полицией и обществом.

Изменение наименования, принципов, задач деятельности полиции подтверждает изменение самой природы данного вида государственной службы, его ориентированность на выполнение общегосударственных целей, профессионализм и служение закону.

1. Харитонов И.К. Проблемы правового регулирования государственной службы в Российской Федерации // *Общество и право*. 2015. № 2(52). С. 40–44.

2. Высоцкий И.П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903 г.): крат. ист. очерк. СПб., 1903.

3. Дерюжинский В.Ф. *Полицейское право: пособие для студентов*. СПб., 1903.

4. Мулукаев Р.С. Развитие системы управления органов внутренних дел СССР: лекция. М., 1979.

5. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб., 1890–1907.

6. Кубышко В.Л. Возрождение права на память // *Полиция России*. 2016. № 2. С. 44–47.

7. Сперанский М.М. *Проекты и записки*. М.; Л., 1961.

8. Валуев П.А. *Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т.* М., 1961. Т. 1: 1861–1864 гг.

9. Солопанов Ю.В., Мурашов С.В. Советская милиция как орган охраны общественного порядка // *Советское государство и право*. 1962. № 12. С. 111–119.

10. Камалова Г.Т., Зорина Р.Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа // *Вестник ЮУрГУ*. 2012. № 43.

11. Чапчиков С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (постатейный). М., 2012.

12. О советской милиции: закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 // *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР*. 1991. № 12. Ст. 319.

13. Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика: закон РСФСР от 25 дек. 1991 г. № 2094-1 // *Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ* от 9 янв. 1992 г. № 2. Ст. 62.

1. Kharitonov I.K. *Problems of legal regulation of civil service in the Russian Federation* // *Society and law*. 2015. № 2(52). P. 40–44.

2. Vysotsky I.P. *St. Petersburg capital police and local authority (1703–1903): historical essay*. St. Petersburg, 1903.

3. Deryuzhinsky V.F. *Police law: study aid for students*. St. Petersburg, 1903.

4. Mulukaev R.S. *Development of the Interior of the USSR government system: lecture*. Moscow, 1979.

5. *Encyclopedia of Brockhaus and Efron*. St. Petersburg, 1890–1907.

6. Kubyshko V.L. *The revival of the right to memory* // *Russian police*. 2016. № 2. P. 44–47.

7. Speransky M.M. *Projects and notes*. Moscow; Leningrad. 1961.

8. Valuev P.A. *Blog of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs: in 2 vol.* Moscow, 1961. Vol. 1: 1861–1864.

9. Solopanov Yu.V., Murashov S.V. *Soviet militia as an organ of protection of public order* // *Soviet state and law*. 1962. № 12. P. 111–119.

10. Kamalova G.T., Zorina R.F. *Soviet militia in combating crime in the years of the NEP* // *Bull. of SUSU*. 2012. № 43.

11. Chapchikov S.Yu. *Commentary to the Federal law d.d. February 7, 2011 № 3-FL «On Police» (itemized)*. Moscow, 2012.

12. *On the Soviet militia: law of the USSR d.d. March 6, 1991 № 2001-1* // *Bull. of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR*. 1991. № 12. Art. 319.

13. *On changing the name of the State Russian Soviet Federative Socialist Republic: law of the RSFSR d.d. Dec. 25, 1991 № 2094-1* // *Bull. of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 1992. № 2. Art. 62.

Азарова Ирина Александровнааспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета
(e-mail: ira.azar.84@yandex.ru)

Правовая природа смешанных правовых систем

В статье автор анализирует специфику, назначение, компоненты смешанных правовых систем и значимость их исследования для правовой науки.

Ключевые слова: смешанная правовая система, сравнительное правоведение, общее право, гражданское право.

I.A. Azarova, Postgraduate of the Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; e-mail: ira.azar.84@yandex.ru

Legal nature of mixed legal systems

In this article the author investigates specifics, purpose, the components of mixed legal systems and the significance of their researches to legal science.

Key words: mixed legal system, comparative law, common law, civil law.

Правовая наука оперирует абстрактными понятиями, терминами, обозначающими различные феномены, явления и категории, и для того, чтобы проводить исследования и получать практические результаты, способные развивать науку, прежде всего, необходимо понимать правовую природу последних. В современной юридической компаративистике широкое распространение получил термин «смешанная правовая система». Определение понятия «смешанная правовая система» предполагает не просто исследование дефиниции терминов, сопряженных по смыслу со смешанной правовой системой, но и раскрытие теоретического содержания последней. Такое определение по своему существу не может быть ничем иным, как исследованием природы смешанной правовой системы, что предполагает изучение специфики, стадий развития смешанных правовых систем, их компонентов, уровней, места и функций среди родственных правовых явлений и причин актуальности и значимости их исследования для развития правовой науки.

Начало исследованию смешанных правовых систем было положено в 90-х гг. XIX столетия, в 1899 г. в шотландском юридическом журнале была опубликована статья Фредерика Паркера Уолтона [1, р. 282]. В данной статье впервые были связаны между собой юрисдикции, которые сегодня в науке сравнительного правоведения называются смешанными. В последующем ученый на множестве примеров

исследовал особенности смешанных правовых систем. Он же впервые и сформулировал определение смешанной юрисдикции [2, р. 1], в которое не внесено практически никаких изменений за последние сто лет.

Имеющиеся исследования были затем продолжены его преемником Робертом Варденом Ли, в 1915 г. он издал в юридическом журнале статью с картой, названной «Гражданское право и общее право: мировой обзор» [3, р. 89]. В. Ли осуществил новаторский анализ юридической доктрины в пределах смешанных правовых систем, где автор впервые непосредственно использовал термин «смешанные правовые системы», хотя только и в обозначениях на карте.

Обстоятельное изучение в дальнейшем было осуществлено английским компаративистом сэром Морисом Шелдоном Амсом в журнале «Harvard Law Review» в 1937 г. [4, р. 1249].

В течение приблизительно 50 лет смешанные правовые системы являлись интересной темой изучения, но только для малочисленной группы компаративистов. Однако ситуация изменилась, когда Т.В. Смит указал ученым на практическую пользу исследования смешанных правовых систем [5, р. 89]. В связи с этим смешанные системы стали главным объектом детального исследования компаративистов.

В наши дни исследование смешанных правовых систем снова в моде, проведены глубокие исследования и выпущены труды американ-

ских, английских, шотландских, южно-африканских исследователей. Среди них особо следует выделить книгу Вернона Палмера, изданную в 2001 г., которая закладывает основы и методологию исследования смешанных правовых систем [6]. Можно смело утверждать, что данный научный труд будет первым в списке юридической литературы для ученых, занимающихся проблематикой смешанных правовых систем.

Более ста лет смешанные правовые системы вызывают интерес ученых и являются неиссякаемым плодотворным полем для научного исследования. Столь пристальное и длительное внимание к смешанным правовым системам можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, это происходящие во всем мире процессы глобализации и связанные с ней процессы конвергенции права [7, р. 699]. С указанными процессами связана растущая интернационализация права, сопровождаемая растущим интересом к иностранному праву со стороны тех, кто стремится совершенствовать отечественную правовую систему посредством проведения сравнительно-правовых исследований. Для юристов иностранные правовые системы предлагают плодотворную перспективу и иногда своеобразную награду в виде доктринального решения местных проблем. При изучении правовых систем с названной целью получается, что иностранный закон менее ценен для самого себя, чем для национальной правовой системы за его потенциальный вклад в развитие последней.

Вторая причина связана с первой. Расширение и растущая интеграция Европейского союза обострили интерес к идее европейского частного права, даже относительно европейского гражданского кодекса, который соединил бы правила общего права и гражданского права. Это предложение как поддерживалось, так и критиковалось. Но безотносительно достоинств и недостатков таких дебатов смешанные системы, в особенности Шотландия, показывают возможные модели того, как такая интеграция могла бы быть достигнута.

Нельзя не учитывать и возрождение Южной Африки после политических изменений 1993 г. Смешанная правовая семья была бы не полной без правовой системы Южной Африки. Активность и достижения южноафриканских ученых и научных школ в создании современной смешанной правовой системы были открытием для компаративистов Шотландии [8, р. 191–223; 9, р. 338]. С 1993 г. в связи с этим

наблюдалось постоянное растущее взаимодействие между юристами обеих систем в рамках совместных проектов.

Если анализировать причины активного изучения смешанных правовых систем в 1950 гг. и сегодня, то следует отметить, что первоначально интерес возник из-за опасения за будущее существование традиции гражданского права, а текущий интерес основан в большей степени на национальном самоутверждении и уверенности в собственном праве. Правовая система, которая должным образом исследована, менее уязвима для ассимиляции и более самодостаточна.

Точно так же, как неоднородны сами смешанные правовые системы, неоднороден и интерес к ним. Всех исследователей, занимающихся проблематикой смешанных правовых систем, можно объединить в три группы. К первой группе относятся те юристы, задача которых заключается в развитии Европейского частного права, их можно назвать европеистами. Вторая группа ученых, для которых сами смешанные правовые системы представляют научный интерес, – это компаративисты. И наконец, юристы, работающие непосредственно в пределах смешанных систем. Они оценивают законы и юридическую литературу иной смешанной юрисдикции как средство развития собственной национальной правовой системы и юридической доктрины – это правотворцы. Таким образом, можно предположить, что различные, но иногда совпадающие интересы европеистов, компаративистов, правотворцев и будут определять интенсивность и вектор движения в изучении смешанных систем в будущем.

Таким образом, смешанные правовые системы представляют практический интерес для различных групп исследователей, в связи с этим необходимо обратиться для лучшего понимания их содержания к самому термину, обозначающему данную правовую семью. Одни авторы полагают удачным выбор термина «смешанная» система, другие признают его не совсем удовлетворительным. Представляется целесообразным проанализировать, какие именно компоненты смешиваются в рамках правовой системы, и какой результат достигается в результате этого.

Прежде всего необходимо отметить, что в смешанной правовой системе смешанность происходит на трех различных уровнях. На первом уровне смешиваются основные нормы системы и методология, посредством которой

эти нормы применяются, – это сами нормы, способ мышления и в целом менталитет.

На этом уровне обобщения нормы смешанных юрисдикций имеют преимущественно гражданский характер, в то время как методология воспринята из общего права. В отношении этого сочетания можно привести образную метафору о том, что гражданское право – это «драгоценный камень в брошке... [который] блестит в оправе, сделанной в Англии» [10, р. 585].

Справедливости ради следует заметить, что методология в смешанных системах не является по своей природе исключительно англо-американской. В некоторых юрисдикциях право кодифицировано. Работы юристов в некоторых случаях могут более высоко цениться в смешанных правовых системах, чем в странах системы общего права. Есть также доля правды в традиционном мнении о том, что смешанные системы делают акцент на правах, а не на средствах. Но надо учитывать и тот факт, что в настоящее время отсутствуют в достаточном количестве необходимые сравнительно-правовые исследования, и поэтому представление о том, что сами нормы и механизм их реализации преимущественно гражданские, может быть несколько преувеличено. Тем не менее общее положение не вызывает сомнений. Юристу, представителю системы гражданского права, методы работы юристов большинства смешанных систем представляются бескомпромиссно общими по своему характеру.

Следующий уровень смешения касается непосредственно самих норм. Речь идет о различии между нормами публичного и частного права. Нормы конституционного и административного права, традиционно относящиеся к отрасли публичного права, практически во всех смешанных системах получены из традиции общего права. В то же самое время частноправовые нормы – гражданские по своей природе.

На третьем уровне смешения можно говорить о смешении норм и институтов в рамках самого частного права в том смысле, что некоторые частно-правовые нормы восприняты из традиции гражданского, а другие – из традиции общего права.

Продолжая выделять уровни смешения, на наш взгляд, возможно говорить о смешении между материально-правовыми и процессуально-правовыми нормами, относящимися к различным правовым традициям.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в самых общих чертах смешанные правовые си-

стемы сочетают в себе элементы общей и гражданской традиции права, что может проявляться в самих нормах, в правовой методологии и в общей культуре и менталитете. Однако самой важной особенностью смешанных правовых систем является их способность создавать единственные в своем роде нормы вследствие манипулирования и слияния элементов общего и гражданского права. Их смешения временами рождают новые комбинации, которые вначале мутируют и лишь после начинают подавать признаки жизни, эффективно регулируя общественные отношения.

В процессе совмещения, на первый взгляд, непримиримых норм общего и гражданского права можно выделить несколько стадий формирования смешанных правовых систем.

Первоначальная стадия – это появление иностранной доктрины в правовой системе. Иногда это происходит случайно, в некоторых случаях это продукт законотворчества или решения суда либо своего рода юридического осмоса. В некоторых случаях доктрина утверждается имперской властью или, в случае негосударственной юрисдикции типа Шотландии или Штата Луизиана, в интересах национальной гармонизации. В других случаях это происходит случайно. К удивлению компаративистов, достаточно часто импорт иностранной нормы, института, доктрины происходит по инициативе представителей самой смешанной юрисдикции непосредственно, в том случае если новая доктрина расценивается как привлекательная и применимая для национального права.

После появления доктрины в правовой системе начинается следующая стадия – период реакции и оценки воспринятой доктрины. Желание включить доктрину в иностранное право может впоследствии сопровождаться сожалением о сделанном. В этом случае результатом будет отторжение доктрины, хотя это достаточно редкий и необычный случай. В большинстве же случаев доктрина приветствуется как полезная для правовой системы или даже как основа для развития некоторых институтов права. Возможен и третий вариант отношения к доктрине, как часто, без сомнения, и происходит, – прием новой доктрины сопровождается безразличием.

Третья стадия представляет собой ассимиляцию с основным законом. Это продолжительная и непредсказуемая стадия, поскольку слияние воспринятой иностранной доктрины

с внутренней происходит медленно. Более того, иногда это неполная по своему содержанию ассимиляция. На этой стадии имеют место различного рода аналитические диспуты, предпринимаются не всегда удачные попытки соединения с основным законом, первоначально задуманный план может быть неправильно реализован или не реализован вовсе. Тем временем идет самостоятельный, параллельный процесс естественной ассимиляции: использование доктрины неустанно продолжается, ее правила развиваются практикой, решениями суда и иногда даже в соответствии с законодательством. Таким образом, условно можно выделить два уровня ассимиляции: законодательный и естественный. На первом уровне прилагаются усилия юристов, политиков, на втором процесс протекает самостоятельно и органично. Второй уровень возможен, поскольку правовые системы имеют более высокую толерантность к иностранным составляющим, чем предполагается законодателями [11, р. 95–101].

В итоге доктрина, образно говоря, разобрана и восстановлена в соответствии с правилами и методами, совместимыми с общими принципами принимающей правовой системы. Лишенная особенностей донорской правовой системы доктрина снова функционирует, так же как и прежде. В своем новом виде она готова к реэкспорту в гражданское право или, в зависимости от обстоятельств, в общее право. Такая смешанная система в теоретическом смысле, по замыслу ученых, способна без особых усилий перемещать нормы из одной правовой традиции в другую.

На практике же происходит несколько иначе. Вне всякого сомнения, все правовые системы изучают опыт друг друга, что в особенности важно для небольших или только формирующихся правовых систем, и смешанные правовые системы не являются здесь исключением. Даже краткий анализ компонентного состава смешанных правовых систем показывает, что они сочетают в себе нормы гражданской правовой традиции и нормы общей правовой традиции, но не заимствуют нормы друг у друга. Причем нормы общего права гораздо чаще используются, чем нормы гражданского права, что опять же вполне объяснимо. Прежде всего, это объясняется тем, что английский язык имеет большее распространение в качестве общепринятого универсального языка, отсюда большинство исследований и книг именно

на английском языке. Традиция же гражданского права, имеющая в своей основе латинский язык, заменила его различными европейскими языками, что не способствовало консолидации ни исследований, ни научной литературы, а соответственно, и ее распространению.

Во-вторых, это различия в правовой культуре. Юристам общего права достаточно сложно разобраться в кодифицированном гражданском праве, понять юридическую силу источника, его статус и сферу действия. Основа и правовых систем англо-американского права, и смешанных правовых систем – это прецедентное право.

В-третьих, необходимо учитывать тот факт, что с течением времени гражданское право в смешанной юрисдикции становится отличным от гражданского права, первоначально рецепированного из материнской системы; различия становятся все большими и в том случае, если система гражданского права с тех пор кодифицировалась, а в смешанной правовой системе этого не происходило. Вместе с тем, в последнее время интерес к традиции гражданского права возрос в связи с объединением Европы. Более того, необходимо учитывать, что если проводятся исследования в рамках родственных правовых культур, на общем языке, то практические трудности в контексте систем романо-германского права в значительной степени исчезают.

Сегодня наиболее смешанные системы комбинируют современное общее право с гражданским правом, которое имеет различные степени старинности. До некоторой степени успех любого сравнения будет зависеть от близости сравниваемых систем. Если смешанные системы похожи друг на друга так сильно, как принято думать, то в них содержится много полезного для изучения. Смешанные правовые системы естественно делятся на группы в зависимости от хронологии и причин возникновения, идентичности родительских систем, наличия или отсутствия кодификации. Сравнение вне этих групп может быть менее эффективно, чем сравнение в их пределах. Однако сравнение может быть полезно не только для восприятия полезного опыта, но и для того, чтобы избежать ненужных затрат и ошибок, иными словами, изучить, чтобы избежать, а не скопировать.

Подводя итоги, следует оценить правовую природу смешанных правовых систем как сложную, разноуровневую и многокомпонентную.

Исследуя историю возникновения, специфику правовой культуры и менталитета, эволюцион-

ные тенденции развития смешанных правовых систем, внутренние противоречия между нормами общего права, его судебными учреждениями, процедурами, методологией, и гражданской правовой традицией, можно прийти к следующему выводу. Смешанные правовые системы сегодня занимают самостоятельное место в классификации правовых систем и образуют современную правовую семью наряду с об-

щепризнанными правовыми семьями романо-германского, англо-саксонского, исламского, скандинавского и т.д. права.

Смешанные правовые системы являются прекрасным материалом для исследования практических результатов «юридического перемещения, рецепции, трансформации отдельных элементов» одной правовой системы в другую [12, с. 30].

1. Walton F.P. *The Civil Law and the Common Law in Canada* // *Juridical Review*. 1899. № 11.

2. Walton F.P. *The Scope and Interpretation of the Civil Code*. Montreal, 1907. Reprinted by Butterworth's. Toronto, 1980.

3. Lee R.W. *The Civil Law and the Common Law – A World Survey* // *Michigan Law Revue*. 1915. № 14.

4. Amos Maurice Sheldon. *The Common Law and the Civil Law in the British Commonwealth of Nations* // *Harvard Law Review*. 1937. № 50.

5. Smith T.B. *The Common Law cuckoo has already laid too many eggs in the eagle's nest* // *Studies Critical and Comparative*. 1962. P. 89.

6. Palmer Vernon Valentine. *Conclusions, in Mixed Jurisdiction Worldwide: The Third Legal Family*. Cambridge, 2001.

7. Markova-Murashova S. *The Basis of the Interaction of Legal Systems of Modernity* // *2nd International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. SGEM 2015 Conference Proceedings*. Vol. 1. Bulgaria, Albania 26 Aug. – 01 Sept. 2015.

8. Visser D. *Placing the Civilian Influence in Scotland: A Roman-Dutch Perspective* // *The Civilian Tradition and Scots Law: Aberdeen Quincentenaries' Essays 239* / ed. David L. Carey Miller; Reinhard Zimmermann. Berlin, 1997.

9. Jacques du Plessis. *The Promises and Pitfalls of Mixed Legal Systems: The South African and Scottish Experiences* // *Stellenbosch Law Review*. № 9. 1998.

10. Kahn E., Hahlo H.R. *The South African Legal System and Its Background*. 6th prtg. Kenwyn, South Africa, 1991.

11. Watson A. *Legal Transplants: an Approach to Comparative Law*. University of Georgia Press. 2nd ed. 1993.

12. Маркова-Мурашова С.А. Смешанные правовые системы // *Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России*. 2006. № 1(29); Markova-Murashova S. *Mixed Legal System* // *Bull. of Saint Petersburg university of MIA of Russia*. 2006. № 1(29).

Куликова Наталья Сергеевна

адъюнкт кафедры административного права
Воронежского института МВД России
(e-mail: kulikova-mvd@yandex.ru)

Определение и содержание законности как юридического принципа, метода и состояния общественных отношений

В статье определяются содержание и место правовой категории «законность» в российской правовой науке. Рассматриваются сложившиеся в юридической доктрине взгляды на законность как метод, принцип и состояние общественных отношений. На основе лексико-юридического анализа делается вывод о нежелательности использования категории «режим законности». Предлагается авторское определение правовой категории «законность».

Ключевые слова: законность, принцип, метод, режим, юридическое состояние, правопорядок, демократия, качество нормативных актов.

N.S. Kulikova, Adjunct of the Chair of Administrative Law of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kulikova-mvd@yandex.ru

Definition and contents of the legality as a juridical principle, method and legal state of social relations

The article defines the content and the place of legal category of «legality» in the Russian legal science. The existing legal doctrine views on the legality as the method, the principle and the legal state of social relations are considered. On the basis of lexical and legal analysis concludes that using the category «regime of legality» is undesirable. The author's definition of the legal category of «legality» is proposed.

Key words: legality, principle, method, regime, legal status, law and order, democracy, quality of normative acts.

Как бы ни парадоксально это звучало, но любое государство, даже самое деспотическое либо, наоборот – анархическое, в каком-то смысле является государством законности, т.к. любое государство вырабатывает веления, обязательные для граждан, и требует их исполнения. Основной вопрос заключается в данном случае в двух аспектах: во-первых, к кому обращено требование соблюдения законов; во-вторых, каково качество данных законов.

Ответ на первую часть вышеуказанного вопроса в конечном итоге приводит нас к понятию правового государства. Государство, которое вырабатывает обязательные для граждан веления (принимает законы), но само ими не связано, не может считаться публичной системой, построенной на принципах справедливости и равенства всех перед законом, т.е. правовым государством. В таком публичном образовании одна часть населения (подвластные) связана государственными велениями, а вторая часть (властвующие) может произвольно менять содержание данных велений в зависимости от собственных желаний и потребностей.

Государство, где обе группы населения в одинаковой степени связаны принятыми законами, можно в определенной степени считать правовым.

Дальнейшее движение государства к состоянию правового зависит от ответа на вторую часть поставленного выше вопроса: закон только тогда в полной мере будет соблюдаться гражданами, если он в полной или большей степени будет отвечать их интересам. Если сказать по-другому, граждане в своем большинстве будут признавать его полезность для каждого из них и для общества в целом.

На определенном этапе цивилизационного развития такие законы могут быть выработаны гениальным правителем, однако по мере усложнения общественных отношений один, даже самый способный человек, не в состоянии их охватить своим нормотворческим воздействием. Здесь требуется коллективный разум, который путем столкновения различных позиций и затем нахождения компромисса постепенно вырабатывает приемлемые для всех групп населения правила поведения. В течение нескольких предшествующих столетий и в со-

временной нам действительности роль такого коллективного разума выполняют парламенты.

Предложенная схема не претендует на оригинальность – это лишь краткий пересказ эволюции правовой мысли в европейской цивилизации, однако он создает некую основу для дальнейших рассуждений.

Прежде чем обратиться к анализу сущностного содержания категории «законность», имеет смысл сказать несколько слов о появлении данного термина в России. Как полагает Т.Ю. Ермолова, «появлению и утверждению в государственной и общественной практике понятия “законность” в России способствовало образование Указом Петра I от 12 января 1722 года прокуратуры, отвечающей за строгое и точное соблюдение всех установлений, исходящих от государя, а затем и от высших государственных органов. Строгое соблюдение законов государства, надзор за которыми был возложен на прокуратуру, в последующем стало трактоваться как надзор за законностью, а сама законность – как точное и строгое соблюдение действующих законов» [1, с. 1].

Безусловно, вхождение государства как общества властвующих и подвластных в состояние законности ускоряется при наличии специализированного государственного органа, ответственного за надзор в сфере общественных отношений, однако его наличием все, к сожалению, не обуславливается. История современных государств, в том числе и российская, изобилует примерами того, когда беззакония творятся и при наличии прокуратуры в системе органов государственной власти, и даже при участии в противоправных деяниях отдельных работников данного органа.

Законность как юридическая категория представляет собой весьма многогранное явление. Одной из таких граней является то, что законность представляется в качестве определенного состояния государства и общества, достигаемого ими на высоком уровне их эволюционного развития. Особо хотелось бы подчеркнуть необходимость эволюционной модели развития, т.к. никакое государственное образование первоначально не возникало как государство законности.

Как отмечает М.Н. Марченко, «в числе важнейших признаков и черт правового государства – не только создание, но и поддержание в обществе режима демократии, законности и конституционности, предотвращение попыток узурпации власти, сосредоточения ее в одних или нескольких руках» [2, с. 369]. Данная небольшая цитата формирует для нас доста-

точно обширное поле для рассуждений о сущности законности. Прежде всего, мы видим очевидную связь между категорией «правовое государство» и категорией «законность», причем последняя категория является зависимой, производной от категории «правовое государство». Если сказать иначе, состояние законности может возникнуть только в правовом государстве. Далее, М.Н. Марченко говорит не о собственно «режиме законности», а о «режиме демократии, законности и конституционности», объединяя несколько категорий в некоторую общность.

Таким образом, во-первых, законность невозможна без наличия в государстве и обществе демократии (т.е. реального народовластия, выражающегося прежде всего в том, что объединенный в государство народ своей волей формирует органы государственной власти, а они, в свою очередь, своей деятельностью обеспечивают реализацию интересов народа); во-вторых, законность тесно связана с конституционностью (данный термин включает как наличие в государстве основного закона, так и построение системы государственной власти в соответствии с предписаниями конституции, а также соответствие принимаемых в государстве законов тому объему прав и свобод человека и гражданина, которые содержатся в конституции).

Следует отметить взаимозависимость перечисленных правовых категорий. Хотя законность и является категорией, производной от демократии и конституционности, однако без обеспечения законности невозможны ни реальная демократия, ни обеспечение действия норм конституции.

Теперь еще об одном моменте – о применении к состоянию, именуемому «законность», термина «режим». Дело в том, что закрепление в законодательстве таких понятий, как «режим военного положения» [3], «режим особо охраняемых природных территорий» [4], «режим в исправительных учреждениях» [5] и даже «режим территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» [6], подчеркивает их применение для обозначения специального состояния среды, специальных правил, отличных от повседневного, нормального состояния общества и государства.

В силу указанного применение понятия «режим» к законности, тем более к демократии и конституционности, возможно не в полной мере. Демократия – это нормальное состояние правового государства, которое невозможно

без соблюдения конституционных положений о разделении властей, об основной направленности государства на соблюдение прав и свобод человека и гражданина и т.д.

Законность по своей философской и правовой сущности не может являться режимом. Если ее признать таковым, то логично было бы признать нормальным (но не особенным) состоянием общества беззаконие и правовой нигилизм. Если сказать иначе, то при соединении между собой терминов «законность» и «режим» в одну общность начинаются проблемы реализации философских закономерностей общего и особенного в оценке состояния государства и общества.

Перейдем к анализу сущностного содержания юридической категории «законность». По мнению автора, очень интересным является суждение В.И. Гойманова и В.В. Лазарева: «Законность – это принцип, метод и режим реализации норм права, содержащихся в законах и основанных на них подзаконных нормативных актах, всеми участниками общественных отношений (государством, его органами, должностными лицами, организациями, гражданами). Она закрепляется в конституции и других законах как обращенное ко всем требование, принцип; реализуется как метод деятельности субъектов права и становится таким образом режимом общественной жизни, суть которого в том, что большинство участников общественных отношений соблюдают, исполняют правовые требования и предписания» [7, с. 40].

Рассмотрим данное научное суждение более подробно.

Первое: законность – это принцип. Большинство людей, проживая на территории определенного государства и не сопротивляясь его власти, как бы соглашаются повиноваться тем велениям, которые исходят от органов этого государства, соглашаются быть законопослушными. Соответственно, являясь гражданами либо проживая на территории определенного государства по иным основаниям, люди ожидают того, что официальные органы государства будут в равной степени соблюдать законы при взаимоотношениях с ними. Отсюда следует, что законность можно трактовать как универсальный принцип взаимоотношений между государством и гражданином, которому они должны соответствовать в повседневной действительности.

Второе: законность – это метод. Толкование законности под данным углом зрения в большей степени должно рассматриваться применительно к деятельности самой госу-

дарственной власти. Совокупность органов, образующих государственную власть, в своей деятельности как при взаимодействии с гражданами, так и при внутреннем взаимодействии между собственными структурами должна основываться на повседневной реализации принципа законности, который является единственным, безальтернативным методом практической реализации власти.

Третье: законность – это режим. Мы уже высказали собственную точку зрения по поводу восприятия законности в таком качестве, но тем не менее видим смысл еще раз обратиться к анализу данного понятия. С общеправовой точки зрения у категории «режим» может быть два основных определения:

1) режим как элемент юридического инструментария, соединяющий в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств [8, с. 171];

2) режим как официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия, и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования [9, с. 479].

Для нас наиболее значимым признаком режима является его некая особенность, отличность от обыденности. Идеальный случай обыденности при отсутствии государства как упорядочивающей эту обыденность системы – это полный произвол, выражающийся в реализации права сильного, т.е. понуждении наиболее сильным в данный момент времени субъектом всех остальных субъектов следовать своей воле. Логично предположить, что один наиболее сильный субъект может уступить место еще более сильному субъекту, который будет подавлять его, и эта смена может происходить неопределенно часто. Такое состояние общества, социума можно определить как произвол сильного, оно очень неустойчиво и чревато для людей потерей имущества и даже жизни.

Государство, распространяя свою власть на определенную территорию, сразу становится наиболее сильным субъектом, к тому же чаще всего стабильным. Чтобы обеспечить стабильность своего существования, государство должно обеспечить реализацию своих велений таким образом, чтобы их соблюдали и собственные его органы, и граждане. Вся совокупность усилий государства по обеспечению соблюдения обязательных велений (правовых

предписаний) со стороны всех участников соответствующих правоотношений может именоваться как обеспечение законности, состояние законности.

Отметим, что формально состояние законности как система в достаточной степени безразлично к качественным характеристикам норм права, т.к. требование соблюдения законов и иных нормативных предписаний не зависит от содержания этих предписаний, которые могут включать и правила поведения, не отвечающие принципам социальной справедливости и равенства, на которые опираются при моделировании современных законов в правовом государстве. Такого рода «законность», когда при излишнем, навязчивом регулировании граждан буквально вынуждают жить по малоприемлемым для них правилам, может быть обеспечена только многочисленным и сильным репрессивным аппаратом и может быть только односторонней – требования к соблюдению законов будут выдвигаться только в сторону подвластных, но не будут обращены к представителям власти, которые в своих действиях не связаны установленными процедурами, но только целью возвышения публичного интереса над частным. Такое положение характерно для деспотического государства и в определенной мере – для полицейского государства, реализующего навязчивый патернализм. Вот его и можно именовать «режимом законности».

Но на самом деле ни о какой законности в данном случае речи не ведется – власть не вправе творить произвол, одновременно требуя от граждан безусловного исполнения всех своих многочисленных указаний. Подъем государства и общества к состоянию законности возможен только при обоюдном стремлении государственной власти в лице ее органов и граждан к соблюдению законов, выражающемся, в том числе, во взаимном уважении к установленным правилам поведения.

В этом контексте хотелось бы сделать дополнительный акцент еще на одной стороне, на одной грани законности – на качественных характеристиках нормативных предписаний. Для понимания комплекса связанных с этим проблем представляется ценным суждение В.С. Нерсисянца, согласно которому «общеобязательность закона обусловлена его правовой природой и является следствием общезначимости объективных свойств права, показателем социальной потребности и необходимости властного соблюдения, конкретизации и защиты принципа и требований права в соответствующих официальных актах

и установлениях. И именно потому, что, по логике вещей, не право следствие официально-властной общеобязательности, а, наоборот, эта обязательность – следствие права, такая общеобязательность выступает как еще одно необходимое определение права. Смысл этого определения состоит не только в том, что правовой закон обязателен, но и в том, что «общеобязателен только правовой закон» [10, с. 191].

В приведенной цитате самым важным для данного исследования является утверждение о том, что общеобязателен только правовой закон. Если сказать иначе, норма права, имеющая порок с точки зрения ее соответствия принципам права, демократическому устройству государства, правам и свободам человека и гражданина, не может быть положена в основу законности. Поэтому проблему законности необходимо рассматривать также с позиции качества норм права, качества принимаемых актов.

Для полноты картины, связанной с пониманием категории «законность», необходимо рассмотреть ее системную связь с другой основополагающей категорией, именуемой «правопорядок». Как полагает А.В. Малько, «правопорядок представляет собой систему общественных отношений, в которых поведение субъектов является правомерным» [11, с. 192].

В.В. Лазарев полагает, что «правопорядок – это состояние упорядоченности общественных отношений, основанное на праве и законности» [7, с. 37]. А.Б. Венгеров определяет правопорядок как «юридическое состояние общественных отношений, суммарный итог, результат соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм в обществе» [3, с. 282].

Из всех приведенных определений, по нашему мнению, наиболее точным является последнее. Правопорядок есть некоторый итог как правового регулирования, так и правоприменения. Он может быть основан на законности, а может иметь существенные отклонения от данного принципа. Он может быть демократическим, воплощающим в реальную действительность либеральные ценности, а может быть основан на авторитаризме государственной власти, подавлении неугодных, критикующих реализацию власти, не опирающейся на желания большинства граждан данного государства.

Таким образом, законность является одной из характеристик правопорядка, позволяющих утверждать, что он основан на взаимном со-

блюдении основными сторонами публичных правоотношений – органами государства и гражданами – нормативных установлений.

Законность как определенное состояние системы «государство – право – гражданин» не может возникнуть сама по себе. Для вхождения ее в такое, прямо сказать, желаемое состояние, необходима целая совокупность предпосылок, которые обычно именуют гарантиями [11, с. 93].

Среди таких предпосылок на первое, ведущее место обычно ставится совокупность социально-экономических условий (средний или высокий уровень благосостояния общества, основанный на многообразии форм собственности, реальные экономические свободы, возможность безбоязненно извлекать выгоду из эксплуатации объектов частной собственности и т.д.). В таких условиях обе стороны социального взаимодействия: граждане, реализующие государственную власть (аппарата государства), и граждане из подвластной подсистемы практически в одинаковой степени заинтересованы в возникновении состояния законности, т.к. оно позволяет обеспечить дальнейшее увеличение благосостояния всех без исключения за счет упорядоченности и предсказуемости экономических отношений, возникновения условий для предпринимательской инициативы, развития производства, увеличения потребления и т.д.

Тесно связанной с экономическими предпосылками, но в большей мере воспринимаемой как гарантии является совокупность политических предпосылок. К ним относятся прежде всего разделение властей, демократическая, основанная на многопартийности, политическая система, позволяющая учесть и политически опосредовать интересы подавляющего большинства граждан, наличие механизмов соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, свобода средств массовой информации, общественный контроль за деятельностью органов государственной власти, основанный на открытости государства перед обществом, минимизации секретности в деятельности государственного аппарата и т.д.

Не менее важными являются и идеологические предпосылки, среди которых, прежде всего, следует выделить уровень морально-нравственного воспитания граждан, формирующего у них уважение к праву, государственным институтам, повышающего уровень правосознания и в конечном итоге формирующего у большинства граждан осознанное желание на-

ходиться в состоянии законности и исключать для себя противоправное поведение.

Следующей группой предпосылок, которые также возможно рассматривать в качестве гарантий, являются юридические, основанные на нормативном упорядочении деятельности государственного аппарата путем установления формальных процедур и особо тщательном процедурном регулировании порядка привлечения граждан и организаций к юридической ответственности, а также опирающиеся на сформированный комплекс юридических презумпций, позволяющих полагать поведение субъектов, находящихся в управляемой подсистеме, правомерным и требующих во всех случаях доказывать противоправность такого поведения нормативно установленными способами и в нормативно установленных пределах.

Наконец, состояние законности не будет обеспечено, пока не будут сформированы специальные институты разрешения конфликтов, надзора за соблюдением нормативных предписаний и пресечения противоправного поведения. Основным институтом разрешения социальных конфликтов на основе применения норм права являются суды. Основным специализированным институтом надзора за соблюдением всеми участниками правоотношений установленных нормативных предписаний в нашей стране является прокуратура. Основным институтом пресечения противоправного поведения является полиция. Впрочем, у последней из указанных государственных структур функция в системе обеспечения законности двойная: на нее также возложены задачи осуществления надзора в специальных сферах правоотношений.

Таким образом, можно утверждать, что состояние законности в обществе и государстве возникает только тогда, когда имеется определенный комплекс предпосылок, ряд из которых можно одновременно рассматривать и в качестве гарантий.

Вышеуказанное позволяет сформулировать следующее определение юридической категории «законность» – это определенное состояние демократически организованного государства, а также общества, жизнь которого основана на цивилизованных морально-нравственных принципах, при котором органы государства и граждане (общество) стремятся в своей деятельности к максимальному соблюдению правовых законов, принятых конституционно-уполномоченными органами государства.

1. Законность в Российской Федерации / А.И. Абрамова, М.С. Андрианов, А.К. Большова и др. М., 2008.

2. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2001. Т. 1.

3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М., 2000.

4. Об особо охраняемых природных территориях: федер. закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001.

8. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.

9. Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учеб. М., 2009.

10. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004.

11. Малько А.В. Теория государства и права в схемах, определениях и комментариях: учеб. пособие. М., 2010.

1. Legality in the Russian Federation / A.I. Abramova, M.S. Andrianov, A.K. Bolshova, et al. Moscow, 2008.

2. General theory of state and law. The academic course: in 3 vol. / resp. ed. M.N. Marchenko. Moscow, 2001. Vol. 1.

3. Vengerov A.B. Theory of the state and law: textbook for judicial higher education institutions. Moscow, 2000.

4. About especially protected natural territories: fed. law d.d. March 14, 1995 № 33-FL. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

5. Criminal and executive code of the Russian Federation d.d. Jan. 8, 1997 № 1-FL. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

6. About social protection of the citizens who were affected by radiation owing to accident on the Chernobyl NPP: law of the Russian Federation d.d. May 15, 1991 № 1244-1. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

7. General theory of law and state: textbook / ed. by V.V. Lazarev. Moscow, 2001.

8. Alekseev S.S. The theory of law. Moscow, 1995.

9. Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative law: textbook. Moscow, 2009.

10. Problems of the general theory of law and state: textbook for higher education institutions / gen. ed. by V.S. Nersesyants. Moscow, 2004.

11. Malko A.V. Theory of state and law in schemes, definitions and comments: study aid. Moscow, 2010.

Зырянов Игорь Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: igzyr@mail.ru)

Административные возможности органов местного самоуправления как субъектов обеспечения правопорядка (по материалам Республики Крым)

В статье проводится исследование компетенции органов местного самоуправления в сфере обеспечения правопорядка, рассматриваются их конкретные властные полномочия, права и обязанности, способы реализации правоохранительной функции в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, права и обязанности, правопорядок, компетенция.

I.V. Zyryanov, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Agencies of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: igzyr@mail.ru

The administrative capacity of local self-government as subjects of law order ensuring (on materials of the Republic of Crimea)

The article examines the competence of bodies of local self-government in the enforcement of their specific powers, rights and duties, and ways of the implementation of law enforcement functions in this area.

Key words: organs of local self-government, rights and responsibilities, rule of law, competence.

При рассмотрении аспектов, касающихся компетенции органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка (правопорядка), имеет смысл обратиться еще раз к содержанию такового. Компетенция – это круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен [1]. Иногда компетенцию отождествляют с совершенно иным по смыслу понятием «правоспособность». Под таковой понимается – способность иметь права и нести установленные государством обязанности [1]. Такое отождествление, на наш взгляд, является ошибочным, поскольку правоспособность реализуется всегда посредством правоотношений, а компетенция – очень часто и без них.

По своему содержанию компетенция состоит не только из конкретных властных полномочий, которые образуют, прежде всего, право и обязанность осуществлять определенные элементы единой функции управления. За основу здесь должен быть взят тезис о том, что компетенция в отличие от правоспособности – это не возможность правообладания, а уже наличные, вытекающие непосредственно из закона

полномочия определенных органов [2, с. 141]. Правоспособность закрепляет юридическую возможность собственного поведения. Правоспособность может вытекать даже из одной общей нормы. Компетенция же вооружает орган возможностями активно влиять на поведение других лиц и организаций.

Компетенция органов местного самоуправления с точки зрения ее содержания состоит: из обязанностей (например, перед гражданами, проживающими на определенной территории); прав (субъектов управления по отношению к объектам); обратных связей, необходимых для прогнозирования поведения объекта, на который осуществляется управляющее воздействие.

Подводя итог вышеуказанному, следует отметить, что под компетенцией органов местного самоуправления, если характеризовать ее в самом общем виде, понимается система государственно-властных полномочий, вытекающих из нормативных правовых актов федерального и регионального значения.

Непосредственно, основываясь на законодательстве, органы местного самоуправле-

ния осуществляют упорядочение общественных отношений на закрепленной территории муниципалитета, тем самым решая конкретные вопросы местного значения, отнесенные к их ведению. Вместе с тем, что касается сферы обеспечения правопорядка, то в этом случае прослеживается необходимость в делегировании органам местного самоуправления конкретных государственно-властных полномочий в рассматриваемой сфере общественной жизни.

Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., признавая и гарантируя местное самоуправление, определяет его статус в системе народовластия и наделяет его определенными полномочиями, необходимыми для решения вопросов местного значения, реализации задач и функций местного самоуправления.

Основываясь на концепции федерального законодательства, органы местного самоуправления осуществляют свою деятельность в пределах своих полномочий. «Полномочия органов местного самоуправления – это закрепляемые нормами муниципального права за населением, выборными и иными органами местного самоуправления права и обязанности, необходимые для осуществления задач и функций местного самоуправления на территории муниципальных образований» [3, с. 251–252].

Всю совокупность полномочий органов местного самоуправления можно разделить на два структурных элемента. К первому следует отнести те полномочия, которые гарантирует государство и признает за органами местного самоуправления. Второй состоит из отдельных государственных полномочий, которыми государство может наделить органы местного самоуправления.

Все многообразие полномочий органов местного самоуправления и образует их компетенцию. Права и обязанности (полномочия) являются важнейшим элементом компетенции органов местного самоуправления, которая, в свою очередь, является сложной правовой категорией, структурно состоящей не только из прав и обязанностей, но и из предметов ведения.

Нормальное динамическое развитие всех без исключения аспектов жизни граждан, проживающих на территории муниципалитета, зависит непосредственно от качества обеспечения правопорядка на конкретной территории. В связи с этим следует обратиться к нормам, закрепленным в ч. 1 ст. 132 Конституции РФ, согласно которой «органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения».

Вместе с тем, вопросы обеспечения правопорядка имеют местное значение лишь в том смысле, что они решаются на конкретной территории и данными субъектами местного самоуправления. Но остаются они при этом, несомненно, частью общегосударственной проблемы правопорядка в стране [4, с. 96]. Данное право участия в охране общественного порядка делегировано местному самоуправлению неслучайно, поскольку невозможно представить самоуправление без возможности участия населения в обеспечении его законных прав.

В качестве перспективы дальнейшего развития (совершенствования) органов местного самоуправления следует изучить возможность применения в нашем государстве опыта зарубежных стран. Традиционно за рубежом, как правило, разграничена компетенция так называемой муниципальной (местной) и федеральной полиции на основе сформированного пакета нормативных правовых актов. При этом полиция муниципалитета (местная) руководствуется законодательством страны, в котором содержатся только общие аспекты ее деятельности и по сути отсутствует разграничение предметов ведения между федеральной и муниципальной (местной) полицией, их также нет в процессе осуществления профилактической работы. Одной из форм совместной деятельности данных правоохранительных структур является содействие федеральным структурам при расследовании наиболее тяжких преступлений.

Особенностями муниципальных органов обеспечения правопорядка являются определенные атрибутивные признаки, включающие в себя процесс образования данных правоохранительных структур, особенности осуществления контроля над их деятельностью, источники финансирования (местный или федеральный бюджет). Взамен они «обязаны защищать, в пределах установленной компетенции и на территории обслуживаемых муниципальных образований, жизнь, здоровье, права и свободы граждан, интересы населения соответствующей территории и, наряду с этим, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств» [5, с. 35].

В качестве дальнейшего перспективного варианта развития правоохранительного потенциала органов местного самоуправления в нашей стране следует считать включение муниципальных органов обеспечения правопорядка в исполнительные органы местного самоуправле-

ния, при этом не обязательно они должны быть муниципальной (местной) полицией.

Соответственно, устав муниципального образования должен содержать наименование данного структурного элемента, его компетенцию, структуру и штатную численность. Эти структурные составляющие являются базовыми в содержании сущности муниципальных органов обеспечения правопорядка и вряд ли могут быть теоретически оспорены с позиций его обеспечения на территории муниципальных образований.

Наиболее проблемным аспектом является определение компетенции в рассматриваемой сфере. На наш взгляд, более целесообразно рассмотреть две модели.

Первая модель структуры полиции должна представлять собой три уровня: федеральная полиция, полиция субъектов и муниципальные органы обеспечения правопорядка. Предполагается, что муниципальным органам обеспечения правопорядка должна быть делегирована большая часть правоохранительных функций, осуществляемых в настоящее время МВД России. Структуру муниципальных органов обеспечения правопорядка следует перенять у МВД России. Вместе с тем, следует учитывать региональные экономические факторы (например, часть регионов России являются дотационными, что ставит под сомнение возможное финансирование муниципальных органов охраны правопорядка).

Вторая модель предусматривает так называемый принцип «партнерских отношений», т.е. правоохранительные органы местного самоуправления не станут заменять собою органы внутренних дел на местах.

Данные правоохранительные формирования должны работать в тесном взаимодействии на основе принципа разграничения компетенции. Например, муниципальные органы обеспечения правопорядка могли бы заниматься предупреждением и пресечением «уличной» преступности, профилактикой безопасности дорожного движения, патрулированием территории муниципалитета и т.д.

Функционирующие за рубежом органы обеспечения правопорядка на самоуправляемых территориях в зависимости от состояния правопорядка соответствуют представленным выше моделям.

Однако, проведя исследование зарубежного опыта на предмет перспективности его применения в современных экономических условиях развития нашей страны, можно сделать вывод о необходимости его дальнейшего изучения.

На наш взгляд, следует выработать другую, более перспективную для России модель развития потенциала органов местного самоуправления.

Следует учесть и исторический аспект: 3 июля 1996 г. был опубликован Указ Президента № 802 [6], который был направлен на создание правовых, организационных и материальных основ формирования и функционирования муниципальных органов обеспечения правопорядка вне системы МВД России. Аналогичным ориентиром предстает и проект Федерального закона «Об основах организации и деятельности муниципальных органов правопорядка (муниципальной стражи) в Российской Федерации».

Вполне возможно, что на фактическое приостановление дальнейшего разделения прежде единой полиции на муниципальную и федеральную составляющие повлияли и упомянутые нами причины. Следствием этого приостановления, на наш взгляд, является то, что до сих пор компетенция органов местного самоуправления по обеспечению правопорядка так конкретно и не определена.

Одним из субъектов, влияющим на качество обеспечения общественного порядка на территории муниципалитета, являются граждане или их объединения правоохранительной направленности. Основным нормативным правовым актом, регламентирующим участие граждан в охране общественного порядка, является Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», который на федеральном уровне предусматривает пять форм «сотрудничества» полиции и населения.

Во-первых, это содействие правоохранительным органам. Оно предполагает участие в охране общественного порядка, в том числе при проведении массовых мероприятий, информирование полиции о правонарушениях и угрозах общественному порядку. Вторая форма – помощь правоохранительным органам в поиске пропавших без вести. Третья форма – работа в качестве внештатных сотрудников полиции. Четвертая форма – участие в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности. Пятая форма – добровольные народные дружины. Одной из особенностей привлечения народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности к охране общественного порядка по месту их создания является внесение их в региональный реестр, без чего невозможна их правоохранительная деятельность.

Самыми ключевыми из них являются такие формы участия, как внештатные сотрудники полиции, добровольные народные дружины, в том числе создаваемые из числа членов казачьих обществ.

До возвращения Крыма в состав России казачье движение на полуострове не воспринимали всерьез ни киевские, ни местные власти и даже сами казаки – слишком много было желающих называться атаманами. Проблема была в том, что на Украине как такового закона о казачестве не было. В результате любая организация по своему желанию (их, по сводкам СБУ, в республике насчитывалось более 40) учреждала и вручала чины и регалии на свое усмотрение. В настоящий момент официально зарегистрировано 24 казачьих станичных и хуторских общества – это порядка 2700 человек [7].

В России успешно применяется практика охраны общественного порядка казачьими организациями. Они участвуют в охране порядка на мероприятиях, патрулируют города и поселки, принимают участие в охране государственной границы России и других мероприятиях, связанных с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций. При этом существуют проблемы организационного характера, например, на сегодняшний день в Севастополе нет казачьих обществ, официально внесенных в государственный реестр, что не позволяет казакам ускорить процесс регистрации общин для полноценной работы в правовом поле Российской Федерации [8].

Согласно официальной статистике по состоянию на 1 января 2016 г. на территории Республики Крым раскрыто (расследовано) 13178 преступлений, из них 2531 – тяжких и особо тяжких. Всего по оконченным преступлениям выявлено 10129 лиц, подозреваемых в совершении уголовно наказуемых деяний, в том числе 1498 женщин и 515 несовершеннолетних. На момент совершения преступления 77,9% выявленных лиц не имели постоянного источника дохода, из них 2,5% – безработные. Из числа зарегистрированных преступлений 75,2% совершены в городах и поселках городского типа, 6897 – в сельской местности. В общественных местах совершено 10694 преступления, в том числе на улицах – 21,5%. Основное количество преступлений, совершенных на улицах, составили кражи и грабежи [9]. В целях снижения в регионе уровня преступности, террористической угрозы необходимо активизировать деятельность полиции в тесном взаимодействии с населением. Качественное противодействие такому социальному явлению,

как терроризм, невозможно только силами государственных органов охраны правопорядка без соответствующей поддержки этой деятельности со стороны гражданского общества [10].

Таким образом, под обеспечением общественного порядка в рамках данного исследования мы будем понимать создание условий, способных формировать определенную модель социально значимого поведения граждан, соотносимую с определенными законодательно закрепленными нормами. Данный подход к пониманию правопорядка позволяет говорить о предсказуемом регулировании общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения правопорядка, что, в свою очередь, может послужить основанием для оценки возможности удовлетворения конкретной потребности общества в правообеспечении в данное время и в данном месте, а следовательно, и для оценки реального потенциала государства и всех его правоохранительных органов по обеспечению предполагаемого состояния правопорядка.

Из всего вышеобозначенного следует вывод о том, что обеспечивать общественный порядок можно посредством создания условий, способных предопределить социально значимое поведение людей. Выявление и создание таких условий посильно общественным объединениям правоохранительной направленности в союзе с правоохранительными органами и, в частности, с органами внутренних дел. Социально значимое поведение проявляется, в основном, в общественных местах, в отдельно взятой территориальной единице (муниципалитете), и его надлежит оценивать относительно официально закрепленных норм. При этом таковые могут формулироваться на местном уровне, с учетом исторических и иных местных традиций населения, но в рамках, установленных действующим законодательством.

Именно в этой связи следует весьма осторожно оценивать настоящее и будущее такой формы участия населения муниципалитета в обеспечении правопорядка. Дело в том, что сама специфика этих формирований, вне зависимости от намерений субъектов взаимодействия, чревата ослаблением организационных связей с государственными правоохранительными органами.

К тому же муниципальные органы обеспечения правопорядка предрасположены к независимому от государственных органов функционированию, особенно в условиях систематически неэффективной деятельности

правоохранительных учреждений государства [11].

Следовательно, следует распределить не только полномочия между органами внутренних

дел и органами местного самоуправления в данной сфере, но и подумать о формах, в которых может быть реализован правообеспечительный потенциал органов местного самоуправления.

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

2. Пушкин А.А., Красько И.Е. Рецензия на книгу В.К. Мамутова «Компетенция госорганов в решении хозяйственных вопросов» // Советское государство и право. 1964. № 11.

3. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право РФ: учеб. М., 1998.

4. Кононов А.М. Местное самоуправление в Российской Федерации. Саратов, 1997.

5. Кононов А.М. Роль и место органов местного самоуправления в осуществлении охраны общественного порядка (вопросы теории и практики) // Государство и право. 1997. № 12.

6. Собр. законодательства РФ. 1996. № 23. Ст. 2755.

7. Новости хуторского казачьего общества «Хутор Воинский». URL: <http://ppko-cossacks.ucoz.net/>

8. Севастополь будут патрулировать казаки общины и дружинники. URL: <http://crimea.ria.ru/society/20150416/310136.html>

9. Результаты деятельности МВД по Республике Крым (январь – декабрь) 2015 г. URL: https://82.mvd.ru/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti/dec_2015

10. Еремеев Д.В. Участие общественных формирований в противодействии терроризму в Крымском федеральном округе // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики / под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь, 2015. С. 176–181.

11. Томин В.Т. Проблемы оптимизации среды функционирования органов внутренних дел: учеб. пособие. Горький, 1978.

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 1994.

2. Pushkin A.A., Krasko I.E. A review of the book of V.K. Mamutov «The Competence of state bodies in solving economic issues» // Soviet state and law. 1964. № 11.

3. Kutafin O.E., Fadeev V.I. Municipal law of the Russian Federation: textbook. Moscow, 1998.

4. Kononov A.M. Local government in the Russian Federation. Saratov, 1997.

5. Kononov A.M. Role and place of local governments in the implementation of public order protection (theory and practice issues) // State and law. 1997. № 12.

6. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 23. Art. 2755.

7. News of farm Cossack society «Military farm». URL: <http://ppko-cossacks.ucoz.net/>

8. Sevastopol will patrol Cossack communities and vigilantes. URL: <http://crimea.ria.ru/society/20150416/310136.html>

9. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Crimea (January – December) of 2015. URL: https://82.mvd.ru/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti/dec_2015

10. Eremeev D.V. Participation of community groups in countering terrorism in the Crimea federal district // Response to extremism and terrorism in the Crimea federal district: problems of theory and practice / gen. ed. by S.A. Butkevych. Simferopol, 2015. P. 176–181.

11. Tomlin V.T. The problems of optimizing the environment of functioning of Internal Affairs Bodies: study aid. Gorky, 1978.

Габов Андрей Владимирович
доктор юридических наук,
заместитель директора Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
(e-mail: gabov@izak.ru)

О праве кредитора при проведении реорганизации потребовать досрочного исполнения обязательства, а при невозможности такого исполнения – прекращения обязательства и возмещения убытков

В предлагаемой статье анализируются вопросы взаимоотношений между кредиторами и реорганизуемым юридическим лицом – должником в обязательстве. Актуальность статьи определяется изменениями, внесенными в этой части в ст. 60 Гражданского кодекса в 2014 г.

Ключевые слова: юридическое лицо, реорганизация, права кредиторов.

A.V. Gabov, Doctor of Law, Deputy Head of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; e-mail: gabov@izak.ru

On the right of the lender to demand during the reorganization of the early performance of obligations, and if it is impossible for such performance – termination of an obligation and compensation for damages

This article analyzes the relationships between creditors and reorganized legal entity – the debtor in the obligation. The relevance of the article is determined as amended in that part of art. 60 of the Civil Code in 2014.

Key words: legal entity, reorganization, creditors' rights.

1. Реорганизация юридического лица для лиц, с которыми такое юридическое лицо состоит в обязательно-правовой связи, является существенным риском.

Такой риск проистекает из того, что в результате завершения реорганизации: а) юридическое лицо может быть существенно изменено, причем таким образом, что осуществление прав кредиторов будет сопряжено с дополнительными расходами либо увеличенными сроками осуществления прав сверх обычных (предусмотренных для исполнения того или иного обязательства или обязанности), которых не было бы, если бы юридическое лицо – должник не приняло решения о реорганизации; б) юридическое лицо либо прекратит свое существование, либо его финансовое состояние станет таким, что оно столкнется с перспективой банкротства [1, с. 85–86].

2. В отечественном законодательстве 20–50-х гг., а также в новейшем российском законодательстве (период после принятия Гражданского кодекса РФ в 1994 г.) этот риск регу-

лировался путем предоставления кредиторам специальных прав [2, с. 43–54, 101–106, 570–587], основанием для которых было принятие соответствующего решения о реорганизации (под «реорганизацией» применительно к периоду 20–30-х гг., когда соответствующий термин не использовался в качестве обобщающего термина для большой группы организационных изменений, мы имеем в виду решения о соединении, объединении, разделении, прекращении и проч. изменениях юридического лица, которые по своим результатам и порядку осуществления в настоящее время охватываются понятием «реорганизация» [2, с. 34–67]). Однако содержание этих специальных прав было различным.

Нормативные акты 20-х гг. указывали на право кредитора заявить протест против соответствующего организационного изменения, который направлялся непосредственно юридическому лицу, а также компетентному государственному органу. Такие права указывались в следующих документах: постановление СНК

СССР от 24 июля 1923 г. «О порядке соединения и разделения промыслово-кооперативных товариществ и союзов»; Нормальный устав потребительского общества, управляемого собранием уполномоченных, утвержденный Декретом СНК РСФСР от 21 ноября 1924 г.; Положение о порядке прекращения кооперативных организаций при их ликвидации, соединении и разделении, утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г.; Положение о сельскохозяйственной кооперации, утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 октября 1927 г.; Положение о промышленной кооперации, утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г. Не углубляясь в детали (подробный анализ указанных актов см.: [2, с. 42–49]), отметим, что во многом эти документы ставили проведение реорганизации в зависимость от воли кредиторов; некоторые документы из названных содержали механизм преодоления протестов, но в любом случае обязывали провести с кредиторами переговоры для достижения соглашения. Нормативные акты 20-х гг. при регулировании отношений реорганизуемых лиц со своими кредиторами основывались на общих требованиях ГК РСФСР 1922 г., ст. 126 которого указывала, что перевод должником своего долга на другое лицо допускается лишь с согласия кредитора [2, с. 54], хотя применительно к анализируемой ситуации абсолютность этого правила и имела известные исключения (в части механизма преодоления протестов кредиторов).

Иная модель регулирования отношений реорганизуемого лица и его кредиторов была закреплена в Положении о порядке передачи совхозам земель и общественного имущества колхозов при преобразовании их в совхозы и порядке расчетов с колхозниками, утвержденном постановлением Совета министров СССР и Центрального комитета КПСС от 3 мая 1957 г. № 495 «О порядке передачи колхозного имущества при преобразовании колхозов в совхозы». Этим документом кредиторам колхозов предоставлялось право предъявить свои претензии специальной комиссии по прекращению деятельности колхоза; документ обязывал в период деятельности этой комиссии произвести расчеты со всеми кредиторами (объем таких расчетов документ не устанавливал), но что важно: саму возможность реорганизации в зависимость от воли кредиторов документ не ставил (подробный анализ документа см.: [2, с. 52, 53]).

В последующие годы законы практически не указывают на специальные права кредиторов, что, как можно предположить, предопределялось спецификой экономической системы.

3. Существенное изменение экономических отношений в конце 80-х – начале 90-х гг. привело к тому, что интересы кредиторов при реорганизации оказались необеспеченными, незащищенными [3, с. 98; 4, с. 108]. Для решения этой проблемы в Гражданский кодекс, принятый в 1994 г., были включены положения (ст. 60) о гарантиях прав кредиторов юридического лица при его реорганизации. Одной из таких гарантий стало предоставление кредиторам права потребовать прекращения или досрочного исполнения обязательства, должником по которому является это юридическое лицо, и возмещения убытков.

Как видно из приведенного фрагмента, Кодекс создавал максимально комфортные условия для кредиторов: во-первых, они получали специальное право; во-вторых, это право представляло собой альтернативу, в которой выбор между вариантами закреплялся за кредитором; в-третьих, Кодекс не содержал никаких условий или ограничений для осуществления предоставленного права, говоря иначе, оно было безусловным и зависело только от воли кредитора, который мог не учитывать интересы реорганизуемого лица. Соответствующие положения были продублированы впоследствии в ряде специальных законов (ст. 15 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в первоначальной редакции), ст. 51 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в первоначальной редакции), ст. 29 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (в первоначальной редакции), ст. 41 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (с 2006 г., после изменений, внесенных Федеральным законом от 3 ноября 2006 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О сельскохозяйственной кооперации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»)).

Аргументы о том, почему в ГК были закреплены именно такие права кредитора, в исследованиях (авторами которых были, в том числе, и разработчики проекта ГК [3, с. 98–99]) не приводились. Это касается и конфигурации прав, которые предоставлялись кредитору, и установления альтернативы (досрочное испол-

нение или прекращение), и наделения правом на возмещение убытков. Ни один из этих вопросов не был подробно разъяснен при вступлении в силу ГК и позднее.

Можно предположить, что выбор конфигурации прав (альтернатива досрочного исполнения или прекращения, в любом из выбранных вариантов дополненная правом на возмещение убытков) объяснялся следующим образом: разработчики исходили из абсолютной полезности для устойчивости оборота защиты интересов кредиторов. Поэтому предлагали самому кредитору (в одностороннем порядке) решить вопрос о судьбе обязательства (использовать специальное право или нет, требовать досрочного исполнения или прекращения обязательства). В одном из исследований отмечалось, что «жесткость положений ГК РФ» обусловлена российской практикой, когда в результате реорганизации создаются юридические лица, заведомо неспособные выполнять обязательства, а реорганизация часто проводится с целью избавиться от определенных долгов [5, с. 46]. В таком подходе игнорировалось то обстоятельство, что реорганизуемое лицо – должник в обязательстве при его прекращении также терпит убытки, поскольку за словом «прекращение обязательства», к примеру, скрывалось прекращение не только прав и обязанностей кредитора, но и прав и обязанностей реорганизуемого лица, от воли которого в закреплённой модели ничего не зависело. Наделение кредиторов правом на возмещение убытков можно предположительно объяснить подходом к убыткам как универсальной форме защиты прав, которая позволяет компенсировать потери от досрочного прекращения обязательства.

Выбор самих прав (досрочное исполнение или прекращение), которые предлагались кредитору, наталкивает на вывод о связи положений ст. 60 ГК РФ с общими положениями об обязательствах и договорах. Однако здесь авторы ГК РФ, прямо скажем, изначально «заложили» некоторую проблему, поскольку при анализе ГК РФ нельзя не заметить некоторой «оторванности» положений ст. 60 ГК от общих положений об обязательствах и договорах. К примеру, если в части прекращения особенности прекращения применительно к ликвидации были урегулированы в гл. 26 Кодекса (ст. 419), то особенности прекращения обязательств при реорганизации в ней были урегулированы лишь частично. Понятно, что возможность прекращения обязательства по требованию кредитора, которую предусматривала ст. 60 ГК РФ в первоначальной редакции, охватывалась

ст. 407 ГК РФ. Однако данная статья «покрывает» только вопросы основания прекращения обязательства, а вот условия прекращения обязательства в этом случае остались без внимания; без внимания остались и вопросы о возможности прекращения обязательства по иным основаниям, предусмотренным указанной главой ГК РФ. Не нашлось места и для регулирования особенностей досрочного прекращения обязательств при реорганизации в главе 22 Кодекса. Досрочное исполнение ст. 315 ГК РФ связывала (и до сих пор, кстати, связывает) только с инициативой самого должника, а вовсе не кредитора; открытым остался вопрос о том, в каком размере должно быть осуществлено исполнение до срока, в частности, должно ли осуществляться дисконтирование денежного обязательства и проч. вопросы.

Отдельная проблема, которая впоследствии породила противоречивость в практике, – соотношение положений ст. 60 ГК РФ с положениями гл. 24 ГК РФ. В этой главе применительно к вопросам перемены лиц в обязательстве, прежде всего, в части перевода долга (ст. 391 ГК в первоначальной редакции) регулирование соответствующих вопросов отсутствовало. В практическом плане вопрос сводился к следующему: если общее правило ст. 391 ГК РФ устанавливает, что перевод должником своего долга на другое лицо допускается лишь с согласия кредитора, и в ст. 60 ГК РФ по этому вопросу не сделано никакого исключения, означает ли это, что любой кредитор имеет право дать или не дать согласие на перевод долга при реорганизации, по существу, получив право «вето», а впоследствии он же, дав соответствующее согласие, может ли также реализовать права, которые ему предоставляет ст. 60 ГК РФ?

В комментариях и исследованиях, и даже в актах правоприменения, по этому вопросу мнения разделились. Одни авторы полагали, что согласие кредитора на перевод долга получать необходимо. К примеру, высказывались такие соображения: «Если реорганизуемое юридическое лицо является в обязательственном правоотношении должником, то требуется соблюдение положения о переводе долга на другое лицо лишь с согласия кредитора (п. 1 ст. 391 ГК РФ)» [6, с. 46]. Основания для такого подхода находились и в некоторых судебных постановлениях, к примеру в постановлении Президиума ВАС РФ от 31 октября 2000 г. № 796/00 [2, с. 707]. Другие авторы исходили из того, что при реорганизации кредитор не имеет права давать согласие на переход долга, правда, объяснения этому давались различные. Часть

сторонников такой точки зрения придерживались подхода, что положения ст. 60 ГК РФ – это замена прав кредитора, установленных ст. 391 ГК РФ, отмечая, что положения ст. 60 ГК РФ о правах кредитора связаны «с общим принципом недопустимости перевода долга без согласия кредитора, предусмотренным п. 1 ст. 391 ГК. Поскольку кредитор не вправе воспрепятствовать реорганизации, влекущей замену стороны в обязательстве, он вправе письменно потребовать досрочного прекращения либо досрочного исполнения гражданско-правового обязательства» [7, с. 169]; отдельные исследователи и вовсе прямо отмечали, что «перевод долгов в результате реорганизации не требует согласия кредиторов реорганизуемого юридического лица», поскольку «на этот случай Гражданский кодекс РФ предусматривает специальные гарантии» [8, с. 25]; другие исследователи полагали, что, хотя в ст. 391 ГК РФ не предусмотрено никаких исключений, «тем не менее можно считать, что применительно к реорганизации законодатель сделал исключение, установив специальное правило, в соответствии с которым кредиторы реорганизуемого юридического лица должны быть письменно уведомлены о реорганизации... Таким образом согласия кредитора не требуется» [9, с. 29].

Подход, в соответствии с которым кредитор не имеет права давать или не давать согласие на переход долга при реорганизации, впоследствии возобладал в судебной практике [2, с. 707–713], хотя никаких законных к тому оснований не имелось, на что мы уже указывали ранее [2, с. 710–712]. Именно этим можно, кстати, объяснить, что во многих специальных законах делалось исключение в части прав кредитора на дачу согласия о переходе прав и обязанностей при реорганизации (ст. 41 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ «О государственной компании “Российские автомобильные дороги” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 41 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”» и др.).

4. Реализованная в Кодексе модель отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника критиковалась многими исследователями с точки зрения ее прокредиторской направленности (справедливости ради отметим, что высказывались и точки зрения о недостаточности защиты интересов кредиторов и необходимости усиления прокредиторской направленности положений законодательства [10, с. 10, 23]). Исследовате-

ли, критиковавшие сложившееся регулирование, отмечали, что отсутствие учета интересов реорганизуемого юридического лица – должника нарушает баланс интересов [11, с. 38]; говорили о «чрезмерности» защиты интересов кредиторов со стороны ГК РФ [5, с. 46]; отмечали, что сложившаяся модель влечет риск несостоятельности и по существу может превратить любую реорганизацию в ликвидацию по правилам законодательства о банкротстве [12, с. 505]. Возможность взыскания убытков также вызвала дискуссию. Одни авторы высказывали сомнение в части правомерности взыскания убытков в этом случае, поскольку реорганизация не является правонарушением, которое должно влечь такие негативные последствия [11, с. 39–40; 13, 274]. Другие рассуждали по-иному: хотя реорганизация и не является правонарушением, но «уход» должника в результате проведения реорганизации из конкретного обязательства является нарушением этого обязательства; под угрозой иметь дело с худшим контрагентом кредитор вынужден досрочно разрывать отношения с должником и несет при этом убытки, которые и должен возместить [14, с. 20].

Предлагалось два пути решения проблемы: изменение содержания специального права кредитора и/или изменение условий реализации существующих прав, без их изменения. Высказывались предложения о необходимости поставить защиту интересов кредиторов в зависимость от того, затрагивает ли такие интересы реорганизация; указывалось, что реорганизуемое лицо должно быть защищено от предъявления требований кредиторов в случае, если положение кредиторов не ухудшается [5, с. 47]; говорилось о необходимости «ввести некоторые ограничения для кредитора при реализации его права» [11, с. 38] и т.д.

На концептуальном уровне необходимость пересмотра реализованной в ГК РФ модели регулирования отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника была предусмотрена в Концепции развития корпоративного законодательства на период до 2008 г. Этот документ указывал, что «действующее законодательство необоснованно закрепляет по существу безусловную защиту прав кредиторов реорганизуемого юридического лица, подчас в ущерб интересам реорганизуемого бизнеса, более того, наделяет кредиторов правом фактического блокирования реорганизации (в форме предъявляемого во внесудебном порядке требования о досрочном исполнении обязательств и возмещении возникающих при этом убытков)».

Однако о пересмотре ни конфигурации предоставляемых прав (альтернатива досрочного исполнения и прекращения и возмещение убытков), ни видов прав в документе речи не шло. Реформирование предлагалось проводить через изменение порядка осуществления прав (с внесудебного на судебный), с предоставлением суду права отказать в удовлетворении заявленных требований «если реорганизуемая организация или ее правопреемники докажут, что в результате реорганизации опасности ненадлежащего исполнения обязательства не возникнет».

Положения указанной Концепции нашли свое развитие в изменениях гражданского законодательства в 2008 г., однако закон пошел гораздо дальше ее положений. Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О банках и банковской деятельности” и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» ст. 60 ГК РФ в части прав кредиторов при реорганизации была существенно изменена [2, с. 103–106]. Изменение модели регулирования отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника было прямо заявлено в качестве одной из целей этого закона, что хорошо видно из пояснительной записки к проекту федерального закона № 100324-5 «О внесении изменений в Федеральный закон “О банках и банковской деятельности” и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» (который впоследствии стал Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 315-ФЗ): «Предлагается отойти от принципа безусловной защиты кредиторов при реорганизации и предусмотреть более гибкий правовой режим, который бы обеспечивал баланс интересов как кредиторов, так и участников юридического лица».

По общему правилу кредитору предоставлялось право потребовать досрочного исполнения соответствующего обязательства должником, а при невозможности досрочного исполнения – прекращения обязательства и возмещения связанных с этим убытков, за исключением случаев, установленных законом. Таким образом, согласно новому регулированию у кредитора исчезала альтернатива: закон установил основное право – потребовать досрочного исполнения обязательства и лишь при невозможности его удовлетворения у кредитора появлялось правило – компенсация: потребовать прекращения обязательства с возмещением убытков. Объяснению нового правила в пояснительной записке места не на-

шлось. А жаль, ведь при таком формулировании прав кредитора возникали новые вопросы. К примеру, оставалось неясным то, о какой невозможности исполнения говорилось в статье? Не было ответов на вопросы и о том, кто и когда должен был определить, что обязательство не может быть досрочно исполнено, а потому должно быть прекращено?

Нетрудно увидеть, что в новом регулировании по-иному было урегулировано право на возмещение убытков – теперь оно было «привязано» только к праву потребовать прекращения обязательства. Опять же никакого объяснения тому, почему при досрочном исполнении кредитор теперь не мог требовать возмещения убытков, в поясняющих материалах мы не находим.

Отход от абсолютности (безусловности) защиты интересов кредиторов нашел свое отражение и в том, что кредиторы юридического лица – открытого акционерного общества, реорганизуемого в форме слияния, присоединения или преобразования, могли осуществить соответствующее право (в судебном порядке), только «если реорганизуемым юридическим лицом, его участниками или третьими лицами не предоставлено достаточное обеспечение исполнения соответствующих обязательств». Наконец отметим, что отход от абсолютности (безусловности) защиты интересов кредиторов выразился в изменениях, внесенных этим законом в Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», который был дополнен ст. 23.5 «Особенности реорганизации кредитной организации в форме слияния, присоединения и преобразования». Этой статьей, среди прочего, в качестве общего правила устанавливалось отсутствие специальных прав у кредитора – коммерческой организации при реорганизации кредитной организации, если только иное не предусматривалось договором между ними. Подвижка в регулировании получилась более чем значительной, тем не менее, отметим, что на многие вопросы, которые были актуальны до изменений, соответствующий закон так и не ответил.

Впоследствии новая модель регулирования отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника была закреплена и в ряде иных законов, регулирующих правовое положение юридических лиц, к примеру: Федеральном законе от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части обществ с ограниченной ответственностью), Федеральном законе от 18 июля 2009 г. № 190-

ФЗ «О кредитной кооперации» – в части кредитных кооперативов (ст. 9).

Однако единственно возможной она не стала.

Во-первых, уже после реформы 2008 г. принимались законы, в которых в части реорганизации юридических лиц отдельных организационно-правовых форм закреплялась с некоторыми модификациями прежняя модель. Пример здесь – ст. 24 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах». Эта статья указывает, что кредитор партнерства в связи с его реорганизацией вправе потребовать досрочного исполнения или прекращения соответствующего обязательства и возмещения убытков, за исключением случаев, если такое право отсутствует у кредитора, являющегося субъектом предпринимательской деятельности, в соответствии с условиями заключенного с партнерством договора; кредиторы, которым в соответствии с условиями указанного договора не предоставлено специальных прав, вправе требовать исполнения соответствующих обязательств в полном объеме у акционерного общества, которое образовано в результате реорганизации и к которому переходят все права и обязанности реорганизованного партнерства.

Во-вторых, прежняя модель осталась актуальной для некоторых организаций: а) унитарных предприятий (ст. 29 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»); б) сельскохозяйственных кооперативов (ст. 41 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»); в) жилищных накопительных кооперативов (ст. 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах»).

В-третьих, законодательство расширило случаи, когда специальные права кредиторам не предоставлялись. Так, в 2010 г. (Федеральным законом от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений») ст. 16 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» была дополнена положением о том, что при реорганизации казенного учреждения кредитор не вправе требовать досрочного исполнения соответствующего обязательства, а также прекращения обязательства и возмещения связанных с этим убытков.

5. Концепция развития законодательства о юридических лицах (протокол № 68 от 16 мар-

та 2009 г. Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства) оценку эффективности сложившихся моделей регулирования отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника не давала.

Некоторые положения этого документа наталкивают на вывод о том, что его разработчики самым отрицательным образом относились к основам этой модели – существованию специальных прав, предлагали перенести акценты в регулировании (расширить практику предоставления так называемого достаточного обеспечения, солидарность ответственности).

К примеру, отмечалось (в части оценки существующего положения), что «право предоставить кредиторам дополнительное обеспечение может стать общим условием отмены их права требовать досрочного исполнения соответствующих обязательств, т.е. распространяться не только на открытые акционерные общества, но и на другие виды реорганизуемых юридических лиц. С другой стороны, интересы кредиторов обеспечивают не любые известные закону и практике способы (например, неустойка, задаток и удержание не могут быть безоговорочно отнесены к их числу)». В качестве же предложений по совершенствованию законодательства указывалось: «право кредиторов реорганизуемого юридического лица требовать досрочного исполнения обязательств должно быть законодательно ограничено, причем соглашением этого лица со своим кредитором оно может быть прекращено».

В целом, оценивая указанную Концепцию, нельзя не сказать о том, что действительно концептуального подхода в части регулирования отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника в обязательстве ее разработчикам создать не удалось.

Неудивительно поэтому, что более поздняя Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) – основной концептуальный документ, в соответствии с которым должны были создаваться проекты новых законоположений, вовсе обходила острые углы в части сложившихся моделей регулирования отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника.

6. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу

отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» ст. 60 ГК РФ в части прав кредиторов была значительно реформирована. По существу закон закрепил новую модель отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника, основные положения которой могут быть изложены следующим образом (также см.: [1, с. 87–91]):

а) отказ от абсолютности в части защиты интересов кредиторов, он проявляется во многих моментах:

установление общего судебного порядка осуществления прав;

установление правила о том, что специальные права не предоставляется кредитору, уже имеющему так называемое достаточное обеспечение (о проблемах применения этих правил см. в следующей работе: [15, с. 72–81]);

установление правила о том, что кредитор не вправе осуществить свои права, если в течение тридцати дней с даты предъявления кредитором этих требований ему будет предоставлено обеспечение, признаваемое достаточным в соответствии с правилами п. 4 ст. 60 ГК РФ (о проблемах применения этих правил см. в следующей работе: [15, с. 72–81]);

закрепление возможности исключения специальных прав как законом, так и соглашением кредитора с реорганизуемым юридическим лицом;

б) в качестве общего правила установлены следующие права кредитора: потребовать досрочного исполнения соответствующего обязательства должником, а при невозможности досрочного исполнения – прекращения обязательства и возмещения связанных с этим убытков;

в) в качестве гарантии осуществления указанного права установлены положения о солидарной ответственности («если кредитору, потребовавшему в соответствии с правилами настоящей статьи досрочного исполнения обязательства или прекращения обязательства и возмещения убытков, такое исполнение не предоставлено, убытки не возмещены и не предложено достаточное обеспечение исполнения обязательства, солидарную ответственность перед кредитором наряду с юридическими лицами, созданными в результате реорганизации, несут лица, имеющие фактическую возможность определять действия реорганизованных юридических лиц (пункт 3 статьи 53.1), члены их коллегиальных органов и лицо, уполномоченное выступать от имени реорганизованного юридического лица (пункт 3 статьи 53), если они своими действиями (бездействи-

ем) способствовали наступлению указанных последствий для кредитора, а при реорганизации в форме выделения солидарную ответственность перед кредитором наряду с указанными лицами несет также реорганизованное юридическое лицо»);

г) в качестве общей гарантии прав кредитора в Кодекс введено рожденное судебной практикой [2, с. 658–662]) правило о недобросовестном распределении активов с восстановлением правила о солидарной ответственности, исключенного из ст. 60 ГК РФ в 2008 г.

7. С нашей точки зрения, складывающееся регулирование имеет ряд существенных недостатков как концептуального, так и юридическо-технического характера, которые впоследствии скажутся на эффективности применения новых законоположений.

Во-первых, общая модель регулирования отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника, закрепленная в ст. 60 ГК РФ, представляется в значительной мере продолжниковской. Говоря иначе, законодатель использовал подходы, зеркально противоположные тем, которыми он руководствовался при принятии ГК РФ. От принципа безусловности защиты интересов кредиторов, тем более, в таком виде, как он был реализован в ст. 60 ГК РФ в ее первоначальной редакции, вне всякого сомнения, надо было уходить, балансируя интересы. Однако вряд ли результат трансформации, который мы имеем сегодня, может быть назван закономерным и справедливым; скорее речь идет, как нам кажется, либо об излишне больших лоббистских возможностях крупного бизнеса, либо (а может, и вместе) о недопонимании важности соблюдения в процессе правотворчества принципа баланса интересов. В новой модели этот баланс нарушен, смещен, причем значительно, в пользу интересов реорганизуемых юридических лиц и их участников.

Во-вторых, в настоящее время складывается ситуация, схожая с той, которая имела место после изменений ст. 60 ГК РФ в 2008 г.: общее правило изменено, однако специальные законы не изменены. Целый ряд из них (см. выше) продолжает закреплять прежние модели регулирования отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника. Причем на практике разобраться в том, какой нормой и в какой части следует руководствоваться, подчас невозможно. Такая неопределенность правового регулирования недопустима. Причем есть опасность, что мы имеем дело не с кратковременным переходным периодом; возможно (и даже, скорее всего, к сожалению),

нестабильность и неопределенность здесь на долго (на этот пессимизм наталкивает наблюдение за попытками привести в соответствие с ГК РФ некоторые специальные законы). Кроме того, как представляется, участники гражданских правоотношений, особенно из числа бизнеса, довольно ясно осознают односторонность новой модели (ее гипертрофированно должниковский характер), а потому можно ожидать, что мы увидим попытки «переписать» ее заново в специальных законах. Причем не надо думать, что крупный бизнес будет однозначно отстаивать существующую модель, ведь крупные корпорации не только проводят реорганизации, они еще и сами периодически оказываются в роли кредиторов при реорганизации своих контрагентов, и выступать в роли бесправных кредиторов, как думается, они вовсе не захотят.

В-третьих, за решением принципиальных вопросов законодатель забыл о необходимости решения множества технических вопросов, связанных и с досрочным исполнением, и с прекращением обязательства. По-прежнему специфика такого исполнения и прекращения не учтена в полной мере ни в нормах гл. 22 Кодекса «Исполнение обязательств», ни в нормах гл. 26 Кодекса «Прекращение обязательств». К числу положительных изменений последнего времени можно отнести появление в ГК РФ ст. 392.2 (введена в ходе реформы гражданского законодательства Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»). Эта статья теперь

устанавливает, что для перехода долга в силу закона не требуется согласие кредитора, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства. Конечно, было бы больше определенности, если бы, учитывая имеющийся опыт, просто и ясно написали: при реорганизации юридических лиц согласие кредиторов на перевод долга (их требований) не требуется. Но и действующее правило уже большой прогресс.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что в части взаимоотношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника необходимой ясности и определенности в регулирование реформированное законодательство не внесло. Эта неясность и неопределенность будут девальвировать достижения реформы гражданского законодательства (а они, вне всякого сомнения, есть, просто они не являются предметом внимания в настоящей работе).

В 1995 г., комментируя новый ГК РФ в части реорганизации, В.В. Витрянский, критикуя прежнее правовое регулирование реорганизации, говорил, что оно «всегда было слабым местом отечественного законодательства... отличалось фрагментарностью и легковесностью» [3, с. 98]. Поразительно, но, характеризуя регулирование отношений кредиторов и реорганизуемого юридического лица – должника после более чем двух десятков лет действия нового Кодекса, даже с учетом факта наличия множества специальных законов, где регулируются соответствующие вопросы, множества судебных актов, нескольких попыток реформирования соответствующей сферы, с этими словами хочется снова согласиться.

1. Габов А.В. *Защита прав и интересов кредиторов при реорганизации по законодательству Российской Федерации (в свете положений обновленного Гражданского кодекса) // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора В.Ф. Чигира (Минск, 4–5 нояб. 2014 г.). Минск, 2014.*

2. Габов А.В. *Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М., 2014.*

3. Витрянский В.В. *Реорганизация и ликвидация юридических лиц: забота об интересах кредиторов // Закон. 1995. № 3.*

4. Витрянский В.В. *Гражданский кодекс о юридических лицах // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 1995. № 5(30).*

1. Gabov A.V. *Protection of the rights and interests of creditors during reorganization under the legislation of the Russian Federation (in the light of provisions of the updated Civil code) // Legal regulation of implementation and protection of the rights of physical persons and legal entities: proc. of Intern. sci.-pract. conf., devoted to the 90 anniversary of professor V.F. Chigir (Minsk, Nov. 4–5, 2014). Minsk, 2014.*

2. Gabov A.V. *Theory and practice of reorganization (legal aspect). Moscow, 2014.*

3. Vitryansky V.V. *Reorganization and liquidation of legal entities: care of interests of creditors // Law. 1995. № 3.*

4. Vitryansky V.V. *The Civil code about legal entities // Bull. of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1995. № 5(30).*

5. Брагинский М.И., Медведева Т.М., Тимофеев А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц по законодательству России и стран Западной Европы. М., 2000.

6. Мартышкин С.В. Отдельные вопросы защиты прав кредиторов при реорганизации юридического лица // Вестн. Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 1999. Вып. 7.

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. М., 2002.

8. Аксенова Е.В. Реорганизация юридических лиц по законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

9. Соменков С.А. Судьба договоров при реорганизации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 8.

10. Дивер Е.П. Правовое регулирование реорганизации коммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

11. Коровайко А.В. Реорганизация хозяйственных обществ. Теория, законодательство, практика: учеб. пособие. М., 2001.

12. Шевцов П.В., Белов В.А. Очерк 10. Проблемы реорганизации и ликвидации корпораций (на примере хозяйственных обществ) // Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009.

13. Жданов Д.В. Реорганизация акционерных обществ в Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

14. Тимаев Ф.И. Защита прав кредиторов по гражданскому законодательству, регулиющему отношения с участием акционерных обществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

15. Габов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М., 2014.

5. Braginsky M.I., Medvedev T.M., Timofeev A.V. Reorganization and liquidation of legal entities in the legislation of Russia and countries of Western Europe. Moscow, 2000.

6. Martyshkin S.V. Single questions of protection of the rights of creditors during reorganization of the legal entity // Bull. of Volzhsky university after V.N. Tatishchev. Ser. «Law». 1999. Iss. 7.

7. The comment to the Civil code of the Russian Federation, part one / ed. by T.E. Abova and A.Yu. Kabalkin; Institute of the state and law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2002.

8. Aksenova E.V. Reorganization of legal entities by the legislation of the Russian Federation: problems of the theory and practice: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2006.

9. Somenkov S.A. Destiny of agreements by reorganization of the legal entity // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2006. № 8.

10. Diver E.P. Legal regulation of reorganization of the commercial organizations: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2002.

11. Korovayko A.V. Reorganization of economic societies. Theory, legislation, practice: study aid. Moscow, 2001.

12. Shevtsov P.V., Belov V.A. Sketch 10. Problems of reorganization and liquidation of corporations (on the example of economic societies) // Corporate law: Actual problems of the theory and practice / gen. ed. of V.A. Belov. Moscow, 2009.

13. Zhdanov D.V. Reorganization of joint-stock companies in the Russian Federation. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2002.

14. Timayev F.I. Protection of the rights of creditors in the civil legislation governing the relations with participation of joint-stock companies: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2004.

15. Gabov A.V. Reorganization and liquidation of legal entities: the scientific and practical comment to articles 57–65 of the Civil code of the Russian Federation (itemized). Moscow, 2014.

Виноградова Елена Валерьевна

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры судебной власти,
 правоохранительной и правозащитной деятельности
 Юридического института
 Российского университета дружбы народов,
 член экспертного совета Комитета Совета Федерации
 Федерального Собрания Российской Федерации
 по конституционному законодательству и государственному строительству
 (e-mail: evsfrf@gmail.com)

Намчук Алеся Алексеевна

магистр Санкт-Петербургского государственного университета
 (e-mail: alnamchuk@gmail)

К вопросу о применении положений об исковой давности по искам в защиту государственной собственности

Принимая во внимание актуальность рассмотрения вопроса об исчислении сроков исковой давности по искам в защиту государственной собственности, авторы статьи рассматривают механизм применения положений гл. 12 Гражданского кодекса РФ к искам публично-правовых образований. Отмечают, что, поскольку в силу ст. 124 ГК РФ нормы об исковой давности применимы к случаям принудительной реализации или защиты прав публично-правовых образований, определение момента начала течения срока исковой давности по искам в защиту государственной собственности зависит от ряда факторов, в том числе от порядка распределения рисков ошибок, допущенных уполномоченным государством органом. Выполняя надлежащим образом бремя собственности, уполномоченный орган должен организовать эффективное управление государственным имуществом.

Ключевые слова: иск, публично-правовые образования, государственная собственность, гражданское право, нормы об исковой давности.

E.V. Vinogradova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Judiciary, Law-enforcement and Human Rights Activities of the Law Institute of People's Friendship University of Russia, Member of the Expert Council of the Russian Federation Council's Committee of the Federal Assembly on Constitutional Legislation and State Building; e-mail: evsfrf@gmail.com;

A.A. Namchuk, Master at the St. Petersburg State University; e-mail: alnamchuk@gmail.com

The application of statute of the limitation of actions on claims for protection of state property

Considering the relevance of issue of calculation the terms of the limitation of action on claims for state property protection, the authors of this article deal with the implementation mechanism of the provisions of chap. 12 of the Civil Code of the Russian Federation for claims of public-law entities. According to virtue of art. 124 of the Civil Code provisions on the statute of limitations applicable to the case of enforcement or the rights of public law entities protection, determining the date of commencement of the limitation period for claims in defense of state property depends on several factors including the order of the error risk allocation committed by the authorized by the government authority. Fulfilling the burden of property duly, authorized body shall organize effective management of state property.

Key words: claim, public corporations, government property, civil law, regulations for limitation.

Конституция РФ провозглашает, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом все формы собственности (ст. 8). В соответствии со ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) публично-правовые об-

разования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами.

Одно из важных условий участия в гражданско-правовых отношениях – возможность

принудительной реализации и защиты гражданских прав. Нормы об исковой давности применимы к случаям принудительной реализации или защиты прав публично-правовых образований в силу положений ст. 124 ГК РФ.

Такая возможность может быть ограничена только в общих интересах обеспечения стабильности гражданского оборота. Инструментом такого ограничения выступает институт исковой давности, регламентируемый положениями гл. 12 ГК РФ.

Следует иметь в виду, что предназначение частной собственности – обеспечение функционирования и удовлетворение потребностей частного собственника, а предназначение публичной собственности – не только обеспечение функционирования публичного собственника как самостоятельной экономической единицы, но и обеспечение общего блага, интересов всех граждан государства. Это предопределяет различия цели их защиты, преследующей, соответственно, цель защиты интереса частного или общего.

С точки зрения содержания общего интереса возникает вопрос, подлежит ли защита государственной собственности действию исковой давности. С одной стороны, если органы государственной власти допустили бездействие, общий интерес в сохранении государственной собственности не перестает быть общим, поэтому она не может оставаться у иных лиц в силу истечения давности. На этой концепции было основано советское законодательство, исключившее государственное имущество из под действия исковой давности [1, с. 251].

С другой стороны, – и эта позиция представляется более убедительной – функциональность государственной собственности предполагает ее эффективное использование в целях обеспечения общего интереса. Если иски в защиту государственной собственности соответствующими органами не предъявлены в течение длительного срока, это, очевидно, свидетельствует о том, что либо это имущество перестало быть необходимо для реализации государственных полномочий, либо публичный собственник не в состоянии обеспечить надлежащее, эффективное использование имущества и управление им. И в том, и в другом случае имущество утрачивает признак функциональности, способности обеспечить удовлетворение общего интереса, а значит, основания для нахождения этого имущества в составе государственного.

Функциональность государственного имущества, в силу которой государство должно и

может иметь ровно столько имущества и такого, которое необходимо для реализации его полномочий, диктует большой объем бремени собственности для государства. Если какое-то имущество находится в ненадлежащем состоянии, не учтено, простаивает или не используется для реализации государственных полномочий, это свидетельствует, во-первых, о неэффективности управления этим имуществом, т.е. о ненадлежащем исполнении уполномоченным органом своих полномочий, а во-вторых, о необходимости исключения такого имущества из числа государственного.

Уполномоченный орган должен либо организовать властную деятельность таким образом, чтобы постоянно иметь актуальную информацию о составе и состоянии государственного имущества, либо инициировать изменение разграничения полномочий [2, с. 105] между органами исполнительной власти.

Актуальную информацию о составе и состоянии государственного имущества уполномоченный орган может собирать в рамках различных мероприятий: проведение проверок, как документарных, так и выездных, мониторинг информации, полученной с помощью технических устройств (например, видеозаписывающих), истребование информации от пользователей государственного имущества, от подведомственных органов и организаций и т.п.

Информация о нарушении права государственной собственности относится к категории информации, которую уполномоченный орган, разумно и добросовестно исполняя свои полномочия, может запросить или получить самостоятельно (например, информация о том, не повреждены ли здания, не вывезен ли незаконно мусор на земельные участки и т.п.)

Ключевым вопросом исчисления срока исковой давности является определение момента, с которого давность начинает течение. В соответствии со ст. 200 ГК РФ это день, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Когда информация о нарушении права не могла быть получена уполномоченным органом посредством надлежащего исполнения его полномочий, критерий «лицо должно было узнать о нарушении своего права» самостоятельно не применяется. В таких случаях течение давности начинается только с того момента, когда уполномоченный орган получил соответствующую информацию, поскольку за действия третьих лиц, от которых поступает

эта информация, уполномоченный орган отвечать не может (например, когда после заключения договора аренды земельного участка из состава государственного имущества выяснилось, что представитель арендатора действовал по подложной доверенности).

В случае, когда информация о нарушении права государственной собственности уже поступила в орган государственной власти из какого-либо источника, т.е. публичный субъект узнал о нарушении своего права, проблем с определением начала течения давности не возникает (при получении информации самим государственным органом, например в рамках проверки, давность начнет течение в день, следующий за днем проведения проверки; при поступлении обращения – в день, следующий за днем регистрации обращения). Неопределенность возникает в отношении момента, когда публичный субъект не знал, но должен был узнать о нарушении своего права.

Ответственность за риск, связанный с тем, что в процессе передачи информации уполномоченному органу истечет давность, должна распределяться между органами исполнительной власти в административно-правовом порядке, между конкретными должностными лицами – в дисциплинарном.

Такой подход может рассматриваться как ограничение прав уполномоченного органа, поскольку нельзя предположить, что он мог каким-либо образом узнать о нарушении права в тот самый день, когда такое нарушение имело место. Однако введение такой фикции знания уполномоченным органом о нарушении представляется соразмерной санкцией в интересах частных лиц, которые не должны нести риска последствий ненадлежащего исполнения полномочий по управлению государственным имуществом.

Вопрос о распределении таких рисков рассматривался Европейским судом по правам человека при рассмотрении дела «Гладышева против Российской Федерации» (постановление от 6 декабря 2011 г.) [3]. В данном деле заявительница являлась добросовестным приобретателем квартиры, которая ранее была приватизирована с помощью подложных документов. Информация о подложности документов поступила от органов внутренних дел более чем через два года после приватизации и была подтверждена с помощью писем соответствующих органов о том, что такие документы никогда не выдавались. Поскольку квартира была приватизирована путем обмана, т.е. утрачена публичным собственником помимо воли,

в силу ст. 302 ГК РФ, квартира была изъята у заявительницы без какой-либо компенсации и без предоставления права социального найма.

Европейский суд сформулировал следующую позицию.

Функция государственного органа в сфере предоставления жилья заключалась в применении государственных правил для проверки права на получение и приватизацию социального жилья и обеспечении соответствия перехода права собственности от государства к частному лицу порядку, предусмотренному законом. К исключительной компетенции государства относятся определение условий и порядка отчуждения своего имущества в пользу лиц, которых оно считает имеющими на него право, и контроль соблюдения этих условий. Риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство.

Следует обратить внимание на то, что в современных российских условиях объем государственной собственности настолько велик, что обеспечить ее постоянный контроль не представляется возможным. Результатом такого положения дел выступает неэффективное использование, простаивание имущества (в том числе, огромных площадей неиспользуемых земельных участков), что не отвечает публичному интересу.

Представляется, что возможны различные пути решения данной проблемы – от увеличения штата государственных служащих органов по управлению государственным имуществом до такого размера, который позволит обеспечить контроль над всем государственным имуществом, до уменьшения объема государственного имущества до такого, с управлением которым государственный аппарат будет в состоянии надлежащим образом справиться.

Как бы то ни было, вышеприведенные рассуждения суть рассуждения *de lege ferenda*, поэтому необходимо определиться с понятием надлежащего исполнения полномочий по управлению государственным имуществом в рамках действующего регулирования.

Представляется, что большой объем государственного имущества и недостаточность ресурсов не могут служить основанием для неисполнения полномочий по эффективному управлению этим имуществом.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что, поскольку в силу ст. 124 ГК РФ нормы об исковой давности применимы к случаям принудительной реализации или защиты прав публично-правовых образований, определение момента начала течения срока исковой

давности по искам в защиту государственной собственности зависит от ряда факторов, в том числе, от порядка распределения рисков ошибок, допущенных уполномоченным государством органом (такие ошибки могут быть следствием не только виновных действий должностных лиц, но и структурных проблем функционирования государственного аппарата). Поскольку Европейским судом по правам человека в решении, вынесенном в отношении Российской Федерации, указано, что риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство, представляется, что к таким ошибкам должны быть

отнесены, в том числе, ошибки и сбои в работе системы межведомственного информационного взаимодействия органов государственной власти. Таким образом, выполняя надлежащим образом бремя собственности, уполномоченный орган должен организовать управление государственным имуществом таким образом, чтобы постоянно иметь актуальную информацию о том, какое имущество и в каком количестве находится в собственности публично-правового образования, в каком состоянии это имущество, не совершаются ли на него посягательства со стороны третьих лиц.

1. Иоффе О.С. *Советское гражданское право: курс лекций. Ч. I: Общая часть. Право собственности. Общие учение об обязательствах: учеб. пособие для высш. юрид. учеб. заведений / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1958.*

2. Виноградова П.А. *Правовой статус должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 2015.*

3. *Постановление Европейского суда по правам человека от 6 дек. 2011 г. по делу «Гладышева против России» [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2015).*

1. Ioffe O.S. *Soviet civil law: course of lectures. Pt. I: General part. Property right. The general doctrine about liabilities: study aid for higher judicial institutions / Leningrad state university. Leningrad, 1958.*

2. Vinogradova P.A. *Legal status of officials of public authorities of subjects of the Russian Federation. Moscow, 2015.*

3. *The resolution of the European Court of Human Rights d.d. Dec. 6, 2011 in the case of «Gladysheva against Russia» [Electronic resource]. Access from legal reference system «Consultant-Plus» (date of access: 05.04.2015).*

Бутенко Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: Aleksbut21@mail.ru)

Противоправная деятельность по обналичиванию безналичных денежных средств

В статье предлагается конкретный механизм по совершенствованию правового регулирования выявления незаконного оборота безналичных денежных средств. На основании действующего гражданского и уголовного законодательства автором выявлен ряд проблем гражданско-правовой и уголовно-правовой классификации правонарушений и преступлений в сфере незаконной банковской деятельности. Проводится научный анализ таких понятий, как законная и незаконная банковская деятельность, перечисляются субъекты противоправных деяний, характеризующих данный институт.

Ключевые слова: банковская деятельность, незаконная банковская деятельность, незаконный оборот безналичных денежных средств, деятельность кредитных организаций, особый вид предпринимательской деятельности, услуги, связанные с оборотом денежных средств, способ получения коммерческой прибыли, банковские операции, лицензия, физические и юридические лица, родовой объект.

A.A. Butenko, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Aleksbut21@mail.ru
Illegal activity to cash non-cash cash

The paper proposes a specific mechanism for the improvement of legal regulation on the identification of illicit trafficking of non-cash funds. On the basis of the current civil and criminal legislation the author revealed a number of issues of civil law and criminal law classification of offenses and crimes related to illegal banking activity. Conducted scientific analysis of such concepts as legal and illegal banking activities, listed wrongful acts of the subjects that characterize this institution.

Key words: banking, unlawful banking, trafficking of wire transfers, operation of credit institutions, special kind of entrepreneurial activities, services related to the turnover of funds, method of obtaining a commercial profit, banking operations, license, individuals and legal entities, generic object.

В гражданском законодательстве, как и в иных законах Российской Федерации (уголовном, банковском, валютном и др.), не существует понятия «банковская деятельность».

Доктринальными определениями законной банковской деятельности являются следующие:

деятельность кредитных организаций (банков и небанковских), осуществляющих банковские операции при реализации своих экономических целей;

особый вид предпринимательской деятельности, для ведения которой необходимо осуществление процедур регистрации и получения лицензий;

услуги, связанные с оборотом денежных средств, операции по аккумулярованию личных средств юридических лиц и граждан через

разнообразные банковские операции и сделки, где исключительным правом такой деятельности могут обладать только банки и небанковские организации.

Банковская деятельность характеризуется несколькими отличительными особенностями: данным видом деятельности может заниматься только коммерческая организация, обязательно зарегистрированная как кредитная организация или небанковская кредитная организация и получившая лицензию на ведение банковских операций.

Для разграничения различных субъектов предпринимательских отношений, связанных с банками напрямую или косвенно, необходимо выделять следующие признаки:

1) банк как коммерческая кредитная организация при реализации своей правоспособности

осуществляет на свой страх и риск банковские операции для систематического извлечения прибыли;

2) основной способ получения коммерческой прибыли банк реализует только через банковские операции в отличие от других субъектов предпринимательского права;

3) банк, совершающий банковские операции (осуществляющий банковскую деятельность), делает это на основании лицензий, предусмотренных Центральным банком РФ;

4) в компетенцию банка входят строго определенные операции, указанные в банковской лицензии, а именно: выдача кредитных средств; работа с вкладами клиентов; клиринговая деятельность; кассовое обслуживание физических и юридических лиц, в том числе переводы безналичных денежных средств и др.

Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» допускает несколько видов кредитных организаций [1]:

Банк – кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц.

Небанковская кредитная организация:

1) кредитная организация, имеющая право осуществлять исключительно банковские операции, указанные в пп. 3 и 4 (только в части банковских счетов юридических лиц в связи с осуществлением переводов денежных средств без открытия банковских счетов), а также в п. 5 (только в связи с осуществлением переводов денежных средств без открытия банковских счетов) и п. 9 ч. 1 ст. 5 Федерального закона (далее – небанковская кредитная организация, имеющая право на осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций);

2) кредитная организация, имеющая право осуществлять отдельные банковские операции, предусмотренные Федеральным законом. Допустимые сочетания банковских операций для такой небанковской кредитной организации устанавливаются Банком России [2].

Иностранный банк – банк, признанный таковым по законодательству иностранного государства, на территории которого он зарегистрирован.

Дополнительные банковские операции, осуществляемые небанковскими кредитными организациями, допустимы только с ведома Центрального Банка России.

Банковская деятельность является разновидностью предпринимательской деятельности. Данная деятельность регулируется Законами Российской Федерации «О банках и банковской деятельности», «О Центральном банке РФ (Банке России)», гражданским законодательством и другими нормативными правовыми актами.

Банковскими операциями признаются с учетом лицензии, выданной Центральным Банком Российской Федерации, разнообразные виды профессиональной деятельности банков, а также действия и других коммерческих организаций, осуществляющих некоторые банковские операции кредитных организаций.

В Федеральном законе «О банках и банковской деятельности» [1] указывается на исчерпывающий перечень юридических действий, относящихся к банковским операциям. Так, например, определение банковской операции как кассового обслуживания юридических и физических лиц конкретизируется в п. 1.1 положения ЦБР от 24 апреля 2008 г. № 318-П «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации» (с изменениями от 27 февраля 2010 г.) [3].

Зарегистрированные кредитные организации (их внутренние структурные подразделения) в рамках правового поля, установленных нормативными актами Центрального Банка России, должны осуществлять строго определенные банковские действия (кассовые операции): обмен, обмен, обработку, прием, выдачу, включающую в себя пересчет, сортировку, формирование, упаковку наличных денег.

С учетом формулировки, приведенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем», под безналичными банковскими операциями понимаются действия с денежны-

ми средствами, направленные на их обращение в конкретном хозяйственном проекте [4].

Противоправными банковскими отношениями признаются действия кредитных организаций и всех остальных юридических лиц по осуществлению банковских операций и «тесно» связанных с ними действий при отсутствии лицензионного допуска. То есть осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации означает, что юридическое лицо, фактически проводящее банковские операции, не зарегистрировалось в качестве кредитной организации, которой предоставлено право на проведение указанных операций, и, как следствие, его деятельность является противоправной в области банковских отношений.

Субъектами противоправных деяний, характеризующих данный институт, являются как лица, стремящиеся к достижению указанных общественно опасных целей, используя характерные приемы и способы, так и лица, для которых эта незаконная банковская деятельность является содержанием основной деятельности (по форме законной).

Таким образом, можно говорить о трех группах субъектов правонарушения, составляющих сущность незаконного «обналичивания» [5, с. 17]:

1. Лица (заказчики), осуществляющие легальную финансово-хозяйственную деятельность (не только предпринимательскую), достигающие посредством незаконного «обналичивания» денежных средств цели, противные основам правопорядка.

2. Лица (исполнители), использующие незаконное «обналичивание» как вид незаконной банковской деятельности с целью извлечения прибыли.

3. Представители банковских учреждений, использующие служебное положение для непосредственного участия или оказания содействия за вознаграждение деятельности по незаконному «обналичиванию» денежных средств.

По своей сути операции с финансовыми активами при незаконном «обналичивании» хотя и являются экономическими, но не составляют деятельности в сфере единства производства, распределения, обмена и потребления, что в экономической литературе отождествляется с законной экономической деятельностью.

Предпринимательская же деятельность является разновидностью экономической согласно

ст. 34 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества не только для предпринимательской, но и для иной экономической деятельности.

Не являются, во всяком случае, банковской деятельностью те виды операций, для осуществления которых не требуется регистрации в качестве организации или получения специального разрешения (лицензии) Банка России.

Деятельность предпринимательских структур, незаконно осуществляющих законодательно регламентированные виды банковской деятельности (банковских операций), может быть признана банковской со всеми ее видовыми отличиями. Такими структурами, в частности, могут быть учрежденные, на законных основаниях зарегистрированные, но не имеющие права на банковскую деятельность юридические лица, незаконно действующие организации и т.д.

Родовой объект незаконной банковской деятельности следует рассматривать как совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности. Видовым объектом незаконной банковской деятельности считаются общественные отношения в сфере предпринимательской и банковской деятельности.

Исследовав проблему отграничения незаконной банковской деятельности от смежных составов преступлений, специалист приходит к выводу, что основное отличие следует проводить по непосредственному объекту. При незаконном предпринимательстве причиняется вред общественным отношениям, обеспечиваемым установленным государством порядок осуществления предпринимательской деятельности. Соответственно, при незаконной банковской деятельности объектом посягательства являются общественные отношения, складывающиеся в сфере законной банковской деятельности, в том числе отношения, тесно связанные с ней, например складывающиеся отношения между субъектами предпринимательского права по поводу коммерческо-банковских отдельных операций.

Субъект незаконной банковской деятельности может быть как специальным, так и общим, как гражданином Российской Федерации, так и лицом без гражданства либо иностранным гражданином, осуществляющим незаконную банковскую деятельность в России.

Специальным субъектом незаконной банковской деятельности будут являться не только руководители кредитных организаций, но и лица, на которых возлагается обязанность производить необходимые действия для выполнения законных банковских операций (руководители коммерческих организаций).

Деятельность коммерческих организаций по переводу безналичных денежных средств в наличные является разновидностью банковских операций (кассового обслуживания юридических и физических лиц), а также по своей юридической конструкции – разновидностью банковской деятельности.

1. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 (ред. от 20 апр. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27 июня 2011 г. № 162-ФЗ (ред. от 22 дек. 2014 г.) // Рос. газ. 2011. 30 июня.

3. О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации: положение ЦБР от 24 апр. 2008 г. № 318-П (с изм. от 27 февр. 2010 г.).

4. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 нояб. 2004 г. № 23.

5. Мамаев М.И. О квалификации незаконного обналичивания денежных средств // Журн. рос. права. 2006. № 1.

1. On banks and banking activity: fed. law d.d. Dec. 2, 1990 № 395-1 (as amended on Apr. 20, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 6. Art. 492.

2. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law d.d. June 27, 2011 № 162-FL (as amended on Dec. 22, 2014) // Rus. newsp. 2011. June 30.

3. On the procedure of conducting cash operations and rules of storage, transportation and encashment of banknotes and coins Bank of Russia in credit organisations on the territory of the Russian Federation: decree of the CBR d.d. Apr. 24, 2008 № 318-P (as amended on Febr. 27, 2010).

4. About court practice on cases on illegal entrepreneurship and legalization (laundering) of monetary funds or other property obtained by criminal means: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Nov. 18, 2004 № 23.

5. Mamaev M.I. On the classification of illegal cashing of funds // Journal of Russian law. 2006. № 1.

Семёнова Екатерина Геннадьевна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры государственных

и гражданско-правовых дисциплин

Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

(тел.: +79787736361)

Проблемы оборота имущественных прав, вытекающих из договора аренды

Целью статьи является анализ проблемных вопросов оборота имущественных прав, вытекающих из договора аренды, исследование основных теоретических концепций и действующего законодательства касательно разрешения данного вопроса, раскрытие правовой природы арендных прав.

Ключевые слова: имущественные права, вещные права, обязательственные права, ограниченные вещные права, аренда, владение.

E.G. Semenova, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of State and Civil Law Disciplines of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79787736361.

Issues of turnover of property interests implying from the lease contract

The article reviews issues of turnover of property interests implying from the lease contract, examines main theoretical concepts and legislature in force on the issue in question, uncovers legal nature of leasehold interests.

Key words: property interests, corporeal rights, contractual rights, limited proprietary rights, lease, ownership.

Арендные права в соответствии с законодательством находятся в обороте, в частности могут быть предметом залога (п. 2 ст. 615 Гражданского кодекса РФ, п. 5 ст. 22 Земельного кодекса РФ, п. 5 ст. 5 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», ст. 13 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»). Несмотря на это, в цивилистике касательно возможности оборота имущественных прав, вытекающих из договора аренды, встречаются прямо противоположные мнения. Так, авторы, отстаивающие обязательственный характер данных прав, допускают возможность их участия в обороте (Е.А. Суханов, К.И. Скловский). Другая группа авторов настаивает на вещном характере арендных прав (А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой, В.А. Белов), тем самым ставя под сомнение их оборот, поскольку отчуждение вещных прав отдельно от вещи невозможно.

В связи с этим целью статьи является установление правовой природы имущественных прав, вытекающих из аренды, определение которой позволит обосновать возможность участия арендных прав в обороте.

Если обратиться к дореволюционной литературе, можно отметить несколько взглядов на проблему правовой природы арендных прав. В

частности, И.А. Покровский считал право пользования арендованным имуществом обязательственным правом, подчеркивая, что кредитор должен иметь соответствующее право на истребование имущества у должника в случае неисполнения им обязательств по передаче имущества. Ученый указывал, что «такое право опирается, конечно, не на его обязательственное право, в силу которого должник обязан к такой передаче» [1, с. 233, 320].

По мнению других юристов, имущественные права нанимателя должны рассматриваться как вещные права. Так, по мнению К.П. Змирлова, в аренде так же, как и при купле-продаже, наниматель покупает у собственника право собственности на выгоды из имущества, которое нанимается [2, с. 58–59]. А.П. Куницын считал, что право нанимателя есть «право в вещи», а личность наймодателя остается на втором плане [3, с. 321]. Подобные суждения можно было встретить и в советской литературе [4; 5; 6].

В настоящее время, несмотря на отсутствие единогласной позиции, различные доводы сторонников обязательственной аренды [7, с. 143–144; 8, с. 110–111], все больше авторов приходит к убеждению, что арендным правоотношениям присущи черты вещного права [9, с. 152; 10, с. 456; 11]. Основу для таких суждений составляют и нормы гражданского законо-

дательства, наделяющие аренду признаками вещного права: правом следования (п. 1 ст. 617 ГК РФ), вещной защитой владения арендатора (ст. 305 ГК РФ), преимущественным правом арендатора на заключение договора на новый срок (п. 1 ст. 621 ГК РФ) и т.д.

В Концепции развития законодательства о вещном праве и вовсе утверждается, что «в ГК РФ не проведено четкое разграничение вещных прав от иных гражданских прав. Многие обязательственные права сегодня наделяются признаками, присущими только вещным правам. Так, непременный атрибут вещного права – право следования можно обнаружить в обязательственно-правовых отношениях по договору аренды» (п. 2.5) [12]. И если ранее существование вещно-правовых признаков аренды приводило только к попытке конструирования неких «смешанных», «вещно-обязательственных» прав [13, с. 472; 14, с. 383; 15, с. 114; 16, с. 36–44], то сейчас можно встретить и позиции о рассмотрении вещных признаков аренды как некоего требующего исправления отклонения [17]. В частности, в Концепции развития законодательства о вещном праве предполагается исключить любые вещные характеристики аренды, сделав ее исключительно обязательственным правом. В свою очередь, предлагается ряд новых вещных прав, заменяющих аренду: постоянное землевладение, право застройки, право личного землевладения, право ограниченного владения земельным участком.

Действительно, рассмотрение аренды как «смешанного» права не позволяет однозначно решить вопрос оборота прав нанимателя. В свое время еще А.Л. Фрейтаг-Лоринговен резко критиковал такую «смешанную» конструкцию обязательственного права, которому приданы «известные вотчинные последствия» [18, с. 303], за ее крайнюю неопределенность и отсутствие практического смысла. Современные ученые поддерживают эту идею, устанавливая, что субъективное гражданское право неоднородным быть не может, поскольку невозможно одновременно установление абсолютного права собственника вещи с относительными правами кредитора и должника. Согласимся с Е.А. Бариновой в том, что право или вещное или обязательственное и если говорить о смешении, то только на уровне правоотношений [19, с. 137–174].

В договоре аренды обязательственными являются только отношения, которые связывают исключительно стороны данного договора. На основании положений ст. 606 ГК РФ обязательственными являются права арендатора – требовать передачи ему имущества и права арен-

додателя – требовать оплаты и возврата назад своего имущества. Поскольку данные права являются обязательственными, они могут быть предметом оборота. Право требования арендатора может быть на основании ст. 358.1 ГК РФ предметом залога, право требования арендодателя – предметом цессии.

Однако после выполнения арендодателем своей обязанности по передаче имущества такого имущественного права, как право требования, уже не существует, возникают иные права – право владения и пользования имуществом, которым присущи признаки вещных прав. Однако оборот данных прав находится под большим вопросом. Так, К.И. Скловский отмечает, что «право арендатора, являющееся обязательственным, несмотря на повышенную защиту арендатора в виде права следования... может быть передано иному лицу только в порядке цессии, тогда как вещные права передаются иным образом (ст. 223)» [8, с. 79].

Согласимся с тем, что имущественное право, отделенное от объекта, не способно удовлетворять интерес лица, не может стать объектом чужого интереса и предметом деятельности [20, с. 70–73]. Невозможно допустить отчуждение отдельного вещного права; последнее всегда следует за вещь; сама вещь олицетворяет содержащееся в ней право, не подлежащее вычлениению и какому-либо автономному рассмотрению [21, с. 103]. В то же время вещные отношения в договоре аренды отличаются от права собственности, которое обеспечивает полное фактическое и юридическое господство над вещью, отчуждение которого означало бы изменение собственника, а значит, полную трансформацию правоотношения собственности. В случае передачи вещного права, вытекающего из аренды, субъектный состав контрагента не меняется. В этом случае лицо, наделенное правом владения, передает свои полномочия другому лицу, прекращая их у себя.

Таким образом, право владения, вытекающее из договора аренды, по своей сути является вещным правом, однако относится не к праву собственности. Ближе всего к данным отношениям подходит конструкция вещных прав на чужое имущество. Праву владения арендатора присущи все признаки такого вещного права: производность от права собственности, основным элементом содержания является правомочие пользования, вещно-правовая защита, следование за вещью, отсутствие тесной неразрывной связи с субъектом и т.д.

Конструкция ограниченного вещного права является очень удобной для объяснения воз-

возможности оборота прав, вытекающих из договора аренды, в частности залога права арендатора после передачи ему вещи, т.к. вещные права на чужое имущество могут свободно отчуждаться, за исключением личных сервитутов. Проблема одна – какие нормы применять к регулированию такого вещного права на чужую вещь, как владение?

В ст. 216 ГК РФ закреплен перечень вещных прав: право собственности, право пожизненного наследуемого владения земельным участком; право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком; сервитуты; право хозяйственного ведения имуществом и право оперативного управления имуществом. Однако право владения чужой вещью, но не земельным участком не отнесено законодателем к вещному праву.

Не включено владение в состав вещных прав и в Концепции развития законодательства о вещном праве. В Проекте ГК РФ предполагается, что ограниченные вещные права будут включать: право постоянного землевладения (гл. 20); право застройки (гл. 20.1); сервитут (гл. 20.2); право личного землевладения (гл. 20.3); ипотеку (гл. 20.4); право приобретения чужой недвижимой вещи (гл. 20.5); право вещной выдачи (гл. 20.6); право оперативного управления (гл. 20.7); право ограниченного владения земельным участком (ст. 297.1). В то же время право владения чужой вещью, переданной на основе договоров, в частности арендованной вещью, невозможно подвести под какие-либо предложенные виды ограниченных вещных прав.

В доктрине относительно закрепления в законодательстве перечня вещных прав, подлежащих защите, сложилось две позиции. Одни ученые склоняются к тому, что права субъектов на вещь можно отнести к вещным, только если они поименованы в качестве таковых в законе; перечень вещных прав является закрытым и определен законом; субъекты гражданско-правовых отношений не могут по своему усмотрению создать новый вид вещных прав [22, с. 9; 7, с. 7]. Другие считают, что перечень вещных прав лиц, не являющихся собственниками, исчерпывающим не является; в гражданском праве существуют такие субъективные права, которые следует признать вещными, даже если они не названы в качестве таковых [23, с. 20].

Данный подход в настоящее время при отсутствии закрепления владения может быть применен для возможности обоснования защиты права, не отнесенного законодателем к вещному. Так, Е.А. Суханов, являясь приверженцем закрытого перечня вещных прав, утверждает,

что «владение в российском праве представляет собой либо фактическое (не юридическое) состояние, либо элемент (правомочие) других (обязательственных или вещных) прав, но не особое, самостоятельное вещное право. Вместе с тем такое положение само по себе ничуть не препятствует его гражданско-правовой защите» [7, с. 16].

Действительно в настоящее время российское гражданское законодательство закрепляет владение как один из элементов содержания субъективного права собственности, представляющих собой одно из возможных правомочий собственника – правомочие владения вещью (ст. 209 ГК РФ). В то же время в законодательстве действуют и определенные презумпции, позволяющие определить владение как элемент других прав, когда владлец не относится к вещи как к своей и признает власть собственника. Такое владение может возникать из договоров (аренды, залога, хранения и др.) либо составлять содержание иных прав. Так, на основе договора у арендатора возникают обязательственные права, но, вместе с тем, им предоставляется вещно-правовая защита (владельческая), в том числе и против собственника. Но в данном случае владение не имеет самостоятельного значения как один из видов вещного права; оно понимается в качестве особого права, выдела из права собственности, возникающего на основании закона или договора, отдельного от него [24, с. 88–108]. В этом состоит сложность правового регулирования отношений, возникающих из аренды, и постоянные доктринальные дискуссии по этому поводу.

Бесспорным является то, что общее направление подготовленных изменений в вещном праве приближает российское гражданское право к классическим европейским континентальным подходам. С этой точки зрения российское гражданское законодательство следует в общем русле преобразований, осуществляемых большинством других стран Восточной и Центральной Европы, которые сейчас также реформируют или реформируют свое гражданское законодательство, закрепляя расширенную систему ограниченных вещных прав [25, с. 226]. Однако не стоит забывать, что наше законодательство уже было «знакомо» с такой системой, и можно говорить не только о приближении, но и о постепенном возвращении к «классической» системе ограниченных вещных прав.

Следует отметить, что владение арендатора признавалось «отдельным владением» еще дореволюционной цивилистикой и судебной практикой [26]. В ст. 514 ч. 1 т. X Свода законов устанавливалось, что «когда частный владелец, удержав за собою право собственности по укреплению, отделит от него владение и передаст... оное другому по договору... тогда сие отдельное владение составляет само по себе особое право, коего пространство, пожизненность или срочность определяются тем самым актом, коим оно установлено» [27, с. 16]. Под таким «отдельным владением» обычно подразумевалось всякое владение не на праве собственности, в том числе и на праве аренды [27, с. 16]. В доктрине отмечалось, что «наше законодательство принадлежит к числу тех, которые наемное право причисляют к правам на чужие вещи» [28, с. 328].

Сама по себе аренда не является вещным правом, вещным является только владение арендатора, возникающее на основании договора. В связи с этим, учитывая природу имущественных прав, вытекающих из договора аренды, в обороте, в частности в залоге, могут находиться только обязательственные права сторон – права требования. Вещные права, в частности право владения чужой вещью, могут находиться в обороте только в качестве самостоятельного права, и при этом такое право должно быть предусмотрено законодательством. При отсутствии такого положения можно говорить не об обороте, а о владельческой защите вещных правоотношений, вытекающих из обязательств.

Владение не есть только факт, владение – это и право, пользующееся правовой защитой и влекущее за собой юридические последствия. И собственность, и владение чужой вещью должны пользоваться одинаковой защитой. Так, владение как ограниченное право на чужую вещь закреплено законодательством Германии, Швейцарии, Чехии, Польши, Венгрии, Румынии, Словакии, Украины, прибалтийских государств.

Поскольку Концепция развития гражданского законодательства направлена на лишение аренды вещных признаков, в частности вещно-правовой защиты, считаем, что необходимость нахождения в обороте вещных прав на чужую вещь требует установления адекватного правового регулирования. Учитывая потребности практики, целесообразно было бы воспользоваться опытом законодательства большинства стран и закрепить в ГК РФ институт владения как самостоятельного ограниченного вещного права.

В качестве вывода по данной статье хотелось бы отметить следующее. В пылу «жарких» дискуссий о целесообразности лишения в Проекте ГК РФ вещно-правовой защиты арендаторов высказываются достаточно крайние суждения, в частности о том, что «сегодня ... право собственности и право аренды ... в условиях слабого контроля со стороны крупных собственников, не представляются глубоко различными правовыми формами» [11]. К сожалению, приходится констатировать, что это так и есть, поскольку на аренду возлагаются сильно большие надежды, в том числе и по защите прав арендатора.

Закрепление в ст. 305 ГК РФ положений о вещно-правовой защите арендатора можно объяснить как некую вынужденную меру при законодательном отсутствии норм о защите права владения, не связанного с собственностью. Однако в настоящее время гражданский законодатель должен создать условия, чтобы в обороте находились не только обязательственные права, а в случае появления вещных (как при передаче вещи по договору аренды) применялись правовые фикции; владение, как вещное право на чужую вещь, должно быть самостоятельным оборотоспособным, абсолютным вещным правом, предоставляющим наибольшую защиту его субъектам. Именно в этой ситуации, а не при сохранении за арендой вещных признаков можно говорить об укреплении вещно-правовой защиты хозяйствующих субъектов.

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.

2. Змирлов К. Договор найма имущества по нашим законам // Журн. гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 2.

3. Куницын А. О силе договора найма имущества // Журн. Министерства юстиции. 1861. Т. 9.

1. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law. Moscow, 1998.

2. Zmirlov K. Contract of proprietary lease according to our statutes // Journal of civil and criminal law. 1884. B. 2.

3. Kunitsyn A. On the force of bailment for hire contract // Journal of the Ministry of Justice. 1861. Vol. 9.

4. *Отдельные виды обязательств: Курс советского гражданского права / под ред. К.А. Граве и И.Б. Новицкого. М., 1954.*
5. *Липецкер М. Договор имущественного найма // Арбитраж. 1938. № 13, 14.*
6. *Потапенкова Т.А. Совершенствование договора аренды нежилых помещений в новых условиях хозяйствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990.*
7. *Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд. М., 2007.*
8. *Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении: Практические вопросы. М., 2004.*
9. *Гражданское право: учеб. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. Ч. 2.*
10. *Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учеб. М., 2003.*
11. *Жужжалов М.Б. Право аренды и проект раздела второго Гражданского кодекса Российской Федерации. URL: <https://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord/157>*
12. *Концепция развития законодательства о вещном праве: проект рекомендован Президиумом Совета при Президенте РФ к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 3 от 18 марта 2009 г.). URL: <http://www.kolasc.net.ru/russian/tradeunion/documents/52.pdf>*
13. *Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001.*
14. *Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002.*
15. *Брагинский М.И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России: проблемы, теория, практика / отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998.*
16. *Ефимова Л.Г. О соотношении вещных и обязательственных прав // Государство и право. 1998. № 10.*
17. *Латыев А.Н. Аренда и ограниченные вещные права по проекту ГК РФ. URL: http://m-logos.ru/img/Tezicy_Latyev%20A.N.pdf*
18. *Фрейтаг-Лоринговен А.Л. Материальное право проекта Вотчинного устава: в 2 т. 1914. Т. 1.*
19. *Баринаева Е.А. Вещные права в системе субъективных гражданских прав // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / под. ред. О.Ю. Щилохвоста. М., 2003. Вып. 6.*
4. *Certain types of commitments: Course of Soviet civil law / ed. by K.A. Grave and I.B. Novitsky. Moscow, 1954.*
5. *Lipetsker M. Bailment for hire contract // Arbitrage. 1938. № 13, 14.*
6. *Potapenkova T.A. Enhancement of lease of nonresidential premises contract in new management conditions: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 1990.*
7. *Civil law: in 4 vol. Vol. 2: Law of things. Heritage law. Incorporeal rights. Personal nonproperty rights / resp. ed. E.A. Sukhanov. 3rd ed. Moscow, 2007.*
8. *Sklovsky K.I. Application of civil legislature on property and ownership: Practical Issues. Moscow, 2004.*
9. *Civil Law: textbook / ed. by A.P. Sergeyev, Yu.K. Tolstoy. Moscow, 1997. Pt. 2.*
10. *Belov V.A. Civil Law: General and Special Parts: textbook. Moscow, 2003.*
11. *Zhuzhhalov M.B. Tenant right and project of the second section of Civil code of Russian Federation. URL: <http://www.kolasc.net.ru/russian/tradeunion/documents/52.pdf>*
12. *Conception of development of legislature on law of things: the Project recommended for publication by Presidium of the Council of the President of Russian Federation for the purposes of discussion (Protocol № 3 d.d. the 18th of March 2009). URL: <http://www.kolasc.net.ru/russian/tradeunion/documents/52.pdf>*
13. *Shershenevich G.F. Course of civil law. Tula, 2001.*
14. *Sinaysky V.I. Russian civil law. Moscow, 2002.*
15. *Braginsky M.I. To the issue of proprietary and commitment relationship // Civil code of Russia: issues, theory, practice / resp. ed. A.L. Makovsky. Moscow, 1998.*
16. *Yefimova L.G. On correlation between proprietary and contractual interests // State and law. 1998. № 10.*
17. *Latyev A.N. Rent and limited proprietary interests according to the project of Civil code of Russian Federation. URL: http://m-logos.ru/img/Tezicy_Latyev%20A.N.pdf*
18. *Freytag-Loringoven A.L. Material law in the project of Patrimony statute: in 2 vol. 1914. Vol. 1.*
19. *Barinova E.A. Proprietary interests in the system of subjective civil rights // Urgent problems of civil law: coll. of papers / ed. by O.Yu. Schiglokhvost. Moscow, 2003. Iss 6.*

20. Чеговадзе Л.А. К вопросу о механизме перехода права (требования) // *Хозяйство и право*. 2002. № 6.
21. Ровный В.В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск, 1999.
22. Иванов А.А. Основные тенденции развития законодательства о вещных правах // *Вестн. ВАС*. 2010. № 12.
23. Самсонова Л.В. Вещные права учреждений профессионального образования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
24. Вещные права: система, содержание, приобретение: сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / под ред. Д.О. Тузова. М., 2007.
25. Суханов Е.А. Реформа Гражданского кодекса РФ и проблемы современного развития российского гражданского права // *Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора В.Ф. Чигири*, Минск, 4–5 нояб. 2014 г. Минск, 2014.
26. Рыбалов А.О. Споры о природе прав нанимателя в дореволюционной российской цивилистике // *Правоведение*. 2005. № 3.
27. *Законы Гражданские (Свод Законов, т. X, ч. 1, изд. 1914 г.) / сост. В.В. Исаченко*. Пг., 1916.
28. Воронов А. Характер прав наемщика по договору имущественного найма // *Журн. Министерства юстиции*. 1865. Т. 23.
20. Chegovadze L.A. To the issue of mechanism of interest (incorporeal right) transaction // *Management and law*. 2002. № 6.
21. Rovny V.V. Issues of the unity of Russian private law. Irkutsk, 1999.
22. Ivanov A.A. Main tendencies of the development of legislature on proprietary interests // *Bull. of the Supreme Arbitration Court*. 2010. № 12.
23. Samsonova L.V. Property rights of institutions of professional education: diss. ... Master of Law. Moscow, 2007.
24. Proprietary interests: system, content, acquisition: coll. of sci. papers ad honorem prof. B.L. Khaskelberg / ed. by D.O. Tuzov. Moscow, 2007.
25. Sukhanov E.A. Reform of Civil code of the Russian Federation and issues of modern development of Russian civil law // *Legal regulation of execution and protection of natural and legal persons' rights: proc. of Intern. sci.-pract. conf. ad honorem 90-years anniversary of prof. V.F. Chigir*, Minsk, Nov. 4–5, 2014. Minsk, 2014.
26. Rybalov A.O. Disputes on the nature of leaseholder rights in pre-revolutionary russian civil law // *Jurisprudence*. 2005. № 3.
27. *Civil Statutes (statute books, vol. X, pt. 1, ed. 1914) / comp. V.V. Isachenko*. Petrograd, 1916.
28. Voronov A. Character of the leaseholders rights according to bailment of hire contract // *Journal of the Ministry of Justice*. 1865. Vol. 23.

Лепилкина Анна Михайловна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградской академии МВД России

(e-mail: blond-rost@yandex.ru)

Особенности правового положения юридических лиц при определении пределов юридической ответственности

Анализ судебной практики показывает, что споры возникают по урегулированию отношений: внутри корпорации – между учредителями и участниками, акционерами; между органами управления и участниками; между корпорацией и участниками, акционерами; между мажоритарными и миноритарными акционерами; между корпорацией и публично-правовыми образованиями.

Ключевые слова: корпорация, учредитель, акционер, коммерческая корпорация, организация.

A.M. Lepilkina, Lecturer of the Chair of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: blond-rost@yandex.ru

Peculiarities of legal status of legal entities in determining the limits of legal responsibility

Analysis of judicial practice shows that disputes arise on settlement of relations: internally – between the founders and participants, shareholders; between management and members; between the Corporation and the members, shareholders and between majority and minority shareholders and between the Corporation and publicly-legal formations.

Key words: Corporation, founder, shareholder, commercial Corporation, organization.

Немецкий ученый Петер Беренс в своей работе, посвященной правовому положению юридических лиц, подразделяет «принадлежащие акционерам права на имущественные права и права на участие в делах общества» [1, с. 293–294].

По мнению П. Беренса, имущественные права включают в себя право на получение прибыли, в частности право на дивиденды, право преимущественного приобретения новых акций при увеличении капитала и право на получение части имущества, оставшегося после ликвидации в случае прекращения акционерного общества. К правам на участие в делах общества П. Беренс относит право участия в общих собраниях, право голоса, право на информацию и право на оспаривание неправомерных решений общего собрания.

По нашему предположению, наиболее обоснованы мнения об имущественном характере корпоративных отношений. Это положение можно разъяснить следующим образом: даже осуществляя право на участие в делах общества, участник стремится удовлетворить интерес, направленный на получение имущественной выгоды.

В современной отечественной юридической литературе «корпорация» рассматривается как организация, построенная на началах член-

ства (участия), участники которой имеют определенные права в отношении ее имущества.

В.В. Гуцин определяет корпорацию как «коммерческую организацию, получившую статус юридического лица в результате государственной регистрации; организацию, основанную, прежде всего, на объединенных капиталах (добровольных взносах) для осуществления определенной социально полезной деятельности, в которой собственность отделена от управления» [2, с. 154]. Следовательно, по мнению данного автора, корпорацией можно считать юридическое лицо. Если использовать классификацию юридических лиц на корпорации и учреждения, имеющуюся в праве многих европейских стран, к числу корпоративных (членских) организаций можно отнести хозяйственные товарищества, общества, кооперативы и ассоциации (союзы) юридических лиц, а учреждениями следует называть фонды, унитарные предприятия и т.п. [3, с. 180–181].

Анализ зарубежного законодательства также не дает унифицированного определения корпорации, а сам термин «корпорация» в национальных правовых порядках понимается по-разному. Американский исследователь Ричард Илз писал, что «современная корпорация – это институт, который еще ищет философского обо-

снования» [4, с. 17]. У.Э. Батлер отмечает, что «для законов о корпорациях, принимаемых на уровне отдельных штатов США, нехарактерно наличие каких бы то ни было определений корпорации» [5, с. 79–80].

Н.В. Козлова констатирует: «Понимая корпорацию как юридическое лицо, организованное на началах членства (строго фиксированного участия) его учредителей, каждый из которых имеет по отношению к юридическому лицу определенные права и обязанности, может, так или иначе, участвовать в управлении его имуществом и деятельностью чаще всего путем голосования на общем собрании, которое является высшим руководящим органом данного юридического лица, то в этом смысле корпорациями являются не только хозяйственные общества и товарищества, потребительские и производственные кооперативы, некоммерческие партнерства, но также объединения юридических лиц (ассоциации и союзы), большинство разновидностей общественных организаций и т.п.» [6, с. 245–246].

«Необходимость выделения корпорации в качестве особого вида юридического лица обусловлена еще и особым характером прав, которыми обладают по отношению к юридическому лицу корпоративного типа его члены. Данные права являются элементами содержания корпоративных правоотношений, которые в самом общем виде можно определить как правоотношения, возникающие между участниками организации, основанной на началах членства, и самой организацией. В основе этих правоотношений могут лежать различные юридические факты, главное, чтобы они порождали особую правовую связь, выражающуюся в наличии членства в организации. Поскольку организации, основанные на началах членства, традиционно именуется корпорациями, постольку такие правоотношения получили наименование корпоративных. Иногда эти отношения называют членскими» [7].

В литературе большинство ученых относят производственные и потребительские кооперативы к корпорациям, т.е. юридическим лицам, организованным на началах членства, члены которых имеют определенные права и обязанности, могут участвовать в управлении его имуществом и деятельностью путем голосования на общем собрании, которое является высшим руководящим органом данного юридического лица.

Полагаем, что возникновение членских отношений порождает совокупность корпоративных прав и обязанностей между членом кооператива и самим кооперативом, которые именуется корпоративными правоотношениями. Внимание государства к тому, как ведется предпринимательская деятельность юридических лиц, особенно не прослеживается.

Статистика раскрываемости экономических преступлений свидетельствует о том, что в основном следователи возвращают дела заявителя с отказом в возбуждении уголовного дела, ссылаясь на гражданско-правовые отношения, несмотря на предоставленные доказательства фактов злоупотреблений со стороны органов управления организации. Особенно актуальны вопросы соотношения гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности учредителей (участников) и исполнительного органа.

Так, в настоящее время в прессе широко обсуждаются вопросы административного и уголовного преследования органов управления коммерческих организаций. Все чаще появляются сообщения о приговорах, вынесенных за уклонение от уплаты налогов. Причем порой дело доходит до лишения свободы с реальным отбыванием наказания, не обращая внимания на возможность административного и уголовного преследования органов управления организаций становится невозможным. При этом ответственность могут нести не только органы управления, но и учредители.

Как правило, экономические преступления совершаются группой лиц, в основном аффилированных. Из судебной практики следует, что к уголовной ответственности органы управления, учредители чаще привлекаются за налоговые преступления. Ответственность руководителей и учредителей за их совершение установлена ст. 199 УК РФ.

Такое преступление может быть совершено путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством России о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений. Как правило, налоговая инспекция накладывает штраф на директора за налоговое правонарушение. Несмотря на то, что цена штрафа, подлежащего взысканию с юридического лица, выше, чем с физического лица, директор перекладывает штраф на юридическое лицо. Без-

условно, непланируемые расходы отрицательно повлияют на прибыль и в конечном счете на уменьшение размера дивидендов.

Директор организации независимо от организационно-правовой формы имеет право принимать различные решения от имени организации и давать работникам указания, обязательные для исполнения, у него есть обязанность отчитываться перед высшим органом – общим собранием, но в ежегодно утверждаемом высшим органом бухгалтерском балансе трудно выявить причину непланируемых расходов, накопившихся в течение года. Если рассматривать указанное правонарушение с точки зрения гражданского законодательства, то возможно привлечь директора за причиненный ущерб обществу, выраженный в штрафе за несвоевременную уплату налогов, их сокрытие. Но даже при положительном решении суда в пользу общества невозможно возместить стоимость фактически причиненного ущерба, т.к. директор, предвидя предстоящее возмещение утраченного, скрывает нажитое имущество. Участникам корпоративных отношений следует обратить внимание на ст. 171 УК РФ, которой устанавливается ответственность за незаконное предпринимательство – осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением лицензионных требований и условий, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере [8]. Считаем, что в гражданском иске в уголовном деле в таком случае следует заявить о возникших убытках, определить их размер. Взыскать убытки возможно не только с руководителя организации, привлечь к субсидиарной ответственности можно также учредителей (участников) юридического лица, если не докажут отсутствие их вины. Совершение преступления и причинение ущерба возможны как в процессе функционирования организации, так и в процессе ее создания. Например, отвечать за достоверность сведений, указанных в заявке о регистрации юридическо-

го лица, будет учредитель, в том числе в случае возложения обязанности по регистрации на потенциального директора, действующего по доверенности. Если представленный устав, протокол содержат недостоверные сведения, учредители становятся субъектами ответственности по ст. 171 УК РФ.

В уставе организаций необходимо предусмотреть следующую обязанность участников корпоративных отношений: учредители (участники), акционеры обязаны принимать соответствующие необходимые меры по созданию условий для применения уголовных или административных санкций или мер воздействия к юридическим лицам, от имени которых преступление было совершено, их органами или членами или иным представителем.

Гражданско-правовая ответственность участника корпоративных отношений в форме взыскания убытков не исключает уголовного преследования физического лица. Нормы, устанавливающие уголовную и административную ответственность, не являются нормами отраслевой ответственности, т.к. направлены на защиту широкого круга общественных отношений, отраслевой характер которых не имеет значения.

Представляется, что законодательная система должна способствовать выделению норм отраслевой направленности в случае выявления уголовно наказуемого деяния либо административного правонарушения. Определяя субъекта ответственности, мы обращаемся в первую очередь к функциям и полномочиям должностного лица. Поэтому руководитель, пытаясь снять с себя ответственность за правонарушение, передает свои функции и полномочия другому лицу на период совершения преступления. Убытки с временно исполняющего обязанности директора взыскать невозможно, как правило, такое лицо состоит в трудовых отношениях и несет ограниченную материальную ответственность в пределах среднемесячного заработка. Лицо, временно осуществляющее функции органа управления, должно быть выборным лицом, в результате иметь статус самостоятельного участника корпоративных отношений, тогда его решения, деятельность не будут зависеть от воли директора и появится возможность привлекать к гражданско-правовой ответственности в форме взыскания убытков.

При рассмотрении особенности привлечения к ответственности участников корпора-

тивных отношений нами проанализирована судебная практика. Анализ судебной практики показывает, что споры возникают по урегулированию отношений: внутри корпорации – между учредителями и участниками, акционерами;

между органами управления и участниками; между корпорацией и участниками, акционерами; между мажоритарными и миноритарными акционерами; между корпорацией и публично-правовыми образованиями.

1. Беренс П. *Правовое положение товариществ и обществ. Предпринимательское право // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии.* М., 2001.

2. Гуцин В.В., Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. *Корпоративное право: учеб. для юрид. вузов.* М., 2006.

3. Суханов Е.А. *Юридические лица как участники гражданских правоотношений.*

4. Батлер У.Э. *Основные черты российского открытого акционерного общества и американской корпорации // Государство и право.* 1998. № 7.

5. Козлова Н.В. *Понятие и сущность юридического лица: Очерк истории и теории.* М., 2003.

6. *Законодательство.* 2004. № 5, 6.

7. Брагинский М.И. *Гражданское право России: курс лекций. Часть первая / под ред. О.Н. Садикова.* М., 1996.

8. Бутенко А.А. *Незаконная деятельность по обналичиванию денежных средств // Вестн. Волгоград. акад. МВД России.* 2012. № 3(22).

1. Behrens P. *Legal status of partnerships and companies. Business law // Problems of civil and business law in Germany.* Moscow, 2001.

2. Gushchin V.V., Poroshkina Yu.O., Serdyuk E.B. *Corporate law: textbook for law schools.* Moscow, 2006.

3. Sukhanov E.A. *Legal persons as participants of civil relations.*

4. Butler W.E. *The main features of the Russian open joint-stock companies, and American corporation // State and law.* 1998. № 7.

5. Kozlova N.V. *The concept and essence of legal entity: History and theory essay.* Moscow, 2003.

6. *Legislation.* 2004. № 5, 6.

7. Braginsky M.I. *Civil law of Russia: course of lectures. Part the first / ed. by O.N. Sadikov.* Moscow, 1996.

8. Butenko A.A. *Illegal activity on cashing in of money // Bull. of Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia.* 2012. № 3(22).

Векленко Василий Владимирович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе)
(e-mail: veklenkovv@yandex.ru)

Акиев Арби Русланович

адъюнкт Омской академии МВД России
(e-mail: Melhi530@mail.ru)

Юридическая природа понятия «семья»

В статье исследуются наиболее острые юридические проблемы современного института семьи. Авторами обосновывается необходимость усиления ее правовой защиты, в том числе уголовно-правовыми средствами. Сформулировано юридическое определение понятия «семья». Выносится предложение о законодательном закреплении в Семейном кодексе Российской Федерации дефиниции «семья» в целях единообразного понимания.

Ключевые слова: понятие «семья», брак, родство, совместное проживание, охрана семьи.

V.V. Veklenko, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head for Research Work of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: veklenkovv@yandex.ru;

A.R. Akiev, Adjunct of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Melhi530@mail.ru

The essence of the concept «family»

In this article the most acute legal issues of modern institute of a family are investigated. Authors need of strengthening of its legal protection, including criminal and legal means locates. Legal definition of the concept «family» is formulated. The offer on legislative fixing in the Family code of the Russian Federation of a definition «family» for uniform understanding is taken out.

Key words: definition «family», marriage, kinship, cohabitation, protection of the family.

В Российской Федерации регулирование и охрана семейных отношений обеспечены различными отраслями права. В ст. 38 Конституции РФ указано, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». В настоящее время правовое регулирование института семьи осуществляется в рамках семейного, гражданского, жилищного и других отраслей права, которые направлены на его функционирование и придание стабильности.

Однако уголовно-правовой охране института семьи, по нашему мнению, все еще не уделяется должного внимания. В значительной степени это связано с тем, что в отечественном законодательстве нет единого легального определения семьи. Так, в соответствии с названием и содержанием гл. 20 УК РФ понятие семьи и ее охраны сводится к охране прав отдельных членов семьи, сам же институт семьи остается без должной защиты.

Нормы, осуществляющие правовое регулирование института семьи, содержатся в различных отраслях права и практически каждая из них по-своему представляет понятие «семья», определяя ее в узком смысле, в целях и через призму регулируемых отраслью обще-

ственных отношений. Разночтения и трудности в правоприменении можно устранить лишь путем законодательного закрепления официальной дефиниции семьи.

В теории существуют различные классификации семьи, но для нас наибольший интерес представляет традиционная семья, существующая в российском правовом и нравственном поле. Употребляя термин «традиционной» российской семьи и высказываясь за ее сохранение и защиту, мы подразумеваем, во-первых, семью разнополую, а во-вторых, семью моногамную, образованную одной женщиной и одним мужчиной.

Основой семьи является официально зарегистрированный брак, которому сегодня угрожают альтернативные отношения от сожительства до однополых браков. Для понимания всей серьезности проблемы незарегистрированных «брачных отношений» обратимся к истории нашего государства. Проводимая в 1920-х гг. политика СССР, помимо отказа от брака церковного, воспринимала даже брак, зарегистрированный в органах ЗАГС и признанный законодательно, как пережиток прошлого. «Уничтожая суеверие необходимости церковного венчания для законности брака,

нет надобности заменять его другим суеверием – необходимости облечения свободного союза женщины и мужчины в форму зарегистрированного брака» [1, с. 525]. Такая политика государства по отношению к браку и семье привела к негативным социальным последствиям. Господствовавшая в 1920-е гг. идея общественного воспитания детей как приоритетного по отношению к семейному воспитанию привела к росту числа беспризорных детей и оказалась провальной, ее последствия пришлось исправлять долгое время. Общество должно быть заинтересовано в том, чтобы люди жили в браке, но реальность показывает деформации в брачном союзе, которые отражаются и на институте семьи.

Нельзя обойти стороной и новую форму брачного союза, которую так рьяно защищает и отстаивает западное сообщество, а именно однополый брак, представляющий существенную угрозу традиционной российской семье и, более того, демографической безопасности нашего государства.

Отношение россиян к легализации в нашей стране однополых браков стало более категоричным, чем 10 лет назад: если в 2004 г. против легализации однополых браков выступали 59% населения, то в 2015 г. – уже 80% (мужчины – 86%, женщины – 75%). Одновременно сократилась доля респондентов, убежденных, что гомосексуалисты могут заключать брачный союз (с 14 до 8% соответственно). Еще 6% признают как положительные, так и отрицательные стороны такой возможности [2]. В вопросе о том, какую позицию должно занять государство по отношению к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией, 12% высказались за то, что государство должно защитить их от дискриминации, но при этом не позволять им заключать брак и усыновлять (удочерять) детей. 32% опрошенных полагают, что властям не стоит обращать на лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией особого внимания, а последним не следует демонстрировать свои пристрастия. Более непримиримую позицию высказали 41% респондентов, заявив о необходимости преследовать гомосексуалистов [2].

Безусловно, распространение этой «чумы» XXI в. – однополых браков – по миру и увеличение числа государств, легализующих их, негативно сказывается на традиционных ценностях семьи, представляющей оплот и основную ячейку общества и государства, и самое главное – это противоречит естественной природе человека.

Подобные рассуждения в некоторых научных кругах могут быть восприняты как консерватизм и нетерпимость к определенной социальной группе, но, как говорил М.А. Бакунин,

«свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». И конечно же, государство должно учитывать мнение 80% населения, которые негативно относятся к однополым бракам и их пропаганде, и защитить традиционную семью от необратимых последствий этого пагубного социального «явления».

В тексте распоряжения Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» к традиционным семейным ценностям отнесена «ценность брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению» [3].

Следует отметить, что за последние десятилетия в российском обществе наблюдается сокращение численности семей, а также изменение состава семьи. По итогам последней советской переписи населения (1989 г.) в РСФСР насчитывалось 40246 тыс. семей, в 2002 г. их стало больше – 41659 тыс., а в 2010 г. вновь отмечено сокращение – до 40665 тыс. Уменьшался и средний размер семьи: по данным переписей населения в 1959 г., он составлял в среднем 3,65 чел., в 1970 г. – 3,54 чел.; в 1979 г. – 3,27 чел.; в 1989 г. – 3,23 чел.; в постсоветский период средний размер семьи продолжал сокращаться: в 2002 г. – 3,2 чел.; в 2010 г. – 3,1 чел. [4]. Уменьшение размера семьи многие ученые объясняют процессами индустриализации и урбанизации общества, которые сопровождаются распадом больших, сложных, многопоколенных семей и появлением семей нового типа – нуклеарных. В российском обществе также произошел переход от расширенной семьи, где под одной крышей проживали сразу несколько поколений, к семье, состоящей из родителей и, как правило, их несовершеннолетних детей. Расширенная семья, в свою очередь, «перенеслась» в поддержание между поколениями кровно-родственных отношений.

Довольно остро стоит в нашей стране и проблема разводов, разрушающих брачные отношения. Проблема большого количества разводов в соотношении с зарегистрированными браками подтверждается данными официальной статистики. Так, в 2004 г. в России было зарегистрировано 979697 браков, количество разводов в этом же году составило 635835, в 2014 г. было зарегистрировано 1225985 браков

с количеством разводов – 693730 [5]. Коэффициент разводов равен 50% и более, с такими высокими показателями Россия находится на 4 месте в мире по количеству разводов, к сожалению, положительных сдвигов в этом направлении не наблюдается.

В научной литературе существуют авторские определения семьи: «семья – это постоянное сожительство мужа, жены и детей, то есть представляет собой союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих» [6, с. 34]; «семья – это социальная группа, члены которой объединены юридическими либо фактическими брачными отношениями, отношениями родства или свойства, взаимными правами и обязанностями, вытекающими из семейных правоотношений, общностью быта и эмоционально-психологическими связями» [7]; «семья – это исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [8, с. 75].

Правовое определение семьи должно содержать в себе в первую очередь юридически значимую и документально закреплённую связь между лицами, образующими семью. В научной среде ведутся споры относительно тех признаков, которые позволяют рассматривать семью в качестве правовой категории и имеют юридическое значение. Наиболее часто за основу определения понятия «семья» берутся следующие признаки.

1. Одни авторы определяют семью с помощью понятия «коллектив» [9], другие – как объединение лиц [10], третьи – как союз лиц [11] и т.д.

Если говорить о термине «коллектив» (от лат. *collectivus* – собирательный), то под ним понимают относительно компактную социальную группу, объединяющую людей, занятых решением конкретной общественной задачи (коллектив трудовой, учебный, военный, спортивный и др.) [12]. Конечно, семья имеет общие интересы, но у каждого члена семьи могут быть свои интересы, отличные от общих, что несколько не соответствует термину «коллектив», ведь создание семьи не преследует решение конкретной общественной задачи. В соответствии с «Толковым словарем русского языка» С.И. Ожегова «союз» имеет следующее значение: «тесное единение, связь классов,

групп, отдельных лиц» [12]. Наиболее удачным, по нашему мнению, является определение семьи с использованием термина «объединение», отражающего внешнюю сторону семьи как социального института, которую можно «наблюдать», в отличие от значений, заложенных в термин «союз» (тесное единение, связь).

2. Вторым признаком – «взаимная моральная и материальная поддержка». Действующее семейное законодательство предусматривает взаимную материальную поддержку членов семьи только в прямо указанных законом случаях (гл. 13 СК РФ «Алиментные обязательства родителей и детей», гл. 15 СК РФ «Алиментные обязательства других членов семьи»). В остальных случаях, как и за неосуществление членами семьи моральной поддержки, ответственность отсутствует. Следовательно, данный признак в таком узком виде не может быть положен в основу понятия «семья». Более правильным будет ограничиться указанием на то, что члены семьи по отношению друг к другу «наделены взаимными правами и обязанностями», а перечень этих прав и обязанностей прописан в Семейном кодексе РФ.

3. Третий признак – «воспроизводство населения и забота о воспитании потомства». Конечно, семья является доминантой в первичной социализации и воспитании подрастающего поколения, но помимо семьи воспитательную функцию осуществляют воспитатели в детских садах, учителя в школах, тренеры спортивных секций и т.д. Что касается признака воспроизводства населения, укажем лишь на один момент: не все люди физиологически могут иметь детей, но это не означает, что супружеская пара, не имеющая детей, не является семьей. Поэтому считаем, что данный признак нельзя отнести к обязательным.

4. Четвертый признак – «общность жизни». Термин «общность» понимается как «общий, единство» [13]. Так как все люди находятся в социуме, то и на семью распространяются все грани единства людей в обществе. Данный признак не является отличительным и не ограничен рамками семьи и ее членов, а имеет более широкое распространение.

5. Пятый признак – «ведение совместного хозяйства». Хотя некоторые авторы высказываются против отнесения ведения хозяйства к основным признакам семьи, приводя в качестве аргумента тот факт, что совместное хозяйство ведут и члены экспедиции [14, с. 55–60], все же нельзя проживать совместно и оградить себя от семейных (бытовых) обязательств. Поэтому предлагаем уточнить рассматриваемый

признак и изложить его в следующем варианте: «ведение совместного домашнего хозяйства», где ключевым будет слово «домашнего», определяющее семейно-бытовые отношения. Так, Верховный Суд РФ, давая толкование ст. 27 СК РФ о фиктивности брака (заключении брака без цели создания семьи), определил в качестве юридически значимых обстоятельств для правильного разрешения вопросов о фиктивности брака совместное проживание сторон после заключения брака, ведение общего хозяйства, поддержание семейных отношений [15].

6. Шестой признак – это «совместное проживание членов семьи». Важность указанного признака отмечает А.М. Нечаева, называя одним из главных признаков семьи совместное проживание ее членов [16, с. 8]. Именно этот признак и послужил основанием для того, чтобы семья когда-то стала так называться.

Конечно, признак совместного проживания может быть одним из основных в определении понятия семьи при наличии определенной близости лиц, совместно проживающих. Юридически такая близость определена в Семейном кодексе как брак между мужчиной и женщиной и родство (ст. 1, 2 и 14 СК РФ). В ситуациях, когда супруги проживают отдельно друг от друга без расторжения брака, а дети – не с родителями, можно сказать, что они состоят в брачных им близкородственных отношениях, но общей семьи у них нет, есть отношения брачные, родственные, но нет семейных. Так, в п. 1 ст. 31 СК РФ законодатель указывает, что супруги свободны в выборе мест пребывания и жительства. Именно супруги, а не члены семьи, ведь если нет совместного проживания, то нет общей семьи. Конечно, нужно учитывать случаи, когда супруги не проживают совместно по уважительным причинам, таким как служебная командировка, учеба, уход за детьми, родителями и др. Но эти обстоятельства имеют все же какие-то временные рамки.

7. Многие авторы сходятся во мнении, что основа семьи – это брак и родственные отношения. Бесспорно, брак является юридической основой семьи, данное положение прямо закреплено в Семейном кодексе РФ. Так, ст. 27 СК РФ гласит, что брак признается недействительным, если супруги или один из них зарегистрировали брак без цели создания семьи. Если говорить о родственных отношениях, то эти отношения юридически доказуемы и понимаются как связь лиц рождением. К родственникам по происхождению, согласно п. 1 ст. 137 СК РФ, приравниваются также усыновители и усыновленные [17].

Проанализировав доктринальные и законодательные признаки семьи, предлагаем закрепить следующую легальную дефиницию семьи в ст. 1 «Основные начала семейного законодательства» Семейного кодекса РФ, которая была бы исходной и для остальных отраслей права, в том числе и для уголовного законодательства.

Семью в юридическом смысле можно определить как объединение совместно проживающих лиц, связанных брачными или родственными отношениями, ведущих общее домашнее хозяйство и имеющих взаимные права и обязанности.

Законодательное закрепление такого основополагающего понятия, как «семья», необходимо и с теоретической, и с практической точки зрения. Наличие легальной дефиниции будет способствовать созданию эффективного механизма правовой охраны семьи, позволит обеспечить устойчивость и стабильность семьи в российском обществе и государстве. Немаловажную роль это будет играть и для уголовно-правовой охраны института семьи, позволив определить объект охраны и, соответственно, обеспечить его должной защитой. Как уже было отмечено нами ранее, в существующей редакции гл. 20 Уголовного кодекса РФ отсутствуют нормы по охране института семьи, однако необходимость его уголовно-правовой защиты очевидна.

1. Володина Н.А. Советская семья под контролем государства: 1917–1930-е гг. // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 5.

2. Результаты опросов, проведенных ВЦИОМ 11–12 апр., 4–5 июля 2015 г. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115315> (дата обращения: 25.12.2015).

3. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 авг. 2014 г.

1. Volodina N.A. *The Soviet family under control of the state: 1917–1930th // Modern problems of science and education*. 2013. № 5.

2. *Results of surveys conducted by All-Russian Center of research of public opinion on Apr. 11–12, on July 4–5, 2015*. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115315> (date of access: 25.12.2015).

3. *About the approval of the Concept of the state family policy in the Russian Federation for the period till 2025: order of the Government of the Russian Federation d.d. Aug. 25, 2014 № 1618-p*.

№ 1618-р. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Семья меняет облик // Исследования ВШЭ. URL: <http://www.opec.ru/1633j74.html> (дата обращения: 31.10.2015).

5. Демографический ежегодник России – 2015 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16 (дата обращения: 04.02.2016).

6. Шершеневич Г.Ф. Учебник гражданского права. М., 2006. Т. 1.

7. Колпакова Л.А. Насилие в семье: Виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007.

8. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.

9. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.

10. URL: <http://pravo.news/semeynomu-pravu-uchebnili/ponyatie-semi-30455.html>

11. Бошко В.И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952.

12. URL: <http://tolkslovar.ru/k6464.html> (дата обращения: 02.11.2015).

13. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. М., 2004.

14. Монахов А.Б. Семья: правовое определение понятия // Вестн. БФУ им. И. Канта. 2014. № 9.

15. Определение Верховного Суда РФ от 1 окт. 2013 г. № 4-КГ13-23. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Нечаева А.М. Семейное право: курс лекций. М., 1998.

17. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28 нояб. 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. The family changes image // Researches of HSE. URL: www.opec.ru/1633j74.html (date of access: 31.10.2015).

5. A demographic year-book of Russia – 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16 (date of access: 04.02.2016).

6. Shershenevich G.F. Textbook of civil law. Moscow, 2006. Vol. 1.

7. Kolpakova L.A. Violence in a family: Victimological aspect, differentiation of responsibility and questions of legislative equipment: auth. abstr. ... Master of Law. Yaroslavl, 2007.

8. Harchev A.G. Marriage and a family in the USSR. Moscow, 1979.

9. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of the theory of law. Moscow, 1961.

10. URL: <http://pravo.news/semeynomu-pravu-uchebnili/ponyatie-semi-30455.html>

11. Boshko V.I. Sketches of the Soviet family law. Kiev, 1952.

12. URL: <http://tolkslovar.ru/k6464.html> (date of access: 02.11.2015).

13. The modern explanatory dictionary of Russian / ed. by S.A. Kuznetsov. Moscow, 2004.

14. Monahov A.B. Family: legal definition of concept // Bull. of BFU of I. Kant. 2014. № 9.

15. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Oct. 1, 2013 № 4-KG13-23. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

16. Nechayeva A.M. Family law: course of lectures. Moscow, 1998.

17. The Family code of the Russian Federation d.d Dec. 29, 1995 № 223-FL (as amended on Nov. 28, 2015). Access from legal reference system «Consultant Plus».

Иванцов Сергей Вячеславович

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры криминологии
 Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
 (e-mail: isv1970@mail.ru)

Борисов Сергей Викторович

доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры уголовного права
 Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
 (e-mail: svb8@yandex.ru)

Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности

В статье рассматриваются вопросы, связанные с нормативным определением террористической и экстремистской деятельности и реализацией уголовной ответственности за их организованные формы. Анализируются нормы УК РФ, регламентирующие ответственность за террористическую и экстремистскую деятельность, раскрываются коллизионные вопросы правоприменительной практики.

Ключевые слова: террористическая деятельность, экстремистская деятельность, уголовная ответственность, правовая регламентация, преступное сообщество.

S.V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: isv1970@mail.ru;

S.V. Borisov, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: svb8@yandex.ru

Organized forms of terrorist and extremist activities: the regulation and prosecution of responsibility

The article discusses issues related to the regulatory definition of terrorist and extremist activities and the implementation of criminal responsibility for their organized forms. Analyzed norms of the Criminal code that regulate liability for terrorist and extremist activity, are disclosed conflict of laws enforcement.

Key words: terrorist activity, extremist activity, criminal responsibility, legal regulation, criminal community.

Современная преступность и ее различные (прежде всего организованные) формы являются серьезной проблемой для правоприменительной деятельности. Для разрешения вопросов эффективного предупреждения преступности необходимо учитывать правовые и криминологические реалии в развитии как преступности в целом, так и реальных возможностей воздействия на нее. Этот процесс значительно осложняется продолжающейся консолидацией и саморазвитием организованных форм преступности, что способствует криминализации многих сфер жизнедеятельности общества, повсеместной коррупции, распространенности экстремистских идей и международного терроризма [1, с. 375]. В связи с этим законодательная база

в части регламентации противодействия преступности должна соответствовать запросам времени, т.е. быть системной. В противном случае это приводит к рассогласованности между правовой теорией и реализацией уголовной ответственности. Это в полной мере касается предупреждения организованной преступности и ее различных форм (прежде всего организованного терроризма и экстремизма), отдельные вопросы законодательной регламентации ответственности за которые будут рассмотрены подробно.

Одним из главных «дестабилизаторов» социально-политической обстановки в нашей стране продолжает оставаться терроризм. Сегодня терроризм прикрывается политическими или религиозными лозунгами и является, по

сути, основным проявлением организованного преступного экстремизма. За последние годы во всем мире отмечается существенный рост числа межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Подобные негативные тенденции зафиксированы и в России. Они дестабилизируют политические процессы в обществе, ведут к нарастанию социальной напряженности и конфронтации, угрожают безопасности как отдельных граждан, так и государства в целом. На этом фоне в качестве одной из наиболее опасных форм криминалитета следует выделить существующую организованную преступность и тенденции ее сращения с преступностью террористического и экстремистского характера. Не подлежит сомнению тезис о том, что экстремизм и его наиболее опасная форма – терроризм превратились сегодня в серьезные проблемы для всего мирового сообщества. Это обусловлено возрастающей экстремистской и террористической активностью в мире, увеличением количества совершаемых террористических актов и числа жертв преступлений, совершаемых на почве национальной, религиозной и иной ненависти и вражды. Также настораживают неблагоприятные тенденции расширения географии и масштабов экстремизма и терроризма, факты организованного вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность все большего числа людей [2, с. 156–162].

Не случайно в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» отмечается, что территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма.

При этом в Стратегии подчеркивается, что основной угрозой государственной и общественной безопасности является деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения и т.д. Одним из основных источников угроз национальной безопасности выступает деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспириро-

вание «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3].

Очевидно, что реализация стратегических целей обеспечения национальной безопасности, защита основ конституционного строя и сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности возможны за счет совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма и других организованных преступных посягательств. Достижение обозначенных целей, в свою очередь, невозможно без комплексного изучения вопросов противодействия террористической и экстремистской деятельности, в том числе проблем реализации уголовной ответственности за организованные формы ее осуществления.

Нормативные понятия террористического и экстремистского видов противоправной деятельности находятся в соотношении частного и общего и характеризуют деяния, способные подорвать основы общественной безопасности и конституционного строя государства, посеять страх, ненависть и вражду в обществе. Особую опасность соответствующие действия приобретают при их совершении организованными преступными объединениями.

Для предупреждения организованной террористической и экстремистской деятельности Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации», а затем и ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» и 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации». Отметим, что соответствующие новеллы уголовного законодательства изначально породили научные дискуссии и трудности в правоприменительной деятельности.

Первые связаны с дискуссионными вопросами относительно криминологической обоснованности установления самостоятельной уголовной ответственности за создание (организацию деятельности) таких объединений и участие в них. Они касаются и соотношения экстремистского и террористического сообществ, экстремистской и террористической организаций между собой и с формами соучастия в виде организованной группы и преступного сообщества (преступной организации). Практические проблемы касаются разграничения данных объединений между собой, вопроса о необходимости привнесения в описание экстремистского и террористического сообществ

в процессуальных документах признаков преступного сообщества (преступной организации), вопросов квалификации создания (организации деятельности) таких преступных объединений и участия в их деятельности.

Говоря о криминологической обоснованности дополнения Особенной части УК РФ самостоятельными статьями об ответственности за создание (организацию деятельности) экстремистских и террористических сообществ и организаций и участие в их деятельности, следует указать, что соответствующие новеллы уголовного закона обусловлены, главным образом, не пробелами последнего, а необходимостью реализации одного из направлений политики государства, связанного с усилением мер противодействия терроризму и экстремизму [4, с. 368–375].

Ужесточение уголовного закона в этом направлении проявилось в большей степени применительно к экстремистской деятельности в целом, нежели к такой ее разновидности, как деятельность террористическая. Это связано с тем, что преступления, относящиеся к террористической деятельности, для совершения которых создаются и функционируют террористические сообщества и организации, относятся к категориям тяжких и особо тяжких, что делает приготовление к ним уголовно наказуемым и без соответствующих дополнений Особенной части УК РФ.

Другие же уголовно наказуемые деяния, входящие в понятие «экстремизм», могут относиться ко всем категориям преступлений: от небольшой тяжести до особо тяжких, тогда как дополнение Особенной части УК РФ ст. 282.1 УК РФ сделало приготовительные действия в виде создания организованной группы, руководства ею и участия в ней наказуемыми безотносительно к категории преступлений экстремистской направленности, для совершения которых создавалась такая группа. Если же говорить об экстремистской организации, то таковая до судебного решения о ее ликвидации либо запрете деятельности может осуществлять любые из действий, относящихся к экстремизму, но на момент последующего возобновления ее деятельности – те из них, что не относятся к преступлениям экстремистской направленности. Учитывая меньшую по отношению к организации экстремистского сообщества общественную опасность организации деятельности экстремистской организации, полагаем, что к таким действиям можно отнести лишь административные правонарушения, а равно сам факт создания данной организации либо приготовление к преступлениям экстремистского характера небольшой либо средней тяжести, за исключением преступлений экстремистской направленности [5, с. 371–372].

Соотнося понятия экстремистского и террористического сообществ с понятиями форм соучастия, отметим, что использование законодателем термина «сообщество» в названиях и диспозициях ст. 282.1 и 205.4 УК РФ следует признать крайне неудачным, что изначально подтверждалось следующими обстоятельствами. Экстремистское и террористическое сообщества создаются и функционируют для совершения преступлений, т.е. по своей сути являются преступными сообществами, но такими, которые не обладают основными признаками последнего, содержащимися в ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ. Как уже упоминалось нами выше, экстремистское сообщество создается для совершения преступлений различных категорий тяжести (от небольшой тяжести до особо тяжких), тогда как преступное сообщество (преступная организация) – для совершения только тяжких и особо тяжких преступлений, причем не обязательно по мотивам ненависти либо вражды, присущим деяниям экстремистской направленности [6, с. 32]. Кроме того, в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ изначально не был указан такой конститутивный признак преступного сообщества, как сплоченность, предполагавший более высокий качественный уровень взаимосвязей в такой группе лиц.

Отметим, что отдельные авторы называют сплоченность в качестве признака экстремистского сообщества, что, на наш взгляд, является примером расширительного толкования текста уголовного закона. Создание преступного сообщества (преступной организации) само по себе является особо тяжким преступлением, а участие в данном формировании без квалифицирующего признака – тяжким преступлением. Организация же экстремистского сообщества относится к тяжким преступлениям, а участие в таком сообществе – вовсе к преступлениям средней тяжести. Следовательно, экстремистское сообщество следует признать устойчивым преступным объединением, т.е. разновидностью организованной группы [5, с. 371–372].

В соответствии с ч. 1 ст. 205.4 УК РФ террористическое сообщество представляет собой устойчивую группу лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. При этом террористическое сообщество, равно как и экстремистское сообщество, может состоять из структурных подразделений (частей). Вместе с тем, понятие террористического сообщества также основано на признаках, характери-

зующих организованную группу, ключевым из которых является устойчивость такой группы.

После законодательных изменений ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ число и содержание указанных разграничительных признаков изменилось. Так, действующая редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ содержит следующее общее понятие преступного сообщества (преступной организации): «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

Сравнение данной формулировки с понятиями экстремистского и террористического сообществ приводит к однозначному исключению возможности признания последних разновидностью преступного сообщества (преступной организации). Такой вывод основан на том, что для экстремистского и террористического сообществ признак структурированности не является обязательным, а цель получения финансовой или иной материальной выгоды вовсе исключается за счет мотивов и целей, присущих преступлениям, подготавливаемым или совершаемым такими сообществами, не включающих в себя корыстные побуждения [5, с. 371–372].

Таким образом, экстремистское сообщество – это организованная группа, создаваемая и действующая для подготовки и совершения преступлений по мотивам идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы (преступлений экстремистской направленности). Террористическое сообщество также представляет собой организованную группу, создаваемую и действующую для осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Полагаем, что применительно к рассматриваемым уголовно-правовым нормам целесообразно внести изменения, касающиеся замены термина «сообщества» понятием «организованная группа» и исключения указания на структурные подразделения соответствующих преступных объединений.

Изучение уголовных дел о преступлениях экстремистской и террористической направленности показало, что суды, как правило, склонны рассматривать экстремистское и террористическое сообщества в качестве разновидностей преступного сообщества (преступной организации), что усложняет процесс квалификации и принятия процессуальных решений.

Например, по приговору Центрального районного суда г. Челябинска от 1 июня 2010 г. К., Х., Д. и З. были осуждены за организацию экстремистского сообщества, участие в нем и возбуждение ненависти либо вражды. В обоснование своих доводов об организации К. и Х. экстремистского сообщества и участии в нем Д. и З. суд указал, что исследованными в судебном заседании доказательствами подтверждается факт длительного и устойчивого существования организованной группы в составе указанных лиц. Между членами этой группы были распределены роли, существовала иерархическая структура. Все участники сообщества были объединены общими мировоззренческими установками и целью совершения преступлений экстремистской направленности, планировали и совместно подготавливали такие преступления. Рассмотрев дело в кассационном порядке, судебная коллегия по уголовным делам Челябинского областного суда пришла к выводу, что «...по смыслу закона экстремистское сообщество отличается высшей степенью сплоченности участников, согласованности их действий по достижению общих целей. Также признаками данного сообщества являются наличие устава, лидера или руководящего ядра, четкой структуры, символики, финансового обеспечения, дисциплины и мер воздействия за ее нарушение. Установив, что осужденные были знакомы между собой длительное время и их общение было построено с учетом определенной иерархии, суд не учел то обстоятельство, что для остальных членов организованной группы К. выступал как «учитель», причем Х. находился в более близких с ним отношениях и знал его длительное время, по сравнению с остальными осужденными. Сама по себе экстремистская деятельность, осуществляемая осужденными в составе организованной группы, не может служить основанием к тому, чтобы считать данную группу экстремистским сообществом» [7, с. 5–6].

В связи с этим квалификация действий указанных лиц по ст. 282.1 УК РФ была признана излишней, осужденным снижены сроки наказания. Полагаем, что в приведенном судебном решении необоснованно указываются признаки, которые характеризуют экстремистское сообщество. Все эти признаки следует отнести к

преступному сообществу. Не относятся они и к организованной группе, для которой, помимо общих признаков соучастия в преступлении, свойственны устойчивость, а также направленность на совершение одного или нескольких преступлений.

Употребление в диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ слова «преступление» во множественном числе способствует формированию вывода о том, что экстремистское сообщество может быть признано таковым, если оно создано для подготовки или совершения как минимум двух преступлений экстремистской направленности. Учитывая то, что экстремистское сообщество создается и функционирует для совершения преступлений всех категорий, в том числе небольшой и средней тяжести, данный вывод способствовал бы признанию социальной обусловленности установления уголовной ответственности за приговорительные действия в виде создания такого сообщества и руководства им.

Вместе с тем, не следует забывать о наличии в диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ словосочетания «организованная группа», отсылающего к ч. 3 ст. 35 этого УК, где, в частности, указывается, что участники такой группы объединяются для совершения одного или нескольких преступлений. Приведенное обстоятельство еще раз указывает на несовершенство законодательной техники, приводящее к отсутствию единообразия в толковании и последующем применении рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Представляется, что отмеченная законодательная неточность создает у правоприменителя неустранимые сомнения в однозначном понимании ст. 282.1 УК РФ, что должно толковаться в пользу обвиняемого, т.е. экстремистское сообщество следует рассматривать как организованную группу, создаваемую для совершения как минимум двух преступлений экстремистской направленности [4].

Пленум Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» занял иную позицию, указав в п. 12 постановления, что экстремистское сообщество следует рассматривать как «устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений. При этом экстремистское сообщество может состоять из структурных подразделений (частей)». Конечно, такое разъяснение упрощает правоприме-

нительную практику, но не является полностью основанным на тексте уголовного закона в той части, что затрагивает цели организации экстремистского сообщества. Отметим, что законодательное определение террористического сообщества, содержащееся в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, конкретизирует, что данное преступное объединение создается и функционирует для совершения одного или нескольких преступлений, что исключает указанную выше проблему квалификации.

В практической деятельности уголовные дела по ст. 205.4 и 282.1 УК РФ, как правило, возбуждаются с учетом ч. 1 и ч. 2 последних, т.к. для признания группы организованной в ней нужно выделить организатора (руководителя), сама же группа предполагает еще и наличие ее составляющих – участников.

Также следует учитывать, что при юридической оценке конкретных преступлений, совершаемых террористическим или экстремистским сообществом, учитывается такой квалифицирующий признак, как осуществление соответствующих деяний организованной группой. Это обусловлено тем, что понятие «преступное сообщество (преступная организация)» не указывается ни в одной статье Особенной части УК РФ, за исключением ст. 210 об ответственности за создание такого сообщества и участие в нем. Поэтому усложнение законодательных определений террористического и экстремистского сообществ за счет смешения в них признаков организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) не имеет практического смысла ввиду отсутствия строгости ответственности в зависимости от совершения преступления в первой либо второй формах соучастия.

Исходя из приведенных аргументов в пользу признания террористического и экстремистского сообществ разновидностями организованной группы, считаем недопустимым привнесение в данные понятия инородных для них признаков, относящихся к более опасной форме соучастия – преступному сообществу (преступной организации). В противном случае правоприменительная практика идет по пути искусственного усложнения процессов квалификации и доказывания по уголовным делам, возбуждаемым по признакам преступлений, предусмотренных ст. 205.4 и 282.1 УК РФ, что, в свою очередь, может приводить к неправильной юридической оценке деяния.

Ключевым отличием террористического и экстремистского сообществ от террористической и экстремистской организаций является то, что для признания организованной группы террористическим или экстремистским сообществом не требуется предварительного су-

дебного решения о ликвидации организации в связи с осуществлением террористической или экстремистской деятельности (как это необходимо в случаях отнесения того или иного объединения к террористической или экстремистской организации).

Так, согласно ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора РФ или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1, 282.2 и 360 УК РФ, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Решение суда о запрете деятельности организации распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации. Террористической организацией, деятельность которой подлежит запрещению (а при наличии организационно-правовой формы – ликвидации), также признается террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание сообщества, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ, за руководство этим сообществом или участие в нем.

Организацию деятельности террористической организации, а равно участие в ее деятельности следует ограничивать от преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ, по направленности деятельности соответствующей организации: если экстремистская организация связана с осуществлением экстремистской деятельности, то террористическая организация – с элементом последней в виде террористической деятельности. То есть ст. 205.5 и 282.2 УК РФ соотносятся как специальная и общая нормы, при конкуренции которых приоритет остается за первой из них [8, с. 282].

Сравнение понятий экстремистского сообщества и экстремистской организации приводит к выделению большего числа отличий, нежели между террористическим сообществом и террористической организацией. Например, на практике может возникнуть ситуация, при которой организация, признанная судом экстремистской и подлежащей ликвидации, продолжает свою экстремистскую деятельность и переходит к планированию и совершению преступлений экстремистской направленности, что обуславливает необходимость выбора при квалификации между ст. 282.1 и ст. 282.2 УК

РФ. По нашему мнению, при этом необходимо исходить из следующего:

экстремистская организация и экстремистское сообщество создаются для осуществления экстремистской деятельности, причем второе из указанных объединений – для совершения преступлений экстремистской направленности;

если экстремистская организация характеризуется признаками, присущими организованной группе, планирует и совершает преступления экстремистской направленности, то имеет место ее трансформация в более опасное преступное объединение – экстремистское сообщество;

если такое экстремистское сообщество, помимо преступлений соответствующей направленности, совершает еще и административные правонарушения, относящиеся к экстремистской деятельности, это полностью охватывается ст. 282.1 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 282.2 этого УК.

Исходя из сопоставления понятий, можно сделать вывод о том, что экстремистская организация до судебного решения о ее ликвидации либо запрете деятельности может осуществлять любые из действий, относящихся к экстремизму, но на момент последующего возобновления ее деятельности – те из них, что не относятся к преступлениям экстремистской направленности. Учитывая меньшую по отношению к организации «экстремистского сообщества» общественную опасность организации деятельности «экстремистской организации», полагаем, что к таким действиям можно отнести лишь административные правонарушения, а равно сам факт создания данной структуры либо приготовление к преступлениям экстремистского характера небольшой либо средней тяжести, за исключением преступлений экстремистской направленности. Поэтому создание экстремистской организации в целях совершения определенных тяжких либо особо тяжких преступлений экстремистского характера следует квалифицировать не только по ст. 282.2 УК РФ, но и расценивать данный факт еще и как приготовление к таким уголовно наказуемым деяниям [5].

Отметим, что мы выделили лишь наиболее явные проблемы законодательной регламентации и реализации уголовной ответственности за организованные формы террористической и экстремистской направленности. Для минимизации таковых считаем целесообразным дальнейшее совершенствование уголовного законодательства в части, касающейся ответственности за различные формы организованной преступной деятельности. Очевидна и необходимость подробного изложения рекомендаций по квалификации соответствующей

ющих преступлений в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

В целом же уголовно-правовое противодействие экстремистской и террористической деятельности, информационное противодействие

и предупреждение финансированию терроризма и экстремизма является важнейшей составляющей в системе мер как национального, так и международного характера, определяющих основные направления правоприменительной деятельности в сфере противодействия организованному терроризму и экстремизму. Однако такая деятельность должна носить обоснованный практикой и законодательными потребностями характер, исключающий излишнюю конъюнктуру. И это касается, прежде всего, обоснованной регламентации (криминализации или декриминализации) любых деяний.

1. Иванцов С.В. *Организованная преступность в системе криминально-экономических отношений* // Рос. криминологический взгляд. 2012. № 1(29).

2. Иванцов С.В. *Актуальные вопросы уголовной политики в сфере предупреждения экстремистской деятельности* // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар, 2015. Т. I. С. 156–162.

3. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683.*

4. Иванцов С.В. *Криминологическая обоснованность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности* // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 8 окт. 2015 г. Симферополь, 2015. С. 368–375.

5. Борисов С.В. *Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.*

6. Кашепов В. *Квалификация преступлений экстремистской направленности* // Уголовное право. 2007. № 3.

7. *Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 24 авг. 2010 г.* // Справка по итогам изучения практики рассмотрения судами Челябинской области уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности. Челябинск, 2011.

8. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный)* / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

1. Ivantsov S.V. *Organized crime in the system of criminal and economic relations* // Russian criminological look. 2012. № 1(29).

2. Ivantsov S.V. *Topical problems of criminal policy in the sphere of prevention of extremist activity* // Modern problems of criminal policy: proc. of the VI Intern. sci.-pract. conf., Sept. 25, 2015: in 2 vol. / ed. by A.V. Simonenko. Krasnodar, 2015. Vol. I. P. 156–162.

3. *On National security strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Dec. 31, 2015 № 683.*

4. Ivantsov S.V. *Criminological justification of criminal liability for crimes of an extremist orientation* // Response to extremism and terrorism in the Crimea federal district: problems of theory and practice: proc. of All-Russian sci.-pract. conf., Oct. 8, 2015 Simferopol, 2015. P. 368–375.

5. Borisov S.V. *Extremist crimes: problems of legislation and law enforcement: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2012.*

6. Kasepov V. *Qualification of extremist crimes* // Criminal law. 2007. № 3.

7. *Cassation determination of judicial board on criminal cases of the Chelyabinsk regional court d.d. Aug. 24, 2010* // Reference the results of studying of practice of consideration by courts of the Chelyabinsk region of criminal cases about crimes of extremist orientation. Chelyabinsk, 2011.

8. *The comment to the Criminal code of Russian Federation (the scientifically-practical, article-by-article)* / ed. by S.V. Dyakov, N.G. Kadnikov. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2015.

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного права
 Московского государственного
 юридического университета им. О.Е. Кутафина,
 заведующая кафедрой уголовного права,
 процесса и криминалистики
 Академии труда и социальных отношений
 (e-mail: inogamova-hegay@yandex.ru)

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера

В статье рассматриваются понятия уголовной ответственности, иных мер уголовно-правового характера, форм реализации уголовной ответственности, исследуется их соотношение. Анализируется индивидуализация уголовной ответственности при формализованном назначении наказания.

Ключевые слова: государственное принуждение, уголовная ответственность, иные меры уголовно-правового характера, формы реализации уголовной ответственности, освобождение от уголовной ответственности и наказания, формализованное назначение наказания.

L.V. Inogamova-Khegai, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University, Head of the Chair of Criminal Law, Procedure and Criminalistics of the Academy of Labour and Social Relations; e-mail: inogamova-hegay@yandex.ru

Differentiation and individualization of criminal responsibility and other measures of criminal-legal character

Notions of criminal responsibility of other measures of criminal-legal character of forms realization of criminal responsibility and their correlation are considered in the article. Individualization of criminal responsibility under formalized assignment of punishment is analysed.

Key words: state coercion, criminal responsibility, other measures of criminal-legal character, forms of realization of criminal responsibility, release from criminal responsibility and punishment, formalized assignment of punishment.

В Уголовном кодексе РФ, наряду с понятиями «уголовная ответственность», «принудительные меры медицинского характера», «принудительные меры воспитательного воздействия», появилось выражение «иные меры уголовно-правового характера». И если первые три термина были известны и предыдущему УК РСФСР (в частности, в ст. 10, 63 УК РСФСР использовалось понятие принудительных мер воспитательного характера [1], однако поскольку их виды во многом соответствовали принудительным мерам воспитательного воздействия, предусмотренным ст. 90–91 УК РФ, замена термина «характера» на «воздействие» была расценена как техническая, не имеющая правового значения), то понятие «иные меры уголовно-правового характера» было в новинку. В связи с чем принципиальным стало выяснение сущности и содержания этого понятия, а также установление его соотношения с уголовной

ответственностью, принудительными мерами медицинского характера, принудительными мерами воспитательного воздействия, государственным принуждением, наказанием.

Вопрос о сущности, природе, понятии и содержании уголовной ответственности остается одним из наиболее дискуссионных и в настоящее время в науке уголовного права раскрывается по-разному [2, с. 5–7; 3, с. 135; 4, с. 103; 5, с. 49–51]. Существует взгляд на уголовную ответственность как на возникающую в момент совершения общественно опасного деяния обязанность ответить за содеянное и реализующуюся при вступлении обвинительного приговора в законную силу [6, с. 37–43].

Уголовная ответственность означает осуждение лица, закрепленное во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда и влекущее ограничение его прав и свобод [7, с. 14; 8, с. 52–53; 9, с. 53–54]. Только когда лицо в обвинительном приговоре признано офици-

ально преступником, а совершенное им общественно опасное деяние – преступлением, есть основания утверждать, что лицо привлечено к уголовной ответственности. Можно предположить, что и Верховный Суд РФ близок к этой позиции, отмечая в постановлении от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», что «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)» [10, п. 1].

Сущность уголовной ответственности состоит в публичном порицании преступного деяния, признании лица преступником. Например, при освобождении виновного от наказания вследствие изменения обстановки лицо уже привлечено к уголовной ответственности. Это привлечение проявляется в вынесении обвинительного приговора и официальном объявлении лица преступником, виновно совершившим посягательство.

В уголовном законе Российской Федерации выражение «уголовная ответственность» встречается в ряде статей. Об уголовной ответственности говорится в ст. 1 УК «Уголовное законодательство Российской Федерации», ст. 2 УК «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации», ст. 4 УК «Принцип равенства граждан перед законом», ст. 5 УК «Принцип вины», ст. 6 УК «Принцип справедливости», ст. 8 УК «Основание уголовной ответственности», ст. 11 УК «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации» и во многих других статьях УК.

Уголовная ответственность является правовым последствием исключительно преступлений, иные меры уголовно-правового характера и меры государственного принуждения могут распространяться на лиц, совершивших не только преступления, но и иные правонарушения и поступки.

Уголовная ответственность состоит в государственном принуждении лица, являясь при этом только одной из форм государственного принуждения наряду с административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и иной ответственностью. В свою очередь, меры государственного принуждения при реализации уголовной ответственности могут быть различными: наказание, условное осуждение (ст. 73 УК), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК), конфискация имущества (ст. 104.1–104.3 УК) и др.

Государственное принуждение свойственно и всем мерам уголовно-правового характера с тем же уточнением, что и при соотношении

уголовной ответственности и государственного принуждения: последнее характерно и для других отраслей права. И уголовная ответственность, и меры уголовно-правового характера являются государственным принуждением, поскольку обеспечены принудительной силой государства.

Меры уголовно-правового характера можно назвать формами осуществления уголовной ответственности. Но приравнять меры уголовно-правового характера к формам реализации уголовной ответственности не позволяют отличительные черты. Принудительные меры медицинского характера как иная мера уголовно-правового характера носят двойственный характер: они могут быть формой реализации уголовной ответственности, когда применяются к лицам, совершившим преступления. Но если они осуществляются в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, то, оставаясь иной мерой уголовно-правового характера, не относятся к уголовной ответственности. Таким образом, иные меры уголовно-правового характера и формы реализации уголовной ответственности обозначают разные уголовно-правовые явления. Если формы реализации уголовной ответственности являются реакцией государства на преступление лица, то иные меры уголовно-правового характера – как на преступление, так и на неправомерные деяния.

В действующем УК предусмотрены разные формы реализации уголовной ответственности. Наиболее распространенной ее формой является наказание. При наказании уголовная ответственность проявляется в осуждении лица, закрепленном в обвинительном приговоре суда, конкретном наказании и судимости. К иным формам реализации уголовной ответственности можно отнести 11 видов освобождения от наказания, предусмотренных ст. 73, 74, 79–85, 90, 92–94 УК, и примеч. 1 к ст. 134 УК как специальный вид освобождения от наказания, судимость. К формам реализации уголовной ответственности, по мнению Н.Ю. Скрипченко, могут быть отнесены иные меры уголовно-правового характера, назначаемые за преступление, например конфискация имущества [11; 12, с. 18].

Уголовная ответственность возникает со дня вступления вынесенного обвинительного приговора в законную силу и прекращается с погашением или снятием судимости. После привлечения лица к уголовной ответственности возможно уже только его освобождение от наказания, например, в виде отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК).

Освобождение от уголовной ответственности возможно до привлечения лица к этой

ответственности, т.е. до его осуждения. Все общие виды освобождения от уголовной ответственности: освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК); освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК); освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК); освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК); освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 90 УК), а также специальные виды освобождения от уголовной ответственности, установленные примечаниями к ст. 122, 126, 127.1, 178, 275 и другим статьям УК, применяются до осуждения лица. В пп. 25 и 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» говорится об освобождении от наказания. Если «при постановлении приговора суд, назначив наказание, в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ изменил категорию преступления на менее тяжкую, то при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ, он освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания» [10]. По существу, лицо по указанным статьям должно освобождаться от уголовной ответственности, но поскольку приговор уже вынесен, то освободить можно только от наказания. Ранее нами отмечалось, что ч. 6 ст. 15 УК нет места в уголовном законе. С ее исключением из УК исчезнет освобождение от наказания со ссылкой на ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК.

До появления уголовной ответственности к лицу, подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления, применяются меры государственного принуждения, которые нет оснований рассматривать в плоскости уголовной ответственности: последняя еще не возникла. Меры пресечения как разновидность государственного принуждения существуют независимо от уголовной ответственности.

Распространенной является позиция по отнесению мер уголовно-процессуального принуждения к формам реализации уголовной ответственности [13, с. 11; 14, с. 28; 15, с. 217]. Однако сторонниками данной позиции не учитывается то обстоятельство, что не все формы государственного принуждения реализуются в рамках уголовной ответственности. Не говоря о существовании административных наказаний, мер гражданско-правового и иного воздействия, можно назвать некоторые меры уголовно-

правового характера (ч. 2 ст. 2 и разд. VI УК «Иные меры уголовно-правового характера»), которые могут быть принудительными, однако не во всех случаях относятся к формам реализации уголовной ответственности. Имеются в виду принудительные меры медицинского характера, назначаемые лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК); а также принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 90 УК. Названные принудительные меры, как уже отмечалось, являясь государственным принуждением и иными мерами уголовно-правового характера, в то же время осуществляются вне рамок уголовной ответственности.

Итак, к формам реализации уголовной ответственности не относятся иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, тем более нет оснований к ним причислять меры пресечения, закрепленные Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Справедливо отмечается разный характер мер уголовного и уголовно-процессуального принуждения. Уголовно-правовое принуждение есть следствие совершения преступления, а меры пресечения призваны обеспечить эффективное расследование [16, с. 61].

Иные меры уголовно-правового характера в соответствии с действующим УК допустимы как за преступления, так и за непроступные деяния, хотя и общественно опасные (ч. 2 ст. 2 и п. «а» ч. 1 ст. 97 УК). Это положение нуждается в пояснении. На первый взгляд, кажется, что имеется противоречие между нормами, предусмотренными ч. 2 ст. 2 УК и разд. VI УК.

В ч. 2 ст. 2 УК говорится об установлении Кодексом видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений, а в п. «а» ч. 1 ст. 97 УК – о назначении принудительных мер медицинского характера лицам, совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК, в состоянии невменяемости. Таким образом, в одной статье сказано о применении иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений, а в другой (в виде принудительных мер медицинского характера) – за непроступные деяния.

Мнение, что иные меры уголовно-правового характера могут назначаться исключительно за преступления, основывалось на положении, предусмотренном ч. 2 ст. 2 УК. Вместе с тем, для приведенного мнения УК не дает оснований. В УК в отличие от наказания нет определения иных мер уголовно-правового характера. И если на основании ст. 2 и 43 УК наказание

исключительно применяется к лицам, совершившим преступления, то из сопоставительного анализа положений, закрепленных ч. 2 ст. 2 и п. «а» ч. 1 ст. 97 УК, следует обратное: возможность назначения некоторых из иных мер уголовно-правового характера как за преступные, так и не преступные деяния. В ст. 2 УК закреплено применение иных мер уголовно-правового характера за преступление и не предусмотрена невозможность их назначения за не преступные деяния. На основании изложенного противоречия между рассматриваемыми статьями УК не существует.

Возможность применения иных мер уголовно-правового характера за не преступные деяния обосновывается И.Э. Звечаровским [17, с. 21] и другими авторами [11, с. 281].

Следует согласиться В.Д. Филимоновым, что замену назначенного наказания более строгим при уклонении от отбывания штрафа, обязательных работ, исправительных работ законодатель рассматривает не как вид ответственности за вновь совершенное преступление, а как «иную меру уголовно-правового характера, направленную на индивидуализацию наказания в процессе его исполнения» [18, с. 119].

Все виды освобождения от наказания, как условные, так и безусловные, назначаемые за преступление и выступающие формой реализации уголовной ответственности, являются иными мерами уголовно-правового характера [19, с. 189–191]. Таковыми их можно признать потому, что они применяются за преступление, вместо наказания, в рамках реализации уголовной ответственности (ч. 2 ст. 2 УК).

Условные виды освобождения: условное осуждение (ст. 73–74, ч. 6.2 ст. 88 УК), условно-досрочное освобождение (ст. 79, 93 УК), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК) – обеспечены принудительной силой (угроза отмены освобождения при нарушении требований соответствующего освобождения).

Безусловные виды освобождения, такие как замена неотбытой части наказания другим более мягким видом наказания (ст. 80 УК), освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК), освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК), амнистия (ст. 84 УК), помилование (ст. 85 УК), освобождение от наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК), иными мерами уголовно-правового характера являются потому, что применяются за преступление, отрицательная оценка деяния и лица дана в обвинительном приговоре суда, которым деяние признано преступлением, а лицо –

преступником. При замене неотбытой части наказания более мягким его видом лицо продолжает отбывать наказание, хотя и более мягкое, поэтому бесспорно ее следует отнести к иным мерам уголовно-правового характера.

Пять общих видов освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.1, 78, 90 УК) и специальные виды освобождения, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК (ст. 122, 126, 127.1, 178, 275 и др.), являясь иными мерами уголовно-правового характера [20, с. 17–39], предусмотренными уголовным законодательством и применяемыми к лицам, совершившим преступления, нельзя рассматривать как формы реализации уголовной ответственности. Деяние является преступлением, но поскольку лицо освобождают от уголовной ответственности, то, следовательно, этой ответственности нет, и освобождение нельзя рассматривать как форму реализации уголовной ответственности.

Иные меры уголовно-правового характера, таким образом, могут быть как принудительными, так и убедительными, поощрительными [19, с. 189; 21, с. 38]. Общие виды освобождения от уголовной ответственности (за исключением освобождения несовершеннолетних с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия, ст. 90 УК) не являются государственным принуждением, а относятся к убеждению.

Одним из ключевых вопросов является проблема индивидуализации уголовной ответственности и наказания. В решении этого вопроса в определенной степени проявляется судебское усмотрение. В российском уголовном законодательстве имеются различные средства для ограничения этого усмотрения: установлены общие начала назначения наказания; виды и сроки наказаний конкретизированы в санкциях статей Особенной части УК; закреплены в законе максимальные и минимальные сроки наказаний при их назначении по правилам совокупности преступлений и приговоров; предусмотрены виды освобождения от наказания при наличии конкретных оснований и т.д.

Обеспечению индивидуализации уголовной ответственности и наказания с одновременным ограничением пределов судебного усмотрения служат, например, такие положения УК: правила формализованного смягчения назначаемого наказания; правила формализованного ужесточения наказания при рецидиве преступлений; иные меры уголовно-правового характера и др.

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и индивидуализация наказания проявляется в разном законода-

тельном решении применения или неприменения формализованного смягчения наказания при совершении преступления, караемого пожизненным лишением свободы и смертной казнью. Так, за неоконченное преступление эти наказания не назначаются, а лишение свободы определяется с учетом соблюдения формализованного обязательного его смягчения в предусмотренных законом пределах (ч. 4 ст. 66 УК).

При вердикте присяжных о заслуживании лицом снисхождения пожизненное лишение свободы и смертная казнь не применяются, а лишение свободы назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК (ч. 1 ст. 65 УК). В случае досудебного соглашения о сотрудничестве пожизненное лишение свободы или смертная казнь не применяются, а срок лишения свободы не может превышать двух третей его максимального срока, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК (ч. 4 ст. 62 УК). Пожизненное лишение свободы или смертную казнь нельзя назначать и при наличии отягчающих обстоятельств, как считает Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [22, п. 38].

Иначе решается вопрос при наличии смягчающих обстоятельств, закрепленных пп. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК: совершение преступления, караемого анализируемыми видами наказаний, исключает применение смягчения наказания, а наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК (ч. 3 ст. 62 УК). Следовательно, можно назначить и по-

жизненное лишение свободы или смертную казнь. Для такого дифференцированного решения вопроса о смягчении или несмягчении наказания имеются объективные основания: каждое смягчение характеризуется своими условиями, что сказывается в итоге на степени общественной опасности виновного и проявляется в разных уголовно-правовых последствиях.

Индивидуализация уголовной ответственности предусмотрена и в ст. 68 УК, которой закреплены правила усиления наказания при рецидиве преступлений. Наказание при рецидиве в любом случае должно назначаться в пределах санкции соответствующей статьей Особенной части УК (ч. 2, 3 ст. 68 УК), даже в случае наличия смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК. Запрет выходить за минимальные пределы санкции статьи желательно ввести и в ст. 62, 65, 66 УК. В этих статьях не закреплен запрет выхода за минимум санкции. Вследствие этого, например, подсудимому за приготовление к посягательству на жизнь государственного или общественного деятеля суд обязан назначить ровно 10 лет лишения свободы (лишение свободы по ст. 277 УК предусмотрено на срок от 12 до 20 лет). В примере суд вынужден назначить фактически абсолютно определенное наказание. Суд лишен права выбора. И здесь имеются два негативных момента: абсолютно определенное наказание и выход за минимальную границу санкции статьи без специального на то указания закона. При внесении в ст. 62, 65, 66 УК правила о запрете выхода за минимальные пределы санкции статьи (аналогично правилу, имеющемуся в ст. 68 УК) эти негативные моменты исчезнут.

1. Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М., 1994.

2. Кропачев Н.М., Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования. Уголовная ответственность. СПб., 2000.

3. Уголовное право. Общая часть: учеб. / отв. ред. И.Я. Козаченко. М., 2008.

4. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому уголовному законодательству. М., 2008.

5. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учеб. для магистров / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2016.

6. Российское уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014.

7. Чугаев А.П. Малозначительное деяние и товарищеский суд. Казань, 1960.

1. Criminal code of the RSFSR. Criminal procedure code of the RSFSR. Moscow, 1994.

2. Kropachev N.M., Prokhorov V.S. Mechanism of criminal-legal regulation. Criminal responsibility. St. Petersburg, 2000.

3. Criminal Law. General part: textbook / resp. ed. I.Ya. Kozachenko. Moscow, 2008.

4. Filimonov V.D. Criminal responsibility in Russian criminal legislation. Moscow, 2008.

5. Actual problems of criminal law. General part: textbook for undergraduates / ed. by L.V. Inogamova-Khegai. Moscow, 2016.

6. Russian criminal law. General part: textbook / ed. by V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. Moscow, 2014.

7. Chugaev A.P. De minimis infraction and comradesly court. Kazan, 1960.

8. Ткачевский Ю.М. Давность в советском уголовном праве // Избр. тр. СПб., 2010.
9. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976.
10. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
11. Скрипченко Н.Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним. М., 2014.
12. Миняева Т.Ф. Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5.
13. Клюков Е.М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974.
14. Мотовиловкер Я.О. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974.
15. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996.
16. Трофимова М.П. Карательная функция юридической ответственности // Вестн. ВУиТ. Сер. «Юриспруденция». 1999. Вып. 7.
17. Звечаровский И.Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1.
18. Филимонов В.Д. Генезис уголовно-правового регулирования. М., 2015.
19. Кленова Т.В. Актуальные проблемы освобождения от наказания // Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учеб. для магистров / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2016.
20. Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. М., 2010.
21. Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3.
22. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
8. Tkachevsky Yu.M. Limitation on soviet criminal law // Sel. books. St. Petersburg, 2010.
9. Osipov P.P. Theoretic foundation of creation and using of criminal sanctions. Leningrad, 1976.
10. Use by courts of the legislation regulating grounds and procedure of release from criminal responsibility: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 27, 2013 № 19 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 8.
11. Skripchenko N.Yu. Theory and practice of application of other measures of criminal-legal character to minors. Moscow, 2014.
12. Miniازهva T.F. Purposes of punishment and other measures of criminal-legal character and methods of accomplishment them on modern criminal law // Laws of Russia: experience, analyses, practice. 2007. № 5.
13. Klyukov E.M. Measure of procedure coercion. Kazan, 1974.
14. Motovilovker Ya.O. The subject of Soviet criminal procedure. Yaroslavl, 1974.
15. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: course of lectures. Moscow, 1996.
16. Trofimova M.P. Punitive function of juridical responsibility // Bull. of Volzhsky university after V.N. Tatishchev. Ser. «Jurisprudence». 1999. Iss. 7.
17. Zvecharovsky I.E. Notion of measures of criminal-legal character // Legality. 2007. № 1.
18. Filimonov V.D. Genesis of criminal-legal regulation. Moscow, 2015.
19. Klenova T.V. Actual problems of release from punishment // Actual problems of criminal law. General part: textbook for undergraduates / ed. by L.V. Inogamova-Khegai. Moscow, 2016.
20. Chuchaev A.I., Firsova A.P. Criminal-legal influence: notion, object, mechanism, classification. Moscow, 2010.
21. Zvecharovsky I.E. The measures of criminal-legal character: notion, system, kinds // Legality. 1999. № 3.
22. Practice of assignment by courts of Russia Federation of criminal punishment: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 22, 2015 № 58 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 2.

Кадников Николай Григорьевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Дайшутов Михаил Михайлович

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

(e-mail: krim-pravo@yandex.ru)

О проблемах ответственности за преступления террористической направленности

В статье рассматриваются проблемы уголовной ответственности за преступления террористической направленности. Анализируются признаки преступности и наказуемости данных преступлений, вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания. Исследуются проблемы, связанные с новеллами уголовного закона о преступлениях террористической направленности, с учетом судебного толкования.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления террористической направленности, особенности назначения наказания, освобождение от наказания, террористический акт, содействие террористической деятельности.

N.G. Kadnikov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia;

M.M. Dayshutov, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Criminal Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: krim-pravo@yandex.ru

About the problems of responsibility for crimes of terrorist orientation

In the article the problems of criminal responsibility for crimes of terrorist orientation are considered. Analyzes the characteristics of the crime and punishability of the offences, as well as issues of exemption from criminal liability and punishment. Examines the problems associated with the novels of criminal law concerning offences of a terrorist orientation with regard to judicial interpretation.

Key words: criminal liability, crimes of a terrorist orientation, features of punishment, exemption from punishment, terrorist attack, promoting terrorist activities.

Борьба с терроризмом является приоритетным направлением для правоохранительных органов Российской Федерации. Особая роль отводится мерам законодательного характера, которые позволяют своевременно реагировать на наиболее опасные посягательства, причиняющие существенный вред обществу и государству. Поэтому уголовно-правовые нормы о противодействии терроризму находятся в постоянной динамике, чтобы учитывать все более изощренные действия террористов [см. подробнее: 1].

Существенные изменения и дополнения уголовного закона в данной сфере произошли в 2009–2014 гг., когда новеллы коснулись ст. 205 и ряда других статей УК РФ. Появились несколько новых статей, которые закрепили бо-

лее дифференцированный подход к уголовно-правовой оценке действий террористов и их пособников. Усилены санкции в виде лишения свободы за террористический акт и вовлечение в совершение иных преступлений террористической направленности. Предусмотрено назначение пожизненного лишения свободы за совершение особо квалифицированного террористического акта, организацию совершения преступления террористического характера или руководство его совершением, а равно организацию финансирования терроризма и за ряд других преступлений данной категории. Для правильного применения уголовного закона Пленум Верховного Суда РФ принял соответствующее постановление с разъяснениями (постановление Пленума Верховного Суда РФ

от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности») [2].

Вместе с тем, не все проблемы теоретического и практического характера удалось окончательно решить. Во-первых, уголовный закон должен более точно учитывать положения Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в редакции от 31 декабря 2014 г.) «О противодействии терроризму» [3]. Это касается в первую очередь понятийного аппарата, приведения в соответствие нормам закона и уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ). Речь идет о признании законными и обоснованными мер по пресечению полета воздушного судна, движения плавательного средства путем их уничтожения (при наличии соответствующих правовых оснований), а также в определенных случаях лишения жизни лица, совершающего террористический акт. В этом же направлении требуется корректировка Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в редакции от 13 июля 2015 г., с изменениями от 14 декабря 2015 г.) «О полиции» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 15 сентября 2015 г.), особенно в части применения огнестрельного оружия. До настоящего времени в п. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции» не оговариваются условия применения огнестрельного оружия в отношении лиц, совершивших преступление террористической направленности и пытающихся скрыться (применение огнестрельного оружия при задержании преступника в соответствии с данной статьей разрешено лишь для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным).

Во-вторых, назрела необходимость внести в ст. 20 УК дополнение о том, что ответственность за все преступления террористической направленности, а не только за преступления, предусмотренные ст. 205 и 206 УК, наступает с 14 лет. Понижение возрастного порога уголовной ответственности за преступления данной категории весьма актуально, т.к. организаторы таких деяний и подстрекатели к их совершению в различных проблемных регионах очень часто используют для этого лиц, не достигших 16 лет. Тем более что в 14 лет подростки пре-красно осведомлены о повышенной опасности

преступлений террористического характера и о своей безнаказанности за их совершение.

При внимательном прочтении ст. 205 УК можно сделать вывод о том, что лица, совершающие теракт, могут допускать смерть других людей либо наступление иных тяжких последствий по неосторожности. Подобная трактовка позволяет террористам выдвигать версию о нежелании причинения опасных последствий, в том числе и гибели людей в процессе осуществления террористического акта. В связи с этим следует исключить положение о двойной (смешанной) форме вины из ч. 2 ст. 205 УК и рассматривать действия террористов как умышленные не только по отношению к деянию, но и к наступившим последствиям [4].

Неоднозначно отношение и к такой новелле в статье об ответственности за террористический акт, как включение особо квалифицирующего признака – «умышленное причинение смерти человеку» (в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2008 № 321-ФЗ). Тем более что такой квалифицирующий признак, как совершение убийства, сопряженного с террористическим актом, отсутствует в ч. 2 ст. 105 УК.

В этом случае законодатель фактически включил в состав террористического акта состав убийства. С одной стороны, такое решение подчеркивает особую опасность террористической деятельности, усиливает превентивную роль данной уголовно-правовой нормы. Но с другой стороны, квалифицированное убийство по всей своей сути (в соответствии с Конституцией РФ и в рамках УК РФ) признается более опасным преступлением, причем в сочетании с террористическим актом такие действия квалифицировались по совокупности: квалифицированное убийство (с учетом различных пунктов ч. 2 ст. 105 УК) и террористический акт, повлекший тяжкие последствия. Но учитывая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», практика идет по другому пути. Согласно п. 9 в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует.

Есть несогласование и в санкциях данных статей. Санкция по ч. 2 ст. 105 УК предусматривает от 8 до 20 лет лишения свободы с ограничением свободы от года до двух лет, либо по-

жизненное лишение свободы, либо смертную казнь. Санкция по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК предусматривает от 15 до 20 лет лишения свободы с ограничением свободы от года до двух лет либо пожизненное лишение свободы (данная санкция более суровая, если учитывать минимум и максимум сроков лишения свободы). Но смертная казнь предусмотрена только за квалифицированное убийство.

В этом случае также не соблюдается системность уголовного права, а именно положения ст. 17 УК РФ. По нашему мнению, при совершении убийства в процессе террористического акта должны действовать правила совокупности преступлений (в таком случае в соответствии со ст. 69 УК действуют правила сложения наказаний и виновный может получить до 30 лет лишения свободы). По нашему мнению, этот признак необходимо закрепить в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Тем более что Пленум Верховного Суда РФ признал, что посягательство на жизнь и здоровье другого человека путем производства взрыва, поджога или иных действий подобного характера, совершенное по мотиву мести или личных неприязненных взаимоотношений и не преследующее цель воздействовать на принятие решения органами власти или международными организациями, не образует состав преступления, предусмотренный ст. 205 УК РФ, и квалифицируется по соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Террористическая деятельность в большей степени связана с уголовно-правовым институтом соучастия в преступлении. Однако в ст. 35 УК РФ отсутствуют понятия террористического сообщества (ответственность за создание которого предусмотрена ст. 205.4 УК) и террористической организации (ст. 205.5 УК) как опаснейших разновидностей соучастия. Важно указать при этом, что все лица, в той или иной форме участвующие в террористической организации, будут рассматриваться в качестве соисполнителей совершаемых преступлений террористической направленности без ссылки на ст. 33 УК. Вместе с тем, включение в УК ст. 205.1 (содействие террористической деятельности) не учитывает наличие в Общей части УК РФ норм о понятии приготовления к преступлению (ст. 29–31), о понятии пособничества и видах соучастников (ст. 33–35 УК).

Вопросы, связанные с назначением и исполнением наказания, освобождением от уголовной ответственности и наказания, также имеют большое значение для предупреждения терроризма. Во-первых, следует поддержать зако-

нодателя в его решении признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (п. «р» ч. 1 ст. 63 УК введен Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ), запретить назначение наказания ниже низшего предела за преступления террористической направленности (ч. 3 ст. 64 УК введена Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ), запретить условное осуждение в отношении лиц, виновных в преступлениях данной категории. Во-вторых, вполне обоснованным следует признать решение законодателя о неприменении сроков давности привлечения к уголовной ответственности к лицам, признанным виновными за подобные преступления (ч. 5 ст. 78 УК введена Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ), увеличении части наказания в виде лишения свободы, которое необходимо отбыть для применения условно-досрочного освобождения.

Вместе с тем, нуждается в дополнении ст. 58 УК, в которой необходимо указать на то, что лица, осужденные за преступления террористической направленности, содержатся в тюрьмах отдельно от остальных осужденных, в специальных камерах-одиночках. Также необходимо внести дополнения в ст. 96 УК РФ, которая позволяет правила УК в отношении несовершеннолетних применять к лицам от 18 до 20 лет. Полагаем, что положения настоящей статьи следует запретить применять к лицам указанного возраста, виновным в совершении преступлений террористической направленности.

Нельзя не сказать о специальном случае деятельного раскаяния как основании для освобождения от уголовной ответственности лиц, причастных к преступлениям террористической направленности. Речь идет о примечаниях к ст. 205.1, 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ. Необходимо отметить не всегда одинаковый подход законодателя к решению вопроса о достаточности мер, выполнение которых позволит принять решение об освобождении виновного при деятельном раскаянии. В одном случае требуется своевременно сообщить органам власти или иным образом способствовать предотвращению либо пресечению преступления, которое лицо финансировало и (или) совершению которого содействовало, и чтобы в действиях этого лица не содержалось иного состава преступления (ст. 205.1 УК). В другом требуется еще, чтобы лицо способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, причастных к нему (ст. 205.3 УК). В ряде случаев законодатель ввел дополни-

тельные ограничения для применения такого основания освобождения. Так, в примечании к ст. 205.4 и 205.5 УК закреплено указание о том, что не может признаваться добровольным прекращение участия в террористическом сообществе либо в организации, признанной террористической, в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий. Конечно, в каждой статье есть своя специфика, но, тем не менее, необходимо сохранять общие подходы к выработке оснований для освобождения от уголовной ответственности за преступления, обладающие повышенной степенью общественной опасности.

Отдельные специалисты предлагают более радикальные законодательные меры якобы в

целях предупреждения преступлений данной категории. Например, есть предложения разрешить применение смертной казни к лицам, признанными виновными в совершении террористического акта, повлекшего гибель многих мирных граждан, отмену правила об обратной силе закона, ухудшающего положения виновного в совершении подобных преступлений, возвращения к понятию «особо опасный рецидивист».

Однако принятие подобных решений будет противоречить нормам и принципам Конституции РФ, УК РФ и другим законам и подзаконным актам. Нельзя решить все проблемы только законодательным путем, необходима совокупность мероприятий политического, экономического и социального характера, включая и правовые решения.

1. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (науч.-практ., постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016.*

2. URL: vsrf.ru

3. URL: base.consultant.ru

4. Кадников Н.Г. К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок // *Вестн. Моск. ун-та МВД России*. 2012. № 3. С. 182–187.

1. *Commentaries to the Criminal code of the Russian Federation (sci.-pract., article by article) / ed. by S.V. Dyakov, N.G. Kadnikov. 4th ed., rev. and enl. Moscow, 2016.*

2. URL: vsrf.ru

3. URL: base.consultant.ru

4. Kadnikov N.G. On the question of the qualifications of some of the crimes encroaching on public safety and public order // *Bull. of the Moscow university of the Ministry of the Interior of Russia*. 2012. № 3. P. 182–187.

Квашис Виталий Ефимович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
(e-mail: kvashis@mail.ru)

Генрих Наталья Викторовна

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(e-mail: ngenrih@mail.ru)

Сравнительный анализ преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в России и Японии

В статье рассматриваются основные тенденции и особенности уголовной политики, законодательства и правоприменительной практики; сравниваются тенденции судебной практики в России и Японии.

Ключевые слова: правоохранительные органы, судебная практика, преступность, наказание, убийство, кража.

V.E. Kvashis, Doctor of Law, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation; e-mail: kvashis@mail.ru;

N.V. Genrih, Doctor of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Criminal Law of the North Caucasian branch of the Russian State University of Justice; e-mail: ngenrih@mail.ru

The comparative analysis of crime, criminal policy and law-enforcement practice in Russia and Japan

The article examines the main trends and characteristics of the criminal policy, legislation and practice; the trends of judicial practice in Russia and Japan are compared.

Key words: law enforcement agencies, court practice, crime, punishment, homicide, theft.

Сравнительные исследования отечественной и зарубежной преступности и правоприменительной практики занимают все более заметное место в правовом и криминологическом дискурсе, приносят значительный массив новой и ценной информации. Ее осмысление помогает исследовать возможности и перспективы адаптации зарубежного опыта к отечественным реалиям, повышает роль и привлекательность изучения механизмов реализации наиболее перспективных концепций и наиболее эффективных путей развития уголовной политики в целях дальнейшего совершенствования национальной системы противодействия преступности, законодательства и правоприменительной практики. В силу этого растет актуальность и востребованность компаративных исследований, значительно расширяющих пределы отраслевого знания. Такого рода работы пока еще не но-

сят системного характера и чаще всего дают лишь мозаичную информацию, но, как заметил А.Э. Жалинский, суммарно они существенно обогащают тезаурус науки, влияют на развитие отечественной уголовно-правовой мысли и сказываются на процессах правотворчества [1, с. 203].

Одним из шагов в этом направлении является сравнительно-правовое и криминологическое исследование преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в России и Японии – соседних странах, относящихся к системе континентального права, с относительно общим трендом в динамике преступности, но существенно разными процессами и тенденциями в правоприменительной практике. Исторический путь и самобытность обеих стран отражают многое из того, что при всех различиях является для них общим и объединяющим. Вместе с тем, схожесть со-

циально-правовых проблем перехода от авторитарного государственного регулирования к рыночной экономике и демократии в послевоенной Японии и в России, а также определенное влияние западной правовой системы в обеих странах проявлялись по-разному. Сути этих различий и анализу процессов и тенденций в развитии преступности и правоприменительной практике в обеих странах необходимо предпослать хотя бы несколько постулируемых в криминологии замечаний методологического плана.

Сравнение абсолютных показателей уголовной статистики разных стран связано, как известно, с определенными проблемами и ограничениями, поскольку в разных правовых системах и юрисдикциях существуют различные определения и разное понимание ряда преступлений. Особенности криминализации ряда правонарушений, кроме всего прочего, связаны и со спецификой их регистрации в национальной уголовной статистике. Так, в ФРГ, России и других странах Восточной Европы в уголовную статистику не включают мелкие кражи, а в Японии такие кражи регистрируются и включаются в статистику, поскольку влекут за собой применение предусмотренного уголовным наказанием в виде «малых штрафов» (*petty fine*). Свою специфику имеют даже понимание, регистрация и учет таких преступлений, как убийство. Отсюда возникает проблема сопоставимости ряда показателей преступности.

На уровень регистрации преступлений, а значит, на картину преступности влияет множество факторов экономического, политического и социально-психологического плана. Так, в странах, экономически наиболее благополучных, с более высоким уровнем доходов населения показатели зарегистрированной преступности, как правило, значительно выше; там, где борьба ведется не столько с преступностью, сколько со статистикой, они ниже. Более высокий уровень зарегистрированной преступности, как правило, отражает не столько реальную криминальную ситуацию, сколько степень доверия полиции, которое выражается в более частом обращении к ней. В ряде стран, как показывают виктимологические опросы, население сообщает лишь о наиболее серьезных деяниях; вместе с тем, в странах с развитым рынком страхования для возмещения ущерба заявление в полицию является обязательным. Наконец, даже самые высокие показатели зарегистрированной преступности не могут сделать информацию о криминальной ситуации в стране исчерпывающе полной и точной, по-

скольку за «национальными особенностями» регистрационной практики встают известные проблемы латентности (не поддающейся точному измерению скрытой и скрываемой преступности), раскрываемости и ряда других индикаторов эффективности работы полиции, а без их учета нельзя дать обоснованную оценку и прогноз криминальной ситуации, на основе которых должен определяться выбор стратегии и тактики борьбы с преступностью.

Начнем с соседей. Говоря о явной уникальности криминологического феномена преступности в Японии, многие специалисты отмечают, что в системе мер воздействия на преступность здесь «почти идеально удалось совместить их относительную мягкость с высокой эффективностью» [2, с. 272]; отдельные эксперты в этой системе усматривают «чрезмерный либерализм» [3, с. 36], хотя с такой оценкой, как показали многочисленные исследования, нельзя согласиться [4]. Еще И. Бентам заметил, что «...всякое наказание есть само по себе зло... оно должно быть допустимо только в той степени, насколько оно обещает устранить какое-нибудь большее зло» [5, с. 221]. Именно на этом базируется доминирующая в уголовной политике доктрина приоритетного предупреждения правонарушений, а в уголовном праве – концепция целей наказания, суть которой не в суровости наказания, а в его неотвратимости, не столько в устрашении, сколько в воспитательном воздействии эффективного функционирования системы уголовной юстиции.

Похоже, в Японии раньше, чем в других странах, вняли заветам М. Фуко о необходимости избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным средством борьбы с преступностью. Японское уголовное право зарождалось и развивалось под знаком рецепции, абсорбируя достижения зарубежной правовой мысли, хотя всячески стремилось сохранить свою самобытность. Между тем, и западное, и российское уголовное право развивалось под влиянием криминологической мысли, по-разному и в разной мере оно так или иначе базировалось именно на криминологических идеях. В этом плане исторически сложившийся разрыв между уровнем развития японского уголовного права и отстающей в своем развитии криминологией до сих пор сохраняется. В Японии пошли по другому пути. Не вдаваясь в осмысление теоретических концепций и доктрин, сформулированных различными криминологическими школами и течениями, японские специалисты сосредоточили основное внимание на практической стороне дела,

формируя и формулируя уголовную политику с учетом специфических условий развития японского общества, его традиций, обычаев и ценностей, особой роли общины, института семьи, национальной психологии, группового сознания и других исторических, культурных и социально-психологических факторов, позволяющих поставить в качестве основной цели максимальное сокращение преступности с акцентом на всемерные усилия государства и общества именно по предупреждению преступлений. И судя по тому, что в последние 15 лет преступность в стране ежегодно снижается, ее основные показатели выгодно отличаются от ситуации в других развитых странах, и в итоге Япония все эти годы остается одной из самых безопасных стран в мире, поставленные государством цели и задачи решаются здесь достаточно эффективно.

Одной из отличительных черт уголовной политики Японии является своевременное и адекватное реагирование законодательства и правоприменительной практики на изменения криминальной ситуации. Это позволяет концентрировать усилия органов охраны правопорядка на наиболее опасных деяниях и в то же время в процессе применения уголовно-правовых норм снижать риски излишней стигматизации правонарушителей. В результате такая политика способствует укреплению правопорядка в обществе и повышает доверие людей к органам правосудия.

Преступность в стране, как отмечалось, ежегодно снижается почти 15 лет подряд; исключение составили пиковые показатели 2002 г., когда впервые за 25 лет было зарегистрировано 2,854 млн преступлений. С тех пор тенденция приняла однозначный и последовательный характер. Уже к 2010 г. этот показатель составлял 1,586 млн, а в 2015 г. – 1,099,048 преступлений. За 15 лет зарегистрированная преступность сократилась почти в три раза; к концу 2015 г. впервые за 70 лет послевоенной истории страны она опустилась до самого низкого уровня, зафиксированного в 1945 г. [6, р. 3; 7, р. 29; 8; 9]. Помимо завидных темпов снижения преступности, следует отметить, что этот процесс охватил почти все виды преступлений, выделенные в уголовной статистике. С 2003 г. число убийств ежегодно снижалось – с 1530 до 933 в 2015 г., а число краж, традиционно составлявших в структуре преступности почти 70%, с 2002 по 2015 г. снизилось в три раза – с 2,377 млн до 807 тыс.

Последовательно снижаясь количественно, преступность все заметнее развивается и

проявляется в существенно иной парадигме. Так, за 2015 г. общее число преступлений в виде мошенничества снизилось с 41,5 до 39,4 тыс.; в то же время в рамках этой тенденции резко возросло число фактов мошенничества в сфере банковских и телефонных переводов (scams) с 1,474 до 13,729 (особенно при оплате фиктивных счетов за лечение и рекламу).

В современной криминологии все чаще отмечается значимость процесса переформатирования преступности, когда традиционные преступления вытесняются теми, что еще недостаточно изучены и высоко латентны. Такие процессы носят всеобщий характер, и реалии криминальной ситуации в Японии в этом плане не составляют исключения. Этот процесс здесь особенно ощутим в ежегодном росте рецидивной и геронтологической преступности, а также в крайне неблагоприятной динамике компьютерной преступности. Кроме того, несмотря на значительную активизацию усилий и заметные успехи в противодействии организованной преступности, говорить о переломных изменениях в этой сфере, судя по сообщениям прессы, преждевременно [10; 11]. Рост рецидивной и геронтологической преступности – явления взаимосвязанные. К проблеме рецидива еще предстоит вернуться, а пока отметим, что на фоне неблагоприятного развития демографической ситуации, вызванной ускоряющимся старением населения страны, быстрый рост преступности среди лиц престарелого возраста становится все более ощутимой проблемой. Негативные социальные изменения, прежде всего экономический кризис, в первую очередь сказываются на защищенности именно этой многочисленной социальной группы (число пожилых людей старше 65 лет достигло 30 млн и составило 24% от численности населения страны – максимальный показатель за всю историю наблюдений). Рост бедности, наряду с распадом института семьи, – фактор, напрямую детерминирующий противоправное поведение престарелых людей, оставшихся без поддержки близких и без средств для существования. В основном такое поведение выражается в кражах из магазина (shoplifting) и в присвоении чужого имущества (в Японии, в отличие от других стран, за присвоение найденного имущества установлена уголовная ответственность с достаточно суровыми мерами наказания). В 2014 г. впервые с 1989 г. число задержанных за преступления среди лиц старше 65 лет значительно превысило число задержанных несовершеннолетних. В 2015 г. преступность среди несовершеннолетних сни-

зилась до 39,5 тыс. (ее пик пришелся на 2002 г., когда она достигла 142,5 тыс. преступлений), а среди пожилых лиц она, наоборот, выросла в два раза (с 24,2 до 47,6 тыс.). Впрочем, это лишь одна из болевых точек современной криминальной ситуации, означающая остроту социальных проблем.

Отдельного упоминания заслуживает тенденция в динамике убийств – общепринятом показателе общественной безопасности и нравственного состояния общества. В 2003–2015 гг. число убийств, как отмечалось, снизилось в 1,6 раза. Означает ли это, что темпы снижения преступности в стране почти в два раза превосходят темпы снижения числа убийств? Если иметь в виду реальное число убитых, то на этот вопрос следует ответить отрицательно. Как показывает статистика Министерства здравоохранения, общее число зарегистрированных убийств и покушений из года в год в 2,5–3 раза превосходит число убитых. В 2003 г., например, было зарегистрировано 1530 убийств и покушений, а убито было 705 человек; в 2007 г. из 1243 зарегистрированных убийств и покушений – 516 убитых; в 2010 г. из 1103 – 437; в 2013 г. из 938 – 342 и т.д. Таким образом, если учитывать реальное число погибших, то темпы снижения убийств и преступности практически совпадают. Относительно низкие показатели преступности, в частности рекордно низкое число убийств, объясняется не только наращиваемыми усилиями полиции и всего общества, но и мощным антикриминогенным потенциалом японского традиционализма, который чаще всего блокирует противоправное поведение еще на стадии формирования мотивации. Применительно к убийствам особую роль в этой стране играет и собственно правовой фактор – здесь издавна действует специальный уголовный закон, установивший строгий запрет на хранение огнестрельного оружия и суровые санкции за его нарушение. Не случайно показатели убийств с применением огнестрельного оружия в Японии самые низкие в мире. В общем числе зарегистрированных убийств доля убийств с применением оружия здесь составляет 1,7%, что в 32 раза ниже, чем в США; в Нью-Йорке, например, доля таких убийств в 2013 г. составляла 6,8%; в Москве – 3,8%, в Сеуле – 0,8%, а в Токио – 0,2% (самый низкий показатель среди всех мегаполисов Азии). Уровень таких убийств в расчете на 100 тыс. населения в Японии – 0,01; это в 350 раз ниже, чем, например, в США (3,5) [12; 13; 14].

В России ситуация существенно иная. Если верить статистике (реальной картины никто

не знает), за 2001–2015 гг. общее число зарегистрированных преступлений снизилось с 2,968 до 2,388 млн, или на 19,5%. Возможно, этот показатель был бы выше, если бы в 2015 г. преступность не выросла на 9%. Прелесть официальной статистики, помимо всего, в том, что число зарегистрированных преступлений в России последние десять лет почти в три раза ниже, чем в ФРГ, и в 6–7 раз ниже, чем в США, поэтому и коэффициент преступности (2,7 тыс.) значительно ниже, чем в этих странах. О темпах снижения преступности говорить вообще не приходится. Между тем, по нашим расчетам, общее число преступлений в России в настоящее время составляет не 2,4 млн, а не менее 11–12 млн. Точную цифру назвать никто не может, ибо, помимо всего прочего, в основу регистрации преступлений положен изначально порочный принцип, при котором деяние попадает в статистику лишь после возбуждения уголовного дела, чего мировая практика и криминологическая наука не знают. В 2006–2015 гг. общее число зарегистрированных заявлений о преступлении выросло почти в 2 раза (с 19,1 до 29,3 млн), а доля заявлений, по которым были возбуждены уголовные дела, снизилась почти в 3 раза (с 16,9 до 5,9%). Как видно, поле для манипуляций со статистикой практически не ограничено. Не случайно в докладе Института проблем правоприменения «Криминальная статистика» (2015 г.) отмечалось, что государство опирается на настолько искаженные данные, что не только не имеет представления о действительном состоянии преступности, но и, оценивая работу правоохранительных органов, видит лишь искусственно сформированную картину, не меняющуюся много лет. Фальсификация документов первичного учета, а также искажение сведений о состоянии преступности путем принятия необоснованных процессуальных решений дают 96% всех нарушений в сфере уголовной статистики. В ходе проверки регистрационной дисциплины за 2011–2014 гг. выявлено свыше 1,5 млн нарушений; 35 тыс. должностных лиц привлечено к дисциплинарной ответственности. МВД и Генеральная прокуратура «скармливают» власти заведомо искаженную картину преступности, та все понимает, морщится, делает вид, что верит, и озвучивает эту «липу», которая получает уже более высокий официальный статус...

В результате известных манипуляций оказывается, например, что по показателям общей раскрываемости (55%) Россия не только обошла Японию (32%), но и сравнялась с самыми высокими в Европе показателями ФРГ. Давние

пороки учетно-регистрационной практики (регистраруется чаще всего то, что уже раскрыто или заведомо будет быстро раскрыто) и «игры» со статистикой приводят к разным «рекордам», которые особенно впечатляют, когда речь идет о динамике убийств или краж. Если верить официальным данным, то число краж в России с 2001 по 2014 г. снизилось с 1,273 млн до 614 тыс. (на 51,8%). Выходит, что последний показатель в 1,5 раза ниже действительно рекордного числа краж, в тот же год зарегистрированных в Японии. На самом деле, как показали наши расчеты, это число в 10 раз выше [15, с. 45]. Не менее удивительные трансформации можно наблюдать в отечественной статистике убийств, которые до недавнего времени было принято считать наименее латентными. По данным МВД, с 2001 по 2015 г. число убийств сократилось с 33,588 до 11,325 – в 3 раза. Выходит, что темпы снижения убийств в России в 2 раза выше, чем в Японии. Впрочем, даже если верить этим данным, число зарегистрированных убийств в России в 12 раз выше, а по уровню убийств на 100 тыс. населения разрыв вообще кажется астрономическим (8,7, а в Японии – 0,3).

Оптимистические данные о рекордном сокращении убийств никак нельзя признать достоверными. Как показали расчеты фонда «Индем», а также исследования отечественных ученых (Я.И. Гишинский, С.М. Иншаков, В.Е. Квашиш, М.П. Клейменов, Л.В. Кондратюк, В.В. Лунеев, В.С. Овчинский), на самом деле число убийств в России значительно превышает официальные показатели [16, с. 75, 101]. По нашим расчетам, латентность убийств выше показателей статистики в 2,5 раза. Методы манипуляции с показателями убийств много раз описаны в криминологической литературе (неопознанные трупы, без вести пропавшие и т.д.), и потому подробно останавливаться на них нет необходимости; очевидно, что столь благополучная статистическая картина отражает не реальное положение дел, а практику регистрации убийств и, как следствие, их латентность. Об этом лишней раз напомнили и недавно опубликованные данные Росстата о числе погибших в результате убийств в 1990–2015 гг.; здесь показатели почти ежегодно значительно превышают данные МВД. Этот факт сам по себе вызывает недоумение хотя бы потому, что лукавая статистика МВД, в отличие от уголовной статистики Японии, США и других стран, учитывает не число убитых, а число эпизодов (когда по одному из них может быть убито пять человек, а в статистике учитывается лишь одно

убийство). На самом деле число убийств (тем более вместе с покушениями) должно быть намного выше показателей Росстата. При всех оговорках данные Росстата, очевидно, более достоверны, поскольку основаны на заключениях медиков о причинах смерти и данных ЗАГСа. Уголовная статистика, как отмечалось, учитывает убийства вместе с покушениями, а Росстат – лишь число убитых; между тем, показатели Росстата и МВД, например, за 2012–2015 гг. почти совпадают [17]. Этот факт указывает на манипуляции со статистикой покушений, которые либо укрываются от учета, либо квалифицируются по другим статьям УК. Это подтверждается и судебной статистикой, где среди осужденных за убийство в 2014 г. 10% приходится на виновных в покушениях. Впрочем, это лишь один из многих приемов, скрывающих реальное число убийств.

Анализируя негативные тенденции российской преступности, О.Н. Ведерникова в качестве первой из них назвала «рост общего числа регистрируемых преступлений... что совпадает с мировым глобальным трендом и характерно для большинства стран мира» [18, с. 353]. Здесь надо отметить, по крайней мере, три момента. Во-первых, для преступности характерно «волнообразное» развитие, чередующее периоды подъемов и спадов. Сравнение отрезков по два-три года (2007–2009 гг.) в этом смысле контрпродуктивно и искажает реальную динамическую картину. Во-вторых, рост регистрируемых преступлений *per se* не в полной мере характеризует тенденцию. Банально, конечно, но факт – реальная преступность всегда выше, а разницу и, следовательно, масштабы латентности определяет практика регистрации. В-третьих, глобальным трендом в последние годы является не рост, а именно снижение преступности, именно оно «характерно для большинства стран мира». Поэтому показатели российской преступности, в отличие от Японии и большинства других стран, не совпадают, а, наоборот, выпадают из глобального тренда.

В рамках анализа разных тенденций и парадигм развития преступности в обеих странах выявлены и заметные различия в трендах уголовной политики, законодательства и судебной практики. Одна из основных особенностей уголовной политики в Японии состоит, как уже отмечалось, в приоритете рационального начала – как на уровне криминализации деяний, так и в практике применения мер воздействия на правонарушителей, где изначально принципиальным является максимально экономное

расходование уголовной репрессии. Эта основополагающая линия реализуется на всех уровнях и всех этапах правоприменительной деятельности. В инструментальном плане ее реализации способствуют: дискреционный порядок возбуждения уголовного преследования; так называемый принцип целесообразности ответственности; дискреционные полномочия прокурора для избрания формы судебной процедуры по значительному кругу преступлений, от выбора которой зависит определение вида и меры наказания; вариативность пределов наказания, вытекающая из широких возможностей судейского усмотрения, и т.д.

Все это не противоречит суровости санкций ряда норм уголовного закона, и потому в целом принятая в Японии система мер воздействия на преступность в мировой криминологии оценивается достаточно высоко; она чаще всего характеризуется как «благожелательная», содержащая ряд «мягких элементов» и носящая патерналистский характер, поскольку в ней, действительно, удалось совместить относительную мягкость с высокой эффективностью. Помимо экономии уголовной репрессии, к принципам уголовной политики в этой стране относятся доминирование социального контроля над государственным; приоритетная ориентация на развитие эффективной системы профилактики правонарушений и вовлечение в эту работу все более широких слоев населения. Такая политика направлена на борьбу не столько с преступностью, сколько с ее причинами, на изменение социальной среды. Особенности такой политики являются последовательность, плановость, обязательная интеграция в бюджетное законодательство и приоритет мер социального контроля над ведомственными. Все это, разумеется, не означает идеализацию японской системы противодействия преступности, однако не может не определять интереса к ее изучению и осмыслению накопленного опыта.

Как показывают исследования и данные уголовной статистики Японии, в последние 15 лет независимо от заметных изменений в структуре преступности общее число осужденных ежегодно снижается, причем темпы его снижения в целом соответствуют темпам снижения преступности – она за этот период сократилась почти в 3 раза, а общее число осужденных снизилось с 834 до 365 тыс. человек (в 2,3 раза). Изменения, происходящие в эти годы в реализации курса уголовной политики, отражаются и в выборе вида и сроков назначенного наказания. Так, в 2004 г. в общей структуре наказаний

доля лишения свободы составляла 10,8%; в 2010 г. – 14,4%; в 2014 г. – 16,1%. Таким образом, за 10 лет этот показатель вырос в два раза.

В России ситуация иная. За истекшие 15 лет преступность (если верить статистике) снизилась на 19,5%, а общее число осужденных сократилось на 40%. Если в Японии применение наказания в виде лишения свободы выросло в 2 раза, то в России этот показатель остается стабильным и в два раза выше (31–32%), чем в Японии, что, конечно, связано с куда большей распространенностью тяжких преступлений и высоким уровнем рецидивной преступности (в среднем 35%). Кстати, уровень рецидива в Японии все эти годы превышает российские показатели (51%), что связано со спецификой контингента рецидивистов; это неоднократно судимые за кражи лица из самых старших возрастных групп, одинокие, не имеющие жилья и доходов, чья адаптация объективно связана с рядом проблем.

По мере определенного ужесточения судебной практики и более широкого применения лишения свободы в Японии постепенно сокращаются удельный вес наказания в виде штрафа (с 96 до 84%), отсрочки исполнения приговора (с 65 до 54%), а также более распространенная ранее практика условно-досрочного освобождения. Вместе с тем, изначально преобладающий в уголовно-политической доктрине курс на рациональное и экономное расходование уголовной репрессии находит свое выражение в судебной практике, где реализуются принципы целесообразности и индивидуализации наказания. Отсюда и сравнительно мягкие меры наказания даже за такие опасные деяния, как убийства и грабежи.

Действительно, в 2014 г. в Японии из общего числа осужденных за убийство каждому третьему (33,5%) было назначено наказание на срок до 3 лет; 11% от – 3 до 5 лет (вместе эти две группы составляют 44,5%); 23,9% – на срок от 5 до 10 лет; 31,6% – свыше 10 лет. В России, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в том же году были осуждены за убийство на срок до 5 лет – 4,5%; от 5 до 10 лет – 53,2%; свыше 10 лет – 42,3%. Как показывают расчеты средних величин, сроки наказания за убийства в Японии куда менее длительные, чем в России.

Для сравнения практики наказаний за грабеж (robbery) необходимо иметь в виду, что, во-первых, в законодательстве Японии, как и в ряде других стран, дефиниции грабежа существенно отличаются от понятий грабежа и

разбой, принятых в российском уголовном законодательстве. Если в России они дифференцированы и предусмотрены разными нормами УК, то в Японии понятие «грабеж» одновременно охватывает обе формы посягательства; по смыслу закона этот термин гораздо ближе к принятому в российском праве понятию «разбой». При этом в японской уголовной статистике отдельно учитываются «robbery», повлекшие смерть потерпевшего, и «грабеж», совмещенный с изнасилованием; в обоих случаях закон предусматривает возможность назначения наказания в виде пожизненного заключения или смертной казни. Во-вторых, исторически сложилось так, что и в массовом сознании, и в судебной практике насильственные корыстные посягательства всегда рассматривались как не менее опасные, чем убийства, и потому до сих пор они нередко наказываются более строго. С учетом этих замечаний отметим, что в том же году в Японии за «грабежи» на срок до 3 лет были осуждены 34,2%; от 3 до 5 лет – 28,1%; свыше 5 лет – 37,7%, в том числе 8,5% – на срок свыше 10 лет. За такие же деяния (разбой) в России в том же году осуждены на срок до 3 лет – 25%; от 3 до 5 лет – 37,9%; свыше 5 лет – 37% [19]. Как видно, сроки наказания за разбой в практике обеих стран практически равны и, значит, применительно именно к этим преступлениям ужесточение судебной практики в Японии более ощутимо, чем в России.

Традиционно высокая репрессивность санкций российского уголовного законодательства не может не влиять на жесткость судебной практики. Мера наказания определяет суд, который связан с ограничениями внешне широких границ судебного усмотрения: судья свободен лишь в рамках, установленных уголовным законом (в Японии он может выйти за эти рамки). Жесткость (или мягкость) приговора – один из индикаторов гуманности правосудия, которая должна быть важным критерием оценки деятельности судебной системы. В последние годы суды в России стали шире применять наказания, альтернативные лишению свободы, и потому доля реального лишения свободы чуть снизилась.

Другим важным критерием является практика вынесения оправдательных приговоров. В 2013 г., например, доля таких приговоров в судах общей юрисдикции не превышала 2,0%. Это означает, что правосудие в российском суде функционирует так, что вероятность быть оправданным чрезвычайно мала, поскольку виновность обвиняемого полностью определяется на более ранних этапах уголовного про-

цесса. Это особенно характерно для дел публичного обвинения, где доля оправдательных приговоров – 0,2%. Исследования показывают, что по делам, требующим предварительного расследования, вероятность отмены обвинительного приговора – 3,0%, а оправдательного приговора – 30%. Предпосылками этой проблемы являются обвинительный уклон и ограниченная независимость судей [20, с. 105]. На их независимость, помимо всего прочего, влияют и корпоративно-клановые отношения внутри правоохранительных органов и судебной системы, особо прочные на региональном уровне.

Сравним теперь практику судов присяжных. В рамках реформирования судебной системы возврат к суду присяжных в Японии стал заметным шагом на пути укрепления доверия людей к справедливости и законности судебного процесса. В 1943 г. в связи с военным положением суды присяжных были отменены, к их восстановлению вернулись лишь спустя 60 лет в связи с реализацией антикризисного плана правительства по активизации мер борьбы с преступностью. Для того чтобы не вызвавшая энтузиазма в обществе идея участия заседателей в уголовном процессе начала действовать, понадобилось 5 лет организационной и просветительской работы. Даже к началу 2009 г. 79% японцев не хотели быть присяжными, считали это тяжким бременем обязанностей и ответственности за судьбу подсудимых; против идеи были и руководители компаний, не желавшие терять сотрудников на время судебных процессов.

Законом от 21 мая 2009 г. система судов присяжных (Saiban-In) была введена в порядке эксперимента сроком на 3 года. Планировалось привлечь в качестве присяжных одного из 4.160 граждан; закон предусматривал лишь несколько уважительных причин для отказа от обязанностей присяжного, отсутствие которых влекло высокие штрафы. Система предусматривала рассмотрение дел о тяжких преступлениях (наказуемых смертной казнью, пожизненным заключением или лишением свободы на срок не менее года) судом первой инстанции в составе трех судей и шести присяжных; решение принималось большинством членов суда.

За первый год работы суды рассмотрели около 800 дел (в т.ч. 290 дел о грабежах, 270 – об убийствах, 101 – об изнасилованиях и 98 – о поджогах). На этом этапе назначенные сроки наказания в среднем составляли 80% от тех, которые просило обвинение. В последующие два года подход присяжных стал более жестким. Как показал анализ, проведенный Вер-

ховным Судом, за убийство и изнасилование присяжные, как правило, предлагали назначать более суровые наказания, чем профессиональные судьи. Так, по делам об убийстве, присяжные чаще всего предлагали сроки наказания от 15 до 17 лет, а профессиональные судьи – от 9 до 11 лет лишения свободы. Этот вывод подтвердил и опрос 208 адвокатов, половина из которых отметили, что подход присяжных к выбору меры наказания значительно жестче. Такой подход отражает не только высокий уровень ригоризма в массовом сознании, но и известные парадоксы психологии присяжных, связанные со сменой социальных ролей и отсутствием специальных знаний. Поэтому их решения зачастую диссонируют с давно известным «психологическим законом, по которому даже профессиональные судьи избегают присуждать к чрезмерно суровым наказаниям» [21, с. 247].

В 2013 г., например, судами присяжных было рассмотрено 1387 дел (в т.ч., 293 дела об убийствах и 305 – о грабежах). По делам об убийствах 53% осужденных было назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет, 31% – на срок от 7 до 15 лет и 16% – на срок свыше 15 лет. Практически таким же является распределение по срокам наказания среди осужденных за грабежи. Что же касается виновных в грабежах, повлекших смерть потерпевших, то 50% из них было назначено пожизненное заключение, 23% – лишение свободы на срок от 10 до 15 лет и 20% – свыше 15 лет [22]. Издавна грабежи зачастую карались строже, чем убийства; в целом судебная практика последних лет от этой традиции постепенно отходит, но в судах присяжных более жесткий подход к грабителям, как видно, еще сохраняется.

Анализируя достижения Японии в деле последовательного снижения преступности, зарубежные эксперты не без оснований обращают внимание и на негативные стороны ее правоприменительной практики. К их числу относится право полиции задерживать подозреваемого на срок до 23 дней без предъявления обвинения и без допуска адвоката, а также многочисленные факты «выбивания» в ходе следствия признательных показаний путем пыток и избиений. В результате в суды направляется 99% дел, где обвиняемые признали свою вину. Такая практика во многом объясняет крайне редкие случаи вынесения оправдательного приговора, в суде присяжных их всего 1,5%, а в судах общей юрисдикции во много раз меньше.

Сроки экспериментальной проверки идеи суда присяжных закончились три года назад. При поддержке Министерства юстиции они функционируют де-факто, поскольку время показало их адаптивность в системе правосудия, эффективность и растущее признание в обществе. Отметим также, что их деятельность всемерно поддерживается Верховным Судом Японии, который старается ограничить возможности апелляционных инстанций и требует от них максимально уважительного отношения к решениям судов присяжных.

За пять лет такими судами рассмотрено 6408 уголовных дел и, как отмечалось на XIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности, в качестве присяжных в их работе участвовали более 39 тыс. граждан. Проведенные Министерством юстиции и Верховным Судом опросы бывших присяжных показывают, что 96% из них стали намного лучше понимать суть процесса; при этом число тех, кто дал положительную оценку деятельности суда присяжных после участия его в работе, за пять лет выросло в три раза и составило 95% [23, с. 11]. Опросы показали также, что поддержка таких судов в обществе растет, они стали значительно ближе к людям, а сам процесс и связанные с ним процедуры стали быстрее и понятнее. И судья по всему, власти намерены и дальше укреплять это звено судебной системы.

Приведенные данные представляют особый практический интерес, если их сравнивать с увядающей системой суда присяжных в России, где сфера ее применения и поддержка властью сокращалась как шагреновая кожа, а потому этот институт все больше использовался в гомеопатических дозах. Новации в этой сфере носят фрагментарный и во многом декларативный характер и сути тенденции изменить, скорее всего, не смогут.

В Послании Федеральному Собранию РФ от 3 декабря 2015 г., а затем и на совещании судей в Верховном Суде РФ 16 февраля 2016 г. Президент предложил расширить число составов преступлений, которые могут рассматривать суды присяжных, и сократить число присяжных. Логической связи между этими предложениями нет, не знает ее и мировая практика. Такая «модернизация» никак не снимает необходимости решения более сложных взаимосвязанных правовых и организационных проблем. Одна из них и наиболее болезненная для судов – отбор кандидатов – связана с массовым уклонением людей от участия в работе суда в качестве присяжных. В 2014 г. в Московской области было разослано почти

28 тыс. повесток потенциальным присяжным, а в суд явились только 127 человек, из которых удалось сформировать лишь две коллегии присяжных. В других регионах ситуация еще хуже. По данным фонда «Общественное мнение», лишь 16% россиян готовы участвовать в этой работе, а 78% отказываются. Отсюда и упущения в отборе кандидатов, которые затем влияют на вердикт. Другая важная проблема – отсутствие инфраструктуры, обеспечивающей участие присяжных (проживание, транспорт, гарантии безопасности, исключающие повсеместное давление на присяжных, и т.д.). Это особенно ощутимо на уровне городских и районных судов, которые никак не приспособлены для слушания дел с участием присяжных.

Политико-правовая составляющая проблемы складывается из нескольких пластов. Сюда относятся отсутствие общественного интереса к деятельности суда присяжных, недостатки просветительной работы с населением и многое другое, но главным является крайне негативное отношение к нему со стороны всей системы правоохранительных органов. Именно всей системы, где на помощь раздраженным и «унижаемым» вердиктами присяжных следствию и обвинению приходит корпоративная поддержка вышестоящих судов, под любыми предлогами (а то и по несколько раз) отменяющих оправдательные вердикты. Есть от чего раздражаться: за последние 8 лет в судах общей юрисдикции оправдательные приговоры составили 0,73%, а в суде присяжных – 17,6%, или в 25 раз больше [24]. Институт присяжных быстро стал «чужим среди своих»; «система» взяла реванш за появление на ее поле реально работающей модели состязательного правосудия, единственного суда, где действует презумпция невиновности. Вскоре институт присяжных превратился из аутсайдера системы в изгой. Это выражалось и в системном давлении (арсенал «оперативного сопровождения процесса» широк), и в ограничении подсудности суда присяжных, и в практике отмены вердиктов. Сначала из его подсудности вывели дела о терактах и государственных преступлениях, затем – об изнасилованиях, взяточничестве, похищении людей, захвате заложников, бандитизме и т.д. Отсюда и ежегодное снижение общего числа дел, рассмотренных в суде присяжных. В 2006 г., например, 707 дел; в 2007 г. – 606; в 2010 г. – 575; в 2011 г. – 479; в 2015 г. – 308 дел [25]. Последовательные урезания подсудности и постоянное давление на суд присяжных привели к его деградации, а метастазы этой болезни поразили саму идею

данного института. 300 дел в год – показатель, мягко говоря, неприличный (это в 4,5 раза меньше, чем в Японии). Особого внимания заслуживает практика отмены оправдательных вердиктов, чего в большинстве развитых стран не допускается, либо она обставлена рядом серьезных ограничений [26].

И все же главная проблема состояла в том, что деградация института присяжных до самого последнего времени шла при отсутствии столь необходимой политической поддержки со стороны власти. Как точно заметил С. Пашин, «власти поддерживали суд присяжных, как веревка поддерживает повешенного». В этом плане весьма показательны предложения Верховного Суда РФ, которые предусматривали не только еще большее ограничение категории дел, доверяемых присяжным, но, главное, присутствие судьи в совещательной комнате, а также зависимость вердикта от голоса председательствующего. Трудно сказать, чего в этих предложениях было больше: стремления угодить и оставаться в тренде, желания корпорации еще больше минимизировать роль суда присяжных или просто тупого консерватизма. Президент с этими «новациями» не согласился и внес в Государственную Думу РФ четыре законопроекта, направленных на более широкое применение суда присяжных. Они предусматривают внесение изменений в УПК РФ и в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции», расширение подсудности и изменение состава коллегий присяжных. «Участие присяжных заседателей в судах районного уровня будет способствовать укреплению статуса таких судов в качестве основного звена российской судебной системы, наиболее приближенного к населению...», – говорится в пояснительной записке к законопроекту. Из аутсайдера сразу стать основным звеном? А что мешало сделать это раньше?

Россия, действительно, страна крайностей. Сферу деятельности этого демократического института последовательно свели до минимума, а теперь к подсудности суда районного уровня предлагается отнести преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 277, 295, 317, 357, ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ и др. Между тем, для реального, а не символического реформирования таких судов необходимо решение всего комплекса проблем, нужны кардинальные изменения в отношении государства и общества к этому институту, реальные изменения политико-правового и организационного характера и их законодательное закрепление. Пока же все ограничивается

всплесками пафосной риторики, и потому на ум приходит старая японская поговорка: «После смерти больного незачем звать доктора».

Расширение практики судов присяжных, как и деятельность «семейных» судов (они рассматривают дела о правонарушениях несовершеннолетних), – одна из форм реализации государственной политики по всемерному вовлечению граждан в работу по пресечению и предупреждению правонарушений. Следует отметить многообразие форм и методов этой работы, ее растущую активность и эффективность, которая обеспечивает повышение уровня общественной безопасности. Партнерские отношения полиции с обществом укрепляют доверие к ней, повышают удовлетворенность населения результатами ее работы, побуждают людей оказывать ей всемерное содействие и поддержку. Формы и методы такого взаимодействия давно и достаточно успешно используются во многих развитых странах. Но опыт Японии особенно важен тем, что здесь, как нигде, такое взаимодействие и разнообразие инициативы, проявляемой с обеих сторон, приобрели наиболее широкий размах. Главное, что их отличает, – это реальные масштабы и эффективность. Причем размах и качество такого взаимодействия характерны для всех направлений деятельности японской полиции: и для борьбы с уличной преступностью, кражами и грабежами, и для противодействия организованной преступности, и для защиты населения от последствий стихийных бедствий. И потому такой опыт заслуживает пристального внимания и внедрения в отечественную практику, где вовлечение граждан в профилактику правонарушений до сих пор явно недооценивается, носит формальный характер и потому не может дать положительных результатов.

Взаимодействие полиции и других органов власти с населением в Японии носит многопрофильный характер [27]. Так, за борьбу с насилием среди женщин и детей, за координацию усилий полиции и населения в этой работе несут ответственность созданные во всех префектурах комиссии общественной безопасности. Они принимают комплекс мер по организации разъяснительной работы в школах, повышению активности женских клубов и других специализированных общественных организаций, по расширению сети общественных автопатрулей, организации правовой и иной помощи и т.д. К началу 2015 г. активисты общин сформировали 47 тыс. «групп обеспечения безопасности», всемерно помогающих полиции в противодействии организованной

преступности, в защите бизнеса, охране собственности, в борьбе с проституцией, торговлей наркотиками и другими правонарушениями. В этой работе занято более 2 млн граждан.

Важнейшим направлением взаимодействия органов власти и общества стала борьба с рецидивной преступностью – одним из главных бедствий в сфере укрепления правопорядка. На фоне ежегодного снижения преступности парадоксальным является тот факт, что уровень рецидива в стране из года в год растет; за 15 лет он вырос с 14 до 50%. В 2012 г. Правительство сформулировало «Стратегию предупреждения рецидивной преступности», целью которой названо снижение ее масштабов на 20% в течение десяти лет. В 2014 г. в качестве составной части более общей стратегии наступления на преступность Правительством страны принята Декларация «Don't Let Them Go Back To Crimes», направленная на то, чтобы не столько изолировать лиц, совершивших преступления, сколько усилиями властей, общины и волонтеров помочь им стать полезными членами общества. С этой целью уже в 2014 г. в тюрьмах страны активно работали более 2 тыс. добровольцев-капелланов и более 1700 волонтеров, посещающих осужденных; особенно заметно растет число волонтеров в органах пробации, осуществляющих контроль за поведением лиц, освобожденных от отбывания наказания. Эта работа признана особенно важной, поскольку, как показывает статистика, 6500 ежегодно освобождаемых из тюрем не имеют жилья, и потому каждый третий из них возвращается в тюрьму в течение двух лет; 70% вновь поступивших в тюрьмы на момент преступления не имели работы и источников существования; они в 4 раза чаще становятся рецидивистами, чем те, кто имел хотя бы частично оплачиваемую работу.

Приведенные результаты сравнительного анализа позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, определенное ужесточение судебной практики в отношении наиболее опасных преступлений в Японии происходит на фоне ежегодного и значительного по масштабу и темпам снижения преступности. На этом фоне в обществе растет нетерпимость к преступным проявлениям. Усиление ригоризма связано с реализацией принятых правительством планов по дальнейшему противодействию и минимизации преступности. В преддверии Токийской Олимпиады 2020 г. решение этой задачи стало национальной идеей, объединяющей усилия государства и всего общества.

Во-вторых, в Японии практика ужесточения наказания за наиболее опасные преступления никак не диссонирует с общим курсом и принципами уголовной политики, в основе которых лежит приоритет традиционных ценностей японского общества и связанная с ним идея экономия уголовной репрессии. Реализация такой политики и определенное ужесточение карательной практики не привели к изменению основной тенденции ежегодного снижения преступности; они не сказались ни на последовательном снижении судимости, ни на численности осужденных в местах лишения свободы (55 тыс.). И хотя число заключенных в стране в расчете на 100 тыс. населения с 2002 по 2015 г. выросло с 37 до 51, их общая численность сегодня по-прежнему во много раз ниже, чем в других развитых странах (в том числе в 13 раз меньше, чем в России).

В-третьих, при тех же требованиях дифференциации ответственности и индивидуализации наказания названные показатели в России остаются в целом стабильными, а сроки наказания за наиболее опасные преступления более длительными, чем в Японии и других странах. Такая стабильность является еще одним свидетельством того, что криминальная ситуация в стране по-прежнему остается напряженной, а ее реалии, «дальнейшее совершенствование» законодательства и правоприменительная практика – процессы, никак не связанные, не стыкующиеся и развивающиеся автономно. Манипуляции со статистикой реального положения не меняют: «сокращение» числа зарегистрированных преступлений не дает ни заметного снижения судимости, ни снижения масштабов применения лишения свободы, ни существенного укрепления безопасности и правопорядка.

Результаты проведенного анализа указывают на значимость изучения и использования накопленного в Японии опыта противодействия преступности в отечественной практике. Это касается переосмысления концептуальных положений и векторов развития российской уголовной политики, законодательства и правоприменительной практики, повышения эффективности деятельности правоохранительных органов.

Еще одно соображение, на котором стоит остановиться, связано с прогнозом дальнейшего развития криминальной ситуации в Японии. Дело это хотя и смелое, но довольно рискованное. Не зря говорят, что делать прогнозы легко, трудно объяснить, почему они не сбываются. О риске тем более не следует забывать,

когда речь идет о стране во многих отношениях уникальной, о людях с совсем иной философией мировосприятия, о стране, которую часто называют замаскированным космическим кораблем, а самих японцев – инопланетянами.

Исследуя проблемы преступности и уголовной политики Японии, Н.А. Морозов оценивает свой прогноз как «сдержанно оптимистичный», поскольку в ближайшем будущем в современном японском обществе нет ощутимых предпосылок для негативных изменений [28]. Такая сдержанность импонирует по ряду причин, да и с позиций здравого смысла представляется обоснованной. Но... такого рода оценки верны лишь в текущих условиях. Между тем, социально-экономическая ситуация в стране не так стабильна, как кажется, она изменчива и трансформируется очень быстро. Все это не снимает вопросов, которые не могут не входить в баланс размышлений. В самом деле, с одной стороны, ожидание плохого хуже самого плохого. Потому оптимистический подход, вроде бы, надо считать предпочтительным. С другой стороны, срабатывает синдром Кассандры: прогнозировать и предсказывать худшее надежнее и безопаснее. Задача усложняется и особенностями объекта прогноза – страны весьма специфичной.

Любой прогноз, как известно, имеет вероятностную природу, а потому надо учитывать, что в сложном криминологическом пазле возможны любые комбинации. Не зря шутят, что криминология – вторая по точности наука после религии. Границы ближайшей и среднесрочной перспективы относительно и подвижны; важно отличать долговременные тенденции от текущих событий и их эмоциональных оценок.

Согласиться с тем, что в японском обществе отсутствуют предпосылки для негативных изменений, трудно. Трансформации и мутации преступности всегда находятся в русле изменений, происходящих в обществе. Банальность этого факта не отменяет его смысла. Сегодня все более очевидно, что в ближайшие 15–20 лет экономику наиболее развитых стран (в том числе и Японии) ждут серьезные перемены. По самым осторожным оценкам экспертов, до двух третей рабочих мест в сфере физического труда и почти до половины – в сфере умственного труда могут быть заняты роботами и разного рода автоматизированными системами. В результате, помимо углубляющегося процесса расслоения и неравенства, обострится проблема растущей массы «лишних людей». Для Японии, занимающей по производству роботов одно из первых мест в мире,

она уже стала весьма ощутимой. Сокращение трудовой занятости и все более широкое отключение «социальных лифтов» будут еще больше обострять социальные противоречия и напряженность в обществе. Отсюда вытекает реальность рисков для его стабильного развития. Кроме того, приходится считаться с тем, что в условиях глобализации сложность многих сторон социальной ситуации будет нарастать.

Следует также учитывать, что динамика общественного развития все заметнее утрачивает линейный характер, а резкий рост информационных потоков меняет и детерминацию решений, и детерминанты поведения людей. В этих условиях последствия тех или иных действий могут стать все менее предсказуемыми и, следовательно, все менее управляемыми. Ибо серьезные изменения могут быть вызваны любыми, даже куда менее значительными, а то и случайными факторами (Ф. Фукуяма, Е. Ларина, В. Овчинский). Впрочем, ранжировать эти факторы крайне трудно, если вообще возможно. Учет разнообразия и взаимовлияния современных процессов должен служить основой для крайне осторожного прогноза криминальной ситуации.

В современной криминологии принято считать, что преступность развивается по своим собственным законам; при этом развитие преступности идет «волнообразно», когда тенденции ее роста и снижения сменяют друг друга.

Такое ее развитие должно определять переменный и строго определенный во времени характер прогноза (от оптимистичного до пессимистичного и наоборот).

Современное общество живет в ситуации все более ощутимых проявлений новых форм преступности, связанных с новыми технологиями, а усилия полиции сосредоточены на борьбе с традиционной преступностью, они обращены на рутину текущего, а не на будущее. Между тем, ущерб от растущего использования криминальными структурами новых технологий не сопоставим с последствиями традиционной преступности. Речь идет не только об информационных технологиях, а о быстрых темпах развития робототехники, биотехнологии, синтетической биологии и других новаций, которые могут быть использованы криминальными структурами. Как скоро такие угрозы станут реальностью? По мнению специалистов, очень скоро, а часть таких угроз уже налицо [29]. В любом случае ясно, что ближайшее криминальное будущее существенно изменит криминальное настоящее. Поэтому прогностические оценки, опирающиеся лишь на ретроспекцию и не учитывающие сложную матрицу факторов, способных быстро и существенно изменить криминальную ситуацию, могут оказаться необоснованными. Ибо такое будущее все теснее связывается с растущей неопределенностью и глобальными кризисными явлениями.

1. Жалинский А.Э. *Фундаментальные сравнительно-правовые исследования Общей части уголовного права: избр. труды: в 4 т. Т. 3: Уголовная политология. Сравнительное и международное право.* М., 2015.

2. Иншаков С.М. *Зарубежная криминология.* М., 1997.

3. Ведерникова О.Н. *Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право.* 2002. № 10.

4. Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. *США и Япония: Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь / под ред. В.Е. Квашиса.* Владивосток, 2008.

5. Бентам И. *Введение в основания нравственности и законодательства.* М., 1992.

6. *White Paper on Police, 2014. Tokyo, 2015.*

7. *Police of Japan. 2015. Tokyo, 2015.*

8. *The Japan Times. 2016. Jan. 14.*

9. *Asahi Shimbun. 2016. Jan. 15.*

10. Квашис В.Е., Морозов Н.А. *Организованная преступность в Японии // Науч. портал МВД России.* 2013. № 4.

1. Zhalinsky A.E. *Fundamental comparative and legal researches of the General part of criminal law: sel. works: in 4 vol. Vol. 3: Criminal political science. Comparative and international law.* Moscow, 2015.

2. Inshakov S.M. *Foreign criminology.* Moscow, 1997.

3. Vedernikova O.N. *Main criminological systems of the present (comparative analysis) // State and law.* 2002. № 10.

4. Kvashis V.E., Morozov N.A., Te I.B. *USA and Japan: Crime. Criminal policy. The death penalty / ed. by V.E. Kvashis.* Vladivostok, 2008.

5. Bentham I. *Introduction to the bases of morality and legislations.* Moscow, 1992.

6. *White Paper on Police, 2014. Tokyo, 2015.*

7. *Police of Japan. 2015. Tokyo, 2015.*

8. *The Japan Times. 2016. Jan. 14.*

9. *Asahi Shimbun. 2016. Jan. 15.*

10. Kvashis V.E., Morozov N.A. *Organized crime in Japan // Sci. portal of the Ministry of the Interior of Russia.* 2013. № 4.

11. *The Japan Times*. 2015. June 16.
12. *USA Today*. 2015. Oct. 25.
13. *Global Study on Homicide*. 2013. Trends. Context. Data // United Nations Office of Drugs and Crime. Vienna, 2014.
14. Квашиш В.Е., Генрих Н.В. О некоторых итогах новых исследований убийств // *Рос. криминологический взгляд*. 2014. № 1.
15. Квашиш В.Е., Генрих Н.В., Камалова А.К., Морозов Н.А. Российская преступность в зеркале международной статистики // *Науч. портал МВД России*. 2013. № 3.
16. *Latent crime in the Russian Federation: 2001–2006 гг.* / под ред. С.М. Иншакова. М., 2007.
17. URL: <http://www.rusvesna.su/news/1454932642>
18. Ведерникова О.Н. Криминальная ситуация в России в свете мировых тенденций // *Рос. криминологический взгляд*. 2009. № 2.
19. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?pd=798item=2362>
20. *Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию: доклад по результатам исследования / Ин-т проблем правоприменения*. СПб., 2016. Ч. 1. URL: <http://www.enforce.spb.ru/images/issled>
21. Ферри Э. *Уголовная социология*. М., 2005.
22. *White Paper on Crime*. 2013. URL: <http://www.hakuosio1.moj.go.jp/en/63/nfm/mokuji>
23. Japan 2015. National Statement. The Thirteenth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. Doha, Qatar, 12–19 Apr. 2015.
24. *Rus. newsp.* 2016. Jan. 27.
25. URL: <http://www.vsrp.ru/vscourtdetale.Php?id=165>
26. Никонов М., Скугаревский Д. Extra Jus: 12 разгневанных мужчин. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/12/24>
27. Квашиш В.Е., Морозов Н.А. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // *Науч. портал МВД России*. 2015. № 1.
28. Квашиш В.Е. Вступительная статья к книге Морозова Н.А. «Япония: преступность и уголовная политика» / под ред. В.Е. Квашиша. СПб., 2016.
29. Овчинский В. Новая преступность уже здесь. URL: <http://www.openpolice.ru>
11. *The Japan Times*. 2015. June 16.
12. *USA Today*. 2015. Oct. 25.
13. *Global Study on Homicide*. 2013. Trends. Context. Data // United Nations Office of Drugs and Crime. Vienna, 2014.
14. Kvashis V.E., Genrih N.V. About some results of new researches of murders // *Russian criminological look*. 2014. № 1.
15. Kvashis V.E., Genrih N.V., Kamalova A.K., Morozov N.A. Russian crime in a mirror of the international statistics // *Sci. portal of the Ministry of the Interior of Russia*. 2013. № 3.
16. *Latent crime in the Russian Federation: 2001–2006 / ed. by S.M. Inshakov*. Moscow, 2007.
17. URL: <http://www.rusvesna.su/news/1454932642>
18. Vedernikova O.N. Criminal situation in Russia in the light of world tendencies // *Russian criminological look*. 2009. № 2.
19. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?pd=798item=2362>
20. *Diagnostics of work of judicial system in the sphere of criminal legal proceedings and the offer on its reforming: report on research results / Institute of problems of right application*. St. Petersburg, 2016. Pt. 1. URL: <http://www.enforce.spb.ru/images/issled>
21. Ferri E. *Criminal sociology*. Moscow, 2005.
22. *White Paper on Crime*. 2013. URL: <http://www.hakuosio1.moj.go.jp/en/63/nfm/mokuji>
23. Japan 2015. National Statement. The Thirteenth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. Doha, Qatar, 12–19 Apr. 2015.
24. *Rus. newsp.* 2016. Jan. 27.
25. URL: <http://www.vsrp.ru/vscourtdetale.Php?id=165>
26. Nikonov M., Skugarevsky D. Extra Jus: 12 angered men. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/12/24>
27. Kvashis V.E., Morozov N.A. Japan police: organization, functions, efficiency // *Sci. portal of the Ministry of the Interior of Russia*. 2015. № 1.
28. Kvashis V.E. Introductory article to the book of N.A. Morozov «Japan: crime and criminal policy» / ed. by V.E. Kvashis. St. Petersburg, 2016.
29. Ovchinsky V. New crime already here. URL: <http://www.openpolice.ru>

Осокин Роман Борисович

доктор юридических наук, доцент,
начальник управления организации научной
и редакционно-издательской деятельности
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
(e-mail: osokinr@mail.ru)

Немтинов Дмитрий Владимирович

участковый уполномоченный полиции
отдела участковых уполномоченных полиции
и по делам несовершеннолетних отдела полиции № 3
УМВД России по г. Тамбову
(e-mail: nemtinovdmitrijj@rambler.ru)

К вопросу о признаках преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием

В статье приводится классификация преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием, раскрываются их признаки с учетом толкования признаков составов этих преступлений, формулируется дефиниция преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием. В результате рассмотрения признаков преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием, формулируется вывод о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: криминализация, состав преступления, преступления в сфере экономической деятельности, обман, злоупотребление доверием.

R.B. Osokin, Doctor of Law, Assistant Professor, Head of the Scientific and Publishing Activities Department of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: osokinr@mail.ru;

D.V. Nemtinov, Local Police Officer of Department of Precinct Police and Juvenile Police of Police Department № 3 of Directorate of the Ministry of the Interior of Russia on the City of Tambov; e-mail: nemtinovdmitrijj@rambler.ru

To the question about the signs of crimes in the sphere of economic activity, committed by deception and (or) abuse of trust

Classification of the crimes in the sphere of economic activity committed by deception and (or) abuse of trust is given in the article, their signs taking into account interpretation of signs of structures of these crimes reveal, the definition of the crimes in the sphere of economic activity committed by deception and (or) abuse of trust is formulated. As a result of consideration of signs of the crimes in the sphere of economic activity committed by deception and (or) abuse of trust a conclusion about need of improvement of the legislation and law-enforcement practice is formulated.

Key words: criminalization, corpus delicti, crimes in the sphere of economic activity, deception, abuse of trust.

Прежде чем рассуждать о признаках преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием [1, с. 8], представляется целесообразным вкратце проанализировать вопрос о пределах криминализации этих общественно опасных деяний. На первый взгляд, очевидно, что преступления в сфере экономической деятельности, соверша-

емые путем обмана и (или) злоупотребления доверием, состоят из совокупности преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, объединяемых в одну группу за счет общности способа их совершения – обмана и (или) злоупотребления доверием.

Исходя из положений, приведенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практи-

ке по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2], а также доктринального анализа теории уголовного права относительно исследуемой категории преступлений, следует признать, что при изложении составообразующих признаков преступлений в сфере экономической деятельности ключевым из них является не только приведение одного или нескольких из всех возможных способов введения в заблуждения, но и указание на наличие потерпевшего (в виде физического лица, которому причиняется имущественный или моральный вред, или юридического лица, которому причиняется имущественный вред или вред деловой репутации) как неотъемлемого признака конкретного состава преступления. В противном случае, если использовать иные критерии классификации, получится, что почти каждое преступление в сфере экономической деятельности при его совершении в той или иной степени будет опосредовано обманом и (или) злоупотреблением доверием. С учетом данных уточнений, а также того, что две трети составов преступлений в сфере экономической деятельности были подвергнуты существенной законодательной корректировке за последние двадцать лет, явившейся ответом на возрастающую криминализацию сферы экономической деятельности, предварительный анализ уголовно-правовых норм гл. 22 УК РФ способствовал выделению статей о преступлениях, при совершении которых могут применяться обман и (или) злоупотребление доверием: ст. 170.2, 171, 172, 172.1, 176, 180, ч. 2–4 ст. 183, 185, 185.1, 185.3, 185.4, 185.5, 185.6, 186, 187, 195, 196, 197, 198–199.1 УК РФ и ряд других.

Однако предметом настоящего исследования являются только те составы преступлений в сфере экономической деятельности, обман и (или) злоупотребление доверием в которых (помимо наличия потерпевшего) являются не возможными, а конститутивными (неотъемлемыми) и безальтернативными способами совершения деяния, посредством которых виновный реализует свой личный интерес [3], корыстные побуждения и преступный умысел. Другими словами, это те преступления в сфере экономической деятельности, которые выступают своего рода в роли *lex specialis*, являющие собой частные случаи хищения либо причинения имущественного ущерба путем обмана и (или) злоупотребления доверием: регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170 УК РФ); фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1 УК РФ); внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или зе-

мельных участков либо карту-план территории (ст. 170.2 УК РФ); незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ); неправомерные действия при банкротстве (ч. 1 ст. 195 УК РФ); фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с юридического лица (ст. 199 УК РФ); неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ); сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199.2 УК РФ) [4–9].

Как видно, пределы криминализации посягательств в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, а также набор составов преступлений исторически изменчив, что обусловлено, прежде всего, существованием в конкретно исторический период факторов криминализации этих деяний в купе с общественной оценкой негативных свойств этих деяний как признаков преступного деяния [10, с. 44; 11, с. 317–318; 12, с. 361–363].

Индикаторами преступного деяния являются его признаки, к которым традиционно относятся общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость [13, с. 164–165; 14, с. 7].

Общественная опасность преступлений в сфере экономической деятельности познается через характер, который предопределен нарушением не только определенных разновидностей общественных отношений в сфере экономической деятельности, но и отношений собственности, причиняя ущерб гражданам, организациям либо государству, а равно посягательством на безопасность отношений собственности, т.к. представляет угрозу соответствующему праву, принадлежащему другим лицам, и степень, которая обусловлена размером незаконно извлеченного дохода либо причиненного имущественного ущерба [15, с. 356–359; 16, с. 1025–1028; 17, с. 10–11].

Противоправность деяний в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, означает запрет совершения этих деяний, предусмотренных вышеназванными уголовно-правовыми нормами разд. VIII УК РФ, многие из которых имеют бланкетный характер, что обуславливает необходимость обращения к иным законам, не регулирующим уголовно-правовые отношения, и нормативным правовым актам [18, с. 236–237]. Анализ изменений и дополнений, внесенных в статьи об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, совершенные путем обмана и (или) злоупотребления доверием, за последние пят-

надцать лет, свидетельствует о наличии устойчивой тенденции увеличения бланкетных уголовно-правовых норм.

Значение уголовно-правовых норм, имеющих бланкетный характер, подчеркнул Конституционный Суд РФ. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П указано, что конституционность бланкетной конструкции как таковой не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, установлены законами и подзаконными нормативными правовыми актами [19].

Более того, как указано в постановлении Конституционного Суда РФ, при квалификации преступлений огромное значение имеет процессуальная преюдиция. В соответствии со ст. 90 УПК РФ «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьей 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» [20].

Учитывая вышеизложенное, считаем обоснованной позицию отдельных ученых, состоящую в том, что «бланкетность диспозиций экономических уголовно-правовых норм означает, что для правильной квалификации деяния необходимо обратиться не только к нормативным актам регулятивной отрасли (например, гражданского права), но и к решениям, принятым в порядке гражданского судопроизводства, в отношении фактических обстоятельств, ставших предметом исследования в уголовном процессе» [21, с. 75].

Так, С. Щерба и И. Чащина отмечают, что «доказательственное значение преюдиции основано на доверии к акту правосудия. Предполагается, что вступившее в законную силу судебное решение является истинным, а поэтому нет необходимости вновь исследовать обстоятельства, о которых уже состоялось судебное решение, вынесенное при разбирательстве дела с соблюдением всех процессуальных условий. Поэтому... в случае, когда при рассмотрении уголовных дел, связанных с ранее разрешенными, появляются данные, свидетельствующие о незаконности ранее вынесенных решений, они не могут быть положены в основу выводов в новом судебном решении» [22, с. 105].

Значение преюдиции по уголовным делам подчеркивалось и другими авторами [23, с. 44–46; 24, с. 4; 25, с. 71–73].

Безусловно, следует согласиться с научно обоснованной позицией этих авторов, но с некоторыми уточнениями. Во-первых, судебные акты содержат всего лишь фактические признаки совершенного деяния, которые в процессе квалификации сопоставляются с признаками состава преступления, содержащимися в уголовном законе. Во-вторых, решения судов, содержащие сведения, имеющие отношение к уголовному делу, являются одним из множества источников доказательств, которые, наряду с иной доказательственной информацией, не должны иметь заранее установленной силы.

В связи с этим в юридической литературе встречаются критические суждения относительно ст. 90 УК РФ, поскольку эта уголовно-процессуальная норма не только не устраняет проблемы, связанные с применением преюдиции, но и создает коллизии в правоприменении [24, с. 4].

Основная проблема применения ст. 90 УПК РФ при расследовании и рассмотрении дел о преступлениях в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, состоит в том, что толкование одних и тех же терминов, изначально содержащихся в нормах гражданского, банковского, административного и (или) иного законодательства, может расходиться с их изначальным смыслом, заложенным природой уголовно-правовых отношений.

Правы А.Н. Тарбагаев, Е.Б. Тарбагаева, которые отмечают, что признание в уголовном судопроизводстве обязательности решений по гражданским делам, установивших какие-либо факты, способствует возникновению проблемы выбора между уголовно-правовым и гражданско-правовым определением какого-либо юридически значимого признака [21, с. 75].

Учитывая вышеизложенное, считаем целесообразным отметить, что наличие данной проблемы обуславливает необходимость не только унификации отраслевого бланкетного законодательства с законодательством уголовным, но и установления единообразия судебной практики применения соответствующих норм.

Виновность как признак преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, означает установление у виновного умышленной формы вины, а именно: осознание им общественной опасности совершаемых деяний, совершенных посредством обмана и (или) злоупотребления доверием, предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий в виде имущественного ущерба (в случае, если состав преступления в сфере экономической деятельности, совершенного путем обмана и

(или) злоупотребления доверием, материальный) и желание наступления таковых (в случае, если состав преступления формальный) либо не желание, но сознательное допущение этих последствий или безразличное к ним отношение [13, с. 164–165; 26, с. 483–568; 27, с. 37–41; 28, с. 376–378; 14, с. 46].

Поскольку, как известно, доктринальное толкование субъективной стороны составов преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, способствует правоприменителям в правильной оценке деяний, но не носит обязательного характера, представляется целесообразным обратиться к руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ о квалификации преступлений определенного вида.

В частности, анализ п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», раскрывающего подходы к квалификации единого продолжаемого преступления, свидетельствует о прямом умысле виновного на совершение ряда тождественных действий, направленных на легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества [29]. В разъяснении Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» прямо указывается только на прямой умысел как субъективный признак совершения виновным налогового преступления в форме уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с целью их полной или частичной неуплаты [3].

Таким образом, умысел в преступлениях в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, может быть либо прямым, либо косвенным.

Важно помнить, что в составах преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, ни цель, ни мотив в качестве обязательных признаков, как правило, не указываются, однако в ряде составов подобные признаки сформулированы в иных, не регулирующих уголовно-правовые отношения законах и (или) подзаконных нормативных правовых актах, ссылки на которые сделаны или подразумеваются в соответствующих уголовно-правовых нормах.

Так, в силу п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного зако-

нодательства об ответственности за налоговые преступления» суды при решении вопроса о наличии у виновного умысла должны учитывать обстоятельства, указанные в ст. 111 Налогового кодекса РФ (невменяемость налогоплательщика, стихийное бедствие или иные чрезвычайные и непреодолимые обстоятельства, выполнение налогоплательщиком письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора) или по иным вопросам применения налогового законодательства), исключая вину в налоговом правонарушении [3].

Принципиально приведенное правило распространяется и на другие признаки состава преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием.

В частности, анализ судебной практики относительно предмета преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, свидетельствует о распространенной ошибке правоприменителей, связанной с узким его пониманием в качестве исключительно банковского кредита, предоставленного банком или иной кредитной организацией на основе и во исполнение кредитного договора [30–33].

Однако данная позиция не основана на законе и не соответствует лексическому толкованию термина «кредит» в русском языке. Понятие «кредитор» используется в Гражданском кодексе РФ для обозначения участников обязательственных правоотношений, праву которых корреспондирует обязанность должников. В Гражданском кодексе РФ «кредиту» посвящен целый ряд норм: ст. 488 и 489, 500 (оплата товара, проданного в кредит), ст. 733 (предоставление по договору подряда материала подрядчиком заказчику в кредит), § 2 гл. 42 ГК РФ (банковский кредит), § 3 (коммерческий и товарный кредит). § 2 гл. 42 Гражданского кодекса РФ о банковском кредите имеет наименование «Кредит», что является основанием ограничительного толкования термина «кредит», обозначающего предмет преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, в части его понимания как банковского кредита.

Напротив, судебное толкование предмета преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, свидетельствует о буквальном понимании потерпевшего (банка или иного кредитора) как представителя любой кредитной организации [33–35].

Таким образом, при квалификации неправомерного получения банковского кредита с учетом идентичности способа совершения и схожести иных признаков объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 176 УК РФ и ст. 159.1 УК РФ, представляется затруднительным отграничение этих составов по признаку предмета посягательства [36].

Наказуемость преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, означает их запрещенность уголовно-правовыми нормами, предусматривающими признаки составов последних.

С позиции строгости наказания уголовно наказуемые деяния в сфере экономической деятельности, совершенные путем обмана и (или) злоупотребления доверием, относятся к категориям небольшой (ст. 170, ч. 1 и ч. 2 ст. 170.1, ст. 170.2, ч. 1 ст. 195, ст. 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199.1 УК РФ) и средней тяжести (ст. 176, 197, 199.2 УК РФ). К категории тяжких преступлений относятся три деяния из группы преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, ответственность за которые предусмотрена ч. 3 ст. 170.1, ч. 2 ст. 199, ч. 2 ст. 199.1 УК РФ.

Анализ следственно-судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, свидетельствует о наличии ряда обстоятельств (существенное нарушение установленного порядка осуществления экономической деятельности, причинение крупного ущерба), доказывающих явное несоответствие фактического характера и степени общественной опасности этих деяний их законодательному закреплению, а судебной статистики – о положительной динамике роста этих преступлений

за последние пять лет (по данным ГИАЦ МВД России на основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» за 2011–2015 гг.). Отнесение трех четвертей преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, к категориям небольшой либо средней тяжести позволяет на практике применять к виновным общие нормы об освобождении от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ) и наказания (ст. 80.1 УК РФ), неправильно применять норму об условном осуждении (ст. 73 УК РФ), неверно назначать осужденным к лишению свободы вид исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ) [37–38], что в конечном счете снижает обще- и частнопредупредительное значение уголовного закона, не обеспечивающего в данном случае охраны экономических интересов и собственности граждан, организаций и государства.

Изучение признаков преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, позволило сформулировать их дефиницию и понимать под ними общественно опасные деяния, характеризующиеся общественной опасностью, противоправностью, виновностью, наказуемостью и представляющие собой частные случаи (*lex specialis*) хищения либо причинения имущественного ущерба путем обмана и (или) злоупотребления доверием.

1. Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 51 // Рос. газ. 2008. 12 янв.

3. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 дек. 2006 г. № 64 // Рос. газ. 2006. 31 дек.

4. Осокин Р.Б. Уголовно-правовой анализ субъективных признаков мошенничества // Науч. труды Российской академии юридических наук. 2003. № 3. Т. 2. С. 574–581.

5. Осокин Р.Б. Эволюция мошенничества и его способов по русскому уголовному законодательству досоветского периода // Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики: материалы межрегиональной науч.-практ. конф., 27 февр. 2002 г. Тамбов, 2002. С. 148–154.

1. Osokin R.B. Criminal-legal characteristic of ways of committing fraud: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2004.

2. About court practice on affairs about swindle, assignment and waste: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 27, 2007 № 51 // Rus. newsp. 2008. Jan. 12.

3. About practice of application by courts of criminal legislation on responsibility for tax crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 28, 2006 № 64 // Rus. newsp. 2006. Dec. 31.

4. Osokin R.B. Criminal-legal analysis of the subjective grounds of fraud // Proc. of the Russian academy of legal sciences. 2003. № 3. Vol. 2. P. 574–581.

5. Osokin R.B. Evolution of fraud and its methods on the Russian criminal law of the pre-Soviet period // Actual problems of criminal law and practice: proc. of interregional sci.-pract. conf., Febr. 27, 2002. Tambov, 2002. P. 148–154.

6. Osokin R.B. Criminal-legal analysis of fraud on the Criminal code of Germany // Law. 2002. № 2. P. 71–76.

6. Осокин Р.Б. Уголовно-правовой анализ способов мошенничества по УК ФРГ // Юри-спруденция. 2002. № 2. С. 71–76.
7. Осокин Р.Б. Классификация преступлений против собственности – залог успешной квалификации мошенничества // Науч. труды Российской академии юридических наук. 2005. № 5. Т. 3. С. 155–160.
8. Осокин Р.Б., Цыркалюк А.А. Ошибки квалификации неоконченного уклонения от уплаты налогов и (или) сборов // Современные тенденции развития государства и права России: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 30–31 марта 2010 г. Тамбов, 2010. С. 275–277.
9. Осокин Р.Б., Клеценко Ю.Г. Проблемы квалификации налогового мошенничества по субъективным признакам // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 6(62). С. 357–360.
10. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. Тамбов, 2006.
11. Осокин Р.Б. Эффективность уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 6(86). С. 317–319.
12. Осокин Р.Б., Чибизов А.В. К вопросу о предмете жестокого обращения с животными // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 9(101). С. 361–365.
13. Осокин Р.Б., Блинова С.В. Понятие преступления. Ответственность за виды преступлений // Городская науч.-практ. конф. «Грани творчества»: тез. докл. Тамбов, 1997. С. 164–165.
14. Осокин Р.Б. Уголовное право в схемах: Общая часть. М., 2006.
15. Осокин Р.Б., Гончаров М.В. Квалификация причинения имущественного ущерба путем обмана в сфере налогообложения по субъективным признакам (на примере уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица или с организации) // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 4(84). С. 356–361.
16. Желудков М.А., Осокин Р.Б., Швыркин А.А. Противодействие легализации доходов, полученных мошенническим путем // Пути повышения эффективности взаимодействия подразделений Министерства внутренних дел РФ с другими государственными органами в области противодействия легализации преступных доходов (стратегический и прикладной аспекты): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 25–27 мая 2005 г. Н. Новгород, 2005. С. 1017–1032.
17. Борисов С.В., Моисеев С.С., Решняк М.Г. Квалификация преступлений в сфере эконо-
7. Osokin R.B. Classification of crimes against property is the key to successful fraud training // Proc. of the Russian academy of legal sciences. 2005. № 5. Vol. 3. P. 155–160.
8. Osokin R.B., Cirkaluk A.A. Error qualification incomplete evasion of taxes and (or) fees // Modern trends of development of state and law of Russia: proc. of All-Russian sci.-pract. conf., March 30–31, 2010. Tambov, 2010. P. 275–277.
9. Osokin R.B., Kleschenko Yu.G. Problems of qualification of tax fraud on subjective grounds // Bull. of Tambov university. Ser.: Humanitarian sciences. 2008. Vol. 6(62). P. 357–360.
10. Osokin R.B. Law-enforcement agencies in the security system. Tambov, 2006.
11. Osokin R.B. The effectiveness of criminal liability for a crime under article 242 of the Criminal code of the Russian Federation // Bull. of Tambov university. Ser.: Humanitarian sciences. 2010. Vol. 6(86). P. 317–319.
12. Osokin R.B., Chibizov A.V. To the question about the subject of cruelty to animals // Bull. of Tambov university. Ser.: Humanitarian sciences. 2011. Vol. 9 (101). P. 361–365.
13. Osokin R.B., Blinova S.V. The concept of crime. The responsibility for the crimes // Urban sci.-pract. conf. «Facets of creativity»: theses of reports. Tambov, 1997. P. 164-165.
14. Osokin R.B. Criminal law in diagrams: General part. Moscow, 2006.
15. Osokin R.B., Goncharov M.V. Qualification of causing of property damage by deception in the field of taxation on subjective grounds (for example, evasion of taxes and (or) fees from an individual or an organization) // Bull. of Tambov university. Ser.: Humanitarian sciences. 2010. Vol. 4 (84). P. 356–361.
16. Jeludkov M.A., Osokin R.B., Shvirkin A.A. Countering the legalization of income obtained by fraud // Ways of increase of efficiency of interaction of divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with other state bodies in the field of combating money laundering (strategic and applied aspects): proc. of the Intern.sci.-pract. conf., May 25–27, 2005. Nizhny Novgorod, 2005. P. 1017–1032.
17. Borisov S.V., Moiseev S.S., Reshnyak M.G. Qualification of crimes in sphere of economic activities, committed by means of deception or abuse of trust: study aid. Moscow, 2011.
18. Osokin R.B. Legislation of the Soviet period on fraud and its ways // Legal reform and development of the Russian legislation: coll. works of the II All-Russian interuniv. conf. Moscow, 2002. P. 235–241.
19. In the case of check of constitutionality of provisions of article 226.1 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens of the Republic of Kazakhstan

мической деятельности, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием: учеб. пособие. М., 2011.

18. Осокин Р.Б. Законодательство советского периода о мошенничестве и его способах // Правовая реформа и развитие российского законодательства: сб. тр. II Всерос. междунар. конф. М., 2002. С. 235–241.

19. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П // Собр. законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4659.

20. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2009 г. № 383-ФЗ (ред. от 7 февр. 2011 г.) // Собр. законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 4; 2011. № 7. Ст. 900.

21. Тарбагаев А., Тарбагаева Е. Особенность применения бланкетных норм при квалификации преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ // Уголовное право. 2010. № 2. С. 73–76.

22. Щерба С., Чащина И. Новый закон о преюдиции в уголовном процессе: сущность и значение // Уголовное право. 2010. № 3. С. 103–107.

23. Осокин Р.Б. Проблемы уголовно-правового противодействия жестокому обращению с животными // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2011. № 1. С. 44–46.

24. Гореликова А.Г. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации: дис ... канд. юрид. наук. М., 2010.

25. Осокин Р.Б. О необходимости совершенствования норм об ответственности за жестокое обращение с животными // Рос. юстиция. 2016. № 2. С. 71–74.

26. Уголовное право России: Общая часть, Особенная часть: учеб. / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2013.

27. Липинский Д.А. Вина виновности деяния – общий принцип юридической ответственности // Законность. 2015. № 4. С. 37–41.

28. Уголовное право Российской Федерации: учеб. / И.А. Бобраков, М.Т. Бекморвин, Н.А. Горелкина, Р.Б. Осокин и др. Брянск, 2008.

29. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 // Рос. газ. 2015. 13 июля.

O.E. Nedashkovsky and S.P. Yakovlev: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 16, 2015 № 22-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2015. № 30.

20. On amendments to part I of the Tax code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 2009 № 383-FL (as amended on Febr. 7, 2011) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 1. Art. 4; 2011. № 7. Art. 900.

21. Tarbagaev A., Tarbagaeva E. Feature of applying blanket rules when qualifying crimes under chapter 22 of the Criminal code of the Russian Federation // Criminal law. 2010. № 2. P. 73–76.

22. Scherba S., Chashchina I. New law on prejudice in the criminal process: the nature and significance // Criminal law. 2010. № 3. P. 103–107.

23. Osokin R.B. Problems of criminal-legal counteraction to cruel treatment of animals // Bull. of Voronezh Institute of the Ministry of the interior of Russia. 2011. № 1. P. 44–46.

24. Gorelikova A.G. Collateral estoppel in the criminal procedure of the Russian Federation: diss. ... Master of Law. Moscow, 2010.

25. Osokin R.B. About the need for improvement of standards of responsibility for cruelty to animals // Russian justice. 2016. № 2. P. 71–74.

26. Criminal law of Russia: General part, Special part: textbook / ed. by N.G. Kadnikov. Moscow, 2013.

27. Lipinsky D.A. Guilty of acts is a General principle of legal liability // Legality. 2015. № 4. P. 37–41.

28. Criminal law of the Russian Federation: textbook / I.A. Bobrakov, M.T. Bekmorvin, N.A. Gorelkina, R.B. Osokin, et al. Bryansk, 2008.

29. On judicial practice in cases on legalization (laundering) of monetary funds or other property obtained by criminal means, and on acquisition, or sale of property knowingly obtained by criminal means: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. July 7, 2015 № 32 // Rus. newsp. 2015. July 13.

30. The sentence of Sverdlovsk district court of Belgorod № 1-92-11 d.d. March 17, 2011 // Russian justice. URL: <https://rospravosudie.com/court-sverdlovskij-rajonnyj-sud-g-belgoroda-belgorodskaya-oblast-s/act-101356985/> (date of access: 11.02.2016).

31. The appeal decision of the Samara regional court d.d. July 19, 2011 // Russian justice. URL: <https://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-103933468/> (date of access: 11.02.2016).

32. The appellate decision of the Omsk regional court d.d. Sept. 24, 2015 in the case 22-2962/2015 // Russian justice. URL: <https://rospravosudie.com/>

30. Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода № 1-92-11 от 17 марта 2011 г. // Российское правосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-sverdlovskij-rajonnyj-sud-g-belgoroda-belgorodskaya-oblast-s/act-101356985/> (дата обращения: 11.02.2016).

31. Кассационное определение Самарского областного суда от 19 июля 2011 г. // Российское правосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-103933468/> (дата обращения: 11.02.2016).

32. Апелляционное определение Омского областного суда от 24 сент. 2015 г. по делу 22-2962/2015 // Российское правосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-omskij-oblastnoj-sud-omskaya-oblast-s/act-499179155/> (дата обращения: 11.02.2016).

33. Постановление мирового судьи судебного участка № 2 города Златоуста Челябинской области от 20 мая 2014 г. // Российское правосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-g-zlatoust-chelyabinskoy-oblasti-s/act-215488457/>

34. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 27 нояб. 2014 г. // Российское правосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-479743875/>

35. Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 16 окт. 2013 г. по уголовному делу 01-383/13 // Российское правосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-g-izhevskaja-udmurtskaya-respublika-s/act-465929287/>

36. Осокин Р.Б. Некоторые проблемы отграничения мошенничества от смежных с ним составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях: информ. бюл. кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Тамбов. филиала Юрид. ин-та МВД России. 2001. № 4. С. 24–27.

37. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 25 авг. 2015 г. по делу 22-4861/15 // Российское правосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-498037692/> (дата обращения: 15.03.2016).

38. Постановление Президиума Тамбовского областного суда от 29 окт. 2015 г. № 44-у-46. Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

[court-omskij-oblastnoj-sud-omskaya-oblast-s/act-499179155/](https://rospravosudie.com/court-omskij-oblastnoj-sud-omskaya-oblast-s/act-499179155/) (date of access: 11.02.2016).

33. The resolution of the magistrate court plot № 2 of the city of Zlatoust, Chelyabinsk region d.d. May 20, 2014 // Russian justice. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-g-zlatoust-chelyabinskoy-oblasti-s/act-215488457/>

34. Appeal resolution of Krasnodar regional court d.d. Nov. 27, 2014 // Russian justice. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-479743875/>

35. The verdict of the Pervomaisky district court of Izhevsk d.d. Oct. 16, 2013 in a criminal case 01-383/13 // Russian justice. URL: <https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-g-izhevskaja-udmurtskaya-respublika-s/act-465929287/>.

36. Osokin R.B. Some problems of separating fraud from adjacent structures of crimes and civil torts // Some aspects of law-enforcement activity in modern conditions: the newsletter of the Department of state-legal and civil-legal disciplines of the Tambov branch of the Legal Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2001. № 4. P. 24–27.

37. The appellate decision of the Krasnodar regional court d.d. Aug. 25, 2015 in the case 22-4861/15 // Russian justice. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-498037692/> (date of access: 15.03.2016).

38. Judgment of the Presidium of the Tambov regional court d.d. Oct. 29, 2015 № 44-46. The document was not published. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

Волосюк Павел Валерьевичкандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652330141)**Навасардова Элеонора Сергеевна**доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, во внутреннем вооруженном конфликте

В статье анализируются обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, в условиях внутреннего вооруженного конфликта. Сделан вывод о применимости норм международного уголовного права к событиям 2014 г. на юго-востоке Украины.

Ключевые слова: международное уголовное право, уголовная ответственность, обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, внутренний вооруженный конфликт.

P.V. Volosyuk, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652330141;

E.S. Navasardova, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Land, Ecological and Labor Laws of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652354446.

Circumstances for criminal responsibility's exception in domestic armed conflict

This article is devoted to analysis of circumstances for excepted responsibility in according to conditions of domestic armed conflict. The conclusion about use-ability of International Criminal Law's norms for 2014 events at South-East Ukraine has been done.

Key words: International Criminal Law, criminal liability, circumstances for excepted responsibility, domestic armed conflict.

По оценкам западных экспертов, в период с 1480 по 1941 г. из 278 больших войн 200 носили межгосударственный характер и только 78 – государственный, т.е. немеждународный характер. Другие цифры получены за период с 1946 по 1990 г., где уже из 127 вооруженных конфликтов только 37 были межгосударственными, а 90 – внутренними вооруженными конфликтами [1, с. 31–32].

Подобная тенденция, на наш взгляд, отмеченная во второй половине прошлого века, сохраняется и в настоящее время и, пожалуй, сохранится в будущем. Достаточно привести трагические события, происходящие на территории Донецкой и Луганской областей Украины.

События, произошедшие в мировом сообществе в конце 90-х гг. прошлого столетия и начале нового столетия, наглядно подтверждают наши выводы. В конце XX в. в связи с распадом Советского государства на территории как России, так и бывших советских республик протекало около 40 вооруженных конфликтов, очаги

которых не локализованы и по настоящее время. Причины возникновения таких вооруженных конфликтов в каждом государстве разные – от экономических, политических, межнациональных до религиозных и т.д.

Продолжающаяся негативная тенденция роста внутренних вооруженных конфликтов не может оставить без внимания вопрос об уголовной ответственности лиц, оказавшихся втянутыми в подобные вооруженные конфликты. Этот вопрос в полной мере касается как гражданских лиц, так и военнослужащих, участвующих в вооруженном конфликте.

Национальные правовые системы государств предусматривают в своем уголовном законодательстве институты, исключающие преступность деяния (например, гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния»). Но и международному уголовному праву свойственна тенденция в развитии института «обстоятельств, исключающих уголовную ответственность».

Основа при этом была заложена в решении Нюрнбергского трибунала и развита не только в решениях современных международных трибуналов, но и в Римском Статуте Международного уголовного суда (далее – Статут). Такие обстоятельства имеют различную юридическую природу, но важным является то, что наличие обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, дает право лицу при определенных условиях причинить вред охраняемым международным правом интересам.

Не подвергая анализу всю систему таких обстоятельств, сложившихся в международном уголовном праве, постараемся определить условия правомерности применительно к обстоятельствам, способным иметь непосредственное применение в условиях внутренних вооруженных конфликтов.

Одно из таких обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, содержится в п. «с» ч. 1 ст. 31 Статута – защита себя или другого лица, в случае военных преступлений, имущества, которое является особо важным для выживания данного лица или другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера, от неизбежного и противоправного применения силы.

Согласно позиции Статута лицо не несет уголовной ответственности, если оно причинило вред другому лицу и при этом действовало «разумно для защиты себя или другого лица, в случае военных преступлений, имущества, которое является особо важным для выживания данного лица или другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера». При этом вред, причиняемый лицом, действующим в такой обстановке и в соответствии с указанными целями, должен быть соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу или другому защищаемому лицу или имуществу. Причем «соразмерность» причиняемого вреда вовсе не означает эквивалентности, в противном случае данная норма, содержащаяся в Статуте, стала бы бесполезной.

Право на причинение вреда для защиты себя, другого лица или имущества возникает у любого физического лица и в случае неизбежного и противоправного посягательства на человека и особо ценное имущество. Иными словами, Статут гарантирует любому физическому лицу право на оборонительные действия от любого «неизбежного и противоправного» посягательства.

Возможно ли распространение данной нормы на события, происходящие на территории Донецкой и Луганской областей Украины, т.е. в обстановке реального вооруженного конфликта? Полагаем, что да, и вот почему. Фактиче-

ски, правда, официальные власти Украины отрицают данный факт, со стороны вооруженных сил Украины применяются средства и методы ведения военных действий, нарушающие Женевские конвенции и состоящие в жестоком обращении с гражданским населением. Конкретные проявления жестокого обращения сформулированы в ст. 8 Статута и ст. 3, общей для всех Женевских конвенций.

Однако по факту официальные власти Украины называют «ополченцев» террористами, обосновывая тем самым применяемые насильственные методы. Но если нормами международного уголовного права гарантируется право на защиту себя, другого лица или имущества в условиях вооруженного конфликта, когда неизбежно применение вооруженной силы в отношении гражданского населения, то как должны квалифицироваться действия тех лиц, которые воспользовались правом, гарантированным в ст. 31 Статута? Полагаем, что ответ напрашивается сам по себе; соответственно, ставить вопрос о возможном уголовном преследовании лиц, взявших в руки оружие не с целью нарушения конституционной целостности государства, а для защиты мирного (гражданского) населения от военных преступлений, совершаемых регулярными войсками, не приходится.

Другим сходным обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, является предусмотренное п. «d» ч. 1 ст. 31 Статута причинение вреда в силу «вынужденной ответной реакции на угрозу неминуемой смерти либо неминуемого причинения тяжких телесных повреждений или продолжения причинения таких повреждений для самого лица или другого лица».

Такая угроза может исходить: i) либо от других лиц; ii) либо быть создана другими обстоятельствами, не зависящими от этого лица.

Ситуация, о которой идет речь в анализируемой международной норме, предполагает именно «вынужденную ответную реакцию», в том числе на действия лица или лиц, создавших угрозу для жизни или здоровья любого лица. И, несмотря на то, что Статут говорит о разумных мерах, которые лицо избрало для устранения этой угрозы, при условии, что оно не намерено причинить больший вред, чем тот, который оно стремилось предотвратить, в доктрине сформировалось положение о том, что в рамках этой нормы допускается применение большего вреда, чем предотвращенного [2, с. 152].

Трудно не согласиться с такими доводами, особенно в тех случаях, когда лицо оказывается в обстановке вооруженного конфликта и для защиты мирного населения применяет оружие, к примеру для уничтожения военной техники, из которой ведется обстрел жилых кварталов, больницы, школ и иных объектов социальной

инфраструктуры, от которой гибнет мирное население, если в результате этого гибнут военнослужащие, принимающие участие в вооруженном конфликте против мирного населения.

В любом случае при определении правомерности или неправомерности поведения такого лица важно выяснить «необходимость» и «разумность» его поведения, т.к. иначе ответственность исключаться не будет.

Интересным в международном уголовном праве является и другое обстоятельство, исключаящее уголовную ответственность, – исполнение приказа командира (начальника).

Русский криминалист Н.С. Таганцев писал, что «теория слепого и безответственного подчинения приказу начальника могла возникнуть в эпоху рабства, абсолютных деспотий разного рода, его можно было поддерживать при существовании крепостного права, но такое учение неминуемо должно исчезать при первых зачатках гражданской свободы» [3, с. 546].

Уголовно-правовые принципы ответственности в случае исполнения приказа были сформулированы в международном уголовном праве в связи с учреждением и деятельностью Нюрнбергского международного военного трибунала по делу военных преступников. На этом процессе защита выдвинула довод, что обвиняемые совершали деяния либо по приказу своего начальника, либо на основании распоряжения своего правительства. В соответствии с этим они будто бы не могли отказаться от выполнения обязательных для них приказов и, следовательно, осуждаются несправедливо. Однако Нюрнбергский трибунал отверг такую трактовку и установил, что наличие преступного приказа не освобождает исполнителя от ответственности... если фактически был возможен сознательный выбор... хотя и может рассматриваться как повод для смягчения наказания [4, с. 113].

Вскоре эта норма была возведена в ранг общего принципа международного права согласно Резолюции 95(1) Генеральной Ассамблеи ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала», принятой 11 декабря 1946 г. на 55-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Принцип IV гласит: «То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен». Сознательный выбор означает, что лицо понимает преступность отданного приказа и имеет реальную возможность выбора – исполнить его или нет.

Далее принцип ответственности за исполнение заведомо преступного приказа был по-

следовательно отражен в уставах Токийского трибунала, международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, Римском Статуте Международного уголовного суда, а также в Конвенции против пыток 1984 г. и ряде других международных документов.

Так, ст. 33 Статута определяет, что приказ вышестоящих лиц не освобождает от уголовной ответственности, если не имеют места три исключительных обстоятельства: «(а) данное лицо по требованию закона обязано выполнять распоряжения правительства или вышестоящего лица; (b) данное лицо не знало о противозаконности приказа; (с) приказ не был явно противозаконным» [5, с. 256]. Единновременное наличие всех этих обстоятельств освобождает исполнителя от уголовной ответственности за исполнение незаконного приказа, за исключением исполнения приказа о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности, например убийство гражданского населения в обстановке вооруженного конфликта, т.к. такого рода приказы являются явно незаконными [6, с. 126–127].

Вышеизложенные обстоятельства порождают вполне закономерный, но сложный в правоприменительной деятельности вопрос о применении указанных выше критериев в реальной действительности, в условиях участия военнослужащих в вооруженном конфликте.

Для наглядной иллюстрации неоднозначности в применении данного обстоятельства приведем пример из российской судебной практики по уголовному делу Э. Ульмана.

Обстоятельства дела заключались в том, что 11 января 2002 г. группа № 513 спецназа ГРУ в составе 12 человек под командованием Э. Ульмана десантировалась в 3 км юго-восточнее села Дая, недалеко от села Циндой, и организовала засаду в разрушенной кошаре в 5 м от дороги Дай – Циндой, ведущей в Грузию. Согласно показаниям свидетеля, старшего сержанта Э. Попова, находившегося в группе Ульмана, при появлении машины с пострадавшими «Ульман выбежал на дорогу и взмахом руки приказал остановиться двигавшемуся «УАЗику». Машина не только не остановилась, а попыталась сбить Ульмана, после чего он отскочил в сторону, сделал предупредительный выстрел, машина продолжила движение, и только потом дал команду стрелять».

При осмотре автомашины в ней были обнаружены 6 человек: 5 мужчин и женщина. Один пассажир в результате обстрела погиб, двое получили огнестрельные ранения. Выведя из машины пятерых задержанных, военные оказали первую медицинскую помощь раненым Тубурову и Сатабаеву, после чего по приказу Э. Ульмана перевели задержанных в близлежащую ложбину и оставили там под охраной.

Оружия и боеприпасов в обстрелянном автомобиле не оказалось. Сразу после задержания Э. Ульман доложил обстановку в штаб, запросил эвакуацию раненых и сообщил паспортные данные задержанных. Поздно вечером майор А. Перелевский передал приказ уничтожить оставшихся в живых. Э. Ульман три раза просил повторить приказ, в последний раз дав прослушать его всем бойцам своего подразделения, но приказ был подтвержден. После этого Э. Ульман приказал лейтенанту А. Калаганскому и прапорщику В. Воевдину расстрелять задержанных.

Несмотря на дважды вынесенные оправдательные приговоры, в 2007 г. Северо-Кавказский окружной военный суд вынес при третьем судебном разбирательстве обвинительный приговор, указав, что Э. Ульман принял личное решение об убийстве гражданских лиц.

Вот здесь и возникает вопрос, применимы ли указанные в ст. 33 Статута обстоятельства, при совокупности которых исполнитель приказа освобождается от уголовной ответственности за исполнение незаконного приказа.

По нашему мнению, если анализировать приведенный пример по уголовному делу Э. Ульмана, обстановка, в которой оказалась его группа, получив приказ на уничтожение задержанных лиц, при наличии оперативной информации о том, что на блокпост Э. Ульмана будет совершено нападение, свидетельство-

вала о неосознании незаконности отданного приказа из штаба объединенной группировки российских войск.

В зарубежной доктрине существует позиция, согласно которой отсутствие «осознания незаконности» приказа исполнителем может иметь место только в случае неясности нормы материального права – при этом бремя доказывания своей невиновности лежит на исполнителе приказа [7, с. 155].

Возможно ли распространение подобных правил по отношению к военнослужащим украинской армии и иным вооруженным лицам, проводящим вооруженные зачистки на территории двух областей Украины, при условии, что задержанные 10 июня 2014 г. четверо военнослужащих украинской армии при допросе сообщили, что «исполняя приказ, они не знали, что в городе находятся мирные жители, а командиры в приказе указали, что там находятся только террористы». Считаем, что вряд ли, т.к. никаких оснований рассчитывать на то, что мирное население эвакуировано, у украинских военнослужащих нет, в том числе и при отсутствии созданного «гуманитарного коридора».

В доктрине обоснована позиция, согласно которой ответственность за причиненный вред во исполнение обязательного, но преступного приказа должна наступать тогда, когда исполнитель имел реальную возможность при той ситуации не исполнять приказ [5, с. 53].

1. Клуб «Реалисты». Информ.-аналит. бюл. 1995. № 11.

2. Международное уголовное право / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 2-е изд. М., 2014.

3. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1888.

4. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И.А. Ледях, И.И. Лукашука. М., 1995.

5. Наумов А.В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 12.

6. Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключающие ответственность, в современном международном уголовном праве // Криминологический журн. Байкальск. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 4.

7. Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск, 2000.

1. Club «Realists». Information-analytic bull. 1995. № 11.

2. International criminal law / ed. by A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 2nd ed. Moscow, 2014.

3. Tagantsev N.S. Lectures on Russian criminal Law. General Part. St. Petersburg, 1888.

4. Nuremberg process: law against war and fascism / ed. by I.A. Ledyakh, I.I. Lukashuk. Moscow, 1995.

5. Naumov A.V. Crimes against peace and security of mankind and international character's crimes // State and law. 1995. № 12.

6. Kibalnik A.G. Circumstances for excepted responsibility in modern international criminal law // Criminological journal of Baikal economic and law state university. 2013. № 4.

7. Fisenko I.V. Struggle against international crimes in international criminal law. Minsk, 2000.

Иванов Сергей Анатольевичкандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета**Шибков Олег Николаевич**кандидат юридических наук, доцент,
прокурор Промышленного района г. Ставрополя

(тел.: +78652330141)

Уголовно-правовое отношение как сфера осуществления коррупционного поведения его субъектов

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения большого коррупциогенного потенциала уголовно-правового отношения, которое проявляется при реализации своих прав и обязанностей субъектами правоотношения. В статье раскрываются основные коррупциогенные моменты в уголовно-правовых отношениях, прослеживается их взаимосвязь с объектом и характером уголовно-правового отношения. Отмечается, что на каждой стадии уголовного правоотношения возможно коррупционное поведение его субъектов, особенно для того этапа развития уголовно-правового отношения, при котором оно развивается в рамках уголовно-процессуального отношения.

Ключевые слова: уголовно-правовое отношение, субъект уголовно-правового отношения, объект уголовно-правового отношения, права и обязанности субъектов уголовно-правового отношения, охранительное правоотношение, регулятивное правоотношение, коррупциогенный характер уголовно-правового отношения.

S.A. Ivanov, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University;

O.N. Shibkov, Master of Law, Assistant Professor, Prosecutor of Promyshlenny District of Stavropol; tel.: +78652330141.

Criminal-legal relation as a sphere of implementation of the corrupt behavior of its subjects

The relevance of the article due to the need of studying the potential of a large corruption-criminal legal relationship, which manifests itself in the exercise of their rights and obligations of legal entities. The article describes the main points in the corruption-criminal legal relations. Their relationship with the object and nature of the criminal-law relationship is traced. It is noted that at each stage of the criminal legal relationship possible corrupt behavior of its subjects, especially for the stage of development of criminal law relations in which it is developing in the framework of criminal procedure relations.

Key words: criminal-law relationship, subject of criminal-law relationship, object of criminal law relations, rights and duties of the subjects of criminal-law relationship, protective legal relationship, regulatory relations, corruption-criminal nature of the legal relationship.

В том или ином аспекте уголовно-правовые отношения уже давно стали предметом серьезного научного исследования. Ученые выдвигают различные теории уголовно-правового отношения, которые различаются между собой в определении момента начала уголовных правоотношений, их субъектного состава, объекта и содержания (т.е. взаимосвязанной совокупности прав и обязанностей субъектов правоотношения). Множественность концепций уголовно-правового

отношения объясняется не только охраной уголовным правом всех наиболее существенных для социума общественных отношений, регулирование которых осуществляется нормами других отраслей права (конституционного, гражданского, семейного, налогового и др.), но и включением уголовно-правового отношения в форму уголовно-процессуального или уголовно-исполнительного правоотношения. Поэтому для уголовного правоотношения всегда является актуальным вопрос о его отграниче-

нии от иных видов правоотношений, складывающихся в обществе. В то же время мало у кого из ученых возникает сомнение в самостоятельном характере уголовно-правового отношения, с присущими исключительно ему специфическими моментами: основаниями возникновения, объектом, субъектами и содержанием.

Одним из наиболее спорных моментов является определение природы юридических фактов, влекущих возникновение уголовно-правового отношения, что является особенно важным в коррупциогенном плане. Основополагающее понятие юридического факта выработала общая теория права, которая рассматривала его как конкретное жизненное обстоятельство, с которым правовая норма связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношения [1, с. 360]. Наряду с юридическим фактом, многие авторы учебной и научной литературы по праву склонны выделять понятие фактического состава, состоящего из совокупности юридических фактов [1, с. 361]. Достаточно ясное представление об основании возникновения правоотношения в общетеоретической плоскости отнюдь не предопределило определенность и точность учения о юридическом факте в теории уголовного права. И даже напротив, в уголовно-правовой литературе сложились несколько точек зрения по моменту возникновения уголовно-правового отношения, вступающих друг с другом в существенные противоречия. Под юридическим фактом, влекущим появление уголовного правоотношения, разными учеными понимаются следующие обстоятельства: 1) вступление в законную силу обвинительного приговора суда [2, с. 158]; 2) возбуждение уголовного дела [3, с. 62]; 3) привлечение лица в качестве обвиняемого [4, с. 34]; 4) совершение преступления [5, с. 92]. Для того чтобы понять, какая из представленных точек зрения ближе к истине, необходимо обратить внимание на раскрытие природы уголовного правоотношения, которое не заключается лишь в правильном определении его понятия.

В теории уголовного права общепризнанной является позиция, согласно которой имеется два вида уголовно-правовых отношений: охранительные и регулятивные. Главное их отличие между собой заключается в основании возникновения: при охранительных правоотношениях это совершение преступления, а при регулятивных правоотношениях – обсто-

ятельство, дающее право на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны. Иногда в уголовно-правовой литературе учебного и научного направления выделяют также общепредупредительные отношения, суть которых заключается в предотвращении причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. По мнению В.А. Номоконова, «эти отношения возникают с момента вступления в силу уголовно-правовых норм и распространяются на всех субъектов уголовно-правового права – государство и всех граждан, могущих быть субъектами уголовного права» [6, с. 448]. При этом не совсем понятно, чем охранительные отношения отличаются от общепредупредительных, ведь и те, и другие уголовно-правовые отношения выполняют одну и ту же функцию, а именно призваны обеспечить безопасность объектов уголовно-правовой охраны от причинения им вреда совершенным виновным лицом преступлением. К тому же термин «общепредупредительные» вообще не является точным применительно к уголовным правоотношениям, поскольку ограничивает задачи уголовного права лишь общей превенцией, не охватывая при этом специальную превенцию, направленную на лиц, уже совершивших преступления. Из сказанного нетрудно сделать вывод, что такой этап в развитии охранительных уголовно-правовых отношений правильнее называть предупредительными отношениями, включающими в качестве субъектов таких отношений как лиц, ранее совершавших преступления, так и всех остальных лиц, которые потенциально могут причинить вред объекту уголовно-правовой охраны, совершив против него преступление. Причем стоит особо обратить внимание на то обстоятельство, что предупредительные отношения являются именно определенной фазой существования охранительного уголовно-правового отношения, наряду с его карательной фазой, начинающейся после совершения виновным лицом преступления. Таким образом, ни возбуждение уголовного дела, ни привлечение лица в качестве обвиняемого, ни вступление в законную силу обвинительного приговора суда однозначно не являются основаниями возникновения уголовно-правового отношения, поскольку относятся к наиболее важным юридическим фактам, обусловливающим возникновение, изменение и прекращение уголовно-процессуального отношения. Уголовно-процессуальное отношение,

конечно, связано с уголовно-правовым отношением, но предполагает и свое содержание, и свои основания возникновения, а в некоторых случаях и свой, специфический субъектный состав (например, при признании потерпевшими родственников погибшего в результате преступления лица). Однако уголовно-процессуальное отношение не зря считается в теории уголовного права способом движения и развития уголовно-правового отношения. Оно способно оказывать существенное влияние на содержание уголовно-правового отношения и даже прекратить существование его карательной фазы (в силу положений ст. 75, 76 УК РФ и т.д.). После вступления обвинительного приговора суда в законную силу способом развития уголовно-правового отношения становится уголовно-исполнительное отношение. В случае же вынесения оправдательного приговора суда или вынесения обвинительного приговора суда без назначения наказания прекращается только уголовно-процессуальное отношение, а уголовно-правовое отношение переходит в предупредительную фазу. Таким образом, и государство, и физические лица постоянно состоят в уголовно-правовых отношениях, без которых невозможна охрана важнейших социальных ценностей от преступных посягательств.

Охранительные уголовные отношения по своей природе являются в основном вертикальными (властно-подчиненными) отношениями, в которых властно-распорядительные полномочия сосредоточены в руках государства, а подчиненное положение занимает лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет и совершившее тем самым преступление. Есть элементы властно-распорядительного характера и в регулятивных правоотношениях, ведь признание за субъектом права на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны также находится в руках государства. В ряде случаев уголовно-правовое отношение, причем относящееся как к регулятивному, так и к охранительному виду, включает еще и фигуру потерпевшего, который является самостоятельным субъектом со своими правами и обязанностями.

Содержание уголовно-правового отношения связано с конкретными этапами развития уголовно-правового отношения, т.к. на каждом из его этапов у субъектов изменяется круг присущих им прав и обязанностей. Уголовно-право-

вое отношение возникает с момента принятия уголовного закона, устанавливающего запрет на причинение вреда тому или иному социальному благу. Это социальное благо (ценность, правоотношение и т.п.), по поводу охраны которого возникает уголовно-правовое отношение, выступает одновременно и в качестве его объекта. Каждое виновное лицо вступает в охранительное уголовно-правовое отношение с момента достижения определенного уголовным законом возраста. Таким образом, уголовно-правовое отношение на предупредительном этапе носит абсолютный характер, поскольку устанавливается между государством и неопределенным кругом лиц.

На первоначальном этапе уголовно-правового отношения у государства в лице его правоохранительных органов имеется обязанность по обеспечению соблюдения уголовно-правового запрета и право на привлечение к уголовной ответственности лиц, которые такой запрет нарушили, а у лица – обязанность соблюдать установленные государством уголовно-правовые запреты и право не подлежать незаконному привлечению уголовной ответственности за преступления, которые оно не совершало. К сожалению, уже на этом этапе существования уголовно-правового отношения имеет место коррупционное поведение субъектов. Зачастую правоохранительные органы оказывают давление на лиц, путем угрозы привлечения их к уголовной ответственности с целью добиться от них различных материальных выгод, включая и передачу определенных сумм денежных средств. Осознавая свою беспомощность перед государственной машиной, индивидuum нередко идет на компромисс и вступает в коррупционную сделку с органами правопорядка. Особенно часто такая ситуация возникает в экономической сфере при осуществлении предпринимательской деятельности. Во многом возможности правоохранительных органов оказывать давление на лиц способствует неопределенность и чрезмерная абстрактность признаков составов преступлений, которые могут пониматься весьма неоднозначным образом, охватывая при этом слишком широкий круг деяний.

На втором этапе, после совершения виновным лицом преступления, у государства возникает право на привлечение виновного к уголовной ответственности и обязанность подвергнуть лицо, совершившее преступле-

ние, уголовной ответственности по основаниям и в пределах, определенных законом. У виновного же лица, в свою очередь, возникает обязанность подвергнуться уголовной ответственности и дать отчет в содеянном перед государством и право подлежать уголовной ответственности только на основаниях и в пределах, установленных законом. Коррупционное поведение субъектов уголовного правоотношения возникает в связи со стремлением виновного избежать уголовной ответственности путем передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера представителям правоохранительных органов, которые свои личные и корыстные интересы поставили выше государственных, стремясь поживиться за счет виновного лица. Если же участником уголовно-правового отношения выступает потерпевший, одним из основных полномочий которого является возможность удовлетворить притязания, связанные с нарушением его прав, посредством обращения к государству с требованием привлечения виновного к уголовной ответственности [7, с. 210], на него может оказываться давление со стороны коррумпированных органов, для того чтобы он пошел на примирение с виновным лицом и тем самым освободил его от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ.

На практике бывает и другая форма коррупционного поведения субъектов уголовно-правовых отношений, связанная с необоснованным ограничением права лица, совершившего преступление, на освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным законом. Особенно это касается так называемых дискреционных освобождений от уголовной ответственности, применение которых зависит от усмотрения правоохранительных органов. Нередко они выставляют виновному лицу свои требования, от выполнения которых зависит его освобождение от уголовной ответственности, превращая тем самым уголовное правоотношение во «взаимовыгодное партнерство» виновной стороны и правоохранительных органов.

От усмотрения правоприменительных органов зависит и то, каким именно образом представить совершенное виновным лицом деяние: как преступление или как правомерное причинение вреда в рамках обстоятельств, исключающих деяние, что делает особенно заинтересованным виновное лицо в коррупцион-

ной сделке, т.к. освобождает его от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям. Как видим, коррупционные отношения могут таким образом превращать охранительные отношения в регулятивные, тем более, что большинство положений ст. 37–42 УК РФ носят оценочный характер, что неизбежно порождает различные способы их толкования в ходе правоприменительной деятельности.

На третьем этапе при вынесении судом обвинительного приговора у лица, совершившего преступление, возникает обязанность подвергнуться тому виду и размеру наказания, которое назначено судом, и право требовать себе назначения справедливого наказания либо право быть освобожденным от наказания, если имеются на это законные основания. Государство в лице своих органов наделено встречными правами и обязанностями, основными из которых являются право назначать наказание по своему усмотрению, но в пределах, установленных законом, и обязанность назначить виновному справедливое наказание или освободить от него по основаниям, предусмотренным уголовным законом. Коррупционные злоупотребления со стороны субъектов уголовного правоотношения на данном этапе весьма велики, т.к., по сути дела, именно от стадии назначения наказания зависит окончательный объем карательного воздействия на виновное лицо. Это становится особенно актуальным в настоящее время, поскольку широкий размер подавляющего большинства санкций УК РФ дает существенный простор для судебного усмотрения [8, с. 22–25].

Теоретически коррупционное поведение может иметь место и на стадии отбытия наказания. Оно становится возможным в связи с существованием в нашей стране прогрессивной системы исполнения наказаний, допускающей замену назначенных наказаний более строгими или менее строгими видами наказаний либо возможность освобождения виновного от наказания по истечении определенного срока наказания. Однако на практике коррупционное поведение субъектов на данном этапе развития уголовного правоотношения вряд ли носит распространенный характер. Виновный уже все равно отбывает наказание, а соответственно, будет иметь и судимость, его социальные связи нарушены, и он, соответственно, менее заинтересован в устранении дальнейших уголовно-правовых последствий совершенного

преступления. И только наличие коррупционных факторов в нормах, регулирующих рассматриваемый этап уголовных правоотношений, позволяет нам указать на возможное возникновение коррупционных взаимоотношений.

На стадии судимости, для которой характерно уголовно-правовое отношение, продолжающееся после отбытия виновным наказания, имеется только один потенциальный коррупциогенный момент, а именно возможность досрочного снятия судимости, но, как и на стадии отбывания наказания, оно редко реализуется на практике. Интерес у виновного лица к коррупционной сделке, направленной на досрочное снятие с него судимости, может возникнуть лишь в связи с появлением новых важных для него социальных контактов, при которых потре-

буется отсутствие судимости (например, при устройстве на работу).

Завершая рассмотрение коррупционных моментов уголовно-правового отношения, следует отметить два заслуживающих внимание обстоятельства:

1) коррупционные моменты уголовно-правового отношения связаны, как правило, с возникновением, изменением или прекращением уголовной ответственности;

2) коррупционные моменты в большей степени характерны для охранительных уголовных правоотношений, поскольку именно они строятся на основе властно-подчиненного принципа, являющегося необходимой средой для возникновения коррупционной сделки.

1. Теория государства и права. М., 1985.

2. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965.

3. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982.

4. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967.

5. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. М., 1984.

6. Российское уголовное право: курс лекций. Владивосток, 1999. Т. 1.

7. Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М., 2013.

8. Кибальник А. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства // Законность. 2011. № 9.

1. Theory of state and law. Moscow, 1985.

2. Smirnov V.G. Functions of the Soviet criminal law. Leningrad, 1965.

3. Santalov A.I. Theoretical questions of criminal liability. Leningrad, 1982.

4. Braynin Ya.M. Penal statute and its application. Moscow, 1967.

5. Prokhorov V.S. Crime and responsibility. Moscow, 1984.

6. Russian criminal law: course of lectures. Vladivostok, 1999. Vol. 1.

7. Sidorenko E.L. Dispositive mode of criminal legal regulation. Moscow, 2013.

8. Kibalnik A. Where «humanization» of the penal legislation will lead to // Legality. 2011. № 9.

Лепешкина Оксана Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(e-mail: oksanalep02@mail.ru)

Смертная казнь в России в контексте мировой тенденции к отмене

В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция к отказу от применения смертной казни: по состоянию на конец 2013 г. из 198 государств смертная казнь была законодательно отменена в 108 государствах. Отмена смертной казни в современной России обусловлена исторической тенденцией к сужению пределов применения этой меры уголовного наказания, смягчением общественной поддержки этого наказания и построением правового государства с признанием приоритета прав человека. Пожизненное лишение свободы является адекватной альтернативой смертной казни и не влечет таких негативных последствий.

Ключевые слова: смертная казнь, право на жизнь, пожизненное лишение свободы, Россия.

O.I. Lepeshkina, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law of the North-Western Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: oksanalep02@mail.ru

Capital punishment in Russia is in the context of a worldwide tendency to abolition

Presently there is an established tendency observed worldwide to repudiation of capital punishment: by the end of 2013 108 from 198 states have abolished the death penalty de jure. The abolition of capital punishment in contemporary Russia is conditioned by the historical tendency to restriction of limits of enforcement of this criminal penalty, decrease of supporters of this penalty in the population and by formation of jural state with official recognition of priority of human rights. Life imprisonment is an adequate alternative to capital punishment and not has such negative results.

Key words: capital punishment, death penalty, right to live, life imprisonment, Russia.

В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция к отказу от применения смертной казни, отражающая приверженность многих государств основополагающим гуманистическим ценностям. Данная тенденция отчетливо обозначилась в 90-е гг. XX в. и сохраняется в начале XXI в. Так, по данным Р. Худа, если в 1965–1988 гг. ежегодно в среднем одно государство отменяло смертную казнь, то в 1989–2000 гг. такое решение принималось тремя государствами [1, р. 333].

По данным девятого пятилетнего обзора ООН «Смертная казнь и применение мер, гарантирующих защиту прав тех, кому грозит смертная казнь» за 2009–2013 гг., по состоянию на 31 декабря 2013 г. из 198 государств смертная казнь была законодательно отменена уже в 108 государствах (в 101 – за все преступления, в 7 – за преступления, совершенные в мирное время), в 51 хотя и сохранялась

в законодательстве, но в течение 10 лет на практике не применялась; применялась смертная казнь в 39 странах [2, с. 20]. Данный обзор подтверждает наличие в мире тенденции к отмене смертной казни, причем значительно увеличилось число государств, полностью отменивших это наказание. В ряду государств, применяющих смертную казнь, как указано в обзоре ООН, лидирующее положение по числу казней занимали следующие пять: Китай – 1000, Иран – 540, Ирак – 170, Саудовская Аравия – 78, КНДР – 40.

Результаты сравнительно-правового исследования [3] показали, что отмена смертной казни в зарубежных странах происходила, как правило, в результате установления моратория на применение этой меры наказания. В ряде государств (Венгрия, Литва, Украина, ЮАР) решающую роль в этом процессе сыграли решения органов судебного конституционного контроля, признавших законодательство, предусматри-

вающее смертную казнь, не соответствующим положениям Основного закона страны о неотъемлемом характере основного права на жизнь и запрете жестоких наказаний. Так, по крайней мере, за преступления, совершенные в мирное время, смертная казнь отменена в странах Европы, а также в ЮАР, Израиле и Турции. В нескольких странах смертная казнь была отменена еще в XIX – начале XX в.

Смертную казнь законодательно отменили семь государств – участников Содружества Независимых Государств: Молдова (в 1995 г.), Азербайджан (в 1998 г.), Украина и Туркменистан (в 1999 г.), Армения (в 2003 г.), Кыргызстан (в 2007 г.) и Узбекистан (в 2008 г.). В Казахстане в 2003 г. [4], в Таджикистане в 2004 г. [5] был установлен мораторий на применение смертной казни.

Вместо смертной казни (по данным последнего пятилетнего обзора ООН) в большинстве государств предусмотрено пожизненное лишение свободы. В 30 странах установлено лишение свободы на срок от 20 (Кот-д'Ивуар, Испания) до 140 лет (Мексика). В большинстве стран в отношении таких осужденных допускается возможность условно-досрочного освобождения, для осужденных к пожизненному лишению свободы минимальный срок отбывания наказания составляет от 8 лет (Вануату) до 40 лет (Ирландия) [2, с. 74–76].

Единственной страной в СНГ и в целом в Европе, где применяется смертная казнь, является Республика Беларусь. Вместе с тем, по данным пятилетних обзоров ООН, показатель числа казней в Республике Беларусь в расчете на 1 млн человек сократился с 3,20 в 1994–1998 гг. до 0,15 в 2009–2013 гг. [2, с. 25]. Кроме того, ранее Конституционный Суд Республики Беларусь в заключении от 11 марта 2004 г. № 3-171/2004 «О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни», в частности, постановил: «...2. Считать, что часть третья статьи 24 Конституции Республики Беларусь, установившая возможность применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания лишь до ее отмены, позволяет принять решение об объявлении моратория на применение смертной казни или о полной отмене этого наказания...» [6, с. 297–298].

В США в начале XXI в. также наблюдается тенденция к отказу от смертной казни [7]. Так, из 53 самостоятельных правовых систем (по данным Информационного центра по смертной казни в США) смертная казнь законодательно отменена в округе Колумбия (в 1981 г.), в «свободно присоединившемся государстве» Пуэрто-Рико (в 1929 г.), а также в 19 штатах, причем в семи из них – с начала 2000-х гг.: Нью-Джерси и Нью-Йорк (в 2007 г.), Нью-Мексико (в 2009 г.), Иллинойс (в 2011 г.), Коннектикут (в 2012 г.), Мэриленд (в 2013 г.), Небраска (в 2015 г.). В четырех штатах губернаторами объявлен мораторий на применение смертной казни: Орегон (в 2011 г.), Колорадо (в 2013 г.), Вашингтон (в 2014 г.) и Пенсильвания (в 2015 г.) [8].

С 2000 г. в США происходит сокращение практики применения смертной казни, как назначения, так и исполнения: средний показатель числа казней в США (на 1 млн человек) сократился с 0,20 в 1994–1998 гг. до 0,14 в 2009–2013 гг. [2, с. 25]. С 1977 по 2015 г. (после отмены в 1976 г. моратория) в США было казнено 1422 человека, а число казненных в год не превышало 98 человек, сколько их составило в 1999 г. С начала 2000-х гг. число приведенных в исполнение приговоров к смертной казни сократилось с максимума – 85 в 2000 г. до 28 – в 2015 г. [8].

В федеральной юрисдикции в период с 1977 по 2015 г. было казнено трое осужденных (двое – в 2001 г., один – в 2003 г.). По приговорам военных судов в США было казнено 160 человек в период с 1930 по 1961 г. [9].

Практика применения смертной казни в США существенно различается по регионам, и значительная часть казней приходится на Юг страны, прежде всего штат Техас. По четырем регионам страны, которые выделяются в статистике США, практика применения смертной казни в рассматриваемый период (1977–2015 гг.) выглядит следующим образом. Из 1419 казненных только в штатах большинство было казнено на Юге страны – 1153 (81,3%) (в Техасе – 531, в Оклахоме – 112, в Виргинии – 111, во Флориде – 91), на Средний Запад пришлось 177 казней (12,5%) (в Миссури – 86), на Запад – 85 (6,0%) (в Аризоне – 37), на Северо-Восток – 4 казни (0,3%) (в Пенсильвании – 3) [8]. Таким образом, из 31 штата, в котором сохраняется смертная казнь, в основном применяют эту меру наказания пять: Техас, Оклахома, Виргиния, Флорида и Миссури. Наибольшее количе-

ство – 531 человек (37,4%) – было казнено в штате Техас.

Следует отметить, что столь широкое применение смертной казни в этом регионе не может объясняться только уровнем убийств. Так, В.Е. Квашис, сравнив показатели уровня убийств в регионах, пришел к выводу, что «хотя число убийств на Юге страны менее, чем в два раза превышает число убийств на Западе, доля смертных приговоров, вынесенных на Юге (65,0%) почти в 4 раза больше; (на Западе она составляет 17,4%, а на Среднем Западе и на Северо-Востоке страны, соответственно, 11,3% и 6,3%)» [10, с. 234–235].

По мнению В.Е. Квашиса, в США разное отношение властей и населения штатов к высшей мере наказания, а не состояние и динамика убийств определяют масштабы и динамику смертных приговоров [10, с. 292].

Рассматривая состояние смертной казни в США, следует указать на то, что с середины 1990-х гг. происходит ослабление общественной поддержки американцами этого наказания. По данным ежегодного опроса, проведенного Институтом Гэллага в 2015 г., на вопрос об отношении «за» или «против» применения смертной казни за убийство 61% респондентов ответили «за», 37% – «против», 2% затруднились ответить [11]. Опрос показал существенное уменьшение числа сторонников этого наказания по сравнению с максимумом (80%) в 1994 г. за весь период исследования начиная с 1937 г.

В заключение мирового обзора следует указать на то, что общемировая тенденция к отмене смертной казни проявилась также в отказе от ее применения за международные преступления. В Уставе Международного Уголовного Суда от 17 июля 1998 г. в качестве наиболее строгого вида наказания предусмотрено пожизненное лишение свободы (п. «а» ст. 47) [12, с. 250].

Полагаем, что Россия также находится на пути к отмене смертной казни. Проведенный нами историко-правовой обзор показал, что установление смертной казни в Древнерусском государстве и ее последующее распространение было обусловлено влиянием византийского права и русской церкви. Первоначально смертная казнь предусматривалась только за имущественные преступления. Так, в «Повести временных лет» упоминается о введении в 996 г. смертной казни за разбой [13, с. 86–87]. В по-

следующем сфера применения смертной казни была существенно расширена, а также появились ее квалифицированные виды. Однако в основном в дооктябрьский период истории России смертная казнь применялась за государственные преступления. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. смертная казнь была отменена [14].

Широко применялась смертная казнь – «высшая мера наказания» – в Советском государстве, в том числе с нарушением принципов законности, запрета придания обратной силы более строгому закону. Известно, что Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1961 г. «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях» [15] (вводилась смертная казнь) была придана обратная сила в отношении «валютчиков» Рокотова, Файбишенко и Яковлева, которые были расстреляны. На основании постановления Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1964 г. «О неприменении в виде исключения ч. II ст. 22 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик к Нейланду А.В.» Нейланд был приговорен к смертной казни за убийство при отягчающих обстоятельствах, совершенное им в 14-летнем возрасте [16], и казнен. В этот период смертная казнь служила, прежде всего, защите политического режима. За убийство смертная казнь была введена только в 1954 г. [17]. Тем не менее, хотя на непродолжительное время, в советский период смертная казнь отменялась: в 1917 г. [18] – на фронте, в 1920 [19] и 1947 [20] гг. – за преступления, совершенные в мирное время.

Отмена смертной казни в современной России обусловлена построением правового государства с признанием приоритета прав человека перед интересами общества и государства.

В Уголовном кодексе РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 1 мая 2016 г. № 139-ФЗ) [21] смертная казнь сохраняется в системе наказаний (п. «н» ст. 44). Однако в настоящее время, как известно, применяться смертная казнь в России не может. Последний смертный приговор в нашей стране был приведен в исполнение 2 сентября 1996 г. [22, с. 158–159].

Запрет на назначение смертной казни был установлен Конституционным Судом РФ в постановлении от 2 февраля 1999 г. № 3-П: «до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей

территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» (п. 5) [23].

Запрет на вынесение смертных приговоров до введения судов присяжных на всей территории России был подтвержден Конституционным Судом РФ в постановлении от 6 апреля 2006 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» [24].

19 ноября 2009 г. Конституционный Суд РФ по ходатайству Пленума Верховного Суда РФ вынес определение № 1344-О-Р о разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления от 2 февраля 1999 г. № 3-П [25]. Конституционный Суд РФ определил, что «положения пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, означают, что исполнение данного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность приме-

нения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей» (п. 1).

Как верно отмечают Л.Г. Берлявский и Н.А. Тарабан, это определение «стало неотъемлемой частью постановления Конституционного Суда от 2 февраля 1999 г. и должно применяться в нормативном единстве с ним» [26].

Российская Федерация, подписав 16 апреля 1997 г. Протокол № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [27], в рамках интеграционного процесса в Европейское сообщество, приняла на себя и международно-правовое обязательство отменить это наказание. Данный Протокол направлен на отмену смертной казни в мирное время: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен» (ст. 1) [28, с. 555]. Протокол № 6 допускает возможность оговорки о применении смертной казни за преступления, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны, но приведение в исполнение таких приговоров во время войны или иного чрезвычайного положения запрещено (ст. 3).

Согласно Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с поправ. от 21 июля 2014 г.) [29] «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15) и «должны добросовестно соблюдаться, в том числе путем их учета внутренним законодательством» (п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П) [30].

В соответствии с основным принципом международного права – принципом добросовестного соблюдения договоров (*pacta sunt servanda*), который распространяется на международные договоры и до вступления их в силу, «государство обязано воздерживаться от действий, которые лишали бы договор его объекта и цели, если: а) оно подписало договор... под условием ратификации... до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не становиться участником этого договора...» [31, с. 57]. Данное правило закреплено в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (ст. 18), участником которой является Россия, как государство-правопреемник СССР, и было имплементировано во внутреннее законодательство (ч. 2 ст. 31 Фе-

дерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (с изм. от 12 марта 2014 г.) [32]. Таким образом, Россия еще до вступления для нее Протокола № 6 в силу обязана воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, т.е. смертная казнь применяться не может.

В литературе высказано предложение о необходимости проверки Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на соответствие Конституции РФ для «...эффективной защиты национальной правовой системы» [33, с. 26].

Однако полагаем, как это показал и опыт зарубежных стран, положения Уголовного кодекса РФ о смертной казни, в случае их проверки Конституционным Судом РФ, могут быть признаны не соответствующими Конституции РФ. Конституция РФ, провозгласив Россию демократическим правовым государством, закрепила положение о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а основные права и свободы человека признала природными и неотчуждаемыми (ст. 2, 17, ч. 2). Согласно ст. 18 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими...». Таким образом, основные права человека, как указывает С.С. Алексеев, «приобрели прямое юридическое действие и заняли (точнее, начали занимать) центральное место во всей юридической системе современного гражданского общества» [34, с. 613]. В соответствии с ч. 1 ст. 20 Конституции РФ «каждый имеет право на жизнь». Право на жизнь – это абсолютное право, которое, в отличие от других, не может быть ограничено.

Смертная казнь – это архаичный вид наказания, который противоречит общечеловеческим этическим требованиям и представляет собой пример неправа. Применение смертной казни неизбежно сопряжено с негативными социальными последствиями, а исполнение этой меры необратимо.

Как показывают результаты криминологических исследований, применение смертной казни статистически значимого общепредупредительного эффекта не имеет. Так, В.А. Никонов при сопоставлении показателей удельного веса смертной казни и уровня убийств за период 1986–1992 гг. пришел к выводу об отсутствии корреляции между переменными, из чего

следует, что в числе факторов, обуславливающих уровень убийств, смертная казнь не играет никакой роли [35, с. 119].

Сравнив показатели уровня убийств до установления в России моратория на применение смертной казни и после, В.Е. Квашиш пришел к выводу, что после введения моратория на смертную казнь (фактически с 1997 г.) динамика убийств не изменилась к худшему, наоборот, «число убийств уже в первые три года сократилось, а затем этот показатель стабилизировался и оставался практически таким же в течение 10 лет» [10, с. 541].

Количество зарегистрированных убийств (с покушениями), по данным МВД России, снизилось с 29285 в 1997 г. до 11496 в 2015 г. [36].

Указанные обстоятельства все в большей мере осознаются населением страны. Так, опрос, проведенный ВЦИОМ в 2010 г., показал, что 51% респондентов считает, что никто не в праве лишать человека жизни, даже если человек совершил тяжкое преступление; 59% были скорее согласны с тем, что велика вероятность судебной ошибки наказания невиновного, поэтому смертная казнь приносит обществу больше вреда, чем пользы [37]. За применение смертной казни высказались тогда 44% опрошенных, 29% считали возможным сохранить нынешнее положение, когда наложен мораторий на смертную казнь, 18% выступали за законодательную отмену смертной казни, 10% затруднились ответить.

Опросы, проведенные Левада-Центром с 2002 по 2013 г., показывают, что число сторонников смертной казни в России постепенно сокращается, в основном за счет увеличения числа тех, кто согласен с существующим положением – неприменением смертной казни. С таким положением были согласны 23% опрошенных в 2013 г. (12% – в 2002 г.). За отмену смертной казни высказались 11% в 2013 г. (12% – в 2002 г.). Доля сторонников смертной казни составила по позициям: следует восстановить в прежних пределах – 38% в 2013 г. (49% – в 2002 г.); расширить применение смертной казни – 16% в 2013 г. (19% – в 2002 г.) [38].

Считаем, что в России, которая стремится стать подлинно правовым государством, смертная казнь должна быть отменена. В связи с этим предлагаем ратифицировать Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Второй факультативный протокол от 15 декабря 1989 г. (также

направлен на отмену смертной казни в мирное время) к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и исключить из Уголовного кодекса РФ положения о наказании в виде смертной казни.

Вместо смертной казни в качестве исключительной меры наказания, применяемой только за особо тяжкие преступления, представляющие исключительную опасность, предлагаем установить пожизненное лишение свободы. Кроме того, в ст. 57 («Пожизненное лишение свободы») УК РФ указан неполный и несистемно изложенный (как это принято в Особенной части УК РФ) перечень преступлений, за кото-

рые предусмотрено данное наказание, а именно нет состава диверсии (ч. 3 ст. 281). В связи с чем предлагаем ч. 1 ст. 57 УК РФ изложить в следующей редакции: «1. Пожизненное лишение свободы как исключительная мера наказания устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства».

1. Hood R. *Capital punishment: a global perspective* // *Punishment and Society*. 2001. Vol. 3. № 3. P. 331–354.

2. Доклад Генерального секретаря «Смертная казнь и применение мер, гарантирующих защиту прав тех, кому грозит смертная казнь» / Организация Объединенных Наций E/2015/49. Экономический и Социальный Совет, основная сессия 2015 года. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 08.07.2015).

3. Лепешкина О.И. *Смертная казнь: опыт комплексного исследования*. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2010.

4. О введении в Республике Казахстан моратория на смертную казнь: указ Президента РК от 17 дек. 2003 г. № 1251. URL: <http://www.adilet.zan.kz/> (дата обращения: 08.07.2015).

5. Официальный сайт Президента Республики Таджикистан: URL: <http://www.prezident.tj/> (дата обращения: 08.07.2015).

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь (по сост. на 15 сент. 2004 г). Минск, 2004.

7. Лепешкина О.И. *Смертная казнь в США: тенденция к отмене* // *Рос. юрид. журнал*. 2015. № 1. С. 78–85.

8. URL: <http://www.deathpenaltyinfo.org/> (дата обращения: 16.01.2016).

9. Snell T.L. *Prisoners executed under civil authority in the United States, by year, region, and jurisdiction 1977–2013*. URL: <http://www.ojp.usdoj.gov/bjs> (дата обращения: 16.01.2016).

10. Квашис В.Е. *Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы*. М., 2008.

11. Dugan A. *Solid majority continue to support death penalty*. URL: <http://www.gallup.com> (date of access: 06.02.2016).

12. *Российский ежегодник международного права*. 1995. СПб., 1996.

1. Hood R. *Capital punishment: a global perspective* // *Punishment and Society*. 2001. Vol. 3. № 3. P. 331–354.

2. *Report of the General Secretary «Capital punishment and implementation of the safeguards guaranteeing protection of the rights of those facing the death penalty»* / United Nations E/2015/49. Economic and Social Council, main session of 2015. URL: <http://www.un.org> (date of access: 08.07.2015).

3. Lepeshkina O.I. *Capital punishment: the experience of the complex research*. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg, 2010.

4. *On introduction in Kazakhstan of a moratorium on the death penalty: decree of the President of the Republic of Kazakhstan d.d. Dec. 17, 2003 № 1251*. URL: <http://www.adilet.zan.kz/> (date of access: 08.07.2015).

5. Official site of the President of the Republic of Tajikistan: URL: <http://www.prezident.tj/> (date of access: 08.07.2015).

6. *Criminal code of the Republic of Belarus (as amended on Sept. 15, 2004)*. Minsk, 2004.

7. Lepeshkina O.I. *Capital punishment in the USA: tendency to the abolition* // *Russian law journal*. 2015. № 1. P. 78–85.

8. URL: <http://www.deathpenaltyinfo.org/> (date of access: 16.01.2016).

9. Snell T.L. *Prisoners executed under civil authority in the United States, by year, region, and jurisdiction 1977–2013*. URL: <http://www.ojp.usdoj.gov/bjs> (date of access: 16.01.2016).

10. Kvasish V.E. *The death penalty: a global trends, problems and perspective*. Moscow, 2008.

11. Dugan A. *Solid majority continue to support death penalty*. URL: <http://www.gallup.com> (date of access: 06.02.2016).

13. *Повесть временных лет* / под ред. В.П. Адриановой-Перетц: в 2 т. М.; Л. 1950. Т. 1.
14. *Об отмене смертной казни: постановление Временного правительства от 12 марта 1917 г.* // *СУ*. 1917. № 66. Ст. 375.
15. *Ведомости ВС СССР*. 1961. № 27. Ст. 291.
16. *Архив Санкт-Петербургского городского суда за 1964 г. Уголовное дело № 2-34.*
17. *Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство: указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апр. 1954 г.* // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1954. № 11. Ст. 221.
18. *Об отмене смертной казни: декрет Всероссийского съезда Советов от 26 окт. 1917 г.* // *СУ РСФСР*. 1917. № 1. Ст. 10.
19. *Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела): декрет ВЦИК и СНК от 17 янв. 1920 г.* // *СУ РСФСР*. 1920. № 4–5. Ст. 22.
20. *Об отмене смертной казни: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г.* // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1947. № 17.
21. *Собр. законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.
22. *Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни. Москва, 3–4 июня 1999 года*. М., 2000.
23. *Собр. законодательства РФ*. 1999. № 6. Ст. 867.
24. *Рос. газ.* 2006. 12 апр.
25. *Там же*. 2009. 27 нояб.
26. Берлявский Л.Г., Тарабан Н.А. *Право на жизнь и проблема смертной казни: конституционно-правовые аспекты* // *Юрид. мир*. 2013. № 1. С. 19–24.
27. *О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.: распоряжение Президента РФ от 27 февр. 1997 г. № 53-рп* // *Рос. газ.* 1997. 4 марта.
28. *Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева*. М., 1998.
29. *Собр. законодательства РФ*. 2014. № 31. Ст. 4398.
30. *Там же*. 1995. № 33. Ст. 3424.
12. *Russian year-book of International Law*. 1995. St. Petersburg, 1996.
13. *Tale of bygone years* / ed. by V.P. Adrianova-Peretts: in 2 vol. Moscow; Leningrad, 1950. Vol. 1.
14. *On abolition of the death penalty: resolution of the Provisional government d.d March 12, 1917* // *Coll. of statutes*. 1917. № 66. Art. 375.
15. *Bull. of the Supreme Soviet of the USSR*. 1961. № 27. Art. 291.
16. *Archive of the St. Petersburg city court in 1964. Criminal case № 2-34.*
17. *On strengthening of criminal responsibility for murder: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR d.d. Apr. 30, 1954* // *Bull. of the Supreme Soviet of USSR*. 1954. № 11. Art. 221.
18. *On abolition of the death penalty: decree of the All-Russian Congress of Soviets d.d. Oct. 26, 1917* // *Coll. of statutes of the RSFSR*. 1917. № 1. Art. 10.
19. *On the abolition of capital punishment (execution): decree of the all-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars d.d. Jan 17, 1920* // *Coll. of statutes of the RSFSR*. 1920. № 4–5. Art. 22.
20. *On abolition of the death penalty: decree of the All-Russian Congress of Soviets d.d. May 26, 1947* // *Bull. of the Supreme Soviet of the USSR*. 1947. № 17.
21. *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 1996. № 25. Art. 2954.
22. *Russian conference on the problems of the death penalty abolition. Moscow, June 3–4, 1999. Moscow, 2000.*
23. *Coll. of legislation of the Russian Federation* 1999. № 6. Art. 867.
24. *Rus. newsp.* 2006. Apr. 12.
25. *Ibid.* 2009. Nov. 27.
26. Berlyavskiy L.G., Taraban N.A. *The right to life and the problem of the death penalty: the constitutional-legal aspects* // *Legal world*. 2013. № 1. P. 19–24.
27. *On signing of the Protocol № 6 (about abolition of the death penalty) d.d. April 28, 1983 to Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms d.d. November 4, 1950* // *Rus. newsp.* 1997. March 4.
28. *International documents on human rights: coll. of documents / comp. V.A. Kartashkin, E.A. Lukashova*. Moscow, 1998.
29. *Coll. of legislation of the Russian Federation* 2014. № 31. Art. 4398.
30. *Ibid.* 1995. № 33. Art. 3424.

31. Венская конвенция о праве международных договоров: коммент. / сост. А.Н. Талалаев. М., 1997.
32. Собр. законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
33. Виноградова П.А. Правовая природа моратория на смертную казнь // Уголовное право. 2015. № 1. С. 22–27.
34. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.
35. Никонов В.А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: теорет.-метод. иссл. М.; Тюмень, 1994.
36. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 15.04.2016).
37. Казнить нельзя помиловать: где поставить запятую? URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 06.02.2016).
38. Борьба с преступностью и смертная казнь. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения: 06.02.2016).
31. *The Vienna Convention on the Law of Treaties: commentary / comp. A.N. Talalaev. Moscow, 1997.*
32. *Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 29. Art. 2757.*
33. *Vinogradova P.A. The legal nature of moratorium on capital punishment // Criminal law. 2015. № 1. P. 22–27.*
34. *Alekseev S.S. Law: Alphabet. Theory. Philosophy: the experience of the complex research. Moscow, 1999.*
35. *Nikonov V.A. The effect of the common prevention of the criminal punishment: theoretical and methodological research. Moscow, 1994.*
36. URL: <http://www.mvd.ru> (date of access: 15.04.2016).
37. *Not to put to death to pardon: where is the point? URL: http://www.wciom.ru (date of access: 06.02.2016).*
38. *War is to crimes and the capital punishment. URL: http://www.levada.ru (date of access: 06.02.2016).*

Максимова Ольга Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и таможенного дела
Новосибирского аграрного государственного университета
(e-mail: ole4vladimirovna@yandex.ru)

Марковиченко Сергей Владимирович

кандидат юридических наук,
заместитель руководителя Следственного управления
следственного комитета по Омской области
(e-mail: markovichenkos@mail.ru)

Категория «неприкосновенность частной жизни» в российском уголовном праве и законодательстве

В статье поднимается проблема понимания категории «неприкосновенность частной жизни» в рамках сферы уголовно-правового регулирования. На основе проведенного анализа смежных отраслей отечественного законодательства, различных точек зрения по данному вопросу и материалов собственного исследования по итогам статьи формулируется авторское определение заявленной категории.

Ключевые слова: частная жизнь, неприкосновенность, тайна переписки, половая неприкосновенность.

O.V. Maksimova, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Custom Law of the Novosibirsk Agrarian State University; e-mail: ole4vladimirovna@yandex.ru;

S.V. Markovichenko, Master of Law, Deputy Head of Investigative Department of Investigative Committee of the Omsk region; e-mail: markovichenkos@mail.ru

The category «personal privacy» in Russian criminal law and the legislation

In the article the problem of understanding of the category «personal privacy» within the sphere of criminal and legal regulation is risen. On the basis of the carried-out analysis of allied industries of the domestic legislation, various points of view on the matter, and also materials of own research following the results of article author's definition of the declared category is formulated.

Key words: private life, integrity, secret of correspondence, sexual integrity.

Сегодня неприкосновенность частной жизни гарантируется нормами Гражданского, Семейного, Налогового, Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации и множеством федеральных законов. Наиболее суровые меры ответственности за нарушение конституционного права на неприкосновенность частной жизни предусмотрены в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, И.Л. Петрухин отмечает: «Вся сфера семейной жизни, родственных и дружеских связей, домашнего уклада, интимных и других личных отношений, привязанностей, симпатий и антипатий, образ мыслей, увлечения, творчество, все это определяет понятие «частная жизнь»» [1]. М.Е. Петросян при этом рассматривает частную жизнь как «физическую и духовную область, которая контроли-

руется самим индивидом, т.е. свободную от внешнего направляющего воздействия, в том числе и от правового регулирования» [2, с. 49]. Еще более широко на данную категорию смотрит И.В. Смолькова, которая к таковой относит «жизнедеятельность человека в особой сфере семейных, личных, интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, общественных организаций, граждан; свободу уединения, размышления, вступления в контакты с другими лицами, воздержание от таких контактов; свободу высказываний и правомерных поступков; тайну жилища, дневников, других личных записей, переписки, других почтовых отправок и иных сообщений, содержания телефонных и иных переговоров; тайну усыновления... возможность доверить свои личные и семейные тайны священнику, врачу, адвокату, нотариусу без опасения их разглашения» [3, с. 74].

Кроме того, в юридической науке и законодательстве понятие «частная жизнь» часто рассматривается с позиции понятий личной и семейной тайны. Так, авторы научно-практического комментария к Конституции Российской Федерации отмечают, что личная тайна является обособленной зоной наиболее деликатных, интимных сторон личной жизни, когда разглашение определенных сведений является для человека нежелательным. Поэтому «личную тайну», например, могут составлять сведения о деловых, дружеских и иных связях, пристрастиях, пороках, скрытых физических недостатках и т.п. [4]. Такие сведения могут содержаться в письмах, дневниках, историях болезни, на фотографиях, аудио- и видеокассетах.

По мнению И.А. Бродской, в понятие личной тайны входят: тайна индивидуальности; тайна прошлого; разглашение информации, не носящей порочащего с точки зрения права характера; тайна социального обособления [5, с. 19–23]. В.В. Погуляев и Е.А. Моргунова считают, что к личной тайне относится тайна не только семейных, но и интимных взаимоотношений, общения, творчества, дневников и т.д. [6]. Необходимо при этом отметить, что обладателем личной тайны может быть только один человек, который в силу определенных причин отнес ее к конфиденциальной. Поэтому семейная тайна, как тайна двух и более лиц, не может являться личной. Семейная тайна принадлежит нескольким людям, состоящим в браке либо связанным между собой кровно-родственными отношениями. Таковыми являются отношения между супругами или близкими родственниками по ведению общего совместного хозяйства, приобретению и распоряжению совместно нажитым имуществом, решению вопросов рождения (усыновления) и воспитания общих детей, получения ими образования и т.д. Участниками таких отношений могут быть не только супруг, супруга (сожители, совместно проживающие вместе и ведущие совместное хозяйство) и их дети, но и близкие родственники, такие как родители, бабушки, дедушки, внуки, родные братья и сестры, усыновители и усыновленные – это исчерпывающий перечень, который закреплен в ч. 4 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Соответственно, семейной тайной не могут обладать граждане, у которых нет близких родственников. При этом отношения могут являться семейными и при раздельном проживании родителей и детей, при рождении детей вне брака и т.д., здесь определяющим фактором является также понимание участниками отношений характера данных отношений.

Основу конституционного регулирования семейных отношений составляют положения ст. 23 Конституции Российской Федерации, за-

крепляющие право каждого на семейную тайну, и ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации, провозглашающей защиту семьи государством. Семейной нередко считается тайна усыновления ребенка, эта норма закреплена в Семейном кодексе Российской Федерации (ст. 139): помимо приемных родителей тайну должны хранить судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, и другие осведомленные лица, для которых такая тайна будет являться служебной или профессиональной. Нарушение этой тайны кем-либо из перечисленных лиц (кроме самих усыновителей) влечет уголовную ответственность по ст. 155 УК РФ.

К семейной тайне относятся также личные неимущественные и имущественные отношения, существующие между супругами, сведения о фактах биографии и состоянии здоровья, имущественное положение лица, род занятий и совершенных поступков, убеждения, отношения в семье, пристрастия, пороки, скрытые физические недостатки, деловые, дружеские связи и т.д.

Обладателем личной и семейной тайны может быть любое лицо, в том числе несовершеннолетнее, а также лица, признанные недееспособными вследствие психического расстройства. Хотя в полной мере душевнобольные не могут быть обладателями семейной тайны, поскольку в семейном законодательстве не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно признано недееспособным. Таким образом, эта категория граждан обладает правом на личную тайну, однако ее право на семейную тайну в этом случае ограничивается. Душевнобольные могут быть обладателями семейной тайны как близкие родственники, исключение составляют только супружеские отношения.

Рассмотрение определений понятий «частная жизнь», «личная тайна», «семейная тайна» в юридической науке, а также анализ уголовного, уголовно-процессуального, гражданского законодательства и Конституции Российской Федерации позволяет обозначить перечень компонентов, относимых как правоведами, так и законодателями к частной жизни. Таковыми являются:

1. Внутренняя духовная сфера: мировоззрение человека как набор рациональных представлений о мире и собственном месте в нем; чувственно-эмоциональный компонент как совокупность переживаний.
2. Сфера межличностного общения: родственные отношения и связи; отношения со знакомыми, друзьями;

отношения интимного характера, сексуальные связи.

3. Персональные данные:

даты (рождения, поступления на работу, вступления в брак и т.д.);

профессия, род занятий;

национальность, происхождение;

место рождения, работы, учебы;

место жительства, телефон;

бытовой уклад.

4. Медико-физиологическая сфера:

особенности внешности;

особенности физиологии;

физические и психические отклонения, расстройства, болезни различного происхождения и характера;

отношение человека к своему здоровью, внешности, санитарно-гигиеническая сторона.

5. Поведенческая сфера:

склонности и привычки;

особенности поведения в экстремальных условиях;

поступки, дискредитирующие лицо.

6. Имущественная сфера:

перечень имущества;

источники дохода (заработная плата, подарки, доходы от вложений и т.п.);

способы и время приобретения имущества;

движение имущества.

Необходимо отметить, что перечисленные сведения о частной жизни лица не всегда носят конфиденциальный характер, и действия с ними не образуют состав ст. 137 УК РФ. Например, такие сведения, как даты рождения, вступления в брак, поступления на работу, место работы, учебы, профессия, место жительства, номер телефона, разглашаются практически каждый день, особенно в условиях существования баз данных в сети Интернет, в различных анкетах, социологических опросах, интервью, а также в разговорах с друзьями, знакомыми, соседями, при новых знакомствах и т.д. Перечисленные сведения могут быть тайной только в том случае, если человек скрывает их от окружающих.

Анализ различных дефиниций понятия «частная жизнь» позволяет сделать следующие выводы: во-первых, в рассмотренных определениях отсутствует единство приводимых признаков, на основании которых в комплексе могло бы сложиться единое для законодательства и юридической науки понятие. Во-вторых, все попытки правоведов ввести в определение частной жизни некий перечень нематериальных благ или прав и свобод следует признать непродуктивным, поскольку данный

перечень, как было показано выше, обширный. Это делает все определения громоздкими, и, кроме того, они не отражают сущности частной жизни как психического явления и социальной ценности. В-третьих, частную жизнь как совокупность внутренних субъективных процессов не следует путать с формами их опредмечивания [7, с. 715], объективации или воплощения в материальном мире. В-четвертых, содержание частной жизни определяется сугубо индивидуально, поэтому составление исчерпывающего перечня нематериальных благ, охватываемых понятием «частная жизнь», не представляется возможным.

Частная жизнь представлена прежде всего переживаниями личности, а все остальное, что принято относить к частной жизни, это проекция данных переживаний в пространстве (личное предметное пространство, личное жилое пространство, коммуникативное пространство), времени (личное время), объектах материального мира (жилище, личные вещи, включая дневники, письма и прочие носители персональных данных), а также пространстве – времени – объектах (действия человека, доступные наблюдению).

В связи с этим под частной жизнью предлагается понимать субъективную реальность, объективациями которой лицо вправе распоряжаться по собственному усмотрению, если оно не вступает в противоречия с законными интересами других лиц.

Следующий этап в исследовании термина «неприкосновенность частной жизни» – рассмотрение понятия «неприкосновенность». Оно неоднократно употребляется в Уголовном кодексе Российской Федерации без соответствующего определения. По этой причине понятие «неприкосновенность» нуждается в прояснении. В русском языке определение неприкосновенности следующее: «неприкосновенный чему, к чему; не прикасающийся, не трогающий чего; непричастный, чуждый чему; посторонний; кого или чего не должно касаться, нельзя трогать; не подлежащий чьему ведению, власти; неприкосновенность жилища...» [8, с. 530]. В других источниках дается такое значение слова «неприкосновенность»: «1. Сохраняемый в целостности, защищенный от всякого посягательства со стороны кого-нибудь» [9, с. 360].

Обращаясь к Конституции Российской Федерации, следует отметить, что термин «неприкосновенность» используется в ней многократно. В частности, ст. 22 Конституции гласит, что каждый имеет право на свободу и личную

неприкосновенность. Это означает, что любое лицо, независимо от пола, национальности, вероисповедания и т.д., вправе совершать любые действия, не противоречащие закону, не подвергаясь при этом какому-либо принуждению или ограничению в правах со стороны кого бы то ни было [10, с. 67]. Институт личной неприкосновенности включает в себя физическую неприкосновенность (неприкосновенность жизни и здоровья человека) и психическую, духовную неприкосновенность (честь, достоинство личности) [10, с. 68]. Если психическая неприкосновенность состоит в том, что человек вправе мыслить, иметь убеждения и проявлять свободу воли, то физическая подразумевает невмешательство в правомерные действия субъекта, отсутствие влияния на него вне строго определенных рамок (например, заключение под стражу на срок более 48 часов). Нарушение физической неприкосновенности, как указывается, может состоять и в нежелательном контакте (личный обыск), и во внедрении в организм (хирургическое вмешательство); кроме того, в содержание права на физическую неприкосновенность включается и право распоряжения своими органами [11, с. 98].

В Уголовном кодексе РФ (гл. 18) перечислены преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, которые производны от физической и духовной неприкосновенности. Под половой неприкосновенностью следует понимать абсолютный правовой запрет на половые контакты, распространяемый на всех лиц. Половой неприкосновенностью обладают малолетние лица и в большинстве случаев лица, находящиеся в состоянии беспомощности. Половая неприкосновенность является также составной частью личной неприкосновенности и охраняет человека от любых противоправных сексуальных посягательств.

В ст. 23 Конституции РФ указано, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Статья 24 Основного Закона содержит следующую формулировку: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается». Это конституционное положение является одной из гарантий права на неприкосновенность частной жизни. Оно необходимо для того, чтобы защитить частную жизнь, личную и семейную тайну от необоснованного и незаконного проникновения в нее со стороны как государственных органов, органов местного самоуправления, так и негосударственных предприятий, учреждений, организаций, а также отдельных граждан, чтобы частная жизнь оставалась в тайне. Согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ данное правило

не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах, даже в условиях чрезвычайного положения.

Неприкосновенность личной документации, как элемент неприкосновенности частной жизни, есть одно из немногих личных неотчуждаемых прав граждан. Л.О. Красавчикова отмечает, что это право складывается из следующих правомочий: правомочие авторской принадлежности; правомочие по использованию и распоряжению личными документами; диспозитивные правомочия (свобода на составление, ведение и накопление личных документов) [12, с. 12]. При этом письма, дневники, заметки и т.п. нельзя относить к объектам авторского права, так как хотя они и могут обладать схожей, например с литературными произведениями, формой, они, как правило, не имеют творческого характера [13, с. 106–110]. Это право осуществляется так же, как возможность управомоченного лица предоставлять по своему усмотрению право на опубликование, воспроизведение или распространение сведений, содержащихся в его личной документации (письмах, дневниках, записках и т.д.). Право на неприкосновенность личной документации является абсолютным, поэтому неопределенный круг обязанных лиц должен воздерживаться от действий, нарушающих рассматриваемое право. После смерти гражданина, которому принадлежала документация, данное право переходит к его ближайшим родственникам (детям, родителям, супругу) [14, с. 64].

Неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного и интимного характера. Сюда входит также запрет для государства, его органов и должностных лиц вмешиваться в личную жизнь граждан, право последних на свои личные и семейные тайны, наличие правовых механизмов и гарантий защиты своей чести и достоинства от всех посягательств на указанные социальные блага. От уровня гарантированности сохранения тайны личной жизни граждан зависит степень свободы личности в государстве, демократичность и гуманность существующего в нем политического режима. При этом в уголовном процессе допускается разглашение сведений о частной жизни граждан при допросе свидетеля (в том числе врача) и потерпевшего, если эти сведения необходимы для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (однако никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников). Обстоятельства частной жизни могут быть установлены

экспертизой (наличие тяжелого заболевания), освидетельствованием (физические дефекты), личным обыском и выемкой в помещениях (дневники, личные бумаги), осмотром и выемкой почтово-телеграфной корреспонденции.

Впрочем, положения Конституции Российской Федерации, устанавливающие неприкосновенность частной жизни, конкретизируются не только в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Гражданский кодекс Российской Федерации определяет неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну как объект гражданских прав, которые защищаются в соответствии с гражданским и другим законодательством в случаях и порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (ст. 150 ГК РФ) [15, с. 192].

В связи с этим особую роль в правовом регулировании и охране личных прав граждан на неприкосновенность частной жизни призваны сыграть нормы гражданского права. В ст. 150 ГК РФ указывается, что жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства и иные личные нематериальные права и другие нематериальные блага принадлежат человеку от рождения или в силу закона, они неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Но в случаях и в порядке, предусмотренных законом, вышеуказанные права, принадлежавшие умершему, могут реализовываться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя. Гражданское право констатирует наличие нематериальных благ и признает свободу индивида определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению. Таким образом, регулятивная функция гражданского права в сфере личных нематериальных отношений, в том числе в сфере брака и семьи, проявляется в первую очередь в форме юридического признания принадлежности каждому физическому лицу неотчуждаемых нематериальных благ и свободы определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, исключая вмешательство со стороны других лиц, кроме случаев, прямо предусмотренных законом. В настоящее время одним из способов гражданско-правовой защиты права на неприкосновенность частной жизни, личной

и семейной тайны является возмещение морального вреда.

В КоАП РФ содержатся нормы, регулирующие порядок сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных) (гл. 13). Такие сведения могут нарушать личную тайну гражданина, но в данной статье конкретно не указаны сведения, за сбор, хранение, использование или распространение которых наступает ответственность. Предполагается, что данные сведения направлены на нарушение неприкосновенности частной жизни лица. За разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, когда разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, ответственность наступает по ст. 13.14 КоАП РФ, а за нарушение правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов – по ст. 13.20 КоАП РФ.

Анализ понятий «частная жизнь» и «неприкосновенность», применяемых в юридической науке и законодательстве, позволяет сделать ряд выводов.

1. Частная жизнь – это субъективная реальность, объективациями которой лицо вправе распоряжаться по собственному усмотрению, если таковое не вступает в противоречие с законными интересами других лиц.

2. Неприкосновенность – это невмешательство государственных органов, общественных объединений и частных лиц в правомерное поведение человека. При этом неприкосновенность как понятие, используемое в юридических конструкциях, фиксирует некое право человека, охраняемое государством (личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища и т.д.).

3. Неприкосновенность есть особый режим пользования благами, в случае с частной жизнью – нематериальным благом, он установлен обществом и охраняется мерами государственного принуждения. Особенность данного режима заключается в уголовно-правовом воздействии на нарушителей.

Данные выводы позволяют сформулировать определение, необходимое для дальнейшего исследования уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни: неприкосновенность частной жизни – это особый режим пользования лицом воплощениями внутренней, субъективной реальности в материальном мире по собственному усмотрению, если таковое не вступает в противоречие с законными интересами других лиц.

1. Петрухин И.Л. *Личная жизнь: пределы вмешательства*. М., 1989.
 2. Петросян М.Е. *Что такое неприкосновенность частной жизни // Правозащитник*. 1995. № 1.
 3. Смолькова И.В. *Тайна: понятие, виды, правовая защита // Юридический терминологический комментарий*. М., 1998.
 4. *Научно-практический комментарий к Конституции РФ*. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
 5. Бродская И.А. *Конфиденциальные сведения: способы использования. Правовой смысл понятия «разглашение» // Адвокат*. 2000. № 3.
 6. Погуляев В.В., Моргунова Е.А. *Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информатизации и защите информации» (постатейный)*. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
 7. *Новейший философский словарь / сост. и глав. науч. ред. А.А. Грицанова*. 3-е изд., исправл. М., 2003.
 8. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* М., 1955. Т. 2.
 9. Ожегов С.И. *Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой*. М., 1984.
 10. *Комментарий к Конституции Российской Федерации / под. ред. Л.А. Окунькова*. М., 1996.
 11. Малеина М.Н. *Право индивида на телесную (физическую) неприкосновенность // Государство и право*. 1993. № 4.
 12. Красавчикова Л.О. *Гражданско-правовая охрана личной жизни советских граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Свердловск, 1979.
 13. Красавчикова Л.О. *Авторское право и право на письма, дневники, записки, заметки // Проблемы советского авторского права*. М., 1979.
 14. Малеин Н.С. *Охрана прав личности советским законодательством*. М., 1985.
 15. Романовский Г.Б. *Право на неприкосновенность частной жизни*. М., 2001.
1. Petrukhin I.L. *Private life: intervention limits*. Moscow, 1989.
 2. Petrosyan M.E. *What is personal privacy // Human rights activist*. 1995. № 1.
 3. Smolkova I.V. *Secret: concept, types, legal protection // Legal terminological comment*. Moscow, 1998.
 4. *The scientific and practical comment to the Constitution of the Russian Federation*. Access from legal reference system «Garant».
 5. Brodskaya I.A. *Confidential information: ways of use. Legal sense of the concept «disclosure» // Lawyer*. 2000. № 3.
 6. Pogulyaev V.V., Morgunova E.A. *The comment to the Federal law «About information, informatization and information security» (itemized)*. Access from legal reference system «Garant».
 7. *The latest philosophical dictionary / comp. and chief sci. ed. by A.A. Gritsanov*. 3rd ed., corr. Moscow, 2003.
 8. Dal V. *Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 vol*. Moscow, 1955. Vol. 2.
 9. Ozhegov S.I. *Dictionary of Russian language / ed. by N.Yu. Shvedova*. Moscow, 1984.
 10. *The comment to the Constitution of the Russian Federation / ed. by L.A. Okunkov*. Moscow, 1996.
 11. Maleina M.N. *Right of the individual for corporal (physical) inviolability // State and law*. 1993. № 4.
 12. Krasavchikova L.O. *Civil protection of private life of the Soviet citizens: auth. abstr. ... Master of Law*. Sverdlovsk, 1979.
 13. Krasavchikova L.O. *Copyright and right for letters, diaries, notes, notes // Problems of the Soviet copyright*. Moscow, 1979.
 14. Malein N.S. *Protection of the rights of the personality by Soviet legislation*. Moscow, 1985.
 15. Romanovsky G.B. *Law on personal privacy*. Moscow, 2001.

Петровский Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
(e-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru)

Религиозно-правовые практики разрешения криминальных конфликтов в исламских государствах

В статье изучаются уголовно-правовые практики исламских государств, не связанные с изоляцией от общества и не содержащие карательной составляющей, нашедшие отражение в законодательстве и правоприменительной деятельности. Рассмотренные способы разрешения криминальных конфликтов являются уникальными и могут быть полезными при создании различных профилактических методик, в том числе в местах, где преимущественно проживают мусульмане.

Ключевые слова: виды наказаний, ислам, жертва, виновный.

A.V. Petrovskiy, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; e-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

Solution of criminal conflicts in Islamic countries: religious and legislation practices

The paper examines criminal law practices from Islamic countries, which doesn't connect with social isolation and include retributive constituent that reflect in legislations and law enforcement activities. Addressed matters related from criminal conflicts result, be uniquely and may be use to creation different prevent methods, which includes, at places when Muslim live.

Key words: kinds of punishments, Islam, victim, guilty person.

В рамках сравнительного правоведения уголовно-правовая школа мусульманского права чаще всего подается как система религиозного права, устанавливающего классификацию деяний, исходя из объективности уголовного запрета, предопределяющая жестокие наказания за поведение, которое в европейском праве даже не рассматривается как общественно опасное (прелюбодеяние, употребление алкоголя, вероотступничество) [1; 2]. Однако мусульманскому праву известны и уголовно-правовые практики, кардинально отличающиеся от карательных и предполагающие, что определенные преступные деяния, в силу особенностей их совершения, могут быть частным делом индивидуумов – виновного и потерпевшего [3, р. 487–488]. Таким образом, мусульманское государство выступая в качестве контролирующей инстанции, надзирает, как жертва (семья жертвы) и преступник разрешают этот конфликт посредством установленных законом методик. Эти способы нашли свое отражение в уголовном законодательстве, установив право жертвы отказаться от судебного преследования, а виновному возможность избежать наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи, с возложением обязанности полностью

компенсировать причиненный вред, оплатить все компенсационные издержки жертвы, принести публичные извинения либо совершить иные действия, сопряженные с заглаживанием вины [4; 5].

Уголовно-правовая практика – это процесс целенаправленного взаимодействия субъектов уголовных правоотношений и системы общественных отношений, приводящего к преобразованию, изменению как личности, так и общества [6, с. 1063; 7, с. 503]. Криминологическая и уголовная политика любого государства обладает не только набором процедур, норм и правил, которые обеспечивают их реализацию, но представляет собой уникальный культурно-цивилизационный комплекс, характеризующийся криминологическим и уголовно-правовым самоопределением, нашедшим свое отражение в способах противодействия преступному поведению.

В соответствии с положениями основных мусульманских правовых школ жертва может восстановить свои нарушенные права различными способами, которые одновременно являются показателем благочестивости, а также частной оценкой характера и степени общественной опасности содеянного [8, с. 13]. Поэтому эти способы располагаются следующим образом:

1) возмездие в отношении преступника – посредством причинения аналогичного вреда здоровью (кисас, *kasas*); 2) компенсация (дийя, *diyya*); 3) примирение и 4) прощение как высшее проявление благочестивости мусульманина. Благопристойные мусульмане (маккуляф) обязаны не только правильно исповедовать догматы ислама и исполнять обряды, но и следовать правилам и постановлениям шариата, которые определяют примирение и прощение высшими формами человеческого поведения [9, с. 8–9].

Возмездие (кисас) как уголовно-правовая практика известна давно и подразумевает собой причинение аналогичного вреда виновному – смерти либо равнозначного вреда здоровью – по решению суда [10, с. 143–158]. Это наказание, предполагающее однородное воздействие: за убийство – смерть, за причинение вреда – причинение соответствующего вреда. (Например, в 2010 г. в Иране мужчина после безуспешных попыток добиться любви от девушки плеснул ей в лицо серной кислотой. В результате девушка ослепла, и только сложные операции чуть-чуть восстановили ей зрение. Шариатский суд постановил залить виновному в оба глаза серную кислоту, а исполнить это взяли родственники пострадавшей. История стала известна, и девушку засыпали письмами европейцы и американцы с просьбами не быть такой жестокой и простить неудавшегося жениха). Данный вид наказания применяется только за совершение умышленного убийства и умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести. Акт возмездия может быть исполнен только с разрешения лица, имеющего на это право на основании приговора суда, в противном случае это считается умышленным преступлением против жизни или здоровья. Если правом на возмездие обладают несколько лиц, для исполнения наказания надо согласие всех лиц, то все члены семьи жертвы должны настаивать на данном виде наказания. Повреждение вечного органа не является возмездием, наказание должно быть обращено на здоровый орган и при обязательном соблюдении равного местоположения органов (наказание за поврежденный орган справа должно быть обращено аналогично) [11, с. 142]. Телесное повреждение, причиняемое в качестве возмездия, должно быть соразмерно нанесенному увечью по длине и ширине, а при возможности также и по глубине. Можно сделать вывод, что возмездие как уголовно-правовая практика применяется, когда родственники настаивают на нем и существуют объективные и субъективные возможности его реализации, если родственников нет,

то право возмездия, согласно исламской традиции, переходит к власти.

Компенсация (дийя, *diyya*) – это альтернатива любому наказанию за совершение умышленного, но большей частью неосторожного преступления против жизни и здоровья. Дийя представляет собой выплату определенного количества денег жертве либо семье жертвы при наличии с их стороны согласия принять эти деньги [12, с. 5]. Решение о принятии дийи жертвой либо родственниками жертвы не зависит от согласия виновного либо наличия возможности ее выплатить. Мусульманскими правоведами разработаны методы осуществления компенсации как вида наказания, которые в арабских странах различаются на (акила, *akila*) и (дийян, *diyyan*) – для написания статьи автор использовал работы на английском языке, поэтому используемые арабские термины будут приводиться с английской транскрипцией из-за отсутствия единого согласованного мнения относительно использования в юридических исследованиях арабских и персидских юридических терминов.

Акила существовала в практике арабов еще с доисламских времен и применялась в случаях виновного причинения вреда при отсутствии умысла, даже при отсутствии финансовых возможностей у виновного. Она представляет собой обязанность выплатить компенсацию самостоятельно, либо при отсутствии финансовых возможностей в выплате могут участвовать близкие родственники – родители, дети, братья и сестры. Позволяется привлекать родственников по крови и по браку.

С течением времени мусульманские правоведы признали законным иной способ, называемый дийян, это когда обязанность по выплате компенсации принимали лица, руководствуясь дружбой, солидарностью или верностью, имеющие с виновным общие интересы, бизнес, служебные обязанности. К ним могли относиться лица, принадлежащие к одной социальной группе, какому-нибудь обществу, профессии либо роду занятия. Дийян могли выплачивать дальние родственники, соседи из одной деревни или города, люди из одного с виновным региона, представители профессиональных организаций или государственных учреждений, в которых виновный работал. Учеными-правоведами достигнут консенсус относительно размера компенсации за жизнь либо за причинение травмы определенной части тела, установлены сроки выплат и перечень лиц, которые получают акил или дийян [13, с. 70–90]. Тем не менее, до настоящего времени отсутствует единая точка

зрения о допустимости применения акила и дияна, если преступление совершено несовершеннолетним либо лицом с ограниченной вменяемостью.

Если преступник не имеет необходимой суммы для выплаты компенсации (дийи) либо у него нет родственников, готовых оплатить (акила), или товарищей (соседей) для выплаты (дийяна), то государство может принять на себя обязанность и выплатить компенсацию потерпевшей стороне. В таком случае государство имеет право в качестве регресса взыскать с виновного сумму и приговорить его к наказанию категории тазир (по усмотрению судьи) [14, с. 126–127]. В уголовном кодексе исламской республики Пакистан (УКИРП) вышеназванные виды компенсации присутствуют, но, учитывая культурные особенности, законодатель добавил еще два метода – арш и даман [15, р. 124–126]. Арш (arsh) является компенсацией, выплачиваемой за причинение физической боли (§ 299 (b) УКИРП), и означает денежную сумму, определяемую уголовным кодексом (ИРП), которая подлежит выплате жертве или наследникам жертвы. Размер арш будет оцениваться из определенного процента от размера дийи, которая различается в зависимости от вида ущерба (§ 323 УКИРП). Арш выплачивается разовой суммой или в рассрочку, в течение 3 лет с момента вынесения судебного решения. В случае неуплаты наказание заменяется на простое лишение свободы до тех пор, пока сумма компенсации не будет выплачена полностью. Арш назначается за совершение преступлений, предусмотренных § 334, 337 УКИРП [16, р. 240–244]. Даман (dhaman) – это тоже форма компенсации, которая определяется судом в тех случаях, когда применить арш невозможно (§ 299 D УКИРП). Объем компенсации определяется судом, который обязательно учитывает: 1) расходы, понесенные потерпевшим на лечение; 2) размер утраты трудоспособности или группу инвалидности либо то, какой орган утратил свои функциональные возможности; 3) какие психические и физические страдания перенес потерпевший.

Примирение (сулх, sulh) определяется и используется на основании положений Корана и базируется на идее, что все люди должны разрешать свои конфликты начиная от семейных ссор и заканчивая войнами посредством примирительных процедур, порядок которых веками подробно и детально разрабатывался мусульманской юриспруденцией [17, р. 504–507]. Судьи не могут понуждать и навязывать примирение сторонам, но в случае применения процедуры примирения судей обязывают

принимать во внимание все обстоятельства дела независимо от объекта посягательства – государственных, общественных или частных интересов. Мусульманская доктрина правосудия предполагает наличие альтернативы для сторон, где примирение является первым вариантом, даже когда результат дела очевиден. То есть примирение является правом сторон, а не обязанностью, и его можно определить как договоренность между сторонами на основе консенсуса с целью урегулирования споров мирным путем. Мусульманские ученые XIV–XV вв. считали процедуру примирения синонимом арбитража, подчеркивали, что цель примирения – это конец конфликта и разногласий, что судьи должны всегда поощрять стороны к примирению, т.к. урегулирование споров исключительно судом ведет только к ненависти и несправедливости. Основатель правовой школы Аль-Шаффи считал, что примирительная процедура недопустима по ряду тяжких преступлений, таких как разбой и мятеж, сопряженных с убийством. Правовед Абу Аль-Валид Баджи, Ваји (1081) допускал применение примирения по всем делам, причиняющим вред частным интересам, за исключением изнасилования. Он определил перечень дел, по которым не может быть использовано примирение, к таковым он отнес деяния, посягающие на основные ценности общества [18, р. 167–168]. Необходимо помнить, что основными объектами, на которые направлены преступные посягательства в теории уголовного права мусульманских государств, являются «право Бога», «право государства», «право правителя», «право мусульманского общества» и «право человека» [19, с. 68]. Тяжесть преступления не является критерием для допустимости использования примирения. Допустимость примирения основывается на особенностях объекта посягательства, поэтому мнение мусульманских ученых определяет, что примирение может быть связано с преступлениями, посягающим на частные права индивида. К преступлениям против государства и общества также относятся деяния категории худдуд, по которым также не применяются примирительные процедуры. Тем не менее, известный судья Ben Abdel Salam (1261) допускал использование процедуры примирения и по преступлениям против общественных интересов, и по делам категории худдуд, в частности кражи. Он писал, что если виновный признался власти или суду в совершении кражи и факт кражи подтверждается, то преступник может сообщить владельцу о своей готовности вернуть похищенное, либо компен-

сировать сумму, либо выполнить для потерпевшей стороны какие-либо работы (услуги) и попросить у потерпевшей стороны прощения [3, р. 490–492]. Исламская правовая традиция определяет, что виновное лицо может выполнить для потерпевшей стороны безвозмездно за определенный период времени конкретную работу либо оказать конкретную услугу. Ученые-правоведы XII–XIV вв. к таковым относили выполнение сельхозработ, работ по благоустройству собственности потерпевшего, оказание содействия в производстве работ по дому, к услугам – предоставление жилья или земельного участка виновного во временное пользование потерпевшего.

Если преступление посягает на частные интересы, права и свободы, то примирение между жертвой или семьей жертвы в случае смерти потерпевшего должно утверждаться судом. Если в результате преступного деяния потерпевший получил травмы, то примирение является прерогативой потерпевшего и зависит от его воли и желания. Если потерпевший погиб или не способен самостоятельно принимать решение (например, ребенок или недееспособный), то решение о примирении зависит от желания семьи. Если у жертвы не было родственников, то жертва может «делегировать» право требования государству. В таком случае правительство, как законный представитель, может принять участие в примирении.

При примирении в мусульманском праве допускается применение метода, называемого Сатр (*satr* (*hide*)), – дословно переводится как «не рассказывать», чтобы не повредить дальнейшей частной жизни виновного), который применяется, если преступление незначительно по степени и характеру общественной опасности, совершено впервые, преступник и его поручители обещают не допустить повторного совершения деяния, принесли свои извинения. В таком случае, как это определяет закон, потерпевший и свидетели должны воздержаться от публичного разглашения сведений об особенностях процесса, совершенном деянии, личности правонарушителя, чтобы не опорочить дальнейшую репутацию виновного.

В арабской культуре существует свой традиционный институт примирения (*хамалах*, *hamalah*), действующий с древнейших времен и базирующийся на племенных обычаях, когда группа известных либо авторитетных людей посвящает себя процедурам примирения. Действуют эти люди на добровольной основе и, кроме примирительных процедур, осуществляют передачу, управление, получение денежных средств, которые государство, благотвори-

тельные либо международные организации выделяют для жертв преступлений и совершения медиаций [20, р. 20–24]. Ряд арабских государств использует при разрешении уголовно-правовых споров поручительство (*кафала*, *kafala*) – прекращение официальной процедуры привлечения к уголовной ответственности под гарантии кого-либо. Данная концепция заимствована из теории частного права и предполагает отсрочку наказания на определенный период исправления.

Поручитель (*kafil*) принимает на себя установленные законом обязанности на срок, определяемый судом или полицией. Поручительство может быть персональным – человек поручается лично, под гарантии своего доброго и честного имени, либо под финансовые гарантии, что сходно с залогом в российском уголовном процессе. Личным поручителем могут быть члены семьи, близкие друзья, соседи или уважаемые и добропорядочные граждане города или селения. Поручительство сходно с *hamalah*, однако отличие заключается в том, что *hamalah* осуществляется посредством поручительства общественной организации или учреждения. Исламские государства поддерживают своих граждан, которые из добродетельных побуждений выступают финансовыми гарантами лиц, совершивших преступление.

Таким образом, примирительные процедуры в уголовно-правовых практиках мусульманских государств имеют двойное содержание: а) общее – это прекращение конфликта и мирное урегулирование; б) специальное – достижение контролируемого соглашения между сторонами при наличии обязательной компенсации потерпевшему или членам его семьи. Здесь четко просматривается аналогия между нарушением гражданско-правового договора и компенсацией за такое нарушение. В нашем случае таковым является договор между человеком и Богом о запрете греховных (преступных) деяний, которому должны следовать мусульмане в рамках шариата. Рассмотрение примирительной процедуры можно закончить словами ученого-правоведа *Kasani* (1191), который объяснил ее тем, что Ислам принес посредством компенсации и примирительной процедуры баланс между иудаистским и христианским теолого-правовыми подходами. Тора устанавливала для жертвы только месть посредством наказания – жизнь за жизнь, око за око, а Евангелие предлагало для жертвы прощение, когда Ислам, сбалансировав эти два подхода, предложил принять третий, который стоит между возмездием и помилованием [21, р. 238–240].

Помилование (прощение) (афю, афю), упоминаемое 35 раз в Коране, – это обыкновенное прощение без условий и получения взамен какой-либо платы. По мнению мусульманских юристов, помилование – это высшее проявление благочестия, имеющее приоритет над (дией, diya) компенсацией и (сулх, sulh) примирением, и помиловать можно виновного, совершившего любые виды преступных деяний (за исключением худдуд, hudud) [22, р. 145–146]. По мнению Абу Ханифы (699–767), присутствие родственников убитого при казни необходимо потому, что, видя человека, готовящегося к смерти, возможно принять решение о помиловании и изменении наказания, а в отсутствие наследников смертная казнь не исполняется [13, с. 84–85]. Существует научная позиция, согласно которой помилование может применяться только за совершение преступных деяний, посягающих на общественные права и интересы, а если деяние направлено против личности, то необходимо прощение со стороны потерпевшего [23, с. 124–130].

Различается объективное и субъективное помилование. К первому относится помилование за совершение деяния, которое посягает на интересы государства и общества, при отсутствии реальных жертв. В таких случаях помилование – прерогатива государства. Во втором случае это называется прощением и является правом жертвы, получившей ранения, пережившей страдания и иной физической ущерб в результате противоправных действий правонарушителя, и если это происходит, то виновное лицо освобождается от любого вида наказания и компенсации. Такое правило действует даже в случае наступления летального исхода в результате причиненных телесных повреждений, если потерпевший успел до наступления смерти простить преступника. В таком случае суд должен утвердить такое решение, даже если семья погибшего настаивает на наказании.

Если жертва умрет или не способна осознавать происходящее и руководить своими действиями по причине малолетнего возраста или невменяемости, то принять решение о прощении может семья при условии, что существует консенсус, либо при наличии согласованной позиции большинства. Здесь также существуют различные точки зрения на то, какой круг лиц относится к понятию «семья»: одни ученые считают, что это только прямые наследники – взрослые дети и внуки, родители, дедушки и бабушки, мужья и жены, другие – что к понятию семьи относятся и племянники, дяди, двоюродные братья, третьи, готовы включить сюда любых родственников и лидеров племени [16, р. 186].

По мнению ученых, государство в лице судебной власти или главы государства может помиловать преступника, который причинил вред здоровью различной тяжести или смерть при следующих условиях: а) когда преступное деяние совершено по неосторожности; б) когда виновный превысил пределы необходимой обороны; в) когда потерпевший своим поведением провоцировал преступника; г) если причиненный вред жизни или здоровью произошел в момент, когда жертва была застигнута при сексуальных сношениях с женой виновного [24, р. 124–125]. Помилование в таких случаях предполагает только исключение наказания, определяемого уголовным законодательством, но наследники потерпевшего сохраняют право на полную компенсацию (дияй, diya) или примирение с частичной компенсацией (сулх, sulh). Однако Хамави (А. Hamawi) считает, что государство не может помиловать при причинении вреда здоровью, потому что нарушены частные права и интересы, соответственно, правом прощения обладает только потерпевший [3, р. 487–507].

Раскаяние (покаяние) (тауба, tawba) – действие, показывающее сожаление по поводу совершенного греховного поступка и искупление вины. Раскаяние не просто религиозная категория, хотя данное действие упоминается в Коране 68 раз, его можно назвать одним из «обстоятельств, исключающих уголовную ответственность». Смысл раскаяния заключается в том, что если лицо, совершившее преступление, которое не раскрыто, восстановит все нарушенные преступным деянием права и интересы потерпевшего, а также в дальнейшем компенсирует ущерб и издержки, то суд должен освободить виновного от наказания либо заменить его на более мягкое [25, р. 150–153]. Раскаяние (покаяние) исключает применение наказания даже за деяния категории худдуд. Так, если лицо, участвующее в мятеже, раскаялось и отказалось от дальнейшей противоправной деятельности, то виновный не подвергается смертной казни. Аналогичной позиции придерживаются исламские правоведы относительно лица, совершившего кражу, которое, раскаявшись, возместило ущерб, вернуло похищенное, компенсировало издержки. К такому виновному лицу наказание в виде отсечения руки не применяется. Раскаяние (покаяние) отличается от прощения (помилования), последнее является желанием жертвы. Еще в XIII в. ученым-правоведом (М. Benkudama) были сформулированы основания для судов считать раскаяние (покаяние) законным и обоснованным: 1) виновный

обязан принести извинения жертве; 2) принятие виновным обязательств не совершить после вынесения судом решения любого преступления; 3) возвращение имущества потерпевшему или выплата компенсации либо обещание компенсировать ущерб сразу при возникновении такой возможности; 4) обещание не совершать в дальнейшем таких действий, которые могут вызвать подозрения; 5) добродетельно и добропорядочно себя вести [3, р. 495–496]. Раскаяние (покаяние) занимает много места в криминологических теориях мусульманских государств, порождая различные предложения законодателям, которые предлагают раскаявшихся преступников освобождать от наказания и заменять наказание, связанное с изоляцией от общества, на более мягкое [25, р. 154–158]. Освобождение раскаявшегося должно происходить независимо от тяжести совершенного преступления.

При раскаянии виновного государство обязано предпринимать все меры для сохранения в тайне (*satr*, *satr*) информации о личности виновного и преступном деянии, что считается важным фактором сдерживания криминальной активности. Сохранение в тайне обеспечивается свидетелями, полицией, судьями и даже правонарушителями. Так, при совершении преступного деяния, затрагивающего интересы общественной группы, виновному не рекомендуется разглашать ставшую ему известной информацию, даже если он хочет покаяться, а при совершении деяния, затрагивающего частные интересы, виновному рекомендуется восстановить нарушенные права собственника, извиниться и попросить прощения. Последние действия могут быть сделаны либо самим виновным, либо медиатором. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что таким образом минимизируются последствия наказания: а) виновные и их семьи сохраняют репутацию и не подвергаются стигматизации; б) преступник раскаивается, приносит свои извинения и восстанавливает нарушенные права. *Satr* не преследует целей укрывательства опасных преступников, граждане исламских государств обязаны давать показания, если это им предписывается законом либо обосновывается показаниями свидетелей.

Заглаживание вины (*кафара*, *kafara*) – это совершение виновным лицом конкретных действий, удостоверяющих (подтверждающих) раскаяние [13, с. 96–97]. Данный уникальный метод давно известен исламской юриспруденции. Он предусматривает выполнение общественно полезных, закрепленных нормами

шариата и утвержденных судом поведенческих актов [3, р. 498–499]. Так, лицо, совершившее убийство непреднамеренно или по ошибке, после принесения извинений должно было либо освободить раба, либо накормить 60 бедных, либо соблюсти пост в течение двух месяцев.

Последний способ, применяемый в исламских уголовно-правовых практиках, – предупреждение (*хисба*, *hisba*) – это форма психологического воздействия на лицо, виновное в совершении преступления небольшой тяжести. Цель – предупреждение совершения повторного деяния. Данный вид наказания объявляется судьей в зависимости от обстоятельств совершенного деяния, личности правонарушителей, возраста и семейного положения и т.п. В зависимости от правовой школы в настоящее время используются различные варианты предупреждения – это может быть судебное уведомление, в котором указано, что суду известно о преступлении, и суд официально уведомляет виновного воздержаться впредь от совершения однородных и тождественных деяний, либо официальное сообщение посредством телефонной связи, либо в суде лично виновному [15, р. 210–212]. Практикуется предупреждение в виде разъяснения полицией уголовно-правовых последствий виновному посредством религиозных, культурологических и иных образовательных методов.

Рассмотрев религиозно-правовые практики разрешения криминального конфликта, которые существуют в законодательстве исламских государств, необходимо отметить следующие особенности:

1) уголовное законодательство не просто устанавливает механизмы разрешения споров и выступает инструкцией, определяющей порядок действий, но совместно с правоприменительной практикой формирует механизм социальных связей и обязанностей, базирующихся на социальном контроле, осуществляемом посредством выплат финансовых средств виновным жертве, формирования «чувства долга» у лица, совершившего преступления, перед общиной либо группой лиц, которые поручились за его дальнейшую реинтеграцию;

2) уголовная политика исламских государств преследует цель минимизации применения тюремного наказания, уделяя большее внимание перевоспитанию преступника, исправляя его традиционно-религиозным воздействием, демонстрируя социуму образец мусульманского поведения;

3) примирительные процедуры в уголовно-правовых практиках мусульманских государств имеют двойное содержание: а) общее – это прекращение конфликта и мирное урегулиро-

вание; б) специальное – достижение контролируемого соглашения между сторонами при наличии обязательной компенсации потерпевшему или членам его семьи;

4) основная идея криминологической политики – это ресоциализация как базовый прин-

цип мусульманской уголовной юриспруденции, предполагающая формирование у преступной личности сожаления и раскаяния о совершенном деянии, а у общества уверенности, что следование религиозно-традиционным нормам уменьшает криминогенную мотивацию.

1. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. И.Д. Козочкина. 3-е изд. перераб. и доп. М., 2010.

2. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учеб. для магистров / под ред. И.Д. Козочкина. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

3. Mutaz M. Qafisheh Restorative Justice in the Islamic Penal Law: A Contribution to the Global System // International Journal of Criminal Justice Sciences (IJCIS). Vol 7. Issue January – June 2012. P. 487–507.

4. Pakistan Penal Code (Act XLV of 1860, October 6th), Amended by: Protection of Women (Criminal Laws Amendment) Act of 2006, Criminal Laws (Amendment) Act of 2004, Criminal Law (Amendment) Ordinance LXXXV of 2002, Criminal Laws (Reforms) Ordinance LXXXVI of 2002, etc. URL: www.pakistani.org/Legislation

5. Afghanistan Penal Code. Issue № 13. Serial № 347. Date: 15 Mizan 1355 (7 October 1976). Official Publication of the Government of the Republic of Afghanistan. URL: www.unodc.org/tldb/showDocument.do?documentUid=2100

6. Советский энциклопедический словарь. М., 1979.

7. Философский энциклопедический словарь / ред. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев. 2-е изд. М., 1989.

8. Торнау Н. Особенности мусульманского права. СПб., 1892.

9. Исламское право: учеб. пособие; согласно фетвам аятоллы сейид Али Хусейни Хаменеи / пер., пред. и коммент. Н.А. Зейналова. М., 2010.

10. Артемов В.Ю. Основные институты мусульманского уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

11. Амир Омар Ахмед. Развитие уголовного законодательства Судана: Основные институты общей части: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

12. Ильяс Айюб. Наказание по уголовному праву Сирии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990.

13. Халиль Х.Х. Система наказания по мусульманскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2008.

1. Criminal law of foreign countries. General and Special parts / ed. by I.D. Kozochkin. Moscow, 2010.

2. Criminal law of Foreign countries. General and Special parts: textbook for magisters / ed. by I.D. Kozochkin. Moscow, 2013.

3. Mutaz M. Qafisheh Restorative Justice in the Islamic Penal Law: A Contribution to the Global System // International Journal of Criminal Justice Sciences (IJCIS). Vol 7. Issue January – June 2012. P. 487–507.

4. Pakistan Penal Code (Act XLV of 1860, October 6th), Amended by: Protection of Women (Criminal Laws Amendment) Act of 2006, Criminal Laws (Amendment) Act of 2004, Criminal Law (Amendment) Ordinance LXXXV of 2002, Criminal Laws (Reforms) Ordinance LXXXVI of 2002, etc. URL: www.pakistani.org/Legislation

5. Afghanistan Penal Code. Issue № 13. Serial № 347. Date: 15 Mizan 1355 (7 October 1976). Official Publication of the Government of the Republic of Afghanistan. URL: www.unodc.org/tldb/showDocument.do?documentUid=2100

6. Soviet encyclopedia. Moscow, 1979.

7. Philosophic encyclopedia / ed. by S.S. Averintsev, A.A. Arab-Ogly, L.F. Ilichev. Moscow, 1989.

8. Tornau N. Special aspects of Islamic law. St. Petersburg, 1892.

9. Islamic law: study aid; accordant fatwa Ayatollah Hominy / transl. by N.A. Zeinalov. Moscow, 2010.

10. Artemov V.Yu. Basic institutes of Muslim criminal law: diss. ... Master of Law. Moscow, 2008.

11. Amir Omar Ahmed. Development of Sudan criminal law: Main institutes of the General part: diss. ... Master of Law. Moscow, 1999.

12. Ilias Aube. Punishment in Syria criminal law: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 1990.

13. Hallie H.H. System of penalties in Muslim criminal law: diss. ... Master of Law. Makhachkala, 2008.

14. Maharamov I.A. Punishment in Muslim criminal law: diss. ... Master of Law. Moscow, 2009.

15. Wasti Tahir. The application of Islamic criminal law in Pakistan: Sharia in practice. Leiden, 2009.

14. Махарамов Я.А. Наказание по мусульманскому праву: понятие, цели, виды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
15. Wasti Tahir. *The application of Islamic Criminal Law in Pakistan: Sharia in practice*. Leiden, 2009.
16. Khan M. Mohammad Taimur. *The Pakistan Penal Code (Act XLV of 1860) / 1st ed. [2002] as amended up-to-date with latest comments / by M. Mohammad Taimur Khan*. Lahore, 2002.
17. Abdelbaki M. *The Koran Words Index*. Cairo, 1996.
18. Camilo Gomez-Rivas. *Law and the Islamization of Morocco under the Almoravids: the fatwas of Ibn Rushd al-Jadd to the far Magrib*. Leiden-Boston, 2015.
19. Гилязутдинова Р.Х. *Природа мусульманского права*. Уфа, 2003.
20. Shalhob N., Abdelbaqi M. *Tribal Justice and Its Effect on Formal Justice in Palestine*. Birzeit, 2003.
21. Rahami M. *Islamic Restorative Traditions and Their Reflections in the Post Revolutionary Criminal Justice System of Iran // European Journal of crime, Criminal Law and criminal Justice*. № 42 (3). 2007. P. 227–248.
22. Esmaeli H., Gans J. *Islamic Law Across Cultural Borders: The Involvement of Western Nationals in Saudi Murder Trials // Denver Journal of International Law and Policy*. Vol. 28. № 2. 2000. P. 145–174.
23. Раджабова Э.Ш. *Институт наказания по мусульманскому праву // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2015. № 1. С. 124–130.
24. Hanif C.M., *The Pakistan Penal Code, 1860 (Act no. XLV of 1860): up-to-date and exhaustive latest commentary*. Lahore, 1996.
25. Fadel Mohammad. *The True, the Good and the Reasonable: The Theological and Ethical Roots of Public Reason in Islamic Law // Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2008. № 21. P. 142–168.
16. Khan M. Mohammad Taimur. *The Pakistan Penal Code (Act XLV of 1860) / 1st ed. [2002] as amended up-to-date with latest comments / by M. Mohammad Taimur Khan*. Lahore, 2002.
17. Abdelbaki M. *The Koran Words Index*. Cairo, 1996.
18. Camilo Gomez-Rivas. *Law and the Islamization of Morocco under the Almoravids: the fatwas of Ibn Rushd al-Jadd to the far Magrib*. Leiden-Boston, 2015.
19. Gilyazytdinova R.H. *Legal nature of Muslim law*. Ufa, 2003.
20. Shalhob N., Abdelbaqi M. *Tribal Justice and Its Effect on Formal Justice in Palestine*. Birzeit, 2003.
21. Rahami M. *Islamic Restorative Traditions and Their Reflections in the Post Revolutionary Criminal Justice System of Iran // European Journal of crime, Criminal Law and criminal Justice*. № 42 (3). 2007. P. 227–248.
22. Esmaeli H., Gans J. *Islamic Law Across Cultural Borders: The Involvement of Western Nationals in Saudi Murder Trials // Denver Journal of International Law and Policy*. Vol. 28. № 2. 2000. P. 145–174.
23. Radjabova A.Sh. *Institute of punishment in Muslim law // Magazine of foreign and comparative legal science*. 2015. № 1. P. 124–130.
24. Hanif C.M., *The Pakistan Penal Code, 1860 (Act no. XLV of 1860): up-to-date and exhaustive latest commentary*. Lahore, 1996.
25. Fadel Mohammad. *The True, the Good and the Reasonable: The Theological and Ethical Roots of Public Reason in Islamic Law // Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2008. № 21. P. 142–168.

Скачко Анна Владиленовна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: hooligang@mail.ru)

Уголовная политика в сфере противодействия таможенным преступлениям в условиях присоединения России к Всемирной торговой организации (ВТО): детерминистические факторы

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования уголовной политики противодействия таможенным преступлениям в условиях присоединения России к ВТО, обусловленные обострением политических и экономических отношений, введением многочисленных экономических и политических санкций стран ЕС и США против России.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, Таможенный союз, контрафактная продукция, контрабанда, демпинг, антидемпинговая пошлина, экспорт, импорт.

A.V. Skachko, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: hooligang@mail.ru

Criminal policy in the sphere of counteraction to customs to crimes in the conditions of accession of Russia to World Trade Organization (WTO): deterministic factors

The article deals with the problems of legal regulation of the criminal policy against the crimes, customs offenses in the conditions of Russia's accession to the WTO, due to the aggravation of political and economic relations, the introduction of numerous economic and political sanctions the EU and the United States against Russia.

Key words: World Trade Organization, the Customs Union, counterfeiting, smuggling, dumping, antidumping duties, export, import.

Современная Россия переживает сложные внешнеэкономические и внешнеполитические процессы интеграционного характера, принципиально меняющие суть ее взаимоотношений с другими странами мира. Первая сторона процесса интеграции экономики России, вступающей в международные организации после длительного периода осторожных, достаточно холодных отношений с западными странами, а равно со специфическими внутренними постперестроечными экономическими взаимоотношениями, встречается с серьезными вопросами обеспечения экономической безопасности и иных государственных интересов.

Одной из болевых точек современной международной ситуации в рассматриваемой сфере можно назвать рассогласованность политических и экономических мотиваций во взаимоотношениях России с западными государствами. Названная рассогласованность в 2014 г. получила окраску враждебности, реали-

зованной в форме введения многочисленных экономических санкций стран ЕС и США против России, а также в провокационных выступлениях представителей зарубежных государств с использованием СМИ. Секретарь Совета безопасности России Н. Патрушев на совещании, посвященном вопросам укрепления государственных границ, отметил, что «на фоне роста антироссийской риторики со стороны Запада заметно активизировались националистические и реваншистские общественные организации». Это обстоятельство, наряду с другими, требует внимательного отношения к обустройству государственных границ [1].

К сожалению, сложившаяся ситуация обострения политических и экономических отношений совпала с завершением процесса присоединения России к Всемирной торговой организации (ВТО), в которую входит большинство стран, присоединившихся к провозглашенным санкциям. Особую актуальность эти

тенденции приобретают в настоящее время, когда уже законодательно решен вопрос о присоединении России к ВТО. Приходится констатировать, что политическая составляющая во взаимодействии государств (надстройка) подавила экономический базис. Введение странами Европейского союза экономических санкций против России и последовавшие ответные меры, несомненно, значительно увеличат контрабандный, несанкционированный ввоз товаров на территорию Российской Федерации. Пограничная и таможенная службы отмечают существенное увеличение количества ложного транзита европейских продуктов через территорию России, поставщики ряда стран прибегают к различным мошенническим уловкам, направленным на нарушение установленных ограничений, нелегальный провоз в страну запрещенных товаров.

Поэтому необходимо принимать упреждающие меры, усиливать пограничный и таможенный контроль. В связи с этим мы полагаем вполне обоснованным вывод Ф. Лукьянова о том, что «России и Евросоюзу понадобится новая концепция отношений после кризиса» [2].

Следует отметить, что решение о присоединении России к ВТО было встречено в обществе неоднозначно. И это вполне понятно, т.к. вступление страны в эту организацию повлечет не только позитивные, но и серьезные негативные последствия. Некоторые специалисты полагают, что реальной угрозы внезапного роста ввоза контрафактной и опасной для здоровья продукции со вступлением Российской Федерации во ВТО нет. Однако они не исключают (и мы с ними согласны), что риск все-таки существует реальный, прежде всего в потребительской сфере. Например, согласно выводам экспертов свою продовольственную безопасность Россия утратила еще в 1990-е гг. Потребности в еде наша страна покрывает только наполовину. Вторую половину прочно занимает импорт. Заграница поставляет нам до 35% свинины и говядины, а также до 40% птицы [3]. По мнению бывшего министра сельского хозяйства Н. Федорова, Россия гордится своими успехами в сфере производства зерна. Однако, по сути, продолжает «гнать» за границу сырье вместо более перспективного направления – продажи продуктов переработки [4]. Торговля России с Китаем также развивается асимметрично. Эксперты отмечают, что 99% всего экспорта приходится на лес-кругляк, нефть, газ и другие ресурсы, а на экспорт продуктов машинострое-

ния – 0,7%. В то же время в китайском экспорте почти 40% – машинно-техническая продукция [5]. Стремление российских предпринимателей, бизнесменов получить как можно быстрее выгоду отодвигает на второй план интересы государства. Возможность существенных потерь для России, трудностей в отдельных отраслях производства при присоединении к ВТО не исключает и глава государства. Об этом Президент РФ В.В. Путин говорил на встрече с председателем Федерации независимых профсоюзов [6]. Поэтому государство должно вольным порядком разрешать эти проблемы.

Вместе с тем, опасения специалистов по поводу ввоза в Россию контрафактной и опасной для здоровья продукции в условиях присоединения России к ВТО еще не самые актуальные. Наибольшие проблемы может породить «демпинговая интервенция». Демпинг, введенный впервые в законодательство зарубежных стран, определяется как продажа товаров на внешних рынках, т.е. на рынках импортируемых стран, по ценам ниже действующих на внутреннем рынке в стране экспорта. Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ) 1947 г. под демпингом понимает распространение продуктов одной страны на рынке другой по цене ниже «нормальной». В результате причиняется вред или создается угроза причинения значительного вреда производству, основанному одной из стран-участниц, либо существенно замедляется создание национальной продукции в стране-импортере [7].

Вторая сторона процесса интеграции экономики России нашла воплощение в образовании Таможенного союза. Естественно, все это порождает необходимость создания комплекса правовых норм, по-новому регламентирующих порядок таможенных отношений на международном уровне. Причем в первом и во втором случаях должны иметь место принципиальные отличия в правовом регулировании торговых взаимоотношений и организации таможенного дела. Создание Таможенного союза завершилось правовым соглашением между членами Таможенного союза (Россией, Беларуссией и Казахстаном), принятием Таможенного кодекса Таможенного союза. Государственная Дума РФ приняла фундаментальный Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 306-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – Закон). Однако концепция, заложенная в этом нормативно-правовом акте, вызывает определенные вопросы. Во-первых,

необходимо обратить внимание на несогласованность между пределами предполагаемого правового регулирования деятельности государства и его целями, установленными в преамбуле Закона. Согласно формулировке названия Закона речь в нем должна идти о таможенной деятельности государства в международном масштабе, т.е. со всеми странами мира, а не только Таможенного союза.

Во-вторых, вызывает некоторое недоумение подход к определению «дерева целей» такого важнейшего направления деятельности государственных органов, как таможенное дело. Цели правового регулирования, определенные в ст. 1 Закона, сфокусированы на деятельность в рамках Таможенного союза. Так, основной целью данного нормативно-правового акта является «обеспечение выполнения Российской Федерацией международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (далее – Таможенный союз), решений органов Таможенного союза в сфере таможенного союза и таможенного дела» (п. 1 ч. 1 ст. 1 Закона). Однако вполне естественно, что «таможенное дело» в России не может быть ограничено рамками взаимоотношений с Белоруссией и Казахстаном. Большинство других государств – бывших союзных республик, граничащих с Россией, в состав Таможенного союза пока не вступили. Таможенные проблемы возникают и со многими государствами, граничащими с Россией. Например, только по акватории Каспийского моря проходит государственная граница с Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Туркменистаном, что порождает серьезные трансграничные проблемы. На Дальнем Востоке тысячекилометровые границы с Китаем и Монголией, морские границы с Японией также создают благоприятные условия для нарушения таможенных правил, контрабандных перемещений товаров.

Поэтому вполне закономерно, что основной, первой целью в данном случае является обеспечение экономической безопасности Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами (п. 2 ч. 1 ст. 1 Закона). Однако законодатель почему-то назвал обеспечение экономической безопасности лишь в качестве второй цели, с чем трудно согласиться. Несомненно, что на первом месте должна стоять экономическая безопасность России, а все иные цели – производные от нее. При этом мы полагаем, что обеспечение выполне-

ния Российской Федерацией международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, это не цель правового регулирования, а средство достижения цели в правоприменительной практике.

По нашему мнению, есть основания для вывода о том, что Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации», ориентированный на страны Таможенного союза, вряд ли полностью обеспечит правовое регулирование экономических, торговых отношений России и стран остального мира. Несколько статей, посвященных решению отдельных вопросов взаимоотношений России и стран, не являющихся членами Таможенного союза, проблему не решат. А это сейчас особо актуально, т.к. процесс присоединения Российской Федерации к ВТО завершен. Президентом подписан соответствующий Федеральный закон [8], при Совете Федерации создана временная комиссия по мониторингу участия России в ВТО. «Задача комиссии – мониторить ситуацию на региональном уровне по последствиям присоединения России к ВТО, – сообщила глава верхней палаты В. Матвиенко, – Россия примет меры селективной защиты в случае возникновения серьезного ущерба отечественным производителям. Речь идет об антидемпинговых, компенсационных и других мерах специальной защиты по поддержке наших товаропроизводителей. Необходимо минимизировать возможные отрицательные последствия от присоединения к ВТО» [9].

Антидемпинговые меры предусмотрены отмеченным выше Генеральным соглашением о тарифах и торговле (ГАТТ), Антидемпинговым кодексом (1994 г.), а также Регламентом о защите от демпингового импорта из стран, не являющихся членами Европейского сообщества (Базовый антидемпинговый регламент). Базовый антидемпинговый регламент устанавливает порядок определения демпинга, проведения антидемпингового расследования и введения антидемпинговых пошлин. При этом все государства дифференцированы на две группы: с рыночной экономикой и с нерыночной экономикой. Для второй группы стран, в которую до 1998 г. включали Россию и Китай, установлены дискриминационные правила осуществления международной торговли. Регламентом № 905/98 были внесены изменения в Базовый антидемпинговый регламент. Россия и Китай были исключены из списка стран с нерыноч-

ной экономикой. Но в действительности это решение носило формальный характер, и российские экспортеры не получили равных прав при торговле. Только в 2002 г. в ходе Саммита Россия – Европейский союз была достигнута договоренность о предоставлении России рыночного статуса для целей антидемпинговых процедур [10]. Однако законодательное закрепление этого положения было возможно только при присоединении России к ВТО. В настоящее время, отмечает Президент РФ, «предстоит работа над новым базовым соглашением между Российской Федерацией и Европейским союзом о стратегическом партнерстве, отстаивая принципы равноправия и взаимной выгоды. При этом необходимо продолжать целенаправленную работу по надлежащему международно-правовому оформлению внешних границ Российской Федерации, включая внешние границы континентального шельфа, и разграничению прилегающих морских пространств при безусловном обеспечении национальных интересов России, прежде всего в сфере безопасности и экономики, исходя из задачи укрепления доверия и сотрудничества с сопредельными государствами» [11].

Следует отметить, что демпинг чреват серьезными последствиями для обеих сторон. Так, в стране-экспортере вывоз товаров по явно заниженным ценам (так называемый сброс перепроизводства) позволяет сохранять в стране высокие цены на этот же товар. Повышенные внутренние цены и, соответственно, налоги понижают жизненный уровень трудящихся. Но особенно опасен демпинг для стран с недостаточным уровнем развития соответствующей отрасли производства. Политика санкций, осуществляемая странами ЕС и США, отчетливо высветила эту проблему в России и заставила Правительство РФ принимать экстренные меры по выводу из состояния стагнации основных отраслей промышленности.

При этом необходимо иметь в виду, что низкие цены на импортируемый товар не являются благом для страны-импортера, проявлением гуманизма, бескорыстия и доброжелательности монополистов. Просто таким способом они подавляют конкурентов в странах, являющихся объектом демпинга. Крупные монополии посредством демпинга захватывают новые рынки сбыта, расширяя сферу своего господства на рынках сбыта. В результате «демпинговой интервенции» в странах-импортерах замедляется рост производства, возрастает безра-

ботица. Базовый антидемпинговый регламент при установлении причиненного значительного вреда либо угрозы его причинения производству, основанному одной из стран-участниц, либо существенного замедления создания национальной продукции в стране-импортере предусматривает возможность проведения демпингового расследования.

Важнейшим средством борьбы с демпингом, которое выработала мировая практика, является введение антидемпинговой пошлины на импорт соответствующих товаров. Эта пошлина начисляется дополнительно к обычной пошлине. Чтобы избежать выплаты дополнительной пошлины, экспортеры нередко прибегают к контрабандным способам ввоза продукции в страну-импортер. Для решения названных задач законодателю придется принимать новые законы, регулирующие таможенное дело, но уже с учетом подчинения России международным нормативно-правовым актам. Следует иметь в виду, что торговые отношения России и Европейского союза были урегулированы Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (СПС), заключенным 24 мая 1994 г. Оно вступило в силу с 1 декабря после прохождения им ратификации в Европейском парламенте и во всех национальных парламентах государств – членов Союза и сообществ. Принципы товарооборота между Россией и Европейским союзом были закреплены в разд. 3 СПС «Торговля товарами».

Стороны установили в торговых отношениях между собой принцип свободы транзита. Это означало, что каждая сторона обеспечивает свободный транзит через свою территорию товаров, перемещаемых с таможенной территории или предназначенных для таможенной территории страны. Однако Соглашение не исключает и запретов или ограничений импорта, экспорта, транзита товаров по закрытому перечню оснований. До завершения всех процедур законодательного оформления присоединения России к ВТО все торговые взаимоотношения регулируются пятью двусторонними соглашениями, заключенными на основе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве.

В предстоящий период перед отечественным законодателем стоит важнейшая проблема имплементации «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» и права ВТО в целом в правовую систему России. Актуальность и серьезность правотворчества в этой сфере подчеркнута в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях со-

вершенствования системы государственного управления». Указ предписывает: «установить требования к проведению процедуры оценки регулирующего воздействия в отношении проектов нормативных правовых актов в области таможенного и налогового законодательства» [12].

Но, прежде всего, в настоящее время на повестке дня с неизбежностью будет стоять проблема разработки новой концепция отношений после серьезного политического и экономического кризиса, возникшего между Российской Федерацией и странами Европейского союза и США.

1. Егоров И. На границе торг уместен: интервью секретаря Совета безопасности России // Рос. газ. 2015. 20 марта.

2. Лукьянов Ф. Китайский год? // Рос. газ. 2015. 18 марта.

3. Егоршева Н. Заколбасило // Рос. газ. 2008. 16 июля.

4. Министерство еды: интервью министра сельского хозяйства Н. Федорова // Рос. газ. 2012. 17 июля.

5. Фомченков Т. Китайское предупреждение // Рос. газ. 2012. 26 июля.

6. Латухина К. Сколько надо // Рос. газ. 2012. 16 июля.

7. Топорнин Б.Н. Европейское право: учеб. М., 1998.

8. О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.: федер. закон от 21 июля 2001 г. № 126-ФЗ // Рос. газ. 2012. 23 июля.

9. Новиков К. ВТО? Нет, не слышал // Рос. газ. 2012. 17 июля.

10. Россия и Европейский союз: документы и материалы / под ред. С.Ю. Кашкина. М., 2003.

11. О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 // Рос. газ. 2012. 9 мая.

12. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // Рос. газ. 2012. 9 мая.

1. Egorov I. On the boundary of the bargain: interview with the Secretary of security Council of Russia // Rus. newsp. 2015. March 20.

2. Lukyanov F. Chinese year? // Rus. newsp. 2015. March 18.

3. Egorшева N. Zakolbasilo // Rus. newsp. 2008. July 16.

4. The Ministry of food: interview of the Minister of agriculture N. Fedorov // Rus. newsp. 2012. July 17.

5. Fomchenkov T. Chinese warning // Rus. newsp. 2012. July 26.

6. Latukhina K. How much // Rus. newsp. 2012. July 16.

7. Topornin B.N. European law: textbook. Moscow, 1998.

8. On Ratification of the Protocol on the accession of the Russian Federation to the Marrakesh agreement-the agreement establishing the world trade organization d.d. 15 April 1994: fed. law d.d. July 21, 2012 № 126-FL // Rus. newsp. 2012. July 23.

9. Novikov K. The WTO? No, not heard // Rus. newsp. 2012. July 17.

10. Russia and the European Union: documents and materials / ed. by S.Yu. Kashkin. Moscow, 2003.

11. On measures of re-implementation of the foreign policy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 7, 2012 № 605 // Rus. newsp. 2012. May 9.

12. On main directions of improvement of system of government: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 7, 2012 № 601 // Rus. newsp. 2012. May 9.

Танага Ирина Владимировнакандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)**Танага Александр Владимирович**преподаватель кафедры огневой подготовки
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583934)

К вопросу о необходимости законодательного закрепления термина «опасное вождение»

В статье рассматривается вопрос необходимости законодательного закрепления термина «опасное вождение», приводятся статистические данные дорожно-транспортной аварийности в России с 2013 по 2015 г. Дается примерный перечень действий, подпадающих под определение «опасное вождение».

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, аварийность, безопасность дорожного движения, эксплуатация транспортных средств, механизм ДТП, опасное вождение, опасная ситуация, аварийная ситуация.

I.V. Tanaga, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563;

A.V. Tanaga, Lecturer of the Chair of Fire Training of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583934.

On the question of the need for legislative consolidation of the term «dangerous driving»

The article discusses the need for legislative consolidation of the term «dangerous driving» provides statistics of road transport accidents in Russia from 2013 to 2015. Provides an illustrative list of activities falling under the definition of «dangerous driving».

Key words: traffic accident, breakdown rate, traffic safety, operation of vehicles, accident mechanism, dangerous driving, dangerous situation, emergency.

На сегодняшний день безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств все также остается волнующим вопросом в России, поскольку, несмотря на незначительное снижение уровня аварий, число лиц, пострадавших и погибших в результате ДТП за последние несколько лет, по-прежнему велико. Так, по официальным данным ГИБДД МВД России, в 2014 г. в стране было зафиксировано 199720 аварий (-2,1% по сравнению с 2013 г.), в которых погибло 26963 человека (-0,2%) и 251785 ранено (-2,6%) [1]. За период с января по ноябрь 2015 г. на дорогах России произошло 133203 ДТП, в которых погибли 16638 человек и 168146 получили ранения, из них 15860 детей ранено, 582 ребенка погибли. За январь 2016 г. в России зарегистрировано 1410 ДТП (-9,1% АППГ), в которых погибло 285 человек (-20,6 % АППГ) и ранено 5342 человека (-7,8 % АППГ) [2].

Несмотря на наметившуюся тенденцию снижения количества аварий за сравниваемый период, аварийность на дорогах нашей страны остается значительной.

Изучая детерминанты аварийности, мы с уверенностью можем сказать, что их удельный вес зависит от поведения участников дорож-

ного движения, в частности водителей транспортных средств. Исследование механизма ДТП позволило нам выявить следующие его стадии: нормальная ситуация, опасная ситуация, аварийная ситуация и стадия наступления общественно опасных последствий дорожно-транспортного происшествия [3].

Нормальная ситуация, характеризующаяся (с известной долей условности) как безопасная для движения обстановка, не требует репрессивных мер административно- и уголовно-правового регулирования поведения водителей в целях предупреждения дорожно-транспортного травматизма.

Опасная ситуация характеризуется осознанным, небрежным или невиновным нарушением правил безопасности дорожного движения его участниками или участником либо возникновением опасности для движения, не связанной с поведением водителей, пассажиров или пешеходов, а явившейся следствием воздействия на безопасность дорожного движения третьих сил. В опасной ситуации водитель продолжает сохранять контроль над скоростью, динамикой и направлением движения транспортного средства. К примеру осознанного, небрежного нарушения правил безопасности дорожного движе-

ния можно отнести «опасное вождение», понятие которого более подробно мы рассмотрим ниже.

Третьей стадией механизма дорожно-транспортного происшествия, на наш взгляд, является аварийная ситуация. Как и предшествующая ей, это опасная ситуация, также характеризующаяся наличием опасности для движения (с прежней скоростью и в прежнем направлении). Но в отличие от опасной ситуации, аварийная ситуация характеризуется невозможностью управлять транспортным средством.

И четвертая стадия указанного механизма – это стадия наступления общественно опасных последствий дорожно-транспортного происшествия.

В этом случае совершение или несовершение дорожно-транспортного происшествия, а также наступление или ненаступление его тяжких последствий, равно как и степень тяжести таких последствий, не подчинены воле субъектов, создавших и (или) оказавшихся в аварийной ситуации. Возможность ДТП, а также наступления вышеназванных последствий на стадии аварийной ситуации зависит от множества иных факторов и условий, от обстоятельств, характеризующих саму аварийную ситуацию как событие, от технических характеристик транспортных средств, от физических, физиологических и иных личностных характеристик виновников и участников такой аварийной ситуации и даже от профессионализма водителя «Скорой помощи» и врачей, ее оказывающих [4].

На наш взгляд, создание аварийной ситуации характеризуется достаточной степенью общественной опасности для криминализации осознанного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, однако не стоит забывать и о предшествующей стадии – создания опасной ситуации. Как нами уже упоминалось, на законодательном уровне не закреплено и четко не установлено такое поведение водителей, как опасное вождение, последствиями которого нередко становятся дорожно-транспортные происшествия.

В законодательстве большинства штатов Америки, а также в Великобритании, Франции, Германии, Австралии, Японии, Сингапуре разделены понятия «небрежное вождение», непредумышленное нарушение ПДД (careless driving) и «опасное вождение» с умышленным нарушением ПДД (dangerous driving). «Небрежное вождение» признается административно-правовым нарушением, а «опасное вождение» – уголовно наказуемым деянием как более серьезная форма неосторожности и небрежности. Существует даже специальный термин, характеризующий водителей, наиболее склонных к проявлению агрессии на дороге и частым нарушениям – «accident prone driver» [5].

Наказанием за агрессивное вождение законами разных стран предусмотрено: тюремное заключение на срок от 5 дней до 6 меся-

цев; лишение водительской лицензии на срок от 1 месяца до 1 года с обязательной пересдачей экзамена по управлению автомобилем, а также прослушивание учебного курса по безопасному управлению транспортным средством и/или культуре поведения; денежные штрафы по факту причинения вреда/ущерба (в том числе, морального), находящиеся на уровне, «чувствительном» с позиций среднего благосостояния владельца транспортного средства – от 1000 до 2500 долл. [5].

В нашей стране «опасное вождение» на слуху и на виду у многих, однако до сегодняшнего дня данное понятие четко не определено и не закреплено в Правилах дорожного движения.

Последнее время на законодательном уровне стали активно обсуждать возможность ввести в Правилах дорожного движения в нашей стране понятие «агрессивное вождение», или «опасное вождение».

В настоящий момент на портале regulation.gov.ru обсуждается проект постановления Правительства РФ о внесении правок в Правила дорожного движения, вводящих термин «опасное вождение». Поручение ведомству определить состав правонарушения «опасное вождение» было дано первым вице-премьером Игорем Шуваловым.

Согласно данным изменениям под опасным вождением Министерство внутренних дел РФ предлагает понимать неоднократное совершение водителем одного или нескольких действий, связанных с нарушением ПДД: отказ уступить дорогу при перестроении другому ТС, пользующемуся преимущественным правом движения; перестроение при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты; несоблюдение безопасной дистанции до движущегося впереди ТС; несоблюдение бокового интервала; необоснованное резкое торможение; препятствование обгону. Описание термина «опасное вождение» может быть добавлено в п. 1.2 ПДД наряду с другими основными понятиями и определениями [6].

По мнению экспертов, именно эти маневры с высокой долей вероятности могут привести к ДТП, однако точную статистику пока привести не представляется возможным. В силу отсутствия определения термина «опасное вождение» он не встречается в документах ГИБДД в качестве причины аварий.

Между тем, премьер-министр Дмитрий Медведев, настаивая на общественном обсуждении этой проблемы, упоминал, что из-за лихачей происходит около 80% аварий – такие данные приводятся на сайте «Открытого правительства» [1].

Глава департамента транспорта Москвы Максим Ликсутов предложил считать «опасным вождением» еще и превышение скорости более, чем на 60 км/ч. Он считает, что следует разрешить инспекторам ГИБДД изымать за опасное вождение «права» прямо на месте, причем на срок не менее полугода.

На официальном сайте Госавтоинспекции был проведен опрос, в ходе которого было опрошено 20000 человек.

Большинство опрошенных (67%) высказалось за закрепление термина в ПДД. 38% водителей считают, что такое понятие уже давно должно быть закреплено в российском законодательстве. Возможно, это помогло бы уменьшить количество водителей, практикующих опасное вождение, на дорогах. Треть поддерживает необходимость введения наказания за опасное вождение, однако лишь в том случае, если имеются доказательства вины нарушителя.

17% уверены, что введение термина «опасное вождение» не повлияет на ситуацию на дорогах. Почти столько же опрошенных (16%) и вовсе уверены, что законодательно бороться с опасным вождением бессмысленно [5].

Все участники общественных слушаний согласились с тем, что для начала за «опасное вождение» может быть предусмотрена административная ответственность, но не исключено, что позже она перейдет в разряд уголовной. Чтобы изучить правоприменительную практику, первый вице-премьер предложил создать «библиотеку нарушений», куда сможет зайти как эксперт, так и рядовой автомобилист, чтобы понять, какие деяния следует квалифицировать как «опасное вождение».

Таким образом, под основными признаками опасного, агрессивного вождения следует понимать:

- превышение максимально разрешенной скорости движения;
- резкое трогание с места (с визгом шин и пробуксовкой);
- резкое торможение;
- подачу звуковых сигналов другим участникам движения (напомним, что Правила разре-

шают это делать только для предотвращения ДТП (вне населенного пункта, кроме того, как предупреждение об обгоне));

- ненормативные выкрики и жесты;
- несоблюдение дистанции и интервалов движения;
- частые перестроения;
- движение с дальним светом фар в нарушение ПДД;
- препятствие обгону;
- езду по тротуарам;
- проезд на красный свет;
- «обгон» справа [1].

Данный список может быть дополнен, т.к. на наш взгляд, фактически опасным следует считать стиль вождения, создающий угрозу безопасности других участников движения.

Кроме того, представляется допустимым дифференцировать ответственность за вышеназванные нарушения в зависимости от разницы в объектах уголовно-правовой охраны, которым причиняется вред в результате дорожно-транспортного преступления [11], т.е. в зависимости от создания аварийной ситуации и, соответственно, реальной угрозы жизни или здоровью других участников движения. Чтобы избежать неоднозначных толкований термина «опасная ситуация», «аварийная ситуация» и «опасное вождение», предлагаем дополнить ст. 264 УК примечанием с определением данных понятий.

Безусловно, безопасность дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации, только комплексный подход к ее выполнению может свидетельствовать о дальнейшем благополучии и развитии государства и его граждан. Одним из методов реализации государственной политики в данном направлении является и восполнение законодательных пробелов.

1. Официальный сайт ГИБДД РФ. URL: <http://www.1gai.ru/autonews/-statistikal>

2. URL: http://www.jcnews.ru/news/vvedenie_termina_opasnoe_vojdenie_podderjalo_bolshinstvo/30414

3. Танага И.В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовое регулирование и предупреждение. Краснодар, 2013.

4. Божко И.В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовое регулирование и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

5. URL: http://akpspb.ru/blog/kultura_bezopasnogo_vozhdeniya/agressivnoe_vozhdenie/12-290

6. URL: <http://www.regulation.gov.ru>

7. Улезько С.И. Характеристика системы наказаний в российском уголовном праве // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 4(30).

1. The official website of traffic police of the Russian Federation. URL: <http://www.1gai.ru/autonews/-statistikal>

2. URL: http://www.jcnews.ru/news/vvedenie_termina_opasnoe_vojdenie_podderjalo_bolshinstvo/30414

3. Tanaga I.V. Violation of traffic rules and operation of vehicles: the criminally-legal regulation and prevention. Krasnodar, 2013.

4. Bozhko I.V. Violation of traffic rules and operation of vehicles: the criminally-legal regulation and prevention: diss. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2011.

5. URL: http://akpspb.ru/blog/kultura_bezopasnogo_vozhdeniya/agressivnoe_vozhdenie/12-290

6. URL: <http://www.regulation.gov.ru>

7. Ulezko S.I. Characteristics of the penal system in the Russian criminal law // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2015. № 4(30).

Бадалов Артур Эдуардовичадъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79180175600)

Проблемы систематизации правового регулирования оснований конфискации предмета взятничества в уголовном праве России

В статье анализируются проблемы систематизации правового регулирования оснований конфискации предмета взятничества в уголовном законодательстве Российской Федерации. Автор предлагает варианты разрешения выявленных проблем посредством внесения изменений и дополнений в УК РФ.

Ключевые слова: преступления коррупционного характера, взятничество, посредничество во взятничестве, коррупция, конфискация имущества.

A.E. Badalov, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79180175600.

Problems of systematization of legal regulation of the bases of confiscation of the subject of bribery in the criminal law of Russia

The article analyzes the problems of systematization of legal regulation of grounds for the confiscation of the subject of bribery in criminal legislation of the Russian Federation. The author suggests options to resolve the identified issues through changes and additions in the Criminal code of the Russian Federation.

Key words: crimes of corruption, bribery, mediation in bribery, corruption, confiscation of property.

Для охраны прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства, а также в целях предупреждения преступлений УК РФ «устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений» [1, ч. 2 ст. 2].

Применительно к преступлениям коррупционного характера, в частности применительно к взятничеству, уголовный закон России регламентирует в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм наказания, которые могут быть назначены за коррупционные преступления.

Кроме того, гл. 15.1 УК РФ предусмотрены иные меры уголовно-правового характера, которые могут быть применены к лицам, виновным в получении взятки.

Так, в соответствии с положениями п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ принудительному безвоз-

мездному изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора суда подлежат деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, и любые доходы от этого имущества. Иными словами, конфискации подлежит предмет взятки и полученные от него доходы.

Кроме того, в соответствии п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискации подлежат имущество и доходы, в которые предмет взятки был частично или полностью превращен или преобразован.

В соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискации подлежат орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

Вышеобозначенные законоположения определяют содержание конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, направленной на борьбу со взятничеством.

Положения о конфискации имущества, включенные в действующее отечественное уголовное законодательство в качестве иной меры уголовно-правового характера в 2006 г.

[2], неоднократно подвергались изменениям и дополнениям (см. федеральные законы от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ, от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ, от 10 июля 2012 г. № 107-ФЗ, от 12 ноября 2012 г. № 190-ФЗ, от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ, от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ, от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ, от 21 декабря 2013 г. № 365-ФЗ, от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ, от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ, от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ, от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ). Несмотря на весьма значительное число изменений и дополнений, внесенных в положения УК РФ о конфискации имущества, с нашей точки зрения, отдельные положения анализируемого института нуждаются в дальнейшем совершенствовании и модернизации в целях их систематизации и устранения внутри- и межотраслевых противоречий.

В частности, на наш взгляд, представляется абсолютно обоснованным подход законодателя, определившего, что конфискации подлежит имущество, полученное лицом в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ «Получение взятки».

Вместе с тем, указанный в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ перечень составов преступлений, предмет которых подлежит конфискации, является исчерпывающим. Таким образом, положения о конфискации предметов преступления распространяются только на составы преступлений, указанные в данном перечне, и не распространяются на иные составы преступлений, несмотря ни на их корыстный характер, ни на возможность получения за счет их совершения незаконного обогащения и т.д.

Так, к примеру, не вполне логичным, с нашей точки зрения, представляется действующее законодательное решение, в соответствии с которым ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве» не включена в перечень составов преступлений, изложенный в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, предмет которых подлежит конфискации. Таким образом, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ исключается возможность конфискации имущества, являющегося предметом посредничества во взяточничестве, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ.

Анализируя актуальность обозначенной проблемы, мы столкнулись с возражениями наших оппонентов о том, что предмет посредничества во взяточничестве, так или иначе, будет кон-

фискован, поскольку при реализации виновными своего преступного умысла он становится предметом получения взятки и подлежит конфискации в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, содержащим ссылку на ст. 290 УК РФ.

Вместе с тем, на наш взгляд, следует разграничивать разные по объему и содержанию понятия «предмет взяточничества» и «предмет получения взятки»

Содержание диспозиции ст. 291.1 УК РФ не позволяет охарактеризовать посредничество во взяточничестве как корыстное преступление. Безусловно, бескорыстное посредничество во взяточничестве при наличии всех известных признаков в поведении виновного образует состав преступления и влечет уголовную ответственность. В случае бескорыстного посредничества во взяточничестве предмет взятки и предмет взяточничества совпадают и представляют собой единое целое.

Вместе с тем, как показывает проведенный нами опрос, подавляющее большинство посреднических действий имело корыстную мотивацию, а само посредничество во взяточничестве влекло незаконное обогащение виновного за счет совершения преступления.

В этих случаях предмет взяточничества, по сути, представлял собой сумму предметов двух самостоятельных преступлений: предмета взятки, передаваемой должностному лицу, и предмета незаконного обогащения посредника. Необходимо отметить, что в отдельных случаях эта схема выглядела еще сложнее из-за значительного числа посредников. Так, в частности, в одном из изученных нами уголовных дел сумма предмета взятки, переданная взяткополучателю (70 тысяч рублей), была меньше суммы денежных средств, в совокупности полученных тремя посредниками (80 тысяч рублей). Таким образом, из 150 тысяч рублей, являющихся в приведенном примере предметом дачи взятки, предметом получения взятки стали только 70 тысяч, а остальные 80 тысяч рублей стали предметом незаконного обогащения трех посредников: соответственно – 35, 35 и 10 тысяч рублей. При этом должностное лицо состояло в сговоре только с одним из посредников и не знало ни про существование двух других, ни о размере полученных каждым из посредников «комиссионных», ни о сумме взятки, переданной взяткодателем. Сам же взяткодатель создавал, что передаваемая им сумма включает как сумму взятки, так и вознаграж-

дение посредника, не имея представления ни о соотношении данных сумм, ни о количестве посредников.

В приведенном примере 70 тысяч рублей, ставшие предметом получения взятки, безусловно, могут быть конфискованы в соответствии с положениями п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Остальные же 80 тысяч рублей не являются предметом получения взятки и, следовательно, в соответствии с положениями п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискации не подлежат.

Таким образом, говоря о том, что в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ исключается возможность конфискации имущества, являющегося предметом посредничества во взяточничестве, мы имели в виду, что согласно действующему законодательству исключается возможность конфискации не той части предмета посредничества во взяточничестве, которая является предметом взятки (поскольку она, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, подлежит конфискации), а той его части, которая представляет собой незаконное вознаграждение посредника за осуществление посреднических действий.

Представляется бесспорным признание незаконным вознаграждения, полученного посредником во взяточничестве. При этом, в случае пресечения и раскрытия преступления, даже при наличии признаков вымогательства взятки, такое вознаграждение не подлежит возвращению законному владельцу.

Так, в частности, в соответствии с п. 30 ППВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [3] «освобождение от уголовной ответственности взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, которые активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа, не означает отсутствия в их действиях состава преступления. Поэтому такие лица не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей, переданных в виде взятки или предмета коммерческого подкупа».

Таким образом, в случае пресечения взяточничества, сопряженного с незаконным обогащением посредника во взяточничестве, судьба предмета незаконного обогащения посредника

(т.е. дальнейшая принадлежность предмета преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ) должна решаться судом. Но в этом случае суд, исходя из положений п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ не вправе принудительно безвозмездно обратить в собственность государства имущество, полученное в результате совершения посредничества во взяточничестве, поскольку в исчерпывающем перечне составов преступлений, предметы которых подлежат конфискации, изложенном в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, отсутствует ссылка на ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве».

В результате становится очевидным пробел в уголовно-правовом регулировании оснований обращения в собственность государства имущества, ставшего предметом преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ, и при этом не подлежащего возвращению законному владельцу.

Анализируя алгоритм составления исчерпывающего перечня составов преступлений, при совершении которых полученное имущество подлежит конфискации, можно прийти к выводу, что это такие преступления, которые позволяют получить незаконное обогащение, но исключающие возвращение такого имущества законному владельцу. На последнее прямо указывает завершающая фраза в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ: «за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу».

В целях устранения обозначенного правового пробела мы предлагаем дополнить п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ ссылкой на ст. 291.1 УК РФ.

В этом случае мы получим законный инструмент, позволяющий произвести конфискации предмета взяточничества в широком смысле, а не только предмета взятки. Таким образом, если посредник получил незаконное вознаграждение, то оно по закону будет конфисковано вместе с предметом получения взятки, а если действовал бескорыстно, то предмет взяточничества будет состоять только в предмете получения взятки, который, собственно, и будет конфискован.

Следующее, на что, с нашей точки зрения, необходимо обратить внимание в процессе анализа положений УК РФ о конфискации имущества как меры борьбы с преступностью, в частности со взяточничеством, это п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, в соответствии с которыми конфискации подлежат орудия, оборудование

или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

В частности, с нашей точки зрения, в процессе легальной регламентации обозначенного основания конфискации имущества при описании принадлежности имущества не вполне корректно использован термин «обвиняемому».

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества...». То есть обязательным основанием конфискации имущества является обвинительный приговор суда, в соответствии с которым лицо, которое сначала подозревалось, а после этого обвинялось в совершении преступления, признается виновным в совершении преступления. Такое признание, т.е. обвинительный приговор, позволяет применять к нему предусмотренные законом уголовно-репрессивные меры, включая как наказание, так и иные меры уголовно-правового характера, т.е. конфискацию имущества.

Кроме того, в соответствии с регламентируемым ст. 5 УК РФ принципом вины «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». В соответствии со ст. 49 Конституции РФ «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Таким образом, конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, в которой (в числе прочего) находит реализацию уголовная ответственность, может применяться только в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления вступившим в законную силу приговором суда.

Термин «обвиняемый», использующийся в п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ при описании оснований конфискации орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, в соответствии со ст. 47 УПК РФ имеет законодательное определение.

Так, согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ «обвиняемым признается лицо, в отношении которого:

1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление».

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ «обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Обвиняемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, является оправданным».

Таким образом, в соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемым является и оправданный, и осужденный, и лицо, в отношении которого только осуществляется судебное разбирательство и еще не вынесено никакого приговора.

Вместе с тем, учитывая, что в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества есть мера, применяемая только на основании обвинительного приговора, а в соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ «обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным», можно сделать вывод о том, что в соответствии с абз. 1 п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и ч. 2 ст. 47 УПК РФ «на основании обвинительного приговора» конфискации подлежат орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие осужденному.

На основании вышеизложенного считаем незаконной конфискацию имущества, принадлежащего оправданному, т.е. обвиняемому, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, равно как незаконной представляется конфискация имущества подсудимого, т.е. обвиняемого, по уголовному делу которого назначено и еще не закончено судебное разбирательство.

Конфискация имущества, принадлежащего подсудимому и оправданному, незаконна, поскольку ограничивает права лиц, не признанных судом виновными в совершении преступления.

Такой вывод представляется нам логичным и законодательно обоснованным, однако, чтобы прийти к выводу о том, что в п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ речь ведется о предметах, принадлежащих не любому обвиняемому, а только осужденному, пришлось проанализировать положения абз. 1 ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, ст. 5 УК РФ, ч. 1 и 2 ст. 47 УПК РФ, ст. 49 Конституции РФ.

Представляется, что это не самый простой способ толкования положений уголовного законодательства. Учитывая, что использование в анализируемой части УК РФ термина «осужденному» вместо термина «обвиняемому» позволило бы для уяснения смысла уголовно-правового предписания использовать буквальное толкование несложного в понимании и общеизвестного термина «осужденному».

В целях внутри-, а также межотраслевой систематизации положений УК РФ о конфискации орудий, оборудования или иных средств совершения преступления предлагаем в п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ слово «обвиняемому» заменить словом «осужденному» и изложить

обозначенный пункт в следующей редакции: «г) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих осужденному».

Приведенные выше предложения по совершенствованию правового регулирования оснований конфискации предмета взяточничества в уголовном праве России будут, с нашей точки зрения, способствовать их внутри- и межотраслевой систематизации и устранению правовых пробелов, что в конечном счете, будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовых мер борьбы со взяточничеством как наиболее опасным видом коррупционных преступлений.

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2015 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 3 дек. 2013 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Criminal code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on Dec 30, 2015) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal law «On ratification of the Convention of the Council of Europe on the prevention of terrorism» and the Federal law «On counteraction to terrorism»: fed. law d.d. July 27, 2006 № 153-FL. Access from reference legal system «ConsultantPlus».

3. About judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. July 9, 2013 № 24 (as amended on Dec. 3, 2013). Acces from legal reference system «ConsultantPlus».

Кулагин Андрей Николаевич

заместитель прокурора

Западного административного округа г. Москвы

(e-mail: prokzao@mosproc.ru)

Особенности квалификации продолжаемого взяточничества

В статье рассмотрены сложные правоприменительные проблемы разграничения продолжаемого получения взятки и совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ. Сформулированы рекомендации по разрешению этих проблем.

Ключевые слова: продолжаемое взяточничество, квалификация взяточничества, продолжаемое преступление, совокупность преступлений.

A.N. Kulagin, Deputy prosecutor of Western administrative district of Moscow; e-mail: prokzao@mosproc.ru

Features of qualification of the continued bribery

In the article complex law-enforcement problems of differentiation of the continued taking of a bribe and set of the crimes provided by art. 290 of the Criminal code of the Russian Federation are considered. Recommendations about permission of these problems are formulated.

Key words: continued bribery, qualification of bribery, continued crime, set of crimes.

Как известно, в отечественном уголовном законодательстве до настоящего времени не регламентированы определение продолжаемого преступления и правила его отграничения от совокупности преступных деяний. Восполнять этот «законодательный вакуум», равно как и многие другие пробелы уголовного закона, вынужден Пленум Верховного Суда РФ [1, с. 40–45].

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. № 1) продолжаемыми являются «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление». Помимо процитированного общего определения продолжаемого преступления, в постановлениях Пленума выработаны дополнительные признаки, которые характеризуют продолжаемые преступления отдельных видов (продолжаемые хищения, вымогательство, взяточничество и др.).

В настоящей статье рассматриваются проблемы отграничения продолжаемого получения взятки от совокупности соответствующих преступлений, которая неизбежно возникает при квалификации многоэпизодного коррупционного подкупа. К сожалению, при решении этой проблемы правоприменительные органы допускают немало ошибок, о чем свидетельствует опубликованная судебная практика. Реагируя

на эти квалификационные ошибки, понимая остроту и сложность указанной проблемы, высшая судебная инстанция неоднократно разъясняла свою позицию в постановлениях Пленума о судебной практике по соответствующей категории уголовных дел (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве», постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).

Анализ соответствующих постановлений показывает, что Пленум Верховного Суда придерживается дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценке многоэпизодного взяточничества, предлагая различные правила квалификации в зависимости от количества участников коррупционного подкупа, а также характера действия (бездействия), за которое получены взятки. Рассмотрим эти правила подробнее.

Первое правило касается уголовно-правовой оценки получения (дачи) взятки в несколько приемов. В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъясняется, что «от совокупности преступлений следует отличать продолжаемые дачу либо получение в несколько приемов взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом

подкупе». Это правило квалификации достаточно давно утвердилось в судебной практике (аналогичные разъяснения содержались и в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16, а также в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3). Вместе с тем, отдельные представители уголовно-правовой науки ставят анализируемое частное правило квалификации под сомнение, полагая, что оно распространяется далеко не на все случаи передачи взятки в несколько приемов.

Действительно, следует учитывать, что получение (дача) взятки по частям может иметь различные проявления. «Дробление» взятки наблюдается в двух основных случаях:

1. Если между взяткодателем и взяткополучателем имеется предварительная договоренность о передаче взятки в несколько приемов. В этом случае предварительная договоренность о «дроблении» взятки не оставляет сомнений в том, что тождественные действия каждого из субъектов коррупционного подкупа (взяткополучателя и взяткодателя) связаны единым умыслом, а значит, их следует расценивать в качестве продолжаемого получения (продолжаемой дачи) взятки. При этом не имеет принципиального значения, был ли заранее точно определен размер взятки, передаваемой по частям. Как отмечает в связи с этим Б.В. Волженкин, если размер взятки не определен заранее, однако имущественные выгоды передаются в несколько приемов, за выполнение одного конкретного действия – это единое продолжаемое преступление [1; с. 204].

2. Если должностное лицо, получив от взяткодателя незаконное вознаграждение в оговоренном размере за совершение определенных действий (бездействия), требует повысить размер взятки и взяткодатель, согласившись с этим требованием, передает чиновнику дополнительное вознаграждение за те же действия (бездействие). Специалисты в области уголовного права полагают, что в этой ситуации признаки продолжаемого преступления отсутствуют. К такому выводу, в частности, приходит П.С. Яни: «Когда должностное лицо получило за определенное, допустим, действие взятку в сумме, соответствующей первоначальной договоренности со взяткодателем, то состав преступления и объективно, и субъективно завершен. И если уже вслед за этим коррупционер, решив пока не выполнять обещанного, приходит к выводу, что потребовал и взял недостаточно, и обращается к тому же взяткодателю с предложением о передаче еще одной суммы за то же действие, второе вознаграждение чиновника происходит в результате не общего с первым, а нового преступного замысла. Стало быть, имеет место совокупность преступлений» [3, с. 63]. Такого же мнения придержи-

вается Т.А. Николенко, который отмечает, что «при таких обстоятельствах оба действия в виде принятия взятки не охватываются единой целью и умыслом» [4, с. 23–26].

Таким образом, в отличие от Пленума Верховного Суда РФ уголовно-правовая доктрина предлагает два различных подхода к уголовно-правовой оценке получения взятки от одного лица в несколько приемов (дачи взятки по частям одному должностному лицу) в зависимости от наличия или отсутствия предварительной договоренности о «дроблении» взятки. Однако при более глубоком анализе оказывается, что выводы П.С. Яни и Т.А. Николенко относительно совокупной уголовно-правовой оценки передачи дополнительного незаконного вознаграждения, полученного сверх изначально оговоренного размера взятки, весьма уязвимы для критики.

Во-первых, авторы не учитывают того, что требование дополнительного незаконного вознаграждения может быть спланировано взяткополучателем изначально – как тактический прием увеличения размера коррупционного дохода. Во-вторых, и это более важно, желание взяткополучателя получить дополнительное коррупционное вознаграждение нельзя расценивать как новый умысел на получение взятки. Вне зависимости от того, когда возникло такое желание, должностное лицо получает дополнительное незаконное вознаграждение за те же самые действия (бездействие), причем от того же взяткодателя. А значит, незаконное вознаграждение в изначально оговоренном размере и полученный сверх этого коррупционный «бонус» – это одна взятка, разбитая на части. Иными словами, в этом случае коррупционер не повторяет получение взятки, а продолжает ее получение. Желание получить дополнительное незаконное вознаграждение сверх изначально оговоренного размера взятки в этом случае свидетельствует не о новом умысле, а об определенной динамике первоначального умысла, которая при этом остается в рамках этого умысла.

Полагаем, что здесь уместно провести аналогию с продолжаемым хищением, умысел на совершение которого тоже может претерпевать определенные трансформации. Так, например, вор задумал в несколько заходов похитить со склада весь находившийся там цветной металл (скажем, 150 кг медной проволоки). После того, как он похитил 100 кг проволоки, на склад завезли еще одну катушку массой 50 кг, которую он также решил похитить. Очевидно, что в этом случае говорить о новом умысле на хищение не приходится, т.к. лицо не выходит за рамки первоначального умысла, хотя его параметры меняются.

С этих же позиций следует подходить и к уголовно-правовой оценке действий взяткодате-

ля, согласившегося на передачу должностному лицу дополнительного незаконного вознаграждения сверх изначально оговоренного размера взятки. В рассматриваемой ситуации взяткодатель передает должностному лицу взятку как минимум два раза (первый раз взятку в изначально оговоренном размере, а второй – дополнительное вознаграждение по требованию должностного лица), что автоматически порождает правоприменительную дилемму, требующую выбора между совокупной квалификацией содеянного и констатацией признаков продолжаемого преступления. Разрешая эту дилемму, следует учитывать, что взяткодатель, как правило, не может заранее предвидеть требование должностного лица повысить первоначально оговоренный размер взятки; для него это требование является неожиданным. Тем не менее, выполнение этого требования не образует повторной дачи взятки, т.к. взяткодатель передает дополнительное незаконное вознаграждение тому же чиновнику в тех же самых целях, т.е. предпринимает действия, направленные на реализацию первоначального умысла, продолжает его реализацию.

Иначе следует квалифицировать действия взяткополучателя, который после получения взятки в заранее определенном размере сообщает взяткодателю о том, что для совершения действия (бездействия), в котором заинтересован взяткодатель, необходимо дать взятку другому должностному лицу. В этом случае получение чиновником дополнительного незаконного вознаграждения для передачи другому должностному лицу является результатом формирования нового умысла, а значит, это деяние должно получить самостоятельную уголовно-правовую оценку:

как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), если должностное лицо, получившее вторую взятку, передало ее другому взяткополучателю [5];

как мошенничество (ст. 159 УК РФ), если информация о необходимости подкупить еще одно должностное лицо является ложной и сообщается с целью похитить дополнительное незаконное вознаграждение. В этом случае имеет место так называемое «мнимое посредничество» во взяточничестве; правила его квалификации изложены в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «Как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако за-

ведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Владелец переданных ему ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп».

При этом в первом случае взяткодатель должен нести ответственность за два оконченных преступления, предусмотренных ст. 291 УК РФ, а во втором случае его действия следует квалифицировать как совокупность оконченной дачи взятки и покушения на дачу взятки.

Второе правило квалификации многоэпизодного взяточничества, сформулированное в п. 21 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24, касается систематического получения (дачи) взятки за общее покровительство или попустительство по службе: «Как единое продолжаемое преступление следует, в частности, квалифицировать систематическое получение взятки от одного и того же взяткодателя за общее покровительство или попустительство по службе, если указанные действия были объединены единым умыслом». Это разъяснение довольно точно учитывает сущность получения взятки за общее покровительство (попустительство) по службе, предполагающее необоснованное предоставление должностным лицом предпочтений подчиненному работнику или иным лицам, на которых распространяются его надзорные, контрольные или иные функции представителя власти, а также его организационно-распорядительные функции по службе. В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» «общее покровительство по службе может проявляться, в частности, в необоснованном назначении подчиненного, в том числе в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, во включении его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам. К попустительству по службе относится, например, согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодательского нарушения». Как справедливо отмечается в юридической литературе, суть получения незаконного вознаграждения за покровительство и попустительство заключается в том, что «покупаются» не конкретные действия или бездействие чиновника, но их комплекс, выраженный в благоприятном отношении начальника к подчиненному или иному подконтрольному (поднадзорному) лицу [6, с. 41–45]. Акцентируя внимание на это обстоятельство, Б.В. Волженкин указывает, что «смысл выделения указанной разновидности должностного злоу-

потребления состоит не только и не столько в том, чтобы иначе назвать «приобретаемые услуги» или даже подчеркнуть их множественность и смешанный характер (одновременно действия и бездействие), сколько в том, чтобы обозначить криминальный характер ситуации, когда оплачивается само отношение подразумевающее, несомненно, конкретное поведение коррумпируемого лица, при неосведомленности (на момент достижения договоренности о вознаграждении) о тех действиях, которые ему предстоит совершить либо от совершения которых предстоит воздержаться [2, с. 175].

Говоря иными словами, общее покровительство (попустительство) по службе – это единая линия поведения чиновника в отношении подчиненного (подконтрольного, поднадзорного) ему лица, обусловленная «подношениями» с его стороны, которые, как правило, имеют регулярный характер. Подобная линия поведения, направленная на создание для взяточдателя «режима наибольшего благоприятствования», безусловно, выражается в конкретных незаконных (необоснованных) действиях или актах бездействия (продвижение по службе, премирование, неприменение мер ответственности и т.п.). Но эти действия (акты бездействия) в данном случае не имеют самостоятельного

характера, а входят, если можно так выразиться, в заранее оплаченный взятодателем «единый комплекс» коррупционных услуг. Поэтому систематическая передача взяток за общее покровительство (попустительство) по службе субъективно воспринимается участниками коррупционной сделки как оплата этого комплекса коррупционных услуг в рассрочку. «Если взятодатель на регулярной основе передает публичному служащему материальные ценности, при этом они оба достоверно не знают, какие полномочия потребуется задействовать и потребуется ли их задействовать вообще, то в сознании взятополучателя акт вручения денег увязывается не с абстрактными действиями (бездействием), а с самой готовностью их осуществить. Другими словами, необходимые полномочия публичного служащего покупаются опосредованно через его благоприятное отношение, которое выступает формой психологического контакта, на поддержание которого и направлены неоднократные платежи. В совокупности названные факторы влекут восприятие индивидом передачи незаконного вознаграждения за общее покровительство (попустительство) как единой взятки, но осуществляемой в несколько приемов» [6, с. 41–45].

1. Ображиев К. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4.

2. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005.

3. Яни П.С. Неоднократное получение незаконного вознаграждения: совокупность преступлений, продолжаемое взяточничество // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2009.

4. Николенко Т.А. Получение взятки: совокупность преступлений и продолжаемое преступление // Адвокатская практика. 2013. № 4.

5. Ображиев К.В. Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1. С. 161–168.

6. Залов А.Ф. К вопросу о продолжаемой взятке // Законность. 2015. № 4.

1. Obrazhiyev K. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as formal (legal) sources of the Russian criminal law // Criminal law. 2008. № 4.

2. Volzhenkin B.V. Office crimes: comment of the legislation and court practice. St. Petersburg, 2005.

3. Yanni P.S. Numerous receipt of illegal remuneration: cumulative offenses, the continued bribery // Criminal and political, criminal and legal and criminological problems of fight against modern crime and corruption: coll. of sci. papers / ed. by N.A. Lopashenko. Saratov, 2009.

4. Nikolenko T.A. Taking of a bribe: cumulative offenses and the continued crime // Lawyer practice. 2013. № 4.

5. Obrazhiyev K.V. Mediation in bribery: qualification problems // Library of the criminal law and criminology. 2016. № 1. P. 161–168.

6. Zalov A.F. To a question of the continued bribe // Legality. 2015. № 4.

Мхитарян Людмила Грачовна

соискатель Российско-Армянского (Славянского) университета
(Ереван, Армения)
(тел.: +37494370198)

Исторический очерк развития уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей

В статье рассмотрены основные этапы развития норм об уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей в истории российского (советского) уголовного права. Автор проследил возникновение и эволюцию данных норм со средневекового периода до момента принятия действующего УК РФ.

Ключевые слова: история уголовного права России, уголовная ответственность, уплата таможенных платежей, налоговые и таможенные преступления.

L.G. Mkhitaryan, Competitor of Russo-Armenian (Slavic) University (Erevan, Armenia); tel.: +37494370198.

Historical sketch of the criminal liability for evasion from payment of customs duties

This article contains the basic stages of development of the rules on criminal liability for evasion of customs payments in the history of the Russian (Soviet) criminal law. The author traced the origin and evolution of these rules from the medieval period up to the adoption of the current Russian Criminal code.

Key words: history of Russian criminal law, criminal liability, payment of customs duties, tax and customs crimes.

Налогообложение в таможенной сфере вводится в России еще до принятия христианства, в соответствии с договором между князем Олегом и греками 911 г. Данным соглашением русские купцы освобождались от уплаты мыта в Византии, т.е. за провоз товаров через заставы, пользование местом, отведенным для торгов.

Таможенное обложение в средневековый период оставалось чрезвычайно высоким. Различий не существовало в обложении товаров отечественного и иностранного происхождения. Некоторыми исследователями это обстоятельство рассматривается как свидетельство того, что таможенному праву предшествовало «гостинное право» [1, с. 5]. В царствование Ивана IV Грозного иностранцы (в частности, англичане) всегда пользовались привилегиями на провоз через территорию товаров в азиатские страны, а также беспрошленной торговли на Руси, а русские купцы были лишь перекупщиками у иностранцев.

Начиная с Судебника 1550 г. предусматривалась ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, что представлено многочисленными правовыми актами. Появление уголовно-правовых запретов в отношении деликтов, направленных на уклонение от уплаты

таможенных платежей, обусловлено увеличением объема торгового товарооборота между Россией и странами Центральной и Западной Европы. Ранее совершение рассматриваемого правонарушения, ввиду немногочисленности лиц, занимающихся межгосударственной торговлей, было практически неосуществимо, т.к. делало невозможным торговлю или обмен товарами.

Одной из вех на пути организации таможенной системы России явилась разработка Новоторгового устава, содержащего положения, касающиеся таможенного регулирования. Согласно этому уставу, принятому в 1667 г., та торговля, которую вели зарубежные купцы за наличные деньги, не облагалась таможенными сборами. При этом налоги, связанные с внешней торговлей, должны были уплачиваться исключительно в денежной форме. Само же нарушение таможенного законодательства каралось телесными наказаниями.

Систематизированное законодательство об уголовной ответственности за контрабанду в России появилось в Таможенном уставе 1819 г., откуда оно затем было перенесено в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Необходимо особо отметить, что составы контрабанды и уклонения от уплаты таможенных пошлин не разделялись.

После событий октября 1917 г. государственная власть проигнорировала прежнюю систему таможенных органов и концепцию таможенного дела. Как отмечал В.И. Ленин, денежная форма налогов, в том числе таможенных пошлин, «устарела», т.к. переход от денег к безденежному продуктообмену «беспорен» [2, с. 384].

В первые годы советской власти полностью отсутствовал обмен внутри страны, доминировала нерегулярность внешнеторгового оборота [3, с. 207–214]. В этот период налоговая политика РСФСР сводилась к продовольственной разверстке, где у крестьян изымались все излишки сельскохозяйственной продукции сверх количества для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам.

В связи с отменой продразверстки постановлением Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 29 апреля 1921 г. «О прекращении разверстки и неплатеже чрезвычайного налога» предписывалось всем судебным органам прекратить производством дела по обвинению в преступлениях о нарушении правил разверстки продовольствия, сырья и фуража, а также дела о неплатеже чрезвычайного революционного налога. Вместе с тем, на основании Декрета ВЦИК от 27 февраля 1922 г. к неплательщикам продовольственного налога применялась амнистия при условии, что губерния выполнила 100% продналога.

Таким образом, можно утверждать, что в первоначальный период в Советском государстве вопросы таможенного налогообложения вообще не были озаглавлены принятием каких-либо нормативных актов. Товары, ввозимые в страну без разрешения, считались контрабандными и конфисковались таможенными учреждениями [4, с. 319].

Борьба со всеми преступлениями во внешнеэкономической сфере возлагалась на Всероссийскую чрезвычайную комиссию и на пограничные службы [5, с. 12].

В 1921 г. законодательно предусматривается ответственность за контрабанду, под которой понимается сокрытие товаров, денег и всякого рода предметов от таможенного контроля путем каких-либо ухищрений или их тайное перемещение помимо таможенных учреждений [6, с. 113–115]. Исключение составляли лишь очень немногие предметы, которые приравнивались к контрабандным вне зависимости от способа провоза их через границу. Определялась дефиниция контрабанды, владельца которой установить не представлялось возможным, в указанных случаях товары, являющиеся предметом указанного деликта, конфисковывались.

Необходимо отметить, что уголовная ответственность за контрабанду, совершенную при отягчающих обстоятельствах, была предельно суровой. В качестве наказания декрет устанавливал смертную казнь.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. относил контрабанду к преступлениям против государства. Интересным представляется мнение М.М. Исаева о том, что раннесоветское уголовное право воспроизводило нормы «обычной войны» [7, с. 92]. Практическое противодействие преступности в большинстве случаев оставляло позади доктринальные исследования ряда проблемных аспектов уголовного права, т.е. внутренняя основа борьбы с преступностью не была подкреплена соответствующим юридическим содержанием, воссозданным законодателем исследуемого периода времени российской истории. Поэтому вполне закономерно, что соответствующие репрессивные органы могли применять внесудебные процедуры возмездия с нарушителями внешнеэкономических отношений (вплоть до лишения преступников жизни).

Переход к НЭПу, безусловно, обратил внимание государства на таможенную проблематику. 14 февраля 1922 г. утверждается тариф по вывозной торговле, уменьшивший ставки пошлин на некоторые товары и почти освободивший от таковых ряд других, а также увеличивший налог на отдельную экспортную продукцию. Новым этапом в развитии таможенного законодательства и ступенью формирования дальнейшей борьбы с таможенными правонарушениями явился Таможенный устав СССР, утвержденный в 1924 г. Указанный нормативно-правовой акт в определенной мере укрепил централизованные основы таможенного процесса.

Внешнеэкономическая деятельность с отменой НЭПа снова монополизирована государством.

Проведя анализ иных таможенных и налоговых преступлений, предусмотренных УК РСФСР 1922 и 1926 гг., можно сформулировать основную концепцию законодателя указанного времени в отношении противодействия налоговым деликтам. Во-первых, объектом этих преступлений считался порядок управления, т.к. обязанность платить налоги имеет публично-правовой характер, т.е. налоговые правоотношения основаны на законе и властном подчинении. Во-вторых, содержание данных норм было направлено на обеспечение решения задач экономической и внешнеэкономической политики. В-третьих, наказания за совершение налоговых преступлений не были строгими, в

большинстве случаев применялся штраф, при отягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок до двух лет, а при контрабанде – смертная казнь.

Необходимо отметить, что в 1940–1950-е гг. многие преступления, связанные с неуплатой налогов и платежей (в любой сфере), были либо декриминализованы наряду с аналогичными преступлениями, либо практика их применения была незначительна. В УК РСФСР 1960 г. содержалась ст. 82, предусматривающая ответственность за уклонение от уплаты налогов в военное время. Верховный Суд СССР в п. 13 постановления Пленума от 31 марта 1962 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» вынужден был разъяснить, что уклонение от уплаты налогов или других обязательных платежей путем использования заведомо подложных документов должно квалифицироваться по ст. 94 УК РСФСР (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием).

По сути, началом криминализации деяний, связанных с неуплатой налогов и сборов (в том числе и в таможенной сфере), явилось дополнение УК РСФСР 1960 г. статьей 162.1, которая предусматривала ответственность за уклонение от подачи декларации о доходах от занятия кустарно-ремесленным промыслом, если эти действия совершены после наложения административного взыскания.

В 1993 г. был принят Таможенный кодекс РФ (далее – ТК РФ). Количество новых объектов в сфере внешнеэкономических связей, при одновременном ослаблении контролирующей роли государства, увеличилось, это привело к резкому росту факторов уклонения от уплаты таможенных платежей. И 1 июля 1994 г. в УК РСФСР (1960 г.) была включена специальная норма – ст. 162.6 «Уклонение от уплаты таможенных платежей», которая действовала до принятия УК РФ 1996 г. и в которой предусматривалась уголовная ответственность за «умышленное уклонение от уплаты таможенных платежей в крупных размерах». Данная норма была предусмотрена основным составом, предусматривались также квалифицированный и особо квалифицированный виды, которые выглядели соответственно: «уклонение от уплаты таможенных платежей в особо крупных размерах» и «уклонение, совершенное лицом, ранее судимым за уклонение от уплаты таможенных платежей». Крупный и особо крупный размеры определялись следующим образом: в первом случае – суммой, которая превышала двести

МРОТ, во втором – суммой, превышающей одну тысячу МРОТ.

Санкция первой части предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до одного года и альтернативно штраф в размере от трехсот до восьмисот МРОТ, санкция части третьей (особо квалифицированный состав) предусматривала только лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества. Весьма небезынтересен сравнительный анализ санкций ст. 162.1 и 162.6: санкция первой, например, вообще не предусматривала лишения свободы, видимо, именно необходимость усиления противодействия правонарушениям в таможенной сфере и вызвала выделение уклонения от уплаты таможенных платежей в отдельную статью Уголовного кодекса.

УК РФ 1996 г. первоначально предусматривал редакцию ст. 194 в следующем виде: в первой части предусматривалась ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей в крупном размере, во второй – уклонение в крупном размере, совершенном неоднократно. Крупные размеры, по сравнению с УК РСФСР, 1960 г. были значительно увеличены (сумма неуплаченных платежей должна превысить одну тысячу минимальных размеров оплаты труда). Санкция за рассматриваемое преступление в УК РФ также отличалась от предшествующей санкции (в действовавшей на тот момент редакции УК РСФСР 1960 г.) – она была менее репрессивной по сравнению с санкцией ст. 162.6 (альтернативно предусматривались только штраф и обязательные работы). В своей первоначальной редакции ст. 194 УК РФ не включала также квалифицирующий признак, предусматривающий крупный размер уклонения от уплаты таможенных платежей, а часть вторая предусматривала неоднократность.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства в данном направлении было направлено на усиление уголовной ответственности за указанный деликт и дифференциацию наказания в зависимости от суммы неуплаченных платежей. Существенным изменениям подверглась ст. 194 УК РФ в 1998 г.: Федеральный закон от 25 июня 1998 г. значительно скорректировал рассматриваемую нами норму уголовного закона. Более подробно в диспозиции описывались признаки основного состава преступления: «уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица». Существенно претерпела модификацию и санкция, она стала репрессивнее (предусматривалось лишение свободы сроком до двух лет лишения свободы).

Законодательно было предусмотрено уже четыре пункта квалифицированного состава: неоднократность, совершение уклонения группой лиц по предварительному сговору, лицом, ранее судимым за совершение преступлений, предусмотренных ст. 194, 198, 199 УК РФ (что, очевидно, свидетельствует о едином непосредственном объекте данных преступлений), уклонение в особо крупном размере (ранее УК предусматривал все вышеперечисленные квалифицирующие обстоятельства).

В редакции от 25 июня 1998 г. ст. 198 УК РФ была дополнена примечанием, согласно которому лицо, впервые совершившее преступления, предусмотренные настоящей статьей, а также ст. 194 или 199, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления и полностью возместило причиненный ущерб (действие примечания распространялось на все налоговые преступления; затем оно было исключе-

но Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Уголовное дело в отношении такого лица прекращалось не за отсутствием в деянии состава преступления, а по специальному основанию, предусмотренному уголовно-правовой нормой. Действие рассматриваемой нормы распространялось только на лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное ст. 194 УК РФ. Она не касалась лиц, ранее судимых по ст. 198 и 199 УК РФ. Если же судимость за эти преступления была погашена или снята либо лицо ранее совершило другие преступления, то при наличии оснований, установленных в примечании к ст. 198 УК, оно освобождалось от уголовной ответственности. Если же субъект за ранее совершенное налоговое преступление был в установленном законом порядке освобожден от уголовной ответственности, то он считался ранее не совершавшим преступление.

1. Шапошников Н.Н. Таможенная политика в России до и после революции. М., 1924.

2. Ленинский сборник. XXXIV. М., 1942.

3. Краснов А.Д., Маршак Н.Н. Таможенные преступления в системе преступлений в сфере экономической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2010. № 2.

4. Эстрин А.Я. Эволюция советской уголовной политики. М., 1929.

5. Любимов С., Марченко А. Контрабанда – пограничный заслон // Пограничник. 1969. № 17.

6. Гордиенкова Е.В. Становление и развитие таможенного права в современной России // История российской правовой системы и правовой культуры. Архангельск, 2013.

7. Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. М., 1925.

1. Shaposhnikov N.N. Customs policy in Russia before and after the revolution. Moscow, 1924.

2. Lenin Miscellany. XXXIV. Moscow, 1942.

3. Krasnov A.D., Marshakova N.N. Customs offense in system of crimes in the sphere of economic activity // Legal science and practice: Bull. of Nizhny Novgorod academy of Russian MIA. 2010. № 2.

4. Estrin A.Ya. The evolution of the Soviet criminal policy. Moscow, 1929.

5. Lyubimov S., Marchenko A. Border barrier to contraband // Border-guard. 1969. № 17.

6. Gordienkova E.V. Formation and development of customs law in the history of modern Russia // Russian legal system and legal culture. Archangelsk, 2013.

7. Isaev M.M. The General part of the RSFSR criminal law. Moscow, 1925.

Черная Светлана Валерьевна

аспирант кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета
(e-mail: zvelena09@inbox.ru)

Анализ понятия и сущности коррупционных преступлений, совершаемых военнослужащими

В статье представлен анализ основных уголовно-правовых признаков коррупционных преступлений, совершаемых военнослужащими, выполненный с целью сформулировать четкое определение для изучаемого понятия, отражающего специфику отношений в изучаемой сфере.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, противодействие коррупции, военная служба, злоупотребление полномочиями.

S.V. Chernaya, Postgraduate of the Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University; e-mail: zvelena09@inbox.ru

The concept and content research of corruption crimes involving military staff

The author analyzes the principal aspects of corruption crimes involving military staff to define what corruption crime identifying the attributes of this specific area is.

Key words: corruption, corruption crimes, fighting corruption, military service, abuse of power.

Коррупционная преступность в Вооруженных силах относится к одной из самых острых проблем России. Коррупция в этом секторе напрямую угрожает государственной безопасности страны. Вредные последствия коррупции многочисленны и многообразны. Наряду с подрывом основных функций армии, таких как сдерживание военных угроз безопасности, защита экономических и политических интересов России, коррупция создает условия для хищения и контрабанды оружия, радиоактивных и ядерных материалов, наркотических средств, усиливает опасность передачи иностранным спецслужбам сведений военного характера, составляющих государственную тайну, способствует распространению организованной преступности и терроризма.

По мнению И.В. Бараненковой, коррупция в сфере обороны является одной из главных причин сохранения очага напряженности на Северном Кавказе наравне с такими проблемами, как безработица, клановость, криминальная система власти, а также остается фактором формирования вербовочной основы терроризма и экстремизма [1].

Кроме всего перечисленного, коррупция наносит колоссальный ущерб экономике страны: на нужды оборонного сектора федеральный бюджет России ежегодно выделяет значитель-

ные средства (в 2015 г. эта сумма составила 3,3 трлн руб.). В последние годы был расширен оборонно-промышленный комплекс Российской Федерации, вместе с тем, возросли риски возникновения коррупционных схем, направленных на присвоение бюджетных средств недобросовестными военными чиновниками.

Исследования независимой организации «Transparency International» в 2015 г. демонстрируют, что российские меры по противодействию коррупции в оборонном секторе абсолютно недостаточны. В частности, в «Антикоррупционном индексе оборонных компаний мира» (2015 г.), оценивающем меры противодействия коррупции, внедряемые предприятиями военно-промышленного сектора, российские компании «Алмаз-Антей», «Иркут», «Вертолеты России», «Сухой» показали худшие результаты и были причислены к компаниям, у которых практически отсутствуют «этические и антикоррупционные программы» [2]. В «Индексе прозрачности оборонного бюджета» (2015 г.) Россия также заняла одно из последних мест, так как более 60% военных расходов засекречено.

Такие факторы, как закрытость оборонного бюджета, недостаточное внимание руководства военного сектора к надежности предприятий военно-промышленного комплекса, упущения при подборе кадров на военную службу,

существование многочисленных ограничений для военнослужащих, создают условия для совершения коррупционных преступлений военнослужащими всех уровней.

Коррупция изучается различными отраслями права, однако в данной статье коррупция рассматривается как уголовно-правовое явление. Несмотря на то что сам термин «коррупция» не является уголовно-правовым, т.к. происходит не из уголовного законодательства РФ, его содержание раскрывается через признаки составов преступлений, предусмотренных именно уголовным законодательством. Из числа правонарушений, совершаемых военнослужащими, коррупционные преступления являются наиболее тяжкими, характеризуются высоким уровнем общественной опасности, приносят наибольший вред охраняемым законом отношениям, в связи с чем требуют особенно тщательного исследования и выработки сложных и эффективных механизмов противодействия им как законодательного, так и этического характера.

Четкое определение термина «коррупционное преступление» в уголовном законодательстве России на сегодняшний день отсутствует. Его законодательное закрепление в уголовном законе многим ученым представляется нецелесообразным, т.к. не повлияет ни на пересмотр степени общественной опасности данной категории преступлений, ни на назначение наказаний за выполнение конкретных составов преступлений. Однако существует необходимость изучения и анализа этого явления для определения его места в системе уголовно-правовой науки.

Автор настоящей статьи предпринимает попытку проанализировать основные признаки коррупционных преступлений, совершаемых военнослужащими, дать этому понятию определение, перечислить основные составы, которые относятся уголовным законодательством РФ к данной категории преступлений, обосновать необходимость создания исчерпывающего перечня коррупционных преступлений именно для данной сферы. Для наиболее точного формулирования понятия коррупционных преступлений, совершаемых военнослужащими, необходимо определить их основные признаки и проанализировать составы, учитывая именно коррупционную составляющую.

Понятие «коррупционное преступление» складывается из признаков понятий «преступление» и «коррупция».

Статья 14 УК РФ вводит понятие преступления: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания».

Понятие «коррупционное преступление» содержит все признаки понятия «преступление», характеризуется общественной опасностью, виной в форме умысла и уголовно-правовым запретом.

Коррупционные преступления на военной службе носят антиобщественный характер, их общественная опасность заключается в прямом экономическом ущербе, который наносится государству и обществу, и в последствии приводит к подрыву обороноспособности государства в целом.

Умышленный характер коррупционных действий проявляется в том, что военнослужащий, совершающий их, всегда осознает опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает либо допускает их наступление. Форма вины в виде неосторожности коррупционным преступлениям не свойственна, т.к. желание наступления общественно опасных последствий связано с корыстным мотивом, а именно желанием получения выгоды за совершаемое действие (бездействие), имеющее отношение к должностным полномочиям.

С точки зрения уголовного законодательства конкретные составы преступлений, относимые юридической наукой к коррупционным, например получение взятки, злоупотребление полномочиями и др., являются недопустимыми и наказуемыми. УК РФ устанавливает меры уголовно-правового характера для пресечения наиболее общественно опасных форм коррупционного поведения и закрепляет основания привлечения к уголовной ответственности за их совершение.

Определение понятия «коррупция» содержится в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции». Коррупцией считается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного

имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [3].

Коррупционная составляющая данного понятия проявляется в корыстном мотиве, т.е. желании должностного лица извлечь личную выгоду, и ненадлежащем использованием своего служебного положения. Получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера для себя или третьих лиц – единый признак, общий для всех коррупционных преступлений. Вторая сторона, в интересах которой совершается коррупционная сделка, также преследует выгоду от совершаемых должностным лицом (военнослужащим) действий, эта выгода может иметь как имущественный, так и неимущественный характер. Коррупционная цель и корыстный мотив являются основополагающими признаками коррупционных преступлений и обязательными элементами субъективной стороны данной категории преступлений.

По мнению Л.А. Андреевой, характерным признаком коррупции также является конфликт между действиями должностного лица и интересами общества и государства [4]. Военнослужащий, получающий взятку за незаконные действия либо похищающий военное имущество, по сути, превращает свои служебные полномочия в инструмент личного обогащения, совершая действия, противоречащие интересам общества и государства (иметь оборонную армию, защиту от внешней агрессии со стороны других государств, угроза которой постоянно присутствует в современной политической обстановке в мире).

Коррупция в военной организации государства принимает различные формы это и получение взяток как за незаконные, так и за законные действия военных должностных лиц, и хищения, и сложные схемы с участием гражданских организаций и частного бизнеса.

По мнению Э.В. Талапиной, УК РФ не содержит полного перечня коррупционных преступлений [5, с. 4]. Н. Пленкин в своих работах подчеркивает, что существующий перечень является результатом обобщенной практики правоприменительной деятельности и перечнем статей, по которым чаще всего возбуждаются

уголовные дела в отношении военнослужащих [6]. К таким статьям относятся следующие составы преступлений, предусмотренные УК РФ: ст. 160, 285, 285.1, 286, 289, 290, 291, 291.1, 292, 293.

После изучения данных составов автору представляется, что действия, сопряженные с использованием военнослужащим должностных полномочий, составляющие объективную сторону коррупционных преступлений, совершаемых военнослужащими, можно обобщить следующим образом:

1. Хищение военного имущества, вверенного военнослужащему в силу его должностных обязанностей, путем использования своего служебного положения.

2. Использование служебных полномочий военнослужащим вопреки интересам службы, если это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов государства и общества.

3. Расходование военнослужащими бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения.

4. Совершение военнослужащими действий, явно выходящих за пределы их полномочий, повлекших существенные нарушения прав и законных интересов общества и государства.

5. Дача взятки, получение взятки, посредничество военнослужащего при получении взятки.

6. Злоупотребление властью или должностными полномочиями на военной службе.

7. Бездействие, неисполнение своих служебных обязанностей, приводящее к нарушению законных прав и интересов общества и государства.

8. Внесение заведомо ложных сведений в официальные документы.

В данном случае законное либо незаконное использование военнослужащим его полномочий является способом совершения преступлений.

Исполнителями рассматриваемой категории коррупционных преступлений являются военнослужащие, т.е. субъект преступлений специальный. Данный аспект важен, т.к. государство возлагает на военнослужащих особые обязанности, невыполнение которых может привести к тяжким последствиям для общества и государства.

На основании вышеизложенного автору представляется наиболее точным следующее определение коррупционных преступлений, совершаемых военнослужащими: это общественно опасные деяния (действия или бездействия), запрещенные УК

РФ под угрозой наказания, совершаемые военнослужащими с прямым умыслом, из корыстных побуждений, сопряженные с использованием военнослужащими предоставленных им должностных полномочий.

1. Бараненкова И.В. Коррупция как угроза обороноспособности страны и безопасности государства. URL: <http://www.voennoepravo.ru> (дата обращения: 10.04.2016).

2. Официальный сайт «Транспаренси Интернешнал Россия». URL: www.transparency.org.ru (дата обращения: 15.04.2016).

3. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Андреева Л.А. Коррупционное преступление: понятие и сущность // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 26.

5. Талапина Э.В. Комментарий к законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции (постатейный). М., 2010.

6. Пленкин Н. Коррупционные правонарушения и ответственность военнослужащих // Военное право. 2013. № 4. URL: <http://www.voennoepravo.ru> (дата обращения: 20.04.2016).

1. Baranenkova I.V. Corruption as a threat to national defense and state security. URL: <http://www.voennoepravo.ru>. (date of access: 10.04.2016).

2. The official website of «Transparency International Russia». URL: <http://www.transparency.org.ru> (date of access: 15.04.2016).

3. About corruption counteraction: fed. law d.d. Dec. 12, 2008 № 273-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Andreeva L.A. Corruption crime: concept and essence // Issues of contemporary law. 2013. № 26.

5. Talapina E.V. Commentary to the Russian anti-corruption law (article by article). Moscow, 2010.

6. Plenkin N. Corruption offences and responsibility of military men // Military law. 2013. № 4. URL: <http://www.voennoepravo.ru> (date of access: 20.04.2016).

Антонян Юрий Миранович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного областного университета
(e-mail: antonyaa@yandex.ru)

Предмет и сфера интересов криминологии

В статье излагается новый код к пониманию предмета и сферы интересов криминологии. Наряду с собственно предметом криминологии, исследуется относительно новое понятие – круг ее интересов, обязательных для криминологии. Показывается соотношение частных научных криминологических теорий с предметом этой дисциплины, ее связь с другими отраслями научного знания.

Ключевые слова: криминология, предмет криминологии, объект криминологических исследований, функции науки, природа преступности.

Yu.M. Antonyan, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State Regional University; e-mail: antonyaa@yandex.ru

Subject and scope of criminology interests

The article describes the new code to the understanding of the subject and scope of criminology interests is explored. Along with the actual subject of criminology relatively new concept – focus of its interests, mandatory for criminology. The ratio of private scientific criminological theories to the subject of the discipline, its relationship with other branches of scientific knowledge is shown.

Key words: criminology, subject of criminology, criminological research object, science functions, nature of crime.

Криминология, к сожалению, занимает не самое видное место среди преподаваемых гуманитарных наук в высшей школе. В Московском государственном областном университете, который в этом году отмечает свое 85-летие, этой науке уделяется особое внимание.

Уже давно почти нет дискуссий о том, что является предметом криминологии, поскольку все согласны с тем, что это преступность. Правда, далеко не всегда указывается, что преступность выступает предметом криминологии и никакой другой науки. Поэтому трудно согласиться с мнением А.И. Долговой, что наиболее общие закономерности преступности как одного из явлений общества служат предметом философских исследований в связи с изучением общих закономерностей природы и общества [1, с. 32]. Философия не занимается исследованием преступности, ни ее общих, ни ее частных закономерностей – это дело криминологии, которая при изучении науковедческих, методологических и иных важных проблем может воспользоваться достижениями философии. Философ, как и любой другой ученый, способен исследовать и криминологические явления, но это уже будет не философское, а криминологическое изучение. Философия не поглощает ни одну науку, в том числе криминологию.

Итак, предметом изучения криминологии является преступность. Однако возникает вопрос, достаточно ли полным будет определение этой науки, включающее в себя только преступность. Известно, что криминология не способна решить весь комплекс стоящих перед ней проблем, если она не обратится к исследованию причин преступности, природы, механизмов и мотивации преступного поведения, личности преступника, если она не создаст теорию самой преступности.

Можно предположить, что предмет криминологии включает в себя:

преступность (ее понимание, историю, сущность, методологические и методические вопросы);

причины преступности;

преступное поведение (механизм, мотивацию и мотивы, цели (цель), последствия);

личность преступника;

жертву преступного поведения;

отдельные виды преступности;

предупреждение преступности и преступного поведения (понятие, объекты и субъекты предупредительной деятельности, меры и формы предупреждения).

Нельзя не согласиться с мнением Я.И. Гилинского, что криминология является «неприятной» наукой для властей и политиков, поскольку пытается вскрыть пороки действующей

экономической, социальной, политической системы, порождающие преступность (или способствующие ей – Ю.А.), и сопутствующие ей пьянство, наркотизм, коррупцию, подростковую делинквентность и т.п. Неслучайно тоталитарные режимы не допускают существования и развития независимой криминологической науки [2].

Вместе с тем, в литературе поставлен достаточно важный вопрос: является ли предметом криминологии преступность или знание о ней?

Так, А. Лепс, Л.И. Спиридонов и И.Л. Честнов пишут, что, если придерживаться «диалогического социологического подхода» (!? – Ю.А.), то предмет криминологии составляет система знаний (теоретических представлений) о вероятностных и условных (концептуально обусловленных) закономерностях преступности, включая закономерности ее генезиса и воспроизводства, о средствах противодействия ей... В таком случае преступность – это динамический, постоянно воспроизводимый феномен, выступающий моментом, стороной общества, проявляющийся в действиях конкретных лиц, объективно ставящих под угрозу его целостность в знаково-символических образах» [3, с. 181].

Чтобы получить сущностное представление о криминологии, необходимо взглянуть на нее с позиций функций науки вообще. Как известно, наука располагает тремя уровнями познания: феноменологическим, т.е. описательным, нефеноменологическим, т.е. объяснительным, и прогностическим, который сосредоточен на предположении о развитии (о будущем) того или иного явления, находящегося в сфере интересов данной дисциплины. Я бы взял на себя смелость утверждать, что только та наука, которая располагает объяснительными возможностями, действительно является наукой. Криминология такими возможностями обладает и, конечно, может описать явления, которые изучает, и предсказать их будущее, т.е. способна также прогнозировать преступность и индивидуальное преступное поведение, но все-таки главное то, что она объясняет преступность и преступное поведение.

Нуждается в уточнении вопрос о причинах преступности: все ли они входят в предмет криминологии. Дело в том, что они могут и не входить в предмет криминологии (например, экономические факторы, в частности критическое состояние экономики, а отсюда бедность населения, психологические обстоятельства, порождающие преступное поведение, психиатрические факторы и др. Разумеется, экономические явления изучаются экономикой, психологические – психологией, психиатрические – психиатрией и т.д.

Разумеется, есть и такие причины преступности, которые лежат в круге самой преступности, например, рецидивная преступность,

порождающая первичную. Подобные обстоятельства и составляют предмет криминологии, а все другие, выходящие за пределы названного круга, которые являются криминогенными, составляют несомненную сферу интересов криминологии, не входя в ее предмет. При этом те же экономические или демографические предпосылки могут самым пристальным образом и весьма квалифицированно исследоваться криминологами, но именно в качестве криминогенных факторов.

Криминология изучает преступность в определенных условиях места и времени, конкретных пространственно-временных рамках, т.е. в тех или иных странах за определенный период. Но этого совершенно недостаточно, особенно если предпринимается попытка понять природу и причины преступности, если поставить перед собой вопрос, почему существует преступность вообще, почему люди всегда, еще в доклассовом, первобытном обществе совершали преступления, почему преступность неискоренима. Это более широкий, необычно широкий подход к познанию природы и причин преступности, и он совершенно необходим, в том числе и для ее прогнозирования. Без знания того, почему преступность, наподобие рождения, болезни и смерти, существует среди людей, невозможно понять ее природу. Более узкий подход к ее пониманию может привести к искаженному толкованию этого явления, сведению ее природы лишь к проявлению конфликтов различных социальных факторов. Есть вечные факторы, впечатанные в психику человека (например, страх смерти), которые могут стимулировать совершение преступлений. Поэтому можно говорить о преступности не только как о социальном явлении, но и как о психологическом.

Чтобы ответить на такой архисложный вопрос, необходимо осуществить антропологические, исторические, этнологические [4; 5; 6], религиоведческие исследования с глубоким анализом мифологии. Все соответствующие работы должны быть осуществлены в рамках криминологии. Проблема преступности в истории человечества должна стать одной из важных криминологических теорий.

Обращение к мифологии в криминологии нетрадиционно, но в данном случае вполне уместно. Мифы, особенно становясь объектами психоаналитического исследования, могут показать нам, что действия богов и других потусторонних персонажей, которые убивают и учиняют другие виды насилия, являются отражением живой жизни мифотворцев-людей, очень часто приобретаая в мифах иной смысл и выступая в качестве сверхъестественных символов. Надо помнить, что мифы обращены ко всем и каждому, поэтому для большинства людей отдельные аспекты скрываются за своей

поэтикой и святостью, своей основополагаемостью, глобальностью, которые прочно закрывают их обыденное содержание.

В научных работах мы часто сталкиваемся с понятием объекта исследования, причем некоторые авторы, к сожалению, не отличают его от предмета исследования или даже предмета науки. Полагаю, что это неверное суждение. Предметом науки обозначают то, что уже хорошо известно, и поэтому изучение любой науки (даже в средней школе) начинается с познания ее предмета. И вообще науки отличаются друг от друга своими предметами, и не должно быть так, чтобы у нескольких наук был одинаковый предмет. Это отнюдь не исключает творческой кооперации наук, например биологии с физикой, биологии с химией, биологии с медициной. В криминологии такие ассоциации тоже имеют место: например, криминальная психология, криминальная психиатрия, экономическая криминология, пенитенциарная педагогика и т.д. Можно предостеречь себя от сотрудничества не двух наук, а больше, например психологии, психиатрии и криминологии. Сейчас криминология очень нуждается в сотрудничестве с биологией. Вопрос можно было бы поставить так: «Биологическое в преступном поведении».

Можно предположить, что это науки двойной или даже тройной природы. Но я против такого предположения: криминальная психология – это все же психология, а не криминология или криминалистика, поскольку в ней используются подходы, методы и достижения именно психологии, а не криминологии или криминалистики. Иначе было бы незачем вторгаться в психологию, достаточно было бы ограничиться криминологическими знаниями и возможностями. Но, оказывается, их совершенно недостаточно для решения проблем, возникших в криминологии, поэтому она обращается к психологии. Итак, криминальная психология – это психологическая наука, решающая нужды криминологической науки и практики. Она, соответственно, не входит в предмет криминологии, но без нее криминология не может обойтись. Иными словами, криминальная психология не является частью криминологии – только ее частная научная теория. Таких теорий может быть несколько: уже упомянутая психологическая, психиатрическая, экономическая, педагогическая и т.д.

Следует особо остановиться на соотношении криминологии и социологии, точнее, на их связи, тем более что собственно научные криминологические исследования ранее были в основном социологическими. Криминологию долгое время называли социологией преступности, пока она не стала развиваться, постепенно приращивая знания из психологии, психиатрии, педагогики, экономики и иных отраслей. Все их она использовала для объяс-

нения преступности. Если продолжать определять криминологию как социологию преступности, то она останется социологической наукой, а только что перечисленные науки, достижениями которых она широко пользуется, отпадут от криминологии как ненужные. Без них же современная криминология просто немыслима, к тому же взаимопроникновение наук означает их взаимное обогащение.

Однако вернемся к соотношению предмета и объекта исследования. По-моему, предмет – это то, с чего начинается наука, то, что уже хорошо известно и в общем-то не вызывает сомнений. Объект же предстоит исследовать, выявить его основные проблемы и постараться решить их или хотя бы поставить вопросы для их решения. Разумеется, суждение о предмете науки как о том, что уже известно, достаточно условно, поскольку ни в какой науке никогда не предстоит поставить окончательную точку. Это возможно из-за постоянной возникающих новых объектов познания. Вообще предмет исследования в науке может быть частью объекта исследования, в каждом объекте возможно присутствие нескольких предметов. В каждой науке (криминология не исключение) может быть несколько объектов, и объект есть главная точка приложения сил данной науки. Чем больше накапливается знаний в рамках объекта, тем четче и полнее вырисовывается предмет исследования.

Из всех элементов, составляющих предмет криминологии (преступность, причины преступности, личность преступника, преступное поведение, предупреждение преступности), наиболее жаркие дискуссии вызывали два: причины преступности и личность преступника. В советское время самой дискуссии вроде бы не было, поскольку самих работ зарубежных криминологов мы не видели. Наиболее рьяные криминологи-марксисты и те, которые совсем недавно начали изучать криминологию, вели научный бой с безликой буржуазной идеологией. При этом утверждалось, что преступность чужда социализму, не порождена им, а унаследована, что сознание людей социалистического общества отстает от их прекрасного бытия, что и при социализме сохранились узкие места и диспропорции и т.д. Писать о подлинных причинах преступности было запрещено.

По поводу личности преступника научные споры велись со времен Ч. Ломброзо (это имя было одним из самых проклинаемых в советской науке). Криминологи никак не могли понять, что не каждый совершивший преступление представляет собой личность преступника, точно так же как не каждый учитель является наставником и просветителем молодежи, не каждый врач является действительным врачом и исцелителем. Личность преступни-

ка есть социальный и психологический тип и вообще лучше говорить о преступнике, чем о личности преступника, т.к. преступление совершает не только социальная часть человека – личность, а весь человек. В криминологическом понимании преступник – это некая абстракция, модель, объединяющая в себе всех тех, кто нарушил уголовный запрет, кто-то из них может и не входить в эту абстракцию, есть среди них и такие, которые не носят специфических особенностей этого типа.

Как мы видим из анализа предмета криминологии, она связана тысячами нитей с жизнью общества. Предмет этой науки остается неизменным, какие бы перемены, даже революционные, ни произошли в стране. Другое дело, что можно своевольно обращаться с названным предметом и толковать его по-разному, однако криминология навсегда останется наукой о преступности и ни о чем другом. Если преступность вечна, то и наука о ней останется вечной, хотя и не исключается, что она изменит когда-нибудь свое название. Все, что выходит за рамки уголовного закона, не может быть предметом криминологии, но она ни в коем случае не должна быть равнодушна к явлениям, которые хотя и не входят в ее предмет, но имеют криминогенное значение, т.е. влияют на преступность. Здесь следует назвать такие факты, как проституция, психические расстройства, алкоголизм, наркомания, бродяжничество, которые, выступая объектом изучения, например административного права и медицины, не могут не интересовать крими-

нологию, поскольку оказывают существенное влияние на преступность.

Криминология никогда не должна включать в свой предмет все перечисленные социальные явления, т.е. все те факторы, за которые не предусмотрена уголовная ответственность, но они должны изучаться криминологией в аспекте их влияния на преступность. Сама преступность, как известно, изменчива по своей общесоциальной и правовой природе. Есть преступные деяния, которые всегда преследуются уголовным законом (например, убийства), и они неизменно будут объектами криминологического познания. Другие носят переменчивый правовой характер, за их совершение даже в одной стране вначале может устанавливаться, а затем отменяться уголовная ответственность. Если первые носят постоянный характер, являясь ядром преступности, то вторые составляют ее периферию. Некоторые преступления, носящие пережиточный характер, например в исламских странах, попросту отмирают в условиях развивающейся цивилизации. Разумеется, речь идет далеко не о всех мусульманских странах, а только об ортодоксальных.

Нет никаких сомнений, что криминология принадлежит к числу юридических наук, но это не правовая наука, поскольку она не исследует норму права, не изучает человека с позиций уголовного права, т.е. тех особенностей, которые позволяют утверждать, что именно это лицо преступило уголовно-правовой запрет. Криминология среди юридических наук не единственная неправовая, кроме нее есть криминалистика, оперативно-розыскная деятельность.

1. *Криминология: учеб. / под ред. А.И. Долговой. М., 2010.*

2. *Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2009.*

3. *Лепс А., Спиридонов Л.И., Честнов И.Л. Диалектическая криминология. М., 2016.*

4. *Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.*

5. *Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1986.*

6. *Малиновский Б. Динамика культуры. М., 2004.*

1. *Criminology: textbook / ed. by A.I. Dolgova. Moscow, 2010.*

2. *Gilinsky Ya.I. Crimonology: theory, history, empirical basis, social control. St. Petersburg, 2009.*

3. *Leps A., Spiridonov L.I., Chestnov I.L. Dialectic criminology. Moscow, 2016.*

4. *Taylor E.B. Prinutive culture. Moscow, 1989.*

5. *Fraser D.D. Golden branch. Moscow, 1986.*

6. *Malinovsky B. Dynamic of the culture. Moscow, 2004.*

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: aleksandrignatov@mail.ru)

Григорьев Павел Евгеньевич

доктор биологических наук,
заведующий кафедрой медицинской физики и информатики
Физико-технического института
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(e-mail: grigorievpe@cfuv.ru)

Влияние гелиогеофизических факторов на состояние преступности

Исходя из того, что все социально-психологические явления и процессы криминогенного характера формируются и существуют под влиянием естественных экологических, как антропогенных, так и природных, факторов местного (климат, температура воздуха, время года и иные, прежде всего метеорологические, факторы) и планетарного (гелиогеофизические факторы) характера, которые играют роль объективного условия, авторы осуществляют попытку исследования влияния гелиогеофизических факторов на состояние преступности в целом, а также на отдельные виды преступлений. Проводят сопоставление многолетней динамики преступности в целом и отдельных видов преступлений (убийства, изнасилования, разбои) в разных государствах с изменениями космической погоды (гелиогеофизическими факторами, обусловленными в основном воздействием солнечной и геомагнитной активности и являющимися одними из первичных экологических факторов).

Ключевые слова: природа, космос, фактор, детерминация, личность, поведение, преступность.

A.N. Ignatov, Doctor of Law, Senior Researcher, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru;

P.E. Grigoriev, Doctor of Biology, Head of the Chair of Medical Physics and Informatics of the Physical Technical Institute of V.I. Vernadsky Crimea Federal University; e-mail: grigorievpe@cfuv.ru

Influence of heliogeophysical factors on the state of crime

Based on the fact that all the socio-psychological phenomena and criminogenic processes are forming and existing under the influence of the natural environmental both anthropogenic and natural factors of local (climate, temperature, time of year and other, mainly meteorological factors) and planetary (heliogeophysical factors) character, which play the role of objective conditions, an attempt to study the impact of heliogeophysical factors on the state of crime in general, and with respect to certain types of crimes was carried out. A comparison of long-term dynamics of crime in general and certain types of crimes (murder, rape, robbery) in different countries to changes in Space weather (heliogeophysical factors caused, mainly, the influence of solar and geomagnetic activity, which are one of the primary environmental factors).

Key words: nature, space, factor, determination, personality, behavior, crime.

Как известно, все социально-психологические явления и процессы, играющие роль в детерминации преступности, формируются и существуют под влиянием биологических факторов окружающей (естественной) среды. Поэтому указанные факторы (прежде всего, гелиогеофизического порядка) играют роль объективного условия. При этом в зависимости от ситуации совершения от-

дельного преступления эти факторы вместе с другими могут формировать конкретную жизненную ситуацию совершения преступления [1, с. 99, 103]. С другой стороны, факторы естественной среды способны играть роль субъективной предпосылки [2], которую особенно ярко можно проследить в случаях совершения тяжких насильственных преступлений лицами с аномалиями психики [3].

Говоря о роли естественной среды, необходимо учитывать разделение соответствующих факторов на две основные группы: региональные (климат, температура воздуха, время года и прочие, прежде всего метеорологические) и общепланетарные космического происхождения (обусловленные влиянием солнечной и геомагнитной активности, вариациями космических лучей и т.п.), т.е. гелиогеофизические.

Влияние факторов естественной среды на преступность в том или ином аспекте исследовалось еще в прошлых столетиях. Однако если исследование погодно-климатических региональных факторов и их влияния на преступность получило более или менее широкое распространение, хотя бы на уровне накопления эмпирического материала (так, например, известная работа Ч. Ломброзо «Преступный человек» начинается именно с исследования метеорологического и климатического влияния, влияния времени года, а также высокой температуры на совершение человеком преступления [4]), а факт существования календарно-температурного фактора детерминации отдельных видов насильственных преступлений подтверждается современными исследованиями [5, с. 48–49; 6, с. 41–43; 7; 8], то исследование роли космических факторов (значительный вклад в исследование влияния активности Солнца и других гелиогеофизических факторов на поведение людей, в частности девиантное, сделал выдающийся ученый А.Л. Чижевский [9; 10]) в детерминации преступности на сегодняшний день, несмотря на некоторые сдвиги (в разных климатических и экологических условиях установлены идентичные эффекты влияния гелиогеофизических факторов (ГГФ) на вспышки психических, нервных заболеваний [11; 12], а также на совершение суицидов [13], насильственных преступлений [14; 15], террористических актов [16; 17]), пребывает на недопустимо низком уровне. Одной из немногих комплексных работ по изучению роли естественных факторов в детерминации преступности является исследование С.Л. Киселева, посвященное теоретическим основам гелиогеофизического прогнозирования преступности и чрезвычайных ситуаций [1].

Важнейшая особенность гелиогеофизических факторов состоит в выраженной глобальной составляющей вариаций радиации, параметров электромагнитного и акустического фона места существования. Биологические процессы на всех уровнях системной организации, от молекулярного до социального, динамично связаны с физическими естественными факторами, прежде всего гелиогеофизическими и метеорологическими [18, с. 5]. В современных исследованиях установлено существование связей биологических процессов разных

уровней с ГГФ и связанными с ними слабыми естественными электромагнитными полями [19] и акустическими колебаниями [20], которые проникают в жилые здания и вглубь тела. Сегодня учеными получены экспериментальные доказательства экологического значения ГГФ, которые определяют параметры электромагнитного и акустического естественного фона и модулируют показатели электромагнитных полей (ЭМП) антропогенного происхождения в среде существования, которое увеличивает степень влияния гелиогеофизических вариаций на физиологические процессы [21]. Влияние планетарных ГГФ также зависит от географической широты, особенностей локального ландшафта и местных метеорологических показателей [22; 23; 24].

Итак, говоря о влиянии факторов окружающей (естественной) среды на состояние преступности, прежде всего необходимо учитывать влияние планетарных гелиогеофизических факторов, которые, являясь одним из первичных экологических факторов [25], действуют повсеместно. Следует учитывать принципиальное положение, заключающееся в том, что солнечные и геофизические вариации не принуждают совершать противоправные действия и не препятствуют им. Эти естественные явления мобилизуют, активизируют или, наоборот, в зависимости от уровня и динамики, принуждают к снижению активности все связанное с психомоторной деятельностью человека [1, с. 85]. Указанный принцип в полной мере относится как к отдельным индивидуальным актам преступного поведения, так и к преступности в целом.

Как показывает практика, мировая преступность имеет свои специфические тенденции и закономерности изменения своих количественных и качественных характеристик (состояний). Данные изменения, вероятно, взаимосвязаны с глобальными процессами воздействия на нашу планету ГГФ. Таким образом, актуальным и нуждающимся в разрешении является вопрос, как и каким образом ГГФ влияют на качественное и количественное состояние преступности в целом и отдельных ее видов в частности как в масштабах всей планеты, так и в отдельных регионах отдельных индивидов. Ответ на такой глобальный вопрос, на наш взгляд, можно получить, лишь установив, прежде всего, взаимозависимость между активностью и характером влияния (действия) ГГФ на нашу планету и социальными процессами, происходящими на ней, в данном случае – изменениями состояния преступности.

Одним из наиболее эффективных и одновременно с этим доступных методов решения указанной задачи является анализ статистических данных, в основе которого лежит изучение

неравномерности распределения во времени разных биологически значащих событий, и дальнейшее сопоставление его с метеорологическими и гелиогеофизическими факторами [26]. Впервые этот подход применил А.Л. Чижевский, проанализировав огромное число событий (эпидемии, поведение социальных коллективов, массовые движения и т.п.). Сегодня такой метод активно применяется для анализа медицинской статистики (в частности, относительно психического здоровья населения) [27; 28], творческой активности человека [19; 18, с. 6], аварийности [29] и других чрезвычайных ситуаций [1].

Для надежного и всеобъемлющего установления закономерностей действия ГГФ на организм следует учитывать комплекс показателей космической погоды. Наиболее весомые ее факторы – это геомагнитная активность, солнечная активность, изменения полярности (знака) межпланетного магнитного поля (ММП). Общепланетарные характеристики этих факторов адекватно отображаются гелиогеофизическими индексами (что постоянно измеряются в сети обсерваторий в разных регионах мира и публикуются в печатных и электронных каталогах соответствующих учреждений), в частности: Ap (показатель ГМА); F10.7 (показатели CA), знак радиальной компоненты ММП. В нашем исследовании, учитывая особенности исходящих данных, мы использовали годовые показатели этих индексов [30].

Гелиогеофизические данные (временные ряды гелиогеофизических индексов, гелиогеофизических событий разных классов с исчерпывающей информацией об их особенностях) получены из источников международной системы Мирового центра геофизических данных (США, Российская Федерация) [31] и Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН [32].

Современные исследования свидетельствуют об установлении определенных аспектов зависимости состояния преступности (отдельных ее видов) в разных странах мира от космических факторов. В частности, российскими исследователями установлена важная роль геомагнитных бурь (ГМБ) и геомагнитных штормов (ГМШ) в вариациях частоты совершения преступлений [33], связь уровня уличной преступности с геомагнитной активностью [34], корреляция количества совершаемых насильственных преступлений (умышленные убийства, тяжелые телесные повреждения, изнасилования) со среднемесячными значениями Ap-индекса ГМА, причем наибольшая (корреляция порядка +0,95) связь характерна для изнасилований [1]. Армянские исследователи указывают на установленный максимум насильственных смертей в годы повышенной

солнечной активности [35]. Литовскими учеными установлена отрицательная корреляция между ежемесячными данными убийств и солнечной активностью [36].

Проведенное нами сопоставление многолетней динамики преступности в целом и отдельных видов преступлений (убийства, изнасилования, разбой) в различных странах (Россия [37; 38], Украина [39; 40], Беларусь [41; 42; 43; 44; 45; 46]) позволило выявить наличие воспроизводимых и весьма тесных связей с космической погодой, прежде всего, как оказалось, с геомагнитной активностью. Среди показателей преступности лишь один показатель оказался приемлемым для анализа, а именно прирост в процентах по сравнению с прошлым годом, т.к. он является относительным и его колебания практически не склонны к трендам, преобладающим в динамике абсолютных значений показателей преступности. При наличии же трендов практически невозможно рассудить, как повлиял на динамику социального показателя естественный фактор с четко выраженной квазиритмической составляющей.

Среди индексов космической погоды зависимости, полученные с помощью корреляционного анализа, выявлены исключительно с Ар-индексом геомагнитной активности, что в целом подтверждают научные данные относительно ее биотропного воздействия [47], в том числе к так называемым социальным процессам, которые в своей основе также являются биологическими [48].

Здесь также следует отметить одну общую для подобного рода исследований проблему, а именно сложность, а иногда и практическую невозможность сопоставимости статистических данных различных стран как за более-менее длительные периоды времени, так и вообще. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, не во все времена и не во всех странах велся статистический учет преступности. Во-вторых, при наличии статистического учета его формы, особенно на предмет наличия или отсутствия того или иного параметра учета, практически не совпадают. Налицо необходимость введения унифицированных форм статистической отчетности полицейских ведомств (криминальной юстиции) всех стран, которая отсутствует, несмотря на постоянное расширение и углубление международного сотрудничества в сфере обеспечения криминологической безопасности и увеличение количества государств – членов различных международных специализированных организаций). В-третьих, уголовное законодательство разных стран содержит различный перечень преступных деяний, а тождественные преступные деяния имеют различную квалификацию в зависимости от законодательства той или иной страны.

Итак, при сопоставлении прироста всех зарегистрированных преступлений просматривается высокосвязанная корреляционная связь с геомагнитной активностью (коэффициент линейной корреляции [49] $R=0,5178$ на уровне статистической значимости $p=0,0001$).

сильная, или тесная, – при модуле коэффициента корреляции $|R| \geq 0,70$;

средняя – при $0,50 \leq |R| \leq 0,69$;

умеренная – при $0,30 \leq |R| \leq 0,49$;

слабая – при $0,20 \leq |R| \leq 0,29$;

очень слабая – при $|R| \leq 0,19$.

Частичная классификация корреляционных связей:

высокосвязанная корреляция – при R , соответствующем уровню статистической значимости $p < 0,01$;

значимая корреляция – при R , соответствующем уровню статистической значимости $p < 0,05$;

тенденция достоверной связи – при R , соответствующем уровню статистической значимости $p < 0,10$;

незначительная корреляция – при R , не достигающим уровня статистической значимости.

Повышенная геомагнитная активность является универсальным стресс-фактором, как известно из многих исследований, а значит, понятно, что именно с ней может определяться тесная связь такого сложного биосоциального явления, как преступность.

По данным украинской статистики, корреляционная связь прироста преступности с геомагнитной активностью также является стабильной и высокой – коэффициент линейной корреляции $R=0,4062$ на уровне статистической значимости $p=0,0028$.

Следует отметить, что начиная с 2009 г. корреляционная связь становится обратной, что может указывать на изменения в порядке регистрации преступлений. Если не учитывать последний отрезок времени с 2009 по 2012 г., то корреляционная связь прироста преступлений за период 1960–2008 гг. является еще более высокой: $R=0,5550$, $p=0,0001$. Тот факт, что корреляционная связь прироста преступности с геомагнитной активностью в других странах, например Российской Федерации, является положительной на протяжении 2009–2012 гг., на наш взгляд, подтверждает, что динамика преступлений в Украине в этот период связана с особенностями политической ситуации или же вообще является артефактом.

Что касается состояния преступности в Республике Беларусь, то, как свидетельствуют статистические данные, ее связь с геомагнитной активностью является менее тесной, тем не менее, также существенной ($R=0,4534$, $p=0,0008$).

Связь уровня умышленных убийств в России с геомагнитной активностью также явля-

ется высоко значащей ($R=0,5792$, $p=0,0015$). Следует отметить, что имеющийся статистический материал охватывает значительно меньший, по сравнению с другими анализируемыми странами, временной период (1985–2012), что в определенной мере может снижать репрезентативность полученных данных.

По данным украинской статистики, корреляционная связь относительно уровня умышленных убийств в Украине с геомагнитной активностью менее тесная, но также является высоко значащей, тем не менее, несколько меньшей, чем для общей преступности ($R=0,3671$, $p=0,0074$).

Уровень умышленных убийств (в динамике прироста относительно предыдущего года) в Республике Беларусь также статистически значительно связан с геомагнитной активностью ($R=0,3576$, $p=0,0055$).

Исследование также показало, что значимой является связь с геомагнитной активностью ($R=0,5447$, $p=0,0033$) уровня изнасилований (в динамике прироста относительно предыдущего года) в России.

Не менее значащей является связь уровня изнасилований с геомагнитной активностью в Украине ($R=0,3140$, $p=0,0234$) и Беларуси ($R=0,4610$, $p=0,0014$).

Третий вид преступлений, относительно которого было проведено исследование, – разбой. Связь уровня разбоев (в динамике прироста относительно предыдущего года) в России с геомагнитной активностью также является значащей ($R=0,5794$, $p=0,0024$). Следует отметить, что более низкий, в сравнении с умышленным убийством и изнасилованием, коэффициент корреляции уровня разбоев с геомагнитной активностью (что, в частности, наглядно видно на примере Украины и Республики Беларусь), на наш взгляд, обусловлен, прежде всего, корыстной мотивацией данного преступления, а значит, меньшей импульсивностью и ситуативностью его совершения.

Связь уровня разбоев (в динамике прироста относительно предыдущего года) в Украине с геомагнитной активностью также является значащей или близкой к статистической значимости ($R=0,2992$, $p=0,0312$).

Анализ статистических данных относительно Беларуси также указывает, что связь уровня разбоев с геомагнитной активностью на протяжении анализируемого периода также является значащей или близкой к статистической значимости ($R=0,2943$, $p=0,0525$).

Таким образом, проведенное сопоставление многолетней динамики преступности в целом и отдельных видов преступлений (убийства, изнасилования, разбой) в различных государствах позволяет выявить наличие воспроизводимых и весьма тесных связей с космической

погодой, прежде всего с геомагнитной активностью – фактором биотропного воздействия как на индивидуальном уровне, так и на уровне так называемых социальных процессов, которые в своей основе также являются биологическими.

Исследование естественных экологических факторов как одного из видов факторов детерминации преступности и разработка эффективных механизмов минимизации их деструктивного воздействия обуславливают необходимость дальнейшего изучения (на началах консолидации гуманитарного знания, достижений естественных наук, этологии, экологической физиологии и др.) взаимозависимости между социальными процессами, происходящими на нашей планете, прежде всего качественными и количественными изменениями состояния преступности (как в целом, так и ее отдельных видов), и активностью и харак-

тером влияния гелиогеофизических факторов. Также необходимо изучение роли указанных факторов в механизме совершения преступлений отдельных видов и в разработке адаптированных методик прогнозирования их влияния на состояние преступности. Теоретическая и практическая значимость научного поиска в данном направлении обусловлена тем, что он приближает нас к пониманию биосоциальной природы преступного поведения, а значит, и к познанию феномена преступности в целом.

В свою очередь, структуризация, хранение и обработка соответствующей статистической информации требуют создания современной базы данных относительно состояния преступности и ее отдельных видов, которая должна обеспечивать решение аналитических и прогностических задач, а также простоту и эффективность доступа к соответствующей информации.

1. Киселев С.Л. Теоретические основы гелиогеофизического прогнозирования преступности и чрезвычайных ситуаций: дис. ... д-а юрид. наук. М., 2000.

2. Игнатов А.Н. Природные факторы детерминации преступности: постановка проблемы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4(23). С. 22–27.

3. Игнатов А.Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 223–233.

4. Ломброзо Ч. Преступный человек / пер. с итал. Ч. Ломброзо. М.: СПб., 2005.

5. Баронин А.С. Психологический профиль убийц: пособие по криминальной психологии и криминалистике. Киев, 2001.

6. Губанова Е.В. Криминологическая характеристика и предупреждение изнасилования (на основании материалов практики Автономной Республики Крым): дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2008.

7. Agnew R. Dire forecast: theoretical model of the impact of climate change on crime // *Theoretical Criminology*. Febr. 2012. Vol. 16, 1. P. 21–42.

8. Cheatwood D. The effects of weather on homicide // *Journal of Quantitative Criminology*. March 1995. Vol. 11, Iss. 1. P. 51–70.

9. Чижевский А.Л. Земля в объятиях Солнца. М., 2004.

10. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса // *Техника – молодежи*. 1990. № 10. С. 23–25.

11. Gordon C., Berk M. The effect of geomagnetic storms on suicide // *S. Afr. Psychiatry Rev*. 2003. № 6. P. 24–27.

1. Kiselyov S.L. Theoretical bases of heliogeophysical prognosis of criminality and emergency situations: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2000.

2. Ignatov A.N. Natural factors of crime determination: problem statement // *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2011. № 4(23). P. 22–27.

3. Ignatov A.N. Biological determinative factors of violent crimes // *Criminological journal of Baikal state university of economy and law*. 2015. Vol. 9. № 2. P. 223–233.

4. Lombroso Ch. Criminal human / transl. from Italian Ch. Lombroso. Moscow, 2005.

5. Baronin A.S. Psychological type of murders: textbook on criminal psychology and criminalistics. Kiev, 2001.

6. Gubanova E.V. Criminological characteristic and prevention of rape (based on practical materials of Autonomous Republic of Crimea): diss. ... Master of Law. Kiev, 2008.

7. Agnew R. Dire forecast: theoretical model of the impact of climate change on crime // *Theoretical Criminology*. Febr. 2012. Vol. 16, 1. P. 21–42.

8. Cheatwood D. The effects of weather on homicide // *Journal of Quantitative Criminology*. March 1995. Vol. 11, Iss. 1. P. 51–70.

9. Chizhevsky A.L. The Earth in the embrace of the Sun. Moscow, 2004.

10. Chizhevsky A.L. Physical factors of historical process // *Technique to the youth*. 1990. № 10. P. 23–25.

11. Gordon C., Berk M. The effect of geomagnetic storms on suicide // *S. Afr. Psychiatry Rev*. 2003. № 6. P. 24–27.

12. Kay R.W. Geomagnetic Storms: Association with Incidence of Depression as Measured by Hospital Admission // *British Journal of Psychiatry*. 1994. Vol. 164. P. 403–409.

12. Kay R.W. Geomagnetic Storms: Association with Incidence of Depression as Measured by Hospital Admission // *British Journal of Psychiatry*. 1994. Vol. 164. P. 403–409.
13. Environmental and geomagnetic factors in relation to selfdestructive ideation and behavior / Bergiannaki J.D., Tritakis V.P., Psarros C. // *Proc. XX Congr. IASP. Athens, 1999. P. 140–141.*
14. Лизунов Ю.В., Серпов В.Ю., Храмов А.В. Влияние условий Крайнего Севера на уровень убийств при гелиогеофизических возмущениях // *Экология человека*. 2006. № 7. С. 9–13.
15. Скифский И.С. Криминологическое значение космо-теллурической среды и ее роль в детерминации насильственной преступности // *Право и политика*. 2009. № 5. С. 1134–1142.
16. Григорьев П.Е., Розанов В.О., Игнатов А.Н. Космофизические факторы суицидальной и террористической активности // *Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе: науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.Н. Игнатова. Симферополь, 2012. С. 236–241.*
17. Григорьев П.Е., Владимирский Б.М. Эффекты космической погоды в террористической активности // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Биология, химия»*. 2007. Т. 20(59). № 1. С. 28–46.
18. *Космос и жизнь: единство и многообразие / под ред. П.Е. Григорьева, И.Э. Сулейманова. Симферополь, 2010.*
19. Владимирский Б.М., Темурьянц Н.А. Влияние солнечной активности на биосферу – ноосферу (Гелиобиология от А.Л. Чижевского до наших дней). М., 2000.
20. Делюков А.А., Горго Ю.П. Флуктуации атмосферного давления инфранизких частот и метеочувствительность людей разного возраста // *Проблемы старения и долголетия*. 2000. Т. 9. № 4. С. 348–357.
21. Владимирский Б.М., Конрадов А.А. Космическая погода и террористическая активность // *Геофизические процессы и биосфера*. 2005. Т. 4. № 1/2. С. 165–169.
22. Белишева Н.К., Черноус С.А., Виноградов А.Н. и др. Изучение зависимости функционального состояния организма человека от глобальных и локальных вариаций геокосмических агентов в условиях Заполярья // *Научное обеспечение развития технобиосферы Заполярья: база знаний и пакет инновационных предложений (мультимедийный информационный ресурс) / отв. ред. А.Н. Виноградов. С. 23–54.*
23. Горго Ю.П., Ильин В.Н., Милиневский Г.П., Шевченко В.Е. Особенности функционирования организма зимовщиков при адаптации к условиям Антарктиды // *Гелиогеофизические*
13. *Environmental and geomagnetic factors in relation to selfdestructive ideation and behavior / Bergiannaki J.D., Tritakis V.P., Psarros C. // Proc. XX Congr. IASP. Athens, 1999. P. 140–141.*
14. Lizunov Yu.V., Serpov V.Yu., Khramov A.V. Impact of Far North conditions on the rate of Murders under heliogeophysical perturbations // *Human ecology*. 2006. № 7. P. 9–13.
15. Skifsky I.S. Criminological significance of space-telluric environment and its role in determination of violent crimes // *Law and politics*. 2009. № 5. P. 1134–1142.
16. Grigoriyev P.E., Rozanov V.O., Ignatov A.N. Space-physical factors of suicide and terrorist activity // *Counteraction to xenophobia, extremism and terrorism in modern society: sci. works of intern. sci. and pract. conf. / gen. ed. by A.N. Ignatov. Simferopol, 2012. P. 236–241.*
17. Grigoriyev P.E., Vladimirsky B.M. Impact of space weather on terrorist activity // *Scientific notes of V.I. Vernadsky Tavria national university. Ser. «Biology and Chemistry»*. 2007. Vol. 20(59). № 1. P. 28–46.
18. *Space and live: unity and diversity / ed. by P.E. Grigoriev, I.E. Sulejmanov. Simferopol, 2010.*
19. Vladimirsky B.M., Temuriyants N.A. Influence of solar activity on biosphere – Noosphere (Heliobiology from A.L. Chizhevskyj to nowadays). Moscow, 2000.
20. Delyukov A.A., Gorgo Yu.P. Fluctuations of air pressure in subsonic frequencies and Meteosenitivity of people of different ages // *Problems of aging and longevity*. 2000. Vol. 9. № 4. P. 348–357.
21. Vladimirsky B.M., Konradov A.A. Space weather and terrorist activity // *Geophysical processes and biosphere*. 2005. Vol. 4. № 1/2. P. 165–169.
22. Belisheva N.K., Chemous S.A., Vinogradov A.N. etal. The study of dependence of functioning state of human organism from global and local variations of geospace agents in conditions of polar regions // *Scientific support of development of technobiosphere of polar regions: base of knowledge and package of innovative proposals (multimedia informational course) / resp. ed. A.N. Vinogradov. P. 23–54.*
23. Gorgo Yu.P., Iliyev V.N., Milinevsky G.P., Shevchenko V.E. Peculiarities of functioning of winterer's organisms at antarctic conditions adaptation // *Heliogeophysical factors and human health: proc. of intern. symposium Novosibirsk, 2005. P. 54–55.*
24. Grigoriyev P.E. Connection between adaptive reactions and heliophysical factors of probationers with different vegetative status // *Bull. of new medical technologies*. 2008. Vol. XV. № 2. P. 133–135.
25. Mustel E.R. Era overlay method // *Bull. of scientific Information Astronomic Council*

факторы и здоровье человека: материалы Междунар. симпозиума. Новосибирск, 2005. С. 54–55.

24. Григорьев П.Е. Связь адаптационных реакций с гелиогеофизическими факторами у испытуемых с различным вегетативным статусом // *Вестн. новых медицинских технологий*. 2008. Т. XV. № 2. С. 133–135.

25. Мустель Э.Р. Метод наложения эпох // *Бюл. науч. информ. астроном. совета АН СССР*. 1968. № 10.

26. Григорьев П.Е., Бычков В.В., Игнатов А.Н. Информационные технологии мониторинга биосоциальных систем // *Вычислительный интеллект (результаты, проблемы, перспективы): материалы Междунар. науч.-тех. конф., 10–13 мая 2011 г. Черкассы, 2011. С. 301–302.*

27. Гурфинкель Ю.И. Ишемическая болезнь сердца и солнечная активность. М., 2004.

28. Исхаков В.П. К проблеме влияния солнечной активности на психические заболевания // *Солнце, электричество, жизнь*. М., 1972. С. 70–71.

29. Бекетов В.В., Зенченко Т.А., Мерзлый А.М., Янаков А.Т. Космическая погода как действующий фактор в авиации // *Космос и биосфера: материалы VII Междунар. крымск. конф. Киев, 2007. С. 49–50.*

30. Игнатов А.Н., Григорьев П.Е. Возможное влияние гелиогеофизических факторов на организм будущих преступников в раннем онтогенезе // *Журн. Киев. ун-та права*. 2013. № 4. С. 273–279.

31. Официальный сайт Мирового центра геофизических данных (США, Российская Федерация). URL: <http://www.ngdc.noaa.gov/wdc/>

32. Официальный сайт Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН. URL: <http://www.izmiran.ru/services/saf/>

33. Авдонина Е.Н., Самовичев Е.Г. Некоторые гелиогеофизические характеристики серий особо опасных преступлений // *Биофизика*. 1995. Т. 40. № 5. С. 1060–1063.

34. Кравченко К.Л., Кудрявцева А.О., Язев С.А. Влияние геомагнитной активности на уровень уличной преступности в Иркутске // *Космос и биосфера: VI междунар. конф., 26 сент. – 1 окт. 2005 г.: тез. докл. Партемит, 2005. С. 97–98.*

35. Варданян Ш.А. Роль некоторых гелиофизических, метеорологических и других факторов в учащении насильственной и ненасильственной смерти в крупном климатическом регионе СССР: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1990.

36. Suicide-homicide temporal interrelationship, links with other fatalities, and environmental physical activity / E. Stoupel, R. Kalėdienė,

of Academy of Science of the USSR. 1968. № 10.

26. Grigoriyev P.E., Bychkov V.V., Ignatov A.N. Informational technologies of biosocial systems // *Calculating intellect (results, problems, perspectives): proc. of the intern. sci.-technical conf., May 10–13, 2011. Cherkassy, 2011. P. 301–302.*

27. Gurfinkel Yu.I. Ischemic heart disease and solar activity. Moscow, 2004.

28. Iskhakov V.P. To the problem of Impact of Solar activity on mental diseases // *Sun, electricity, life*. Moscow, 1972. P. 70–71.

29. Beketov V.V., Zenchenko T.A., Myorzly A.M., Yanakov A.T. Space weather as a virtue in aviation // *Space and Biosphere: proc. of the VII Intern. Crimea conf. Kiev, 2007. P. 49–50.*

30. Ignatov A.N., Grigoriev P.E. Probable Impact of heliogeophysical factors on organism of future criminals at early ontogenesis // *Journal of Kyiv university of law*. 2013. № 4. P. 273–279.

31. Official site of Global Centre of Geophysical Data (USA, Russian Federation). URL: <http://www.ngdc.noaa.gov/wdc/>

32. Official site of Institute of Earth magnetism, ionosphere and radio-wave propagation of the Russian Academy of Science. URL: <http://www.izmiran.ru/services/saf/>

33. Avdonina E.N., Samovichev E.G. Some heliophysical characteristics of the series of capital crimes // *Biophysics*. 1995. Vol. 40. № 5. P. 1060–1063.

34. Kravchenko K.L., Kudryavtseva A.O., Yazev S.A. Impact of geomagnetic activity on the rate of street criminality in Irkutsk // *Space and Biosphere: VI intern. conf., Sept. 26 – Oct. 1, 2005: theses of reports. Partenit, 2005. P. 97–98.*

35. Vardanyan Sh.A. The role of certain heliophysical, meteorological and other factors in acceleration of violent and non-violent deaths in the large climatic region of the USSR: auth. abstr. ... *Dr of Medicine*. Moscow, 1990.

36. Suicide-homicide temporal interrelationship, links with other fatalities, and environmental physical activity / E. Stoupel, R. Kalėdienė, J. Petrauskiene // *Crisis*. 2005. Vol. 26. № 2. P. 85–89.

37. Luneyev V.V. Criminality of the 20th century: global, regional and russian tendencies. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, 2005.

38. Official statistics of Federal Service of State Statistics of the Russian Federation. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/

39. Data on the registered crimes for the Periods 1960–1990, 2002–2012, analytical information on the state of criminogenic situation in Ukraine and criminality in the direction of work of criminal investigation department: letter of the Ministry of the Interior of Ukraine d.d. Oct. 2, 2013 № 16991/Dv.

J. Petrauskiene // *Crisis*. 2005. Vol. 26. № 2. P. 85–89.

37. Лунеев В.В. *Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

38. *Официальная статистика Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/

39. Сведения о зарегистрированных преступлениях за период 1960–1990, 2002–2012 годы, аналитическая информация о состоянии криминогенной ситуации в Украине и преступности по направлению работы подразделений уголовного розыска: письмо МВД Украины от 2 окт. 2013 г. № 16991/Дв.

40. Отчет МВД Украины о преступности за 2002–2012 годы (форма № 1: утв. приказом Госкомстата Украины от 10 дек. 2002 г. № 436, приказом МВД Украины от 4 нояб. 2003 г. № 1291, приказом МВД Украины от 16 янв. 2008 г. № 16, приказом МВД Украины от 27 июля 2010 г. № 332).

41. Басецкий И.И., Капелько И.В., Сиваков Ю.Л. *Преступность: опыт координации противодействия*. Минск, 2001.

42. Единый отчет о состоянии преступности в Республике Беларусь за 2002–2005 гг. Форма 453 (№ 1-Г) / Информационно-аналитическое управление МВД Республики Беларусь.

43. Отчет о состоянии преступности по Республике Беларусь за 2006–2007 гг. / Информационно-аналитическое управление МВД Республики Беларусь.

44. *Правонарушения в Республике Беларусь: статист. сб.* Минск, 2012. URL: <http://belstat.gov.by/homep/ru/publications/2012/Offence2012.pdf>

45. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений (на основании единого государственного банка данных о правонарушениях) по Республике Беларусь за 2009–2012 гг. / Информационный центр МВД Республики Беларусь.

46. Сведения о состоянии преступности по Республике Беларусь за 2008 г. / Информационно-аналитическое управление МВД Республики Беларусь.

47. Mikulecky M. Solar activity, revolutions and cultural prime in the history of mankind // *Neuro. Endocrinol. Lett.* 2007. Vol. 28. № 6. P. 749–756.

48. Владимирский Б.М. Влияет ли «космическая погода» на общественную жизнь? // *Политика и экогеодинамика регионов*. 2005. Вып. 2. С. 23–30.

49. Ивантер Э.В., Коросов А.В. *Основы биометрии*. Петрозаводск, 1992.

40. Report of the Ministry of the Interior of Ukraine on criminality for the period of 2002–2012 (form № 1: appr. by the order of State Committee of Statistics of Ukraine d.d. Dec. 10, 2002 № 436, order of the Ministry of the Interior of Ukraine d.d. Nov. 4, 2003 № 1291, order of the Ministry of the Interior of Ukraine d.d. Jan. 16, 2008 № 16, order of the Ministry of the Interior of Ukraine d.d. July 27, 2010 № 332).

41. Basetsky I.I., Kapelko I.V., Sivakov Yu.L. *Criminality: experience in coordination of Cooperation*. Minsk, 2001.

42. *United Report on the State of Criminality in the Republic of Belarus in 2002–2005*. Form 453 (№ 1-G) / Informational-analytical administration of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus.

43. Report on the state of criminality in the Republic of Belarus in 2006–2007 / Informational-analytical administration of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus.

44. *Delinquencies in the Republic of Belarus: statistical coll.* Minsk, 2012. URL: <http://belstat.gov.by/homep/ru/publications/2012/Offence2012.pdf>

45. Data on registration and preliminary investigation of crimes (based on the united state data bank of delinquencies) in the Republic of Belarus in 2009–2012 / Informational centre of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus.

46. Data on the state of crime in the Republic of Belarus in 2008 / Informational-analytical Administration of the Ministry of the Interior of Republic of Belarus.

47. Mikulecky M. Solar activity, revolutions and cultural prime in the history of mankind // *Neuro. Endocrinol. Lett.* 2007. Vol. 28. № 6. P. 749–756.

48. Vladimirsky B.M. Does «Space weather» influence social life? // *Politics and ecogeodynamic of the regions*. 2005. Iss. 2. P. 23–30.

49. Ivanter E.V., Korosov A.V. *The basics of biometrics*. Petrozavodsk, 1992.

Клюковская Ирина Николаевна
 доктор юридических наук, профессор,
 заведующая кафедрой теории и истории государства и права
 Северо-Кавказского федерального университета
 (тел.: +78652330118)

Зикеев Вячеслав Алексеевич
 ассистент кафедры теории и истории государства и права
 Северо-Кавказского федерального университета
 (тел.: +78652330118)

Пути совершенствования антикоррупционного законодательства

Авторами определена система антикоррупционного законодательства, включающая репрессивные и нерепрессивные источники права. Рассмотрение уголовного закона как репрессивного антикоррупционного законодательства приводит к выводу о направлениях его совершенствования: устранении определенных пробелов и коллизий норм права, возникающих в процессе имплементации норм международного права в правовую систему современной России. Нормативные правовые акты, закрепляющие предупреждение коррупции, рассмотрены как нерепрессивное антикоррупционное законодательство. Представленные направления развития нерепрессивного антикоррупционного законодательства Российской Федерации рассматриваются как элементы системы криминологического законодательства.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, криминологическое законодательство, антикоррупционная экспертиза.

I.N. Klyukovskaya, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652330118;

V.A. Zikeev, Assistant of the Chair of Theory and History of State and Law of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652330118.

Ways of improvement of the anti-corruption legislation

Authors defined the system of the anti-corruption legislation including repressive and not repressive sources of law. Consideration of the criminal law as repressive anti-corruption legislation leads to a conclusion about the directions of its improvement: elimination of certain gaps and collisions of the rules of law arising in the course of implementation of norms of international law in legal system of modern Russia. The normative legal acts fixing the prevention of corruption are considered as the non-repressive anti-corruption legislation. The presented directions of development of not repressive anti-corruption legislation of the Russian Federation are considered as elements of system of the criminological legislation.

Key words: corruption, anticorruption legislation, criminology legislation, anticorruption examination.

Среди правовых средств антикоррупционной политики значительное место занимает правотворчество; оно не только определяет легитимность мер антикоррупционного характера, но и в силу субъективно-объективных причин, возникающих в процессе правотворчества, может, в частности, породить касту «неприкасаемых», «наделенных всей полнотой власти и в то же время не несущих ответственности за свои решения» [1, с. 13].

В настоящее время происходит становление системы антикоррупционного законодательства, однако значительный объем норма-

тивных правовых актов в рассматриваемом предмете правового регулирования вызывает острую критику с точки зрения качества законодательной техники. Для рассмотрения данной проблемы обратимся, прежде всего, к анализу репрессивного и нерепрессивного антикоррупционного законодательства (федерального и регионального уровней).

Центральное место в репрессивном антикоррупционном законодательстве отведено Уголовному кодексу РФ, при этом в настоящее время проблемам совершенствования обозначенного предмета правового регулирования посвящены острые дискуссии ученых в юриди-

ческой литературе, где многие вопросы остаются открытыми [2, с. 24–28].

Так, проблемой институционального уровня, препятствующей эффективной борьбе с коррупцией, является то, что, вопреки положениям Конвенции ООН против коррупции, российское законодательство включает широкий спектр субъектов, которые находятся в группе «коррупционного риска». Эти лица обладают правовым иммунитетом, который затрудняет ведение контроля над «законностью их действий, а также усложняет процедуру привлечения к уголовной ответственности» [3, с. 19]. Справедливо замечание А.Г. Кибальника, что тенденцию расширения иммунитетов следует рассматривать в качестве угрозы для принципа равенства граждан перед законом, создания открытого гражданского общества [4, с. 84].

По нашему мнению, необходимо уделить отдельное внимание широко обсуждаемому вопросу последних лет о криминализации незаконного обогащения в соответствии со ст. 20 Конвенции ООН против коррупции. Как известно, Конвенция ООН против коррупции ратифицирована Россией полностью, без каких-либо изъятий. Однако предписание указанного международного правового акта об обязательной криминализации незаконного обогащения (значительного увеличения активов публичного должностного лица, превышающего его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать) не выполнено. Краеугольным камнем является вопрос о том, что сама диспозиция предлагаемой для имплементации в отечественный уголовный закон нормы права противоречит презумпции невиновности – одному из базовых конституционных принципов. Подчеркнем, что в названной статье Конвенции ООН содержится условие соблюдения страной – участницей международного договора конституции и основополагающих принципов своей правовой системы. Тем не менее, дискуссия по данной проблеме зашла так далеко, что авторами начали выдвигаться идеи о введении в законодательный оборот понятия «презумпция виновности» [5]. Однако, на наш взгляд, предписание п. 8 ст. 31 Конвенции ООН против коррупции в нашем государстве реализовано принятием Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», который, вопреки мнению ряда ученых, не подменяет саму криминализацию незаконного обогащения.

Из существа определения Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2001 г. № 277-О, а также определения Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2004 г. № 299-О вытекает, что, поступая на государственную службу, гражданин априори соглашается соблюдать ограничения и не нарушать запреты, связанные с исполнением служебных обязанностей. В указанных случаях установленные законом запреты, если они обусловлены специфическим статусом, который приобретает должностное лицо, не могут рассматриваться как неправомерное ограничение конституционных прав этого лица.

Другим важным инструментом противодействия коррупции должна стать конфискация имущества как обязательный дополнительный вид уголовного наказания, применяемый в отношении лиц, совершивших коррупционное преступление. При этом речь должна идти об изъятии и обращении в пользу государства не только имущества, в отношении которого доказано его «коррупционное происхождение», но также в отношении имущества, которое было приобретено лицом в период времени, исчисляемый с момента совершения доказанного «эпизода» преступной деятельности до момента непосредственного изобличения указанного лица. Данное предложение авторов настоящей статьи должно быть расценено как некоторый консенсус между сторонниками конфискации имущества, добытого преступным путем, и сторонниками полной конфискации имущества, которая применялась в недавнем прошлом в нашей стране в отношении лиц, совершивших отдельные тяжкие или особо тяжкие преступления. Соответствующее решение полностью согласуется с положениями международных конвенций, которые ратифицированы Россией.

Полагаем, что при рассмотрении наисложнейших вопросов имплементации норм международного права в правовую систему России следует учитывать мнение величайшего ученого права Ю.А. Тихомирова, который указывает на неприемлемость избирательного подхода при выполнении международных обязательств [6, с. 70].

Другим направлением совершенствования антикоррупционного законодательства выступает нерепрессивное федеральное и региональное законодательство, здесь речь идет об актах криминологического законодательства, среди которых необходимо, в первую очередь, выделить значительное количество федеральных законов и подзаконных актов.

Анализ действующего антикоррупционного нерепрессивного законодательства показал,

что «основным его предметом регулирования являются три института: антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, конфликт интересов на государственной и муниципальной службе и порядок декларирования доходов, расходов и имущественного положения служащих и членов их семей» [7, с. 146].

Рассмотрим некоторые перспективы развития нерепрессивного антикоррупционного законодательства Российской Федерации как элемента системы криминологического законодательства.

Во-первых, серьезное предложение выдвигают криминологи, которые говорят о необходимости установления в законе обязанности должностных лиц сообщать о ставших известным им фактах коррупционной деятельности своих коллег и руководства. Подобным образом новаторы предлагают разбить «круговую поруку» в структурах власти [8, с. 17]. Данное требование корреспондировало бы предписанию п. 4 ст. 8 Конвенции ООН против коррупции. Статья 9 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает обязанность должностных лиц уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, непосредственно адресованных им самим. По нашему мнению, необходимо рассмотреть вопрос о внесении изменений в данную норму, установив также указанную выше обязанность должностного лица об уведомлении представителя нанимателя (работодателя) о ставших известными фактах обращения каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений иных должностных лиц в связи с осуществлением ими своих полномочий. Кроме того, обязанность проверки указанных фактов, а в случае их подтверждения – обязанность уведомления о них органов прокуратуры или других государственных органов необходимо возложить на представителя нанимателя (работодателя).

Во-вторых, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определил в ст. 6 меры противодействия коррупции. В первую очередь среди основных мер профилактики коррупции законодатель закрепил формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Это объясняется тем, что противодействие коррупции останется декларацией о намерениях, если не будет учитывать феномен правосознания субъектов органов государственной власти (законодательных, исполнительных, судебных), а также уровень правосознания от-

дельных социальных групп и личности. В связи с этим процесс формирования антикоррупционного правосознания должен осуществляться при тесном взаимодействии пригодных элементов: юридического просвещения, правового воспитания и правового образования, т. е. соответствующей правовой культуры.

Данная мера профилактики коррупции находит свое закрепление и на региональном уровне: например, п. 3 ст. 2 Закона Ставропольского края от 4 мая 2009 г. № 25-кз «О противодействии коррупции в Ставропольском крае» предусматривает в качестве одной из мер предупреждения коррупции антикоррупционное образование и пропаганду.

Однако данные предписания могут продолжаться оставаться декларативными в связи с тем, что необходимо, как минимум, признать неэффективность многих традиционных подходов к формированию правосознания.

Преодоление обозначенных проблем видится в формировании научно обоснованных неординарных механизмов, технологий воздействия на правосознание субъектов государственной власти и население. При этом среди основных требований противодействия коррупции можно назвать следующие:

обеспечить социально-правовую обоснованность необходимых антикоррупционных мер, воздействуя на позитивную часть правового сознания, включая важнейший компонент последнего – правовую психологию;

содействовать сцеплению правовых решений с реальными интересами и поведением людей, их (решений) действительному воздействию на общественные отношения, социальную психологию, коррупционные ситуации;

способствовать позитивному отношению населения к задачам борьбы с коррупцией, проявляющемуся не только в абстрактном одобрении, но и в социальной готовности включить антикоррупционные решения в мотивацию индивидуального и группового поведения, участвовать в антикоррупционной деятельности [9, с. 178].

В-третьих, чрезвычайно важным механизмом противодействия коррупции, самостоятельным институтом государственной антикоррупционной политики, заслуживающим регламентации на уровне федерального законодательства, является мониторинг. Возвращаясь к правотворчеству Ставропольского края, отметим, что в п. 2 ч. 2 ст. 5.1 Закона Ставропольского края от 4 мая 2009 г. № 25-кз «О противодействии коррупции в Ставропольском крае» установлена необходимость проведения мониторинга

законодательства путем оценки эффективности применения нормативных правовых актов по предупреждению коррупционных правонарушений. В данном контексте необходимо, на наш взгляд, дополнить ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» п. 2.2, отразив в нем мониторинг и оценку антикоррупционного воздействия нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции в качестве одной из мер профилактики коррупционной преступности.

В-четвертых, перспективным направлением развития антикоррупционного законодательства, согласно Национальному плану противодействия коррупции на 2014–2015 годы, утвержденному Указом Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226, является развитие регионального антикоррупционного законодательства.

Статья 72 Конституции РФ включает целый ряд вопросов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. На наш взгляд, с точки зрения осуществления эффективной антикоррупционной политики в регионах необходимо продолжать формировать антикоррупционную нормативную базу в рамках следующих направлений: обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления; осуществление гласной региональной кадровой политики.

При совершенствовании антикоррупционного законодательства на региональном уровне необходимо обратить внимание на следующее.

Региональное законодательство призвано определить особенности правового поля с целью адекватного воздействия на проявления коррупции. Для определения конкретных методов антикоррупционного воздействия и создания нормативно-правовой базы исследуются факторы «коррупционных рисков», устанавливаются специфические причины и условия коррупции.

Региональное законодательство не свободно от пробелов и коллизий норм права антикоррупционного законодательства, которые следует устранять. Например, пробелом правового поля на региональном (муниципальном) уровне следует признать отсутствие нормативного закрепления обязательного письменного уведомления лиц, участвующих в конкурсе на замещение должности государственной (муниципальной) службы, о распространении на государственных (муниципальных) служащих отдельных ограничений и запретов, установленных законом.

Другим примером несовершенства законодательства может служить ч. 5 ст. 4 Закона Ставропольского края «О противодействии коррупции в Ставропольском крае», которая содержит положение, согласно которому решение о проведении антикоррупционной экспертизы действующих нормативных правовых актов губернатора Ставропольского края принимается губернатором Ставропольского края, что вызывает обоснованные опасения с точки зрения коррупциогенного потенциала указанной нормы.

Кроме того, указанный Закон Ставропольского края необходимо дополнить следующим: определить круг субъектов антикоррупционной деятельности; установить порядок отчетности указанных субъектов; наделить полномочиями по реализации антикоррупционной политики в сфере противодействия коррупции в Ставропольском крае конкретный орган исполнительной власти; регламентировать сферы компетенции данного органа власти в области осуществления антикоррупционной политики.

Важно обеспечить на региональном уровне формирование подзаконного регулирования процедур и механизмов антикоррупционного воздействия (проведение антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов; создание общедоступных информационных ресурсов, содержащих данные о заключениях антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов; мониторинг реализации антикоррупционных предписаний; взаимодействие с институтами гражданского общества в сфере антикоррупционной деятельности и т.д.). Все это станет основанием для регламентации порядка реализации основных мер по предупреждению коррупционных правонарушений в Ставропольском крае, определенных в ст. 2 Закона Ставропольского края «О противодействии коррупции в Ставропольском крае».

Необходимо активизировать антикоррупционное нормотворчество на муниципальном уровне. Статья 12 Конституции РФ гарантирует органам местного самоуправления самостоятельность в пределах своих полномочий. Поэтому антикоррупционное регулирование должно осуществляться муниципалитетами. При этом очень важно, чтобы сохранялась последовательность нормативного антикоррупционного регулирования. Основная его роль на местном уровне состоит в детализации положений федерального и регионального антикоррупционного законодательства, а также в установлении субординационной взаимосвя-

зи различных по юридической силе нормативных предписаний в сфере противодействия коррупции.

Таким образом, если задачей развития федерального антикоррупционного законодательства является интеграция предмета правового регулирования, унификация и систематизация нормативной базы, то региональное законодательство должно идти по пути дифференци-

ции нормативных предписаний с определением особенностей общественных отношений, складывающихся на территории конкретного субъекта Российской Федерации.

Сформулированные предложения, по нашему мнению, являются обязательным условием успешной антикоррупционной политики современной России.

1. Клюковская И.Н., Мелекаев Р.К. *Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как форма реализации антикоррупционной политики*. М., 2015.

2. Авдеев В.А., Авдеева О.А. *Государственная политика РФ в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности* // Рос. юстиция. 2015. № 5.

3. Козлов Т.Л. *Белая книга о противодействии коррупции*. М., 2011.

4. Кибальник А.Г. *Иммуниеты в уголовном праве*. Ставрополь, 1999.

5. Лут С.С. *Некоторые вопросы, касающиеся совершенствования антикоррупционного законодательства России*. URL: www.juristlib.ru/book_8428.html

6. Тихомиров Ю.А. *Государство: преемственность и новизна*. М., 2011.

7. Фадеев А.В. *Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование*. М., 2012.

8. Багмет М.А. *Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование)*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

9. Клюковская И.Н. *Теоретические основы криминологического исследования антикоррупционной политики*. 2-е изд. Ставрополь, 2004.

1. Klyukovskaya I.N., Melekaev R.K. *Corruptibility expert review of normative legal acts as a form of implementation of anticorruption policies*. Moscow, 2015.

2. Avdeev V.A., Avdeyeva O.A. *State policy of the Russian Federation in the sphere of counteraction to corruption offences* // Russian justice. 2015. № 5.

3. Kozlov T.L. *White book on interaction against corruption*. Moscow, 2011.

4. Kibalnik A.G. *Immunities in criminal law*. Stavropol, 1999.

5. Lut S.S. *Some issues related to improvement of anti-corruption legislation in Russia*. URL: www.juristlib.ru/book_8428.html

6. Tikhomirov Yu.A. *State: continuity and innovation*. Moscow, 2011.

7. Fadeev A.V. *Anticorruption legislation of Russia and foreign countries: criminological research*. Moscow, 2012.

8. Bagmet M.A. *Interaction against corruption in the police force (criminological research)*: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2014.

9. Klyukovskaya I.N. *Theoretical bases of criminological studies for anti-corruption policies*. 2nd ed. Stavropol, 2004.

Зибер Анна Эдуардовна

кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652330141)

Рубачева Елена Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652330141)

Социально-психологические особенности формирования и развития криминального поведения несовершеннолетних

В статье проведен анализ социально-психологических предпосылок формирования психики подростков, демонстрирующих элементы девиантного и криминального поведения. Приведены статистические данные, свидетельствующие о влиянии микросреды на характер поведения подростка. Даны рекомендации по профилактическим мерам, предотвращающим криминальное поведение у подростков.

Ключевые слова: подростки, криминальное поведение, девиантное поведение, семья, социум, воспитание.

A.E. Ziber, Master of Medicine, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652330141;

E.L. Rubacheva, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel. +78652330118.

Socio-psychological features of formation and development of criminal behavior of minors

This article provides analysis of the socio-psychological prerequisites for the formation of the psyche of minors exhibiting elements of deviant and criminal behavior. The statistical data shows the influence of the microenvironment in the behavior of minors. Authors made recommendations in terms of prevention lane to prevent criminal minors behavior.

Key words: minors, criminal behavior, deviant behavior, family, society, education.

Целью данной статьи является выявление социальных и психологических особенностей формирования и развития криминального поведения человека, т.к. проблема подростковой преступности в последние годы выступает с особой остротой. Причиной этого являются не только высокие и постоянно растущие показатели преступности детей. Несовершеннолетнее поколение, все больше проявляя то или иное криминальное поведение, приводит к деградации социальных и нравственных норм общества. Формируется особая криминальная субкультура общества.

Некоторые авторы [1, с. 304] пытались сопоставить психические свойства непосредственно с соматическими характеристиками человека, но потерпели неудачу, не сумев провести

обоснованных взаимосвязей. И лишь исследования И.П. Павлова [2, с. 69], Б.М. Теплова [3, с. 535], П.К. Анохина [4, с. 301], В.М. Русалова [5, с. 350] и других авторов позволили обосновать положение, что именно нейрофизиологические свойства играют решающую роль в определении психодинамических свойств человека.

Развивая тему определения взаимосвязи конституции и социума, многие исследователи отмечают, что имеется тенденция все больше признавать значение роли семьи, воспитания, традиций и социальных факторов в формировании личности. Они подчеркивают, что было бы недоступным упрощением отрицать наличие состояний, в результате которых основная роль отводится конституционально-биологическим факторам. К таким патологическим со-

стояниям авторы, в частности, относят невропатию и психопатическое развитие личности у детей и подростков.

В качестве примера указывалось, что нередко носители наследственного предрасположения – родители – в то же время являются составной частью окружающей ребенка среды: «родители отягощали детей не только своей наследственностью, но и своим воспитанием» [6, р. 276]. И.А. Сикорский пишет, что для детей, родившихся от психопатических родителей, родная семья представляет самую опасную воспитательную среду [7, с. 290].

Многие из таких родителей проявляют жестокость по отношению к своим детям, считая семью единственным местом, где они не обязаны следить за собой и сдерживать себя, они подают детям «дурной пример своими страстями, пороками и эксцентричностью» [8, с. 528]. Замечено также, что распространенность тех или иных личностных расстройств неодинакова в различных обществах. То же касается и преобладания различных признаков внутри конкретных форм аномального поведения, что дает повод говорить о влиянии культуры как на возникновение определенного вида личностного расстройства, так и на наличие совокупности признаков, свойственных этому виду.

К сожалению, негативные тенденции в динамике психического здоровья (в том числе подростков) на протяжении последних десятилетий фиксируются как отечественными, так и зарубежными психиатрами [9, с. 5–9]. Распространенность основных форм психических заболеваний возрастает каждые 10 лет на 10–15% (от исходного уровня). К началу 2000-х гг. в России она достигла 20–25%, что в 10 раз выше показателей официальной статистики [10, с. 16–19]. Данное положение обуславливает проведение значительного количества исследований, посвященных изучению этой актуальной проблемы. Считается, что в подавляющем большинстве увеличение подростковой болезненности идет за счет пограничных форм психической патологии [11, с. 125–128].

Когда в семьях привычной нормой становятся аномальные типы воспитания (попустительство, «ежовые рукавицы», безнадзорность, гиперопека, гипоопека и пр.), это неизбежно приводит к формированию девиантного поведения. Особую роль играет безразличие, холодность, агрессивное или

сверхэмоциональное поведение матери по отношению к ребенку в младенческом возрасте, т.к. этот период является временем формирования базового доверия к окружающему миру. В результате неблагоприятного воздействия на психику ребенка различных психотравмирующих факторов, в том числе вышеперечисленных, мы можем наблюдать различные аномалии развития характера: от невротических и пограничных форм до личностных расстройств (психопатий), что, бесспорно, чревато демонстрацией, в том числе, и криминального поведения.

С самого раннего возраста дети на бессознательном уровне перенимают особенности поведения своих родителей, формируя так называемую полоролевою модель поведения. Нетрудно представить, что программируется у ребенка в случае, если родители ведут аморальный образ жизни: пьют, допускают насилие друг к другу и по отношению к ребенку. Анализируя статистику, мы видим, что за 2 года было зарегистрировано 3246 преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних лиц, новорожденных и малолетних, из них 729 – тяжкие и особо тяжкие. Соответственно, мы можем сделать вывод, что данные преступления оставят негативный отпечаток на будущем не одного ребенка.

Если ребенок не находит принятия и поддержки в семье и школе, он неизбежно начинает искать нишу, в которой сможет социально утвердиться и реализоваться, пусть в криминальной среде. В этом случае могут возникать регулярные эпизоды делинквентного поведения, призванные для утверждения ребенка в определенной социальной среде и укрепления его самооценки. Зачастую это ведет к формированию преступной группы, т.к. для подросткового возраста характерна склонность к объединению. При формировании смешанных по возрасту групп, в которых присутствуют как подростки, так и взрослые, важную роль для привлечения подростков играет именно недостаток внимания и общения со стороны взрослых в семье. В этом случае старшие члены группы начинают играть роль своего рода «родителей», в чьих глазах и будет утверждаться подросток, к сожалению, часто асоциальным способом. Следовательно, таких детей легко вовлечь в преступную группу более «опытным» лицам [12, с. 126–128].

Рассмотрим еще один фактор, влияющий на психофизиологическое развитие поведения, – половое созревание, периоды гормональных кризов. В этот дисгармоничный для организма и психики период подростка происходят серьезные изменения. Наблюдаются резкие подъемы и спады настроения, колеблется физическое самочувствие, самооценка весьма неустойчива. Это очень важный момент в воспитании старшеклассников, т.к. все чаще возникают утрированные тенденции маскулинизации женского и феминизации мужского поведения. Наблюдаются реакции эмансипации, группирования.

В юности мировоззренческие вопросы решаются категорично, в них отражается противоречие между «абстрактным» и «конкретным». В отличие от ребенка, принимающего правила поведения на веру, юноша начинает осознавать их относительно, но еще не знает, с чем именно их нужно соотносить. Простая ссылка на авторитеты его уже не удовлетворяет. Недостаток внимания или контроля со стороны родителей, взрослых, педагогов может привести в этот период к тому, что для достижения своих потребностей подросток может совершить преступление, поскольку, по его мнению, «другого варианта нет, и не могло быть». Восприятие внешнего мира колеблется: окружающий мир может восприниматься враждебным, скучным и унылым, не возможным для адаптации в нем. Все это является основой для формирования различных форм девиантного поведения, в том числе сопровождающихся алкогольными и криминальными эксцессами.

Несовершеннолетние подростки с выраженными проблемами обостренного самосознания, с осложненными взаимоотношениями со взрослыми и сверстниками, максимально трудной жизнью внутреннего мира часто реагируют на конфликтную обстановку в семье противоправным поведением и оппозиционным отношением к школе. Среди подростков с криминальным поведением особенно часто встречаются те, у кого родители лишены родительских прав, у которых в ближайшем окружении есть наркоманы, лица, находящиеся в заключении либо проявляющие агрессию. Проявлениями криминального поведения являются как побеги из дома, так и бродяжни-

чество. Максимально возрастает частота пьянства, правонарушений, токсикомании, табакокурения, а также, что вызывает особую тревогу, достоверно растут случаи насилия над другими детьми и агрессивного поведения.

Для предупреждения криминального поведения родителям, взрослым и воспитателям (в зависимости от того, кто является ближайшим окружением) необходимо обращать внимание на то, что интересует ребенка в дошкольном возрасте. Это период, когда ребенок принимает ценности, нормы морали, учится добру не только от социума, но и от сказок, мультфильмов, через них он вселяет в себя уверенность, т.к. дети всегда себя отождествляют с главным героем. Важно сформировать достойный образ положительного героя. В этот период важно хвалить и поощрять ребенка за достижения, пусть даже малозначимые для взрослого. Это поможет ребенку чувствовать себя нужным в социуме, быть наравне со взрослыми и, что самое главное, не чувствовать себя ущербным по сравнению со сверстниками.

Можно сказать, что роль удерживающего фактора в развитии криминального поведения у несовершеннолетних играют: участие матери и отца в воспитании ребенка (либо предоставление ребенку в процессе воспитания фигур, выполняющих роль «достаточно хороших» родителей, которые лояльно настроены по отношению к ребенку), доброжелательная атмосфера в семье, наличие у родителей работы, обеспечение ребенку в раннем младенческом возрасте достаточного контакта с матерью (полноценное использование отпуска по уходу за грудным ребенком) и прочие predispositions.

В итоге мы хотим обратить внимание на то, что только общими усилиями государства и семьи можно предупредить криминальное поведение несовершеннолетних. Конечно, на данный момент может показаться, что более важной проблемой является экономика страны, повышение уровня социального развития общества, но мы не должны забывать, что если не вкладывать силы и возможности в предупреждение криминального поведения подростков, то в недалеком будущем никому не нужен будет высокий уровень жизни и развитая экономика.

1. Кречмер Э. *Строение тела и характер*. 2-е изд. М.; Л., 1930.
2. Павлов И.П. *Полн. собр. соч. Т. III. Кн. Вторая*. М., 1951.
3. Теплов Б.М. *Проблемы индивидуальных различий*. М., 1961.
4. Анохин П.К. *Очерки по физиологии функциональных систем*. М., 1975.
5. Русалов В.М. *Типологические особенности ВНД*. М., 1998.
6. Wagner-Jauregg J. *Ann. Med. Psycho.* 1960.
7. Сикорский И.А. *Сборник научно-литературных статей. Статьи по вопросам воспитания*. Киев, 1899.
8. Бехтерев В.М. *Избр. произведения*. М., 1954.
9. Сухотина Н.К. *Социально-стрессогенные факторы и невротические расстройства у детей // Социальная и клиническая психиатрия*. 2000. № 1.
10. Волгина С.Я. *Состояние психического здоровья и структура психических и поведенческих расстройств у детей, родившихся недоношенными // Социальная и клиническая психиатрия*. 2000. № 2.
11. Зибер А.Э. *Биологическое и социальное в структуре аномального поведения // Правовая политика и правовая жизнь*. 2014. № 1.
12. Рубачева Е.Л., Мартиросян М.В. *Причины и условия, детерминирующие делинквентность и преступность несовершеннолетних // Общество и право*. 2014. № 1.

1. Krechmer E. *Body composition and character*. 2nd ed. Moscow; Leningrad, 1930.
2. Pavlov I.P. *Complete coll. of works. Vol. III. B. 2*. Moscow, 1951.
3. Teplov B.M. *Problems of individual differences*. Moscow, 1961.
4. Anokhin P.K. *Essays on physiology of functional systems*. Moscow, 1975.
5. Rusalov V.M. *Typological features of GNI*. Moscow, 1998.
6. Wagner-Jauregg J. *Ann. Med. Psycho.* 1960.
7. Sikorsky I.A. *Compilation of scientific and literary articles. Articles on education's questions*. Kiev, 1899.
8. Bekhterev V.M. *Sel. works*. Moscow, 1954.
9. Sukhotina N.K. *Socio-stress genesis factors and neurcotic disorders of children // Social and clinical psychiatry*. 2000. № 1.
10. Volgina S.Ya. *Mental health status and structure of mental and behavioral disorders in children born preterm // Social and clinical psychiatry*. 2000. № 2.
11. Ziber A.E. *Biological and social structure of abnormal behavior // Legal policy and legal life*. 2014. № 1.
12. Rubacheva E.L., Martirosyan M.V. *Causes and conditions which determined delinquency and minors' criminality // Society and law*. 2014. № 1.

Кашкаров Алексей Александрович

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kashkarov79@yandex.ru)

Виктимологический механизм должностной преступности

В статье рассмотрен вопрос формирования виктимологических механизмов должностных преступлений, изучены специфические черты, характеризующие различные должностные преступления, совершаемые в сфере публичной власти. Определено, что должностные преступления, совершаемые в органах публичной власти, характеризуются высокой степенью латентности.

Ключевые слова: преступление, должностная преступность, виктимология, дача и получение взятки, жертва.

A.A. Kashkarov, Master of Law, Senior Researcher, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kashkarov79@yandex.ru

Victimological mechanism of official crime

In the article the question of mechanisms of victimological crime formation is discussed. The specific features characterized the various malfeasance taking place in the public authority sphere are studied. It was determined that the crimes committed by officials in public authorities are characterized with a high degree of latency.

Key words: crime, official crime, victimology, giving and taking of a bribe, victim.

Лишь виктимологический анализ преступлений делает возможным более глубокое и всестороннее изучение личности преступника, самого деяния и механизма его совершения [1, с. 128]. Традиционно предметом науки виктимологии является изучение проблем, связанных с личностью жертвы (потерпевшего), однако ряд современных исследователей, таких как К.В. Вишневецкий и Д.В. Ривман, отмечают, что за последние десятилетия виктимология прошла определенную эволюцию. Сегодня российская виктимология является комплексной наукой, активно интегрирующей знания юридического, социологического, психологического характера. Сама виктимность трактуется современными специалистами как социальное явление. В этом аспекте она рассматривается как массовая виктимность, к которой относится и виктимность интегративных жертв, так называемая аддитивная, или интегративная, виктимность. При этом, складываясь из отдельных актов индивидуальной виктимности, массовая виктимность образует социальное явление, отличающееся от составляющих его частей. Именно в этом аспекте мы можем вести речь о виктимности социальных статусов и групп. Отмеча-

ются определенного рода тенденции, которые выражаются в смещении акцента тяжести в виктимологических исследованиях от психологической к социологической проблематике в изучении факторов виктимизации личности, социальных групп, общества в целом. Особенно эта тенденция усилилась в последние 10–20 лет, что отражает стремление научного сообщества раскрыть сущность и последствия морфогенетических социальных процессов, характерных для эпохи глобализации [2; 3]. Продолжая высказанные идеи, отметим, что вопрос групповой либо массовой виктимности уже освещался в литературе [4, с. 32–34], она относится к характеристике отдельной категории населения, обладающей определенными общими факторами (качествами), которые могут выступить как детерминирующие факторы преступлений. Детерминирующими факторами могут выступать как личностные характеристики жертв, так и характеристики, связанные с объективными обстоятельствами, которые развиваются в определенных общественных отношениях. К.В. Вишневецкий утверждает, что групповая и массовая виктимность обладает своими определенными свойствами, не сводимыми к простой совокупности свойств

отдельных лиц [2, с. 51]. Т.В. Варчук отмечает, что в коррупционных преступлениях жертвами в широком понимании следует признавать физические лица, социальные группы, общество и государство [5, с. 209].

Бесспорным является тот факт, что преступность тесно связана с виктимностью, преступность и виктимность раскрывают сущность, количественные и качественные показатели социально негативных явлений, связанных с причинением вреда наиболее значимым общественным отношениям, которые находятся под охраной закона об уголовной ответственности. В.Я. Квашис отмечает, что виктимность и преступность – категории, сопутствующие и неразрывно связанные [6, с. 23]. По нашему убеждению, виктимность может определяться не только посредством индивидуального поведения личности – жертвы, но и в зависимости от привлекательности общественных отношений для преступной деятельности. Привлекательность общественных отношений для преступной деятельности вызывает заинтересованность преступников совершить преступление, причинить вред либо поставить под угрозу причинения вреда права и законные интересы физических лиц, юридических лиц, общества и государства. На основании вышеизложенного можно сделать умозаключение, что законодатель, криминализируя то или иное общественно опасное деяние, признает общественные отношения потенциально виктимными, т.е. все общественные отношения, которые охраняются нормами Особенной части УК РФ, можно признать виктимными. Желание преступника причинить вред тому или иному объекту преступления обуславливает выбор его жертвы. Анализ структуры Особенной части УК РФ, а также задач уголовного законодательства (ч. 1 ст. 2 УК РФ) свидетельствует, что потенциальными жертвами, согласно УК РФ, признаются: физические лица, юридические лица, общество, государство. Признание государства в качестве жертвы можно проиллюстрировать на примере ст. 275 УК РФ «Государственная измена». Виновное лицо, желая совершить деяния, предусмотренные диспозицией указанной статьи, осознает, что своими действиями причиняет вред интересам государства, т.е. государство выступает жертвой государственной измены.

Следует отметить, что виктимологические механизмы так называемой общеуголовной

преступности существенно отличаются от парадигмы виктимологических механизмов должностной преступности. Если первая основывается в основном на модели либо непосредственного, либо через предмет преступления контакта жертвы и лица, совершающего преступление, то в должностных преступлениях взаимодействие (контактирование) жертвы и преступника является минимальным или вообще сводится к нулю. В некоторых из должностных преступлений взаимоотношения жертвы и преступника могут быть идентичными взаимоотношениям, которые формируются и существуют при мошенничестве, где виновное лицо воздействует на поведение жертвы различными способами, формирует желания и стремления жертвы.

Большинство должностных преступлений являются корыстными преступлениями, что их роднит с иными корыстными преступлениями. Автор отмечал, что виктимологические признаки мошенничества частично совпадают с признаками должностной преступности. Идентичные виктимологические признаки характеризуются стремлением жертвы обогатиться, доверчивостью, склонностью потенциальной жертвы к авантюризму определенного рода, правовой неграмотностью (незнанием действующего законодательства).

Можно также отметить, что одной из особенностей виктимных признаков должностной преступности выступает тот факт, что должностные лица органов публичной власти тщательно продумывают линию поведения, определяя потенциальных жертв, разрабатывают модели и варианты постпреступного поведения.

В такого рода должностных преступлениях, как взяточничество, модели преступного поведения свойственна обоюдная заинтересованность как взяткодателя (ст. 291 УК РФ), так и взяткополучателя (ст. 290 УК РФ) в совершении преступления. Одна из сторон в этой модели выступает «продавцом» властных полномочий, предоставленных по службе (организационно-распорядительных и/либо административно-хозяйственных функций), а другая «покупателем» этих полномочий (исключение может составлять только вымогательство взятки (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ)). В данной ситуации, по нашему мнению, жертвой преступления следует признавать орган, в котором осуществляет служебную деятельность должностное лицо, общество и государство в целом. Стра-

дает авторитет определенного органа публичной власти, формируется негативный имидж как конкретного органа публичной власти, так и всего управленческого аппарата публичной власти в государстве.

Продолжая рассмотрение поведенческой модели во взяточничестве, нельзя не отметить тот факт, что чаще всего дача и получение взятки осуществляются с целью приобретения более выгодных условий, предпочтений по отношению к иным участникам общественных отношений в определенной сфере (исключение составляют общественные отношения, возникшие в процессе привлечения субъекта отношений к юридической ответственности), именно поэтому мы полагаем, что в качестве жертв преступной деятельности выступают иные участники общественных отношений, которые не прибегают к методам нечестной конкуренции. Например, администрацией муниципального образования проводится конкурс по размещению объектов торговли в курортный сезон на территории муниципального образования, для участия в конкурсе подаются несколько хозяйствующих субъектов. Один из предпринимателей с целью получения наиболее выгодных точек склоняет должностное лицо муниципального образования посредством подкупа к предоставлению ему заинтересовавших его объектов. В этом случае все остальные участники конкурса становятся жертвами взяточничества.

Одним из наиболее латентных виктимных преступлений является мошенничество, осознание факта противозаконного завладения имуществом или правом на имущество к жертве приходит значительно позже, после непосредственного выбытия предмета преступления против собственности. Однако виктимная латентность взяточничества значительно выше виктимной латентности мошенничества, жертвы во взяточничестве даже не контактируют с лицами, действия которых приводят к нарушению прав и законных интересов потерпевших, хотя вред жертвам от взяточничества причиняется непосредственно после утраты возможности реализации прав и законных интересов, с момента выполнения должностным лицом органа публичной власти действий в интересах взяткодателя или в интересах третьих лиц, но по инициативе взяткодателя. Причинение преступного вреда во взяточничестве находится за пределами прямого взаимодействия вино-

вных лиц с жертвами, за исключением, как уже отмечалось, вымогательства взятки, когда потерпевший претерпевает определенного рода давление еще до начала выполнения объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Данный факт объясняется рядом обстоятельств:

первое из них – это высокий уровень латентности взяточничества;

второе обстоятельство – значительное количество субъектов и участников общественных отношений в сфере реализации должностными лицами органов публичной власти своих властных полномочий и компетенций;

третье – сам факт наличия у должностных лиц должностных полномочий либо служебного положения.

Жертв во взяточничестве следует признавать латентными жертвами преступлений: во-первых, они не всегда (чаще вообще) не знают, что они стали жертвами; во-вторых, официальными органами, уполномоченными на ведение статистики, не ведется учет жертв, потерпевших от взяточничества.

Высокий уровень латентности виктимности должностной преступности приводит не просто к рецидиву, а к мультипликативному эффекту, который выражается в новом витке вовлечения жертв в сферу преступной деятельности должностных лиц органов публичной власти. Потенциальные жертвы должностной преступности признают (осознают) безысходность положений дел в органах публичной власти и с целью реализации своих конституционных прав, а также как законных, так и незаконных интересов начинают втягиваться в преступную деятельность.

С учетом вышеизложенного можно сделать промежуточный вывод о том, что жертвой взяточничества должны признаваться как государство в лице управленческого аппарата органов публичной власти, так и субъекты общественных отношений, права и законные интересы которых страдают в результате противоправных действий взяткодателя и взяткополучателя.

Формированию виктимного поведения в сфере должностной преступности у населения может предшествовать принятие и утверждение норм, создающих определенного рода преимущества и предпочтения одним субъектам над другими (например, орган местного самоуправления с целью повышения обще-

ственной безопасности принимает нормативно-правой акт относительно установки субъектами хозяйственной деятельности камер внутреннего и внешнего видеонаблюдения, указывая технические свойства таких средств фиксации, которые находятся на реализации у доверенных лиц), принятие и утверждение норм и положений, содержащих коррупционные риски для должностного лица органа публичной власти (принятие нормативно-правовых актов, наделяющих

должностное лицо широкими дискреционными полномочиями).

В заключение следует отметить, что изучение формирования и развития виктимологических механизмов должностной преступности может быть использовано для дальнейшего изучения виктимного поведения потерпевшего, разработки и принятия мер, направленных на профилактику и недопущение совершения должностных преступлений в органах публичной власти.

1. Игнатов А.Н. Криминологический анализ социально-демографических характеристик жертв насильственных преступлений // *Общество и право*. 2015. № 3(53). С. 128–132.

2. Вишневецкий К.В. Социальный аспект в криминальной виктимологии // *Мир юридической науки*. 2015. № 9. С. 47–53.

3. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002.

4. Полубинский В.И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980.

5. Варчук Т.В. Виктимология: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева. М., 2009.

6. Квашис В.Я. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М., 1999.

1. Ignatov A.N. *Criminological analysis of the socio-demographic characteristics of victims of violent crimes* // *Society and law*. 2015. № 3(53). P. 128–132.

2. Vishnevetsky K.V. *The social aspect of criminal victimology* // *Jurisprudence world*. 2015. № 9. P. 47–53.

3. Rivman D.V. *Criminal victimology*. St. Petersburg, 2002.

4. Polubinsky V.I. *Victimological aspects of crime prevention*. Moscow, 1980.

5. Varchuk T.V. *Victimology: study aid for students enrolled in the specialty «Jurisprudence»* / ed. by S.Ya. Lebedev. Moscow, 2009.

6. Kvashis V.Ya. *Fundamentals of victimology. Problems of protection of the rights of victims of crime*. Moscow, 1999.

Климаков Леонид Леонидович

соискатель научно-исследовательского института ФСИН России
(e-mail: klimakov455@mail.ru)

Классификация организованных форм и видов преступной деятельности в местах принудительного содержания

В статье рассматриваются наиболее типичные и специфические формы и виды преступной деятельности в местах принудительного содержания. Автор, учитывая требования комплексности и системности, предлагает классификацию организованных форм преступной деятельности в местах принудительного содержания.

Ключевые слова: классификация, организованная преступность, места принудительного содержания.

L.L. Klimakov, Competitor of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; e-mail: klimakov455@mail.ru

Classification of organised forms and types of criminal activities in places of detention

The article discusses the most typical and specific forms and types of criminal activities in places of detention. The author, considering the demands of comprehensiveness and consistency, proposes a classification of organized forms of criminal activity in places of detention.

Key words: classification, organized crime, places of detention.

Познание сущности любого социального явления, в том числе и криминального, закономерностей его возникновения и развития дает возможность прогнозировать его возможные изменения и, соответственно, каким-либо образом влиять на него. Эффективность такого воздействия зависит от надежности прогноза, который связан с «глубиной» познания исследуемого явления. Это в полной мере относится и к деятельности правоохранительных органов, перед которыми стоят достаточно сложные задачи по противодействию преступности и минимизации ее последствий [1, с. 122].

В свою очередь, комплексное, всестороннее исследование преступности как явления и необходимость разработки эффективных мер противодействия ей определяют актуальность классификации преступлений. Классификация преступлений обусловлена потребностями совершенствования практики противодействия преступности и имеет важное значение для криминологического анализа преступности, исследования сущности, свойств, закономерностей возникновения и особенностей детерминации различных ее видов. Главной целью любой классификации является отражение таких типичных объективных признаков, на основании которых можно группировать объекты классификации, определять их место в категориальном пространстве. Классификация

выступает средством для установления связей между соподчиненными понятиями или классами объектов. Систематизация и анализ исследовательской информации в соответствии с определенными классификационными группами обеспечивают эффективное познание исследуемого объекта. Именно разработанные по соответствующим критериям криминологические классификации преступлений, т.е. их разделение по видам на основании тех или иных существенных признаков, позволяют в результате научного поиска выработать систему эффективных дифференцированных научно обоснованных методик и мер противодействия отдельным преступлениям и преступности в целом.

Проблеме классификации преступлений посвящали свои работы такие ученые, как А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, Ю.Д. Блувштейн, А.И. Долгова, И.И. Карпец, Л.В. Кондратюк, Л.Н. Кривоченко, В.Н. Кудрявцев, А.Б. Сахаров, В.Д. Филимонов и др. Однако вопрос избрания оптимальной совокупности критериев классификации и сегодня остается открытым, поскольку какого-либо универсального набора таких критериев не существует. Соответствующий выбор критериев (оснований) классификации обусловлен целями и задачами конкретных исследований и ожидаемыми в результате их распределения результатами. Такая классификация имеет практическую направленность,

что определяет ее ценность и целесообразность.

Представляя собой самостоятельный вид преступлений, организованная преступность в местах принудительного содержания, наряду с интегрирующими признаками (организованная форма преступной деятельности и место ее осуществления – места принудительного содержания), имеет ряд специфических объективных и субъективных признаков, обуславливающих разнообразие ее проявлений в реальной жизни. С целью выявления соответствующих объективно присущих данному виду преступности специфических и в то же время наиболее типичных признаков и систематизации информации о них с учетом требований комплексности и системности [2; 3; 4] предлагается соответствующую классификацию организованных форм преступной деятельности в местах принудительного содержания.

При исследовании тех или иных проявлений преступности целесообразно исходить из их уголовно-правовой классификации. При этом в качестве основных критериев классификации преступлений теория уголовного права определяет: тяжесть преступления, объект преступления, форму вины, степень завершенности преступной деятельности, признаки субъекта преступления (возраст, признаки специального субъекта преступления) и др. Однако в силу того, что уголовно-правовая классификация объективно не может удовлетворить все исследовательские цели, наряду с уголовно-правовыми критериями классификации необходимо системно применять оптимальную (с криминологической точки зрения) совокупность иных критериев классификации.

Исходя из специфики исследуемого вида преступности, с уголовно-правовой точки зрения организованную преступную деятельность в местах принудительного содержания можно разделить на виды с учетом формы соучастия (ст. 35 УК РФ):

преступная деятельность в местах принудительного содержания, осуществляемая организованной группой (устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений);

преступная деятельность в местах принудительного содержания, осуществляемая преступным сообществом (преступной организацией) (структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяж-

ких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды).

С учетом объекта посягательства организованные формы преступной деятельности в местах принудительного содержания, исходя из конкретных видов совершаемых членами соответствующих организованных преступных объединений (ОПО) преступлений, можно классифицировать по соответствующим главам УК РФ, посягающим (прежде всего): на жизнь и здоровье, половую неприкосновенность и половую свободу личности, собственность, общественную безопасность, здоровье населения, конституционный строй и безопасность государства, правосудие, порядок управления.

По субъектному составу среди форм организованной преступной деятельности в местах принудительного содержания можно выделить: деятельность ОПО, сформированных из числа лиц, находящихся в местах принудительного содержания;

деятельность ОПО, сформированных из числа лиц, находящихся в местах принудительного содержания, и лиц, находящихся вне указанных мест (на свободе);

деятельность ОПО, сформированных из числа сотрудников (и работников) мест принудительного содержания;

деятельность ОПО смешанного типа.

По такому критерию, характеризующему субъект преступной деятельности, как возраст, организованные формы преступной деятельности в местах принудительного содержания можно разделить следующим образом:

деятельность ОПО, сформированных из несовершеннолетних лиц;

деятельность ОПО, сформированных из совершеннолетних лиц;

деятельность ОПО смешанного типа.

Что касается пола лиц, формирующих соответствующие ОПО, то данный критерий, на наш взгляд, не представляет существенного значения для классификации, поскольку уровень организованной преступной деятельности в местах принудительного содержания женского контингента незначителен, а участие в составе ОПО женщин из числа лиц, находящихся на свободе, или из числа сотрудников (работников) данных учреждений специфику преступной деятельности не определяет.

Субъектный состав и определяемая им специфика организованных форм преступной деятельности в местах принудительного содержания существенным образом зависят от такого признака, как национальность. В соответствии

с данным критерием в местах принудительного содержания можно выделить деятельность различного рода этнических ОПО.

Как отмечает Н.Н. Карькина, противоправная деятельность осужденных – представителей этнических групп проявляется в разных формах, например: противодействие выполнению решений администрации – 63,8%, постоянная нелегальная связь с лицами вне учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, и организованной преступностью – 52,7%.

Наибольшую склонность к объединению в группы противоправной направленности имеют представители следующих этнических групп: славянские – русские, украинцы, белорусы – 30,5% от общего числа; тюркские и алтайские – татары, чувашаи, башкиры, кумыки, тувинцы, хакасы, ногайцы, алтайцы – 11,1% (эксперты выделяют татар, башкир и алтайцев); финно-угорская группа: мордва, удмурты, марийцы, коми и коми-пермяки, карелы, финны, ханты, манси, вепсы, саамы – 5,5%. Представители Северного Кавказа – адыгейцы, черкесы, карачаевцы, абазинцы, ингуши, балкарцы, кабардинцы, чеченцы, осетины, лезгины, аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, калмыки – 91,6% (из них чеченцы и осетины – 22,2%). Представители Средней Азии – казахи, узбеки, туркмены, таджики, киргизы – 19,4% (эксперты выделяют таджиков и узбеков); представители цыганской народности – 11,1%. Наибольшие проблемы в адаптации к условиям мест лишения свободы возникают у представителей народов Кавказа. При этом между представителями разных этнических групп в местах лишения свободы возникают межнациональные конфликты [5, с. 18–20].

Отдельно следует указать, что последнее время все большую актуальность в местах принудительного содержания приобретает проблема деятельности ОПО, сформированных по признаку религиозных убеждений. Данная проблема касается организованных форм преступной деятельности представителей различного рода радикальных направлений ислама.

Так, сегодня в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) сосредоточиваются и содержатся осужденные к лишению свободы – руководители радикальных религиозных течений, в том числе исповедующие ваххабизм. Их организации совершают групповые вооруженные нападения, террористические акты и другие преступления, направленные против властных и правоохранительных структур. В связи с этим осужденным – представителям

различных этнических групп угрожает опасность либо быть вовлеченными в криминально-криминогенные процессы в местах лишения свободы, либо стать жертвами преступлений, совершаемых по мотиву национальной, этнической, религиозной ненависти (в том числе на расовой почве) [5, с. 4].

Количество людей, исповедующих ислам, в местах лишения свободы постепенно увеличивается. И такая ситуация характерна не только для России. Как следует из недавнего доклада в британской палате общин, за 15 последних лет число мусульман в тюрьмах Англии и Уэльса выросло более чем в три раза. По данным Управления Федеральной службы исполнения наказаний России, в российских тюрьмах ситуация примерно такая же – при общем снижении количества заключенных число мусульман среди них выросло в несколько раз. В исправительных колониях становится все больше религиозных общин – джамаатов, которые приобретают все большее влияние на осужденных. Главная опасность тюремных джамаатов в том, что исповедуется в них преимущественно радикальный ислам, представляющий реальную угрозу, причем не местного, а мирового масштаба. Воровские понятия девальвируются, на смену им постепенно приходят положения исламского фундаментализма. Идеологию, процветающую сейчас в местах лишения свободы, ученые-исламоведы называют «упрощенный ислам». С помощью его положений нарушителю закона легко объяснить и оправдать свои действия борьбой с «кяфирским государством», т.е. государством неверных, и жизнью по шариату. В таких джамаатах делается все для популяризации радикального ислама и увеличения количества его приверженцев [6].

В зависимости от вида мест принудительного содержания, в которых осуществляется организованная преступная деятельность, выделяются:

организованная преступная деятельность в колониях-поселениях;

организованная преступная деятельность в воспитательных колониях для несовершеннолетних;

организованная преступная деятельность в лечебных исправительных учреждениях;

организованная преступная деятельность в исправительных колониях;

организованная преступная деятельность в тюрьмах;

организованная преступная деятельность в следственных изоляторах.

В зависимости от специфики механизма образования ОПО можно выделить следующие организованные формы преступной деятельности в местах принудительного содержания:

деятельность ОПО, формируемых из числа лиц, находящихся в местах принудительного содержания во время отбывания наказания;

деятельность ОПО, формируемых из числа лиц, находящихся в местах принудительного содержания, ранее занимавшихся совместной преступной деятельностью;

деятельность ОПО, формируемых из числа лиц, находящихся в местах принудительного содержания, ранее составлявших ОПО и занимавшихся преступной деятельностью на свободе;

деятельность ОПО, формируемых из числа лиц, находящихся в местах принудительного содержания, которые являются членами ОПО, занимающейся преступной деятельностью на свободе, и иных участников данного объединения;

деятельность ОПО, формируемых из числа лиц, находящихся в местах принудительного содержания, и сотрудников (и работников) данных учреждений;

деятельность ОПО, формируемых из числа сотрудников (и работников) мест принудительного содержания;

деятельность ОПО, формируемых из числа сотрудников (и работников) мест принудительного содержания и представителей ОПО, занимающейся преступной деятельностью на свободе, находящихся как (преимущественно) вне мест принудительного содержания, так и в них.

Пересекаясь с субъектным составом, данная классификация позволяет понять именно механизм объединения различных лиц с целью осуществления совместной организованной преступной деятельности в местах принудительного содержания.

С учетом специфики стратегических целей преступной деятельности следует выделить организованные формы преступной деятельности в местах принудительного содержания:

1) организованная преступная деятельность, осуществляемая в местах принудительного содержания с целью поддержания криминальных традиций и авторитета криминальных лидеров в целом;

2) организованная преступная деятельность, осуществляемая в местах принудительного содержания с целью поддержания авторитета отдельных криминальных лидеров;

3) организованная преступная деятельность, осуществляемая с целью получения контроля над учреждением принудительного содержания;

4) организованная преступная деятельность, осуществляемая в местах принудительного содержания с целью получения различных благ и улучшения условий содержания членов ОПО;

5) организованная преступная деятельность, осуществляемая в местах принудительного содержания с целью материального обогащения членов ОПО, получения прибыли;

6) организованные формы экстремистской и террористической деятельности, осуществляемой в местах принудительного содержания.

С учетом механизма реализации преступной деятельности целесообразно выделить такие организованные формы преступной деятельности:

реализуемые путем «терроризирования» лиц, находящихся в местах принудительного содержания;

реализуемые путем «терроризирования» сотрудников (работников) мест принудительного содержания;

реализуемые путем осуществления преступных посягательств в отношении лиц, находящихся вне мест принудительного содержания;

реализуемые путем осуществления преступных посягательств на интересы общества и государства;

реализуемые смешанным путем.

В зависимости от конкретного вида преступной деятельности организованные формы ее реализации в местах принудительного содержания можно разделить следующим образом:

организованная преступная деятельность, направленная на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества;

организованная преступная деятельность в местах принудительного содержания, связанная с незаконным оборотом наркотиков;

организованная преступная деятельность, связанная с незаконным оборотом запрещенных предметов (алкоголь, предметы роскоши, мобильная связь и пр.);

организованная преступная деятельность, связанная с незаконным оборотом оружия;

организованная преступная деятельность, связанная с вымогательством, мошенничеством, подделкой документов и т.п.;

организованная преступная деятельность, связанная с захватом заложников, побегам из мест принудительного содержания;

иные виды.

По такому критерию, как масштаб деятельности, организованные формы преступной деятельности подразделяются на следующие виды:

осуществляемые в пределах одного места принудительного содержания;

охватывающие несколько (группу) мест принудительного содержания;

охватывающие все места принудительного содержания в пределах определенной территории (населенного пункта, района, области, края, республики, округа);

охватывающие все места принудительного содержания в стране.

Также заслуживает внимания такой предлагаемый исследователями критерий классификации преступных групп осужденных, как степень их оперативно-розыскного сопровождения [7, с. 8, 14–15]. В соответствии со степенью оперативно-розыскного сопровождения можно выделить следующие виды организованной преступной деятельности в местах принудительного содержания:

о которой неизвестно оперативным подразделениям УИС;

по которой ведется работа по разобличению ОПО при отсутствии информации о причастности их членов к подготовке или совершению преступлений;

по которой имеется первичная информация о причастности членов ОПО к подготовке или со-

вершению преступлений и ведется оперативная проверка;

по которой имеется проверенная информация о причастности членов ОПО к подготовке или совершению преступлений и ведется оперативная разработка;

по которой оперативно значимая информация полностью или частично реализована.

Предложенная классификация, не претендуя на исключительность и самостоятельность, учитывая субъективизм в выборе критериев классификации, на наш взгляд, позволяет глубже познать сущность организованной преступной деятельности в местах принудительного содержания как отдельного вида преступности. Именно систематизация соответствующей информации согласно проведенной классификации позволяет установить и исследовать специфические объективные и субъективные признаки, определить внутреннюю сущность и структуру исследуемого вида преступности и определяет ее комплексность и теоретико-познавательное и практическое значение для разработки адекватных мер противодействия.

1. Иванцов С.В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // *Общество и право*. 2015. № 3(53).

2. Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности. М., 2012.

3. Иванцов С.В., Лебедев С.Я. Системный подход в криминологических исследованиях преступности и организованных форм ее проявления // *Рос. криминологический взгляд*. 2009. № 1.

4. Иванцов С.В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности // *Вестн. Моск. ун-та МВД России*. 2014. № 11.

5. Карькина Н.Н. Обеспечение безопасности осужденных – представителей этнических групп от криминальных угроз в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010.

6. Ислам в авторитете [Электронный ресурс]. URL: <http://sovsekretno.ru/articles/id/4826/>

7. Мазалева Л.В. Оперативно-розыскное противодействие преступным группам в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011.

1. Ivantsov S.V. *Criminological forecasting in the planning of crime prevention* // *Society and law*. 2015. № 3(53).

2. Ivantsov S.V. *Ensuring by internal affairs agencies a systematic approach to the study and prevention of organized crime*. Moscow, 2012.

3. Ivantsov S.V., Lebedev S.Ya. *Systematic approach in criminology studies crime and its organized forms of existence* // *Russian criminological look*. 2009. № 1.

4. Ivantsov S.V. *Theoretical preconditions for the development of a systematic approach in criminological research crime* // *Bull. of Moscow university of the MIA of Russia*. 2014. № 11.

5. Karkina N.N. *Security prisoners – representatives of ethnic groups from criminal threats in prison: auth. abstr. ... Master of Law*. Ryazan, 2010.

6. *Islam in the authority* [Electronic resource]. URL: <http://sovsekretno.ru/articles/id/4826/>

7. Mazaleva L.V. *Investigative combating criminal groups in places of deprivation of liberty: auth. abstr. ... Master of Law*. Vladimir, 2011.

Лимарь Анна Сергеевна

адъюнкт Московского университета МВД России

им. В.Я. Кикоты

(e-mail: anna-mixajlova-91@bk.ru)

Социальные предпосылки вовлечения населения в азартные игры

В статье рассматриваются социальные причины и предпосылки участия населения в азартных играх. Исследуются предпринимаемые меры профилактики незаконной игровой деятельности.

Ключевые слова: причины, предпосылки, азартные игры, игорная деятельность, противодействие, негативные последствия азартных игр.

A.S. Limar, Adjunct of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: anna-mixajlova-91@bk.ru

Social preconditions of community involvement in gambling

The article deals with the causes and conditions of participation in gambling. The author analyzes measures of prevention of illegal gambling activity.

Key words: causes, background, gambling, gambling activity, counteraction, negative effects of gambling.

Игорный бизнес как процветающий вид предпринимательской деятельности в России испокон веков привлекал к себе внимание широкого круга лиц. В настоящее время деятельность по организации и проведению азартных игр приобрела угрожающие масштабы. Обладающий высокой латентностью, данный вид деятельности представляет серьезную угрозу как экономической безопасности России, так и социальную угрозу для общества [1, с. 227]. С целью защиты населения от вовлечения в азартные игры, а также защиты нравственности, прав и законных интересов граждан 29 декабря 2006 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон РФ № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Согласно данному закону запрещена деятельность по организации и проведению азартных игр вне установленных игорных зон (Республика Крым; Алтайский край – «Сибирская монета»; Краснодарский край – «Азов-Сити»; Приморский край – «Приморье»; Калининградская область – «Янтарная») [2].

Однако большинство игорных бизнесменов пренебрегают данными запретами, открывая подпольные казино либо прикрывая свою деятельность вывесками интернет-кафе, тем самым продолжают предоставлять гражданам возможность принять участие в азартных играх [3].

Среди негативных последствий деятельности по организации и проведению азартных игр особое место занимают проблема снижения нравственности, рост преступлений и правонарушений. Наряду с алкоголизацией, наркотизацией, зародилась и активно развивается «игровая зависимость».

Однако все вышеперечисленное является следствием. Для предупреждения преступлений в сфере игорного бизнеса необходимо «зреть в корень», исследовать причины данных видов преступлений. Как справедливо отмечает большинство ученых-криминологов, причины этих социально негативных явлений кроются в существующих противоречиях социально-экономического, идеологического, нравственного и правового порядка.

Еще во второй половине XIX в. А.Н. Радищев предпринял попытки найти социальные корни преступности. В своем труде «О законоположении» он отметил: «И мало размышляющему уже может быть понятно, сколь много законы гражданские соизмерять должны законы уголовные, и что в них лежит предупреждение преступлений или оным повод... Видя источники тяжбы и преступления тому и другому, найти иногда возможно будет преграду» [4, с. 46].

Таким образом, можно констатировать, что только по выяснению и всестороннем изучении всех социальных факторов, способствующих росту преступности в сфере незаконного игорного бизнеса, представится возможность выявить средства, пригодные для борьбы. При этом, анализируя преступность в сфере экономической деятельности и акцентируя внимание на незаконной организации и проведении азартных игр, можно согласиться с точкой зрения М.В. Духовского, который отмечает, что главной причиной преступлений является сложившийся общественно-экономический строй [5, с. 223, 225, 233].

Несмотря на запрет деятельности по организации азартных игр вне определенных законодательством игорных зон, продолжают функ-

ционировать незаконные игорные заведения, что способствует ухудшению криминогенной обстановки, а также получению неконтролируемых доходов. Специальные исследования показывают, что уровень преступности на 8% выше в городах, где развита сеть игорных заведений. Штрафные санкции и опасность привлечения к уголовной ответственности не перевешивают «желание» и «возможности» получения крупной прибыли от ведения незаконной игорной деятельности.

Сегодня, в условиях конкуренции, снижения общего уровня жизни, сама сложившаяся социальная ситуация создает предпосылки вовлечения человека в преступную деятельность.

Так, например, по материалам уголовных дел, в 2012 г. в Республике Татарстан 24-летний житель поселка ГЭС Набережных Челнов совершил убийство двух молодых людей. Из показаний задержанного стало известно, что данное преступление он совершил из корыстных побуждений – он проиграл 30 тыс. рублей в азартные игры, похитил у жертв преступления денежные средства в сумме около 50 тыс. рублей [6].

Еще профессор В.И. Кудрявцев отмечал, что чем ниже уровень культуры, воспитанности и образованности преступников, тем грубее по характеру и примитивнее по мотивации совершаемое ими преступление [7, с. 124]. Отсюда следует, что на характер преступлений имеет непосредственное влияние принадлежность лица к той или иной социальной касте.

Свой вклад в формирование антисоциального поведения вносят плохие бытовые условия, плохое воспитание, невежество и т.д. [8]. Данные социальные предпосылки участия в незаконных организации и проведении азартных игр в значительной степени зависят от экономических, материальных условий. Участник азартных игр жертвует деньгами, работой, семьей, друзьями, интересами, социальным положением ради игры. Растет количество суицидов лиц, попавших в долговую зависимость.

Например, сотрудниками ОВД по Орджоникидзевскому району города Екатеринбурга было обнаружено тело женщины, висящей в петле. При теле обнаружены две предсмертные записки. Одна из них содержала признание в хищении денежных средств в сумме 200 тыс. рублей, которые были проиграны в казино, в другой женщина просила прощения у родственников, сообщая о том, что больше не может жить, обманывая их и проигрывая в азартные игры деньги, которые она берет в кредит в банках. Также в записке она сообщила, что не в силах бороться со своей игровой зависимостью, в связи с чем покончила жизнь самоубийством [6].

Необходимо отметить, что игорный бизнес является благоприятной средой для совер-

шения других преступлений. Чтобы сделать ставку, необходимы денежные средства; поскольку имеющиеся деньги рано или поздно проигрываются, то игроки решаются на корыстно-насильственные преступления: кражи, вымогательства, грабежи и разбой.

Примером может служить практика Следственного комитета Российской Федерации по Амурской области, когда 56-летняя женщина была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ «Разбой», п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство».

Следствием установлено, что гражданка Н., страдающая патологическим влечением к азартным играм, в начале апреля 2012 г. совершила разбойное нападение на ранее знакомую 35-летнюю женщину с целью завладения денежными средствами в размере 400 тыс. рублей [6].

Криминологические исследования убедительно доказывают также связь пьянства с организацией и проведением азартных игр. Употребление спиртного значительно повышает вероятность вовлечения лица в азартные игры, совершения корыстного или насильственного преступления [9, с. 38–42].

Асоциальная роль пьянства обусловлена сильным воздействием алкоголя на нервную систему, интеллект, эмоциональную сферу, волю, мотивацию поведения людей – все то, что при отрицательных значениях составляет субъективные, внутренние причины и условия преступного поведения.

В мотивации поведения зависимого человека на первый план выходят эгоцентрические побуждения, низменные влечения и инстинкты, аморальные и антисоциальные наклонности, которые в трезвом виде подавляются, сдерживаются позитивными взглядами, отношениями и привычками. По справедливому замечанию А.Б. Сахарова, «пьянство есть самоподстрекательство к преступлению» [10, с. 279]. Систематическое же пьянство способствует созданию конкретных жизненных ситуаций криминогенного характера.

Особую опасность незаконной игорной деятельности придает то, что она находится под полным контролем организованной преступности, а полученные от такой деятельности средства все чаще вкладываются криминалитетом в легальные экономические проекты [11].

Нельзя не обратить внимания и на роль средств массовой информации в формировании «особого» мировоззрения на игорную деятельность в целом. СМИ как современный и свободный «двигатель прогресса» пропагандируют насилие, вседозволенность, азартные игры как легкий источник доходов и роскошной жизни, тем самым формируют преступное поведение.

На сегодняшний день остро стал вопрос контроля Интернет-пространства, где осуществляется активное вовлечение интересующихся в азартные игры уже в сети интернет [3] либо путем рассылок спам-рекламы.

Опасность интернет-казино состоит в том, что его деятельность практически невозможно контролировать. Более того, если в реальные игорные заведения вход лицам младше 21 года закрыт, то в виртуальное казино попасть могут все желающие, включая детей [12].

Проанализировав некоторые предпосылки вовлечения населения в участие в азартных играх, можно констатировать, что в настоящее

время стремительно идет моральное разложение общества, создающее благоприятную почву для преступности в сфере игорного бизнеса.

В этой связи стоит согласиться с Р. Кларком, который отметил, что «...величайшее преступление состоит в том, что мы допускаем существование условий, порождающих антисоциальное поведение» [13]. То есть решение проблемы криминализации населения в урегулировании экономических проблем видится в разрешении вопросов, связанных с развитием системы здравоохранения, образования, жилищного строительства, обеспечением работой, разнообразием досуга и т.д.

1. Ковалев С.В. Гемблинг как социальная проблема. Ч. 1 // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Красноярск, 2010.

2. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 22 июля 2014 г. № 278-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Багров Д., Доступный азарт // ЭЖ-Юрист. 2010. № 39.

4. Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.

5. Духовской М.В. Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль. Кн. 4.

6. Следственный комитет Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru/news>

7. Кудрявцев В.И., Эминов В.Е. Криминология: учеб. 4-е изд. М., 2009.

8. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. [Электронный ресурс]. URL: <http://freeref.ru/wievjob.php?id=198034>.

9. Семенов Е., Шиян В. Криминальные последствия создания игорных и туристических экономических зон // Профессионал. 2008. № 6.

10. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

11. Иванцов С.В. Организованная преступность в системе криминально-экономических отношений // Рос. криминологический взгляд. 2012. № 1.

12. Казино получили отсрочку // Российская бизнес-газета. № 675 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/10/14/kazino.html>.

13. Причины социальных отклонений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otrok.ru/teach/agress/agress18.html>

1. Kovalev S.V. Gambling as a social problem. Pt. 1 // Actual problems of fighting crime in the Siberian region. Krasnoyarsk, 2010.

2. On state regulation of activities on organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 2006 № 244-FL (as amended on July 22, 2014 № 278-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. Bagrov D. Available excitement // EJ-Lawyer. 2010. № 39.

4. Radishev A.N. Selected philosophical and political works. Moscow, 1952.

5. Dukhovskoy M.V. Vremennik of Demidov juridical lyceum. Yaroslavl. B. 4.

6. The Investigative committee of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://mvd.ru/news>

7. Kudryavtsev V.I., Eminov V.E. Criminology: textbook. 4th ed. Moscow, 2009.

8. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Crime and mental abnormalities. Moscow, 1987. [Electronic resource]. URL: <http://freeref.ru/wievjob.php?id=198034>.

9. Semenov E., Shiyan V. Criminal consequences of gambling and tourist economic zones // Professional. 2008. № 6.

10. Sakharov A.B. About the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR. Moscow, 1961.

11. Ivantsov S.V. Organized crime in the system of criminal and economic relations // Russian criminological look. 2012. № 1.

12. Casino got a reprieve // Russian business-newspaper № 675 [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2008/10/14/kazino.html>

13. Causes of social deviations [Electronic resource]. URL: <http://www.otrok.ru/teach/agress/agress18.html>

Узембаева Гульфия Ишбулдовна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Сибайского института (филиала)
Башкирского государственного университета
(e-mail: gylfiya_1310@mail.ru)

Самодетерминация как системное свойство преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей

В статье рассматриваются внутренние репродуктивные свойства преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, позволяющие говорить об их самодетерминации. Выделяются специфические черты данных преступлений, обращается внимание на существующие проблемы их предупреждения, подчеркивается необходимость выявления и нейтрализации как внешних, так и внутренних причин и условий преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, информационно-телекоммуникационные сети, ненависть, вражда, причины и условия, самодетерминация, средства массовой информации.

G.I. Uzembayeva, Senior Lecturer of the Chair of Civil Law and Process of the Sibay Institute (branch) of the Bashkir State University; e-mail: gylfiya_1310@mail.ru

Self-determination as a system property crimes of an extremist orientation, committed with use of mass media or information and telecommunication networks

The article discusses the internal reproductive properties of extremist crimes committed with IP-using the media or information and telecommunication networks, allowing to speak about their self-determination. The author emphasizes the specific features of these crimes, has drawn attention to existing problems and their prevention emphasizes the need to identify and neutralize both external and internal causes and conditions of crimes of an extremist orientation.

Key words: crimes of an extremist orientation, information-telecommunication networks, hatred, hostility, causes and conditions, self-determination, media.

Сущностную основу преступлений экстремистской направленности образуют ненависть и вражда, выступающие мотивами и (или) целями этих уголовно наказуемых деяний [1]. Данные мотивы и цели не возникают неожиданно, «сами по себе», а формируются в психике личности под воздействием внешних факторов, существующих в обществе и входящих во взаимодействие с внутренним миром индивида. Вместе с тем, преступления экстремистской направленности как составной элемент в общей структуре преступности подвержены и самодетерминации, под которой понимается одно из ключевых системных качеств преступности в виде ее способности к самовоспроизводству за счет присущих ей внутренних репродуктивных свойств, проявляющихся при наличии благоприятной внешней среды [2, с. 8]. Мы остановимся именно на внутренних репродуктивных свойствах преступ-

ности в части, касающейся преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей.

В криминологических исследованиях среди всех внутренних репродуктивных свойств (внутренних источников воспроизводства) преступности выделяют следующие:

основанную на латентности и других причинах безнаказанность, порождающую повторное и последующее совершение преступлений;

совершение сопряженных преступлений для обеспечения основного уголовно наказуемого деяния;

конвейерный характер преступности, характеризующийся вовлечением в организованные преступные объединения новых лиц и их использованием в соответствии с направленностью организованной преступной деятельности;

негативное влияние криминальной субкультуры, находящей свое проявление в средствах массовой информации, в интернет-пространстве, в песнях, фильмах, книгах и т.п. [2, с. 8–9].

Соглашаясь в целом с приведенным перечнем, считаем необходимым его дополнение, учитывающее такой фактор, как излишне либеральная уголовная политика в отношении противодействия так называемому «информационному экстремизму», наиболее часто проявляющемуся в публичных действиях, направленных на разжигание ненависти и вражды в обществе, унижение человеческого достоинства по религиозному, национальному, расовому и другим признакам социальных групп и их представителей. С.В. Борисов и А.В. Жеребченко обращают внимание на активную практику применения условного осуждения по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 282 УК РФ (более чем по 45% дел), хотя характер нарушаемых общественных отношений и преимущественно отягчающее значение мотивов ненависти и вражды должны рассматриваться в контексте повышения строгости уголовной ответственности и наказания, а не либерализации уголовной политики в области противодействия таким деяниям. Мягкость наказания в таких случаях еще больше уверяет осужденных в их «правоте», создает предпосылки для дальнейшего распространения идеологии экстремизма в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях, вовлечения молодежи в экстремистские объединения [3, с. 60].

Безнаказанность преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», обусловлена не только трудностями и ошибками в их выявлении, квалификации и доказывании, но еще и в «мягкости» самого уголовного закона, относящего преступления, предусмотренные ст. 280, 280.1 и 282 УК РФ, к категориям небольшой и средней тяжести [4]. На уровне основных составов данные деяния относятся к категории преступлений небольшой тяжести, что предполагает сравнительно небольшой срок давности уголовной ответственности, практически полное исключение возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу и проведения некоторых оперативно-разыскных мероприятий, направленных на раскрытие таких преступлений. Следует сказать и о том, что законодательное описание способа совершения преступлений экстремистской направленности целесообразно дополнить указанием на альтернативную возможность их осуществления с выражением экстремистской информации в публично демонстрирующемся про-

изведении, что позволит привлекать к более строгой ответственности тех, кто использует в своих преступных целях художественную и публицистическую литературу, художественные и документальные фильмы, фонограммы песен и видеоклипы к ним, не прибегая к помощи средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей.

Экстремистские побуждения могут формироваться и (или) усиливаться и под воздействием конфликтных отношений между различными группами внутри молодежной среды. В связи с этим А.В. Ростокинский говорит о преступлениях экстремистской направленности как проявлениях субкультурных конфликтов молодежных объединений [5, с. 13]. Е.О. Кубякин считает, что возникает и развивается новый тип коммуникации «виртуальная реальность – объективная реальность», позволяющий молодежному экстремизму, первоначально развиваясь в сети «Интернет», в дальнейшем «...выходить за пределы виртуальной реальности и превращаться в различные формы соответствующего девиантного поведения молодежи (в политической, религиозной, информационной и других сферах). При этом как виртуальные, так и реальные молодежные объединения посредством групповой коммуникации интенсифицируют процесс генезиса и развития молодежного экстремизма» [6, с. 15].

В целом соглашаясь с приведенными позициями А.В. Ростокинского и Е.О. Кубякина, позволим себе высказать некоторые уточнения. Полагаем, что субкультурные объединения и существующие между ними конфликты, в том числе возникающие и существующие в сети «Интернет», действительно могут придавать окружению молодых людей те свойства, которые способствуют их приобщению к экстремистской идеологии.

Вместе с тем, далеко не все субкультурные разногласия обязательно имеют экстремистский или иной криминальный подтекст, поэтому следует обращать внимание именно на те конфликты, которые основаны на крайних формах неприятия определенных социальных групп, позволяющих говорить о ненависти или вражде по отношению к последним. Кроме того, экстремизм, в том числе и молодежный, не обязательно возникает в сети «Интернет» и только затем выходит «за пределы виртуальной реальности».

По изученным уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности нами было обращено внимание и на такое использование сети «Интернет», как размещение в ней видеофайлов, отражающих те или иные экстремистские действия (например, избивание человека определенной национальности), с соответствующими комментариями к ним. То есть молодые люди сначала совершали

насильственное или иное преступление экстремистской направленности, снимая свои действия на видеокамеру, а затем демонстрировали сделанное неограниченному кругу лиц, восхваляя свое деяние и возбуждая тем самым ненависть и вражду в обществе.

В таких случаях можно говорить о «двойной публичности» экстремистских действий, когда одно публично совершенное деяние становится поводом и основой для других публичных действий, при совершении которых уже используется сеть «Интернет». Не исключены и факты он-лайн трансляции совершаемых экстремистских действий. Поэтому сеть «Интернет» может служить как средой, в которой формируются экстремистские идеи и взгляды, так и средством совершения преступлений экстремистской направленности лицами с уже сформированными мотивами ненависти и вражды [7].

Экстремистская идеология очень проста и укладывается в формулу «во всем виноваты другие, так действуй же против них», что может относиться к представителям власти, лицам иной расы, религии или национальности и т.д. Учитывая же доступность сети «Интернет», нетрудно предположить, что эта формула, обрастая бесчисленным множеством интерпретаций и форм выражения, может обнаруживаться в самых различных электронных ресурсах, прежде всего, в социальных сетях. Принадлежность лица к той или иной экстремистски настроенной группе в Сети дает ему ощущение того, что оно является частью объединения единомышленников, преследующих понятные ему цели, позволяющие избавиться от мыслей о своей неустроенности и иных проблем, выплеснуть накопившуюся агрессию при кажущемся отсутствии опасности привлечения к ответственности. Запрещенность же соответствующих действий уголовным законом при его крайне редком применении и явной мягкости одновременно придает преступлениям экстремистской направленности эффект «запретного плода» и ощущение потенциальной безнаказанности.

Отмеченные обстоятельства дают все основания для констатации факта негативного влияния средств массовой информации прежде всего на несовершеннолетних и молодежь. Полагаем, что к отрицательно воздействующей информации необходимо относить не только демонстрацию преступных способов разрешения различных конфликтов и романтизацию криминального образа жизни, но и формирование у граждан негативного представления о сотрудниках правоохранительных органов, а равно о правовой системе государства в целом.

По этому поводу А.Н. Рыков отмечает, что «информационное воздействие на человеческое сознание позволяет не только форми-

ровать позитивные представления о праве и правовых явлениях, но и осуществлять искажение этих представлений, их деформацию в правосознании. Формирование правосознания в условиях несвободы под воздействием внешних деструктивных факторов неизбежно приводит к искажению правосознания» [8, с. 3]. П.С. Булатецкий в своем исследовании говорит о криминогенном воздействии средств массовой информации, представляющем собой многоуровневый и многовекторный процесс, специфика которого заключается в непосредственной репрезентации циркулирующих в обществе негативных явлений и процессов (преступность, насилие, пьянство, наркотизм и т.д.), а также в их ретрансляции за счет художественного осмысления (фильмы, сериалы) [9, с. 6].

В контексте рассматриваемой темы следует отметить и тенденциозные подбор и подачу информации о преступности и иной асоциальной деятельности мигрантов, а равно опубликование иных сведений, способствующих распространению негативного отношения к лицам определенной расы, национальности, вероисповедания и т.д.

Наряду со средствами массовой информации, не следует забывать и воздействии информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего сети «Интернет». Не все интернет-ресурсы формально признаются средствами массовой информации, однако широта охвата аудитории у них ничуть не меньше, а подчас и гораздо больше, чем у той или иной газеты, журнала или телеканала. Как сказано в п. 12 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753), «информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть “Интернет”, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии».

В этой связи О.С. Жукова подчеркивает, что информационно-телекоммуникационные сети общего пользования, в том числе сеть «Интернет», являются наиболее перспективными средствами пропаганды экстремистской деятельности вследствие оперативности предоставления соответствующей информации, относительно низкой стоимости технологии создания и распространения таких сведений, сложности, а в большинстве случаев невозможности привлечения к ответственности лиц, размещающих экстремистские материалы, в силу отсутствия системы международных соглашений и законодательства, регулирующих

вопросы борьбы с распространением экстремистских материалов на сайтах в зарубежных государствах [10, с. 6]. Эту же проблему отмечает и Т.А. Корнилов, указывая, что при осуществлении международного экстремизма используются интернет-сайты, зарегистрированные на сервере другого государства. При этом «...более 90% всех русскоязычных сайтов экстремистской и террористической направленности находятся на технических площадках за рубежом и, следовательно, находятся за пределами российского правового поля» [11, с. 24].

Представители Генпрокуратуры России отмечают, что одной из основных причин совершения преступлений экстремистской направленности выступает все более широкое распространение идей национализма, нацизма и расового превосходства путем использования средств массовой информации и сети «Интернет» [12, с. 5]. Доступность и популярность данных ресурсов облегчает преступникам их применение. При этом основные усилия сотрудников правоохранительных органов направлены на привлечение к уголовной ответственности за уже совершенные преступления экстремистской направленности, когда в Сети уже размещены экстремистские материалы, ориентированные на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, а равно призывающие к нарушению территориальной целостности государства или к осуществлению иной экстремистской деятельности, а не на предупреждение таких деяний, в том числе их повторения.

Отметим, что в системе причин и условий преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, превалирует детерминирующий фактор, связанный с мотивационной сферой виновных лиц, основу которой образуют ненависть либо вражда в отношении определенных социальных групп, возникающие, существующие и развивающиеся в психике личности под воздействием внешних условий, находящиеся в плоскости причинного комплекса преступности в целом. СМИ и информационно-телекоммуникационные сети в таких преступлениях являются средством и связаны со способом их совершения. Одновременно с этим они же оказывают криминогенное воздействие на психику неограниченного круга лиц, формируя в ней мотивы ненависти или вражды.

Таким образом, непосредственная причина преступлений экстремистской направленности, в том числе совершаемых с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, кроется в мотивационной сфере виновных лиц, основу

которой образуют ненависть либо вражда в отношении определенных социальных групп. Данные мотивы возникают, существуют и развиваются в психике личности не сами по себе, а под воздействием внешних условий, находящихся в плоскости причинного комплекса преступности в целом. При этом средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети в данных преступлениях играют двоякую роль: с одной стороны, они являются средством и связаны со способом их совершения; с другой – оказывают криминогенное воздействие на психику неограниченного круга лиц, формируя ненависть или вражду по отношению к тем или иным социальным группам.

Наибольшее воздействие средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети оказывают на несовершеннолетних и молодежь. То есть данные преступления при их совершении одновременно порождают условия для увеличения числа потенциальных последователей экстремистской идеологии, а значит, и для прироста соответствующих уголовно наказуемых деяний, что позволяет говорить о самодетерминации этой части преступности [13]. В настоящее время экстремистская идеология все больше замещает нишу, образовавшуюся вследствие отказа от идеологии советского времени без создания альтернативной модели, пригодной для восприятия и использования в современных условиях. Своеобразным рупором этой идеологии и выступают средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, тогда как основным адресатом выступает молодежь, часть которой поддается на простые для восприятия и следования идеологические послы и готова ретранслировать их дальше.

В заключение отметим, что приоритетным направлением в вопросах противодействия самодетерминации и иным системным свойствам преступлений экстремистской направленности является профилактическая деятельность, в которой ведущую роль должна играть разъяснительная работа, связанная с формированием основ толерантности в обществе, уважительного отношения к основам конституционного строя государства, в том числе его территориальной целостности, достоинству каждого человека и социальных групп, вне зависимости от расовой или национальной принадлежности, происхождения, языка, отношения к религии, идеологических или политических предпочтений, а равно иных существенных признаков. Основными средствами профилактической разъяснительной деятельности целесообразно избрать именно средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть «Интернет».

1. Борисов С.В. Сущность преступлений экстремистской направленности // *Мировой судья*. 2009. № 4. С. 21–23.
2. Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
3. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности / отв. ред. С.В. Борисов. М., 2015.
4. Иванцов С.В. Криминологическая обоснованность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности // *Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф.*, 8 окт. 2015 г. Симферополь, 2015. С. 368–375.
5. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. ... дис. д-ра социол. наук. Краснодар, 2012.
7. Борисов С.В. Интернет-пространство как среда для совершения преступлений экстремистской направленности // *Экономика, педагогика и право*. 2013. № 1. С. 54–58.
8. Рыков А.Н. Деструктивное воздействие средств массовой информации на правосознание граждан: правовые проблемы формирования информационного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.
9. Булатецкий П.С. Влияние средств массовой информации на насильственную преступность (криминологический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
10. Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.
11. Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
12. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: пособие / под ред. В.В. Меркурьева. М., 2013.
13. Иванцов С.В. Средства массового информационного ресурса и противодействие преступности // *Современные проблемы уголовной политики: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.*, 3 окт. 2014 г.: в 3 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. Т. I. С. 256–263.
1. Borisov S.V. Essence of extremist crimes // *Magistrate*. 2009. № 4. P. 21–23.
2. Makarov V.V. Criminological study of self-determination of crime: auth. abstr. ... *Master of Law*. Moscow, 2014.
3. Borisov S.V., Zherebchenko A.V. Excitation of hatred, enmity, humiliation of human dignity: the problem of establishing criminal responsibility / resp. ed. S.V. Borisov. Moscow, 2015.
4. Ivantsov S.V. Criminological justification of criminal liability for crimes of an extremist orientation // *Counteraction to extremism and terrorism in the Crimea federal district: problems of theory and practice: proc. of All-Russian sci.-practi. conf.*, Oct. 8, 2015. Simferopol, 2015. P. 368–375.
5. Rostokinsky A.V. Crimes of an extremist nature as a manifestation of subcultural conflicts of youth associations: criminal-legal and criminological problems: auth. abstr. ... *Master of Law*. Moscow, 2008.
6. Kubyakin O.E. Youth extremism in the globalized information and communication environment of the public life: auth. abstr. ... *Dr of Sociology*. Krasnodar, 2012.
7. Borisov S.V. Internet space as an environment for the commission of extremist crimes // *Economics, pedagogy and law*. 2013. № 1. P. 54–58.
8. Rykov A.N. The destructive influence of mass media on the awareness of citizens: legal problems of building the information society: auth. abstr. ... *Master of Law*. Rostov-on-Don, 2002.
9. Bulatetsky P.S. The influence of the media on violent crime (criminological aspect): auth. abstr. ... *Master of Law*. Moscow, 2013.
10. Zhukova O.S. Legal measures against extremism information: auth. abstr. ... *Master of Law*. Voronezh, 2006.
11. Kornilov T.A. International aspects of combating extremism: auth. abstr. ... *Master of Law*. Moscow, 2011.
12. *Organization of extremist community: the problems of qualification and evidence: manual* / ed. by V.V. Merkuriev. Moscow, 2013.
13. Ivantsov S.V. Media information resource and combating crime // *Modern problems of criminal policy: proc. of the V Intern. sci.-pract. conf.*, Oct. 3, 2014: in 3 vol. / ed. by A.N. Ilyashenko. Krasnodar, 2014. Vol. I. P. 256–263.

Абшилава Георгий Валерьянович

доктор юридических наук,
 профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
 Юридического института
 Московской академии экономики и права
 (e-mail: georost@list.ru)

О задачах и назначении согласовательных уголовно-процессуальных процедур внутри обвинительно-следственной власти

В статье дается характеристика согласовательных процедур, имеющих своей целью обеспечение превентивного судебного контроля в ходе расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Автором осуществлен анализ положений российского уголовно-процессуального законодательства, воззрений ученых-процессуалистов относительно рассматриваемой сферы деятельности.

Ключевые слова: превентивный судебный контроль, прокурорский надзор, согласовательные процедуры, уголовное дело.

G.V. Abshilava, Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Law Institute of the Moscow Academy of Economics and Law; e-mail: georost@list.ru

On the tasks and the appointment of the negotiation of criminal procedure in accusatory procedures and investigative authorities

The article describes the negotiation procedures with the aim of enabling preventive judicial review during the investigation and trial of criminal cases. The author analyzes the provisions of the Russian legislation on criminal procedure, as well as the views of scientists regarding this sphere of activity.

Key words: preventive judicial review, public prosecutor's supervision, negotiation procedure, criminal case.

В юридической литературе к согласовательным процедурам зачастую относятся случаи, когда государственные органы обвинительно-следственной власти согласовывают свою позицию в связи с официальным обращением в суд через принятие соответствующего процессуального документа. Принципиальное свойство согласовательных процедур состоит в организации взаимодействия, консолидации позиции участников стороны обвинения, принятии процессуального решения для вступления в отношения с судом и одновременно – процессуальным противником.

Речь идет в первую очередь о разрешительном порядке реализации органом предварительного расследования своего процессуального полномочия на обращение в суд с официальным ходатайством о разрешении какого-либо процессуального действия, решения, а также в других случаях формулирования перед судом своей позиции. Это не договорные процедуры, но разрешительные, ибо их целью является получения разрешения подвластным субъектом со стороны вышестоящей контролирующей, руководящей или надзирающей процессуальной инстанции на вступле-

ние в отношения с судом, и далее – процессуальным противником. Поэтому в рамках согласовательных процедур происходит приведение к общему знаменателю мнений различных субъектов стороны обвинения, преодоление рассогласованности перед лицом противной стороны. Решающее значение в этих процессах принадлежит (должно принадлежать) прокурору как координатору деятельности правоохранительных органов.

Характер подобных согласовательных процедур демонстрирует устройство обвинительной власти и организацию публичного уголовного преследования. На наш взгляд, она должна быть единой и официальным носителем ее должен быть прокурор. Ю.Я. Чайка отметил: «Требуется определенный баланс полномочий между надзором и следствием, чтобы в конечном итоге повысить уровень защищенности прав и свобод граждан. К сожалению, пока он ослаблен. Сильное следствие возможно только при одном условии: если есть эффективный и сильный прокурорский надзор. Это аксиома для всех профессионалов – как в России, так и за рубежом» [1]. Мы полностью разделяем эту позицию.

Заметим, что недостатки существующей модели прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия очевидны для многих ученых. «Мы считаем, что в ходе реформы исчезла одна из важнейших гарантий правосудия – эффективный надзор... Не спасает положение ни возможность обжалования действий и решений следователя в суд, ни право прокурора обратиться к руководителю следственного органа с требованием устранить нарушения закона, допущенные в ходе предварительного следствия. По новому закону требования прокурора для начальника следственного органа не обязательны, а согласится ли он с прокурором, если следователь трудится под его непосредственным руководством и каждый шаг следователя, как правило, согласован с начальником, – задача для первокурсника» [2].

Требуются большие гарантии эффективности прокурорского надзора, прежде всего за следствием, изменение существующей системы уголовно-процессуальных отношений между прокурором и следственным органом. Принципиальная важность согласовательной процедуры, субъектами которой являются, с одной стороны, органы предварительного расследования, а с другой – прокурор, состоит в том, что прокурор не только является фильтром, который не позволяет попасть в суд необоснованным, незаконным ходатайствам, и, таким образом, права личности приобретают дополнительную гарантию, но также повышает эффективность правомерного притязания органа уголовного преследования. В связи с этим мы считаем принципиально важным, чтобы все ходатайства, в том числе следователя, согласовывались с прокурором и только после положительного заключения прокурора суд вправе был бы разрешать процессуальные действия, ограничивающие конституционные права граждан.

Целевая направленность основных согласовательных процедур состоит в том, чтобы согласовывать позиции представителей различных государственных ведомств и служб, участвующих в уголовном процессе в качестве органов публичного уголовного преследования. Потребность в таком согласовании объективно существует ввиду состязательности нашего уголовного судопроизводства. Основные решения по уголовному делу в ходе предварительного расследования, связанные с ограничением конституционных прав личности, предполагают прохождение превентивного судебного контроля, именно в связи с его прохождением приобретают особую важность согласовательные процедуры субъектов обвинительной, обвинительно-следственной власти.

В настоящее время институт судебного контроля на досудебном этапе уголовного судопроизводства воплотился в четыре относительно самостоятельные процессуальные формы, включая в себя: 1) судебный контроль за законностью и обоснованности применения к обвиняемым (подозреваемым) мер процессуального принуждения (реализация данной формы контроля в основном связана с нормами ст. 108 УПК РФ); 2) судебный контроль за законностью и обоснованностью действий или решений следственных органов и прокурора, ограничивающих конституционные права, свободы или законные интересы личности (данная форма контроля реализуется по правилам ст. 125 УПК РФ); 3) судебный контроль за законностью и обоснованностью осуществления следственных действий, перечисленных законодателем в нормах ч. 2 ст. 29 УПК РФ (ст. 165 УПК РФ); 4) судебный контроль за законностью и обоснованностью возбуждения уголовного судопроизводства России, их привлечения в качестве обвиняемых или применения к ним мер процессуального принуждения (ст. 448 УПК РФ).

Согласовательные процедуры в том или ином виде имеют место во всех указанных формах. Разделение властей государства и состязательность сторон при любом виде судебного контроля, а тем более при рассмотрении дела по существу, предполагают единство позиции субъектов со стороны обвинения. Между тем, в действующем законе согласовательные процедуры закреплены только как составная часть превентивного судебного контроля (ст. 22, 23 и 25 Конституции, ст. 107–110, 114–118, ст. 165, ч. 3 ст. 178, ч. 3 ст. 217, ст. 447–450 УПК РФ). Превентивный (предупредительный) судебный контроль призван не допустить ограничения конституционных прав участников процесса без достаточных к тому фактических и юридических оснований, наличие которых и призван в конечном итоге проверить судья, реализуя процедуру проверки [3, с. 102].

Поскольку суд независим, а стороне обвинения противостоит сторона защиты, постольку органы обвинения должны выступать как единое целое в ходе выдвижения и обоснования своего правопритязания на применение мер процессуального ограничения конституционных прав участника процесса. Противоречия между следователем, руководителем следственного органа и прокурором в суде негативно сказываются, как показывает практика, на эффективности уголовного преследования. Предметом спора в суде между стороной обвинения и стороной защиты могут быть и уже совершенные действия, бездеятельность или процессуальные решения правоохранительных органов.

Все согласовательные процедуры в конечном итоге восходят к базовому уголовно-процессуальному отношению между прокурором и органом предварительного расследования. Эти процедуры в принципе должны быть однородными, ибо суть их должна быть одна: прокурор выступает руководящей процессуальной инстанцией по отношению к органу предварительного расследования, осуществляющему досудебное уголовное преследование.

К числу такого рода официальных правопритязаний, приводящих в движение судебный механизм, относятся и итоговые акты органов предварительного расследования – обвинительное заключение, обвинительный акт. Термин здесь не имеет принципиального значения, т.к. согласие или утверждение, по сути, одно и то же, а именно: принятие решения об обращении с уголовным иском в суд. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 226 УПК РФ прокурор вправе утвердить обвинительный акт и направить уголовное дело в суд. В соответствии с ч. 2 ст. 226 УПК РФ при утверждении обвинительного акта прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переqualифицировать обвинение на менее тяжкое. Так определяется окончательное утверждение обвинительной власти о совершении обвиняемым конкретного преступления и обоснование этого утверждения. По идее, правоотношения прокурора и органа предварительного расследования в любой согласовательной процедуре должны строиться по этой модели.

Следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания и начальник подразделения органа дознания должны рассматриваться как агенты обвинительной власти, возглавляемой прокурором [4, с. 42]. В состязательном уголовном судопроизводстве обвинительно-следственная власть должна быть единой и нераздельной. Прокурор должен возглавлять эту власть, а следственные органы должны выступать его процессуальными агентами – органами досудебного уголовного преследования, которые помогают прокурору в достижении главной задачи – привлечении к уголовной ответственности лиц, действительно совершивших преступление. Досудебное уголовное преследование есть подготовка к подержанию государственного обвинения в суде: собирание доказательств обвинения, принятие мер обеспечительного и пресекающего характера по делу и пр. [5, с. 52–59].

Итак, согласовательные процедуры внутри обвинительно-следственной власти объединены общим назначением: обеспечивать единство официальных представителей стороны обвинения перед судебной властью и стороной защиты. Эти процедуры образуют

подготовительную часть превентивного судебного контроля, но вмешательство суда в них недопустимо. В первую очередь прокурор не должен сам использовать механизм судебного обжалования в отношении решений органов предварительного следствия, хотя его участие в превентивном судебном контроле, связанном с реализацией мер процессуального принуждения, обязательно. Для выполнения своих надзорных функций прокурор вправе задействовать механизм судебного контроля и делать это только в случаях, непосредственно предусмотренных УПК РФ. Недопустимо переносить разногласия между надзирающим прокурором и органами следствия в суд по вопросам реализации уголовного преследования. Нельзя органам уголовного преследования обжаловать в судебном порядке действия и решения друг друга – это подрывает их позицию перед лицом защиты.

Между тем, эта очевидная вещь не всеми признается. Некоторые ученые толкуют ч. 2 ст. 125 УПК РФ в увязке с п. 8, 16 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и заключают, что прокурор, чьи требования не выполняются органом следствия, может инициировать подачу жалобы заявителем в суд и принять участие в ее рассмотрении, настаивая в суде на правоте своей позиции. В одном из интервью А. Бастрыкина прозвучала мысль о том, что у прокурора появилась возможность обратиться в суд и обжаловать незаконное, с его точки зрения, решение следователя [6, с. 3]. Идея о правомерности вынесения конфликта между следователем и прокурором на публичное рассмотрение и разрешение в суде, на первый взгляд, выглядит привлекательной. Она разделяется авторитетными юристами. В ее пользу высказался председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев [7] и некоторые авторитетные правоприменители [8, с. 2]. При этом признавалось, что процесс затягивается: «Да, немного затягивается. Но правосудие должно быть неспешным» [6, с. 3]. Мы же видим в этой идее нарушение всякой логики в отношениях между органами обвинительно-следственной власти, к которой мы относим все государственные органы, указанные в п. 47 ст. 5 УПК РФ.

Мы присоединяемся к мнению, согласно которому прокурор не должен прибегать к судебному механизму для того, чтобы добиваться исправления нарушений закона со стороны органов предварительного следствия. Он должен добиваться своих целей или в рамках согласовательных процедур, или используя инструменты прокурорского надзора – прежде всего посредством требований, изложенных в уголовно-процессуальной форме, предусмотренной УПК. Выполнение данных требований обеспечивается системой уголовно-процессуальных гарантий.

Из системного толкования ст. 37, 38, 39, 221 УПК РФ вытекает, что в случае выявления нарушения закона следователем прокурор вправе, руководствуясь п. 3 ч. 1 ст. 37 УПК РФ, потребовать от следователя или руководителя следственного органа устранения допущенных нарушений. Требования прокурора направляются руководителю следственного органа. Руководитель следственного органа реагирует на это в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 38 и ч. 4 ст. 39 УПК РФ. Если руководитель следственного органа соглашается с требованиями прокурора, то он дает следователю подлежащие беспрекословному выполнению письменные указания в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 39 УПК РФ. Следователь имеет право обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, решение прокурора, вынесенное в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. В случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора. В

случае несогласия с требованиями прокурора руководителя следственного органа прокурор принимает решение об обращении к вышестоящему прокурору. В данном случае имеет место процедура разрешения противоречия между позицией прокурора и солидарной позицией следователя и руководителя следственного органа (ч. 3 ст. 38, ч. 4 ст. 39, ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Окончательное разрешение спора между прокурором и органом предварительного следствия по поводу нарушения закона осуществляется Генеральным прокурором РФ.

Есть сторонники и у положения о том, что следователь вправе обжаловать в суд требования и иные решения, действия надзирающего прокурора. Опять же мы должны решительно возразить против этого. Суд не может быть местом, где органу следствия и прокурору позволительно разрешать между собой спорные вопросы, связанные с осуществлением уголовного преследования, общей для них обвинительной деятельности. В заключение следует отметить, что вмешательство судебной власти в отношения между прокурором и следователем по вопросам их совместного (обвинительного) ведения недопустимо.

1. *Интервью Генерального прокурора России Ю. Чайки «Российской газете» // Рос газ. 2012. 12 янв.*

2. *Паничева А., Похмелкин А., Костанов Ю., Румянцев В., Решетилова И. Верните прокурора // Рос. газ. 2008. 20 мая.*

3. *Судебный контроль в уголовном процессе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.*

4. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2011.*

5. *Александров А.С. Вопросы взаимодействия прокурора, руководителя следственного органа, следователя в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестн. МВД. 2008.*

6. *Бастрыкин А. Следствие требует тишины // Известия. 2007. 2 окт.*

7. *Рос. газ. 2007. 12 окт.*

8. *Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсантъ. 2007. 9 окт. № 184.*

1. *Interview of the Prosecutor General of the Russian Federation Yu. Chaika to «The Russian newspaper» // Rus. newsp. 2012. Jan. 12.*

2. *Panicheva A., Pokhmelkin A., Kostanov Yu., Rumyantsev V., Reshetilova I. Return the prosecutor // Rus. newsp. 2008. May 20.*

3. *Judicial control in criminal trial: study aid for students of the higher education institutions which are trained in «Juresprudence» / ed. by N.A. Kolokolov. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2009.*

4. *The comment to the Criminal procedure code of the Russian Federation / sci. ed. by V.T. Tomin, M.P. Polyakov. 5th ed., rev. and add. Moscow, 2011.*

5. *Alexandrov A.S. Questions of interaction of the prosecutor, head of investigative body, the investigator during pre-judicial criminal case production // Bull. of the Ministry of Internal Affairs. 2008.*

6. *Bastrykin A. Consequence demands silence // News. 2007. Oct. 2.*

7. *Rus. newsp. 2007. Oct. 12.*

8. *Chekesov V. It is impossible to allow that soldiers have turned into dealers // Kommersant. 2007. Oct. 9. № 184.*

Семенцов Владимир Александрович
 доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного процесса
 Кубанского государственного университета
 (e-mail: crimpro@yandex.ru)

Сафарян Гарник Овикович
 аспирант кафедры уголовного процесса
 Кубанского государственного университета
 (e-mail: sbqo@yandex.ru)

О проблеме определения в стадии возбуждения уголовного дела процессуального статуса лица, которому преступлением причинен вред, и возможном пути ее решения

В статье обосновывается, что в стадии возбуждения уголовного дела статус заявителя недостаточен для обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого совершено преступление, поскольку имеет локальный, кратковременный характер. Критикуется неоправданное расширение круга субъектов уголовно-процессуальных отношений, предлагается законодательно предусмотреть общий статус участника проверки сообщения о преступлении с правом обжалования итоговых процессуальных решений стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: жертва, потерпевший, заявитель, статус, проверка.

V.A. Sementsov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: crimpro@yandex.ru;

G.O. Safaryan, Postgraduate of the Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: sbqo@yandex.ru

On the problem of determining under initiation criminal case procedural status the person to whom the crime caused harm and possible solutions

It is argued that in the stage of initiation of criminal case the status of the applicant are insufficient to ensure the rights and legitimate interests of the person against whom a crime has been committed, as has the local, short-term in nature. Criticized the undue expansion of the circle of subjects of criminal procedural relations, and proposed legislation to provide for the status of a participant check message about the crime, with right of appeal procedural decisions of the final stage of initiation of criminal case.

Key words: victim, suffer, applicant, status, check.

В отечественном уголовно-процессуальном законе статус потерпевшего нормативно оформился сравнительно недавно. Поводом к этому послужило осознание законодателем ценности интересов, защищаемых лицом, в отношении которого совершено преступление, а также наличие предписаний по этому вопросу в международном праве. В определенной мере этому способствовало расширение составительных начал уголовного судопроизводства и необходимость защиты не только публичных, но и частных интересов, охраняемых законом.

Впервые определение лица, в отношении которого совершено преступление, получило свое закрепление в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступле-

ний и злоупотреблений властью. В частности, в п. 1 Декларации записано: «Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью» [1].

Признание жертвой преступления не зависит от того, был ли установлен, арестован, передан суду или осужден правонарушитель, а также от родственных отношений между правонарушителем и жертвой.

Как отмечает А.А. Федорченко, кроме лица, которое можно назвать непосредственной или «прямой» жертвой, в Декларации содержится определение лица, именуемого «непрямой» или «косвенной» жертвой: близкие родственники или иждивенцы непосредственной жертвы, а также лица, которым причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, и др. [2, с. 458–462].

Аналогичное определение приведено в ст. 2 Европейской конвенции о выплате компенсации жертвам тяжких преступлений, принятой в 1983 г. [3], где сказано, что государства обязаны участвовать в компенсациях тем, кто потерпел серьезный физический ущерб или вред здоровью непосредственно вследствие намеренного акта насилия; а также иждивенцам тех, кто скончался в результате такого преступления. В Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного процесса» предусмотрена обязанность государства уделять больше внимания лицам, которым нанесен физический, психологический, материальный и социальный ущерб [4].

В российском уголовно-процессуальном праве определение потерпевшего впервые было дано в ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятых 25 декабря 1958 г. [5]. Потерпевшим признавалось лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. В соответствии с содержанием этого положения аналогичные определения были даны в УПК РСФСР предусматривалось, что потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. О признании гражданина потерпевшим лицо, производившее дознание, следователь и судья выносили постановление, а суд – определение.

К.И. Кухта пишет: «В законодательстве и других правовых актах США используется слово “жертва” преступления для обозначения лица, которое пострадало в результате совершения преступления и обладает рядом прав, обеспечивающих безопасность и возмещение вреда, причиненного преступлением» [6, с. 18].

В современном УПК РФ правовая категория «жертва преступления» не применяется. В то же время в ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 20 августа 2004 г. [7] наряду с потерпевшим применяется термин «жертва преступления». Однако есть основание усомниться в процессуальной природе этого термина, поскольку законодатель прямо указал на то, что государственные меры безопасности могут быть применены к жертве преступления только до возбуждения уголовного дела.

Анализ содержания нормативно-правовых актов позволяет привести и другие примеры использования категории «жертва». Так, в п. 29 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации упоминается понятие «жертва преступления» [8]. Это же понятие используется в Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. [9].

Таким образом, для нормативных правовых актов Российской Федерации наиболее традиционным определением лица, пострадавшего от преступления, является «потерпевший», однако наряду с ним появляются новые категории. В частности, при характеристике процессуального положения субъектов уголовно-процессуальных отношений до возбуждения уголовного дела в теории уголовного процесса введены в оборот понятия заявитель, лицо, пострадавшее от преступления, также разрабатываются соответствующие уголовно-процессуальные статусы и процедуры их приобретения заинтересованными лицами. В некоторых случаях законодатель воспринимает результаты научных изысканий и внедряет в уголовно-процессуальное право совокупность тех или иных правомочий, например, в качестве отдельного процессуального статуса заявителя (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Появление новых процессуальных фигур в уголовном судопроизводстве обусловлено углублением и качественным совершенствованием уголовно-процессуальных отношений, а также законодательным регулированием процессуального статуса потерпевшего, уже не охватывающего все многообразие уголовно-процессуальных отношений, в которых возможно участие лица, которому преступлением причинен определенный вред. Иными словами, этот процесс является объективным и в определенной степени прогрессивным, подтверждающим приверженность государства к выстраиванию системы максимальной обеспеченности прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Поэтому высказанные в литературе предложения о расширении круга субъектов уголовно-процессуальных отношений в целом не вызывают возражения, хотя и приобрели масштабный характер. В частности, стало своеобразной традицией по итогам научных исследований формулировать предложения о пополнении системы участников уголовного судопроизводства новыми лицами с самостоятельным процессуальным статусом. Для иллюстрации приведем лишь некоторые примеры.

Выдвигается предложение о введении в уголовно-процессуальное законодательство «новой процессуальной фигуры, исходя из возникающих правоотношений между лицом, которое было задержано, и органами или долж-

ностными лицами, осуществившими его захват, доставку в правоохранительные органы. Соответственно, возникает потребность ввести в уголовно-процессуальное законодательство понятие, отражающее статус задержанного» [10, с. 138].

В другом случае предлагается решить вопрос о процессуальном статусе социального работника, осуществляющего досудебное сопровождение несовершеннолетнего, совершившего преступление [11, с. 187].

Высказывается предложение о введении новой процессуальной фигуры на стадии возбуждения уголовного дела – пострадавшего [12; 13; 14].

Данные и иные аналогичные предложения свидетельствуют об активизации процесса неоправданного расширения круга субъектов уголовно-процессуальных отношений, который вызывает определенную настороженность и, как представляется, утрачивает свое изначально позитивное значение, поскольку ведет к разрастанию всех системно связанных с этим институтов, в том числе тех, что содержат средства процессуального обеспечения прав участников. Кроме того, признавая за новыми участниками процессуальные права, законодатель должен провести их синхронизацию с обязанностями должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, адаптировать процедуры процессуальных действий и решить многие другие проблемы.

Одновременно с внедрением в уголовное судопроизводство принципиально новых участников продолжается разработка дифференциации оснований для появления уже известных уголовному процессу фигур, например подозреваемого и обвиняемого. Предусмотрены законодательные отличия в процедуре вовлечения в сферу уголовного судопроизводства и иных участников, следствием чего служит появление вариативности не только по кругу оснований, но и в процессуальных способах приобретения прав и обязанностей. Так, В.М. Михеев пишет: «Есть все основания выделять в качестве самостоятельного способа приобретения лицом статуса обвиняемого по делам частного обвинения» [15, с. 56].

Такого рода разнонаправленная дифференциация в части разработки основ процессуального положения субъектов уголовно-процессуальных отношений приводит к «размыванию» уголовно-процессуального закона. В его содержании собственно правила производства по уголовным делам, определяющие процедуры процессуальных действий и принятия решений, занимают все меньше места. В то же время значительно увеличивается в объеме нормативное регулирование вопросов служебного характера, а именно:

1) способы вовлечения субъектов в уголовно-процессуальные правоотношения;

2) нормативное описание процессуальных статусов и их содержания применительно к одним и тем же категориям лиц;

3) механизмы осуществления прав и обязанностей, их охраны, защиты и восстановления;

4) средства обеспечения функционирования этих механизмов.

В результате уголовно-процессуальный закон уже с трудом выполняет свое первоначальное предназначение как регулятора порядка производства по уголовным делам.

Применительно к проблеме дифференциации процессуального статуса лица, именуемого потерпевшим, можно отметить, что основная дискуссия ведется относительно проблем особенностей содержания, а также наименования и закрепления его процессуального статуса в стадии возбуждения уголовного дела.

Так, А.Р. Белкин пишет: «...заявитель пробел между моментом подачи заявления пострадавшим от преступления лицом и моментом признания этого лица потерпевшим. Как бы мы не призывали ускорить принятие решения о признании пострадавшего лица потерпевшим, по объективным причинам вовсе устранить этот пробел невозможно. Кем в этот период является данное лицо? Просто заявителем? Очевидно, что этого недостаточно» [16, с. 67].

С.А. Синенко делает следующий вывод: «Даже с учетом произошедших изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, мы склонны утверждать, что правовой статус заявителя значительно уступает по объему прав статусу потерпевшего, что не позволяет лицу, которому преступлением причинен вред, надлежащим образом защищать свои интересы на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Использование понятия “заявитель” для обозначения лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела неоправданно и потому, что его содержание не охватывает всех ситуаций участия пострадавшего в рассмотрении и разрешении сообщения о преступлении» [17, с. 25].

Высказано предложение о наделении пострадавшего в стадии возбуждения уголовного дела всеми процессуальными правами заявителя в случае, когда заявление о преступлении сделано не самим пострадавшим, а иным лицом, с установлением 24-часового срока для сообщения заявителю о принятом решении об отказе в возбуждении уголовного дела и наделении заявителя правом на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении [13, с. 9–10].

Проведенный анализ предложений о совершенствовании процессуального статуса лица, фактически пострадавшего от преступления, наводит на следующие размышления.

Формулируемые предложения не всегда и не в полной мере учитывают то обстоятельство, что пострадавший далеко не во всех случаях выступает заявителем, а заявитель – не всегда заинтересованное лицо. Наделение же заявителя большинством из предлагаемых процессуальных прав дает ему возможность выступать именно как заинтересованное лицо, тогда как фактически пострадавший вновь оказывается «не у дел».

Сам по себе статус заявителя может быть использован гражданином весьма кратковременно и только в период представления сообщения о преступлении в уполномоченный орган или должностному лицу, причем в одной лишь форме – непосредственная явка и заполнение протокола принятия заявления о преступлении. Процессуальная миссия заявителя завершается получением талона-уведомления. Если же сообщение о преступлении сделано по почте, то заявитель вовсе может миновать этап выступления в этом качестве в уголовно-процессуальных отношениях.

При осуществлении наиболее активной части стадии возбуждения уголовного дела – проверки сообщения о преступлении, заявитель может выступить уже как лицо, привлекаемое для дачи объяснений, в отношении которого ст. 144.1 УПК РФ устанавливает собственные правила участия и некоторые процессуальные права, т.е. имеет смысл говорить о динамике статуса заявителя и его трансформации в статус лица, дающего объяснения. Кроме того, в этой же части уголовного судопроизводства лицо может быть вовлечено в производство следственных и иных процессуальных действий и приобрести права, отвечающие содержанию процессуального действия.

Завершающий этап стадии возбуждения уголовного дела выполняет важнейшую процессуальную миссию – определяет перспективу продолжения уголовного судопроизводства. В его производстве, полагаем, может принимать участие только то лицо, законные интересы которого неправомерно ограничиваются принимаемым процессуальным решением, но оно может быть вовсе не заявителем.

И правильно отмечает Л.А. Воскобитова, что первым этапом реализации судебной власти является обеспечение доступа к правосудию и необходимо включение в систему принципов уголовного процесса права потерпевшего от преступления или злоупотребления властью на доступ к правосудию и внесение в ст. 11 УПК РФ соответствующего дополнения [18, с. 29].

Именно этой цели должно быть подчинено решение законодателя о доступе к производству на данном этапе стадии возбуждения уголовного дела определенного круга лиц в качестве полноценных субъектов уголовно-

процессуальных отношений (располагающих необходимым и достаточным объемом процессуальных прав).

Однако для того, чтобы обеспечить доступ к правосудию на законных и достаточных основаниях, в стадии возбуждения уголовного дела необходимо определить заинтересованное лицо (лиц) и только для него (них) решить вопрос о наделении и обеспечении надлежащих процессуальных прав. Такой подход позволит избежать нарушения законных интересов и необоснованного «разрастания» круга участников, обладающих в некоторых случаях вовсе излишними процессуальными правами.

Мы считаем, что при динамично изменяющихся ситуациях стадии возбуждения уголовного дела нет смысла устанавливать единый процессуальный статус заявителя. Необходимо менять подход к решению вопроса по наделению и обеспечению прав заинтересованных лиц в стадии возбуждения уголовного дела, которые имеют перспективу стать потерпевшими в стадии предварительного расследования.

Из всего многообразия жизненных ситуаций, которые возникают в практической деятельности, приведем лишь некоторые.

1. Заявитель – лицо, в отношении которого совершено преступление, оно же привлекается для дачи объяснений и участия в иных процессуальных, в том числе следственных, действиях. Здесь не возникает, как правило, затруднений в определении фактического процессуального положения лица и нет, как представляется, препятствий для принятия процессуального решения о допуске его в качестве потерпевшего еще до возбуждения уголовного дела либо одновременно с этим решением.

Это самая простая с точки зрения определения надлежащих субъектов уголовно-процессуальных отношений ситуация.

2. Заявитель – гражданин-очевидец, не являющийся непосредственным участником события преступления. Он также будет привлечен в качестве объясняющегося, участвующего в иных процессуальных, в том числе следственных, действиях. Но его задача равноценна свидетельской – предоставить в распоряжение уполномоченных органов максимально достоверную, точную и подробную информацию. Предоставлять ему процессуальные права, например, по обжалованию процессуальных решений, принятых в порядке ст. 125 УПК РФ, как представляется, ошибочно и противоречит всей конструкции уголовного судопроизводства, обусловленной ст. 6 УПК РФ. Развитие этой ситуации может иметь как минимум два варианта:

1) собраны достаточные данные, свидетельствующие о причинении ущерба определенному лицу;

2) такие сведения не получены либо недостаточны для законного и обоснованного решения.

При первом варианте следует незамедлительно признавать лицо потерпевшим, а при втором остается лишь продолжать доказательственную и иную познавательную процессуальную деятельность при условии, что нашло свое подтверждение утверждение о наличии события преступления. Это означает, что время признания лица потерпевшим откладывается до получения соответствующих как по качеству, так и по объему сведений о потерпевшем.

3. Заявитель – анонимное лицо. В этом случае отсутствие процессуального повода к возбуждению уголовного дела в форме заявления не означает, что проверочные действия проводиться не будут, поскольку анонимное заявление может быть использовано в оперативных целях. В соответствии со ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» подобное сообщение рассматривается как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий, результатом которых могут быть данные о совершенном или готовящемся преступлении, служащие самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела в форме рапорта, требующим проверки. Тогда в числе участников проверки вполне могут оказаться пострадавшие, в отношении которых, при наличии достаточных оснований, должно приниматься решение о признании потерпевшими.

Во всех приведенных ситуациях участники стадии возбуждения уголовного дела

имеют один общий признак – вовлечение в процессуальные действия.

Отметим основные выводы.

1. В современных отечественных нормативных правовых актах категория «жертва преступления» встречается значительно реже, чем традиционное понятие «потерпевший», которое в последние годы, в результате проведения масштабных научных исследований, подвержено тенденции к углублению и дифференциации содержания.

2. Подвергнуто критике неоправданное расширение круга субъектов уголовно-процессуальных отношений, хотя по-прежнему актуален вопрос об именовании и процессуальном статусе в стадии возбуждения уголовного дела лица, в отношении которого совершено преступление.

3. Статус заявителя недостаточен для обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого совершено преступление, поскольку имеет локальный и кратковременный характер. Для обеспечения прав и законных интересов всех лиц, а не только прямо заинтересованных в результатах проверки сообщений о преступлении, необходимо законодательно предусмотреть возможность приобретения общего статуса участника процессуальных действий (в случае привлечения к проверке сообщения о преступлении).

4. Правом обжалования итоговых процессуальных решений стадии возбуждения уголовного дела должны обладать любые заинтересованные лица, реализующие его в порядке, предусмотренном гл. 16 УПК РФ.

1. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: принята 29 нояб. 1985 г. резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Федорченко А.А. Понятие потерпевшего в международном уголовном процессе // *Международное право и международные организации*. 2014. № 3.

3. Европейская конвенция о выплате компенсации жертвам тяжких преступлений. URL: <http://conventions.coe.int>.

4. О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: рекомендация № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы государствам-членам: принята Комитетом министров 28 июня 1985 г. на 387-ом заседании представителей министров. URL: <http://conventions.coe.int>

5. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных респуб-

1. Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power: adopted on Nov. 29, 1985 by resolution 40/34 of the UN General Assembly. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Fedorchenko A.A. The concept of the victim in international criminal proceedings // *International law and international organizations*. 2014. № 3.

3. European Convention on compensation of victims of violent crimes. URL: <http://conventions.coe.int>

4. On the position of the victim in criminal law and procedure: recommendation № R (85) 11 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member States: adopted by the Committee of Ministers on June 28, 1985 at the 387th meeting of the Ministers' deputies. URL: <http://conventions.coe.int>

5. On approval of the Fundamentals of criminal procedure of the USSR and Union republics: law of the USSR d.d. Dec. 25, 1958 // *Bull. of the Supreme Soviet of the USSR*. 1959. № 1. Art. 15.

блик: закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

6. Кухта К.И. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

7. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

8. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

9. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

10. Корнелюк О.В. Особенности уголовно-процессуального статуса задержанного о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков // Библиотека криминалиста. 2015. № 4(21).

11. Скрипченко Н.Ю., Машинская Н.В. К вопросу о процессуальном статусе лица, осуществляющего досудебное сопровождение несовершеннолетнего, совершившего преступление // Библиотека криминалиста. 2015. № 2(19).

12. Исаев Р.М. Социально-правовые основы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007.

13. Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

14. Горский В.В. Тактические основы деятельности адвоката – представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009.

15. Михеев В.М. О процессуальном статусе обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Наука. 2011. № 3(6).

16. Белкин А.Р. Процессуальный статус потерпевшего нуждается в пересмотре // Публичное и частное право. 2010. № 3.

17. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Хабаровск, 2013.

18. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

6. Kuhta K.I. Legal status of the victim (suffer) in criminal proceedings in USA: diss. ... Master of Law. Moscow, 2006.

7. On state protection of victims, witnesses and other participants of criminal proceedings: fed. law d.d. Aug. 20, 2004 № 119-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 34. Art. 3534.

8. The Concept of public security in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on Nov. 14, 2013 № PR-2685. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

9. About National strategy of actions in interests of children on 2012–2017: decree of the President of the Russian Federation d.d. June 1, 2012 № 761 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 23. Art. 2994.

10. Kornelyuk O.V. Peculiarities of criminal-procedural status of the detainee on crimes in the sphere of illegal turnover of drugs // Library of the criminalist. 2015. № 4(21).

11. Skripchenko N.Yu., Mashinskaya N.V. To the question about the procedural status of the person exercising the pre-support imperfect-year-old who committed the crime // Library of the criminalist. 2015. № 2(19).

12. Isaev M.R. Socio-legal bases of maintenance of legality at the stage of initiation of criminal proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Ufa, 2007.

13. Sharov D.V. Ensuring the rights of the victim in pre-trial proceedings: diss. ... Master of Law. Moscow, 2006.

14. Gorsky V.V. Tactical foundations of the lawyer – representative of the victim in criminal proceedings of Russia: auth. abstr. ... Master of Law. Voronezh, 2009.

15. Mikheev V.M. About the procedural status of the accused in criminal proceedings // Science. 2011. № 3(6).

16. Belkin A.R. Procedural status of victim in need of review // Public and private law. 2010. № 3.

17. Sinenko S.A. Ensuring the rights and legitimate interests of victims in criminal proceedings. Khabarovsk, 2013.

18. Voskobitova L.A. Mechanism of realization of judicial authority by criminal proceedings: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2004.

Вецкая Светлана Анатольевнакандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Vetsky_@mail.ru)

О некоторых особенностях расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними

В статье анализируются особенности правового регулирования расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Рассматриваются вопросы производства отдельных следственных действий, избрания мер принуждения, применяемых к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый, несовершеннолетний обвиняемый, допрос, меры принуждения, меры пресечения, ознакомление с материалами уголовного дела.

S.A. Vetskaya, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Vetsky_@mail.ru

On some features of investigation of crimes committed by minors

The article is devoted to the issues of legal regulation peculiarities of the investigation of crimes committed by minors. The problems of production of certain investigative actions, the election of coercive measures applied to a juvenile suspect or accused are considered.

Key words: minor suspected, minor defendant, questioning, coercive measures, measures of restraint, familiarization with the materials of the criminal case.

Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, имеет определенные особенности. Это объясняется, прежде всего, тем, что в силу возраста, психического развития несовершеннолетние не могут в полной мере давать оценку своему противоправному поведению, осуществлять свои процессуальные права и исполнять обязанности.

Производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке, но с изъятиями, предусмотренными нормами гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. Важную роль в правовом регулировании уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних призваны сыграть международные стандарты: положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.) и т.д. Данные международные акты определяют необходимость формирования в национальном законодательстве право-

вых норм, которые обеспечивают защиту прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, а также гарантируют дифференцированный подход к применению в отношении несовершеннолетних мер уголовно-процессуального принуждения, возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания.

В ст. 421 УПК РФ закреплены обстоятельства, подлежащие установлению. Прежде всего, необходимо установить возраст несовершеннолетнего. Лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, или иначе с нуля часов следующих суток. Если возраст определяется на основании судебно-медицинской экспертизы, то днем рождения несовершеннолетнего считается последний день того года, который назван экспертами. В случаях определения возраста минимальным и максимальным числом лет суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица с целью толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого [2].

Возможны ситуации, когда несовершеннолетний достиг возраста, с которого он может

быть привлечен к уголовной ответственности, но имеет отставание в психическом развитии, которое не связано с психическим расстройством, но ограничивает его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 2 ст. 421 УПК РФ). В этих случаях он не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ). При наличии данных, которые свидетельствуют об умственной отсталости несовершеннолетнего подсудимого, назначается судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

Особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, связаны с выяснением обстоятельств, касающихся условий жизни и воспитания, влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

В комплексе норм гл. 50 УПК РФ, посвященных несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, вопросы применения мер принуждения регламентированы достаточно лаконично. Задержание несовершеннолетнего подозреваемого, применение к нему такой меры пресечения, как заключение под стражу, производится по правилам, предусмотренным ст. 91, 97, 99, 100 и 108 УПК РФ. В случаях избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого должна учитываться возможность отдачи его под присмотр (ст. 105 УПК РФ). О заключении под стражу либо продлении срока содержания под стражей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого незамедлительно извещаются его законные представители.

Избираемая в отношении подозреваемого, обвиняемого мера пресечения должна всегда измеряться с наказанием, которое может быть назначено лицу за совершение конкретного преступления. В части назначения наказания несовершеннолетним имеются особенности, предусмотренные в ст. 88 УПК РФ «Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним». Аналогичные нормы, которые устанавливают избрание меры пресечения в отношении несовершеннолетних, к сожалению, в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют.

Статья 98 УПК РФ, содержащая перечень мер пресечения, предполагает, что все они могут быть применены к несовершеннолетним. Исключение составляет наблюдение командования воинской части, которое не может быть применено к несовершеннолетним в силу их возраста. При избрании меры пресечения не-

обходимо учитывать степень и характер ограничений прав личности. Положения ст. 99 УПК РФ обязывают следователя (дознателя) дифференцированно подходить к избранию меры пресечения. Так, ограничения предусмотрены в случаях применения заключения под стражу. Применение данной меры возможно лишь в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Эта мера не применяется в отношении несовершеннолетнего, который не достиг 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые (ч. 6 ст. 88 УПК РФ), а также в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, которое совершено им в возрасте до 18 лет [3].

При выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, которое препятствует его содержанию под стражей и подтверждено медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования, мера пресечения в виде заключения под стражу может быть изменена на более мягкую (ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ).

Решая вопрос об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, дознаватель, следователь должны уделить особое внимание таким обстоятельствам, как сведения о личности подозреваемого (обвиняемого), его возраст, состояние здоровья, род занятий и др. (ст. 99 УПК РФ).

В п. 4.1 Пекинских правил [4] предусмотрено, что при установлении нижнего предела возраста уголовной ответственности должны учитываться аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости. Таким образом, именно «аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости» должны учитываться при выборе конкретной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Как показывает практика, к несовершеннолетним в основном применяются в качестве мер пресечения подписка о невыезде и заключение под стражу. В значительной мере это обусловлено отлаженностью правового регулирования механизма применения именно этих мер пресечения [5, с. 38].

Особенности проведения следственных действий связаны с порядком вызова несовершеннолетнего подозреваемого (обвиня-

емого) и производством допроса несовершеннолетнего. По общему правилу допросы и иные следственные действия следователь проводит по месту осуществления предварительного расследования. Несовершеннолетний должен быть вызван в органы предварительного расследования через родителей или иных законных представителей (ст. 424 УПК РФ). Если несовершеннолетний находится в специализированном учреждении для несовершеннолетних, он должен быть вызван через администрацию этого учреждения. При подготовке к допросу необходимо обеспечить участие в его проведении не только защитника, но и педагога и психолога, если подозреваемый, обвиняемый не достиг возраста 16 лет либо достиг этого возраста, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии (ст. 425 УПК РФ). Психическое расстройство должно быть подтверждено медицинскими документами или заключением судебно-психиатрической экспертизы, а факт отставания в психическом развитии устанавливается на основании заключения эксперта-психолога. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 (в редакции от 2 апреля 2013 г. № 6) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [6] разъясняет, что показания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, полученные без участия педагога или психолога, в силу ч. 2 ст. 75 УПК РФ являются недопустимыми доказательствами (п. 9).

Анализ следственно-судебной практики показывает, что зачастую преступления совершаются детьми из неблагополучных семей, родители которых нередко и сами являются ранее судимыми лицами. В этих случаях целесообразно применять правила ч. 4 ст. 426 УПК РФ, где сказано, что законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если существуют основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). В этих случаях необходимо привлечь в качестве законного представителя орган опеки и попечительства. К сожалению, в названной норме законодатель упоминает о привлечении другого законного представителя несовершеннолетнего, но умалчивает о возможности участия органа опеки и попечительства.

Законом регламентировано, что продолжительность допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) не может быть более двух часов без перерыва, а в общей сложности – более четырех часов в день. Вместе с тем, в юридической литературе предлагаются иные, менее длительные промежутки времени. Так, Н.И. Порубов полагает, что продолжительность допроса не должна превышать одного часа, при этом в случае необходимости следует делать перерыв [6, с. 152]. По мнению Н.А. Голубева, продолжительность допроса не должна превышать 45 минут, иначе внимание несовершеннолетнего рассеивается и трудно получить от него полные и развернутые ответы [7, с. 6].

На этапе окончания предварительного следствия важное значение имеет ознакомление обвиняемого, его защитника, законного представителя с материалами уголовного дела, поскольку позволяет им оценить собранные доказательства, заявить ходатайства о проведении дополнительных следственных действий, сформировать свою позицию для участия в судебном разбирательстве. При завершении предварительного расследования составлением обвинительного заключения в ходе производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, следователю надлежит учитывать ряд особенностей. Так, ознакомление несовершеннолетнего обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела осуществляется по общим правилам, предусмотренным ст. 217–219 УПК РФ. Вместе с тем, необходимо учитывать и специальные нормы, содержащиеся в гл. 50 УПК РФ. В частности, законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого наделен правом по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме (п. 7 ч. 2 ст. 426 УПК РФ).

По окончании предварительного расследования следователь вправе вынести постановление о непредъявлении несовершеннолетнему обвиняемому для ознакомления тех материалов уголовного дела, которые могут оказать на него отрицательное воздействие. При этом ознакомление с этими материалами уголовного дела законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого является обязательным.

Резюмируя сказанное, хотелось бы отметить, что нормы УПК РФ, регулирующие особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, нуждаются в совершенствовании. В частности, в законе целесообразно обособить

нормы, которые устанавливают избрание меры пресечения в отношении несовершеннолетних и закрепить их в гл. 50 УПК РФ; ч. 4 ст. 426 УПК РФ дополнить фразой: «...а при его отсутствии – орган опеки и попечительства».

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ, № 265-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921; 2015. № 29, ч. 1. Ст. 4354; Ст. 4391.

2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011 г. № 1 (ред. от 2 апр. 2013 г. № 6) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 4; 2013. № 6.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 нояб. 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Вецкая С.А. Меры процессуального принуждения, применяемые к несовершеннолетним // Вестн. Калининград. филиала С.-Петербург. ун-та МВД России. 2015. № 3(41).

6. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие / отв. ред. Н.И. Порубов. М., 1998.

7. Голубев Н.А. Некоторые особенности расследования преступлений несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 1.

1. Criminal procedure code of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2001 № 174-FL (as amended on July 13, 2015 № 228-FL, № 265-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4921; 2015. № 29, pt. 1. Art. 4354; Art. 4391.

2. Smirnov A.V., Kalinowsky K.B. Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (itemized) / gen. ed. by A.V. Smirnov. Access from legal reference system «Consultant Plus».

3. On the jurisprudence of the legislation regulating features of criminal responsibility and punishment of minors: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Febr. 1, 2011 № 1 (as amended on Apr. 2, 2013 № 6) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 4; 2013. № 6.

4. Standard Minimum Rules of the United Nations concerning the administration of juvenile justice (The Beijing Rules): adopted by resolution 40/33 on Nov. 29, 1985 on 96th plenary session of the UN General Assembly. Access from legal reference system «Consultant Plus».

5. Vetskaya S.A. Coercive procedural measures applied to minors // Bull. of Kaliningrad branch of the St. Petersburg university of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 3(41).

6. The tactics of interrogation during the preliminary investigation: study aid / resp. ed. N.I. Porubov. Moscow, 1998,

7. Golubev N.A. Some peculiarities of the investigation of crimes of minors // Questions of juvenile justice. 2013. № 1.

Науменко Оксана Александровна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kseny1010@mail.ru)

Новеллы уголовно-процессуального законодательства в части процессуального статуса начальника органа дознания

В статье рассматриваются полномочия начальника органа дознания, указанные в новой статье УПК РФ. Автором проанализированы изменения уголовно-процессуального законодательства, предложены пути решения проблемных вопросов, связанных с процессуальными полномочиями начальника органа дознания.

Ключевые слова: дознание, полномочие, начальник органа дознания, расследование, статья.

O.A. Naumenko, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kseny1010@mail.ru

Novels of the criminal procedure legislation of the procedural status of the chief of inquiry

This article discusses the powers of chief of inquiry referred in the new article of the Criminal procedure code. The author analyzes the changes in the criminal procedure law, the ways of solving problematic issues related to the procedural powers head of inquiry.

Key words: inquiry, authority, chief of inquiry, investigation, article.

Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» в УПК РФ введена новая статья – начальник органа дознания.

Появлению данной статьи в уголовно-процессуальном законе предшествовали многие научные работы, монографические исследования и научные статьи таких авторов, как О.В. Гладышева, В.А. Семенцова, А.А. Дядченко, Т.В. Валькова, В.И. Безрядин, В.М. Герасенков и др. [1, с. 150–192; 2, с. 257–262; 3, с. 19–22; 4, с. 346–350; 5, с. 19–20; 6, с. 154–157]. Кроме того, необходимость внесения данного изменения в УПК РФ была обоснована в диссертационном исследовании автора настоящей статьи [7, с. 24].

Необходимость появления отдельной статьи, посвященной начальнику органа дознания, в которой будут сконцентрированы его процессуальные полномочия, обусловлена не только теоретическими предложениями ученых. На практике возникает немало вопросов, связанных с реализацией его процессуальных полномочий.

Статья 40.2 УПК РФ содержит следующие полномочия, которыми обладает начальник органа дознания:

1) поручать проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном УПК РФ, а также производство дознания и неотложных следственных действий по уголовному делу, лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в их проверке;

2) продлевать в порядке, установленном УПК РФ, срок проверки сообщения о преступлении;

3) проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве органа дознания, дознавателя;

4) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий;

5) рассматривать материалы уголовного дела и письменные возражения дознавателя на указания начальника подразделения дознания, принимать по ним решение;

6) передавать должностным лицам органа дознания исполнение письменных поручений следователя, дознавателя по проведению оперативно-розыскных мероприятий, производству отдельных следственных действий, исполнению постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу и производству иных процессуальных действий, а также по оказанию содействия при их осуществлении;

7) принимать решение о производстве дознания группой дознавателей и об изменении ее состава;

8) выносить постановление о восстановлении дознавателем утраченного уголовного дела либо его материалов;

9) возвращать уголовное дело дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного дознания, производстве дознания в общем порядке, пересоставлении обвинительного акта или обвинительного постановления;

10) утверждать обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу;

11) осуществлять иные полномочия, предоставленные начальнику органа дознания УПК РФ.

Анализируя вышеизложенные полномочия, необходимо отметить, что они продублированы из других статей уголовно-процессуального кодекса, законодатель только сконцентрировал их в отдельную статью. Так, в ст. 144 УПК РФ до принятия Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ уже содержались полномочия начальника органа дознания по продлению срока проверки сообщения о преступлении. В ч. 1 ст. 41 УПК РФ говорится о возложении на дознавателя полномочий по производству дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно; в ч. 1 ст. 158.1 УПК РФ – о вынесении постановления о восстановлении утраченного уголовного дела либо его материалов; в ч. 4 ст. 225 УПК РФ – об утверждении обвинительного акта, составленного дознавателем и др. Однако остались неразрешенными спорные ситуации, связанные с принятием процессуальных решений, которые не нашли отражения в новой статье УПК РФ, посвященной начальнику органа дознания.

Например, согласно полномочиям по утверждению обвинительного акта начальник органа дознания вправе давать указания дознавателю о квалификации преступления и об объеме обвинения. Однако не регламентированы процессуальные действия начальника органа дознания в случае, если он не согласен утвердить обвинительный акт. Должен ли он выносить какое-либо постановление или давать указания для пересоставления обвинительного акта?

На практике начальник органа дознания в таких ситуациях ограничивается только устными указаниями, поскольку его полномочия по даче указания ограничиваются лишь фрагментарным упоминанием, без детальной регламентации оснований и их формы. В связи с этим по-

лагаем, что право начальника органа дознания вернуть обвинительный акт дознавателю, указав на необходимость и срок устранения неполноты дознания или нарушения закона, должно иметь форму постановления. В таком случае у дознавателя будет право обжалования постановления прокурору.

Обжалование указаний начальника подразделения дознания не приостанавливает их исполнения. При этом дознаватель вправе представить начальнику органа дознания материалы уголовного дела и письменные возражения на указания начальника подразделения дознания. Отсюда следует, что начальник органа дознания вправе проверить материалы уголовного дела, оценить производство дознания с позиций соблюдения законности и обоснованности деятельности дознавателя и принять соответствующее процессуальное решение. Новая статья УПК РФ, регламентирующая процессуальный статус начальника органа дознания, содержит пункт о полномочии рассматривать материалы уголовного дела и письменные возражения дознавателя на указания начальника подразделения дознания и принимать по ним решение. Однако о правовой природе такого решения в законе снова нет разъяснения.

Кроме того, мы убеждены, что начальника органа дознания необходимо наделить правом принятия решения в соответствии со ст. 144 и 145 УПК РФ по постановлению дознавателя о выделении из уголовного дела материалов, содержащих сведения о новом преступлении. В предварительном следствии таким правом наделен руководитель следственного органа, а в случае составления постановления дознавателем – прокурор. Однако такие полномочия со стороны начальника органа дознания позволят, во-первых, ускорить принятие решения по выделенным материалам уголовного дела, т.к. на практике зачастую прокуроры возвращают материалы спустя несколько суток. Во-вторых, усиление ведомственного контроля за производством дознания положительно повлияет на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства.

Также хотелось подробно рассмотреть полномочия начальника органа дознания по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, которые на основании Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ приравнены к полномочиям начальника подразделения дознания, предусмотрен-

ным ст. 40.1 УПК РФ. То есть начальник органа дознания вправе: 1) поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном ст. 145 УПК РФ, выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу; 2) изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи; 3) отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу; 4) вносить прокурору ходатайство об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела.

Из этого следует, что законодатель наделил начальника органа дознания довольно широкими полномочиями по отношению к дознавателю и расследованию уголовных дел в форме дознания в целом. Эффективность таких полномочий вызывает сомнение, поскольку они полностью дублируют полномочия начальника подразделения дознания. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности такого участия уголовного судопроизводства, как начальник подразделения дознания. Полагаем, что необходимо рационально перераспределить полномочия, связанные с расследованием уголовных дел в форме дознания, между начальником органа дознания и начальником подразделения дознания и даже прокурором.

1. Гладышева О.В. *Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве*. М., 2012.

2. Семенцов В.А., Науменко О.А. *Проблемы совершенствования дознания как формы предварительного расследования // Общество и право*. 2011. № 4.

3. Дядченко А.А. *Начальник органа внутренних дел – начальник органа дознания или административный руководитель? // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России*. 2006. № 2.

4. Валькова Т.В. *Неопределенность процессуального статуса начальника органа дознания как одна из причин коррупционных преступлений // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого Н.С. Алексеева*. 2014.

5. Безрядин В.И. *О некоторых проблемах прокурорского надзора и процессуального контроля начальника органа (подразделения) дознания в досудебном производстве // Вестн. Орловск. гос. ун-та*. 2015. № 2(43).

6. Герасенков В.М. *Теоретические аспекты процессуального статуса дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания: актуальные вопросы и проблемы правоприменения // Вестн. Брянск. гос. ун-та*. 2015. № 3.

7. Науменко О.А. *Обеспечение прав личности при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2015.

1. Gladysheva O.V. *Theoretical bases of providing legitimate interests of the personality in criminal trial*. Moscow, 2012.

2. Sementsov V.A., Naumenko O.A. *Problems of inquiry enhancement problems as form of preliminary inquiry // Society and law*. 2011. № 4.

3. Dyadchenko A.A. *The chief of law-enforcement body – the chief of body of inquiry or the executive head? // Bull. of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2006. № 2.

4. Valkova T.V. *Uncertainty of the procedural status of the chief of body of inquiry as one of the reasons of corruption crimes // Interaction of public authorities in case of investigation of crimes of corruption orientation: problems and ways of their decision: proc. of intern. sci.-pract. conf., to the 100 anniversary since the birth of the outstanding Russian scientist N.S. Alekseev*. 2014.

5. Bezryadin V.I. *About some problems of public prosecutor's supervision and procedural control of the chief of body (division) of inquiry in pre-judicial production // Bull. of Orel state university*. 2015. № 2(43).

6. Gerasenkov V.M. *Theoretical aspects of the procedural status of the investigator, chief of division of inquiry, chief of body of inquiry: topical issues and problems of law enforcement // Bull. of Bryansk state university*. 2015. № 3.

7. Naumenko O.A. *Providing the rights of the personality in case of inquiry production: diss. ... Master of Law*. Moscow, 2015.

Рудич Валерий Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Уральского института экономики, управления и права
(e-mail: ruvv66@bk.ru)

Позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о конституционности положений уголовно-процессуального законодательства относительно исключений из общего порядка применения меры пресечения в виде заключения под стражу

В статье анализируются положения уголовно-процессуального законодательства относительно исключений из общего порядка применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Автор исследует решения Конституционного Суда РФ по данному вопросу уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, сфера предпринимательской деятельности.

V.V. Rudic, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Ural Institute of Economics, Management and Law; e-mail: ruvv66@bk.ru

The positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the constitutionality of provisions of the criminal procedure legislation concerning exceptions to the general application of a preventive measure in the form of detention

The article analyzes the provisions of the criminal procedure legislation concerning exceptions to the general application of a preventive measure in the form of detention. The author analyzes the Russian Federation Constitutional Court's existing position on the issue.

Key words: preventive measures, detention, scope of business.

Согласно действующей редакции ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2 УК РФ при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ: если обвиняемый, подозреваемый имеет постоянное место жительства на территории Российской Федерации, его личность установлена, им не нарушена ранее избранная мера пресечения, он не скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

С момента действия данной нормы высказывались сомнения в конституционности правовых положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ [1; 2].

Однако конституционность изъятия из общего порядка избрания меры пресечения в пользу отдельной категории лиц, подпадающих под определение «предприниматель», была подтверждена в ряде решений Конституционного Суда России. Рассмотрим ключевые из этих решений, позволяющих понять логику законодателя и конституционно-правовой смысл нормы, содержащейся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

В одном из своих первых решений по данному вопросу Конституционный Суд РФ определил следующее: «Статьи 97 и 99 УПК Российской Федерации, определяющие общие для всех мер пресечения основания для их избрания и обстоятельства, учитываемые при таком избрании, не могут рассматриваться как позволяющие дознавателю, следователю или суду игнорировать условия назначения конкретной меры пресечения, закрепленные специальными нормами этого Кодекса, в том числе частью

первой. 1 статьи 108, устанавливающей, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159, 160 и 165 УК Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности» [3].

Определение от 25 января 2012 г. № 28-О-О [4] было принято Конституционным Судом РФ по жалобе гражданина Е.И. Муругова, который оспаривал конституционность ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ в связи с тем, что, по мнению заявителя, эта норма противоречит ст. 19 (ч. 1 и ч. 2) и 34 (ч. 1) Конституции России, поскольку по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, допускает применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении не имеющего статуса индивидуального предпринимателя руководителя филиала банка, созданного в форме акционерного общества. Рассмотрев эту жалобу, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что оспариваемая норма не содержит неопределенности и не может рассматриваться как препятствующая действию запрета на применение (путем избрания или продления) меры пресечения в виде заключения под стражу к лицу, обвиняемому в совершении в сфере предпринимательской деятельности преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Вопрос же о том, относится ли деяние, в совершении которого обвиняется заявитель, к сфере предпринимательской деятельности, требует оценки фактических обстоятельств его дела и в компетенцию Конституционного Суда РФ, как она определена ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не входит.

Аналогичную по содержанию позицию Конституционный Суд РФ сформулировал в своем определении от 24 сентября 2012 г. № 1521-О [5]. Поводом для принятия этого решения стала жалоба гражданина Н.В. Петрова, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Податель жалобы оспаривал конституционность ст. 99 «Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения», ст. 100 «Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого», ч. 1.1, 6 и 7 ст. 108 «Заключение под стражу» УПК РФ. По мнению заявителя, данные нормы не соответствуют ст. 15 (ч. 3 и 4), ст. 17 (ч. 1), ст. 18, ст. 19 (ч. 1), ст. 22, ст. 24 (ч. 2), ст. 45, ст. 46 (ч. 1), ст. 48 (ч. 1), ст. 49, ст. 50 (ч. 2), ст. 51 (ч. 2) и ст. 55 (ч. 1) Конституции РФ, поскольку допускают заключение под стражу лица, подозреваемого в совершении мошенничества в сфе-

ре предпринимательской деятельности, но без регистрации в качестве предпринимателя, вопреки предоставленным стороной защиты гарантиям явки в суд, в том числе в виде залога.

Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что положения УПК РФ, определяющие общие основания для избрания мер пресечения, в том числе в отношении подозреваемого, а также обстоятельства, учитываемые при таком избрании, не могут рассматриваться как позволяющие дознавателю, следователю или суду игнорировать условия назначения конкретной меры пресечения, закрепленные специальными нормами УПК РФ. К таким нормам относится и ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, устанавливающая, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159, 160 и 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности (определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 250-О-О). Преступления, предусмотренные ст. 159, 160 и 165 УК РФ, считаются совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они произведены лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в предпринимательской деятельности, и эти преступления непосредственно связаны с такой деятельностью. При решении вопроса о том, является ли деятельность предпринимательской, следует руководствоваться п. 1 ст. 2 ГК РФ, в соответствии с которым предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 28-О-О, п. 4.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»). Соответственно, заключил Конституционный Суд РФ, ст. 99, ст. 100 и ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, равно как и ч. 6 и 7 ст. 108 УПК РФ, устанавливающие порядок рассмотрения ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу и виды принимаемых решений, не содержат неопределенности и не могут расцениваться как нарушающие права заявителя в указанном им аспекте [5].

В своем решении, принятом по жалобе гражданина Я.В. Краснощекова [6], в отношении которого применялась мера пресечения в виде заключения под стражу и который просил признать не соответствующей ст. 17 (ч. 1), ст. 19 (ч. 1), ст. 21 (ч. 1), ст. 45 (ч. 1), ст. 46, ст. 52 и ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, поскольку содержащееся в оспариваемой норме условие – совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности – является неопределенным и не позволяет распространить действие этой нормы на лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономики, Конституционный Суд РФ сформулировал такую позицию: «Предусмотренная частью первой.1 статьи 108 УПК Российской Федерации специальная уголовно-процессуальная норма является дополнительной гарантией конституционного права на свободу и личную неприкосновенность (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2011 г. № 250-О-О). При этом преступления, предусмотренные статьями 159, 160 и 165 УК Российской Федерации, считаются совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в предпринимательской деятельности, и эти преступления непосредственно связаны с такой деятельностью. При решении вопроса о том, является ли деятельность предпринимательской, следует руководствоваться пунктом 1 статьи 2 ГК Российской Федерации, в соответствии с которым предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2012 года № 28-О-О и от 24 сентября 2012 года № 1521-О, пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 “О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога”). Таким образом, оспариваемая норма не содержит неопределенности и не может расцениваться как нарушающая права заявителя в указанном им аспекте» [6].

В окончательном виде позицию Конституционного Суда по данной проблематике следует считать сформировавшейся в определении от 23 апреля 2015 г. № 839-О [7]. В данном решении Конституционный Суд РФ пришел к выво-

ду, что специальная уголовно-процессуальная норма, содержащаяся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, является дополнительной гарантией конституционного права на свободу и личную неприкосновенность (определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 250-О-О). При этом преступления, предусмотренные ст. 159–159.6, 160 и 165 УК РФ, считаются совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в предпринимательской деятельности, и эти преступления непосредственно связаны с такой деятельностью (определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2637-О). Вместе с тем, при решении вопроса о том, является ли деятельность предпринимательской, следует руководствоваться п. 1 ст. 2 ГК РФ, в соответствии с которым предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (определения Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 28-О-О и от 24 сентября 2012 г. № 1521-О, п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»). Таким образом, оспариваемая норма не содержит неопределенности и не может расцениваться как нарушающая права заявителя в указанном им аспекте. Кроме того, закрепленный положениями гл. 52 УПК РФ особый, усложненный процессуальный порядок возбуждения уголовных дел и производства по ним в отношении отдельных категорий лиц, включая адвокатов, предоставляет для них дополнительные процессуальные гарантии, которые, не исключая уголовную ответственность за совершенные преступления, посредством определенного усложнения процедур привлечения к ответственности обеспечивают их защиту при осуществлении профессиональных обязанностей (определения Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 281-О, от 24 января 2008 г. № 58-О-О, от 19 мая 2009 г. № 843-О-О, от 21 апреля 2011 г. № 593-О-О, от 17 июля 2014 г. № 1632-О и др.).

Итак, Конституционный Суд России вполне ожидаемо подтвердил конституционность запрета на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей.

1. Александров А.С. Проблемы применения ареста в отношении предпринимателей // Уголовный процесс. 2011. № 1. С. 62–69.

2. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. 2013. № 1(6). С. 5–20.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ибрагимов Гюлюоглана Ханоглан оглы на нарушение его конституционных прав статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 февр. 2011 г. № 250-О-О. Официально опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2016).

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Муругова Евгения Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 янв. 2012 г. № 28-О-О. Официально опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2016).

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав статьями 99, 100, частями первой, 1, шестой и седьмой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 сент. 2012 г. № 1521-О. Официально опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2016).

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Краснощекова Ярослава Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой, 1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20 нояб. 2014 г. № 2637-О. Официально опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2016).

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трофимова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой, 1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 23 апр. 2015 г. № 839-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2016).

1. Alexandrov A.S. Problems of application of arrest concerning businessmen // Criminal trial. 2011. № 1. P. 62–69.

2. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. New criminal policy in the sphere of counteraction of economic and tax crime: there are questions // Library of the criminalist. 2013. № 1(6). P. 5–20.

3. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Ibragimov Gyulyoglan Hanoglan Oglou on violation of his constitutional rights with articles 97 and 99 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Febr. 24, 2011. № 250-O-O. Hasn't been officially published. Acces from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 12.03.2016).

4. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Murugov Evgeny Ivanovich on violation of his constitutional rights with part one of article 108 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Jan. 25, 2012. Hasn't been officially published. Acces from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 12.03.2016).

5. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Petrov Nikolay Vasilyevich on violation of his constitutional rights with articles 99, 100, parts the first, 1, the sixth and seventh of article 108 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Sept. 24, 2012 № 1521-O. Hasn't been officially published. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 12.03.2016).

6. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Krasnoshchekov Yaroslav Vladimirovich on violation of his constitutional rights with part the first, 1 of article 108 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Nov. 20, 2014 № 2637-O. Hasn't been officially published. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 12.03.2016).

7. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Trofimov Andrey Viktorovich on violation of his constitutional rights with part the first, 1 of article 108 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Apr. 23, 2015 № 839-O. Hasn't been officially published. Acces from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 12.03.2016).

Сидоренко Мария Васильевна

кандидат юридических наук,
консультант Московского института
государственного управления и права
(e-mail: prorectormvs@yandex.ru)

Правовая определенность системы российского уголовно-процессуального права: методическая константа проблемы (часть 1)

Автор анализирует систему подходов российской уголовно-процессуальной доктрины относительно перечня и иерархии источников российского уголовно-процессуального права с целью констатации реальной определенности этой системы как для сугубо методических целей, так и для разрешений коллизий практической правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: источники права, законы, иерархия и конкуренция норм, коллизии практического применения права.

M.V. Sidorenko, Master of Law, Advisor of the Moscow Institute of Public Administration and Law;
e-mail: prorectormvs@yandex.ru

Legal certainty of the Russian system of criminal procedure: constant methodological problems (part 1)

The author analyzes the approaches of the Russian system of criminal procedure doctrine of the list and the hierarchy of sources of Russian criminal procedural law, for the purpose of ascertaining the real definition of this system, for purely methodological purposes, and for the resolution of collisions practical enforcement.

Key words: sources of law, laws, hierarchy and competition of rules, conflict of practical application of the law.

На первый взгляд, задача точного определения системы источников российского уголовно-процессуального права не представляет особой проблемы ни для уголовно-процессуальной доктрины, ни в плане практического правоприменения, ни в сугубо методическом плане. Практически каждый исследователь считает необходимым указать, что в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ уголовное судопроизводство отнесено к ведению федерального законодателя; соответственно, эта отрасль государственной деятельности регулируется исключительно федеральными законами, приоритет среди которых, естественно, отдан Уголовно-процессуальному кодексу РФ как нормативному акту кодифицированного характера. Затем не менее обязательно следует оговорка о том, что главенствующее значение в системе источников российского права занимает Конституция РФ, с традиционными акцентами на тех ее положениях, которые говорят о высшей юридической силе норм этого акта, их прямом и непосредственном действии (ч. 1 ст. 15).

Далее единство подходов и мнений, как правило, заканчивается, причем как в плане опре-

деления возможных источников этой отрасли права, так и выстраивания точной их иерархии в текущем правовом регулировании. Между тем, стабильность в правовом регулировании и правовая определенность в целом, как желаемый результат, а priori предполагают порядок, при котором изначально точно определены как легитимные средства правового регулирования, так и их иерархия, позволяющие однозначно решать вопросы коллизии или явной конкуренции норм.

Учитывая значение указанных факторов для обеспечения режима правовой определенности, доктрина, казалось бы, давно должна была определиться в этих вопросах, однозначно установив перечень и иерархию источников права, предложив алгоритмы разрешения темпоральной, пространственной или содержательной коллизии норм, которая нередко является себя в процессе функционирования уголовного судопроизводства России. Однако на деле доктрина лишь намечает подходы в этих моментах, являя все многообразие возможных суждений и мнений применительно к каждому из поставленных на обсуждение вопросов. Объективным свидетельством тому служит

анализ методических, по сути, изданий, призванных дать обучаемым первое и ясное представление о системе российского права, иерархии его источников, механизме регулирующего воздействия на общественные отношения.

Обратимся к хрестоматийному изданию, которое давно и по праву признано в качестве методического императива для начинающих аспирантов, молодых преподавателей и отчасти маститых ученых. Мы имеем в виду «Очерк развития науки советского уголовного процесса» (1985) [1].

Никак не в упрек авторам этой фундаментальной работы отметим, что в разделе, посвященном проблемам российского (вернее – «советского») уголовно-процессуального права, нет обращения ни к проблеме источников данной отрасли права, ни к их иерархии, ни к возможным коллизиям норм. Конвенционально мы готовы, конечно, признать, что за период, охваченный этим изданием, указанные проблемы в принципе не объективировали себя, что отчасти исключало потребность в их обсуждении. Однако к моменту принятия нового Уголовно-процессуального кодекса России они же, как представляется, достаточно явно обозначили себя как в области российской уголовно-процессуальной доктрины, так и в сфере практического применения права. Соответственно, уже к началу 2000-х гг. доктриной закономерно и веско была озвучена потребность разработки и принятия единого закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», призванного, в том числе, к комплексному решению указанных дискуссионных вопросов [2].

Увы, но при полном отсутствии оного мы просто вынуждены обратиться к анализу ведущих учебников дисциплины «Уголовно-процессуальное право», в том числе рекомендованных в качестве эталона для системы юридических вузов Министерством образования и науки РФ. Конвенционально целью исследования была объективирована потребность в уяснении реального видения исследуемой проблемы наиболее квалифицированной частью юридического сообщества Российской Федерации. В той же мере являл себя интерес к осмыслению векторов разрешения озвученных выше проблем ведущими юристами России, для начала хотя бы в методическом плане. Обращение, на наш взгляд, оказалось весьма интересным.

В учебнике «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» под общей редакцией профессора П.А. Лупинской (2003) система источников российского уголовно-процессу-

ального права представлена следующим образом [3]. Характеризуя законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства России, П.А. Лупинская, прежде всего, исследует Конституцию РФ. Затем обращается к анализу УПК РФ (2001), особо акцентируя внимание на том, что «законы РФ, устанавливающие правила производства по уголовным делам и принятые после принятия УПК РФ, должны включаться в УПК путем изменения, дополнения его норм или в виде самостоятельных глав, разделов УПК» [3, с. 35]. Тем самым автор, по сути, определяется в правилах разрешения темпоральной или содержательной коллизии норм УПК РФ и иных федеральных законов, отстаивая в итоге безусловный приоритет в регулировании единого и кодифицированного уголовно-процессуального закона (УПК РФ).

На этой же странице отмечается, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; акцентируется приоритет международного договора перед нормами УПК РФ. Что следует понимать под общепризнанными принципами или нормами международного правового характера как источниками российского уголовно-процессуального права, автор, отметим, не поясняет. Не указывается также, какое именно место указанные акты и нормы занимают в иерархии источников исследуемой отрасли права.

Трудно переоценить, отмечает автор, и роль Конституционного Суда РФ в приведении уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Конституцией РФ. При этом, однако, правовая сущность указанных актов в работе не анализируется, не указывается и иерархическое «место» таких актов в системе российского уголовно-процессуального права. Нет также указаний на способ разрешения коллизий между предписаниями собственно норм УПК РФ и актов конституционного правосудия.

В заключение автор указывает на важное значение для законотворческой и правоприменительной деятельности постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, возникающим в судебной практике [3, с. 36]. Следует ли считать указанные разъяснения источником исследуемой отрасли права и каким именно в иерархии форм выражения права, автор не поясняет. В итоге применительно к данной системе более или менее понятна лишь роль Конституции РФ, международных договоров, УПК РФ; отчасти иных федеральных законов, содержащих процессуальные нормы.

Несколько более строго система источников исследуемой отрасли права изложена в учебнике под научной редакцией профессора В.Т. Томина (2003) [4]. Прежде всего, система конвенционально дифференцирована на три относительно самостоятельные группы: 1) общепризнанные принципы и нормы международного права; 2) законы Российской Федерации; 3) подзаконные нормативные акты. Раскрывается и содержание каждой подгруппы.

Применительно к первой подгруппе автор главы, апеллируя, в том числе, к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 [5] и от 10 октября 2003 г. № 5 [6], определяется в сути актов, в нормах которых закреплены общепризнанные принципы и нормы международного права. Называя среди последних Всеобщую декларацию прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), исследователь акцентирует, что эти акты приняты Генеральной Ассамблеей ООН, ратифицированы или одобрены подавляющим числом государств – членом мирового сообщества; отсюда их общепризнанный и руководящий характер.

Вторая группа источников (законы Российской Федерации) иерархически выстроена системой следующих актов: Конституция РФ, федеральные конституционные законы; международные договоры, федеральные законы (УПК РФ как основополагающий и кодифицированный нормативный акт и иные федеральные законы, содержащие нормы уголовно-процессуального характера); постановления Конституционного Суда РФ; законы субъектов РФ.

Третья подгруппа включает в себя нормативные указы Президента РФ (по вопросам уголовно-процессуального права); постановления Правительства РФ; постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ (об амнистии).

Анализируя полномочия Пленума Верховного Суда РФ по даче разъяснений по наиболее сложным и коллизионным вопросам судебной практики, Н.Н. Ковтун конвенционально признает, что по факту и эти акты следует считать источниками современного уголовно-процессуального права России. И, напротив, он же категорически отрицает нормативное значение для уголовного судопроизводства России ведомственных нормативных актов [4, с. 67, 68].

В курсе лекций «Уголовный процесс. Общая часть», подготовленном Л.В. Яковлевой и И.Р. Харченко (2006), система российского уголовно-процессуального права в качестве

отдельных форм выражения права не дифференцирована и содержательно характеризуется следующим образом. Прежде всего, авторы резюмируют, что именно уголовно-процессуальный закон является основным источником уголовно-процессуального права. Еще через несколько страниц авторы «характеризуют» Конституцию РФ, одновременно констатируя, что именно «...она является нормативным актом всех отраслей права и при этом находится во главе источников права каждой отрасли, а УПК является нормативным центром (ядром) в системе законов – источников уголовно-процессуального права. Другие законы как бы окружают его с разных сторон и уровней в зависимости от юридической силы и степени регулирования ими уголовно-процессуальных отношений» [7, с. 37].

Поскольку далее не приводится ни структуры данной системы, ни «орбит», на которых определено «место» иным федеральным законам, остается только гадать, во-первых, о том, где «находится» Конституция РФ: непосредственно над этой системой, рядом с «ядром» или на максимальном удалении от последнего? Во-вторых, о том, есть ли место на тех же «орбитах» для общепризнанных принципов и норм международного права, актов конституционного правосудия, международных договоров?

Более выдержанными и содержательными видятся позиции авторов учебника «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» под общей редакцией профессора Ю.К. Якимовича (2007) [8], которые, прежде всего, пишут о том, что «нормы УПК РФ не содержат перечня источников уголовно-процессуального права и не устанавливают их четкой иерархии. Поэтому их необходимо анализировать с учетом положений Конституции РФ, а также постановлений и определений Конституционного Суда РФ» [8, с. 32–33]. В соответствии с этим исходным посылом иерархия источников исследуемой отрасли права определена следующим образом: 1) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры; 2) Конституция РФ; 3) федеральные конституционные законы; 4) законы РФ (УПК РФ и иные федеральные законы) [8, с. 33–37].

Авторы категорически отрицают отнесение к источникам российского уголовно-процессуального права законов субъектов Российской Федерации. Не столь последовательны их позиции относительно подзаконных нормативных актов. С одной стороны, на странице 39 учебника Ю.К. Якимович и Т.В. Трубникова

утверждают, что «...по общему правилу нормы уголовно-процессуального права не могут содержаться ни в указах Президента РФ, ни в постановлениях Правительства РФ, ни тем более в ведомственных нормативных актах Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ и др. спецслужб». С другой стороны, буквально в следующем абзаце, суммируя систему источников российского уголовно-процессуального права, они же включают в эту систему «...подзаконные нормативные акты, если необходимость их принятия прямо предусмотрена УПК РФ» [8, с. 39]. Указанная необходимость, напомним, прямо и предусмотрена. К примеру, в нормах ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 106, ч. 10 ст. 107 УПК РФ.

Остановимся и на содержательной характеристике источников каждой подгруппы. Применительно к первой подгруппе Ю.К. Якимович и Т.В. Трубникова отмечают, что «...не вполне ясно, что входит в систему «общепризнанных принципов и норм международного права». Соответственно, им представляется, что в каждом конкретном случае решить вопрос о том, является ли определенный принцип или норма международного права «общепризнанными» или нет, может лишь Конституционный Суд РФ [8, с. 33]. Суждение, как минимум, интересно, однако возникают вопросы. Во-первых, насколько отмеченное отнесено к ведению Конституционного Суда РФ? Во-вторых, и с правовой, и с морально-этической точки зрения несколько сомнителен посыл, согласно которому перечень общепризнанных принципов и норм международного права (в целом для мирового сообщества) должен определять именно российский орган конституционного правосудия.

Неправомерно, как представляется, приведение в едином синонимическом ряду международных договоров – источников права – таких актов, как Всеобщая декларация прав человека (1948); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и Европейская конвенция о защите прав и человека и основных свобод (1950). Первые два, согласимся, общепризнанные нормы международного права. Они же содержат ряд общепризнанных принципов международного правового характера. Последний – так же международный договор, но нормативный акт регионального («европейского») характера, в принципе не обязательный для иных членов мирового сообщества. Соответственно, у указанных актов, как представляется, разные «место» и роль в иерархии источников права.

С методических позиций оставлен без ответа также вопрос о конкуренции в правовом регулировании норм Европейской конвенции и непосредственно Конституции РФ. Суждение авторов, согласно которому «...в случае противоречия норм, содержащихся в Конвенции, нормам, установленным во внутреннем уголовно-процессуальном законодательстве РФ, применению подлежат нормы Конвенции» [8, с. 35], как минимум, не отвечает на два принципиальных вопроса. Во-первых, включает ли внутреннее законодательство Российской Федерации процессуальные нормы непосредственно Конституции? Или нормы данного акта не могут быть отнесены к указанной группе? Во-вторых, кто именно должен резюмировать факт, что внутреннее законодательство России и нормы Европейской конвенции оказались в состоянии недопустимой коллизии? Между тем, правовая определенность в этих моментах, как представляется, нужна изначально.

В учебнике «Уголовный процесс» под общей редакцией профессора А.В. Смирнова (2008) [9] для авторов однозначен исходный методический тезис: «...в соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ единственными законами, которые могут быть источником уголовно-процессуального права, являются Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Конституция Российской Федерации, на которой Кодекс основан» [9, с. 26]. Однако в дальнейшем, в том числе при анализе позиций, высказанных Конституционным Судом РФ в определении от 8 ноября 2005 г. № 439-О (эти же правовые позиции получили развитие в определениях Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 54-О, от 15 мая 2007 г. № 371-О-П), они же признают нормативное значение в правовом регулировании как иных федеральных законов, так и иных нормативных актов.

Далее авторы, одни из немногих, дают довольно скрупулезный анализ общепризнанных принципов и норм международно-правового характера как источников российского уголовно-процессуального права. При этом к числу общепризнанных, наряду с актами, действительно, международного правового характера, отнесены и нормы Европейской конвенции (1950) [9, с. 32–33] – повторимся, акта регионального характера, роль которого в иерархии источников права в системе международных договоров.

Анализируя соотношение норм международного и внутреннего уголовно-процессуального права России, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский признают приоритет первого перед вто-

рым. Однако при этом уходят от ответа на тот же принципиальный вопрос: охватывается ли понятием внутреннего законодательства Конституция РФ? Или этот акт вне конкуренции?

На странице 41 работы авторы резюмируют, что «постановления Конституционного Суда РФ должны считаться самостоятельным источником права, поскольку, по существу, создают судебные прецеденты ...т.е. обоснованные в судебных решениях новые правовые нормы, обязательные в дальнейшем для применения». Содержатся ли аналогичные нормы-прецеденты в определениях высшего органа конституционного правосудия, авторы не поясняют. Между тем, с позиций практического правоприменения ответ на этот вопрос также необходим, тем более что непосредственно по тексту работы авторы приводят ряд определений Конституционного Суда РФ, формирующих в принципе новые нормы для уголовного судопроизводства России.

Напротив, не признаются источниками российского уголовно-процессуального права прецеденты судов общей юрисдикции, в том числе акты высшей судебной инстанции. Судебное толкование Верховного Суда РФ, содержащееся в приговоре (определении, постановлении), по мнению исследователей, является не нормативным, а казуальным, т.е. юридически обязательным только в отношении лиц, участвовавших в деле и в пределах решения суда. По сути, в том же контексте разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, оцениваются как официальное судебное толкование в интересах закона, которое для судей, в силу их независимости, имеет лишь моральное ориентирующее значение [9, с. 43–44].

Интересно представлена система источников российского уголовно-процессуального права и в учебнике «Уголовный процесс», подготовленном С.Б. Россинским (2009) [10]. По мнению исследователя, иерархия этих источников включает в себя: 1) Конституцию РФ; 2) Уголовно-процессуальный кодекс РФ; 3) федеральные законы, регламентирующие отдельные уголовно-процессуальные отношения; 4) федеральные законы, регламентирующие организацию и деятельность судебной системы и правоохранительных органов (применительно к этой группе указаны как собственно

федеральные законы, так и ряд федеральных конституционных законов, например «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г., «О военных судах Российской Федерации» от 23 июня 1999 г. и др.); 5) постановления Правительства РФ; 6) внутриведомственные и межведомственные нормативные правовые акты органов, участвующих в уголовном судопроизводстве; 7) международные договоры Российской Федерации [10, с. 51–55]. Приведен в работе и содержательный анализ данных источников.

Отдельным параграфом рассматривается роль в правовом регулировании постановлений Пленума Верховного Суда РФ, решений Конституционного Суда РФ и Европейского суда. Как полагает исследователь, постановления Пленума – типичная разновидность интерпретационного акта судебной власти, форма официального толкования права; соответственно, эти документы не являются нормативными правовыми актами. Не должны они порождать и новых уголовно-процессуальных норм. Однако буквально в следующей фразе С.Б. Россинский констатирует, что в современных условиях как Пленум Верховного Суда, так и Конституционный Суд, по сути, подменяют собой законодателя. Поэтому суды, органы предварительного расследования и прокуратуры, безусловно, должны учитывать позиции как высшего органа конституционного правосудия, так и пленума [10, с. 59–65]. Аналогично резюмирован вывод «о необходимости изучения и последующего использования правоприменителями основных решений Европейского Суда по правам человека, вынесенных, как в отношении Российской Федерации, так и других стран» [10, с. 68].

Оговоримся: за рамками приведенных тезисов явно остался вопрос о «месте» указанных актов в иерархии источников российского уголовно-процессуального права, что, как уже отмечалось, необходимо для понимания их конкуренции. Не ясна и роль модального оператора «учитывать» в правовом регулировании, ибо «учитывать» можно и на уровне правосознания, не объективируя результат такого «учета» в правовой реальности, и на уровне практического обоснования властных актов применения права.

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. *Очерк развития науки советского уголовного процесса*. Воронеж, 1985.

2. Лукьянова Е.А. *Закон о законах // Законодательство*. 1999. № 11.

3. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская*. М., 2003.

4. *Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин*. М., 2003.

5. *О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»*.

6. *О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»*.

7. Яковлева Л.В., Харченко И.Р. *Уголовный процесс. Общая часть: курс лекций*. Краснодар, 2006.

8. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю.К. Якимович*. СПб., 2007.

9. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. *Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова*. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

10. Россинский С.Б. *Уголовный процесс: учеб.* М., 2009.

1. Alekseev N.S., Dayev V.G., Kokorev L.D. *Sketch of development of science of the Soviet criminal trial*. Voronezh, 1985.

2. Lukyanova E.A. *Law on laws // Legislation*. 1999. № 11.

3. *Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook / resp. ed. P.A. Lupinskaya*. Moscow, 2003.

4. *Criminal trial of Russia: textbook / A.S. Alexandrov, N.N. Kovtun, M.P. Polyakov, S.P. Serebrova; sci. ed. V.T. Tomin*. Moscow, 2003.

5. *About some questions of application by courts of the Constitution of the Russian Federation at justice implementation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Oct. 31, 1995 № 8. Access from legal reference system «ConsultantPlus»*.

6. *About application by courts of law of the conventional principles and rules of international law and international treaties of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Oct. 10, 2003 № 5. Access from legal reference system «ConsultantPlus»*.

7. Yakovleva L.V., Harchenko I.R. *Criminal trial. General part: course of lectures*. Krasnodar, 2006.

8. *Criminal procedure law of the Russian Federation / resp. ed. Yu.K. Yakimovich*. St. Petersburg, 2007.

9. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Criminal trial: textbook / gen. ed. by A.V. Smirnov*. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2008.

10. Rossinsky S.B. *Criminal trial: textbook*. Moscow, 2009.

Евсеенко Вероника Евгеньевна

заместитель начальника отдела правового департамента
администрации Краснодарского края
(e-mail: veronaevs@mail.ru)

Некоторые теоретические проблемы определения тайны в уголовном процессе

В статье рассматривается понятие «сведения, составляющие охраняемую законом тайну», масштабно применяемое в законодательных актах; автор приходит к выводу, что сведения не могут составлять тайну. Предлагается отказаться в УПК РФ и иных законодательных актах от указанной формулировки, заменив ее на «сведения, находящиеся в охраняемом законом режиме» либо «сведения, находящиеся в охраняемой законом тайне».

Ключевые слова: уголовный процесс, охраняемая законом тайна, информация ограниченного доступа, правовые позиции, правовой режим информации.

V.E. Evseenko, Deputy Head of Section of Legal Department of the Administration of Krasnodar Region; e-mail: veronaevs@mail.ru

Some theoretical problems of definition secrets in criminal proceedings

In the article the author considers the concept of «information constituting a secret protected by the law», a scale used in legislative acts and comes to the conclusion that information cannot be a secret. It is proposed to refuse in the Criminal procedure code and other legislative acts from the wording, replacing it with «information that is in the mystery».

Key words: criminal trial, secret protected by law, restricted information, legal position, legal regime of information.

Одним из современных направлений развития уголовно-процессуальной деятельности выступает качественное совершенствование ее информационной составляющей, выполняющей важную роль в повышении эффективности уголовного судопроизводства. На основе полученной информации устанавливаются обстоятельства совершения преступления и иные значимые факты, принимаются процессуальные решения и производятся действия, в том числе и те, что ограничивают права и свободы лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Информация в современном уголовном судопроизводстве становится все более разнообразной и масштабной. Результаты научно-технического прогресса открывают пути к появлению новых информационных источников, позволяют отыскивать значимые сведения в тех сферах, которые ранее были недоступны органам предварительного расследования и суду.

Новый этап совершенствования правового регулирования обращения с информацией начался с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон от 27 июля 2006 г.) [1]. В соответствии со ст. 2 Закона от 27 июля 2006 г. информация – сведения (сооб-

щения, данные) независимо от формы их представления.

В Российской Федерации реализован комплекс мер по совершенствованию правового режима обращения с информацией. Приняты федеральные законы «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», изменены и дополнены отдельные статьи Гражданского кодекса РФ, федеральных законов «О коммерческой тайне», «О банках и банковской деятельности», Указа Президента РФ «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера». Кроме того, развернута работа по созданию механизмов реализации указанных федеральных законов, осуществляется подготовка иных законопроектов, регламентирующих отношения в информационной сфере.

Однако следует констатировать отсутствие единой государственной политики в сфере правового регулирования обращения с информацией вообще и в уголовном судопроизводстве в частности, когда нет четкого понимания

и научно обоснованного представления о сущности охраняемой законом тайны, процессуальных средствах, методах и способах ее обеспечения.

Решение этого вопроса связано с определением общего понятия тайны и на этой основе выработкой понятия отдельных видов тайн, охраняемых законом, в том числе уголовно-процессуальными средствами. В уголовном судопроизводстве с понятием тайны связаны многие процессуальные институты.

Например, суд уполномочен принимать решения о выемке предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Буквальное воспроизведение положения уголовно-процессуального закона позволяет явно представить неадекватность терминологии: в одном случае указывается на выемку предметов и документов, содержащих государственную и иную охраняемую законом тайну, а в другом – предметы и документы, содержащие сведения о вкладах и др. Получается, что в первом варианте предмет или документ содержит не информацию, а определенную тайну, хотя его выемка производится не потому, что следователю нужна тайна, а некая информация, находящаяся в режиме тайны.

Законодатель оперирует следующими конструкциями: «коммерческая тайна – режим конфиденциальности информации» [2], «сведения, составляющие государственную тайну» [3], «сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну» [4], «сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну» [5].

К числу наиболее часто применяемых формулировок относятся «сведения, составляющие» ту либо иную разновидность тайны, которая находится в основе дефиниций врачебной тайны (ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), банковской тайны (п. 2 ст. 857 Гражданского кодекса РФ, Федеральный закон «О банках и банковской деятельности»), аудиторской тайны (п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» [6]).

В отечественной литературе при формулировании понятия «тайна» имеются различные точки зрения. В ряде определений отсутствуют четкие признаки тайны, что, безусловно, затрудняет осуществление правильной правовой оценки и квалификации в случае нарушения охраняемых законом тайн [7].

Следует признать обоснованной позицию М.В. Пермякова, который утверждает, что понятие тайны не сводимо к информации [8, с. 83], и

обосновывает свою точку зрения утверждением об информации как знании, устраняющем неопределенность представления о чем-либо.

Имеет научный интерес и точка зрения Э.Ф. Шамсумовой, утверждающей, что правовой режим – особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий или поведения физических и юридических лиц в различных сферах общественных отношений либо на определенных объектах, включающий в себя установление механизма обеспечения фактической реализации системы стимулов, нормативов, гарантий, запретов, обязываний, ограничений, а также их компетентное исполнение, применение мер принуждения и привлечение виновных к ответственности [9, с. 56].

Приведенные позиции помогают уяснить важное обстоятельство: предметы и документы не могут содержать тайну, они содержат (могут содержать) некие интересующие субъекта уголовно-процессуальных отношений (например, следователя) сведения, информацию. Однако получить информацию можно только в определенном порядке, выполнив предписания по доступу к ней, установленные законом. Поэтому часто употребляемая категория «охраняемая законом тайна» – это не сведения, а правовой режим, т.е. установленный законом (иным правовым актом) порядок доступа к этим сведениям, обращения с ними, включая возможность более или менее широкого их распространения (опубликования).

В уголовном судопроизводстве достаточно часто приходится оперировать категорией «сведения, составляющие тайну» (врачебную, банковскую, коммерческую, личную и др.). Применительно к материалам уголовного дела законодатель избегает употребления формулировки «тайна», указывая лишь на то, что данные предварительного расследования не подлежат разглашению (ст. 161 УПК РФ). Тем самым законодатель установил определенный правовой режим для обращения с данными предварительного расследования, а применяемая формулировка представляется наиболее адекватной сущности регулируемых правоотношений.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости выработки единого терминологического аппарата по вопросу определения тайны в уголовном процессе.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Информация (сведения) не составляет тайны, как это зафиксировано в большинстве нормативных правовых актов, поскольку может находиться в тайне, т.е. в особом правовом режиме.

2. Тайна, охраняемая законом – это особый правовой режим существования и оборота ин-

формации, обеспечиваемый совокупностью законодательных предписаний, устанавливающих специальный порядок доступа, оборота и разглашения информации. Особенностью данного правового режима является наивысший уровень (федеральные законы) правовых предписаний, ограничивающих доступ и оборот соответствующей информации. Этот режим может распространяться только на определенные катего-

рии информации, представляющей особое значение для государства, общества и личности.

3. Следует отказаться в УПК РФ и иных законодательных актах от использования формулировки «сведения, составляющие охраняемую законом тайну», заменив ее на «сведения, находящиеся в охраняемом законом режиме» либо «сведения, находящиеся в охраняемой законом тайне».

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О коммерческой тайне [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О государственной тайне [Электронный ресурс]: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в ред. от 21 дек. 2013 г. № 377-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г. № 441-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об аудиторской деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 дек. 2008 г. № 307-ФЗ (в ред. от 1 дек. 2014 г. № 403-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Мазуров В.А. Тайна: государственная, коммерческая, банковская, частной жизни. Уголовно-правовая защита: учеб. пособие. М., 2003.

8. Пермяков М.В. Категория «тайна» в системе правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

9. Шамсумова Э.Ф. Категория «правовой режим» в юриспруденции. Екатеринбург, 2003.

1. About information, information technologies and protection of information [Electronic resource]: fed. law d.d. July 27, 2006 № 149-FL (as amended on July 13, 2015 № 264-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Trade secrets [Electronic resource]: fed. law d.d. July 29, 2004 № 98-FL (as amended on March 12, 2014 № 35-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. On state secrets [Electronic resource]: law of the Russian Federation d.d. July 21, 1993 № 5485-1 (as amended on Dec. 21, 2013 № 377-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Criminal code of the Russian Federation [Electronic resource]: fed. law d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on March 30, 2015 № 67-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

5. Criminal procedure code of the Russian Federation [Electronic resource]: fed. law d.d. Dec. 18, 2001 № 174-FL (as amended on Dec. 30, 2015 № 441-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. On audit activity [Electronic resource]: fed. law d.d. Dec. 30, 2008 № 307-FL (as amended on Dec. 1, 2014 № 403-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. Mazurov V.A. Secret: the state, commercial, banking, privacy. Criminal law protection: study aid. Moscow, 2003.

8. Permyakov M.V. Category of «mystery» in the system of legal regulation: diss. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2006.

9. Shamsymova E.F. Category «legal regime» in jurisprudence. Yekaterinburg, 2003.

Каримова Светлана Салаватовна
адъюнкт кафедры организации расследования преступлений
и судебных экспертиз
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России
(e-mail: sv.carimova@yandex.ru)

Денежное взыскание как иная мера уголовно-процессуального принуждения

В статье рассматриваются основания и условия применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения денежного взыскания.

Ключевые слова: иные меры уголовно-процессуального принуждения, денежное взыскание, потерпевший, свидетель, уголовный процесс, предварительное расследование.

S.S. Karimova, Adjunct of the Chair of Organization of Investigation of Crimes and Judicial Examinations of the Tyumen Institute of Professional Development of Staff of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sv.carimova@yandex.ru

Monetary collecting as other measure of criminal procedure coercion

In article the bases and conditions of application of a measure of criminal procedure coercion in the form of imposing of monetary collecting are considered.

Key words: other measures of criminal procedure coercion, monetary collecting, victim, witness, criminal trial, preliminary investigation.

Уголовно-процессуальное принуждение является составной частью государственного принуждения. Применение принуждения в уголовном процессе допустимо при наличии предусмотренных УПК РФ оснований. Такими основаниями являются, прежде всего, процессуальные обязанности участников уголовного судопроизводства. Однако нередки ситуации, когда участники уголовного процесса не выполняют возложенные на них процессуальные обязанности, препятствуют расследованию уголовного дела. В целях пресечения таких ситуаций орган, осуществляющий уголовное производство, имеет право применить к участнику уголовного процесса меры принуждения. Одной из мер уголовно-процессуального принуждения является наложение денежного взыскания.

Денежное взыскание представляет собой иную меру уголовно-процессуального принуждения, состоящую в наложении обязательства по уплате определенной судом денежной суммы на участников уголовного судопроизводства за невыполнение возложенных на них обязанностей, в том числе за нарушение порядка в судебном заседании [1, с. 61].

Денежное взыскание может быть наложено на участников уголовного судопроизводства по факту неисполнения ими процессуальных обязанностей либо в случае нарушения ими порядка в судебном заседании. В связи с этим можно отметить, что указанная мера процессуального принуждения применяется в отношении максимально широкого (по сравнению со

всеми остальными мерами процессуального принуждения) круга лиц. Принудительный характер денежного взыскания обусловлен его материальными последствиями для субъекта, в отношении которого принято решение о его наложении. Одновременно можно отметить карательно-восстановительный характер рассматриваемой меры процессуального принуждения (налагается в связи с совершением противоправных действий, нарушающих установленный порядок производства по уголовному делу или выражающих неуважение к суду).

Денежное взыскание рассматривается учеными как мера уголовно-процессуальной ответственности [2, с. 6–7], имеющая дуалистическую административно-правовую и уголовно-процессуальную природу [3, с. 178]. При этом справедливо отмечается необходимость четкого отграничения административных штрафов, налагаемых за совершение правонарушений в сфере отправления правосудия, от мер процессуального принуждения, применяемых в связи с производством по конкретному уголовному делу. Эта позиция основана на историческом опыте комплексного применения денежного взыскания при назначении наказания по уголовному делу: и в виде штрафа, и в качестве компенсации вреда, причиненного потерпевшему [4]. Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением о том, что денежное взыскание является мерой уголовно-процессуального принуждения, которая направлена на обеспечение возмещения вреда, причиненного

нарушением процессуальных обязанностей [5, с. 22]. В этом заставляет усомниться и невысокий размер денежного взыскания, и установление в ст. 118 УПК РФ родственного процессуального порядка для наложения денежного взыскания и обращения залога в доход государства. Кроме того, виновные действия, за совершение которых предусмотрено наложение денежного взыскания, имеют по своей конструкции формальный состав, не требующий наступления последствий в виде реального причинения вреда.

Денежное взыскание может быть определено как мера процессуального принуждения, применяемая в целях воздействия на нарушителя порядка в судебном заседании или в целях понуждения лица к добросовестному исполнению процессуальных обязанностей. Вследствие этого вызывает критику подход, согласно которому признается наличие в уголовном процессе России специальных видов денежных взысканий, налагаемых в различных случаях, в системе которых ст. 117 УПК РФ играет роль специальной нормы [6, с. 82]. Напротив, положения ст. 117 УПК РФ носят общий характер, определяя две группы ситуаций, в которых оно может применяться как мера процессуального принуждения. Его наложение на поручителя в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 103 УПК РФ, или на лицо, которое ненадлежащим образом осуществляло присмотр за несовершеннолетним (ч. 3 ст. 105 УПК РФ), является последствием неисполнения ими возложенных на них процессуальных обязанностей. При этом и в ст. 103, и в ст. 105 УПК РФ законодатель использовал конструкцию «обязательство», из которой и могут быть выведены обязанности участника уголовно-процессуальных отношений, неисполнение которых влечет наложение денежного взыскания.

Кроме того, денежное взыскание применяется в случаях, во многом сходных с теми, которые могут повлечь административную или уголовную ответственность. Так, ст. 17.3 КоАП РФ устанавливает ответственность за неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов. При этом в диспозиции ч. 1 ст. 17.3 КоАП РФ прямо указано на то, что законное распоряжение, не исполненное субъектом, требует от него прекращения действий, нарушающих установленные в суде правила поведения. Однако они могут совершаться и не во время судебного заседания, вследствие чего применение денежного взыскания в порядке, предусмотренном ст. 118 УПК РФ, становится невозможным. Например, постановлением мирового судьи гражданин, пытавшийся пройти в зал судебного заседания в нетрезвом состоянии, признан виновным в совершении административного правонарушения, пред-

усмотренного ст. 17.3 КоАП РФ [7]. Аналогичные решения вынесены в ситуациях, когда граждане громко разговаривали в здании суда [8] или выражались нецензурно [9]. При этом тематические обзоры, подготовленные по результатам обобщения судебной практики по ст. 17.3 КоАП РФ, свидетельствуют о сложившемся у судей подходе, согласно которому указанный состав применяется в ситуациях, когда правонарушение совершено вне судебного заседания [10]. Хотя частично это опровергается практикой применения ч. 1 ст. 17.3 КоАП РФ, например, в случаях, когда нетрезвый гражданин препятствует началу судебного заседания, уже находясь в зале суда [11]. В свою очередь, ст. 297 УК РФ предусматривает ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства, т.е. в унижении их чести и достоинства. Например, приговором суда по ч. 1 ст. 297 УК РФ осужден гражданин, обвинявшийся в приговорении к сбыту наркотических средств, который в ходе судебного заседания нанес оскорбление одному из свидетелей обвинения. В частности, употребил в адрес свидетеля оскорбительные и нецензурные высказывания, являющиеся неприличной формой выражения, употребление которых нарушает общепринятые нормы речевой культуры, унижив тем самым его честь и достоинство и проявив неуважение к суду [12]. В отличие от ситуаций, связанных с наложением денежного взыскания, в данном случае имеет место совершение самостоятельного преступления, характеризующегося специфическими объективными и субъективными признаками, вследствие чего становится необходимым возбуждение отдельного уголовного дела.

Таким образом, деяния, предусмотренные ст. 17.3 КоАП РФ, ст. 297 УК РФ, являются более опасными формами противоправного поведения и требуют осуществления отдельного производства с установлением всех обстоятельств совершения правонарушения или преступления. В свою очередь, денежное взыскание в понимании ст. 117 УПК РФ налагается по факту совершения действий, нарушающих порядок в судебном заседании или связанных с неисполнением процессуальных обязанностей, которые совершены при очевидных обстоятельствах и не требуют дополнительных процедур для установления виновности лица в их совершении. В связи с этим вопрос о наложении денежного взыскания может быть разрешен в порядке, предусмотренном ст. 118 УПК РФ, в рамках производства по уголовному делу на основании протокола, составленного следователем или дознавателем, либо на основании постановления судьи.

Основаниями наложения денежного взыскания следует признать фактические данные,

зафиксированные в протоколе судебного заседания или в протоколе, составленном следователем, дознавателем в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 118 УПК РФ, достоверно указывающие на совершение лицом нарушения процессуальных обязанностей или нарушения порядка в судебном заседании. Анализ этих фактических данных, с одной стороны, позволяет применить денежное взыскание, а с другой – сделать вывод об отсутствии в действиях лица признаков административного правонарушения или преступления, подлежащих установлению в рамках отдельного производства. Денежное взыскание может быть наложено только судом, что позволяет говорить об исключительном характере этой меры процессуального принуждения. Следователь или дознаватель лишь создают условия для наложения денежного взыскания, выявляя основания для этого и фиксируя их в установленной законом форме.

Между тем наложение денежного взыскания во внесудебном порядке широко известно российскому законодательству об административных правонарушениях. Так, в гл. 23 КоАП РФ названо более 80 федеральных органов исполнительной власти, должностные лица которых уполномочены на осуществление производства по делам об административных правонарушениях. Действовавший до 2003 г. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 5238-1 «О федеральных органах налоговой полиции» содержал особый вид административного правонарушения – противодействие деятельности органов налоговой полиции, выражавшееся, в частности, в неявке официально извещенного лица по вызову. Для установления ответственности использовалась оригинальная юридическая конструкция: п. 8 ст. 11 закона предоставлял сотрудникам налоговой полиции право вызывать для дачи объяснений граждан Российской Федерации, иностранцев и лиц без гражданства по вопросам, относящимся к компетенции налоговой полиции. Неявка в установленный срок признавалась нарушением и влекла штраф в размере до 100 минимальных размеров оплаты труда, который мог быть наложен по постановлению должностного лица налоговой полиции (начальника органа налоговой полиции или его заместителя). При этом, исходя из положений административного законодательства, только наказания, связанные с ограничением конституционных прав граждан или лишением специального права, назначаются судом, а административный штраф может быть наложен и во внесудебном порядке. Ученые обосновывают это с точки зрения соразмерности ограничения конституционных прав граждан в целях привлечения к административной ответственности [13, с. 26]. В свя-

зи с этим в целях оптимизации применения денежного взыскания в досудебном производстве по уголовному делу определенные перспективы имеет его наложение на основании протокола, составленного следователем или дознавателем, по постановлению, вынесенному руководителем следственного органа или начальником подразделения дознания. Такое постановление должно утверждаться прокурором и может обжаловаться в судебном порядке по правилам, установленным ч. 3 ст. 29, ст. 125 УПК РФ.

Среди условий применения денежного взыскания можно выделить:

- 1) наличие возбужденного уголовного дела;
- 2) наличие необходимости производства следственных или судебных действий с участием потерпевшего или свидетеля;
- 3) наличие надлежащего субъекта, уполномоченного на применение меры процессуального принуждения;
- 4) наличие лица, имеющего соответствующий процессуальный статус и не имеющего иммунитета, исключающего возможность его участия в производстве по уголовному делу.

Кроме того, дополнительным условием применения денежного взыскания полагаем отметить отсутствие необходимости за допущенное нарушение применять меры административной или уголовной ответственности.

Из положений ст. 117 УПК РФ следует, что законодатель полагает необходимым применять денежное взыскание, размер которого определяется судом, в отношении любого участника уголовного судопроизводства. Но, как представляется, это требование не носит императивный характер. Так, заведомо не подлежат наложению денежного взыскания несовершеннолетние, не достигшие возраста 16 лет, невменяемые, а также лица, в отношении которых приняты другие меры воздействия. Например, при уклонении от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд наиболее эффективным будет применение привода, поскольку это позволяет гарантировать производство следственных или судебных действий с участием потерпевшего, свидетеля. Кроме того, применение привода исключает в данном случае наложение денежного взыскания, поскольку в силу аналогии закона к лицу может быть применена одна из существующих мер процессуального принуждения. Установив такое правило в ч. 1 ст. 97 УПК РФ применительно к мерам пресечения, законодатель не дал отдельных пояснений в отношении иных мер процессуального принуждения. Но видовой перечень этих мер и цели их применения позволяют заключить, что в отношении потерпевшего или свидетеля может применяться одновременно только одна из них. По сути, могут

быть исключения в отношении подозреваемого (обвиняемого), например, у него может быть отобрано обязательство о явке, а также принято решение о наложении ареста на имущество, а сам он временно отстранен от должности. Но указанные меры имеют разные целевые установления и применяются в связи с возникновением различных ситуаций при производстве по уголовному делу. Очевидно, что применение этих мер в совокупности, например за неявку по вызову следователя или дознавателя, носило бы излишне строгий и репрессивный характер, необоснованно ограничивая трудовые и имущественные права подозреваемого (обвиняемого).

Далее, очевидно нецелесообразным является наложение денежного взыскания в тех случаях, когда в судебном заседании принято решение об удалении из зала судебного заседания в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 258 УПК РФ. В данном случае законодатель прямо указал на альтернативное применение одной из трех мер: предупреждения, удаления из зала судебного заседания или наложения денежного взыскания. Таким образом, в отношении субъекта, нарушающего порядок в судебном заседании, применение денежного взыскания не является априорным.

Учеными высказана позиция о нецелесообразности применения денежного взыскания к потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту и переводчику, из чего делается вывод о достаточности этой меры в отношении свидетелей и понятых [14, с. 122]. Однако это, на наш взгляд, сужает сферу применения денежного взыскания до охраны установленного порядка обеспечения участия этих субъектов в производстве следственных и судебных действий, тогда как из ст. 117 УПК РФ она выглядит более многообразной.

Определенный интерес представляет точка зрения, согласно которой денежное взыскание признается и мерой уголовно-процессуальной ответственности, и штрафом, налагаемым в административном порядке за ненадлежащее

поведение участников процесса [15, с. 52]. Однако необходимо уточнить, что одно и то же нарушение может влечь за собой наступление только одного из последствий: или наложение денежного взыскания, или применение мер административной ответственности. Кроме того, в случае продолжающегося нарушения установленных правил поведения субъект может быть подвергнут и мере процессуального принуждения, и уголовной ответственности.

Так, по одному из уголовных дел свидетель, уклонявшийся от явки в суд, был подвергнут приводу и сопровожден к залу судебного заседания. Недовольный необходимостью ожидать его начала, свидетель пытался самовольно покинуть здание суда, но был возвращен судебными приставами обратно. После этого публично, в присутствии трех человек, оскорбил судью, выразив негативную оценку ее личности и негативную информацию о ее речевых поступках. Приговором суда он был осужден по ч. 2 ст. 297 УК РФ [16]. Соответственно, в данном случае основанием для применения привода была неявка по вызову в суд, а основанием для привлечения к уголовной ответственности – совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 297 УК РФ.

Таким образом, денежное взыскание – это мера процессуального принуждения, применяемая в целях воздействия на нарушителя порядка в судебном заседании или в целях понуждения лица к добросовестному исполнению процессуальных обязанностей. Основаниями его применения являются фактические данные, зафиксированные в протоколе судебного заседания или в протоколе, составленном следователем, дознавателем в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 118 УПК РФ, достоверно указывающие на совершение лицом нарушения процессуальных обязанностей или нарушения порядка в судебном заседании. Дополнительным условием применения денежного взыскания является отсутствие необходимости за допущенное нарушение применять меры административной или уголовной ответственности.

1. Чернова С.С. Меры уголовно-процессуального принуждения: учеб.-практ. пособие. Тюмень, 2012.

2. Кузовенкова Ю.А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.

3. Ханов Т.А. Имущественные вопросы в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2006.

1. Chernova S.S. Measures of criminal procedure coercion: educational and practical manual. Tyumen, 2012.

2. Kuzovenkova Yu.A. Monetary collecting in system of measures of criminal procedure responsibility: diss. ... Master of Law. Samara, 2009.

3. Khanov T.A. Property questions in criminal legal proceedings of the Republic of Kazakhstan: diss. ... Dr of Law. Almaty, 2006.

4. Vladimirova V.V. Compensation of moral harm – a measure of rehabilitation of the victim in the Russian criminal trial. Moscow, 2007.

4. Владимирова В.В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2007.
5. Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного процесса. М., 2006.
6. Кудрина Е.В. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве России // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2010. № 3. С. 82–85.
7. Дело № 4-101/2013 // Архив МС СУ № 1 Ленинск-Кузнецкого судебного района Кемеровской области.
8. Дело № 5-576/2015 // Архив МС СУ № 7 Ленинского района г. Новосибирска.
9. Дело № 5-1110/2015 // Архив МС СУ № 7 Ленинского района г. Ульяновска.
10. Информация по обобщению судебной практики рассмотрения административных дел, вытекающих из деятельности судебных приставов // Ульяновский областной суд [Электронный ресурс]. URL: http://uloblsud.ru/index.php?id=1221&option=com_content&task=view
11. Дело № 5-932/2015 // Архив МС СУ № 1 Марковского района Саратовской области.
12. Уголовное дело № 1-127/2015 // Архив Чертковского районного суда Ростовской области.
13. Максимов И.В. Административные наказания в системе мер административного принуждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М., 2011.
15. Мартынцев А.И. Нормативное регулирование денежного взыскания в уголовном процессе Украины и зарубежных стран // Закон и жизнь. 2014. № 11. С. 52–56.
16. Уголовное дело № 1-567/2015 // Архив Октябрьского районного суда г. Красноярска.
5. Frantsiforov Yu.V. Contradictions of criminal trial. Moscow, 2006.
6. Kudrina E.V. Monetary collecting in criminal legal proceedings of Russia // Bull. of the St. Petersburg university of the Ministry of the Interior of Russia. 2010. № 3. P. 82–85.
7. Case № 4-101/2013 // Archive of magistrate of judicial site № 1 of Leninsk-Kuznetsky court district of Kemerovskaya region.
8. Case № 5-576/2015 // Archive of magistrate of judicial site № 7 of Leninsky district of Novosibirsk.
9. Case № 5-1110/2015 // Archive of of magistrate of judicial site № 7 of Leninsky district of Ulyanovsk.
10. Information on synthesis of jurisprudence of consideration of the administrative affairs following from activity of bailiffs // Ulyanovsk regional court [Electronic resource]. URL: http://uloblsud.ru/index.php?id=1221&option=com_content&task=view
11. Case № 5-932/2015 // Archive of of magistrate of judicial site № 7 of Marxovsky district of Saratovskaya region.
12. Criminal case № 1-127/2015 // Archive of Chertkovsky district court of Rostovskaya region.
13. Maximov I.V. Administrative punishments in system of measures of administrative coercion: diss. ... Dr of Law. Saratov, 2004.
14. Criminal procedure law of the Russian Federation / resp. ed. I.L. Petrukhin, I.B. Mikhaylovskaya. Moscow, 2011.
15. Martyntsev A.I. Standard regulation of monetary collecting in criminal trial of Ukraine and foreign countries // Law and life. 2014. № 11. P. 52–56.
16. Criminal case № 1-567/2015 // Archive of Ocityabrsk district court of Krasnoyarsk.

Дронова Ольга Борисовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: nio-va@rambler.ru)

Обстановка совершения преступления в сфере потребительского рынка как основной элемент криминалистической характеристики

В статье рассмотрен информационный комплекс криминалистически значимых сведений и факторов, образующихся в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере потребительского рынка. Совокупность модальных сведений, образующих обстановку совершения преступления рассматриваемого вида, изучаемых на этапах выявления, расследования и раскрытия, позволяет получить объективное представление о совершенном противоправном деянии.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, обстановка совершения преступления, криминалистически значимая информация, свойства потребительских товаров, установленные требования.

O.B. Dronova, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminalistic Techniques of Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nio-va@rambler.ru

The condition of committing crimes in the sphere of the consumer market as an essential element of criminalistics characteristic

The article deals with information complex of important information and facts generated in the process of preparing, committing and concealment of crimes in the sphere of the consumer market. The set of modal information forming environment of committing a crime of this species studied at the stages of detection, investigation and disclosure, provides a holistic understanding of a wrongful act.

Key words: criminalistics characteristic, crime situation, forensically important information, consumer products characteristics, imposed requirements.

Преступления в сфере потребительского рынка характеризуются высоким уровнем взаимодействия предметов, лиц, вовлеченных в них, явлений, объектов и факторов, отображающихся во внешней среде в процессе их планирования, совершения и сокрытия. Значительное количество криминалистически значимой информации может быть получено в ходе изучения обстановки преступления, совершаемого в определенных условиях места, с его вещественной обстановкой, производственной деятельностью, временными факторами, особенностями температурно-влажностного режима, климатическими условиями и др.

При этом следует учитывать, что преступная деятельность представляет собой «непрерывный процесс возникновения, разрешения и взаимоперехода предкриминальных, собственно

криминальных и посткриминальных ситуаций» [1, с. 85], что предусматривает необходимость изучения обстановки совершения преступления не в качестве константной сложившейся данности, зафиксированной на этапе ее обнаружения, а как развивающейся череды действий, находящих свое отражение вовне.

Каждый фактор в конкретные временные периоды оказывает влияние на противоправное деяние в зависимости от действий (бездействия) лиц, участвующих в совершении преступления, характеризует определенную пространственно-конструктивную внешнюю среду и иные факторы объективной реальности, образующие в целом обстановку совершения преступления.

Понятие обстановки совершения преступления неоднократно становилось предметом изучения ведущих ученых-криминалистов [2,

с. 139; 3, с. 41–43; 4, с. 176]. Наиболее лаконичное определение, отражающее специфику основного элемента криминалистической характеристики преступлений, совершенных в сфере потребительского рынка, предложено Н.П. Яблоковым, рассмотревшим обстановку совершения преступления в криминалистическом аспекте как систему различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления [5, с. 67].

В ходе изучения обстановки совершения преступления должны быть выделены факторы, обстоятельства, а также элементы вещной обстановки, связанные напрямую или опосредованно с подготовкой и совершением преступления, а также иные элементы, не имеющие отношения к нему, но нашедшие свое отражение в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий.

В целях установления необходимого объема криминалистически значимой информации по преступлениям в сфере потребительского рынка и целостного представления обо всех элементах криминалистической характеристики следует детально проанализировать модальные сведения, полученные из разных источников. При этом следует дифференцировать особенность отображения различных факторов, возникших на этапах подготовки, в момент реализации соответствующих этапов преступного замысла и дальнейших последствий.

Этап подготовки преступлений рассматриваемой категории предусматривает: подбор и аренду (покупку) помещения для изготовления продукции с нарушенными потребительскими свойствами (это могут быть как предприятия, в помещениях которых в основное время производится легальная продукция, так и приспособленные под производство склады, гаражи, ангары, подвалы); найм персонала, который будет осуществлять производство товара, его фасовку, снабжение защитными средствами, упаковку, учет товарооборота и охрану; закупку самого продукта (его более дешевого аналога) или элементов, его составляющих, материала для упаковки (тары), средств для укупор-

ки (закатки, упаковки), поддельных защитных элементов или оборудования, на котором их можно изготовить; аренду автотранспортных средств для доставки к месту производства сырья и последующего вывоза готовой продукции (в зависимости от вида товара это могут быть как легковые автомобили, так и грузовые); подбор мест реализации произведенного товара с нарушенными потребительскими свойствами. Установление каждого из указанных элементов повлечет выявление идеальных и материальных следов, имеющих вербальную и невербальную форму, которая должна быть закреплена в установленном законом порядке.

На стадии производства товаров образуется наиболее обширный комплекс признаков, позволяющий получить сведения об обстановке совершения преступления, включающий вещную обстановку, особенности производственного процесса, информационные сведения об учете затраченного материала и изготовленного продукта, логистических и технических факторов товарооборота.

Последствия, причиненные фактом производства (незаконного ввоза на территорию страны) и реализации товаров, не соответствующих установленным требованиям, могут быть выражены в виде вреда жизни и здоровью потребителя, ущерба, причиненного легальному производителю (правообладателю) и государству в виде недополученного дохода.

Установить вред, причиненный здоровью потребителей вследствие использования конкретного товара, в большинстве случаев весьма проблематично. Это связано с тем, что неблагоприятные факторы могут не сразу отразиться на здоровье потребителя, а накапливаться постепенно или же последствия могут наступить из-за отсутствия необходимого эффекта (при использовании недоброкачественных лекарственных средств). В случае причинения вреда здоровью, вплоть до летального исхода, доказать факты приобретения товара в конкретной торговой точке, его производства на «нелегальном» предприятии, а также соблюдение потребителем условий хранения и использования товара весьма затруднительно. Медико-криминалистические экспертизы, позволяющие установить причинно-следственную связь использования товаров, нарушающих установленные требования, с наступившими последствиями, проводят далеко не в каждом региональном центре. Кроме того, в таких случаях необходимо установление фактов изменения первоначальных доброкачественных свойств товара вследствие несоблюдения комплекса требо-

ваний в ходе осуществления технологических процессов производства, установленных правил транспортировки, хранения и реализации; нарушения правил регистрации и контроля учета продукции, изготовленной на легальном предприятии; незаконного получения сертификатов соответствия и иной документации, содержащей сведения о наименовании, местонахождении производителя продукции, стране происхождения; несоответствия информации, имеющейся в таможенных и иных государственных реестрах, номеру, дате и сроку действия сертификатов, деклараций и иных сопроводительных документов. Все вышеперечисленные взаимосвязи требуют детального, всестороннего изучения обстановки совершения преступлений. Получение криминалистически значимой информации о ней предусматривает необходимость анализа следующих обстоятельств.

I. Первоначальных сведений о совершенных противоправных деяниях, в которых находят свое отражение сведения о месте, времени и обстоятельствах выявления фактов незаконного производства, хранения, транспортировки и реализации товаров, не соответствующих установленным требованиям и отличающихся от оригинальных по ценовой категории, наличию (отсутствию) комплекса защитных элементов, комплектности товара, признаков имитации товарных знаков.

II. Сведений, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, направленных на проверку первоначальной информации, о событии преступления (предмете, месте, технологии производства, способах и территориальности транспортировки и реализации и т.д.), видах и способах получения сопроводительной документации, причастности к преступлению конкретных лиц (организаторов, рабочих, продавцов, водителей, курьеров, бухгалтеров и др.), предварительном характере и размере вреда, причиненного преступлением, и иных фактах и обстоятельствах.

III. Информации, полученной в ходе первоначальных следственных действий в местах незаконных производств и хранения относительно следующих элементов:

1. Вещной обстановки, включающей:

оборудование и дополнительные приспособления (промышленного и кустарного изготовления), используемые для производства, расфасовки, укупорки, упаковки, изготовления защитных элементов и сопроводительной документации;

первоначальное сырье, материалы, компоненты, упаковочную тару (вид, количество,

упаковку, состояние объектов, используемых для производства товаров и их отдельных составляющих элементов), а также готовую продукцию;

специальные защитные средства (федеральные марки, голограммы) и документы (сертификаты, декларации, транспортные накладные), необходимые для легализации продукции в товарообороте;

компьютерную технику, средства связи, бумажную документацию, содержащие данные о технологических процессах, логистическую информацию и сведения о контактах поставщиков, перевозчиков и реализаторов продукции (в том числе посредством удаленного доступа), бухгалтерскую информацию об объемах производства, затратах на производство и общей прибыли;

элементы бытовых объектов, свидетельствующие о проживании на «предприятии» лиц, работающих на нем.

2. Способа производства:

расфасовка товаров, приобретенных оптом для розничной продажи с изменением информационной сущности объектов (например, имитация производства сливочного масла посредством использования более дешевых растительных аналогов) или без такового (розлив спиртосодержащей продукции в тару меньшего объема); разновидностью является смешивание доброкачественного сырья с более дешевыми синтетическими аналогами или разбавление основного продукта с добавлением красителей и ароматизаторов, имитирующих натуральные;

производство товаров-заменителей или имитаторов посредством копирования и/или компиляции продукции оригинального производителя с ухудшением его потребительских качеств; в название или логотип продукции вносятся незначительные отличия, заметные не каждому потребителю, которые могут быть приняты за оригинальные (пошив изделий, схожих с известными брендами, аудиовизуальная продукция с низким качеством воспроизведения);

изготовление пищевой продукции (полуфабрикатов или готовых к употреблению продуктов) из первичного материала с нарушением соответствующих условий и с информационной фальсификацией о реальном изготовителе, поставщике или продавце (несуществующие юридические адреса или осуществляющие производство иной продукции).

3. Условий производства (устанавливаемых визуально, без использования специальных знаний):

соблюдение условий производства, хранения, реализации товаров и их отдельных составляющих компонентов (технологических, световых, температурных, временных);

соблюдение санитарно-эпидемиологических требований лицами, задействованными в ходе жизненного цикла продукции; применительно к отдельным компонентам продукции и упаковки, а также товарам в целом; в местах осуществления производства; в транспортных средствах, осуществляющих поставку первоначального сырья, материалов и доставляющих готовую продукцию к местам реализации;

соблюдение режима труда работниками предприятия.

4. Лиц, задействованных в совершении противоправного деяния:

работников, осуществляющих технологический цикл на производстве (гражданство, регистрация, наличие разрешения на работу, личные медицинские книжки, уровень образования, социальный статус);

водителей, осуществляющих транспортировку составляющих компонентов от поставщиков и доставляющих готовую продукцию к местам хранения и/или реализации;

технологов предприятий, наладчиков оборудования, контролеров производственного процесса;

бухгалтеров, осуществляющих учет затрат на закупку первоначального сырья и материалов, себестоимости выпускаемой продукции, расходов на оплату труда и коммунальные услуги, прибыль от незаконного производства;

охранников, кладовщиков, фиксировавших даты, время, периодичность ввоза и вывоза товаров;

организаторов незаконных производств и лиц из числа правоохранительных и иных государственных органов, осуществляющих «курирование» и снабжение необходимыми сопроводительными документами.

5. Времени совершения преступлений:

общая продолжительность функционирования нелегального предприятия, осуществляющего противоправные действия по выпуску товаров ненадлежащего качества;

время, затрачиваемое на изготовление одной единицы (группы, партии) товаров;

режим рабочего дня незаконного предприятия;

время доставки расходных материалов и компонентов, а также вывоза готовой продукции.

6. Способов реализации:

продажа в местах производства в розницу или мелким оптом;

через торговые сети, площадки рынков и несанкционированных мест торговли (возле

остановок общественного транспорта, внутри дворовых территорий, торговля продукцией с машин);

посредством удаленного доступа через телемагазины, рекламные объявления, сеть Интернет, посредством курьерской доставки или услуг почтовых фирм.

IV. Информации, полученной в ходе последующих следственных действий, направленной на уточнение и расширение объема ранее полученных сведений об особенностях технологических процессов, ущерба, причиненного незаконным производством и реализацией товаров. Особое внимание следует уделить установлению технических и юридических свойств товаров. К последним можно отнести реализацию товаров:

несуществующих производителей;

незаконно ввезенных на территорию Российской Федерации (продукты, попавшие под санкционные запреты или не предназначенные производителем для реализации в стране, запрещенные к свободному обороту);

не имеющих необходимых таможенных деклараций, лицензий, сертификатов, деклараций и свидетельств о происхождении товара, ветеринарных, фитосанитарных и карантинных свидетельств;

не прошедших необходимых лабораторных испытаний в аккредитованных лабораториях для товаров, предназначенных для специализированных групп потребителей (дети, лица, страдающие заболеваниями, и т.д.);

запрещенных к распространению вне стационарных торговых точек (алкогольная продукция, лекарственные средства и т.д.);

не имеющих федеральных специализированных марок для продукции, в отношении которых они предусмотрены;

использующих товарные знаки, схожие с оригинальными до степени смешения.

Нарушение юридических свойств потребительских товаров не всегда свидетельствует о наличии у них технических свойств, не соответствующих установленным требованиям, однако является основанием для их изъятия из товарооборота. К числу нарушенных технических свойств можно отнести несоответствие:

проверяемой продукции, а также ее упаковочного материала установленным требованиям качества и безопасности, а также санитарным и ветеринарно-санитарным правилам и нормам, государственным стандартам и технической документации;

свойств продукции, предусмотренных для конкретного вида и наименования товаров;

внешнего оформления и внутреннего содержания, разработанного и используемого производителем (правообладателем) для своей продукции в определенный временной промежуток; специальных защитных средств (федеральных специальных марок, маркировок, QRGL-этикеток, штрих-кодов и т.д.);

сопроводительных документов (сертификатов соответствия, деклараций качества, накладных и т.д.) их оригинальным образцам или фальсификацию сведений, указанных в них;

потребительских свойств и показателей качества (функциональности, надежности, эргономичности, безопасности, экологичности и иных требований), установленных национальными стандартами нашей страны, техническими регламентами и санитарно-эпидемиологическими правилами.

Совокупность технических свойств, присутствующих проверяемым потребителем товарам, устанавливаемых в ходе производства обычных и комплексных экспертиз, позволяет систематизировать криминалистически значимую информацию обо всех компонентах, составляющих итоговый продукт.

Большая часть перечисленных юридических и технических свойств товаров, нарушающих установленные требования, имеет прямую взаимосвязь со всеми элементами обстановки совершения преступления.

Обстановка совершения преступлений в сфере потребительского рынка, являясь основным элементом криминалистической характеристики, одновременно выступает в качестве системообразующего начала получения и накопления криминалистически значимой информации обо всех элементах противоправного деяния. Объединяя сведения, находящиеся в прямой и опосредованной причастности к подготавливаемому и совершаемому преступлению, а также его общественно опасным последствиям, которые разнесены в пространстве и во времени совершения, они позволяют установить обстоятельства совершения преступлений и личностные характеристики создавших (частично или полностью) саму обстановку в целях всестороннего, полного и объективного расследования преступлений.

1. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия / под ред. Н.П. Яблокова. М.; Калининград, 1997.

2. Белкин Р.С. Криминалистика: общетеоретические вопросы. М., 1973.

3. Эйсман А.А. О содержании понятий криминалистической характеристики преступлений. Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.

4. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.

5. Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

1. Volchetskaya T.S. Criminalistics theory of situations / ed. by N.P. Yablokov. Moscow; Kaliningrad, 1997.

2. Belkin R.S. Criminalistics: theoretical questions. Moscow, 1973.

3. Eysman A.A. The content of the concepts of criminological characteristics of crimes. Criminalistic characteristic of crimes. Moscow, 1984.

4. Gavlo V.K. Theoretical problems and practice of a technique of investigation of certain types of crimes. Tomsk, 1985.

5. Criminalistics: textbook / resp. ed. N.P. Yablokov. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2005.

Еремченко Владимир Игоревичкандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: mail_lom@mail.ru)

Нарушения авторских и смежных прав посредством рерайтинговой деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: современное состояние и проблемы доказывания

В работе рассматривается современное состояние нарушения авторских и смежных прав посредством использования рерайтинговой деятельности через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Предлагаются рекомендации, позволяющие идентифицировать заказчиков и исполнителей рерайтинговой работы.

Ключевые слова: криминалистика, нарушение авторских прав, рерайтинг, Интернет, расследование преступлений.

V.I. Eremchenko, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mail_lom@mail.ru

Violations of copyright and related rights through rewriting in the information and telecommunication network Internet: current state and problems of proof

The work highlights the current state of copyright and related rights by using rewriting activities through information and telecommunication network Internet. We offer recommendations to identify customers and rewriting work performers.

Key words: forensics, copyright infringement, rewriting, Internet, investigation of crimes.

Наше государство первоочередной задачей ставит обеспечение защиты личности каждого гражданина Российской Федерации. Подтверждением тому служит приоритетное положение норм Особенной части действующего Уголовного кодекса РФ [1], посвященных преступлениям против личности. Одним из преступлений, входящих в разд. VII УК РФ, вызывающих немалый интерес и представляющих сложность в раскрытии и расследовании, выступает нарушение авторских и смежных прав, закрепленное в ст. 146 УК РФ.

Несмотря на распространенность данного преступного деяния, активные действия по его выявлению и предупреждению стали осуществляться только в последние годы. В то же время, по итогам статистических данных МВД России, за 2015 г. количество выявленных преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав, составило 1769, что на 15,1% ниже, чем за предшествующий год [2], и явно не соответствует реальной криминогенной обстановке. Данные показатели свидетельствуют о высокой латентности рассматриваемого пре-

ступного деяния и переходе от открытых форм нарушения авторских и смежных прав к наиболее завуалированным, перенесенным в сферу телекоммуникационных систем.

В настоящее время Интернет, который не так давно вошел в нашу повседневную жизнь, стал обыденностью и используется для досуга, а также для коммерческих и иных целей. Не исключением стало и использование возможностей сети Интернет в целях совершения преступлений или облегчения их реализации. Кибернетическая среда является «плодородным» местом для развития преступности в сфере нарушения авторских и смежных прав. Каждый из нас не раз сталкивался с повсеместной рекламой на страницах интернет-порталов, призывающей получить стабильный заработок за дистанционную онлайн работу. Однако не каждый представляет, что под данной работой скрывается деятельность, связанная с таким нарушением авторских прав, как плагиаторство, выдаваемым за популярную в настоящее время онлайн профессию рерайтера.

Рейтинговая деятельность заключается в том, что субъект, выполняющий функции рерайтера, осуществляет перефразирование авторского текста. При этом перефразирование может состоять как в элементарной перестановке слов внутри предложения, так и перефразировании целых абзацев с сохранением первоначальных мыслей автора. Цель рерайтинговой деятельности – получение «нового» продукта, полностью основанного на авторской мысли законного владельца.

О рерайтинговой деятельности как о преступлении уже не раз говорилось при обсуждении данного вопроса на различных форумах в сети Интернет [3; 4], но в то же время данный вопрос все еще не получил должной огласки в компетентных государственных структурах.

Масштабы рерайтинговой деятельности в настоящее время набирают обороты, что связано с постоянно растущим спросом в первую очередь со стороны студентов и научных деятелей, обусловленным повсеместным введением в качестве эталона авторской оригинальности научного материала системы «Антиплагиат. Вуз». Только по статистическим данным одного из основных российских поисковиков, за последний месяц «рейтинг» в качестве ключевого слова в поиске выступал 14693 раза [5].

Сама схема рерайтинговой деятельности, представляющей не что иное, как плагиаторскую деятельность, может быть представлена следующим образом:

1. На интернет-порталах создаются ресурсы (сайты), являющиеся трудовыми биржами онлайн-работы, предоставляющими возможность попробовать себя за вознаграждение в качестве переводчика, рерайтера, копирайтера, рецензента, писателя и т.п.

2. Данные биржи работают в двух направлениях: подыскивают исполнителей по указанным видам работ и привлекают заказчиков.

3. Каждый желающий заработать имеет возможность зарегистрироваться на сайте любой из таких бирж онлайн-работы, предоставив при этом краткие сведения о себе и своей квалификации, позволяющие подобрать заказ в соответствии с творческими возможностями.

4. Зарегистрировавшись онлайн-работник выбирает из доступного для него списка вакансий те заказы, которые ему наиболее интересны.

5. Работодатель (владелец онлайн-биржи), направляет исполнителю авторский текст, который необходимо перефразировать и предоставить в установленный срок работодателю. Качество же проделанной работы оценивается при помощи использования системы «Антиплагиат».

6. Работодатель передает результат рерайтинговой работы непосредственному заказчику (если он имеется) или выставляет на портал уже готовых авторских трудов, на котором данный текст может быть приобретен любым желающим.

Таким образом, в преступную деятельность вовлечено как минимум три субъекта: заказчик рерайтинговой работы (покупатель рерайтингового труда), работодатель (держатель онлайн-биржи), исполнитель (сам рерайтер).

В качестве основных онлайн-бирж, оказывающих услуги по поиску клиентов и подбору рерайтеров, можно выделить ряд интернет-ресурсов из топ-поиска по одноименным запросам: компании KilotexT, Text, eTXT, DocTXT и др.

При этом следует иметь в виду, что рерайтинговая деятельность не всегда связана с нарушением авторских и смежных прав, в ряде случаев к рерайтинговым услугам могут прибегать и сами авторы текстов, например для уменьшения объема.

Перерабатываемый авторский текст может касаться любых направлений: экологии, садоводства, автомобилестроения, юриспруденции, домашнего хозяйства и т.п. Результаты рерайтинговой работы активно применяются для создания «новых» интернет-сайтов, а также в научной и иной, в том числе коммерческой, деятельности.

При явной наглядности представленного механизма совершения преступного деяния, регламентированного ст. 146 УК РФ, существуют трудности в сфере доказывания.

Так, в настоящее время отсутствует выработанная и апробированная на практике система действий по выявлению и документированию данных преступлений. Не меньше трудностей возникает при определении размера ущерба, причиненного рерайтинговой деятельностью автору перерабатываемого труда, а также при установлении самого (первоначального) автора переработанного текста.

В то же время следует отметить, что, реализуя указанную преступную схему, основная масса рерайтинговых сайтов так или иначе требует от исполнителя работы использования своего электронного почтового ящика. Такая закономерность может быть использована в целях доказывания их преступной деятельности и установления объема переработанного текста. Однако при прохождении регистрации для получения почтового ящика пользователь, вводя свои персональные данные (идентификационные данные), к сожалению, может ввести не принадлежащие ему сведения. Это в

значительной степени может затруднить действия по установлению принадлежности конкретного почтового аккаунта тому или иному реальному субъекту нашего общества.

Так как почтовый аккаунт (электронный почтовый ящик) в настоящее время выступает в рамках глобальной информационной сети Интернет чуть ли не основным идентификатором при регистрации на любых ресурсах Интернета, видится целесообразным узаконить процедуру регистрации данных почтовых аккаунтов. На основании чего мы предлагаем при прохождении регистрации и заполнении индивидуальных данных вводить паспортные данные граждан, желающих получить доступ к электронному почтовому ресурсу. В качестве единого портала, обеспечивающего соблюдение таких требований, предлагается использовать единый «Портал государственных услуг» (<http://www.gosuslugi.ru>), выступающий гарантом предоставления данных о личности.

Такая система действительно поможет индивидуализировать лицо, т.к. паспортные данные уникальны и единичны. Более того, ряд почтовых компаний в сети Интернет уже давно использует паспортные данные в качестве вспомогательного средства при восстановлении доступа законного владельца при взломе почтового аккаунта злоумышленниками. Предложенные меры позволят сделать интернет-среду более прозрачной и менее анонимной, что, как мы считаем, уменьшит случаи нарушения авторских прав посредством рерайтинговой деятельности.

Таким образом, несмотря на активные действия государства по защите прав человека на авторство произведенного им труда, неразрешенными остаются вопросы, связанные с практическим применением норм права по доказыванию фактов рассматриваемой преступной деятельности, совершаемой с использованием возможностей интернет-среды.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 19 апр. 2013 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Сводный отчет ГИАЦ МВД России по нарушению авторских и смежных прав за 2015 год.

3. URL: <http://searchengines.guru/archive/index.php/t-327596.html> (дата обращения: 23.02.2016).

4. URL: <http://businessinformation.ru/unbridled-rewriting/> (дата обращения: 23.02.2016).

5. URL: <https://wordstat.yandex.ru/#/?words> (дата обращения: 23.02.2016 г.).

1. Criminal code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on Apr. 19, 2013) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

2. Summary report of the MIAC of the Russian Interior Ministry in copyright and related rights violations in 2015.

3. URL: <http://searchengines.guru/archive/index.php/t-327596.html> (date of access: 23.02.2016).

4. URL: <http://businessinformation.ru/unbridled-rewriting/> (date of access: 23.02.2016).

5. URL: <https://wordstat.yandex.ru/#/words> (date of access: 23.02.2016).

Кулешов Роман Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела координации научной деятельности в МВД России
Департамента государственной службы и кадров
Министерства внутренних дел Российской Федерации
(e-mail: rv111@mail.ru)

Мотивация как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью

Проанализировано понятие и содержание терминов «мотив», «цель», «мотивация» с точки зрения психологии и их интеграции в криминалистическую методiku. Обоснована ведущая роль мотивации в структуре элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, преступления, преступность, экстремистская деятельность, террористическая деятельность, криминалистика, криминалистическая характеристика преступления, субъект преступлений, агрессия, криминалистически значимые особенности, экстремист, мотив, мотивация.

R.V. Kuleshov, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Department of Coordination of Scientific Activity in the Ministry of the Interior of Russia of the Department of Public Service and Personnel of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; e-mail: rv111@mail.ru

Motivation as a key element of the criminalistic characteristics of crimes related to extremist and terrorist activities

Analyzes the concept and content of the terms «motive», «goal», «motivation» from the point of view of psychology and their integration in forensic methodology. It justifies the leading role of motivation in the structure of the elements of the criminalistic characteristics of crimes in the sphere of extremist and terrorist activities.

Key words: extremism, terrorism, crimes, crime, extremist activity, terrorist activity, criminalistics, criminalistic characteristic of crime, subject of crime, aggression, forensically significant features, extremist, motive, motivation.

Преступления террористической и экстремистской направленности образуют обширную совокупность довольно разнородных деяний, в основе которых лежит единая идеологически обусловленная деструктивная природа [1, с. 94–97; 2, с. 115–118], сформировавшаяся под воздействием ряда факторов [3, с. 40–45]. Одним из критериев, цементирующих совокупность этих деяний, на наш взгляд, выступает мотивация.

Как известно, понятия «мотив», «мотивация» имеют психологическое происхождение. Термин «мотив» (от лат. *movere* – приводить в движение, толкать) трактуется в психологии следующим образом: 1) побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; 2) предметно-направленная активность определенной силы; 3) побуждающий и определяющий выбор направленно-

сти деятельности предмет (материальный или идеальный), ради которого она осуществляется; 4) осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности [4, с. 209].

Производное понятие «мотивация» является более широким, означающим «побуждения, вызывающие активность организма и определяющие ее направленность» [5]. Этот термин используется в психологии при исследовании причин и механизмов целенаправленного поведения человека. При этом при рассмотрении вопросов о том, на что направлена активность человека, ради чего произведен выбор именно определенных поведенческих актов по отношению к другим, исследуются, прежде всего, проявления мотивов как причин, определяющих выбор направленности поведения. Тогда как при определении того, каким образом осуществляется регуляция динамики поведения,

акцентируется внимание на проявление эмоций, субъективных переживаний (стремлений, желаний и т.п.) и установок в поведении человека [4, с. 210].

Итак, адаптируя данные понятия применительно к криминалистике, констатируем, что мотив есть внутреннее непосредственное побуждение к той или иной деятельности (в том числе криминальной), отображающее психическое отношение человека к объекту своего воздействия [6, с. 34–38]. В мотивации интерполируются наиболее значимые потребности и стремления человека, а также его психологические черты и свойства [7, с. 23; 5, с. 45–49].

В литературе отмечается, что «каковы мотивы (в том числе экстремистской деятельности – уточнение наше), такова и личность, и наоборот, поэтому они являются наиболее полной и точной ее характеристикой. Мотивы не только то, что побуждает к определенному поведению, но и то, ради чего оно совершается, в чем его внутренний смысл для действующего субъекта» [8].

Полагаем, что с таким утверждением можно согласиться частично. Несомненно, мотивация генерирует соответствующую деятельность человека, определяя способы и приемы ее осуществления, а также во многом характеризует саму личность [9, с. 59–63]. Вместе с тем, отождествление мотивов с личностью, на наш взгляд, является преувеличением значимости мотивации. Тем более, мотивы совершения преступления (в том числе экстремистской направленности) в сознании человека существуют не весь жизненный период, в отличие от иных индивидуальных психических особенностей, присущих лицу на протяжении жизни.

Кроме того, мы возражаем в части утверждения указанного автора о том, что мотивы есть «то, ради чего совершается деятельность», на наш взгляд, этот аспект характеризует в большей степени цель деятельности.

С точки зрения психологии цель – это «осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека» [4, с. 434]. Кроме того, понятие цели употребляется и в других смежных значениях: формальное описание конечных ситуаций, к достижению которых стремится любая саморегулирующаяся функционирующая система; предвосхищаемый полезный результат, определяющий целостность и направленность поведения человека. При этом цель как предвосхищаемый полезный результат употребляется при анализе биологических аспектов возникновения осознаваемой цели человека и исследовании психофизиологических механизмов регуляции целенаправленных поведенческих актов. Представление о цели как об осозна-

ваемом образе предвосхищаемого результата актуально при изучении произвольных преднамеренных действий, отражающих специфическую черту человеческой деятельности [4, с. 434–435].

Психическая деятельность субъектов экстремистско-террористической деятельности характеризуется доминированием [8] характерных для них мотивов.

Применительно к преступлениям экстремистской направленности перечень мотивов представлен в примеч. 2 к ст. 282.1 УК РФ:

политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда;

ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

Иными словами, в структуре мотивации преступлений экстремистской направленности будет в любом случае присутствовать ненависть или вражда в отношении членов социума, субъективно воспринимаемых виновными в качестве антагонистических не в силу личной антипатии, неприязни к потерпевшим как к людям [10], а в силу принадлежности их именно к какой-либо социальной группе, к которой виновный относится отрицательно, вызывающей у него агрессию.

Разумеется, понятия ненависти и вражды между собой весьма близки. Посмотрим, являются ли они синонимичными или соотношенными.

Ненависть означает чувство сильнейшей вражды и отвращения [11, с. 358]. Вражда определяется как «неприязнь, взаимная ненависть, недоброжелательные отношения» [12, с. 392]; а также «отношения и действия, проникнутые ненавистью и неприязнью» [11, с. 92].

Таким образом, данные понятия можно назвать соотношенными, поскольку их значения взаимно выражаются друг через друга. «Одно из них является чувством, а другое совокупностью физических актов человека», – приходит к выводу М.А. Алпеева [8].

Верное установление целей и мотивов, которые не только определяют механизм криминальной деятельности виновных, но и ориентировочно характеризуют их психологические, демографические и иные криминалистически значимые качества, позволяет ограничить категорию потенциальных подозреваемых. Например, широкий резонанс получило преступление, совершенное группой лиц молодежного возраста в количестве 7 человек (двое из них являлись несовершеннолетними), считающих себя скинхедами, в отношении цыган таджикского происхождения, стихийно расположивших табор вблизи железнодорожной станции в окрестностях Санкт-Петербурга недалеко от места постоянного пребывания виновных. Д. Данилов, Д. Харитдинов, Ю. Ан-

тонов и другие участники группы систематически провоцировали конфликты с представителями цыганского табора, требуя либо покинуть данное место, либо регулярно выплачивать оплату за нахождение табора на «их» земле. В ходе одного из конфликтов они напали на встретившихся им по дороге, ведущей в табор, двух цыганок и их малолетних дочерей. Применяя в качестве орудия топоры, ножи, металлические пруты, иные металлические предметы, преступники стали наносить жертвам удары в основном в область головы, выкрикивая националистические фразы типа «бей черных». Одну из избитых девочек медикам спасти не удалось, второй были причинены тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни, от которых она впоследствии скончалась. Две взрослые цыганки, несмотря на серьезные телесные повреждения, выжили. Вызывает особое недоумение, что, даже несмотря на дерзкое преступление, виновные, чувствуя безнаказанность и беззащитность цыган-нелегалов, продолжали совершать нападения на табор и выражать свои противоправные требования. Цыгане были вынуждены покинуть место расположения табора в неизвестном направлении. Вследствие фактически бесправного положения цыган-нелегалов факт совершения данного преступления и причастность к нему группы экстремистски настроенной молодежи стал известен не сразу, а в рамках расследования аналогичного нападения группы подростков на таджиков, в результате которого был убит ребенок и пострадали его близкие родственники.

Несмотря на то, что в судебном заседании сторона обвинения была представлена не в полном составе, отсутствовали потерпевшие как таковые (никто из цыган не явился в суд), а подсудимые вели себя достаточно цинично и дерзко, утверждали, что «пошли бить цыган от скуки», перекладывали основную вину друг на друга, суд с участием присяжных заседателей справедливо признал Д. Данилова, Д. Харитдинова, Ю. Антонова, А. Крылова, К. Порядина и двух несовершеннолетних соучастников виновными в совершении убийства по мотивам национальной ненависти и розни, покушении на убийство и причинении тяжкого вреда здоровью [13; 14; 15; 16].

Анализируя мотивы национального антагонизма, следует обратить внимание и на такую тенденцию, как экстремистские «ответные акции» национальных меньшинств. Порождая ответную не менее масштабную агрессию, такая ситуация опасна очередным витком возрастания социальной напряженности, массовыми беспорядками, вооруженным противостоянием, учинением «погромов», террористическими акциями.

Типичным примером является деятельность радикальной националистической группировки «черные ястребы», состоящей из молодежи кавказского происхождения, которая вызвала ответные вооруженные экстремистские акции славянских группировок [17, с. 3; 18, с. 2]. В мае 2008 г. они с применением ножа и пневматического оружия напали на двух лиц 17 и 19 лет, фиксируя процесс нападения на видео и разместив впоследствии видеозапись в Интернете. Дорогомиловский районный суд г. Москвы, признав членов националистической группировки виновными, вынес обвинительный приговор в октябре 2009 г. Но еще до вынесения приговора представителям «черных ястребов» произошла ответная акция антагонистической экстремистской группировки – «Боевой организации русских националистов» (БОРН). В сентябре 2009 г. был убит член группировки 18-летний Р. Халилов и ранен лидер группировки Р. Мамедов, после чего на сайте русской неонацистской группировки было опубликовано обращение «Боевой организации русских националистов» о принятии на себя ответственности за данные деяния [19, с. 2; 20, с. 1; 17, с. 3].

К сожалению, на практике не всегда уделяется достаточное внимание выяснению и доказыванию мотивации и целевых установок в действиях виновных, что влечет непризнание признаков экстремизма и привлечение к уголовной ответственности за общеуголовное преступление [21, с. 3].

С другой стороны, не менее пагубно и огульное объявление экстремистом каждого участника противоправного конфликта с лицом, отличающимся по своим политическим и иным идеологическим убеждениям, принадлежности к религии, расе, национальности.

По данным В.О. Давыдова, типичными мотивами совершения преступлений экстремистской направленности являются:

- политические (45,8%);
- националистические и религиозные (48,1%);
- корыстные (6,1%) [22].

Ж.В. Васалатий, исследуя преступления террористического характера, утверждает о доминировании этнорелигиозных мотивов (49,8%) по отношению к социально-экономическим (19,4%) и политическим (16,2%) [23, с. 15].

В.С. Капица применительно к преступлениям против жизни и здоровья, совершенным по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, отрицает хулиганские или корыстные мотивы и, детализируя этнорелигиозные побуждения, выделяет следующие: «доказать силу русского народа», борьба «за чистоту православной веры» [21, с. 3].

Полагаем, что рассмотрение мотивов и целей деятельности виновных в рамках концеп-

ции криминалистической характеристики преступлений позволит хотя бы минимизировать правоприменительные ошибки, связанные как с игнорированием экстремистской составляющей при установлении признаков субъективной стороны состава преступления, так и неправомерным объявлением экстремистами и

террористами всех инакомыслящих либо вступивших в конфликт с лицом иной этносоциальной общности (например, на бытовой почве, из хулиганских побуждений, отражающих грубое нарушение общественного порядка вообще, не связанное с особым отношением к какой-либо социальной группе).

1. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: эпистемологический и правовой аспекты // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2015. № 4.

2. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 8.

3. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного знания // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2015. № 3(31).

4. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д, 1998.

5. Варданян А.В., Кийко Л.Н. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как элемент криминалистической характеристики // Современные направления теоретических и прикладных исследований: сб. науч. тр. SWorld: по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Одесса, 2013. Вып. 1. Т. 29.

6. Варданян А.В., Говорухина Е.В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // Юристы-правоведы. 2015. № 3(70).

7. Айвазова О.В., Варданян А.В., Говорухина Е.В. Современные проблемы борьбы с похищением людей: правовые и криминалистические аспекты: учеб.-метод. пособие. М., 2014.

8. Алпеева М.А. Экстремистские материалы как предмет преступлений экстремистской направленности, связанных с пересечением границы // Таможенное дело. 2013. № 3.

9. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре

1. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. The relationship between the concepts of extremist and terrorist activities: epistemological and legal aspects // «Black holes» in Russian legislation. 2015. № 4.

2. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Dialectical unity of extremism and terrorism as a philosophical prerequisite for the improvement of approaches to forensic scientific support anti-terrorist and anti-extremist activity // Bull. of Moscow university of the MIA of Russia. 2015. № 8.

3. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge // Legal science and practice: Bull. of Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia. 2015. № 3(31).

4. Brief psychological dictionary / gen. ed. by A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. 2nd ed., ext., rev. and add. Rostov-on-Don, 1998.

5. Vardanyan A.V., Kiyko L.N. Motivation serious violent crimes against the person as an element of criminalistic characteristics // Modern directions of theoretical and applied researches: coll. of sci. works SWorld: according to the proc. of the Intern. sci.-pract. conf. Odessa, 2013. Iss. 1. Vol. 29.

6. Vardanyan A.V., Govorukhina E.V. Motivation of serious violent crimes against persons as a basis for their forensic classification. The most common places for violent crimes against the person // Lawyer. 2015. № 3(70).

7. Aivazova O.V., Vardanyan A.V., Govorukhina E.V. Modern problems of struggle against kidnapping: legal and forensic aspects: guidance manual. Moscow, 2014.

8. Alpeeva M.A. Extremist materials as a piece of extremist crimes related to border crossing // Customs business. 2013. № 3.

9. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Typology of aggression and forms of its manifestation in the structure of motivation of extremist and terrorist activities // Bull. of Volgograd academy of the MIA of Russia. 2013. Vol. 2(25).

10. Vardanyan A.V. Victimological aspect of the personality of the victim in the structure of forensically important signs of grave crimes against the life and health of man // Philosophy of law. 2010. № 6.

мотивации экстремистской и террористической деятельности // *Вестн. Волгоград. акад. МВД России*. 2013. Вып. 2(25).

10. Варданян А.В. *Виктимологический аспект личности потерпевшего в структуре криминалистически значимых признаков тяжких преступлений против жизни и здоровья человека* // *Философия права*. 2010. № 6.

11. Ожегов С.И. *Словарь русского языка: около 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой*. 14-е изд., стер. М., 1983.

12. *Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Ушакова М., 1996. Т. 1.*

13. Роткевич Е. *Убийство от скуки* // *Известия*. 2004. 23 нояб.

14. *Вынесен приговор по делу об убийстве таджикской девочки* // *Сова: Информационно-аналитический центр*. URL: www.sova-center.ru

15. Лоссан А. *Неонацисты получили 10 лет колонии* // *Утро.ru*. 2004. 18 окт.

16. Петракова И., Гончаров Г. *Громкое убийство рассудят по-тихому* // *Газета.ru*. 2004. 18 окт.

17. Фочкин О. *«Черных ястребов» расстреляли неонацисты* // *Московский комсомолец*. 2009. 10 сент.

18. Федотова Д. *Антирусских националистов приравняли к скинхедам. Суд не признал в них идейных борцов с бритоголовыми* // *Московский комсомолец*. 2009. 9 окт.

19. Фочкин О. *Очередное заседание по громкому делу «черных ястребов»* // *Московский комсомолец*. 2009. 27 июня.

20. Фочкин О. *«Черного ястреба» убили перед приговором суда* // *Московский комсомолец*. 2009. 4 сент.

21. Капица В.С. *Расследование преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды: дис. ... канд. юрид. наук*. Краснодар, 2009.

22. Давыдов В.О. *Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Ростов н/Д, 2013.

23. Васалатий Ж.В. *Методика расследования преступлений террористического характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Челябинск, 2010.

11. Ozhegov S.I. *Russian Dictionary: about 57000 words / ed. by N.Yu. Shvedova*. 14th ed., ster. Moscow, 1983.

12. *Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol. / ed. by D. Ushakov*. Moscow, 1996. Vol. 1.

13. Rotkevich E. *Murder out of boredom* // *News*. 2004. Nov. 23.

14. *Sentenced in the murder case of Tajik girls* // *Owl: Informational-analytical center*. URL: www.sova-center.ru

15. Lossan A. *The neo-Nazis received 10 years in prison* // *Morning.ru*. 2004. Oct. 18.

16. Petrakova I., Goncharov G. *High-profile murder judge quietly* // *Gazeta.ru*. 2004. Oct. 18.

17. Fochkin O. *«Black hawk» was shot by neo-Nazis* // *Moscow komsomolets*. 2009. Sept. 10.

18. Fedotova D. *Anti-Russian nationalists equated to the skinheads. The court recognized them as ideological fighters with skinheads* // *Moscow komsomolets*. 2009. Oct. 9.

19. Fochkin O. *Regular meeting on the high-profile case of «black hawks»* // *Moscow komsomolets*. 2009. June 27.

20. Fochkin O. *«Black hawk» was killed before the verdict* // *Moscow komsomolets*. 2009. Sept. 4.

21. Kapitsa V.S. *The investigation of crimes against life and health committed with motives of national, racial or religious hatred or enmity: diss. ... Master of Law*. Krasnodar, 2009.

22. Davydov V.O. *Information support of detection and investigation of extremist crimes committed using computer networks: auth. abstr. ... Master of Law*. Rostov-on-Don, 2013.

23. Vasalatiy Zh.V. *Methodology for the investigation of crimes of a terrorist nature: auth. abstr. ... Master of Law*. Chelyabinsk, 2010.

Дрога Анастасия Александровна

старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: madamdroga@yandex.ru)

Факторы, влияющие на формирование современных методов судебно-бухгалтерской экспертизы при исследовании признаков преступных финансово-хозяйственных операций, отраженных в компьютерной информации

В статье рассмотрены этапы проведения судебно-бухгалтерских экспертиз и отдельные их особенности. Автором исследованы нормы права и определена степень влияния некоторых факторов на выбор метода при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы данных, сопряженных с использованием компьютерных средств.

Ключевые слова: эксперт, судебно-бухгалтерская экспертиза, метод судебно-бухгалтерской экспертизы, финансово-хозяйственные операции, компьютерная информация.

A.A. Droga, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: madamdroga@yandex.ru

The factors influencing forming of modern methods of forensic accounting in case of research of signs of the criminal financial and economic operations reflected in computer information

This article is about the conducting stage of judicial-account expertizes and its peculiarities. The author of this article summarized the russian legislation and defined some factors of influence on the judicial-account expertise of using computer dates.

Key words: expert, judicial-account expertise, method of judicial-account expertise, financial and economic operations, computer dates.

Полнота, достоверность и объективность расследования преступлений экономической направленности зависит от такого важного и ответственного элемента, как производство судебно-бухгалтерской экспертизы. Неотъемлемой частью заключения эксперта является указание метода производства судебно-бухгалтерской экспертизы [1]. На современном этапе содержание метода исследования можно определить как сложную совокупность действий, которую формируют: предмет и задачи (цели) экспертного исследования, процедура назначения экспертизы, процессуальные права эксперта, качество и объем материалов уголовного дела, производство экспертизы и предоставление результатов исследования.

Предмет и задачи (цели) экспертного исследования составляют основу выбора метода экспертизы. Поэтому в зависимости от существа поставленных вопросов избирается совокупность приемов обработки, обобщения,

оценки данных и интерпретации результата, подбор нормативно-правовых и иных актов, регламентирующих то или иное направление деятельности.

Ввиду того, что предметом судебно-бухгалтерской экспертизы, помимо вопросов, выступают также достоверность отражения в бухгалтерском учете фактов хозяйственной жизни, влекущих за собой юридические последствия поддающиеся количественной оценке, метод судебно-бухгалтерской экспертизы должен включать:

проверку наличия документального подтверждения факта хозяйственной жизни;

сличение сведений в представленных оправдательных документах с требованиями законодательства по их содержанию и правильности отражения;

определение экономической необходимости и обоснованности совершения факта хозяйственной жизни;

установление целей осуществления факта хозяйственной жизни.

Последние две категории являются весьма неоднозначными, но эксперт в ходе производства судебно-бухгалтерской экспертизы все чаще сталкивается с необходимостью установления указанных позиций. Здесь эксперту необходимо использовать либо собственные познания в соответствующей области, основанные на общедоступных сведениях и правилах (обычаях) делового оборота, либо практику осуществления хозяйственной деятельности в той или иной сфере. Факты, относящиеся по своему содержанию к узкой сфере экономической деятельности или не имеющие общераспространенной практики реализации, требуют специального исследования. Их экономическую обоснованность можно подтвердить либо опросом других специалистов, либо путем получения сведений (справок) или заключения от специализированных организаций и объединений, в том числе в сфере общественного или профессионального контроля и регулирования определенной сферы деятельности (сбор указанных сведений осуществляет инициатор назначения экспертизы). Следует иметь в виду, что неразрешимые противоречия и невыясненные обстоятельства в силу своих объективных причин не могут быть положены в основу доказательства и, кроме того, могут трактоваться органами правосудия в пользу обвиняемого. Поэтому эксперт должен указать следователю на выявленные факты и составить заключение с учетом таких положений, которые позволят либо сформировать конкретные выводы, либо вовсе отказаться на этом основании от ответа на вопрос.

Процедура назначения судебно-бухгалтерской экспертизы может занимать продолжительное время и быть сопряженной с определенными сложностями на различных этапах, основными из которых являются: выбор эксперта для производства экспертизы, вынесение постановления о назначении экспертизы, сбор сведений и документов (в том числе дополнительных), необходимых для дачи заключения. Рассмотрим особенности каждого из указанных факторов и степень их влияния на формирование метода судебно-бухгалтерской экспертизы в условиях современности.

Выбор эксперта и назначение экспертизы. Сочетание процессуально-правового и экономического содержания дела делает судебно-бухгалтерскую экспертизу достаточно трудоемкой. Следователю или иному лицу, назначившему экспертизу, на данном этапе необходимо дать объективную оценку эксперту и убедиться в том, что тот обладает достаточными познани-

ями в области бухгалтерского учета, экономики, статистики, экономического анализа, аудита и других смежных областей знаний, а также установить фактическое соответствие эксперта уровню необходимых знаний. Ведь здесь качество профессиональной подготовки эксперта существенно влияет как на скорость производства экспертизы, так и на ее метод, а именно: оптимальный запрос необходимых документов и грамотность обобщения исходных данных, лаконичность и понятность выводов эксперта и т.д.

Признав необходимым назначение экспертизы, следователь выносит об этом постановление. Немаловажную роль в формировании метода судебно-бухгалтерской экспертизы играет составление и вынесение вопросов перед экспертом. Как бы стандартно не звучали поставленные перед экспертом вопросы, каждое дело имеет существенные особенности, обусловленные механизмом совершения преступления, спецификой ведения учета и отчетности, а также качеством представленных данных. Инициатору исследования необходимо так поставить вопросы, чтобы не обречь себя на дополнительную работу и не зависеть необдуманно трудоемкость процедуры производства экспертизы. Наиболее часто допускается ошибка в формулировании: ставятся необоснованно обобщенные вопросы или без указания периода, расчета конкретного вида налога; например, для ответа на вопрос «какова сумма не полностью исчисленных и уплаченных налогов организации?» эксперт при исследовании материалов дела, как правило, устанавливает «всего лишь» не полную уплату налога на добавленную стоимость.

Сбор сведений и документов (в том числе дополнительных), необходимых для дачи заключения, осуществляется на стадии оперативного расследования, предварительного следствия и в ходе судебного разбирательства. Следователем направляются материалы дела эксперту в порядке, установленном положениями ст. 199 УПК РФ [2]. На данном этапе наиболее часто по объективным причинам возникают сложности, приводящие к затягиванию процесса сбора необходимых сведений, из-за частой смены хозяйственником места фактического осуществления деятельности и юридического адреса, значительной территориальной удаленности контрагентов. Возникает и несогласованность сведений, полученных из разных источников, что, в свою очередь, требует дополнительных процедур по их урегулированию. Нередки случаи ошибок и потери сведений государственными органами. Кроме того, способ организации и

ведения бухгалтерского и налогового учета также определяет и влияет на специфику приемов и методик экспертного исследования. Например, осуществление фиксации, регистрации и обобщения учетных сведений зависит от применяемой системы налогообложения. Эксперт должен понимать суть и механизм применяемой системы учета, владеть приемами проверки сведений на их полноту и достоверность.

Отдельное внимание стоит уделить сведениям, представленным в электронном виде, т.к. их использование существенно ускоряет работу по поиску необходимых данных и их обобщению. Основной задачей здесь является обеспечение сопоставимости формата исходных данных с программными возможностями средств эксперта.

Сегодня большинство хозяйственников используют специализированные программы для ведения учета, формирования отчетности, обмена информацией с налоговым органом и кредитной организацией. Кроме того, новый закон о бухгалтерском учете предусматривает возможность составления первичных учетных документов в электронном виде [3]. Однако при всех положительных сторонах применения электронного документа установленные условия обмена и его подписи не позволяют обеспечить широкое распространение данной формы, т.к. фигурант уголовного дела, напротив, стремится, чтобы сведения о совершенных операциях не попадали в коммуникационные сети и автоматизированные базы данных. Исходя из вышеуказанного, использование электронных документов для целей производства экспертизы должно быть сопряжено с возможностью для эксперта подтвердить подлинность электронной подписи и факта поступления документа адресату.

Копия базы данных бухгалтерской программы, представленная на исследование эксперту, содержит, как правило, сведения относительно всей хозяйственной деятельности экономического субъекта. Поэтому на практике в случае применения хозяйствующим субъектом бухгалтерской программы эксперту целесообразно направить ходатайство инициатору исследования с требованием предоставить заверенные у должностных лиц исследуемой организации на бумажном носителе копии бухгалтерских отчетов и регистров учета, формат и содержание которых установлены в ходе исследования электронной версии базы данных, представленной эксперту. Эта необходимость вызвана тем, что учетными работниками в силу субъективных и объективных обстоятельств допускаются разнообразные ошибки, корректировки и исправления данных о фактах хозяйственной жизни на счетах учета и их несогласованность

с иными документами. Поэтому следователю необходимо соблюдать требования, предписанные ст. 87, 88 УПК РФ, и уделять особое внимание достоверности материалов дела, а при производстве выемки для целей экспертного исследования по возможности привлекать к указанному процессуальному действию специалиста-бухгалтера [4].

Как нами было отмечено выше, одним из компонентов, формирующих метод судебно-бухгалтерской экспертизы, является совокупность прав, реализованных экспертом при ее производстве. Кроме того, в соответствии с требованиями российского законодательства эксперт в своем заключении должен указать степень реализации своих прав, предусмотренных ст. 57 УПК РФ, согласно которой он вправе:

1. Знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы. Это является неотъемлемым приемом рассмотрения представленных материалов, оценки их достаточности и пригодности для исследования.

Объем предоставляемых на экспертизу материалов из имеющихся в распоряжении следователя должен быть согласован с экспертом, т.к. специальные познания инициатора не всегда позволяют правильно оценить их значимость и необходимость для всестороннего исследования.

2. Ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов.

Это одна из наиболее существенных позиций прав эксперта, т.к. на практике возникают случаи потребности в иных материалах и сведениях. К примеру, это могут быть актуальные сведения о состоянии расчетов экономического субъекта с бюджетом по налогам, пояснения лиц, ответственных за организацию и ведение бухгалтерского учета, факты хозяйственной жизни, зафиксированные в представленных для экспертизы документах, материалы встречных проверок с контрагентами, сведения, имеющиеся в распоряжении органов государственной власти, уполномоченных в области ведения регистрационного учета объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, обязательств, сведения о выделении бюджетных ассигнований, участии субъекта в различного рода проектах и программах и др. Объем и специфика представленных учетных сведений могут потребовать также привлечение соответствующих специалистов для дачи заключения по отдельным вопросам, необходимым для формирования вывода на основной поставленный инициатором вопрос. Наиболее

частыми являются обращения к специалистам в области автоматизации бухгалтерского учета, сметного планирования, фондового рынка, бюджетного процесса, мелиорации, промышленной безопасности и множества других.

Одним из самых насущных остается вопрос о необходимости восстановления данных учета для формирования выводов. В качестве примера можно привести исследование доходов и расходов товариществ собственников жилья. В большинстве случаев при исследовании таких практических материалов выясняется, что учет ведется в несоответствии с установленными правилами. На исследование представляется набор первичных учетных документов, не сгруппированных ни по содержанию, ни по хронологии выписки (изготовления). Перед экспертом возникает задача системного обобщения таких сведений. Это существенно увеличивает трудовые и временные затраты на проведение исследования, в том числе если речь идет о крупном предприятии, где в штат учетных работников входят десятки человек. Кроме того, в силу обстоятельств противодействия фигуранта дела учетные регистры для проведения экспертизы зачастую не бывают представлены, в таком случае их восстановление займет весьма большое количество времени и может быть нецелесообразным. Известные инструкции производства экспертиз не регламентируют данную ситуацию. В данном случае возможно привлечение дополнительных специалистов к проведению исследования и эффективное сотрудничество со следователем, который должен обеспечить сбор необходимых сведений и возможность их истребования, в том числе в ходе работы с фигурантом уголовного дела.

3. Участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы. Такое участие позволяет уточнить имеющиеся сведения, обеспечить сбор и представление необходимых для проведения исследования данных и иной полезной информации. Допрос с участием эксперта позволяет устранить имеющиеся (обнаруженные в ходе исследования) несогласованность учетных сведений и фактов хозяйственной жизни, определить намерение и цели отражения в учете сделок, операций, схем, сотрудничество с контрагентами и другие важные для исследования вопросы. Это позволяет эксперту составить картину исследуемых событий, череду фактов хозяйственной жизни в целях объективной их оценки, исходя из существа поставленных вопросов.

Участвовать в производстве процессуального действия эксперт может только с разрешения соответствующего должностного лица,

которое может быть оформлено и в виде отдельного постановления. На наш взгляд, факт получения такого разрешения рекомендуется отражать не только в протоколе процессуального действия, фиксирующем его ход и результаты, но и в вводной части заключения эксперта.

4. Давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования. Считаем важным данное право эксперта, т.к. существование исследования может привести к открытию новых, значимых для дела фактов и обстоятельств. Однако любой вывод ограничен компетенцией эксперта. Например, указание в заключении суммы налога на добавленную стоимость, неправомерно заявленного к возмещению, и одновременно суммы не полностью исчисленного и уплаченного налога, причиной которых являлось установление сумм неправомерно заявленных налоговых вычетов, классифицируют по разным статьям УК РФ, хотя на этапе доследственной проверки усматривался только один состав.

5. Приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права. Наличие у эксперта этого права позволяет ему не рекомендовать, а настаивать на изъятии и представлении ему для производства судебной экспертизы конкретных объектов из конкретных мест, определенным способом изъятых и упакованных. Следователь, не выполняющий это требование не подлежащего отводу эксперта, автоматически нарушает положения, закрепленные в п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ. Эксперт, реализуя свои процессуальные права участника следственного действия, должен данный факт отразить в вводной части заключения эксперта, а также в протоколе следственного действия в виде высказанных им аргументированных замечаний по ходу производства следственного действия и имевшего место ограничения его прав, а затем обжаловать действия лица, производящего следственное действие, в порядке, предусмотренном гл. 16 УПК РФ.

6. Отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения. Отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа. Отказ от дачи заключения может быть осуществлен сразу после ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и представленными с ним материалами дела или после проведения исследования. В некоторых случаях эксперт

вправе отвечать не на все, а лишь на часть поставленных перед ним вопросов. Допросить эксперта по поводу оснований отказа от дачи заключения невозможно, т.к. эксперт дает разъяснения или дополнения только по данному им заключению.

Расчет показателей и формирование выводов по результатам исследования составляют основную часть производства судебно-бухгалтерской экспертизы. Эксперту необходимо обобщить сведения из представленных материалов в определенном формате, пригодном для достоверной оценки фактов хозяйственной жизни объекта исследования и формирования выводов на поставленные вопросы. Методика здесь может быть весьма разнообразна и зависит от целей, задач и характера исследования, кроме того, эксперт вправе применить методы исследования в соответствии со своей профессиональной подготовкой. Это общенаучные методы, методы экономического анализа, финансовой математики, статистики и др. Чаще всего эксперт оценивает ситуацию путем сравнения и сопоставления сведений, полученных из разных источников, производит пересчет показателей финансового результата, оценивает обоснованность и соответствие правилам отражения учетных объектов, соответствие записей бухгалтерского и налогового учета и отчетности действительному характеру фактов хозяйственной жизни. Невозможно в данной ситуации применение оценки и прогнозирования, использование факторного анализа, т.к. применение того или иного специфического метода необходимо обосновать документально и подтвердить показаниями фигурантов дела,

тем более, что процедура исследования зачастую становится предметом дискуссии в ходе судебного заседания. Поэтому грамотное формулирование, конкретизация и обоснование вопросов, уточнение периода исследования или отдельных фактов хозяйственной жизни экономического субъекта позволят эксперту с максимальной определенностью выбрать оптимальную совокупность методов исследования и в конечном итоге прийти к категоричным выводам.

Результаты проведенного экспертного исследования зачастую становятся предметом споров и дискуссий сторон судебного процесса, и это влечет особую ответственность эксперта на протяжении всего разбирательства по исследуемому делу.

Таким образом, на сегодняшний день существует достаточно большое количество факторов, влияющих на процедуру проведения экспертного исследования и выбор ее метода. К ним следует отнести специфику предмета и задач экспертного исследования, соблюдения инициатором исследования отдельных сторон процедуры назначения экспертизы, степени реализации процессуальных прав эксперта в ходе производства исследования, особенности предоставленных эксперту электронных документов и баз данных бухгалтерских программ экономического субъекта, но при этом значение и авторитет экспертного заключения напрямую зависят от соблюдения в экспертной деятельности основных принципов законности, непредвзятости, объективности, всесторонности, ответственности, независимости, профессионального подхода и полноты исследования.

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 71-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О бухгалтерском учете: федер. закон от 6 дек. 2011 г. № 402-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Дрога А.А., Першин С.П. Актуальные вопросы производства судебно-бухгалтерской экспертизы в современных условиях // Общество и право. 2014. № 3(49). С. 211–216.

1. About the state judicial-expert activity in the Russian Federation: fed. law d.d. May 31, 2001 № 71-FL [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 18, 2001 № 174-FL [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. About the accounting: fed. law d.d. Dec. 6, 2011 № 402-FL [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Droga A.A., Pershin S.P. The present day actual questions of execution of judicial-account expertise // Society and law. 2014. № 3(49). P. 211–216.

Самусь Галина Александровна

адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: galinbuyakov@yandex.ru)

К вопросу об использовании электронных документов в процессе доказывания фактов нецелевого расходования и распределения бюджетных средств

В статье рассматривается вопрос об использовании электронных документов при расследовании нецелевого расходования и распределения бюджетных средств. Указывается, что электронные документы являются носителями информации, работа с которыми сопровождает процесс расследования по фактам нецелевого расходования и распределения бюджетных средств, способствует поиску и фиксации доказательств, в связи с чем могут выступать доказательствами по уголовному делу.

Ключевые слова: электронный документ, фиксация доказательств, уголовное дело, расследование.

G.A. Samus, Adjunct of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: galinbuyakov@yandex.ru

To a question of use electronic documents in the course of proof of the facts of an inappropriate expenditure and distribution of budgetary funds

The article rises the question of use of electronic documents in case of investigation of inappropriate expenditure and distribution of budgetary funds. It is pointed that electronic documents are data carriers, work with which accompanies process of investigation on the facts of inappropriate expenditure and distribution of budgetary funds, promotes search and fixing of proofs, that is why documents can serve evidence in criminal case.

Key words: electronic document, fixing of proofs, criminal case, investigation.

Доказывание в уголовном процессе представляет собой познавательную деятельность, направленную на установление фактов и обстоятельств, имеющих место во время совершения преступления. Познание происходит через совокупность имеющихся доказательств с использованием специальных средств, результаты чего закрепляются в установленной процессуальной форме [1, с. 189].

Понятие доказательств, их закрытый перечень приведены в ст. 74 УПК РФ, из содержания которой усматривается, что большинство видов доказательств имеет документальную основу. Вместе с тем, в действующем уголовно-процессуальном законе отсутствует понятие документа, а также не регламентированы его основные нормативные критерии.

Вопросы использования документов как средства доказывания в уголовном процессе неоднократно возникали среди ученых-процессуалистов. Документ как носитель информации, как самостоятельное доказательство

обладает рядом характерных свойств. Важным элементом в документе, имеющим доказательственное значение, является его содержание, форма играет вспомогательную роль. Сущность документов заключается в их специальном изготовлении людьми для запечатления определенных сведений о фактах.

При расследовании нецелевого расходования и распределения бюджетных средств документы составляют основу доказательственной базы. Они являются носителями информации. Работа с документами сопровождает весь процесс расследования. С практической точки зрения документы по указанной категории дел целесообразно разделить на документы, являющиеся носителями экономической информации, и документы, являющиеся носителями правовой информации.

По мнению автора, приведенная классификация весьма оправдана, т.к. в уголовно-процессуальном законодательстве нет четких критериев отграничения документов – вещественных доказательств от иных документов,

не выработан однозначный подход к вопросу соотношения информации и сведений, отраженных в документе. В недостаточной степени освещены проблемы, связанные с использованием электронных документов, порядком их истребования, приобщения к уголовному делу, несмотря на то, что на сегодняшний день при совершении преступлений повсеместное широкое распространение получила форма электронного документа. Сделанные выводы подтверждаются ростом коррупционных фактов, которые постоянно освещаются в средствах массовой информации, а также совершением мошеннических действий через «электронные деньги».

Новации в процессе компьютеризации стремительно воздействуют на мировое сообщество, что, в свою очередь, влечет за собой рост физических и юридических лиц, применяющих разнообразные электронные технические устройства, автоматизированные сети и системы для создания, обработки и передачи документированной информации. На смену бумажным документам приходят так называемые безбумажные, основанные на использовании средств электронно-вычислительной техники и электросвязи, одним из продуктов которых являются электронные документы, повсеместно и широко внедряемые и применяемые во многих сферах экономической деятельности [2].

Вопрос о возможности использования электронных документов в качестве доказательств по уголовным делам впервые в 1973 г. рассмотрел В.К. Лисиченко в докторской диссертации «Криминалистическое исследование документов (правовые и методологические проблемы)» [3, с. 49–56].

Электронные документы стали использоваться в качестве доказательств по уголовным делам уже с конца 70-х гг. Однако их полное определение и классификация впервые были предложены лишь в 1991 г. В.И. Першиковым и В.М. Савиновым. Ученые предложили понимать под электронным документом совокупность данных в памяти ЭВМ, предназначенных для восприятия человеком с помощью соответствующих программных и аппаратных средств [4, с. 89].

По мнению А.П. Вершинина, существенными признаками электронного документа являются его содержание (информация) и форма (технический электронный носитель информации). Электронный документ содержит информацию, зафиксированную на электронных носителях и содержащую реквизиты, позволяющие ее идентифицировать. Информация,

сведения, данные являются терминами-синонимами [5, с. 40–41].

В.А. Мещеряков впервые ввел понятие «виртуальный документ», под которым понимал совокупность информационных объектов, создаваемых в результате взаимодействия пользователя с электронной информационной системой [6, с. 167].

Аналогичной позиции придерживался Д.Б. Игнатъев, который считал, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме: в виде фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, кодов, шифров, электронных документов, автоматической самозаписи и других носителей информации, фиксируемой с помощью всевозможных научно-технических средств [7, с. 13].

Хотя многими учеными-криминалистами поддержана позиция об использовании электронного документа в процессе доказывания, ряд ученых высказывают противоположную точку зрения и считают, что в процессе доказывания должны использоваться документы на бумажном носителе [8, с. 44]. Важным элементом их содержания является собственноручная подпись, которая в процессе доказывания, по их мнению, решает следующие задачи:

1) убеждает читателя в том, что человек, подписавший документ, сделал это сознательно (подпись достоверна);

2) доказывает, что именно этот человек (и никто другой) сознательно подписал документ (подпись неподдельна);

3) будучи частью документа, защищает ее от мошеннического переноса в другой документ (подпись невозможно использовать повторно);

4) защищает и сам документ (подписанный документ невозможно изменить);

5) обеспечивает материальность документа и подписи, гарантирующей, что человек, подписавший документ, не сможет утверждать впоследствии, что документ подписан не им (от подписи нельзя отказаться).

Однако, как показывает практика, собственноручная подпись на бумажном документе по самой своей природе оставляет лазейки для мошенников. Недаром для затруднения их действий на бланки документов наносят специальные защитные знаки, применяют нумерацию и скрепление листов, а кроме того, наряду с самой подписью, используют собственноручное написание фамилии, имени, отчества на документе и т. п. Одним словом, при всех достоинствах собственноручная подпись обладает и целым рядом недостатков, подлинность собственноручной подписи на практике стало

доказывать сложнее в связи с проникновением компьютерных технологий во все сферы человеческой деятельности [9].

Компьютерные технологии используют «бумажные» документы, основанные на использовании средств электронно-вычислительной техники и электросвязи, одним из продуктов которых являются электронные документы. Они стали повсеместно и широко применяться во многих сферах деятельности. Данный факт подтверждается тем, что в гражданском процессе формируется судебная практика, суды признают юридическую силу электронного документа.

Так, при рассмотрении дела № КГ-А40/4465-00 Федеральный арбитражный суд Московского округа в определении от 5 октября 2000 г. указал, что юридическая сила электронного документа может подтверждаться электронной подписью при наличии необходимых технических средств, которые обеспечивают идентификацию подписи, а также при соблюдении режима их использования. Аналогичная позиция прослеживается в постановлении от 5 ноября 2010 г. № КГ-А40/8531-03.

Федеральный арбитражный суд Центрального округа в постановлении от 28 апреля 2000 г. № 172/5 признал незаконными требования налогового органа о предоставлении выписки банка в бумажном варианте с подписями работников учреждения, заверенными печатью, при наличии таких выписок в электронной форме. В своем постановлении суд указал, что составление выписок по счету в электронной форме правомерно и основано на законе «Об информации, информатизации и защите информации», который предусматривает, что электронный документ, подтвержденный электронной подписью, имеет юридическую силу.

Таким образом, автор приходит к выводам, что использовать электронный документ в качестве доказательств необходимо и целесообразно не только в гражданском процессе, но и в уголовном.

Анализ судебной практики по факту нецелевого распределения и расходования бюджетных средств показал увеличение случаев нецелевого использования бюджетных средств в сфере осуществления закупок для государственных нужд. Как правило, государственные закупки осуществляются путем проведения конкурсных процедур в электронной форме. Заключение государственного контракта, пе-

речисление денежных средства в безналичной форме осуществляются путем подписания документа электронной подписью, после чего указанный документ становится носителем экономической информации и может использоваться в процессе доказывания.

Данный вывод подтверждается и ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», согласно которой информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством Российской Федерации, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе.

Учитывая, что уголовно-процессуальное законодательство не содержит требований к способу получения документа, его содержанию, автор приходит к выводу, что электронный документ можно использовать в процессе доказывания фактов нецелевого распределения и расходования бюджетных средств как вещественное доказательство либо иной документ в следующих случаях.

Во-первых, электронный документ, который будет использоваться, должен содержать сведения о лицах, предметах, фактах совершения нецелевого распределения и расходования бюджетных средств в электронно-цифровой форме, зафиксированные на машинном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам электросвязи посредством электромагнитных сигналов с реквизитами, позволяющими идентифицировать данные сведения.

Во-вторых, электронный документ будет признаваться доказательством по уголовному делу при наличии хотя бы одного из следующих условий: с помощью его осуществлялось движение бюджетных средств; документ содержит следы преступления; может служить средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела; изложенные в нем сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

1. Кобликов А.С. *Виды доказательств // Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.*

2. Вехов В.Б. *Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Рос. следователь. 2013. № 10. С. 5–8.*

3. Лисиченко В.К. *Криминалистическое исследование документов (правовые и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1973.*

4. Першиков В.И., Савинков В.М. *Толковый словарь по информатике. М., 1991.*

5. Вершинин А.П. *Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М., 2000.*

6. Мещеряков В.А. *Механизм слеодообразования при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Известия тульского государственного университета. Сер.: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. Тула, 2000. Вып. 3.*

7. Игнатъев Д.Б. *Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.*

8. Зайцев П. *Электронный документ как источник доказательств // Законность. 2002. № 4.*

9. Подволоцкий И.Н. *Правовые и криминалистические аспекты понятия «документ» // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2003. № 2.*

1. Koblikov A.S. *Types of proofs // Criminal trial: textbook for higher education institutions / ed. by V.P. Bozhyev. 2nd ed., rev. and extr. Moscow, 2000.*

2. Vekhov V.B. *Work with electronic proofs in the conditions of the changed criminal procedure legislation // Russian investigator. 2013. № 10. P. 5–8.*

3. Lisichenko V.K. *Criminalistic research of documents (legal and methodological problems): diss. ... Dr of Law. Kiev, 1973.*

4. Pershikov V.I., Savinkov V.M. *The explanatory dictionary on informatics. Moscow, 1991.*

5. Vershinin A.P. *Electronic document: legal form and proof in court. Moscow, 2000.*

6. Mescheryakov V.A. *Mechanism of step formation at commission of crimes in the sphere of computer information // News of Tula state university. Ser.: Modern problems of the legislation of Russia, jurisprudence and law-enforcement activity. Tula, 2000. Iss. 3.*

7. Ignatyev D.B. *Documents as proofs on cases of tax crimes: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2001.*

8. Zaytsev P. *Electronic document as source of proofs // Legality. 2002. № 4.*

9. Podvolotsky I.N. *Legal and criminalistic aspects of the concept «document» // «Black holes» of the Russian legislation. 2003. № 2.*

Эндерс Анастасия Игоревна

адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Теоретико-методологический аспект проблемы выявления и определения преступной деятельности в условиях целенаправленного сокрытия следов преступления (на примере поджогов)

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с противодействием сокрытию следов преступления. На примере поджогов как средства уничтожения улик рассматриваются основные методологические проблемы проведения эффективных следственных мероприятий. Доказывается необходимость формирования у работников правоохранительных органов специального комплекса знаний и навыков, направленных на определение факта сокрытия следов преступления.

Ключевые слова: преступность, латентная преступность, улики, сокрытие следов преступления, поджог.

A.I. Enders, Adjunct of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

Theoretical and methodological aspect of a problem of identification and definition of criminal activity in the conditions of purposeful concealment of traces of crime (on the example of arsons)

In the article the main problems connected with counteraction to concealment of traces of crime are considered. On the example of arsons as removers of proofs are considered the main methodological problems of carrying out effective investigative actions. In article need of formation at employees of law enforcement agencies of a special set of the knowledge and skills directed on definition of the fact of concealment of traces of crime is proved.

Key words: crime, latent crime, proofs, concealment of traces of crime, arson.

Структура современного российского общества имеет сравнительно недолгую историю развития. В связи с этим ряд социальных институтов пребывает на стадии активного становления, что определяет общий показатель нестабильности общественных процессов [1]. В этом отношении одним из важных механизмов стабилизации обстановки в обществе является правоохранительная структура, на уровне которой производится надзор за правопорядком в обществе и гашение отдельных негативных процессов на стадии их развития. Стабильность социальной структуры во многом определяется тем, насколько эффективной является работа правоохранительных органов. Совершенствование системы защиты правопорядка предполагает ее адаптацию к актуальным социальным условиям, что требует непрерывного отслеживания ситуации в обществе и внесения необходимых изменений как в структуру правоохранительных органов, так и в методологию подготовки новых

кадров. Это актуализирует значимость нахождения эффективных критериев оценки как методологического соответствия работы сотрудников полиции имеющейся структуре социальных процессов, так и результатов их деятельности.

Одним из важных показателей эффективности работы правоохранительных структур является раскрываемость преступлений. Однако следует различать действительное отношение числа раскрываемых преступлений по отношению к количеству правонарушений в обществе и соотношение между раскрытыми преступлениями и общим числом возбужденных уголовных дел. Несоответствие между реальным положением дел и тем, что отражается в криминологической статистике, может иметь двоякий характер. Речь идет, с одной стороны, об ошибочном возбуждении уголовного дела в ситуации, когда правонарушение фактически не имело место. Это может быть связано с ошибкой в трактовке фактов или умышленной фабрикацией дела (например, когда несчаст-

ный случай ошибочно квалифицируется как умышленное причинение ущерба одним лицом другому). С другой стороны, многие случаи нарушения закона не проходят стадию выявления, что проявляется на уровне феномена латентной преступности.

Существуют значительные сложности в оценке эффективности правоохранительных структур, связанные с определением числовых показателей роста (или уменьшения) преступности, а также раскрываемости преступлений. Очевидно, что рост показателей уровня преступности представляет собой свидетельство ухудшения ситуации в обществе, однако это может быть связано как со снижением эффективности работы правоохранительных органов, так и с интенсификацией негативных факторов, определяющих частоту возникновения правонарушений. В современном обществе к числу таких факторов можно отнести изменение экономической ситуации, усложнение системы коммуникации (что, в частности, проявляется на уровне развития цифровых технологий), в результате которого происходит самостоятельное формирование деструктивно настроенных групп [2, с. 100–104], нарушение функционального баланса основных социальных институтов [3, с. 32–35] и т.д. Проблему осложняет необходимость осознания в оценке работы правоохранительных органов различия между фактическим ростом уровня преступности и ростом числа зарегистрированных преступлений. Последнее может отражать как ухудшение ситуации в обществе, так и повышение эффективности работы правоохранительных органов в выявлении противоправной активности. В результате повышение статистики преступлений за конкретный период может быть расценено как негативный показатель, хотя фактически речь идет о повышении эффективности работы правоохранительных органов по их выявлению. Таким образом, для эффективной оценки работы правоохранительных органов необходимо учитывать не только прямые результаты криминальной статистики, но и факторы погрешности, определяемые изменением социальной ситуации и соотношением зарегистрированного числа преступлений и общего их количества. Сложность заключается в том, что фактически не существует адекватной методологии оценки данного соотношения в силу того, что латентный характер преступности не позволяет оценить масштабы ее развития. В связи с этим не только для повышения фактического показателя эффективности правоохранительных органов, но и для получения более адекватной информации по криминогенной обстановке в обществе приобретает значи-

мость развитие эффективных механизмов выявления случаев нарушения правовых норм, что определяет снижение погрешности в теоретической оценке криминогенной ситуации в обществе. К числу факторов, определяющих латентный характер преступности, следует отнести индивидуальные факторы, детерминирующие сокрытие фактов правонарушения со стороны потерпевших либо свидетелей (отрицательные социальные установки, страх перед субъектами преступной деятельности, недоверие к правоохранительным органам, юридическая безграмотность и т.д.), недостаточную квалификацию работников правоохранительных структур в выявлении случаев правонарушения (что предполагает недостаточно адекватную оценку совокупности данных о преступлении, ведущую к неточному определению его состава и, соответственно, степени тяжести), а также активную деятельность со стороны субъектов преступной деятельности, направленную на сокрытие как самого факта преступления, так и отдельных его аспектов. Очевидно, что эффективность работы правоохранительных органов обратно пропорциональна эффективности сокрытия следов преступления субъектами противоправной деятельности. Это определяет необходимость комплексного рассмотрения двух сторон проблемы: квалификации работников правоохранительных структур, а также степени эффективности действий преступников. Именно на уровне комплексного рассмотрения двух данных аспектов проблемы возможна адекватная оценка перспектив и актуальных направлений развития современных российских правоохранительных структур.

Сложность исследуемой проблемы требует ее теоретической детализации. С этой целью в настоящей статье нами будет произведен общий методологический обзор проблемы с выходом на частный уровень исследования (конкретно проблема будет рассмотрена на примере поджогов как средства сокрытия преступлений), а также исследование тематики развития способности правоохранительных структур к противодействию данному явлению.

В первую очередь необходимо отметить, что сокрытие следов преступления имеет двоякую ориентированность. Речь может идти как о попытке утаивания от правоохранительных органов самого факта правонарушения, так и о деятельности, направленной на препятствование установлению конкретных условий осуществления преступления. Здесь, в свою очередь, утаиваемые данные можно подразделить на факторы оценки характера преступления, а также на обстоятельства дела, отражающие участие конкретных лиц в его совершении, их

мотивы и действия. Поскольку в рассматриваемой нами проблеме одним из центральных аспектов является повышение эффективности процесса оценки криминогенной обстановки, существенное значение для настоящего обзора имеют как случаи сокрытия самого факта преступления, так и действия, препятствующие адекватной оценке состава преступления, в частности степени его тяжести. В этом отношении одним из ярких примеров деятельности по сокрытию преступлений является совершение поджогов с целью уничтожения улик, прямо или косвенно указывающих на конкретные обстоятельства дела.

Рассмотрим для начала, какие конкретно факторы определяют сам по себе процесс установления факта осуществления противоправной деятельности. Для правоохранительных органов основными источниками данных о существовании преступлений являются:

показания потерпевших, свидетелей либо самих участников преступной деятельности непосредственно о факте правонарушения;

вещественные улики, напрямую или косвенно указывающие на осуществление преступной деятельности;

непосредственная фиксация процесса правонарушения сотрудниками правоохранительных органов;

косвенная информация, в совокупности позволяющая сделать заключение о наличии правонарушения (последнее предполагает систематизацию получаемых данных, в результате которой делается вывод о несоответствии между заявленной картиной происшествия и его действительным ходом развития, например несоответствие финансовых отчетов и фактического объема операций, известного благодаря свидетельским показаниям).

Очевидно, что процесс сокрытия следов преступления предполагает воздействие на источники информации либо на участников следствия [4]. Рассмотрим, каким образом могут быть реализованы различные формы сокрытия следов преступления на примере поджогов и, в частности, какие качества и навыки представителей правоохранительных органов необходимы для выявления данной формы преступной деятельности.

Традиционно в исследовательской литературе рассматривается роль поджогов в уничтожении вещественных улик, указывающих на факт совершения преступления или отдельные аспекты дела. В данном случае может иметь место один из двух вариантов: маскировка конкретного преступления посредством поджога (например, попытка выдать похищенное имущество за сгоревшее при пожаре) либо уничтожение вещественных улик, указы-

вающих на причастность конкретного лица к совершению преступления, наличие которого должно попасть в поле зрения представителей правоохранительных органов. Помимо уничтожения непосредственных улик, указывающих на участие субъекта преступной деятельности, поджог может быть ориентирован и на устранение иных обстоятельств, напрямую затрагивающих интересы преступника. Так, например, целью поджога может являться одновременно и сокрытие следов существующего преступления и нанесение непосредственного ущерба какому-либо лицу или предприятию. В данном случае одним из эффективных направлений расследования является определение круга заинтересованных в конкретном пожаре лиц. Ситуация, однако, осложняется тем, что при отсутствии у работников правоохранительных органов данных о наличии сокрываемого преступления следствие может пойти в тупик либо пойти в неверном направлении, что связано с искажением картины событий. Наконец, наиболее тяжелой для выявления выступает ситуация, когда скрытым является как факт преступления (следы которого могут быть частично или полностью уничтожены при пожаре), так и факт самого поджога. В подобной ситуации поводом для выявления всей совокупности преступных деяний является обнаружение следов поджога, что требует от работников правоохранительных органов наличия специальных знаний и навыков по определению характера пожара и его источника. Отсюда проистекает актуальность развития правоохранительной структуры в двух направлениях – улучшение общей методологии проверки и оценки характера пожаров, а также подготовка квалифицированных кадров, способных с большей точностью определить как характер возгорания, так и его источники. Это связано с тем, что ряд существенных улик, указывающих на целенаправленное создание условий для возгорания, может иметь неявный характер и ускользнуть от человека, не обладающего специальным набором знаний (так, например, важной уликой могут являться остатки химических веществ, вызвавших возгорание, а их обнаружение, в свою очередь, в ряде случаев возможно при условии определения направления, в котором происходило распространение огня) [5]. Таким образом, наличие квалифицированных специалистов, способных определить источники пожара и его характер, в существенной мере определяет эффективность работы правоохранительных органов по выявлению преступлений.

Помимо воздействия на материальные улики поджог может выполнять и иную функцию, а

именно воздействие на свидетелей или иных лиц, от которых зависит ход расследования или делопроизводства. В таком случае поджог выступает в качестве акта устрашения (либо способа покушения на лиц, угрожающих интересам преступника). Выявление таких случаев поджога крайне затруднительно при условии, если нет явных улик, указывающих на преднамеренное создание очагов возгорания, либо свидетельских показаний лиц, выступающих в качестве объектов преступного воздействия.

На общем уровне можно выделить два основных варианта выявления поджога – прямой и косвенный. При прямом выявлении факта поджога речь идет об обнаружении улики, свидетельствующих о наличии целенаправленных действий по созданию очагов возгорания. Косвенное выявление факта поджога предполагает анализ сопутствующих обстоятельств (оценка ущерба, определение круга лиц, которым данное возгорание по каким-либо причинам может быть выгодно, и т.д.). Последнее наиболее вероятно в том случае, когда работники правоохранительных органов уже ведут оперативную разработку конкретного дела, с обстоятельствами которого напрямую или косвенно связано наличие пожара. Что существенно, разработка совокупности связанных между собой преступлений значительно эффективнее, нежели расследование какого-либо одного из них, что связано с количеством возможных улик, которыми располагает следствие. По этой причине

эффективное выявление деяний, направленных на сокрытие преступлений, способствует не только более эффективной оценке уровня преступности, но и росту раскрываемости преступлений.

По итогам проведенного краткого обзора можно сделать вывод о том, что деятельность по сокрытию преступлений представляет собой не только важный негативный фактор, влияющий на эффективность работы правоохранительных органов, но также представляет собой источник информации о преступнике в случае, если сокрытие следов преступления производилось им недостаточно эффективно, либо при условии, что сама деятельность, направленная на противодействие следствию, позволила приобрести дополнительные улики по разрабатываемому делу. Однако использование этого обстоятельства возможно только при условии, если работники правоохранительных органов будут обладать развитой методологией не только по расследованию непосредственно выявленных преступлений, но также и по определению следов их сокрытия. Таким образом, развитие методов по противодействию следствию со стороны преступных элементов требует соответствующего комплекса мер, направленных на повышение эффективности выявления следов преступления, что определяет значимость специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

1. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (дата обращения: 24.12.2014).

2. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 4(22).

3. Нарыков Н.В. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Общество и право. 2003. № 1.

4. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному следствию. Свердловск, 1992.

5. Зернов С.И. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, сопряженных с пожарами. М., 1996.

1. Plotnikov V.V. Dysfunctional crisis of social institutes and local threat of national security // Theory and practice of social development. 2014. № 19. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (date of access: 25.12.2014).

2. Kubyakin E.O., Safronov A.N. Informational extremism in the youth environment as destructive phenomenon of the modern Russian society // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2013. № 4(22).

3. Narykov N.V. Globalization as source of the international conflicts and aggravation of the competition // Society and law. 2003. № 1.

4. Karagodin V.N. Overcoming of counteraction to preliminary investigation. Sverdlovsk, 1992.

5. Zernov S.I. Technical and criminalistic ensuring investigation of the crimes interfaced to the fires. Moscow, 1996.

Антонов Игорь Алексеевич

доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: docantonov@yandex.ru)

Каширин Роман Михайлович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
Псковского филиала Академии ФСИН России
(e-mail: kupecdmb@yandex.ru)

Организация режима в местах содержания под стражей: формирование категориального аппарата и основные направления деятельности

В статье исследуется понятийный аппарат организации режима в местах содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей, что обусловлено противоречиями нормативного регулирования целей, задач, содержания деятельности сотрудников ФСИН России, обеспечивающих режим в различных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, содержание под стражей, следственный изолятор, режим, подозреваемый, обвиняемый.

I.A. Antonov, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: docantonov@yandex.ru;

R.M. Kashirin, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Operational-Investigative Activity of the Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; e-mail: kupecdmb@yandex.ru

Organization of the regime in places of detention: forming of categorical apparatus and the main activities

The article investigates the conceptual organization of the regime in places of detention of suspects and accused persons detained by contradictions of regulatory goals, objectives, content, activities of employees of the Federal penitentiary service of Russia for mode in various institutions of the penal system.

Key words: criminal-executive system, detention, remand, mode, suspect, accused.

Особенности функционирования следственных изоляторов определяются целями и задачами, стоящими перед ними, а также специфическим контингентом, содержащимся в данных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Естественно вытекающим из этих особенностей условием является то, что среди средств обеспечения нормального функционирования указанных учреждений уголовно-исполнительной системы важное место занимает обеспечение режима. При этом эффективность организации режима в следственных изоляторах, как и в любом ином учреждении, во многом зависит от должного нормативного регулирования возникающих правоотношений, базирующегося на четком понимании существа реализуемых функций, сути деятельности, категориального аппарата деятельности и т.п.

В связи с этим необходимо отметить, что термин «режим» применяется как в повседневной жизни (например, пропускной режим, больничный режим), так и в нормативных правовых документах. В российском законодательстве даются определения различных видов режимов: противопожарный, режим труда и отдыха, общий режим кредитования и т.д.

На основе изучения всего многообразия встречающихся в нормативных документах видов режима можно сделать несколько выводов, определяющих общие признаки режима: во-первых, все виды режима по своей форме представляют собой набор норм, правил, процедур, условий, которые регулируют ту или иную сферу деятельности; во-вторых, эти правила устанавливаются уполномоченными на то государственными либо иными органами в установленном порядке.

В целом термин «режим» относится к различным отраслям права. Встречается он и в правовых актах, имеющих непосредственное отношение к деятельности пенитенциарных учреждений [1; 2; 3]. Теоретики уголовно-исполнительного права легко используют его в своих исследованиях.

Непосредственно изучением сущности, определения режима и проблемами его обеспечения занимались такие известные отечественные ученые-пенитенциаристы, как А.И. Зубков, Б.Б. Казак, Ю.Ф. Кваша, А.С. Михлин, А.В. Папуашвили, С.В. Познышев, В.И. Селиверстов, Н.А. Стручков, Ю.М. Ткачевский, Б.С. Утевский, И.В. Шмаров и др., которые создали необходимые методологические предпосылки для его дальнейшего исследования [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Однако сформулированного, уже устоявшегося научно-теоретического определения режима в следственном изоляторе (режима в местах содержания под стражей) в их работах нет. Именно на это нацелено настоящее исследование с учетом того, что от его формулирования зависит и содержание самой деятельности по обеспечению режима в местах содержания под стражей. Итак, рассмотрим эту правовую категорию в сравнении с понятием «режим в исправительном учреждении» в целом.

Режим отбывания наказания в виде лишения свободы является самым первым фундаментальным средством исправления осужденных, т.к. все остальные, причем не менее значимые, средства исправления, такие как воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка, общественное воздействие, базируются на строгом соблюдении режимных требований и жесткой регламентации всей жизни осужденных в исправительном учреждении [10, с. 305–306; 11, с. 230]. Данный тезис находит подтверждение и на законодательном уровне.

В ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) режим определен как установленный порядок исполнения и отбывания наказаний. УИК РФ содержит целую главу (гл. 12), которая целиком посвящена режиму. В ст. 82 этой главы дается более полное определение режима в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных,

различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Данное определение полностью подпадает под указанные выше признаки режима: режим в исправительных учреждениях – это совокупность правил, которые регулируют порядок исполнения и отбывания лишения свободы; правила установлены законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами [12, с. 39–42].

Режим в местах лишения свободы выполняет различные функции. Прежде всего, в рамках режима реализуются те правоограничения и лишения, которые присущи данному виду наказания, т.е., как отмечает О.Г. Перминов, он несет в себе карательную функцию. Реализуя кару, правила режима вынуждают осужденного соблюдать требования закона, не нарушать дисциплину, изменить свое поведение и т.п. В этом проявляется его воспитательная функция. Иной функцией режима является частная превенция, предупреждение, пресечение совершения новых преступлений осужденными [13, с. 153].

В ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» указывается, что в местах содержания под стражей устанавливается режим, обеспечивающий соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Обеспечение режима возлагается на администрацию, а также на сотрудников мест содержания под стражей, которые несут установленную законом ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей.

Сравнительный анализ содержательной стороны понятий «режим в исправительном учреждении» и «режим в местах содержания под стражей» четко показывает их правовое различие, установленное законодателем. Режим в исправительном учреждении направлен на порядок исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, на охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, предупреждение преступности и нарушений режима содержания в исправительном учреждении (объектами применения режимных требований выступают осужденные к лишению свободы, лица, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу). Режим в местах содержания под стражей направлен на обеспечение соблюдения прав подозреваемых и

обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, т.е. объектами применения режимных требований выступают участники уголовного процесса: подозреваемые и обвиняемые, вина которых еще не доказана.

При этом важно подчеркнуть, что в ст. 15 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» законодателем не дано определение режима содержания под стражей, а только указано на то, что он устанавливается и обеспечивает: 1) соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых; 2) исполнение подозреваемыми и обвиняемыми своих обязанностей; 3) изоляцию подозреваемых и обвиняемых; 4) выполнение задач, предусмотренных УПК РФ.

Конечно, такая правозащитная законодательная позиция (на первое место выносятся соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых) вполне соответствует с положениям Минимальных стандартных правил обращения с заключенными [14], однако это не соответствует целям помещения лиц в следственный изолятор, а отсутствие законодательного определения режима содержания под стражей является пробелом в действующем законодательстве.

Часть 2 гл. 1 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 14 января 2005 г. № 189 повторяет содержание ст. 15 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и дополняет его: «Режим представляет собой регламентируемые Федеральным законом, настоящими Правилами и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации порядок и условия содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [15].

В Инструкции об организации службы по обеспечению надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы [16] режим определяется как порядок и условия содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также порядок отбывания лишения свободы осужденными в тюрьмах и осужденными, оставленными для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию в СИЗО (тюрьме), реализация их прав, обязанностей и законных интересов.

Как видим, в Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и Инструкции об организации службы по обеспечению надзора за

подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы, в отличие от ст. 15 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», дается определение режима содержания под стражей, однако, помимо того, что оно регламентировано внутренними приказами Минюста России, а не законодателем, оно не раскрывает такие позиции, как реализация прав и обязанностей более широкой категории лиц, охрана подозреваемых и обвиняемых, а также надзор за ними. Кроме того, рассматриваемые определения не согласуются с положениями УИК РФ (ст. 82).

Таким образом, сегодня для создания единого правового поля и повышения эффективности правоприменительной практики назрела необходимость теоретического решения указанного вопроса и формулировки определения режима содержания под стражей.

Представляется, что содержательную сторону режима содержания под стражей составляют:

1) права и обязанности тех, кто выполняет данную государственную функцию, в частности сотрудников ФСИН России (в Положении о Федеральной службе исполнения наказаний подчеркивается, что ФСИН России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через свои территориальные органы, учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы, а также предприятия и учреждения, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы [17]);

2) права и обязанности тех, кто содержится в следственных изоляторах;

3) права и обязанности лиц, которые в целом не имеют прямого отношения к процессу изоляции от общества, но соприкасаются с данным процессом, а также оказывают содействие и помощь в работе данных учреждений, например представители общественных и религиозных объединений, должностные лица государственных органов, которые посещают учреждения уголовно-исполнительной системы и т.д. [12, с. 39–42].

При этом режим в местах содержания под стражей должен в первую очередь обеспечить охрану и изоляцию подозреваемых и обвиняемых, а также надзор за ними, конечно, не нарушая их иных прав и не ограничивая законных интересов, что в определенной мере подчеркивает его сходство с режимом в исправительном учреждении.

Главенствующую роль в обеспечении режима в местах содержания под стражей и его составляющих, т.е. охраны, изоляции и надзора, играют территориальные управления ФСИН России, организация деятельности которых имеет свои особенности.

Охрана учреждений уголовно-исполнительной системы может осуществляться выставлением часовых, оперативным дежурством караула. Часовые осуществляют охрану учреждений наблюдением с вышек, патрулированием вокруг объекта по установленному направлению. Особую роль в охране учреждений играют кинологические подразделения, задачей которых является усиление охраны на узких участках в побеговом отношении участках периметра.

Следует отметить, что эффективная организация надзора в следственном изоляторе за поведением подозреваемых, обвиняемых и осужденных является средством, выполняющим обеспечивающую функцию, реализация которой имеет упреждающее воздействие на их поведение, способствует пресечению в их среде криминогенных явлений, включая межличностные конфликты.

Проблемы, относящиеся к сфере организации надзора в следственном изоляторе, обуславливают то, что многие факты отклоняющегося поведения подозреваемых и обвиняемых (азартные игры, долговые зависимости, конфликтные отношения, приобретение запрещенных предметов, неконтролируемые каналы связи перечисленных лиц с криминалитетом, находящимся вне следственного изолятора и пр.) трансформируются в правонарушения, образуют условия, создающие угрозу безопасности как сотрудников, так и лиц, содержащихся в следственном изоляторе, и иных граждан, находящихся на территории следственного изолятора. Кроме того, слабая система организации надзора в следственном изоляторе спо-

собствует осложнению оперативной обстановки и совершению преступлений.

Организация надзора в следственном изоляторе, осуществляемая в целях обеспечения безопасности, по нашему мнению, должна предусматривать создание определенного функционального механизма, составными элементами которого являются: личное участие в организации надзора начальника следственного изолятора, заключающееся в принятии управленческого решения в форме утверждения плана надзора; письменный приказ по обеспечению надзора; несение службы на внутренних постах; непосредственное участие в организации надзора отделом режима, дежурными службами; взаимодействие сотрудников оперативного отдела с дежурным помощником начальника следственного изолятора по обеспечению их информацией упреждающего совершения правонарушений характера.

С учетом изложенного следует отметить, что под режимом в местах содержания под стражей следует понимать установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок, включающий в себя систему мер, обеспечивающих непрерывный контроль за поведением подозреваемых, обвиняемых и осужденных в целях соблюдения ими установленных нормативными правовыми актами правил, обеспечения их надежной охраны и изоляции, безопасности перечисленных лиц, сотрудников, граждан, находящихся на территории следственного изолятора, а также реализацию прав и обязанностей указанных лиц и выполнение задач, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

1. Уголовно-исполнительный кодекс РФ: федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

2. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

3. Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: приказ Генерального прокурора РФ от 16 янв. 2014 г. № 6 // Законность. 2014. № 4.

4. Кваша Ю.Ф., Михлин А.С. Злостные нарушители режима в ИТК: учеб. пособие. Рязань, 1982.

5. Папуашвили А.В., Стручков Н.А. Режим в исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование: учеб. пособие. Рязань, 1985.

1. Criminal executive code of the Russian Federation: fed. law d.d. Jan. 8, 1997 № 1-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 2. Art. 198.

2. On the custody of suspects and accused of committing crimes: fed. law d.d. July 15, 1995 № 103-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 29. Art. 2759.

3. On the organization of supervision over implementation of laws by the administrations of the institutions and bodies executing criminal punishment, detention facilities in custody of suspects and accused of committing crimes: decree of the Prosecutor General of the Russian Federation d.d. Jan. 16, 2014 № 6 // Legality. 2014. № 4.

4. Kvasha Yu.F., Mikhlin A.S. Worst violators of the regime in the penitentiary: study aid. Ryazan, 1982.

5. Papuashvily A.V., Stychkov N.A. The regime in corrective labour institutions and law: study aid. Ryazan, 1985.

6. Казак Б.Б. *Службы безопасности исправительных колоний: современное состояние функционирования и перспективы*. 2-е изд., испр. Псков, 2007.

7. *Уголовно-исполнительный кодекс РФ. С постатейными материалами / сост. В.А. Казакова, Е.Ю. Панкратьева; под общ. ред. Ю.И. Калинина; науч. ред. А.С. Михлин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.*

8. Михлин А.С., Пономарев П.Г., Селиверстов В.И., Шмаров И.В. *Уголовно-исполнительное право / под ред. И.В. Шмарова. М., 1996.*

9. Детков М.Г., Зубков А.И., Кузьмин С.И., Уткин В.А. *Уголовно-исполнительное право России. Теория. Законодательство. Международные стандарты. Отечественная практика XX века: учеб. / под ред. А.И. Зубкова. М., 2004.*

10. *Уголовно-исполнительное право: учеб. / под ред. В.И. Селиверстова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2010.*

11. Зубарев С.М., Токаченко А.А. *Уголовно-исполнительное право: учеб. / отв. ред. А.С. Михлин. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.*

12. Буторин Д.Е. *Понятие режима содержания под стражей лиц в следственных изоляторах // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1.*

13. Бриллиантов А.В., Детков М.Г., Перминов О.Г. *Уголовно-исполнительное право России: учеб. пособие / под ред. О.Г. Перминова. М., 2001.*

14. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (утв. ООН 30 авг. 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 г.) // *Советская юстиция. 1992. № 2.*

15. *Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 14 окт. 2005 г. № 189 (в ред. от 27 дек. 2010 г.) // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46.*

16. *Об утверждении Инструкции об организации службы по обеспечению надзора за подготавливаемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 3 нояб. 2005 г. № 204. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».*

17. *Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента РФ от 13 окт. 2004 г. № 1314 // Собр. законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.*

6. Kazak B.B. *Security correctional facilities: current status of operation and prospects. 2nd ed., rev. Pskov, 2007.*

7. *Criminal executive code of the Russian Federation. With an itemized materials / comp. V.A. Kazakova, E.Yu Pankratieva; gen. ed. by Yu.I. Kalinin; sci. ed. by A.S. Mikhlin. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2003.*

8. Mikhlin A.S., Ponomarev P.G., Seliverstov V.I., Shmarov I.V. *Penal law / ed. by I.V. Shmarov. Moscow, 1996.*

9. Detkov M.G., Zubkov A.I., Kuzmin S.I., Utkin A.V. *Criminal executive law of Russia. Theory. Legislation. International standards. Domestic practice of the twentieth century: textbook / ed. by A.I. Zubkov. Moscow, 2004.*

10. *Penal law: textbook / ed. by V.I. Seliverstov. 5th ed., rev. and suppl. Moscow, 2010.*

11. Zubarev S.M., Tokachenko A.A. *Penal law: textbook / resp. ed. A.S. Mikhlin. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow, 2011.*

12. Butorin D.E. *Concept of the detention regime of persons in pretrial detention facilities // Penal law. 2009. № 1.*

13. Brilliantov A.V., Detkov M.G., Perminov O.G. *Criminal executive law of Russia: study aid / ed. by O.G. Perminov. Moscow, 2001.*

14. *Standard minimum rules for the treatment of prisoners (adopted by the UN on 30 August 1955, approved by the Economic and Social Council at 994th plenary meeting, on 31 July 1957) // Soviet justice. 1992. № 2.*

15. *Approval of internal regulations of investigatory insulators of criminally-executive system: order of the Ministry of Justice of Russia d.d. Oct. 14, 2005 № 189 (as amended on Dec. 27, 2010) // Bull. of normative acts of federal bodies of executive power. 2005. № 46.*

16. *About approval of the Instruction about the organization service to ensure the supervision of suspects, accused and convicts are held in remand centres and prisons of the penal system: order of the Ministry of Justice of Russia d.d. Nov. 3, 2005 № 204. Access from legal reference system «ConsultantPlus».*

17. *Issues of Federal service of execution of punishments: decree of the President of the Russian Federation d.d. Oct. 13, 2004 № 1314 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 42. Art. 4109.*

Дудин Николай Павлович

кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного и таможенного права
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии
(e-mail: n.p.dudin@yandex.ru)

Становление и развитие правоохранительной системы Российской Федерации

В статье исследуются теоретические вопросы формирования, функционирования и развития правоохранительной системы. Определено ее место и роль в развитии социальной жизни, науки и практики. Рассмотрены основные закономерности возникновения, становления и развития исторических этапов и форм правоохранительной системы.

Ключевые слова: правоохранительная система, правоохранительная деятельность, периодизация правоохранительной системы, история права.

N.P. Dudin, Master of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Customs Law of the St. Petersburg named after Vladimir Bobkov branch of the Russian Customs Academy; e-mail: n.p.dudin@yandex.ru

Formation and development of law enforcement system of the Russian Federation

The article explores the theoretical issues of formation, functioning and development of the law enforcement system. Its place and role in the social life of the development of science and practice has been also defined. The basic mechanisms of occurrence, formation and development of the historical stages and forms of law enforcement system have been examined as well.

Key words: law enforcement system, law enforcement activity, periodization of the law enforcement system, history of law.

Российская правовая наука достаточно давно исследовала историко-правовые проблемы правоохранительной системы и правоохранительной деятельности.

Понятие «система правоохранительных органов» имеет более узкое значение, чем «правоохранительная система», которая представляет собой совокупность нормативно и институционально выраженных средств и гарантий, обеспечивающих защиту общественных отношений от противоправных посягательств. Правоохранительные органы могут быть определены как часть правоохранительной системы государства [1, с. 96–119]. Реализуя свои функции, они защищают, в том числе, и существующую правовую систему государства [2, с. 40, 82].

Правоохранительная система и правоохранительная деятельность имеют свою историю. Есть все основания связывать истоки правоохранительной системы и законодательства о правоохранительной системе с возникновением, становлением и развитием самой государственности. В далеком прошлом правоохранительная система и правоохранительная

деятельность не могли существовать, поскольку основой социального управления было не государство и не право, а социальное самоуправление.

В правосознании и нормах права, как и в правоохранительной системе, наиболее длительно сохраняются черты, традиции, обычаи, элементы прежней политической и правовой системы, пережитки национальной психологии, национального правосознания. Это особенно видно на примере одного из самых древних источников русского права – Русской правды Ярослава Мудрого (XI в.).

По мнению В.Н. Лешкова, Русская Правда – это не только документ, а, вместе с тем, источник и выражение идей и понятий права, господствовавшего в древней России [3, с. 4]. Русская Правда закрепила чисто славянское понимание обычая кровной мести, существовавшего практически у всех древних народов мира.

Важнейшее понятие Русской Правды – обида, т.е. причинение смерти, увечья или совершение кражи, а также грубое нарушение общепринятых житейских правил. За обиду предусматривалось не причинение виновни-

ку равного причиненному вреда, а наказание по суду князя. Фактически кровная месть в Русской Правде приняла уже правовые формы, отходившие от общепринятого понимания кровной мести.

Например, по ст. 1, 2 Краткой Правды, допустившей кровную месть за убийство, назначался штраф в пользу князя в случае, когда мстить по какой-то причине не было возможности [4, с. 47–49]. При убийстве в разбое, считавшемся тяжчайшей обидой, полагалось выдать обидчика «на поток и разграбление» [5, с. 64–73].

За избиение человека допускались преследование и поимка виновного силами пострадавшей стороны в целях отмщения. Когда же этого сделать не удавалось виновный выплачивал компенсацию и на этом дело заканчивалось (ст. 3 КР). Если побои наносил чужой холоп, господин которого не хотел выдавать его потерпевшему, то ему выплачивался штраф. Однако в дальнейшем, если потерпевший где-либо встречал холопа-обидчика, он мог его убить (ст. 17 КР).

Впоследствии согласно Пространной правде (ст. 65 ПР) вместо такой расправы устанавливался денежный штраф. Была отменена также и кровная месть.

Возможность саморасправы стала допускаться лишь как форма необходимой обороны. Например, не наказывался тот, кто в ответ на нанесенные ему удары сам ударял мечом напавшего (ст. 26 ПР).

Можно было убить вора, проникшего в дом. Но если его схватят и «додержат до рассвета», то лишать жизни уже было нельзя (ст. 38 КР, ст. 40 ПР).

Самозащита нарушенного права реализовывалась и в ходе некоторых внесудебных процедур. Так, посредством «заклича» на торгу публично объявлялось о краже или потере вещи либо об исчезновении челядина (слуги, холопа). Если после этого потерпевший опознавал у кого-либо свою пропажу, требовалось прибегнуть к «своду», суть которого заключалась в выяснении того, каким образом утраченное помимо воли собственника оказалось у ответчика. Очевидно, эта процедура являлась формой коллективной помощи потерпевшему со стороны родственников и соседей в восстановлении его прав на имущество.

Вместо себя ответчик мог выставить на «свод» и представителя – «поручника» (ст. 14 КР), а сама своего рода «очная ставка» сторон проходила при 12 свидетелях (ст. 15 КР). Если ответчик называл другое лицо, от которого вещь была получена, стороны шли к этому

человеку, т.е. «свод» продолжался. И так до тех пор, пока не находили «крайнего», т.е. последнего ответчика (ст. 36 ПР).

Результаты «свода» приравнивались к судебному решению и признавались властью. Так, в случае конокрадства, установленного в ходе «свода», виновного выдавали князю на «поток и разграбление» (продажа в рабство и конфискация имущества) (ст. 35 ПР). Исходя из характера проводимых действий «свод» являлся неким органом дознания. Потерпевшая сторона не только проводила розыск, но и устанавливала виновного в воровстве.

Когда вора не удавалось сразу схватить на месте преступления, потерпевшей стороной могло быть организовано его преследование – «гонение следа». Если следы преступника приводили к какому-либо селу, то проживавшая в нем община должна была расплатиться за причиненные воровом убытки, либо выдать его, либо взять на себя продолжение поисков. «Гонение следа» прекращалось, если следы преступника терялись на большой дороге или в пустынной местности, вблизи которой не было населенных пунктов (ст. 77 ПР). Примечательно, что в Краткой редакции Русской правды данное процессуальное действие не упоминается.

История возникновения правоохранительной системы неотделима не только от российской истории, но и от истории других стран, особенно стран Западной Европы.

Правовая идеология, юридическая наука, как и другие формы общественного сознания, имеют свои законы развития. Они, как правило, отстают в своем развитии от их материальных носителей – форм общественных отношений, форм государственного устройства, правления, политического режима, экономики, политики, права. Но они способны и опережать развитие последних. Характер и мера воздействия идеологии и науки на экономику, политику, право и правовую или правоохранительную систему определяется социальной сущностью, направленностью, характером идеологии, науки, интересами и целями их носителей.

Совокупность объективных и субъективных факторов общественной жизни, их разнообразное сочетание дает многообразие исторических форм взаимосвязи экономики, государственности, политики и права, форм воздействия права на экономику, политику и правоохранительную систему. Например, в Англии до сих пор действуют судебные прецеденты, судебные обычаи, правовые и правоохранительные традиции, принятые несколько веков тому назад,

т.е. социально-правовые формы феодальной правовой системы, феодального права, в которые вкладывается современное содержание. Нормы римского права, ставшие классическими образцами рабовладельческого права, в переработанном виде до сих пор используются в правовых и даже правоохранных системах практически всех европейских и англосаксонских стран.

Государство, имея перед собой множество разнообразных по содержанию задач, призвано решать их в целях развития общества, достижения максимально положительного эффекта в обеспечении комфортного и удобного существования своих граждан. Это достигается весьма разнообразными способами.

Периодизация правоохранительной системы России выражает существенные изменения в ней в зависимости от исторических перемен в общественно-политической жизни, в сознании общества и в целом соответствует исторически сложившимся этапам истории Российского государства.

В научной литературе нет единого понимания критериев периодизации истории российского государства, права, его институтов, уголовной политики и правоохранительной системы. Одни авторы полагают, что периодизация истории государства и права соответствует основным общественно-экономическим формациям, периодам развития производственных отношений [6, с. 337]. Другие считают, что эта периодизация обусловлена «несколькими факторами», главными из которых являются «развитие социально-экономического уклада общества (уровень экономического, технического развития, формы собственности) и государственное развитие» [7, с. 5].

А.А. Герцензон и Н.Д. Дурманов писали, что ошибочно пытаться «механически переносить в область уголовного законодательства, как и в область любой другой отрасли законодательства, общую периодизацию истории». Они считали, что нельзя игнорировать относительную самостоятельность той или иной части надстройки, упуская из вида то обстоятельство, что уголовные и иные законы, принятые в определенный период, иногда продолжали действовать в течение десятилетий, но в совершенно иных исторических условиях [8, с. 51].

Похожей точки зрения придерживается В.А. Рогов, отстаивающий многофакторность влияния на историю права, полагающий, что идеологические, религиозные, политические, сословные и классовые причины на разных этапах его развития действовали по-разному и с различной силой [9, с. 6–7].

Представляется, что подобная точка зрения больше соответствует закономерностям развития общества, политической надстройки, всем ее относительно самостоятельным составляющим, диалектике экономики, политики, идеологии, науки и всех форм политической надстройки и общественного сознания.

Критерии периодизации правоохранительной системы в своей основе соответствуют критериям периодизации права и правовой системы государства. Вместе с тем, правоохранительная система, будучи составной частью политической системы, в своем развитии проходит и по-своему повторяет те этапы, которые характерны для этой системы. В условиях социальных антагонизмов (классовых, сословных, национальных, расовых, религиозных) эти этапы в своих глубинных, внутренних формах проявления соответствуют исторически определенным типам и формам производственных отношений, государства, идеологии.

Современная правоохранительная система представляет собой закономерно необходимый синтез всей предыдущей российской истории, ее наиболее значительных вех и ступеней, преемственности и тенденций развития, лучших достижений и противоречий.

Проследим это на основе анализа важнейших исторических этапов правоохранительной системы, прежде всего, посредством изучения развития стратегических целевых установок и направлений уголовного и правоохранительного законодательства и практики его применения.

Важнейшие исторические этапы развития российской правоохранительной системы включают правоохранительные системы: Древнерусского государства (Киевской Руси) (IX–XII вв.); Руси в период феодальной раздробленности (XII–XIV вв.); Русского (Московского) централизованного государства (XV–XVII вв.); Российской империи (XVIII – начало XX вв.); России периода буржуазно-демократической республики (февраль – октябрь 1917 г.); периода Советского государства (1918–1991 гг.); и современной России (1992 г. – настоящее время). Данная периодизация отражает лишь этапные изменения в указанной системе. В рамках каждого этапа можно выделить относительно самостоятельные периоды [8, с. 51–53].

Первый этап характеризуется формированием на территории Киевской Руси раннефеодальных общественных отношений. С IX в. складывалась феодальная поземельная собственность в формах княжеского домена и вотчинного землевладения. Во главе Киевской Руси как раннефеодальной монархии стоял великий князь, который сосредоточил в сво-

ем лице законодательную, исполнительную и судебную власть. Основой управления была десятичная система, которая позже сменилась дворцово-вотчинной. Правовая система первоначально основывалась на обычном праве. Но уже с X в. стало оформляться письменное княжеское законодательство.

Выдающимся памятником древнерусского права и одним из первых законодательных источников правоохранительной и уголовной политики является Русская Правда (Краткая и Пространная редакции). Она является юридической формой отражения и правового регулирования существовавшей тогда правоохранительной системы. Нормы правовостановительного и репрессивного характера содержатся в большинстве статей Русской Правды. По характеру они были как материальными, так и процессуальными.

Князь, олицетворявший в своем лице законодательную, исполнительную и судебную власть в современном ее понимании, был и высшим субъектом правоохранительной системы, исполнявшим функции этой системы, главной из которых была охрана собственного статуса от внутренних, прежде всего преступных, и внешних посягательств.

«Обидой» признавался любой вред, непосредственно причиненный конкретному субъекту, его личности или имуществу. Административное, уголовное, уголовно-процессуальное правонарушение не отграничивалось от гражданско-правового. Основными направлениями противоправного поведения устанавливались общественно опасные деяния против личности и имущества. Деяния против князя и его вассалов наказывались внесудебной репрессией. За действия холопа отвечал его господин. Холопа-обидчика был вправе убить любой свободный человек.

Регулируя правовые, финансовые, имущественные и семейные отношения, Русская Правда фактически была юридической базой правоохранительной системы своего времени.

Второй этап истории российской правоохранительной системы отличается отсутствием ее единства в юридической базе, в теоретических подходах, в направлениях и способах реализации. Причиной тому явилась феодальная раздробленность как следствие развития феодальных отношений. На территории Киевской Руси образовалось полтора десятка самостоятельных княжеств. В них действовали удельные варианты Русской Правды, и лишь в Новгородской и Псковской феодальных республиках, предположительно в XV в., были созданы свои законодательные акты – Мерило Праведное, Кормчая Книга, судные грамоты. Основными

направлениями развития уголовного законодательства стали расширение пределов юридической и особенно уголовной ответственности, возрастание карательно-репрессивного воздействия на осужденного.

Если в Русской Правде смертная казнь как самостоятельный вид наказания прямо не предусматривалась, то в Двинской уставной грамоте, юридически оформившей вхождение Двинской земли в состав Московского государства (1398 г.), и в Псковской судной грамоте она вводилась в качестве одного из основных видов наказания.

В то же время законодательство и репрессивный механизм сохраняли в себе существенные элементы народной воли, демократизма. В осуществлении правосудия и правоохранительной деятельности важная роль отводилась Вече городов, т.е. собранию жителей городских общин, рассматривавшему и решавшему дела о наиболее тяжких преступлениях и иных правонарушениях. Эти элементы были следствием того, что княжеская власть была не абсолютной. Она существенно ограничивалась народом в лице Вече. Князь приглашался со стороны и правил по договору, в котором закреплялись условия его службы.

В третьем этапе становления правоохранительной системы России можно выделить следующие существенные черты.

Переход к сословно-представительной монархии ознаменовался существенными изменениями в правоохранительной системе. Если прежнее законодательство содержало элементы выражения народной воли, т.е. интереса всех свободных граждан, то по Судебнику 1497 г. [10] народный интерес ограничивался интересом великого князя и крупных землевладельцев. Народ все более отстранялся от судебной власти. Она стала сосредоточиваться у Великого князя и у бояр, в дальнейшем – у царя.

В этот период идет поиск более эффективных механизмов контроля и надзора за исполнением царских указов и предписаний. Этот поиск осуществлялся в двух направлениях: создание контрольных и надзорных органов в виде общественного надзора и с помощью специальных органов и должностных лиц, осуществлявших «высший» надзор за деятельностью наместников и волостелей (царских чиновников в волостях) путем привлечения к суду «лучших людей», «целовальников» и надзора за их деятельностью со стороны Боярской думы. В середине XVI в. «народный» надзор развивается в виде создания губных и земских органов, которые приходили на смену системе кормлений [11, с. 7].

При Иване Грозном появляется такой своеобразный вид «высшего» надзора, как опричнина. Опричнина – новая и особая форма надзора. В ней проявилось недовольство верховной власти сложившейся, обычной системой государственных органов, а именно отсутствием в ее распоряжении эффективного механизма надзора за деятельностью центральной и местной власти [13, с. 483–495]. Опричнина и опричники стали становым хребтом новой правоохранительной системы.

Наряду со светской властью карательные полномочия укрепляла и церковная власть. По Соборному Уложению 1649 г. резко дифференцировалась уголовная ответственность знати и «черни».

С конца XV по начало XVII в. было принято три крупных репрессивно-правовых акта: Судебник 1497 г., Судебник 1550 г. и Соборное Уложение 1649 г. Кроме того, в этот период был принят ряд других нормативно-правовых актов по вопросам церковного, гражданского, семейного, уголовного права, чем усиливалась предупредительная функция правоохранительной системы.

По своей социальной сущности четвертый этап представляет собой правоохранительную систему абсолютной монархии, где единоличная власть царя (императора) была неограниченной. Начатая эпохой Петра I (начало XVIII в.), она длилась два с лишним века (до февраля 1917 г.). В Уставе воинском было прямо записано, что «его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен». За этот исторический промежуток имели место частные изменения в политической системе и политическом режиме, в правоохранительной системе государства, но их сущность – абсолютная воля самодержца – не менялась.

Пятый этап развития правоохранительной системы России характеризуется изменением социальной сущности правоохранительной системы, сменой политической системы в результате Февральской революции 1917 г. Вступали в действие новые правовые акты, в которых в значительной мере были использованы институты власти, принципы и нормы, закреплявшие в определенной степени права и свободы человека и гражданина [13, с. 129–184].

До октября 1917 г. действовали Уголовное уложение 1903 г. и Судебные уставы 1864 г. Временным правительством были внесены изменения лишь в их отдельные статьи.

В период Советского государства (октябрь 1917 г. – 1991 г.) были провозглашены социали-

стические демократические учреждения власти. Деятельность правоохранительной системы и правоохранительной деятельности была направлена на охрану прав и свобод граждан, предупреждение преступности. В этом процессе активно использовалась общественность.

Коренные преобразования в экономике, переход к капиталистическим формам производственных отношений в конце 80-х начале 90-х гг. обусловили создание и функционирование правоохранительной системы нового исторического типа.

Современная правоохранительная система представляет собой закономерно необходимый синтез всей предыдущей российской истории, ее наиболее значительных вех и ступеней, преемственности и тенденций развития, лучших достижений и противоречий. Государство разрабатывает и внедряет механизмы влияния на различные процессы и регулирует их. При этом создание законодательной базы является основным элементом такого регулирования. Таким образом, деятельность государства приобретает правовой характер.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Развитие правоохранительной системы в различные периоды есть не что иное, как естественно-исторический процесс, обусловленный закономерностями самой социальной действительности, ее объективными и субъективными факторами, среди которых экономика и политика, производственные и политические отношения имеют определяющее и решающее значение.

2. Периодизация развития правоохранительной системы хотя в целом и следует кардинальным этапам и историческим типам социальной системы, однако не копирует их, имеет в силу своей сущности уникальные, относительно не совпадающие с историей общества закономерности и тенденции развития.

3. Основой развития российской правоохранительной системы является противоречие между тенденцией ее демократизации в направлении соблюдения основополагающих прав и свобод личности и тенденцией репрессивной, ограничивающей права и свободы человека и гражданина.

4. Российская правоохранительная система в целом развивалась как многонациональный государственный организм, стремилась сохранить в своей основе правоохранительные традиции русского народа, заимствовала в то же время зарубежные модели своей организации и функционирования.

1. Пиотровский В.Ю. *Правоохранительная система в условиях формирования правового государства: дис. ... канд. юрид. наук.* СПб., 2003.
2. Братка А.Г. *Правоохранительная система. Вопросы теории.* М., 1991.
3. Лешков В.Н. *Общинный быт древней России.* СПб., 1856.
4. *Русская Правда: Краткая редакция // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т.* М., 1984. Т. 1.
5. *Пространная правда // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т.* М., 1984. Т. 1.
6. Чистяков О.И. *Предмет истории государства и права СССР // История государства и права СССР: учеб. / под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича.* М., 1985. Ч. 1.
7. Исаев И.А. *История государства и права России: учеб. для юрид. вузов.* 3-е изд. М., 1996.
8. Герцензон А.А., Дурманов Н.Д. *Этапы развития советского уголовного законодательства // Курс советского уголовного права: в 6 т.* М., 1970. Т. 1.
9. Рогов В.А. *Проблемы истории русского уголовного права (XV – середина XVII в.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук.* М., 1999.
10. *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т.* М., 1984. Т. 1.
11. Казанцев С.М. *История царской прокуратуры.* СПб., 1998.
12. Ключевский В.О. *Русская история: полный курс лекций: в 3 кн.* М., 1993. Кн. 1.
13. *Положение о выборах в Учредительное собрание 1917 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т.* М., 1994. Т. IX.
1. Piotrovsky V.Yu. *Law enforcement system in the conditions of formation of the constitutional state: diss. ... Master of Law.* St. Petersburg, 2003.
2. Bratka A.G. *Law enforcement system. Theory questions.* Moscow, 1991.
3. Leshkov V.N. *Communal life of ancient Russia.* St. Petersburg, 1856.
4. *Russian Lex: short edition // Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol.* Moscow, 1984. Vol. 1.
5. *Vast truth // Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol.* Moscow., 1984. Vol. 1.
6. Chistyakov O.I. *Subject of history of state and law of the USSR // History of state and law of the USSR: textbook / ed. by O.I. Chistyakov, I.D. Martysevich.* Moscow, 1985. Pt. 1.
7. Isaev I.A. *History of state and law of Russia: textbook for higher education law institutions.* 3rd ed. Moscow, 1996.
8. Gercenzon A.A., Durmanov N.D. *Stages of development of Soviet criminal legislation // Course of the Soviet criminal law: in 6 vol.* Moscow, 1970. Vol. 1.
9. Rogov V.A. *Problems of history of the Russian criminal law (XV – the middle of the 17th century): auth. abstr. ... Dr of Law.* Moscow, 1999.
10. *Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol.* Moscow, 1984. Vol. 1.
11. Kazantsev S.M. *History of imperial prosecutors office.* St. Petersburg, 1998.
12. Klyuchevsky V.O. *Russian history: full course of lectures: in 3 b.* Moscow, 1993. B. 1.
13. *Provision on elections to the Constituent assembly of 1917 // Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol.* Moscow, 1994. Vol. IX.

Бабайцев Максим Александрович
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: babaycev02@mail.ru)

Роль органов местного самоуправления в реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

В статье определяется роль органов местного самоуправления в реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Изучаются правовые и организационные вопросы деятельности местных органов власти по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на территории муниципального образования.

Ключевые слова: национальная безопасность, местное самоуправление, охрана общественного порядка, организация деятельности органов местного самоуправления.

M.A. Babaycev, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: babaycev02@mail.ru

The role of local government in implementing the National Security Strategy of the Russian Federation

The article deals with the role of local governments in implementing the state policy in the field of national security. Legal and organizational issues of activity of local authorities on protection of a public order and ensuring public security on the territory of the municipality are studied.

Key words: national security, local government, protection of public order, organization of activity of bodies of local self-government.

Исторически образование государства было обусловлено необходимостью обеспечения безопасности и создания условий для нормальной жизнедеятельности его граждан. Для решения этих задач в последние годы в Российской Федерации были приняты нормативные документы стратегического планирования (Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1]; Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [2]; Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3] и др.), в которых разрабатываются основные направления развития общества и государства, отдельных его институтов.

В качестве приоритетных сегодня выступают вопросы охраны прав и свобод человека, национальной безопасности, безопасности общества и безопасности каждой отдельно взятой личности, а также обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью. В этой области первостепенным является Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии

национальной безопасности Российской Федерации» [4]. Он был подписан руководителем государства 31 декабря 2015 г., несмотря на то, что предыдущий документ (Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [5]) распространял свое действие до 2020 г., что было обусловлено осложнением международной обстановки и появлением новых внешних угроз для безопасности Российского государства, а также изменением подходов к организации работы государственных органов.

Так, в отличие от Указа Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, новый документ учитывает приоритет обеспечения жизнедеятельности личности и требует максимально полного вовлечения в этот процесс органов местного самоуправления.

В Указе Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 лишь три раза упоминается о вовлечении органов местного самоуправления в решение задач, направленных на обеспечение национальной безопасности, когда речь идет:

об обеспечении национальной безопасности в чрезвычайных ситуациях за счет повышения эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области

обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, обновления парка технологического оборудования и технологий производства на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения, внедрения современных технических средств информирования и оповещения населения в местах их массового пребывания, а также разработки системы принятия превентивных мер по снижению риска террористических актов и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера (п. 43);

о рациональной государственной региональной политике, направленной на улучшение координации деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, предпринимательского сообщества и институтов гражданского общества в целях ликвидации диспропорции в уровнях развития субъектов Российской Федерации (п. 59);

о региональном развитии, о координации и реализации принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях мер, направленных на развитие региональной экономики и социальной сферы, включая выравнивание их бюджетной обеспеченности (п. 65).

При этом у органов местного самоуправления гораздо больше полномочий и задач, которые они способны решить для обеспечения безопасности и в целом жизнедеятельности населения, проживающего на территории муниципального образования.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6] к вопросам местного значения городского, сельского поселения (ст. 14) относятся:

утверждение и исполнение бюджета поселения, установление, изменение и отмена местных налогов и сборов поселения, владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности поселения;

обеспечение безопасности дорожного движения;

участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения;

создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную

адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов;

участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения;

обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов поселения;

организация и осуществление мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и (или) аварийно-спасательных формирований на территории поселения;

осуществление мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах, охране их жизни и здоровья;

создание, развитие и обеспечение охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов местного значения на территории поселения, а также осуществление муниципального контроля в области использования и охраны особо охраняемых природных территорий местного значения;

оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин;

осуществление мер по противодействию коррупции в границах поселения и мн. др.

Органы местного самоуправления городского, сельского поселения, помимо всего прочего, имеют право:

на участие в организации и осуществлении мероприятий по мобилизационной подготовке муниципальных предприятий и учреждений, находящихся на территории поселения;

создание муниципальной пожарной охраны;

оказание поддержки общественным наблюдательным комиссиям, осуществляющим общественный контроль за обеспечением прав человека и содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания;

создание условий для организации проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями (ст. 14.1).

В связи с этим в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» совершенно обоснованно делается акцент на активном участии органов местного самоуправления в решении задачи обеспечения национальной безопасности.

Так, Стратегия сегодня уже в разделе «Общие положения», т.е. ключевые, основные положения, определяет, что ее реализация призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации (п. 3).

Даже в определении терминов «обеспечение национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности» включены в качестве составляющего элемента органы местного самоуправления: обеспечение национальной безопасности – реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов; система обеспечения национальной безопасности – совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов.

Согласно Стратегии важным направлением обеспечения национальной безопасности является защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, создание условий пожарной безопасности (п. 49), которое осуществляется путем совершенствования и развития единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, ее территориальных и функциональных подсистем, а также путем повышения эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения. В этой области развитие системы мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций, внедрения современных технических средств информирования и оповещения населения, поддержания на должном уровне современной технической оснащенности и готовности пожарно-спасательных сил, развитие системы принятия превентивных мер по снижению ри-

ска возникновения чрезвычайных ситуаций и пожаров на основе совершенствования надзорной деятельности, проведение профилактических мероприятий, а также формирование культуры безопасности жизнедеятельности населения также во многом зависят от эффективной работы органов местного самоуправления.

Для противодействия угрозам качеству жизни граждан органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества: совершенствуют защиту прав и свобод человека путем развития законодательства, судебной и правоохранительной систем; принимают меры по защите населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; обеспечивают развитие информационной инфраструктуры, доступность информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества; совершенствуют систему контроля за использованием бюджетных ассигнований и механизм государственно-частного партнерства в целях повышения качества жизни граждан.

В целях противодействия угрозам в сфере охраны здоровья граждан органы местного самоуправления на своем уровне обеспечивают: контроль качества работы медицинских организаций, внедрение единых критериев оценки работы лечебно-профилактических учреждений; развитие профилактической медицины и первичной медико-санитарной помощи, внедрение новых организационных форм оказания медицинской помощи, в том числе в сельской местности и труднодоступных местностях; повышение эффективности оказания скорой специализированной, медицинской помощи, совершенствование организации медицинской эвакуации; развитие медицинской реабилитации населения; возрождение традиций милосердия (ст. 75).

Особую роль органы местного самоуправления выполняют в сфере противодействия угрозам в области экономической и экологической безопасности, рационального природопользования и во многих иных сферах, где население на отдельно взятой территории ждет именно от муниципалитетов создания надлежащего уровня жизни, высокого уровня безопасности в месте своего проживания.

Особо следует отметить, что раздел V «Организационные, нормативно-правовые и информационные основы реализации Стратегии» называет органы местного самоуправления неотъемлемой частью каждого из названных элементов, и только консолидация усилий и

ресурсов органов государственной власти и органов местного самоуправления позволит реализовать целеопределяющие положения рассматриваемого руководящего документа в области обеспечения национальной безопасности нашей страны.

В завершение отдельно укажем, что особенно актуально эти вопросы звучат сегодня в условиях проводимой в России правовой и административной реформы, продолжающегося реформирования деятельности правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел.

Реформа, связанная с экономией средств государственного бюджета, направленная на оптимизацию структуры и количественного состава правоохранительных органов, не должна негативно сказываться на жизни общества и конкретного человека, снижать уровень безопасности общества и гражданина. Правоохранительная функция государства должна быть

реализована. И здесь ведущую роль получают органы местного самоуправления, которым государство делегирует необходимые полномочия в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности населения и от которых граждане ждут реализации закрепленных в Конституции РФ гражданских, политических, социальных, экономических и иных прав. Чувство защищенности и благополучие личности сегодня во многом в руках именно органов местного самоуправления, в связи с чем в настоящее время требуется дополнительное развитие нормативной базы, регламентирующей их деятельность, важно уделить внимание совершенствованию форм работы, повышению качества их деятельности через укрепление кадрового состава, созданию надлежащего механизма контроля работы местных органов власти и многим другим вопросам, от решения которых зависит жизнь каждого отдельно взятого человека.

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 26, ч. I. Ст. 3378.

2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

3. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 окт. 2007 г. № 1351 // Собр. законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собр. законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II. Ст. 212.

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

1. On strategic planning in the Russian Federation: fed. law d.d. June 28, 2014 № 172-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 26, pt. I. Art. 3378.

2. On the Strategy of State National policy of the Russian Federation for the period up to 2025: decree of the President of the Russian Federation d.d. Dec. 19, 2012 № 1666 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 52. Art. 7477.

3. On approval of the concept of demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025: decree of the President of the Russian Federation d.d. Oct. 9, 2007 № 1351 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 42. Art. 5009.

4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Dec. 31, 2015 № 683 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 1, pt. II. Art. 212.

5. On Strategy of national security of the Russian Federation up to 2020: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 12, 2009 № 537 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2009. № 20. Art. 2444.

6. On General principles of organization of local self-government in the Russian Federation: fed. law d.d. Oct. 6, 2003 № 131-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822.

Денисенко Виктор Васильевич
 доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры конституционного и административного права
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +79298391875)

Мумладзе Михаил Александрович
 участковый уполномоченный полиции отдела МВД России
 по Тимашевскому району Краснодарского края
 (тел.: +79186661664)

Классификация административных правонарушений, непосредственно либо опосредованно связанных с правоотношениями в сфере частной охранной деятельности

В статье анализируются составы административных правонарушений, которые непосредственно посягают на общественные отношения в сфере частной охранной деятельности либо могут быть совершены лицами, имеющими удостоверение частного охранника, в процессе оказания охранных услуг, а также влияющие на сохранение статуса частного охранника. Предлагается авторская классификация административных правонарушений, подчеркивающая особенности административной ответственности лиц, имеющих право на оказание охранных услуг и осуществление частной охранной деятельности.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, административное правонарушение, административная ответственность, частная охранная деятельность, аннулирование лицензии.

V.V. Denisenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel: +79298391875;

M.A. Mumladze, Precinct Police Officer of the Department of the Ministry of the Interior of Russia in Timashevsky District of Krasnodar Region; tel.: +79186661664.

Classification of administrative offenses directly or indirectly connected with legal relationship in the sphere of private security activity

In the article structures of administrative offenses which directly encroach on the public relations in the sphere of private security activity or can be made by the persons having the certificate of the private security guard in the process of rendering security services, and also influencing saving the status of the private security guard are analyzed. The author's classification of administrative offenses emphasizing features of administrative responsibility of the persons having the right for rendering security services and implementation of private security activity is offered.

Key words: administrative and delictual legislation, administrative offense, administrative responsibility, private security activity, cancellation of the license.

Анализ КоАП РФ, введенного в действие с 1 июля 2002 г. [1], и законодательства, регламентирующего частную детективную и охранную деятельность, прежде всего Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (в редакции от 13 июля 2015 г.) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [2], позволяет выявить специфические особенности адми-

нистративной ответственности частных охранников.

Во-первых, могут быть выделены составы административных правонарушений, в которых специальным субъектом названы исключительно частные охранники, руководители частных охранных организаций либо лица, имеющие специальное разрешение (лицензию) на осуществление частной охранной де-

тельности. Указанные субъекты в качестве специальных субъектов называются в диспозициях и санкциях статей, предусматривающих административную ответственность:

за оказание частных охранных услуг, не предусмотренных законом (лицензией), либо с нарушением требований, установленных законом (лицензией) (ч. 4 ст. 20.16 КоАП РФ);

незаконное использование в частной охранной деятельности специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации и не предусмотренных установленным Правительством РФ перечнем видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (ст. 20.24 КоАП РФ);

незаконное ношение форменной одежды со знаками различия либо с символикой государственных военизированных организаций либо правоохранительных или контролирующих органов лицом, имеющим специальное разрешение (лицензию) на осуществление частной охранной деятельности, в связи с осуществлением этой деятельности (ч. 2 ст. 17.2 КоАП РФ).

Отметим, что выделенные нами в первую группу административные правонарушения непосредственно связаны с правоотношениями в сфере частной детективной деятельности. Подобный вывод вытекает из текстов ч. 2 ст. 17.2, ч. 4 ст. 20.16, ст. 20.24 КоАП РФ, содержащих указание на связь административного правонарушения со сферой оказания частных охранных услуг либо осуществлением частной охранной деятельности.

Во-вторых, в КоАП РФ могут быть выделены составы административных правонарушений, родовым объектом которых выступает установленный порядок оборота оружия и патронов к нему и которые могут быть совершены различными видами субъектов, в том числе и частными охранниками в связи с осуществлением ими частной охранной деятельности. Несмотря на то что вышеназванный объект группы административных правонарушений напрямую не связан с правоотношениями в сфере оказания частных охранных услуг, он опосредованно может оказывать существенное влияние на законность или незаконность осуществления частной охранной деятельности. Предпосылки и обоснованность такого вывода обусловлены тем, что действующее законодательство предоставляет частным охранникам право при выполнении ими должностных обязанностей

использовать, в зависимости от имеющегося у них 4, 5 или 6 квалификационного разряда, соответствующие ему специальные средства и оружие [3, прил., §262а. Охранник].

При этом при квалификации административных правонарушений, отнесенных нами ко второй группе, необходимо устанавливать соответствие имеющихся у частного охранника специальных средств и оружия перечню видов специальных средств, используемых в частной охранной деятельности, и перечню видов вооружения охранников, утвержденным постановлением Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 (в редакции от 9 сентября 2015 г.) «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» [4, прил. 2 и 3].

Так, частные охранники, имеющие 4 разряд, могут использовать в охранной деятельности только специальные средства следующих видов: шлем защитный отечественного производства 1–3 классов защиты; жилет защитный отечественного производства 1–5 классов защиты; наручники отечественного производства «БР-С», «БР-С2», «БКС-1», «БОС»; палку резиновую отечественного производства «ПР-73М», «ПР-К», «ПР-Т», «ПУС-1», «ПУС-2», «ПУС-3».

Частные охранники, имеющие 5 разряд, в дополнение к вышеназванным специальным средствам имеют право использовать сертифицированное в установленном порядке гражданское оружие самообороны следующих видов: огнестрельное оружие ограниченного поражения отечественного производства; газовые пистолеты и револьверы отечественного производства; механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные разрешенными к применению слезоточивыми веществами; электрошоковые устройства и искровые разрядники отечественного производства, а также соответствующие нормам Минздрава России патроны к гражданскому оружию травматического, газового и светозвукового действия.

Частные охранники, имеющие 6 разряд, вправе использовать специальные средства любого предусмотренного для частных охранников вида, а также сертифицированные в установленном порядке в качестве служебного оружия: огнестрельное гладкоствольное и нарезное короткоствольное оружие отечественного производства; огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие отечественного производства; огнестрельное оружие ограниченного поражения отечественного производства, а также сертифицированные в уста-

новленном порядке патроны к служебному оружию отечественного производства.

Естественно, что статьи административных правонарушений, которые включены нами во вторую группу и будут рассмотрены ниже, применяются к частным охранникам лишь в той части, в которой опосредуют нарушения ими установленного порядка оборота оружия и патронов непосредственно при осуществлении ими частной охранной деятельности. Уточним, что если правонарушения совершены лицом, имеющим удостоверение частного охранника, во внеслужбное время, т.е. не при осуществлении охранных услуг, но с использованием закрепленных за ним специальных средств и оружия, то оно привлекается к административной ответственности не как гражданин, а в качестве специального субъекта либо обуславливает административную ответственность должностного лица – руководителя частной охранной организации за ненадлежащий контроль за оборотом специальных средств и оружия.

Так, из всего многообразия составов административных правонарушений, объединенных в восемь частей ст. 20.8 КоАП РФ и обобщенно регламентирующих административную ответственность по широкому кругу нарушений «правил производства, приобретения, продажи, передачи, хранения, перевозки, ношения, коллекционирования, экспонирования, уничтожения или учета оружия и патронов к нему, а также нарушения правил производства, продажи, хранения, уничтожения или учета взрывчатых веществ и взрывных устройств, пиротехнических изделий, порядка выдачи свидетельства о прохождении подготовки и проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием или медицинских заключений об отсутствии противопоказаний к владению оружием» [1, ст. 20.8], частные охранники либо руководители частных охранных организаций могут привлекаться к административной ответственности только:

в связи с нарушением правил... хранения... учета оружия и патронов к нему... если эти действия не содержат уголовнонаказуемого деяния (ч. 1 ст. 20.8 КоАП РФ);

грубым нарушением лицензионных требований и условий... хранения или учёта оружия и патронов к нему, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния (ч. 2 ст. 20.8 КоАП РФ);

ношением огнестрельного оружия лицом, находящимся в состоянии опьянения (ч. 4.1 ст. 20.8 КоАП РФ);

невыполнением лицом, осуществляющим ношение огнестрельного оружия, законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ч. 4.2 ст. 20.8 КоАП РФ);

незаконными передачей... хранением... или ношением гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия и огнестрельного оружия ограниченного поражения (ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ).

Об административной ответственности частных охранников либо руководителей частных охранных организаций за административные правонарушения, имеющие отношение к осуществляемой ими частной охранной деятельности, следует вести речь и в случаях:

установки на гражданском или служебном оружии приспособления для бесшумной стрельбы или прицела (прицельного комплекса) ночного видения (ст. 20.9 КоАП РФ);

нарушения правил использования оружия и патронов к нему (ч. 3 ст. 20.12 КоАП РФ);

стрельбы из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил или в не отведенных для этого местах (ч. 1–3 ст. 20.13 КоАП РФ), в том числе за пределами охраняемой территории.

В-третьих, законодатель выделяет группу административных правонарушений, совершение которых он не связывает с осуществлением частной охранной деятельности, но относит к числу оснований для аннулирования удостоверения частного охранника [2, п. 1 ч. 4 ст. 11.1].

Так, удостоверение частного охранника аннулируется в случае его привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9 КоАП РФ и выразившегося в потреблении наркотических средств без назначения врача.

Аннулирование удостоверения частного охранника должно наступать и в случае повторного привлечения его к административной ответственности за совершение любого из административных правонарушений, включенных в гл. 17, 19 и 20 КоАП РФ (соответственно посягающих на институты государственной власти, против порядка управления, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность) либо за повторное совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8, 6.9.1, 6.13, 6.15–6.16.1 КоАП РФ и посягающих на установленный порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотиче-

ские средства или психотропные вещества и их прекурсоры.

Таким образом, особенности реализации положений института административной ответственности применительно к лицам, имеющим удостоверение частного охранника, частным охранникам, руководителям частных охранных организаций проявляются, во-первых, в наличии административных правонарушений, непосредственным объектом которых выступают общественные отношения в сфере оказания частных охранных услуг, а специальными субъектами – исключительно лица, осуществляющие частную охранную деятельность; во-вторых, в наличии административных правонарушений, непосредственным объектом

которых являются общественные отношения в сфере установленного порядка оборота оружия, опосредованно взаимосвязанные с оказанием частных охранных услуг, в которых одним из специальных субъектов выступают лица, осуществляющие частную охранную деятельность; в-третьих, в выделении законодателем группы административных правонарушений, совершение которых не ставится в прямую зависимость от осуществления частной охранной деятельности, но совершение которых, наряду с применением мер административной ответственности, предусмотрено в качестве одного из оснований аннулирования удостоверения частного охранника.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 5 апр. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

2. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Рос. газ. 1992. 30 апр.

3. О внесении изменения в единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих, вып. 1: приказ Минздравсоцразвития России от 17 апр. 2009 г. № 199.

4. Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности: постановление Правительства РФ от 14 авг. 1992 г. № 587 (ред. от 9 сент. 2015 г.) // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 8. Ст. 506.

1. Code of the Russian Federation about administrative offenses d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (as amended on Apr. 5, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1, pt. 1. Art. 1.

2. On private detective and security activities in the Russian Federation: law of the Russian Federation d.d. March 11, 1992 (as amended on July 13, 2015) // Rus. newsp. 1992. Apr. 30.

3. On modification of a single wage rate book of works and professions of workers, release 1: order of the Ministry of health of the Russian Federation d.d. Apr. 17, 2009 № 199.

4. Issues of private detective (search) and private security activities: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Aug. 14, 1992 № 587 (as amended on Sept. 9, 2015) // Coll. of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1992. № 8. Art. 506.

Долгополов Александр Александрович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: aadolgopolov1@mail.ru)

Жеребцов Алексей Николаевич

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583170)

Административно-правовой режим как критерий структурирования отрасли российского административного права

В статье рассматриваются проблемы критериев структурирования суперотрасли административного права, анализируются критерии такого структурирования и предлагается наравне с иными критериями особо выделить такой их вид, как административно-правовой режим, посредством которого уместно структурировать право государственного управления как нормативной общности административного права.

Ключевые слова: система административного права, административно-правовой режим, критерии структурирования, административно-правовая теория, административно-правовая политика, структура административного права, право государственного управления, административно-деликтное право, административно-юстиционное право.

A.A. Dolgoplov, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aadolgopolov1@mail.ru;

A.N. Zherebtsov, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583170.

Administrative law regime as a criterion for structure of branch of Russian administrative law

This article discusses the problem of criteria for structuring super branch of administrative law, examines the criteria for structuring and is offered on a par with other criteria to highlight such views as administrative-legal regime whereby appropriate structure the right governance, as normative commonality of administrative law.

Key words: administrative law system, administrative law regime, criteria for structuring, administrative and legal theory, administrative and legal policy, structure of administrative law, public administration law, administrative and tort law, administrative and justice law.

Значимость исследования проблем системы современного административного права России предопределяется теми общественными процессами, которые в настоящее время происходят в нашей стране при осуществлении государственного управления. Стоящие перед государством задачи оптимизации и повышения эффективности государственного управления, обеспечения управленческого воздействия на новые сферы общественных отношений, в управлении которыми государство ранее не участвовало, повышения уровня защищенности прав и свобод человека, вовлеченного в сферу публичного

управления, требуют новых подходов к формированию нормативно-правовой базы деятельности органов исполнительной власти и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления. Приведенные аспекты не остаются без внимания в современных административно-правовых исследованиях [1–5]. Вопросам совершенствования государственно-управленческой деятельности уделялось внимание и в целом ряде актов Президента РФ и Правительства РФ [6–8]. Отмеченные положения требуют научного обоснования дальнейшего развития и совершенствования отрасли административного права и в особенности

научно-теоретического осмысления его системы, которая, по замечанию Ю.М. Козлова, выполняет служебную роль, заключающуюся в воздействии административно-правовых норм на управленческие общественные отношения [9, с. 210]. Обоснованная еще в советский период и сохраняющаяся до настоящего времени управленческая концепция системы административного права, где данная отрасль права складывается из общей, особенной и специальной частей, в настоящее время подвергается обоснованной критике [10, с. 8; 2, с. 51–56; 3, с. 5].

При всем многообразии предлагаемых концепций совершенствования системы современного административного права как отрасли российского права нельзя не отметить, что административное право функционирует и развивается адекватно целям, сформированным государственной властью (Президентом РФ и Правительством РФ). Данные цели формулируются в рамках административно-правовой политики страны, которая понимается как вид государственной политики, в различных сферах общественной жизни, облакаемой в юридическую форму процессом государственного властвования, имеющим собственное содержание, выраженное в комплексе элементов (объекты, цели, задачи, функции, принципы, содержание, субъекты, формирующие и реализующие государственную политику, приоритеты и последствия ее реализации), действующих в определенной сфере общественных отношений и представляющих собой форму государственно-политической деятельности [11, с. 64]. Для достижения указанных целей и осуществления административно-правовой политики должна быть сформулирована научная теория, обосновывающая на теоретическом уровне содержание и систему отрасли административного права. В рамках указанной теории с необходимостью формируются предмет и метод административно-правового регулирования управленческих отношений. В.А. Юсупов в этой связи отмечает, что «при классификации норм на отрасли права должен быть вычленен определенный вид социальной деятельности, то есть обособленный круг общественных отношений, которые характеризуются единством социального назначения и однотипностью своей структуры» [12, с. 273]. Кроме приведенных критериев, важное значение для системы административного права имеет критерий направленности управленческого воздействия субъекта на объект управления в результате административно-публичной деятельности, который может быть внутренним и внешним.

Основываясь на предложенных критериях построения системы административного права, можно выделить следующие компоненты, образующие данную отрасль права. Значение при-

веденных критериев для системы и структуры отрасли административного права нами было показано ранее [13–14], что позволило предложить следующие элементы ее системы и структуры: а) право государственного управления (администрации); б) право административной юстиции; в) административно-деликтное право и процесс. Данные элементы следует определить как административно-правовую нормативную общность, которая является условным объединением норм административного права по целевому критерию, т.е. имеет задачу сформировать внутри отрасли права нормативное объединение (подотрасль или комплексную отрасль), отражающее целевое предназначение отрасли административного права (суперотрасли) и административно-правовую теоретическую модель последующей систематики и структурирования рассматриваемой отрасли права (суперотрасли) на институты и подотрасли, которые делятся по статусно-субъектному, инструментальному и объектному критерию [15, с. 134–139]. Предложенный нами взгляд на систему и структуру современного административного права и критерии его построения могут получить дальнейшее развитие, если акцентировать внимание на структурирование подотрасли (комплексной отрасли) права государственного управления (администрации). Данное административно-правовое образование имеет, по нашему мнению, следующую структуру: а) выделенную по статусно-субъектному признаку: административно-правового статуса физических лиц; административно-правового статуса федеральных органов государственного управления; административно-правового статуса региональных органов государственного управления; административно-правового статуса исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления, административно-правового статуса иных предприятий, учреждений, организаций, общественных организаций, наделенных государственно-властными полномочиями; административно-правового статуса юридических лиц, участников управленческих отношений; государственной службы; б) выделенную по инструментальному признаку: общих начал государственного управления (администрации); методов государственно-управленческой деятельности государственной администрации, административного принуждения, не связанного с административной ответственностью, и административных нормативов; законности в государственном управлении и способов ее обеспечения; общих начал административных процедур внутреннего государственного управления; нормотворческих производств органов государственной администрации; учредительных производств; производств по осуществле-

нию оперативной деятельности органов государственной администрации; регистрационных производств; производств по заключению административных договоров; производств по рассмотрению дел, связанных с реализацией субъективных прав граждан и служащих аппарата государственной администрации; производств по стимулированию и поощрению субъектов управленческих отношений; производств по осуществлению государственного контроля и административного надзора; в) выделенную по объектному признаку: общих административно-правовых режимов деятельности государственной администрации; специальных административно-правовых режимов деятельности государственной администрации; административно-правовых форм деятельности государственной администрации; административной организации федерального отраслевого, межотраслевого и специального управления; административной организации отраслевого, межотраслевого и специального регионального и муниципального управления [15, с. 137]. Как видно из приведенной структуры права государственного управления, по объектному признаку выделяются административно-правовые режимы. Данная идея не является новой. Попытка использования административного режима как критерия структурирования отрасли административного права предпринималась китайскими учеными, которые считают, что административное право может состоять из двух частей: «это административно-правовой режим, направленный на регулирование административных отношений между субъектом административных действий и противоположной стороной; и режим, который нацелен на регулирование отношений между субъектами контроля над администрацией и административными органами» [16, с. 29]. Возможность использования административных режимов для структурирования Особенной части административного права отмечал Ю.А. Тихомиров [17, с. 194]. Развитие объектного признака структурирования подотрасли (комплексной отрасли) права государственного управления (администрации) обусловлено самим подходом к пониманию административно-правового режима, его содержания. В настоящее время считается вполне признанным мнение о том, что административно-правовой режим в своем содержании складывается из нормативной основы режима, системы режимных правил поведения, субъектов режима, его объекта, кроме этого, следует признать, что элементами содержания административного режима являются «...правовые средства, которыми достигается режимная цель; правовой статус субъектов правоотношений; системы организационных, технических, материаль-

ных гарантий, обеспечивающих реализацию правовых установлений; внутрисистемная информационная обеспеченность; правовые гарантии реализации режима (уголовная, административная, иная ответственность за нарушение режимных правил или установлений)» [18, с. 6]. Административно-правовой режим как форма правового регулирования общественных отношений применяется в случаях, когда: существует социальная потребность в создании системы правового воздействия в отношении большого количества субъектов; должно быть обеспечено неукоснительное выполнение предписаний правовых норм; необходима жесткость правового регулирования, обеспечиваемая комплексом существенных ограничений и запретов; структура правового материала, обеспечивающего правомерное поведение субъектов правоотношений, должна быть согласована по своим основным структурным элементам: правовым статусам, режимным правилам и режимным гарантиям [5, с. 14]. Построение административно-правовых режимов по принципу совокупности правовых статусов субъектов правоотношений, режимных правил и режимных гарантий требует соответствующего комплексного построения нормативных правовых актов, формирующих режимы. В свою очередь, административно-правовые режимы, регулирующие сложные общественные отношения, должны быть комплексными. При этом правовое регулирование отношений, обеспечивающих действие режимных гарантий (за исключением юридических), также должно осуществляться посредством административно-правовых режимов. Таким образом, выстраивается системное, комплексное, многоцелевое административно-правовое режимное регулирование общественных отношений. Такой подход позволяет формировать разветвленную систему взаимосвязанных нормативных правовых актов, устанавливающих комплексные административно-правовые режимы. В результате в процессе правотворчества представляется возможным прогнозировать и достигать определенного правового результата в регулировании сложных общественных отношений [5, с. 15].

Объектный критерий структурирования права государственного управления (администрации) позволяет выделять направления административно-правового регулирования режима управления этим объектом. В зависимости от вида и характера режимного объекта создается система правовых средств, опосредующая режимные правила управления объектом. Одновременно институты права государственного управления (администрации), выделенные по объектному и инструментальному признакам, обеспечивают функционирование инсти-

тутов и подотраслей, сформированных в связи с нормативным обеспечением административно-правовых режимов. Это означает, что субъектные и инструментальные институты (подотрасли) и объектные институты (подотрасли) административного права соотносятся как общее и особенное. В рассматриваемом смысле дальнейшее структурирование права государственного управления (администрации) может быть осуществлено с учетом видовой дифференциации административно-правовых режимов. Можно с уверенностью полагать, что практически в каждой сфере административно-правовых отношений действуют соответствующие административно-правовые режимы, которые можно классифицировать следующим образом:

в зависимости от характера административно-правового режима: общие и специальные; в рамках данных видов можно выделить институты (подотрасли) позитивного управления (институты (подотрасли) миграционного права, военного права, коммунального права и т.п.) и институты (подотрасли) специального управления (институты военного, чрезвычайного положения, антитеррористической операции и т.п.);

в зависимости от специфики содержания: отраслевые административно-правовые режимы (институты (подотрасли) полицейского права, транспортного права, информационного права и т.п.) и комплексные административно-правовые режимы (институты (подотрасли) антимонопольного права, строительного права, муниципального права, лицензионного права и т.п.);

по порядку формирования и субъектам, его реализующим: создаваемые федеральными органами государственной власти; создаваемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации, формируемые органами местного самоуправления; данные административно-правовые режимы позволяют формировать так называемое региональное право государственного управления, являющееся составной частью единого права государственного управления (администрации) России;

по сфере реализации административно-правового режима: реализуемые на всей территории страны (общефедеральные административно-правовые режимы), реализуемые на территории субъекта Российской Федерации (региональные административно-правовые режимы) или административно-территориальной единицы и реализуемые на части территории субъекта Российской Федерации или административно-территориальной единицы (локальные административно-правовые режимы);

по типам административно-правовых режимов: регистрационные (уведомительные) (например, институт регистрации по месту пребывания и месту жительства граждан Российской Федерации), разрешительные (например, институт оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ), правопредоставительные (например, институт обращения граждан в органы исполнительной власти), легализующие (например, институт миграционного учета), ограничительные (например, институт охраны особо охраняемого природного или культурного объекта), запретительные (например, институт особых зон отчуждения, особых техногенных объектов).

Таким образом, управление, в том числе в различных областях социальной жизни, может состояться лишь в том случае, если правовое регулирование управленческой деятельности государственных органов осуществляется посредством административно-правовых режимов. Следовательно, наличие административно-правовых режимов в праве государственного управления может быть принято в качестве одного из критериев структурирования отрасли административного права – права государственного управления на соответствующие подотрасли или институты. Использование административного режима в качестве критерия дальнейшего структурирования отрасли административного права позволяет детализировать структуру права государственного управления (администрации), дает возможность быть обусловленным потребностями административно-правового регулирования позитивных управленческих отношений, отвечать потребностям общественного развития.

1. Стариков Ю.Н. О сущности и новой системе административного права: некоторые итоги дискуссии // Государство и право. 2000. № 5.

2. Кирилин А.В. О реформе системы административного права // Журнал рос. права. 2012. № 3.

3. Фатьянов А.А. К вопросу о реформировании системы административного права // Административное право и процесс. 2012. № 11.

1. Starilov Yu.N. About entity and new system of administrative law: some results of discussions // State and law. 2000. № 5.

2. Kirin A.V. On administrative law reform // Journal of Russian law. 2012. № 3.

3. Fatyanov A.A. To the question about reforming administrative law // Administrative law and process. 2012. № 11.

4. Zherebtsov A.N. Theoretical models and the system of administrative law as a branch of

4. Жеребцов А.Н. Теоретические модели и система административного права как отрасли российского права // *Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 35-летию со дня основания Краснодарского университета МВД России, 25 мая 2012 г.: в 2 т. Краснодар, 2012. Т. 1.*
5. Долгополов А.А. Теоретические основы режимного административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел. М., 2014.
6. Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306 (с изм. и доп.) // *Собр. законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1099.*
7. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // *Собр. законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.*
8. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г.: утв. распоряжением Правительства РФ от 31 янв. 2013 г.
9. Козлов Ю.М., Фролов Е.С. Научная организация управления и право. М., 1986.
10. Купреев С.С. К дискуссии о новой системе административного права // *Административное право и процесс. 2013. № 8.*
11. Жеребцов А.Н. Правовое регулирование миграционной политики Российской Федерации. Краснодар, 2007.
12. Юсупов В.А. Право и советское государственное управление // Юсупов В.А. Труды по административному праву: в 3 т. М., 2011. Т. 1.
13. Жеребцов А.Н. Система административного права России. Краснодар, 2014.
14. Жеребцов А.Н. Современные проблемы совершенствования системы и структуры современного административного права // *Общество и право. 2015. № 2.*
15. Жеребцов А.Н. Современная система и структура административного права: новое состояние // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4.*
16. Лю Хаоцай. Очерки современного административного права Китая / под ред. А.А. Демина. М., 2010.
17. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса: учеб. М., 1998.
18. Долгополов А.А. Теоретические аспекты формирования и реализации административно-правовых режимов оборота оружия и взрывчатых веществ // *Очерки новейшей камералистики. 2007. № 2.*
- Russian law // Administrative-legal regulation of law enforcement: theory and practice: proc. of All-Russian sci.-pract. conf. dedicated to the 35th anniversary of the founding of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, May 25, 2012: in 2 vol. Krasnodar, 2012. Vol. 1*
5. Dolgoplov A.A. Theoretical basis of administrative-legal regulation of security-related activities of internal affairs bodies. Moscow, 2014.
6. Issues of enhancement of governance in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. March 11, 2003 № 306 (as amended and additional charge) // *Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 12. Art. 1099.*
7. On main directions of improving the system of governance: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 7, 2012 № 601 // *Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 19. Art. 2338.*
8. The basic directions of activity of the Government of the Russian Federation for the period up to 2018: appr. by the decree of the Government of the Russian Federation d.d. Jan. 31, 2013.
9. Kozlov Yu.M., Frolov E.S. Scientific organization of management and law. Moscow, 1986.
10. Kupreev S.S. To a debate about a new system of administrative law // *Administrative law and process. 2013. № 8.*
11. Zherebtsov A.N. Legal regulation of migration policy of the Russian Federation. Krasnodar, 2007.
12. Yusupov V.A. Law and Soviet governance // Yusupov V.A. Works on administrative law: in 3 vol. Moscow, 2011. Vol. 1.
13. Zherebtsov A.N. Administrative law system in Russia. Krasnodar, 2014.
14. Zherebtsov A.N. Contemporary problems of improvement of the system and structure of modern administrative law // *Society and law. 2015. № 2.*
15. Zherebtsov A.N. Contemporary administrative law system and structure: new state // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2014. № 4.*
16. Liu Haocaj. Essays on contemporary administrative law of China / ed. by A.A. Demin. Moscow, 2010.
17. Tikhomirov Yu.A. Course of administrative law and process: textbook. Moscow, 1998.
18. Dolgoplov A.A. Theoretical aspects of formation and implementation of legal and administrative regimes of trafficking in arms and explosives // *Essays on the latest cameralistics. 2007. № 2.*

Быкодорова Любовь Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент,
судья Арбитражного суда Ставропольского края
(тел.: +78652714060)

Производство по административным делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости: проблемы и противоречия

В статье рассмотрены вопросы оспаривания кадастровой оценки в контексте современных правил административного судопроизводства. Основания для пересмотра результатов кадастровой оценки связаны с недостоверностью сведений об объекте имущества при определении его кадастровой стоимости, с установлением в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую была установлена его кадастровая стоимость. Показаны противоречия институциональных решений, некоторые тенденции развития экономического правосудия в духе современных институциональных изменений.

Ключевые слова: административное судопроизводство, кадастровая оценка, оспаривание кадастровой оценки, административная практика, судебная практика.

L.V. Bykodorova, Master of Law, Assistant Professor, Judge of Arbitration Court of Stavropol Region; tel.: +78652714060.

Clarifications regarding contestation of cadastral value: problems and contradictions

The article searched the issues of contestation of cadastral value. The basic foundations of contestation of cadastral value connected with incorrect data base about the object of evaluation, and fixation of the market value of the object in the same date as providing of cadastral value. Expressed the contradictions of some institutional decisions, the extrapolation of some trends in the spirit of recent changes.

Key words: administrative process, cadastral value, clarification of cadastral value, administrative process, court precedents.

Ушедший 2015 г. войдет в правовую историю, как год принятия (8 марта!) Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Этот же период стал наиболее конфликтным в плане определения налоговой базы по имущественным налогам, исчисляемой в ряде пилотных регионов по совершенно новому алгоритму, по кадастровой стоимости недвижимого имущества. Не случайно и то обстоятельство, что в структуре более десятка выделенных законодателем категорий административных дел в четвертом разделе, посвященном особенностям рассмотрения отдельных категорий дел, существенное место занимает гл. 25 КАС РФ «Производство по административным делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости».

Четвертая глава КАС РФ является принципиальной в контексте оспаривания кадастровой оценки, которая приобрела ключевое значение

по всему спектру недвижимого имущества как для физических лиц, так и для организаций. Законодатель детализирует вопросы обращения в суд, содержание искового заявления, вопросы рассмотрения дел об оспаривании кадастровой стоимости, основания для пересмотра кадастровой стоимости, особенности решения суда по административному делу об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости.

Появлению этой главы КАС РФ предшествовало два взаимосвязанных этапа: обновление налогового законодательства в части имущественных налогов, рассчитываемых на новой налоговой базе, кадастровой оценке имущества, а также существенное обновление оценочного законодательства. В последнем случае речь идет об изменениях оценочного законодательства в части нормативно-правового регулирования кадастровой стоимости имущества.

На практике многие собственники квартир, дач, машин и земельных участков в нынешнем году уже получили единые налоговые уведомления и платежные требования на уплату имущественных налогов за 2014 г. Это касается уплаты части региональных и всех местных налогов, транспортного, земельного и налогов на имущество физических лиц и организаций.

Среди налогоплательщиков данных налогов более 23 млн пенсионеров. Следовательно, возникают проблемы не только фискального, юридико-технического, но и социального плана. К настоящему времени накоплен опыт перехода к кадастровой стоимости земельных участков в связи с переходом к исчислению земельного налога по кадастровой стоимости. При этом переход на кадастровую оценку расчета земельного налога означал во многих случаях увеличение сумм земельного налога. Как следствие, в настоящее время происходит процесс осмысления первых уроков судебных дел в связи с установлением кадастровой оценки по земельному налогу [1, с. 42–65].

Следующий этап – это более сложный этап перехода на кадастровую оценку при исчислении налога на имущество физических лиц. Несмотря на то, что предполагается постепенный переход на кадастровую оценку имущества, уже в 2016 г. в 28 регионах страны данный налог придется уплачивать на основе кадастровой стоимости имущества. Более того, одновременно изменяется порядок предоставления льгот, в том числе пенсионерам. Предполагается установление льгот только в отношении одного объекта из числа нескольких однородных объектов, но по усмотрению налогоплательщиков.

Как следствие этих кардинальных изменений, количество случаев оспаривания кадастровой оценки уже в настоящее время резко возросло. При этом оспорить размер кадастровой стоимости можно, подав исковое заявление в суд либо обратившись в комиссию при Управлении Росреестра в каждом субъекте Российской Федерации – такие комиссии уже созданы во всех субъектах Российской Федерации.

Основаниями для пересмотра стоимости могут стать неверное занесение в кадастр категории участка, технические ошибки в данных реестра, допущенные органами кадастрового учета при оценке земли или внесении данных в Государственный кадастр недвижимости.

Исходя из сложности проблем, возникающих при оспаривании, таких как длительность сроков урегулирования споров, существенные издержки на проведение независимой оценки, а также на получение экспертизы, рост размера издержек, связанных с правовым сопровождением данного процесса, следует рассмотреть факторы, способствующие установлению надлежащего правопорядка в данной области.

На наш взгляд, эти издержки отчасти компенсируются тем, что заявитель по результатам судебного спора, разрешенного в его пользу, вправе заявить о возмещении судебных расходов с ответчика. Кроме того, утверждение баланса публичных и частных интересов обуславливает формирование упрощенного порядка пересмотра кадастровой стоимости для физических лиц. В этой связи особое значение приобретают не только процессуальные аспекты, связанные с практикой рассмотрения подобных дел, но и возможности досудебного урегулирования споров для предпринимателей, а также развития упрощенной процедуры рассмотрения споров для физических лиц.

Корни возникающих проблем, основные причины расхождения интересов сторон, на наш взгляд, состоят в том, что кадастровая стоимость, как правило, определяется методами массовой оценки.

Однако нивелировать этот фактор, на наш взгляд, не представляется возможным. Ведь способ массовой оценки объектов недвижимости является ведущим в самых различных юрисдикциях. При проведении крупных юридических мероприятий, связанных с синхронизацией земельного, фискального кадастров, без этого метода обойтись невозможно. Но и в этом случае законодатель предложил возможность применения альтернативного подхода, когда оценка производится индивидуально для конкретного объекта. Более того, этот метод стандартизирован на уровне подзаконного регулирования (п. 3 разд. I Федерального стандарта оценки № 4, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 22 октября 2010 г. № 508).

Для установления баланса публичных и частных интересов следует синхронизировать усилия региональных и местных властей. Действительно, государственная кадастровая оценка проводится по решению исполнительного органа субъекта Российской Федерации либо в определенных случаях по решению органа местного самоуправления (ст. 24.12 Федерального закона № 135-ФЗ).

Ее проводят физические лица – члены соответствующих саморегулируемых организаций (оценщики). В случаях, предусмотренных ст. 24.19 Закона № 135-ФЗ, это Росреестр или подведомственные ему государственные бюджетные учреждения (ФГБУ «Кадастровая палата») (ст. 4, 24.15, 24.19 Закона № 135-ФЗ, п. 1 разд. I Положения о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, утвержденного постановлением Правительства РФ от 1 июня 2009 г. № 457).

Уполномоченный орган исполнительной власти субъектов Российской Федерации не позднее 1-го числа очередного налогового периода по налогу на имущество организаций определяет перечень объектов недвижимого имущества, направляет его в электронной форме в налоговый орган, который размещает его на своем официальном сайте или на официальном сайте субъекта Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. После принятия такого закона переход к определению налоговой базы в отношении объектов вышеуказанного недвижимого имущества как их среднегодовой стоимости не допускается.

Начиная с налогового периода 2015 г. для расчета налога на имущество юридических лиц кадастровую стоимость используют пока только 52 региона России, которые приняли законы, предусматривающие расчет налога на имущество, исходя из кадастровой стоимости объектов недвижимости. В соответствии с п. 15 ст. 378.2 НК РФ изменение кадастровой стоимости объектов налогообложения в течение налогового периода не учитывается при определении налоговой базы в этом и предыдущих налоговых периодах. Исключение составляют случаи изменения кадастровой стоимости объектов налогообложения вследствие исправления технической ошибки, допущенной органом, осуществляющим государственный кадастровый учет, при ведении государственного кадастра недвижимости. Изменение кадастровой стоимости объектов налогообложения в таком случае учитывается при определении налоговой базы, начиная с налогового периода, в котором была допущена такая техническая ошибка.

Второй случай связан с изменением кадастровой стоимости по решению комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости или решению суда в порядке, установленном ст. 24.18 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об

оценочной деятельности в Российской Федерации».

Кадастровая стоимость в некоторых случаях бывает завышенной в несколько раз. С 1 января 2015 г. количество плательщиков «кадастрового» налога на имущество значительно увеличилось, в том числе и за счет налогоплательщиков, находящихся на упрощенном специальном режиме.

Поскольку налог на имущество с такой недвижимости выше, чем исчисляемый как среднегодовая стоимость имущества (п. 1 ст. 375 НК РФ), увеличивается количество споров об определении такой кадастровой стоимости, а также включении объекта в перечень.

Вопросы оспаривания результатов кадастровой стоимости разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» (далее – Постановление). Остановимся на основных моментах, важных при оспаривании кадастровой стоимости.

Во-первых, оспаривать сведения о результатах определения кадастровой стоимости нужно по правилам производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, а с 15 сентября 2015 г. – по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ (п. 1 Постановления).

Во-вторых, оспаривать результаты определения кадастровой стоимости объекта недвижимости можно, предъявив определенные требования (п. 2 Постановления). Эти требования связаны с установлением в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости; с претензиями об изменении кадастровой стоимости в связи с выявлением недостоверных сведений об объекте оценки, использованных при определении его кадастровой стоимости, в том числе об исправлении технической и (или) кадастровой ошибки.

Эти требования связаны также с оспариванием решения или действия (бездействия) комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости (далее – комиссия); с оспариванием результатов определения кадастровой стоимости, которые не подлежат совместному рассмотрению с иными требованиями, например о пересмотре налоговых обязательств, арендных платежей (п. 5 Постановления).

Обратиться за пересмотром кадастровой стоимости могут юридические и физические лица, владеющие объектом недвижимости на праве собственности, постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения, а также иные лица. Однако это лишь необходимое, но недостаточное условие. Существенно и то, что конфликты связаны с нарушением их прав и обязанностей.

Обратиться в органы местного самоуправления и федеральные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в отношении пересмотра кадастровой стоимости земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, может бывший собственник объекта недвижимости, если результатами кадастровой оценки затрагиваются права и обязанности такого лица как налогоплательщика, в налоговом периоде, в котором подано заявление.

К данному правовому средству могут прибегнуть арендаторы недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, когда арендная плата исчисляется исходя из кадастровой стоимости объекта недвижимости. Если арендная плата за пользование имуществом, находящимся в собственности граждан и (или) юридических лиц, рассчитывается исходя из его кадастровой стоимости, арендатор вправе оспорить указанную стоимость, когда согласие собственника на такой пересмотр выражено в договоре либо в иной письменной форме.

Этот порядок характерен и для лиц, имеющих исключительное право выкупа или аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, если выкупная цена или арендная плата такого участка исчисляются исходя из его кадастровой стоимости. В оспаривании кадастровой оценки может принимать участие прокурор, выступающий в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Участник долевой собственности также может реализовать свое право на пересмотр кадастровой стоимости независимо от согласия других собственников, являясь самостоятельным налогоплательщиком.

Законодатель предусмотрел также досудебный порядок урегулирования подобных споров. Предварительный порядок обращения в комиссию является досудебным порядком уре-

гулирования спора. В связи с этим к заявлению об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости должны прилагаться документы, подтверждающие его соблюдение (п. 9 Постановления).

Существенное значение приобретает вопрос о единообразном толковании при пересмотре кадастровой стоимости категории недостоверных сведений об объекте оценки. К недостоверным сведениям относится допущенное при проведении кадастровой оценки искажение данных об объекте оценки, на основании которых определялась его кадастровая стоимость.

Это неправильное указание сведений в перечне объектов недвижимости, подлежащих государственной кадастровой оценке, либо неправильное определение оценщиком условий, влияющих на стоимость объекта недвижимости, неправильное применение данных при расчете кадастровой стоимости; неиспользование сведений об аварийном состоянии объекта оценки.

Как известно, законодательство о налогах и сборах предполагает установление налогов, имеющих экономическое основание. Вот почему суд на основании имеющихся в деле доказательств обладает правом установить рыночную стоимость в ином размере, чем указано в заявлении об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости.

Порядок разрешения споров основан на том, что лица, участвующие в деле, обязаны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются в обоснование своих требований и возражений. Обязанность доказать недостоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости, а также величину рыночной стоимости, устанавливаемой в качестве кадастровой, лежит на заявителе (административном истце). Стороны также вправе урегулировать спор о пересмотре кадастровой стоимости, заключив соглашение о примирении, основанное на имеющихся в деле доказательствах (например, на одном из представленных сторонами отчетов об оценке объекта недвижимости), которое должно содержать условия примирения, а также порядок распределения судебных расходов.

Резолютивная часть решения суда по делу о пересмотре кадастровой стоимости, как следует из п. 25 Постановления, должна содержать данные о величине установленной судом кадастровой стоимости объекта недвижимости, которая является новой кадастровой стоимо-

стью и подлежит внесению в государственный кадастр недвижимости.

Что касается включения в «кадастровый» перечень, то здесь можно выделить следующую позицию Верховного Суда РФ, закрепленную в его определении от 12 ноября 2014 г. № 5-АПГ14-53. В данном документе судьи сослались на положения ч. 2 ст. 253 ГПК РФ: установив, что оспариваемый нормативный правовой акт или его часть противоречат федеральному закону либо другому нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, суд признает нормативный правовой акт недействующим полностью или в части со дня его принятия или иного указанного судом времени. Однако из данного правила исключение составляют нормативные правовые акты, которые в соответствии со ст. 125 Конституции могут быть проверены в процедуре конституционного судопроизводства. Такой акт (его часть) признается судом недействующим с момента вступления решения в законную силу. Кроме того, согласно правовой позиции, приведенной в п. 28 Постановления, если нормативный правовой акт до вынесения решения суда применялся и на основании этого акта были реализованы права граждан и организаций, суд может признать его недействующим полностью или в части со дня вступления решения в законную силу.

Таким образом, в настоящее время созданы правовые основы для надлежащего оспарива-

ния кадастровой стоимости имущества. Именно методы массовой оценки, лежащие в основе определения кадастровой стоимости объектов оценки, приводят к конфликтности данного сегмента общественных отношений.

Для установления баланса публичных и частных интересов следует синхронизировать усилия региональных и местных властей. Результаты кадастровой оценки, если они затрагивают права и обязанности заинтересованных лиц, могут быть оспорены в судебном и внесудебном порядке. Результаты могут быть оспорены по следующим основаниям: в связи с недостоверностью сведений об объекте имущества при определении его кадастровой стоимости, а также в случае установления в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую была установлена его кадастровая стоимость.

Оспаривание во внесудебном порядке происходит на уровне субъектов Российской Федерации в специально созданных для этого административных комиссиях.

Судебный порядок признается более эффективным, хотя, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем совершенствовании, исходя из новых вызовов. Прежде всего, нуждается в дальнейшем обосновании вопрос о надлежащем ответчике, т.к. довод о ненадлежащем ответчике нередко становится препятствием для надлежащего урегулирования споров.

1. Правила для бизнеса. Уроки судебных дел / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2014.

1. Rules for business. Lessons of trial cases / ed. by S.G. Pepelyaev. Moscow, 2014.

Петров Владимир Иванович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Кубанского государственного университета
(e-mail: history1380@mail.ru)

Пилюгина Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Кубанского социально-экономического института
(e-mail: pilyugina_tv@mail.ru)

Современные аспекты административно-правового регулирования отношений общества с государственным аппаратом

В статье рассматриваются нововведения в административном праве России в 2015 г. Раскрываются дополнительные меры правовой защиты граждан Российской Федерации, которые обеспечиваются благодаря законодательной инициативе граждан и общественных организаций.

Ключевые слова: расширение прав граждан и организаций, Кодекс административного судопроизводства, административная ответственность, нововведения в административном праве, законодательная инициатива.

V.I. Petrov, Master of History, Assistant Professor of the Chair of History of Russia of the Kuban State University; e-mail: history1380@mail.ru;

T.V. Pilyugina, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal and Penal Law of the Kuban Social and Economic Institute; e-mail: pilyugina_tv@mail.ru

Modern aspects of administrative-legal regulation of relations of society with the state apparatus

In the article innovations in the administrative law of Russia in 2015 are considered. Additional measures of legal protection of citizens of the Russian Federation which are provided thanks to the legislative initiative of both citizens and public organizations reveal.

Key words: expansion of the rights of citizens and organizations, the Code of administrative procedure, administrative responsibility, innovations in the administrative law, legislative initiative.

Нельзя не отметить, что в настоящее время расширение прав граждан и организаций в современном российском обществе реально укрепляет основы функционирования гражданского общества [1, с. 245]. Так, в сентябре 2015 г. вступил в силу Кодекс административного судопроизводства, подробно прописывающий процедуру спора гражданина с государственными инстанциями. Зачастую гражданину сложно выиграть в таких спорах. Новый закон закрепляет активную роль суда, который может теперь запрашивать доказательства по своему усмотрению. Чиновников, игнорирующих судебные запросы, будут привлекать к административной ответственности – накажут рублем. Физическое лицо теперь мо-

гут оштрафовать на сумму до 10 тыс. рублей, штраф для ведомства за противодействие суду может составлять до 100 тыс. Суды могут наложить штраф и за неявку чиновника в суд, если его присутствие на заседании обязательно. А того, кто не явится в назначенный час, могут доставить принудительно с помощью судебных приставов, к тому же еще и оштрафуют. Уже с 15 сентября 2016 г. граждане смогут воспользоваться правом подавать документы в суд в электронном виде: в течение года в судах общей юрисдикции будет подготовлена техническая база, которая должна будет обеспечить прием административных исков по сети Интернет. Правда, если кто-то из граждан захочет обжаловать нормативный правовой

акт, то к заявлению надо будет приложить диплом о высшем юридическом образовании. У кого такого диплома нет, тому придется нанять представителя-юриста. Еще одно новшество – коллективные иски. Граждане теперь смогут объединяться в группы и коллективы, чтобы отстаивать свои права в суде. Это скоро смогут сделать собственники квартир многоэтажного дома или жильцы микрорайона, не согласные, например, с незаконным повышением местной администрацией коммунальных тарифов. По кодексу для коллективного иска должно будет набраться не менее 20 человек. Такие меры явно пойдут на пользу для развития малого и среднего бизнеса в России.

Также в сентябре Правительство РФ ограничило стоимость товаров и услуг, которые могут закупать госслужащие для своих нужд. Эта мера, безусловно, назрела давно: по данным Росстата, в прошлом году объем госзакупок по стране вырос на 18% и составил 23,8 трлн руб. Это госбюджету выдержать трудно. Постановление Правительства ограничивает максимальную стоимость ряда товаров и услуг, которые смогут приобрести бюджетные организации для нужд сотрудников. Так, для руководителей федеральных государственных органов и их заместителей можно будет закупать автомобили не дороже 2,5 млн руб. Для руководителей федеральных агентств и служб, а также их заместителей – не дороже 2 млн руб., для начальников структурных подразделений федеральных ведомств и замещающих их должностных лиц – не дороже 1,5 млн руб. До 2015 г. расходы на роскошные автомобили не были ограничены. Ценовое ограничение касается и мобильных телефонов. Смартфоны министров и их замов, покупаемые по государственным контрактам, должны стоить не более 15 тыс. руб., помощников и советников – 10 тыс. руб., специалистов – 5 тыс. руб. В документе названы и другие виды оргтехники: компьютеры, ноутбуки, планшеты, принтеры. Помимо этого в документе о государственных закупках указаны грузовые автомобили и автобусы, требования к которым могут быть установлены федеральными государственными органами самостоятельно. Госаппарат ограничивается теперь и в приобретении дорогой мебели. Так, для министров, замминистров и руководителей территориальных органов будет разрешено закупать кресла и диваны, изготовленные из ценных пород дерева и обшитые натуральной кожей, а для помощников и специалистов –

только из хвойных и некоторых других недорогих пород дерева, обитые искусственными материалами [2, с. 3]. Еще один законопроект, внесенный в Государственную Думу, предлагает лишать пенсий по выслуге лет чиновников, осужденных за различные коррупционные и служебные преступления. Инициатива вносит поправку в закон о государственном пенсионном обеспечении, уменьшающую служебную надбавку у всех чиновников, кто был осужден за преступления против государственной власти и интересов государственной службы. Сторонники инициативы ссылаются и на международный опыт, например Сингапура, которому такие жесткие нормы помогли стать одним из наименее коррумпированных государств мира. А Министерство внутренних дел РФ выступило с предложением в десятикратном размере увеличить штрафы для чиновников и ввести наказания за травмы, которые россияне получают из-за плохих дорог и неблагоустроенной инфраструктуры. Предложения оформлены в виде поправок к Административному кодексу. Согласно документу, разработанному в министерстве, чиновники должны будут отвечать за соблюдение безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции и капитальном ремонте автодорог, железнодорожных переездов и других инфраструктурных объектов. За нарушения ответственные должностные лица будут подвергаться штрафам в размере от 20 до 30 тыс. руб. В случаях, если из-за плохого состояния дорог граждане получили травмы, чиновников накажут на сумму от 50 до 100 тыс. руб. На такую же сумму будут штрафовать за невыполнение предписаний ГИБДД. Одновременно предлагается ужесточить ответственность для подрядчиков, выполняющих дорожные и ремонтные работы.

Таким образом, мы отмечаем, что нововведения в административном праве 2015 г. для улучшения жизнедеятельности социума своевременны и необходимы. В период сложных экономических условий развития нашего общества дополнительные меры правовой защиты граждан Российской Федерации обеспечиваются благодаря законодательной инициативе как граждан, так и общественных организаций [3, с. 21]. Весьма положительным является факт ответного реагирования законодательных органов, как в субъектах, так и федерального [4, с. 131]. Сокращение расходов на содержание госаппарата находит безусловную поддержку общественности. На повестке дня сегодня –

ужесточение наказаний за коррупционную деятельность [5, с. 338]. Также в настоящее время большое значение имеют законы по профилактике правонарушений, т.к. они определяют задачи и принципы улучшения криминогенной

обстановки на территории России и регионов, регулируют отношения, возникающие в процессе осуществления профилактической работы по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности [6, с. 116].

1. Петров В.И., Пилюгина Т.В. Организация действий правоохранительных органов по обеспечению правопорядка на территории Краснодарского края – основа стабильного взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом // *Общество и право*. 2015. № 2(52). С. 244–247.

2. Краснодарские известия. 2015. 2 окт.

3. Петров В.И. Особенности развития гражданского общества в России (на примере Краснодарского края) // *Вестн. Академии знаний*. 2014. № 1(8). С. 18–22.

4. Петров В.И. К вопросу о национальной безопасности, политико-экономической интеграции России в мировом пространстве // *Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.Л. Прохорова*. Краснодар, 2013. Ч. 1. С. 129–133.

5. Петров В.И. Региональная безопасность как одна из основ государственной стабильности // *Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: III Междунар. науч.-практ. конф.* Краснодар, 2014. С. 338–341.

6. Касьянов В.В., Петров В.И. Развитие гражданского общества Краснодарского края как составной части этнорегионального полиэтнического сообщества Юга России // *Aspectus*. 2014. № 3. С. 114–118.

1. Petrov V.I., Pilyugina T.V. Organization of law enforcement actions of law enforcement on the territory of Krasnodar region is the stable basis of interaction of public authorities with civil society // *Society and law*. 2015. № 2(52). P. 244–247.

2. *Krasnodar news*. 2015. Oct. 2.

3. Petrov V.I. Peculiarities of development of civil society in Russia (on the example of Krasnodar region) // *Bull. of Academy of knowledge*. 2014. № 1(8). P. 18–22.

4. Petrov V.I. On national security, political and economic integration of Russia in world space // *Criminal policy in the sphere of ensuring security of public health, public morals and other socially important interests: proc. of the II Intern. sci.-pract. conf. / resp. ed. M.L. Prokhorova*. Krasnodar, 2013. Pt. 1. P. 129–133.

5. Petrov V.I. Regional security as one of the foundations of state stability // *Criminal policy in the sphere of ensuring security of public health, public morals and other socially important interests: the III Intern. sci.-pract. conf.* Krasnodar, 2014. P. 338–341.

6. Kasyanov V.V., Petrov V.I. Development of civil society of Krasnodar region as an integral part of ethno-regional multi-ethnic community of the South of Russia // *Aspectus*. 2014. № 3. P. 114–118.

Ярыгин Иван Иванович

кандидат юридических наук,
старший оперуполномоченный группы уголовного розыска
отделения полиции Рязановское ОВД
по ТиНАО ГУ МВД России по г. Москве
(e-mail: yii75@bk.ru)

Беликов Александр Павлович

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ОООНКСИПНК ЦООНИР
ВНИИ МВД России
(e-mail: a.belikov13@mail.ru)

О понятии «административный процесс» в российской юридической науке

В статье рассматриваются вопросы о сущности и содержательной стороне административного процесса. Исследование точек зрения различных авторов на этот вопрос позволило выявить, что в настоящее время традиционно рассматриваются две основные концепции административного процесса – «юрисдикционная» и «управленческая».

Ключевые слова: административный процесс, ответственность, правоотношения, юрисдикция, правоприменение.

I.I. Yarygin, Master of Law, Senior Operative of Group of Criminal Investigation of Department of Police of Ryazanovskoye Department of Internal Affairs according to Troitsky and Novomoskovsky Administrative District of the Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia in Moscow; e-mail: yii75@bk.ru;

A.P. Belikov, Master of Law, Senior Researcher of OONKSIPNK of the Centre of Organization of Ensuring of Scientific Research Works of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: a.belikov13@mail.ru

About the concept of «administrative processes» in the Russian legal science

The article examines the nature and content of the administrative process. Study points of view of different authors on this issue revealed that currently are traditionally considered two basic concepts of administrative process – «jurisdictional» and «management».

Key words: administrative process, responsibility, legal relationship, jurisdiction, law enforcement.

Важнейшим критерием правомерности привлечения к административной ответственности является неукоснительное соблюдение органами правоприменения предусмотренных законодательством Российской Федерации правовых, организационных и административно-процессуальных условий. В ряду таких условий ученые-административисты прежде всего называют:

«совершенное законодательство об административной ответственности и о порядке реализации установленных законом административно-правовых санкций;

взаимодействие органов, обеспечивающих охрану правопорядка;

четкое административно-правовое регулирование процесса и процедур, обеспечивающих эффективное правоприменение в сфере реализации административной ответственности» [1, с. 237–238].

Последнее из перечисленных условий направлено на упорядочение действий юрисдик-

ционных органов в рамках административных правоотношений и представляет собой определенный в законодательстве Российской Федерации порядок, который необходимо соблюсти для привлечения виновного лица к административной ответственности. В науке административного права сложилось понимание того, что данная процедурная урегулированность деятельности правоприменительных органов в наиболее общем виде получила название административного процесса.

Вместе с тем, вопрос о сущности и содержательной стороне административного процесса до настоящего времени не имеет однозначного толкования среди ученых-административистов. Исследование точек зрения различных авторов [2, с. 306; 3, с. 301; 4, с. 111–116; 5, с. 130–132; 6, с. 139–141] на этот вопрос позволило выявить, что в настоящее время традиционно рассматриваются две основные концепции административного процесса – «юрисдикционная» и «управленческая». Тра-

диционно считается, что основу юрисдикционной концепции заложили взгляды, изложенные в монографии Н.Г. Салищевой «Административный процесс в СССР» (1964), где автор указала, что «административный процесс – особый вид исполнительной и распорядительной деятельности, связанной непосредственно с возможностью реализации в принудительном порядке соответствующих административно-правовых актов, определяющих права и обязанности участников материального административного отношения». Многие авторы [7; 8; 9] упоминают о рассмотрении сущности административного процесса в узком и широком смысле, хотя, по сути, речь здесь идет также о юрисдикционной или управленческой стороне вопроса соответственно.

Первая из названных концепций заключается в понимании того, что основанием административного процесса является жалоба, т.е. спор, следовательно, ее рассмотрение может быть только в юрисдикционном производстве.

Исследование работ сторонников данной концепции [10; 11; 12] позволило выявить ее отличительные особенности:

1) административный процесс связан исключительно с реализацией административно-правовых актов, изданных в отношении разрешения споров, и включает в себя возможность применения мер принуждения;

2) административный процесс имеет общие черты с гражданским и уголовным процессом, в связи с чем он должен иметь с ними общие тенденции развития;

3) понятие административного производства определяется сторонниками юрисдикционного подхода как более широкое по отношению к административному процессу, поскольку оно включает в себя разнонаправленные стороны деятельности в области государственного управления (производство, связанное с внутренней организацией аппарата управления; производство, обуславливающее связи между органами государственного управления, между госорганами и гражданами);

4) нормы административно-процессуального права направлены на регулирование обособленной группы административных правоотношений, связанных с рассмотрением споров и применением в связи с этим мер административного принуждения;

5) в основном административно-процессуальные нормы исчерпываются Кодексом РФ об административных правонарушениях.

Вторая, управленческая концепция административного процесса получила значительно большее число сторонников. В частности, данную концепцию в различное время поддержали и развили такие ученые, как Д.Н. Бахрах,

А.П. Коренев, А.Е. Лунев, В.М. Манохин, Г.И. Петров, В.Д. Сорокин, С.С. Студеникин, Ц.А. Ямпольская и др.

Характеризуя указанную концепцию, Д.Н. Бахрах определил, что «особенностью административного процесса является то, что он регулирует не только юрисдикционную деятельность... но и деятельность по реализации регулятивных норм, деятельность, так сказать, положительного характера» [13, с. 276].

А.П. Коренев включил в понятие административный процесс деятельность, состоящую «...в реализации полномочий по осуществлению функций государственного управления и применению норм материального административного права», кроме того, протекающую «...в порядке и формах, установленных законодательством» [14, с. 67–68].

В рамках подобного «управленческого» понимания ученые-административисты [15, с. 51; 16, с. 90; 17, с. 312; 18, с. 180; 19, с. 362] пришли к выводу о том, что, обладая значительным предметным полем, административный процесс с точки зрения построения логической цепочки «общее – его часть» включает в себя совокупность отдельных административных производств. В этом, в частности, наблюдается расхождение с мнением исследователей, развивавших «юрисдикционную» концепцию административного процесса.

При этом под административным производством в наиболее общем виде понимаются различные виды административно-юрисдикционной деятельности уполномоченных субъектов, выделяемые в зависимости от характера рассматриваемых административных дел и имеющие специфические по отношению друг к другу процессуальные особенности.

Следует отметить, что в работах последних лет высказываются новые авторские точки зрения на понимание сущности административного процесса. В них проявляется стремление максимально конкретизировать предметную область административного процесса, а в некоторых – упростить содержание данного термина до перечня конкретных видов входящих в его состав производств.

В частности, профессор Ю.Н. Стариков [20, с. 12] предлагает ограничить трактовку термина административный процесс совокупностью административно-правовых норм процессуального характера, определяющих порядок рассмотрения административных дел судом. При этом автор считает, что, заключая главный смысл административного процесса в административном судопроизводстве, следует признать, что иные проявления правоохранительной, юрисдикционной деятельности, а также деятельности иных, помимо судов, правоохрани-

нительных органов, связанной с совершением административных правонарушений, не должны входить в понятие административного процесса.

С.Н. Махина [21, с. 11–12] в своей кандидатской диссертации обосновывает необходимость деления административного права на две подотрасли – управленческое право и административно-процессуальное право, каждая из которых имеет свою процессуальную часть (соответственно управленческий и административный процессы). При этом автор поддерживает позицию профессора Ю.Н. Старилова и определяет непосредственно административный процесс как «самостоятельную отрасль российского права, содержанием которой является рассмотрение и разрешение спора о субъективном публичном праве судебными органами административной юстиции».

Расширяет количество видов административного процесса в своей докторской диссертации И.В. Панова [22]. Рассмотрение данного вопроса с точки зрения положений теории юридического процесса позволяет автору рассматривать административный процесс как систему, объединяющую три процесса: административно-нормотворческий, административно-правонаделительный и административно-юрисдикционный. При этом в отличие от взглядов предыдущих авторов И.В. Панова

предполагает, что «административное судопроизводство не отождествляется с административным процессом и не является частью последнего, а рассматривается как вид судопроизводства, осуществляемый в порядке, установленном нормами административно-процессуального права» [22].

Имеющаяся в настоящее время в науке административного права неопределенность о сущности административного процесса неизбежно порождает дискуссионность в отношении огромного перечня административных производств, входящих в его состав. Более того, феномен административных правоотношений предполагает появление новых производств в связи с расширением сферы государственного управления. В свою очередь, административные производства также имеют структурный характер и состоят из определенного количества стадий, на каждой из которых решаются самостоятельные процессуальные задачи, позволяющие в конечном итоге в совокупности достичь целей административного производства. На этот счет весьма емко высказался профессор Д.Н. Бахрах, который указал, что «под стадией производства следует понимать такую сравнительно самостоятельную его часть, которая наряду с общими задачами производства имеет собственные только ей цели и особенности» [23, с. 250].

1. *Рогачева О.С. Эффективность административно-правовых санкций при применении административной ответственности юридических лиц: методика изучения // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Право». 2010. № 1(8).*

2. *Габричидзе Б.Н., Елисейев Б.П. Российское административное право. М., 1998.*

3. *Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учеб. М., 2003.*

4. *Тихомиров Ю.А. Об административных процедурах // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2003.*

5. *Хаманева Н.Ю. Административный процесс и административная юстиция // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. тез. ст. М., 2003.*

6. *Кивич Ю.В. К дискуссии по вопросу о теории и структуре административного процесса // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. тез. ст. М., 2003.*

1. *Rogachyova O.S. Efficiency of administrative and legal sanctions at application of administrative responsibility of legal entities: studying technique // Bull. of Voronezh state university. Ser. «Law». 2010. № 1(8).*

2. *Gabrichidze B.N., Yeliseyev B.P. Russian administrative law. Moscow, 1998.*

3. *Alyokhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov Yu.M. Administrative law of the Russian Federation: textbook. Moscow, 2003.*

4. *Tikhomirov Yu.A. About administrative procedures // Actual problems of administrative and administrative procedural law: proc. of the Intern. sci.-pract. conf. Moscow, 2003.*

5. *Hamaneva N.Yu. Administrative process and administrative justice // Actual problems of administrative and administrative procedural law: coll. of theses of papers. Moscow, 2003.*

6. *Kivich Yu.V. To discussion on the theory and structure of administrative process // Actual problems of administrative and administrative procedural law: coll. of theses of papers. Moscow, 2003.*

7. *Administrative law / ed. by Yu.M. Kozlov, L.L. Popov. Moscow, 1999.*

8. *Panova I.V. Administrative procedural activity in the Russian Federation. Moscow, 2001.*

7. *Административное право / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999.*
8. *Панова И.В. Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации. М., 2001.*
9. *Хомякова Г.П. Обсуждение проблем административного процесса в СССР // Советское государство и право. 1963. № 1.*
10. *Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР. М., 1964.*
11. *Иванов О.В. Рецензия на книгу Н.Г. Салищевой «Административный процесс в СССР» // Тр. Иркутск. гос. ун-та. 1965. Т. XXXIX. Сер. юрид. Вып. 7. Ч. II.*
12. *Самойленко А.В. Административные штрафы милиции как средство охраны советского правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1971.*
13. *Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969.*
14. *Коренев А.П. Кодификация советского административного права. М., 1970.*
15. *Сорокин В.Д. Проблемы административного процесса. М., 1968.*
16. *Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 1979.*
17. *Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. М., 1997.*
18. *Козлов Ю.М. Административное право. М., 2003.*
19. *Сорокин В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. СПб., 2002.*
20. *Стариков Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М., 2001.*
21. *Махина С.Н. Управленческий и административный процессы: проблемы теории и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.*
22. *Панова И.В. Актуальные проблемы административного процесса в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000.*
23. *Бахрах Д.Н. Административное право. М., 1993.*
9. *Номыакова G.P. Discussion of problems of administrative process in the USSR // Soviet state and law. 1963. № 1.*
10. *Salishcheva N.G. Administrative process in the USSR. Moscow, 1964.*
11. *Ivanov O.V. Review of N.G. Salishcheva's book «Administrative process in the USSR» // Works of Irkutsk state university. 1965. Vol. XXXIX. Ser. judicial. Iss. 7. Pt. II.*
12. *Samoylenko A.V. Administrative penalties of militia as means of protection of the Soviet law and order: auth. abstr. ... Master of Law. Kiev, 1971.*
13. *Bakhrakh D.N. Soviet legislation on administrative responsibility. Perm, 1969.*
14. *Korenev A.P. Codification of the Soviet administrative law. Moscow, 1970.*
15. *Sorokin V.D. Problems of administrative process. Moscow, 1968.*
16. *Shergin A.P. Administrative jurisdiction. Moscow, 1979.*
17. *Alyokhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov Yu.M. Administrative law of the Russian Federation. Moscow, 1997.*
18. *Kozlov Yu.M. Administrative law. Moscow, 2003.*
19. *Sorokin V.D. Administrative process and administrative procedural law. St. Petersburg, 2002.*
20. *Starilov Yu.N. Administrative justice. Theory, history, prospects. Moscow, 2001.*
21. *Mahina S.N. Governance and administrative processes: problems of the theory and prospects of legal regulation: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 1998.*
22. *Panova I.V. Actual problems of administrative process in the Russian Federation: auth. abstr. ... Dr of Law. Yekaterinburg, 2000.*
23. *Bakhrakh D.N. Administrative law. Moscow, 1993.*

Александров Артур Гайровичпомощник судьи Анапского городского суда
Краснодарского края
(тел.: +78612583170)

Проблемы защиты прав и свобод лиц, подвергшихся региональному государственному контролю

В статье рассматриваются наиболее актуальные формы обеспечения прав и свобод подконтрольных субъектов, которыми, по мнению автора, являются судебный контроль и прокурорский надзор за деятельностью региональных контролирующих органов. Автор отмечает, что защита прав и свобод подконтрольных субъектов должна осуществляться посредством контроля за соблюдением не только материальных, но и процессуальных прав и свобод. Для осуществления защиты процессуальных прав и свобод подконтрольных субъектов предлагается закрепить на уровне федерального закона, регулирующего порядок осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, положения, предусматривающие признание государственного контроля (надзора) незаконным в случае выявления процессуальных правонарушений.

Ключевые слова: процессуальное правонарушение, государственный контроль, защита прав подконтрольных субъектов, незаконность осуществления административно-контрольного производства.

A.G. Alexandrov, Judge Assistant of the Anapa City Court of Krasnodar Region; tel.: +78612583170.

Problems of protection of the rights and freedoms of persons subjected to regional state control

The article considers the most topical forms of securing the rights and freedoms regulated entities, which, in the author's opinion, is the judicial control and Prosecutor supervision over the activities of regional Supervisory bodies. The author notes that the protection of the rights and freedoms regulated entities should be carried out through control over the observance of not only material but also procedural rights and freedoms. It is proposed that implementation of the protection of procedural rights and freedoms regulated entities, it is expedient to consolidate the Federal law governing the exercise of state control (supervision) and municipal control, provisions for the recognition of the state control (supervision) in the case of illegal identification procedure offences.

Key words: procedural violation, state control, protection of the rights of regulated entities, illegality of the implementation of the administrative control proceedings.

Проблема административно-процессуального обеспечения защиты лиц, подвергшихся государственному контролю, представляется достаточно актуальной, что неоднократно отмечалось как в научных источниках, так и в судебной практике. Это особенно актуально в связи с необходимостью реализации принципа защиты прав юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля. При этом А.И. Стахов признает, что действие данного принципа «имеет межотраслевой характер, так как распространяется на комплекс отношений, складывающихся в сферах (отраслях) государственного контроля и надзора, находящихся в ведении разнообразных контрольно-надзорных органов исполнительной власти» [1,

с. 172]. Распространение действия приведенного принципа и на региональный государственный контроль очевидно. Это обстоятельство требует рассмотрения данной проблемы с целью формирования и развития административно-процессуальных способов защиты прав и свобод лиц, подвергшихся региональному государственному контролю. Существование в рамках региональных административно-контрольных производств стадии досудебного обжалования результатов государственного контроля не решает всех проблем защиты прав и свобод подконтрольных субъектов, тем более что опрос, проведенный нами, свидетельствует о малой эффективности данной стадии в настоящее время. Так, опрос 120 респондентов – работников суда, прокуратуры, органов внутренних дел и иных правоохранительных орга-

нов, а также студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», – показывает, что 55% опрошенных считают, что в настоящее время процедура досудебного (внесудебного) порядка обжалования решений и действий (бездействия) исполнительного органа, исполняющего государственную функцию осуществления регионального государственного контроля, является малоэффективной, 32,5% опрошенных считают, что указанная процедура эффективна, и 12,5% считают, что рассматриваемая административная процедура является высокоэффективной.

Изучение принятых региональных административных регламентов осуществления функции государственного контроля и предлагаемой нами концепции административно-процессуального регулирования данного вида административного производства позволяет выделить следующие направления совершенствования указанного производства в контексте нормативно-правового обеспечения реализации принципа защиты прав юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля:

1) определение круга административно-процессуальных правонарушений, влекущих лишение или ограничение прав и свобод подконтрольного субъекта;

2) установление административно-процессуальных оснований для признания административно-контрольного производства незаконным;

3) формирование административно-процессуальных форм защиты прав и свобод подконтрольных субъектов административно-контрольного производства.

Вопрос о процессуальных правонарушениях в настоящее время весьма активно исследуется в науке уголовно-процессуального права. Ученые, исследующие данный вопрос, определяют процессуальное правонарушение как нарушение процессуальной нормы, влекущее процессуальную ответственность участников процессуального производства и применение предусмотренной законом процессуальной санкции [2; 3]. Данный подход вполне применим и к определению административно-процессуального правонарушения. Нас в данном смысле интересует не любое административно-процессуальное правонарушение, а лишь такое, которое преследует в качестве последствия лишение или ограничение прав и свобод подконтрольных субъектов. К числу таких административно-процессуальных правонарушений судебная практика относит следующие.

1. Нарушение оснований для осуществления административно-процессуального производ-

ства. Практические работники отмечают, что во втором полугодии 2015 г., в соответствии с поручением Президента России, органами прокуратуры проводились проверки соблюдения уполномоченными органами государственного контроля (надзора), муниципального контроля законодательства Российской Федерации о государственном контроле при осуществлении внеплановых проверок субъектов малого и среднего предпринимательства, при этом особое внимание уделялось проверке обоснованности их организации и сроков проведения, в том числе потому, что именно эти нормы зачастую не соблюдаются контролирующими органами [4, с. 4]. Именно нарушение оснований для проведения регионального государственного контроля является весьма значимым административно-процессуальным правонарушением при реализации указанной функции. Однако следует отметить, что судебных решений, где бы были признаны незаконными основания проведения процедуры регионального государственного контроля, достаточно немного. Данная проблема была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в определении от 22 декабря 2015 г. № 2906-О «По жалобе некоммерческой организации “Ассоциация сельских муниципальных образований и городских поселений” на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 6 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации”» [5], где отмечалось, что лицо (представитель лица), в отношении которого осуществляется внеплановая проверка, вправе требовать для ознакомления все материалы, послужившие основанием для ее проведения, и рассчитывать на их получение при соблюдении ограничений, предусмотренных федеральным законом. С учетом же того, что требование прокурора о проведении внеплановой проверки некоммерческой организации как основание такой проверки обусловлено поступившими в органы прокуратуры материалами и обращениями, данные материалы и обращения непосредственно относятся к основаниям проведения проверки и обуславливают предмет проверки, а потому должны быть предоставлены некоммерческой организации для ознакомления в установленном порядке. Особую актуальность приобретают споры об основаниях проведения внеплановых контрольных мероприятий [6; 7].

2. Проведение административно-контрольного производства или принятие решения о проведении данного контроля производится неуполномоченным должностным лицом ор-

гана исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Так, в п. 1 решения Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2015 г. «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2015 года» [8] отмечается, что Конституционный Суд признал оспоренные законоположения не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой они: предполагают возможность привлечения к участию в проведении проверки представителей (сотрудников) других государственных органов лишь в целях осуществления ими вспомогательных (экспертно-аналитических) функций, что исключает самостоятельное проведение проверочных действий от имени и в рамках компетенции соответствующих государственных органов и не допускает иных отступлений от установленных действующим законодательством порядка и периодичности проводимых уполномоченными органами государственного контроля (надзора) плановых мероприятий. Эти положения подтверждают значимость данного основания для признания государственного контроля незаконным. Приведенное основание для признания государственного контроля незаконным (хотя и касается федеральных органов исполнительной власти) признается таковым и в решении Верховного Суда РФ от 10 октября 2012 г. № АКПИ12-1203 «О признании частично недействующим пункта 28 Административного регламента по исполнению государственной функции контроля и надзора за соблюдением положений миграционного законодательства Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства и за соблюдением правил привлечения работодателями, заказчиками работ (услуг) иностранных работников в Российскую Федерацию и использования их труда, утвержденного приказом Министерства внутренних дел РФ и Федеральной миграционной службы от 30 апреля 2009 г. № 338/97» [9]. В приведенном судебном акте отмечается, что «являясь органом федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, ФМС России обязана соблюдать законодательство Российской Федерации в указанной сфере, которое, как уже отмечалось, наделяет правом издания распоряжения или приказа о проведении проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей лишь руководителей, заместителей руководителей органов государственного контроля (надзора), но не руководителей, заместителей руководителей структурных подразделений таких органов. Следовательно, начальники струк-

турных подразделений территориальных органов ФМС России, осуществляющих деятельность по линии иммиграционного контроля и внешней трудовой миграции, и их заместители не вправе издавать распоряжения или приказы о проведении проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере миграционного контроля» [9].

3. Нарушение или ограничение в ходе административно-контрольного производства предоставленных подконтрольному субъекту прав и свобод, если эти нарушения или ограничения привели или могли привести к принятию незаконного решения по итогам осуществления функции регионального государственного контроля. Приведенное основание находит подтверждение и в судебной практике. Так, в своем определении от 19 марта 2015 г. № 302-КГ15-2347 Верховный Суд РФ отмечает, что нарушение порядка проведения государственного контроля может служить основанием для признания контрольных мероприятий незаконными, если в результате этого нарушения были ущемлены права и свободы подконтрольного субъекта, и это подтверждается доказательствами, представленными заявителем [10].

Установление административно-процессуальных оснований для признания административно-контрольного производства незаконным является необходимым законодательным условием эффективного осуществления данного производства. Следует признать, что данные основания необходимо закреплять на уровне федерального закона, регулирующего порядок осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, что в настоящее время не находит отражение в действующем Федеральном законе от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [11]. Не предусматриваются такие основания и в действующем Кодексе административного судопроизводства от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ [12] (далее – КАС РФ). Данные основания повысят эффективность обеспечения прав и свобод подконтрольных субъектов, улучшат состояние законности при осуществлении административно-контрольной деятельности контролируемых субъектов, создадут материально-правовые и процессуально-правовые основания мотивированного обращения в суд и органы прокуратуры при обжаловании незаконных действий контролирующего органа или его должностных лиц.

Проблема оснований для признания административно-контрольного производства незаконным поднималась в работе А.Н. Жеребцова и Е.А. Чабан, где предлагалось выделять следующие виды нарушений административных процедур позитивного государственного управления: 1) нарушение правил об основаниях начала осуществления административной процедуры; 2) нарушение сроков осуществления административной процедуры; 3) истребование документов по рассматриваемому делу, не предусмотренных нормами законодательства, подзаконными нормативно-правовыми актами или административным регламентом либо получаемых в электронной форме посредством межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти и иных субъектов, наделенных государственно-управленческими полномочиями [13, с. 152]. Следует отметить, что приведенная система оснований вряд ли может быть признана в качестве основания незаконности административно-контрольного производства, если не будет установлено, что они влекут или могут повлечь ущемление или лишение прав подконтрольного субъекта административного производства. Кроме приведенных положений, в качестве оснований признания административно-контрольного производства незаконным являются указанные нами ранее административно-процессуальные правонарушения, выразившиеся в нарушении оснований для осуществления административно-процессуального производства и проведении административно-контрольного производства неуполномоченным должностным лицом органа исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Формы административно-процессуальной защиты прав и свобод подконтрольных субъектов административно-контрольного производства в настоящее время можно признать вполне сформированными в действующем федеральном законодательстве. Одной из наиболее значимых форм процессуальной защиты прав и свобод подконтрольных субъектов является административное судопроизводство. По обоснованному мнению Е.В. Хахалевой, «основной задачей административного судопроизводства является судебная защита прав, свобод и интересов физических или юридических лиц в сфере административно-правовых отношений» [14, с. 9]. Это в полной мере касается и объекта административно-процессуальной защиты при проведении регионального государственного контроля. Так, в соответствии

со ст. 17 КАС РФ Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции рассматривают и разрешают административные дела, связанные с защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также другие административные дела, возникающие из административных или иных публичных правоотношений и связанные с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий, за исключением дел, подведомственных иным судам Российской Федерации. В соответствии с положениями гл. 22 (ст. 218–228) КАС РФ рассмотрению в порядке административного судопроизводства подлежат административные дела об оспаривании решений, действий (бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. Именно в рамках данного производства возможно обжалование незаконных действий, бездействий, решений регионального контролирующего органа исполнительной власти или его государственного служащего. Ю.П. Соловей справедливо пишет: «Принятие КАС РФ актуализировало целый спектр проблем судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций от нарушений со стороны публичной администрации, среди которых особый интерес вызывает проблема судебного контроля за реализацией ее дискреционных (от лат. *discretio* – различение, разделение) полномочий (прав, обязанностей, правообязанностей), т.е. полномочий определять свое служебное поведение во взаимоотношениях с гражданами и организациями с той или иной степенью собственного усмотрения (дискреции) [15, с. 5]». В приведенном положении следует акцентировать внимание, по нашему мнению, на аспект процессуального характера, т.е. на судебный контроль за процессуальным порядком деятельности должностного лица органа исполнительной власти. В административно-правовой науке отмечается, что судебный контроль представляет собой «деятельность суда по разрешению споров, отнесенных к подведомственности судебной власти, и принятию властных решений, позволяющих осуществить защиту нарушенных или оспоренных материальных прав и законных интересов» [14, с. 8]. В данном определении отмечается лишь

защита материального права от нарушения, что значительно сужает предмет судебного контроля. Нам представляется необходимым признать, что судебный контроль должен охватывать защиту нарушенных или оспоренных материальных и процессуальных прав и законных интересов подконтрольных субъектов. Потребность расширения предмета судебного контроля за законностью и обоснованностью действий и решений органов и должностных лиц исполнительной власти признает и Ю.П. Соловей, который, анализируя положения ст. 226 КАС РФ, предлагает внести кардинальные изменения в указанную статью, в частности, предусмотреть, что «оспариваемое решение, совершенное оспариваемое действие (бездействие) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, может быть признано судом незаконным в случае несоответствия такого решения, действия (бездействия) хотя бы одному из требований, предусмотренных пунктами 3–5 части 9 настоящей статьи» [15, с. 9]. В свою очередь, подп. «а», «б», «в» п. 3 ч. 9 ст. 226 КАС РФ предлагается им изложить в следующей редакции: «а) полномочия органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, на принятие оспариваемого решения, совершение оспариваемого действия (бездействия); б) форму и порядок (процедуру) принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) в случае, если такие форма и порядок (процедура) установлены; в) основания (условия) для принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия), если такие основания (условия) предусмотрены нормативными правовыми актами» [15, с. 8–9]. Как видно из приведенных положений, основания

признания решения, действия (бездействия) органов и должностных лиц исполнительной власти незаконными могут быть, во-первых, процессуальными, во-вторых, признаваемыми нами как административно-процессуальные правонарушения, т.е. касаются следующего: 1) нарушение оснований для осуществления административно-процессуального производства; 2) проведение административно-контрольного производства или принятие решения о проведении данного контроля производится неуполномоченным должностным лицом органа исполнительной власти субъектов Российской Федерации; 3) нарушение или ограничение в ходе административно-контрольного производства предоставленных подконтрольному субъекту прав, если эти нарушения или ограничения привели или могли привести к принятию незаконного решения по итогам осуществления функции регионального государственного контроля.

Таким образом, следует признать, что наиболее актуальными формами обеспечения прав и свобод подконтрольных субъектов являются судебный контроль и прокурорский надзор за деятельностью региональных контролирующих органов. При этом следует отметить, что защита прав и свобод подконтрольных субъектов должна осуществляться посредством контроля за соблюдением не только материальных, но и процессуальных прав и свобод. Для осуществления защиты процессуальных прав и свобод подконтрольных субъектов целесообразно закрепить на уровне федерального закона, регулирующего порядок осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, положения, предусматривающие признание государственного контроля (надзора) незаконным в случае выявления процессуальных правонарушений.

1. Стахов А.И. Контрольно-надзорное административное производство: понятие, структура, проблемы гармонизации с производством по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по материалам ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 г.: в 3 т. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб., 2016. Т. II.

2. Бородинов В.В. Обеспечение правосудности приговора вышестоящими судами. М., 2005.

1. Stakhov A.I. Control and supervision administrative proceedings: the concept, structure, problems of harmonization of production on affairs about administrative offences // Actual problems of administrative and administrative-procedural law: proc. of annual All-Russian sci.-pract. conf. (Sorokin's reading), March 25, 2016: in 3 vol. / ed. by Yu.E. Avrutin, A.I. Kaplunov. St. Petersburg, 2016. Vol. II.

2. Borodinov V.V. Ensuring the justness of the sentence by the higher courts. Moscow, 2005.

3. Vetrova G.N. Sanctions in a court law. Moscow, 1991.

3. Ветрова Г.Н. Санкции в судебном праве. М., 1991.
4. Воробьев С.Д. Надзор за исполнением законодательства о защите прав предпринимателей // Законность. 2015. № 10.
5. Собр. законодательства РФ. 2015. № 52. Ст. 6793.
6. Определение Верховного Суда РФ от 20 апр. 2015 г. № 309-КГ15-3508 по делу № А76-15024/2014.
7. Определение Верховного Суда РФ от 5 мая 2015 г. № 309-КГ15-3940 по делу № А47-4492/2014.
8. URL: <http://www.ksrf.ru> (по сост. на 24.04.2015).
9. Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 5.
10. Определение Верховного Суда РФ от 19 марта 2015 г. № 302-КГ15-2347 по делу № А10-3045/2014. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 23.03.2016).
11. Собр. законодательства РФ. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6249.
12. Там же. 2015. № 10. Ст. 1391.
13. Жеребцов А.Н., Чабан Е.А. Административные процедуры: понятие, сущность, проблемы осуществления и нормативно-правового регулирования. Краснодар, 2016.
14. Хахалева Е.В. Контроль судов общей юрисдикции за деятельностью органов исполнительной власти и их должностных лиц: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.
15. Соловей Ю.П. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации как законодательная основа судебного контроля за реализацией дискреционных полномочий публичной администрации // Административное право и процесс. 2016. № 1.
4. Vorobyov S.D. Supervision of the execution of the legislation on protection of the rights of entrepreneurs // Legality. 2015. № 10.
5. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2015. № 52. Art. 6793.
6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Apr. 20, 2015 № 309-KG15-3508 in the case № А76-15024/2014.
7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. May 5, 2015 № 309-KG15-3940 in the case № А47-4492/2014.
8. URL: <http://www.ksrf.ru> (as 24.04.2015).
9. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 5.
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. March 19, 2015 № 302-KG15-2347 in the case № А10-3045/2014. URL: <http://www.ksrf.ru> (date of access: 23.03.2016).
11. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2008. № 52, pt. 1. Art. 6249.
12. Ibid. 2015. № 10. Art. 1391.
13. Zherebtsov A.N., Chaban E.A. Administrative procedures: the concept, nature, problems of implementation and legal regulation. Krasnodar, 2016.
14. Hahaleva E.V. Control of courts of General jurisdiction over the activities of Executive authorities and their officials: auth.abstr. ... Dr of Law. Rostov-on-Don, 2011.
15. Solovey Yu.P. Code of administrative procedure of the Russian Federation as the legal basis of judicial control over the implementation of discretionary powers of public administration // Administrative law and process. 2016. № 1.

Шевченко Андрей Иванович

доктор философских наук,
 профессор кафедры социально-гуманитарных
 и естественнонаучных дисциплин
 Северо-Кавказского филиала
 Российского государственного университета правосудия
 (тел.: +78612536104)

Социально-философский аспект трудовой занятости проблемных групп населения Российской Федерации в правовом поле

Автор рассматривает системные меры, которые бы способствовали успешной адаптации инвалидов в современном обществе. Для успешной организации труда предлагает задействовать или создать вновь организации, которые бы следили за процессом определения инвалидности.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями, фонд занятости, бюро медико-социальной экспертизы, маломобильные группы населения, политики квотирования, профессиональная самореализация.

A.I. Shevchenko, Doctor of Philosophy, Professor of the Chair of of Social Humanities and Natural Sciences of the North Caucasian branch of the Russian State University of Justice; tel.: +78612536104.

Social-philosophical aspects of employment problem groups population of the Russian Federation in the legal field

The author considers system measures which would help people with limit possibilities to adopt successfully in modern society. For effective organization of labour employment of invalids he suggests to organize the open for civil society organs of control after the system of determination of disability.

Key words: people with limit possibilities, fund of employment, bureau of medical and social examination, littlemobile groups of population, politics of quota, professional self-realization.

Право на труд было и остается неоспоримым для любого человека, в том числе с ограниченными возможностями здоровья. Однако, для того чтобы люди с инвалидностью могли беспрепятственно пользоваться им и стать востребованной рабочей силой в России, необходима соответствующая государственная политика, активная позиция представителей гражданского общества и организаций, занимающихся соблюдением прав инвалидов. К сожалению, на данный момент об эффективном привлечении инвалидов к трудовой деятельности говорить не приходится, а число компаний, которые берут на работу людей с ограниченными возможностями, катастрофически мало. Как пишет О.В. Синявская, «до сих пор самым слабым местом социальной политики при этом остается ее несогласованность, отсутствие единой стратегии. Фактически мы имеем дело с отдельными социальными мерами, а не с комплексной системной концепцией» [1]. Сегодня число инвалидов, занятых на предприятиях в Российской Федерации, не превышает и 10% от всего трудоспособного населения страны. И в последние годы эта цифра неумолимо сокращается. Реже всего в России

могут получить работу инвалиды I и II групп – таких 8%. Например, в США из 54 млн человек, имеющих ограничения по здоровью, успешно трудоустроиться может треть, в Великобритании на 5 млн инвалидов приходится 40% занятых, а в стремительно развивающемся Китае из 60 млн инвалидов каждый день выходят на работу сразу 80% [2].

Стоит отметить, что в нашей стране право на труд для инвалидов регулируется Федеральным законом от 20 июля 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Именно по нему устанавливается порядок квотирования рабочих мест инвалидов для предприятий с численностью сотрудников более 30 человек (ст. 21). Однако в 2001 г. законодательство в этой части претерпело некоторые сдвиги. Федеральным законом от 29 декабря 2001 г. № 188-ФЗ был изменен порядок и размер квот. Если до этого времени они должны были занимать не менее 3% от среднесписочной численности работников, то сейчас у субъектов Российской Федерации появилась возможность увеличить число мест для работающих инвалидов. Таким образом, на сегодняшний день квотирование мест для

людей с ограниченными возможностями может колебаться от 2% до 4%. Модернизация законодательства и подзаконных актов Российской Федерации, регулирующих трудовую деятельность инвалидов и условия ее реализации на предприятиях страны, обусловлена прекращением работы Государственного фонда занятости населения (ГФЗН) с 1 января 2002 г.

Эта процедура разрушила привычную систему финансирования программ по созданию рабочих мест для инвалидов и обострила проблему трудоустройства лиц с ограниченными возможностями. Если ранее предприятие, которое не могло или не имело возможности выполнить квоты по трудоустройству инвалидов, платило в Фонд занятости определенную сумму, которая шла на дальнейшее трудоустройство «особых» соискателей, организацию отдельных предприятий и производств по занятости инвалидов, то сейчас эти деньги направляются прямо в региональные бюджеты.

На сегодняшний день в Российской Федерации каждый третий инвалид готов выйти на работу. Однако часто лица с ограниченными возможностями здоровья не добиваются от местных властей соблюдения своего права на труд, иногда по незнанию, а чаще из-за бессилия перед бюрократической системой. Между тем, такое большое число не охваченных занятостью инвалидов усугубляет социальную обстановку в стране. Загоняет ситуацию в тупик еще больше и тот факт, что существующие квоты для инвалидов имеют номинальное качество – очень часто выделенные для таких сотрудников места мало того, что низкооплачиваемы, неперспективны и мало привлекательны для соискателей, так еще большинство из них просто не приспособлены для инвалидов. Одновременно с этим вакансии именно для лиц с ограниченными возможностями пользуются в данной среде повышенным вниманием.

Для того чтобы выяснить истинное положение дел в сфере предоставления рабочих мест для инвалидов на предприятиях Краснодарского края, авторы работы провели исследование, которое было построено, в том числе, и на отзывах работодателей. Респонденты – руководители предприятий и организаций региона оценили функционирование системы квотирования мест для инвалидов, а также ответили на вопросы о том, как нужно построить работу по эффективной социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья в современных условиях. Полученные данные помогли выяснить, как кубанский бизнес относится к проблеме интеграции инвалидов, а также оценить намерения руководителей компаний края в части исполнения закона о квотах для такой категории работников. В итоге самыми терпи-

мыми к инвалидам на производстве оказались руководители небольших районных предприятий. На таких территориях, в отличие от крупных промышленных центров, наблюдается как высокая трудовая активность самих инвалидов, так и низкое число вакансий на местном рынке труда.

Исследование также выявило отношение бизнеса к системе квотирования рабочих мест для инвалидов. По мнению большинства опрошенных руководителей предприятий Краснодарского края, вопрос трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья государство постепенно переложило на плечи предпринимателей. Местные бюджеты просто собирают деньги за не использованные инвалидами места с представителей бизнеса, при этом мало делают для того, чтобы специальных рабочих мест для таких сотрудников стало больше. Несмотря на то, что большинство респондентов согласны участвовать в процессе социализации инвалидов, многих не устраивает существующая государственная политика в части оказания помощи нуждающимся слоям населения.

Опрошенные в ходе исследования респонденты одинаково негативно оценили существующую систему квотирования. На их взгляд, она утратила свои первоначальные функции и превратилась в систему поборов. В итоге, чтобы остаться на рынке, бизнес вынужден идти обходными путями, которые помогают легально избежать платы за уход от предоставления мест инвалидам. Так, опрошенные поделились самой популярной схемой «трудоустройства инвалидов», которая подразумевает выплату вознаграждения определенному лицу с ограниченными возможностями, но не за проделанную работу, а просто так. Сумма, как правило, составляет долю от обозначенного законом штрафа за незакрытую квоту. Подобная схема становится все популярней среди инвалидов, многие из них, по словам опрошенных представителей бизнеса, самостоятельно обращаются к предпринимателям, предлагая именно такой подход к исполнению закона о квотировании. Подобные случаи могут привести к ряду негативных последствий при формировании в обществе системы толерантности к инвалидам. Во-первых, организованное таким образом квотирование вынуждает искать схемы по уходу от штрафов, вместе с тем, не создавая рабочих мест для инвалидов, во-вторых, возможность не работать и получать деньги формирует в среде лиц с ограниченными возможностями иждивенческие настроения и снижает их активность в поиске работы, в-третьих, практически нивелирует роль государства как защитника обе-

здоленных слоев населения и незащищенных групп общества.

В итоге участвовавшие в опросе предприниматели рассказали, что на сегодняшний день бизнесмены при работе с системой квотирования действуют по следующим направлениям: разными путями стараются уйти от выплаты штрафов по квотам и одновременно избегают обустройства мест для работы инвалидов ввиду дороговизны данных мероприятий и невыгодной для компании рабочей единицы (часто приходится оплачивать больничные отпуска, во время которых работу отсутствующих вынуждены выполнять другие сотрудники). Таким образом, в итоге получается (со слов одного из респондентов) что закон о квотировании ставил своей основной целью не защиту интересов инвалидов, а создание еще одного источника по наполнению бюджета. Однако в условиях экономического кризиса и оптимизации расходов бизнеса любые нецелевые траты могут привести к банкротству предприятия. А при существующем подходе к формированию рабочих мест для инвалидов предприятия не могут развиваться адекватно требованиям рынка.

Кроме того, некоторые из опрошенных бизнесменов предложили ввести вместо квот специальный налог, средства от сбора которого пошли бы на программу интеграции и реабилитации инвалидов в обществе. В данном случае процесс сбора средств проще было бы администрировать, а самих инвалидов это стимулировало бы к поиску постоянной занятости, а не формировало желание жить на соцвыплаты и «пособия» от бизнеса. Также некоторые респонденты выразили желание оказывать адресную социальную помощь учреждениям социальной сферы в обмен на льготное налогообложение. Однако данные примеры, популярные во времена СССР, не нашли поддержки среди современных экономистов, которые настаивают, что подобная стратегия будет стимулировать коррупцию, т.к. при данной схеме сложно проследить за расходованием средств бюджета и, кроме того, подобное финансирование невозможно сделать полностью прозрачным.

В ходе опроса многие предприниматели отметили ряд существенных недоработок закона: одинаковый размер штрафа как для небольшого предприятия в сельской местности, так и для крупного объекта в городе, отсутствие прозрачности в ходе распределения денег от штрафов за нетрудоустроенного инвалида, кроме того, в законе нет четко прописанной роли государства в процессе интеграции в рабочий процесс инвалида.

Следует отметить, что в процессе интервьюирования предприниматели Краснодарского

края обозначили проблему наличия оснований для приема на работу лиц с ограниченными возможностями здоровья. Так, часть работодателей отметила наличие несправедливой оценки трудоспособности бюро медико-социальной экспертизы (БМСЭ). Ведомство стало чаще выносить заключения о достаточной трудоспособности инвалида, хотя истинное состояние здоровья не позволяет ему работать. Также респонденты отметили, что часто БМСЭ прибегает к другой крайности – использует единую формулировку заключения «противопоказан тяжелый физический труд», которая предполагает отказ работника от ходьбы на определенные расстояния, поднятия и переноса объектов тяжелее 2–3 кг, а также ряд других ограничений. Но в реальности подобных рабочих мест, которые бы отвечали всем перечисленным критериям, не существует. В итоге получается, что при квотировании рабочих мест для инвалидов в рамках имеющегося заключения экспертов предприятие не может трудоустроить инвалида по причине несоответствия его состояния здоровья условиям рабочего процесса на производстве. Подобное несовершенство законодательного акта, регулирующего данный аспект социальной защиты инвалидов, часто вредит самим лицам с ограниченными возможностями здоровья. Например, немалые трудности вызывает ситуация, когда человек принимается на квотированное рабочее место, а через год инвалидность с него снимается. В данном случае предприятие уволить его не может, как и не может бесконечно создавать рабочие места по квоте.

Многие представители бизнеса Краснодарского края, участвовавшие в опросе, отмечают отсутствие в законе принципиальных аспектов, что усложняет прием на работу инвалидов. Так, с позиции работодателя, нелогичными остаются штрафные санкции, когда предоставленное по квоте рабочее место не востребовано самими инвалидами. Также не имеет четкого описания ситуация, которая характеризуется в таких общих терминах, как «предприятие не трудоустроило инвалида», «инвалид не трудоустроен». В данном моменте необходимы комментарии и пояснения законодателей о размерах штрафа, если «инвалид не пришел устраиваться» или «инвалид получил отказ в связи с невозможностью работы по объективным показаниям». Все приведенные здесь примеры требуют своевременных разъяснений по специфике применения закона, в которых бы были прописаны условия оплаты штрафа.

Оценивая эффективность использования труда инвалидов на производстве, опрошенные подчеркнули ряд важных аспектов, которые в итоге приводят к убыткам на предприя-

тии: во-первых, выплата инвалидам зарплаты наравне с остальными сотрудниками; во-вторых, оборудование специальных рабочих мест; в-третьих, решение вопроса о замене инвалида на время его болезни или реабилитации другим работником, при этом приходится выделять дополнительные ресурсы на организацию той работы, которую должен выполнить инвалид, но не смог по состоянию своего здоровья. По оценке респондентов, в целом трудоустроенные инвалиды хорошо интегрируются в рабочий процесс и быстро находят общий язык с другими сотрудниками, если сами заинтересованы выполнять работу, не перекладывая ее на других. Если в формате деятельности все же возникают трудовые или иные споры, отметили опрошенные работодатели, то они успешно решаются в рамках действующего законодательства.

Стоит отметить, что особые требования работодателей к инвалидам иногда могут быть истолкованы остальными сотрудниками как несправедливое распределение объема вознаграждения и затраченных усилий работника. Таким образом, замечания о трудовых спорах затрагивают принципы разделения труда и указывают на отношения власти, которая определяет инвалидность как меньшинство, а сам факт инвалидности — как результат субъективных нарушений, а не структуры общества. Такое определение предусматривает создание сети услуг, нацеленных на излечение людей и улучшение условий их жизнедеятельности. При этом даже те услуги, которые должны помочь интеграции инвалидов, начинаются с обозначения диагноза, тем самым происходит разобщение лиц с ограниченными возможностями и других членов общества.

В ходе данного исследования выяснилось, что стереотипы прошлых лет, когда инвалидность была позорным явлением и должна была быть спрятана от общества, остались до сих пор и влияют на процесс трудовой занятости инвалидов. Так, некоторые из респондентов предложили не интегрировать инвалидов в существующие трудовые коллективы, а возродить, как это было ранее, отдельные предприятия для различных категорий лиц с ограниченными возможностями здоровья. При этом опрошенные готовы, чтобы штрафы по «не трудоустройству инвалида» или соответствующий налог шли непосредственно на организацию работы такого специализированного предприятия. К сожалению, несмотря на все усилия по воспитанию в обществе толерантности к инвалидам, они по-прежнему рассматриваются как изгои, которым если и позволено находиться в социуме, то работать разрешается только на специально отведенной территории.

Наличие специализированных предприятий для лиц с ограниченными возможностями здоровья допустимо в современной рыночной экономике, считает ряд опрошенных, однако они не должны являться основным решением проблемы занятости инвалидов [3]. Значительная доля респондентов высказала желание взять на работу инвалида при условии, что изначально будут учтены все возможные риски. Например, отсутствие санкций, если данный сотрудник не справится с нагрузкой. Это связано с тем, что в сложившейся обстановке оптимизации штатов многие сотрудники параллельно выполняют не только свои непосредственные обязанности, но и дополнительную работу за тех, кого сократили. Подводя итог проведенному среди работодателей Кубани опросу, стоит отметить, что разговор с предпринимателями выявил серьезные проблемы, с которыми сталкивается сегодня российская экономика. Низкая стоимость рабочей силы при желании работодателей получать максимальную выгоду достигается часто за счет чрезмерной интенсификации труда, высоких трудовых нагрузок, а также введения на производстве устаревших методов работы, что в итоге требует напряженного физического труда. Кроме того, задача по трудоустройству инвалидов становится практически невыполнимой в описанных экономических условиях.

Необходимо отметить, что большинство работающих инвалидов — люди с соматическими заболеваниями. А вот лиц с выраженным нарушением опорно-двигательного аппарата («колясочников»), органов слуха, зрения, по словам предпринимателей, среди работников нет, зато много тех, кто потерял здоровье вследствие профессиональных заболеваний. К слову, именно последний фактор и позволяет некоторым работодателям выполнять квоту без поиска инвалидов. Предприятие идет по пути перевода собственных сотрудников на более легкие условия труда в соответствии с заключением экспертов, но при этом система промышленного производства работает в замкнутом цикле.

Таким образом, предприятия, принимая как должное опасные условия труда на заводе, сталкиваются с противоречивостью системы квотирования рабочих мест. Парадокс мышления промышленных специалистов выявляет несоответствия между политикой интеграции инвалидов и неприемлемыми обстоятельствами работы на предприятии.

Очень интересно выглядят на этом фоне мнения самих инвалидов, которые также приняли участие в опросе. Им предложили оценить нынешнюю систему трудоустройства лиц с ограниченными возможностями и опре-

делиться, способствует ли она занятости инвалидов. В ходе исследования выяснилось, что 50% респондентов вообще не знают о квотах, а каждый пятый из опрошенных не видит в данной стратегии перспектив. 20% респондентов убеждены, что существующая система трудоустройства вполне жизнеспособна и оценивают ее положительно. Среди причин, которые заставляют инвалидов оценивать квоты отрицательно, деятельность органов социальной защиты и бюро медико-социальной экспертизы (БМСЭ). Опрос показал, что большинство опрошенных инвалидов боятся, что при трудоустройстве они потеряют имеющиеся льготы, компенсации и права. Это может быть связано с лишением их статуса инвалидности или снижением группы, что и влечет за собой ущемление в правах и финансовые потери.

Любопытно, что опрос выявил незначительные расхождения в принципиальном вопросе – справедливо ли определение степени инвалидности экспертами БМСЭ. В ходе исследования 41% опрошенных заявил, что процедура постановки диагноза была справедливой, а 39% респондентов уверены, что представители бюро медико-социальной экспертизы склонны занижать группу инвалидности. Кроме того, в ответах некоторых респондентов присутствовала информация о коррупции в данном ведомстве, посредством которой можно получить «нужную» группу инвалидности. Также среди респондентов было выявлено 32% работающих инвалидов, причем большинство из них (60%) трудятся на обычном предприятии, где не создано особых условий для осуществления их деятельности. Кроме того, в ходе опроса выяснилось, что каждый четвертый инвалид работает на специализированном предприятии для лиц с ограниченными возможностями, для 8% респондентов были специально оборудованы места на обычном предприятии и 2% работающих инвалидов занимаются надомным трудом. Если говорить о форме собственности компаний, где чаще всего трудоустроиваются инвалиды, то это будут государственные или муниципальные предприятия, только каждый пятый получает работу в частном бизнесе. А если это и происходит, признались опрошенные (45%), то в основном благодаря помощи родственников или знакомых. Общественные организации инвалидов смогли помочь только 12% опрошенных, примерно столько же нашли работу по объявлению сами, а 6% помогли получить место специалисты службы занятости.

Хотелось бы отметить, что в процессе поиска работы роль социальных связей и самостоятельного трудоустройства существенно ниже, чем у тех, кто статуса инвалида не имеет. В исследовании, проведенном ИСИТО среди

населения четырех крупных городов России, социальные связи стали главным помощником в трудоустройстве на последнее место работы для 58% респондентов, самостоятельно устроились на работу 22,7%, объявления помогли 4,9%, а служба занятости нашла работу лишь для 3% [4, с. 176]. Становится понятно, что большинство проблем при поиске работы связано с неумением инвалидов пользоваться неформальными каналами мобильности. Хотя именно они становятся наиболее успешными в современной системе социальных сетей, которыми пользуются все соискатели в настоящее время [5]. А вот для лиц с ограниченными возможностями здоровья работа в такой системе очень сложна, они предпочитают общаться и получать информацию через основные каналы – обращения по объявлениям, в службу занятости или общественные организации инвалидов. Подобное социальное ограничение приводит к сужению круга возможностей при поиске работы и усложняет процесс трудоустройства инвалидов, а также минимизирует шансы на эффективную интеграцию в трудовой процесс.

Кроме предложенных вариантов ответов, респонденты указали и свои пути трудоустройства: чаще всего это самостоятельный поиск работы, некоторые вернулись на предприятия, где трудились до получения инвалидности, двоим респондентам помогли с поиском работы врачи, а один сам открыл собственный бизнес. Около 70% работающих инвалидов трудятся в полную рабочую смену, практически все занятые респонденты (87%) оформили необходимые документы (трудовую книжку), причем для 61% участников опроса на производстве не создано особого распорядка дня, а вот почти для трети опрошенных был введен гибкий график. Однако, несмотря на кажущуюся успешность, половина инвалидов хотели бы сменить место работы, и большинство из них планируют это сделать из-за низкой заработной платы. Среди причин, которые также могут заставить инвалидов оставить занятость, респонденты выделили большие нагрузки, невосстановленную квалификацию, долгую дорогу к месту работы.

Среди тех, кто в настоящее время не занят, 56% хотели бы трудоустроиться, однако 41% опрошенных указали на то, что не планируют искать работу. Среди основных факторов отказа от занятости они назвали: состояние здоровья (60%), низкую оплату труда (9%), отказы работодателей взять на предприятие инвалида (7%). Только треть респондентов занимались поиском работы самостоятельно, 37% признались, что им в этом вопросе необходима помощь. Этот вариант выбрали большинство опрошенных – 71%. Кроме того, примерно

треть опрошенных считают, что им необходима помощь, чтобы отстаивать свои права, пятая часть уверена, что им сложно самостоятельно добиваться соответствующих условий труда на рабочем месте, а профессиональное переобучение или повышение квалификации актуально для 22%. Стоит добавить, что при всем этом единицы прошли программу профессиональной реабилитации.

Опрошенные инвалиды также отметили ряд причин, которые снижают их социальную активность и конкурентоспособность на рынке труда: барьеры городской среды, которые вызывают трудности с передвижением и транспортировкой к месту работы, недоступность или неудобство различных объектов социальной инфраструктуры, а также отсутствие или плохое качество необходимых им технических приспособлений. Стоит добавить, что при всем этом ежедневные траты инвалидов сегодня выше, чем расходы у неинвалидов, в связи с чем первым трудно нести дополнительные затраты, связанные с профессиональной подготовкой. В результате инвалиды оказываются лишены социального признания и образовательных прав из-за их низкого социально-экономического статуса, проблем с поиском работы и зависимости от статуса клиента.

Для того чтобы процесс трудоустройства и последующей интеграции лиц с ограниченными возможностями шел более эффективно, необходимо как можно скорее принять меры по организации доступной среды для инвалидов, которая бы способствовала их успешной интеграции в обществе. Эти вопросы должны решаться при непосредственном участии местных властей, представителей общественных организаций инвалидов, строительных фирм, работников сферы ЖКХ и т.д. В формате открытого диалога с представителями общественности необходимо создать контролирующий орган, который бы сделал систему определения инвалидности более конструктивной и прозрачной, т.к. сейчас среди инвалидов очень высок уровень неудовлетворенности работой бюро медико-социальной экспертизы. Это возможно без активного участника диалога со стороны гражданского общества. В данном вопросе важно использовать опыт коллективного действия: сделать шаги к созданию и развитию разнообразных влиятельных общественных организаций инвалидов, а также поддерживать те формы активности в данной сфере, которые уже существуют. В рамках представленной концепции необходимо усилить комплексный подход к решению проблем доступной среды для маломобильных групп населения. Для этого необходимо при проведении градостроительных и социальных конкурсов заложить

обязательным условием доступность объектов для инвалидов, отдавая при этом приоритеты тем проектам, которые создают комфортные условия для всех жителей города.

Необходимо отметить, что сейчас инвалиды Краснодарского края склонны давать более пессимистичные оценки насчет перспектив своего трудоустройства и будущего вообще. Льготы, пенсии и субсидии остаются для этой категории населения незаменимым условием поддержания собственного благополучия. Из-за этого, даже при существующем уровне занятости, расходы лиц с ограниченными возможностями здоровья велики. С этим связаны и негативные в целом оценки политики квотирования рабочих мест, влекущей, по мнению инвалидов, лишение их статуса инвалидности и утрату стабильной и значительной части бюджета.

Не только существующая экономическая политика делает инвалидов непродуктивными единицами в производственной сфере, но и общий фон социальных, культурных и политических процессов, который негативно влияет на них. Существующая социальная политика государства, будучи основным публичным механизмом в нормативно-правовой кодификации инвалидности, в том числе, стимулирует утверждение зависимости людей с ограниченными возможностями от системы соцобеспечения. Почему трудовая занятость не рассматривается инвалидами как достойная альтернатива жизни на пенсию, а только в качестве дополнительного дохода?

Ответами на этот вопрос могут быть невысокая заработная плата на тех рабочих местах, которые оказываются доступны инвалидам, в силу невысокой квалификации, низкий уровень образования и особые требования к условиям труда. Эти факторы лежат в основе желания многих занятых инвалидов сменить место работы. Кроме того, данное исследование выявило информационную недостаточность в вопросах прав инвалидов; каждый второй инвалид хотя бы однажды попадал в ситуацию нарушения прав, а в случае попыток восстановления прав и поиска справедливости лишь половина обратившихся за помощью смогла этого добиться.

Если говорить о применении на практике закона о квотировании рабочих мест для инвалидов, то необходимо подчеркнуть, что данный акт встречает сопротивление как работодателей, так и инвалидов. Он в итоге не учитывает интересы ни тех, ни других, а механизм действия закона недостаточно продуман и отработан. Систему трудоустройства инвалидов по квотам следует совместить с комплексом мер по обеспечению рабочих мест всем необходи-

мым для деятельности таких сотрудников [6]. Особенно актуально это становится во время экономического кризиса, когда значительное большинство трудоустроенных инвалидов работают в непригодных условиях. Важнейшим направлением организации трудоустройства инвалидов становится помощь в поиске места работы, ведь половина из занятых инвалидов заявили, что сделать этого самостоятельно не могут.

В данный момент к людям с ограниченными возможностями здоровья в сфере занятости применяется особое отношение. С одной стороны, им предоставляются льготы и более

щадящие условия труда: при выполнении более легких видов труда они имеют право на сокращенную продолжительность рабочего времени, на сохранение прежней заработной платы, а также на получение дополнительных видов помощи. Однако, кроме этого, нельзя забывать, что даже на правовом уровне лица с ограниченными возможностями оказываются ограничены при профессиональной самореализации, ведь признание инвалида нетрудоспособным автоматически вычеркивает его из категории «рабочая сила», таким образом, не защищая от безработицы и других сложных этапов жизни.

1. Синявская О.В. Основные векторы развития законодательства в отношении инвалидов в 2000–2004 гг. // SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2013. № 1. URL: <http://spero.socpol.ru>

2. Права и возможности инвалидов в Российской Федерации: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 10 сент. 2016 г. URL: <http://www.ombudsman.gov.ru/docum/spinv.htm>

3. Государственная поддержка молодых инвалидов в РФ: информ. материал Департамента по молодежной политике Министерства образования РФ. URL: <http://www.ed.gov.ru/files/materials/883/12-22-03.doc>

4. Шевченко А.И. К вопросу об опыте реализации политики по отношению к человеку с ограниченными возможностями // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2(24). С. 267–271.

5. Шевченко А.И. Методологический конструкт исследования проблем социальной адаптации и интеграции инвалидов в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 62–65.

6. Шевченко А.И. О некоторых подходах к осмыслению проблем социальной реабилитации и адаптации лиц с ограниченными возможностями // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 64–67.

1. Sinyavskaya O.V. Main vectors of development for people with disabilities in the 2000–2004 // SPERO: Social policy: expertise, recommendations, reviews. 2013. № 1. URL: <http://spero.socpol.ru>

2. The rights and possibilities of persons with disabilities in the Russian Federation: special report of Commissioner on Human Rights in the Russian Federation d.d. Sept. 10, 2016 URL: <http://www.ombudsman.gov.ru/docum/spinv.htm>

3. State support for young people with disabilities in the Russian Federation: information material of the Department of Youth Policy of the Ministry of Education of the Russian Federation. URL: <http://www.ed.gov.ru/files/materials/883/12-22-03.doc>

4. Shevchenko A.I. On the implementation of the policy experience with respect to the person with disabilities // Historical, social and educational thought. 2014. № 2(24). P. 267–271.

5. Shevchenko A.I. Methodological constructs research issues of social adaptation and integration of disabled people in the modern society // Humanitarian, social, economic and social sciences. 2014. № 1. P. 62–65.

6. Shevchenko A.I. On some approach to understanding the problems of social rehabilitation and adaptation of persons with disabilities // Humanitarian, social, economic and social sciences. 2014. № 2. P. 64–67.

Палий Виталий Михайлович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: palyvitaly@gmail.com)

Современные факторы и структурные признаки института властных отношений

В статье рассматриваются актуальные для современной социологии вопросы формирования властных отношений. Исследуются социальные факты, выявляемые при системном обосновании структурообразующих признаков трансформации властных элит. Показано, что ориентация социологической теории и практики на гуманизм власти рассматривается как универсальный вектор восприятия данного института в массовом сознании. Представлены отдельные проблемные направления образования и расходования фонда денежных средств, обеспечивающих выполнение социальных обязательств и функций администрациями на уровнях государства и самоуправления на местах. Приведены авторские варианты социологического моделирования для института власти в контексте реформирования системы государственной гражданской службы Российской Федерации.

Ключевые слова: социология, социальная структура, власть, общество, социальный факт.

V.M. Paly, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: palyvitaly@gmail.com

Modern factors and structural signs of institute of the imperious relations

In the article questions of formation of the imperious relations, actual for modern sociology, are considered. The social facts elicited at system justification of structure-forming signs of transformation of imperious elite are investigated. It is shown that orientation of the sociological theory and practice to humanity of the power is considered as a universal vector of perception of this institute in mass consciousness. The separate problem directions of education and expenditure of fund of the money providing implementation of social obligations and functions by administrations at the levels of the state and self-government on places are presented. Author's versions of sociological modeling for institute of the power in the context of reforming of system of the public civil service of the Russian Federation are given.

Key words: sociology, social structure, power, society, social fact.

Актуальность данной темы определяется новыми институциональными условиями формирования и развития современного механизма реализации прав, свобод и законных интересов граждан. В большинстве исторических контекстов система власти не тождественна системам правоотношений, т.к. предполагает более сложное структурное, функциональное обоснование и развитие по приоритетам конкретного общества. В социологии это обращено к проблеме выделения из власти как объекта научного анализа частных типов и конкурирующих совокупностей для вероятностных определений ее содержания и динамики.

Стабильность власти, сопутствующих административных структур и социальных обычаев относится к наиболее желаемым вариантам развития современных обществ. То есть в выявлении кризисов и угроз для действующей

власти на ранних этапах заинтересованы не только апологеты и регуляторы действующей власти, но и противники разного масштаба и уровней самосознания. Кажущееся противоречие такого тезиса объясняется традициями культуры и массового сознания народов относительно ценностной установки о том, что «худой мир лучше доброй брани» и т.п. Так, например, история структурообразующих признаков трансформации властных элит отражает картину преобладания толерантности в стремлении к ценностям развития сотрудничества и уступчивости по широкому спектру конфликтогенных проблем. Здесь власть призвана преодолевать деструктивный потенциал социальных коммуникаций, снижать социальную напряженность. Статистически содержательная возможность более точного определения феноменальной сущности власти раскрывается через установление различий в организации и управ-

ленческих функциях для доминирующей элиты государства и подчиненных элит. Сразу оговорим, что подчиненность не означает второстепенности. Так, элиты интеллигенции, культуры, религии, этничности часто имеют в сознании населения более важное значение по отношению к установкам власти и нормам светского права. Специфическая социальная стратификация совмещается с традиционными институтами коммуникации в критериях официального авторитета и ценностных ориентаций граждан. Здесь мы выделяем необходимость сочетания этнокультурной структуры населения и пространства легитимности власти для правящей личности, элиты, партии.

Связано это и с тем, что для большинства современных государств и регионов проблема реализации охранительной функции власти наполняется новым содержанием по условиям расширения глобальной миграции населения. Объективно это формирует новые запросы к власти, вынужденной реализовать свои полномочия по отношению к правам и достоинству граждан не своего государства, отличающихся культурой, религией, традициями, пониманием соотношения гендерных, социальных установок и по-разному трактующих нормы законодательства. По мнению М. Вебера, «значимость всякого данного социального порядка... – это вероятность фактической ориентации социальных действий индивидов на их представление о правомерности и законности предъявляемых им требований. Легитимность оказывается здесь не только свойством самого социального порядка, его формального соответствия законам страны, но свойством совокупности фактических представлений о нем, отправляясь от которых люди ведут себя по отношению к нему определённым образом, тем самым и сообщая силу соответствующим законам».

Таким образом, исторически власть постепенно приобретает статус общей обязательности, формальную определенность в динамике соответствия ожиданиям граждан и закрепления по нормам государственного и правового принуждения. Самостоятельное значение в статистике власти и соответствующих секторов государственного управления получает обоснование контроля накопления и расходования государственных финансов. Здесь ведущее направление составляет социологическое обоснование векторов создания благоприятных условий поддержки и развития национальной экономики. По таким структурным признакам принято рассматривать ожидаемые функциональные параметры гражданского об-

щества, т.е., предполагать в новых структурах традиционного социума целостность основных групп ценностей и гуманитарно оправданную унификацию разнообразных интересов и потребностей людей.

Власть масштабно структурируется по уровням, формам реализации, имеет все признаки самостоятельного социального института, т.е. рассматривается как исторически сложившаяся целенаправленно ориентированная форма моделирования и организации совместной жизни и деятельности людей. В пределах полномочий конкретной власти определяются правила ее распределения, поддержания статуса, авторитета, формализации норм и ценностей поведения и сознания граждан. В процессах реализации соответствующих санкций, норм и ограничений рассматриваются функции управления и контроля.

Тем не менее, в определенных условиях социальной реальности каждый человек по-разному осознает свою принадлежность к традиционному социуму. Факторы общности наполняются новыми ценностями, условиями деятельности, правовыми и иными институциональными регуляторами. Масштабные процессы для такого рода фактов самопознания и познания окружающего мира можно считать существенными фрагментами истории социальной группы, института, общества в целом.

Как рассуждал по схожим основаниям отечественный исследователь общественных процессов П.Н. Ткачёв, «Утилитаризм является... естественным результатом пробудившейся в уме человека потребности критического, сознательного отношения к явлениям окружающего его нравственного мира. Но, удовлетворяя этой, так сказать теоретической потребности, он в то же время желает удовлетворить и другой, чисто уже практической потребности, той потребности, которой вызваны были интуитивные и мистические теории нравственности» [2, с. 472]. По указанным обстоятельствам мы выделяем следующие нравственные ожидания в структуре масштабного запроса современного российского общества к моральности института власти:

- информационная открытость;
- плановое декларирование целей власти в сопоставлении с позицией адекватного экспертного сопровождения;
- публичная отчетность по понятным критериям реализации заявленных задач;
- взаимодействие органов власти с референтными группами в аспекте соблюдения норм обратной связи по обращениям граждан и организаций;

развитие форм коммуникации и правовой ответственности всех заинтересованных сторон по соблюдению принципов антикоррупционного законодательства.

В основе современных тенденций преемственности властных отношений отмечается возрастающая интенсивность связей коммуникации, принимаемых и положительно оцениваемых большинством сообществ глобального мира. Исследование таких связей в социологии позволяет прогнозировать возрастание взаимозависимости государств и регионов, а также обосновать кризисные и дисфункциональные явления в динамике предотвращения таких процессов. В этой же плоскости лежит позитивное признание факторов оптимальности для эффективного удовлетворения интересов большинства людей в сферах экономики, культуры, политики. То есть социальные функции института власти многообразны.

Соответственно, универсальность гуманизма власти рассматривается в массовом сознании как аргумент свободного развития каждого человека, социальной мобильности для творческого потенциала личности. Так, современный автор Е.А. Авдеев рассматривает фрагменты эволюции и перспективы существования национальных государственных образований по условиям масштабной трансформации, определяющей будущее глобального социума. В том числе отмечается, что стратегии развития институтов власти должны соответствовать признакам правового регулирования общества по постоянно обновляемым критериям интеграции и дезинтеграции [3, с. 14].

Все перечисленное, однако, не определяет безусловное стремление глобального социума к всеобщей и предельной унификации. Новейшую историю общества и трансформацию институтов власти отличает достаточно дифференцированный внутренний характер социологически значимых признаков в единстве уникальности и многообразия форм хозяйственной, социальной, политической коммуникации.

Так, особый интерес в рамках данной темы представляют исследования факторов, формирующих сферу влияния культурной политики власти на институты культурной идентичности народонаселения. Соответствующие научные проблемы рассматривают С.А. Ляшова и А.А. Нагой. В указанном проблемном пространстве современного общественно-научного знания они выделяют структурно значимые возможности социального прогнозирования и моделирования

в интересах сопоставления духовных и материальных ценностей для власти и социума [4, с. 170].

Власть существует не везде, а развивается из феномена властных отношений в тех социальных группах и сообществах, где представлены соответствующие аргументы к развитию, созданию новых типов и форм социальных структур и отношений. Здесь мы полагаем очевидным, что каждое общество способно осваивать не абсолютно все, а только те формы жизни, которые наиболее доступны ему из истории и общечеловеческого опыта. В том числе уместно предположить, что специфической реакцией на вызовы глобализации становится более или менее выраженное стремление многих человеческих общностей к сохранению собственной культурной, религиозной, этнической идентичности.

В свою очередь, практику социологического моделирования по признакам института властных отношений целесообразно рассматривать в контексте реформирования системы государственной гражданской службы Российской Федерации. Такая деятельность предполагается в целях повышения эффективности власти на всех уровнях ее реализации, создания атмосферы доверия и предельной открытости в реализации управленческих решений.

По указанным обстоятельствам принято выделять следующие острые проблемы формирования новой российской государственности и современной кадровой парадигмы для уровней федеральной, региональной и отраслевой власти:

- проблемы нормативного и правового регулирования формального статуса и практической служебной деятельности государственных служащих;

- признаки масштабной организационной нестабильности государственных и местных структур власти;

- проблемы профессиональной подготовки и переподготовки в реализации действенного формата государственной кадровой политики;

- проблемные для общественного мнения вопросы снижения престижа государственной, муниципальной службы;

- недостатки в реализации программ по преодолению коррумпированности чиновников государственного аппарата власти.

В настоящее время целесообразно активизировать усилия социологов и представителей разных отраслей экспертного сообщества в направлении выявления факторов положительной динамики власти. Для этого следует

расширять круг респондентов в составе представителей разных референтных групп, в том числе СМИ, молодежи, активных пользователей социальных сетей.

Перспективы социологического исследования по теме раскрываются в иерархии субъективных и объективных фактов по поводу получения, реализации или утраты власти, а также по формату исследуемой динамики статусов, условий и целей для основных структур и институтов современного общества. Развитие института власти прямо связано с процессами, характеризующими ценности современного информационного общества. Научно обоснованное экспертное сопровождение и общественное обсуждение позволяют проектировать динамику повышения качества и достоверно оценивать уровень работы структур власти, ее важнейших инициатив.

В развитии российских институтов власти на государственном, отраслевом, региональном уровнях новое содержательное

значение приобретает такой интегральный показатель, как общая удовлетворенность граждан качеством предоставляемых услуг. Его процессуальная динамика рассматривается по условиям всесторонней реализации соответствующих обязательств власти перед населением.

Также новым содержанием в условиях коммуникации власти и населения через сеть Интернет наполняется актуальность решения задач, связанных с использованием потенциала управления в системе электронных услуг. Соответственно, перспективное содержание для современной социологии приобретают процессы анализа и контроля социальных настроений в пространстве правовых гарантий и ожиданий для населения, прежде всего в динамике регулярного распространения достоверной информации, активного взаимодействия структур власти, научного экспертного сообщества и институтов гражданского общества.

1. *История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. Ю.Н. Давыдов. М., 1997. Т. 2.*

2. *Ткачев П.Н. Соч.: в 2 т. / общ. ред. А.А. Галактионова; сост., примеч. и послесл. Б.М. Шахматова. М., 1976. Т. 2.*

3. *Авдеев Е.А. Национальное государство, нация и этнос в контексте глобализации // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2015. № 1.*

4. *Ляушева С.А., Нагой А.А. Влияние культурной политики на культурную идентичность // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2014. № 4.*

1. *History of theoretical sociology: in 4 vol. / resp. ed. Yu.N. Davydov. Moscow, 1997. Vol. 2.*

2. *Tkachev P.N. Compositions: in 2 vol. / gen. ed. by A.A. Galaktionov; comp., notes and afterw. by B.M. Shakhmatov. Moscow, 1976. Vol. 2.*

3. *Avdeev E.A. The nation-state, nation and ethnicity in the context of globalization // Bull. of Adyghe state university. 2015. № 1.*

4. *Lyausheva S.A., Nagoy A.A. The impact of cultural policy on cultural identity // Bull. of Adyghe state university. 2014. № 4.*

Гамидова Наталья Владимировна

соискатель Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
(e-mail: Nat-gamidova@yandex.ru)

Глобализация и менталитет молодежи

В статье рассматриваются изменения социокультурного пространства в эпоху глобализации, в условиях которого трансформируется менталитет современной молодежи. Анализируются основные признаки и основные параметры современной глобализации, которая приводит к унификации мира во всех областях и к появлению социальных связей, солидарности и идентичности в наднациональном масштабе. Все эти процессы оказывают влияние на изменение менталитета современной молодежи.

Ключевые слова: социокультурное пространство, конвергенция глобальной культуры, экономическая глобализация, информационная глобализация, глобалистское мировоззрение, расширенная молодежная ментальность, ценностные ориентиры молодежи, молодежное сознание.

N.V. Gamidova, Competitor of the Adyghe Republic Institute of Humanitarian Studies of T.M. Kerashev; e-mail: Nat-gamidova@yandex.ru

Globalization and youth mentality

The article examines changes in socio-cultural space in the era of globalization, which transformed the mentality of today's youth. Analyzes the main characteristics and the main parameters of contemporary globalization, which leads to the unification of the world in all fields, and to the emergence of social ties, solidarity and identity in the supranational scale. All these processes influence the change of the mentality of today's youth.

Key words: sociocultural space, convergention of a global culture, economic globalization, information globalization, globalist worldview, expanded youth mentality, value orientations of youth, youth consciousness.

В настоящее время идут бурные научные дискуссии по поводу определения понятий «глобализация», «менталитет», что и определяет актуальность исследования.

Цель исследования – определить изменения социокультурного пространства, в условиях которого трансформируется менталитет современной молодежи в эпоху глобализации.

Социокультурное пространство, информационное поле в целом, в условиях которого формируется менталитет современной молодежи, во многом обусловлены процессом глобализации. Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется стремительным ускорением глобальных процессов, высоким динамизмом международной жизни, усилением взаимосвязи и взаимозависимости народов и государств.

Известный немецкий социолог У. Бек пишет: «Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. Различные формы экономического, культурного, политического взаимодействия сталкиваются друг с другом» [1]. Английский социолог Э. Гидденс отмечает, что глобализация – это не один процесс, а сложное сочетание целого ряда процессов.

«Развиваются они противоречиво или даже в противоположных направлениях. Большинство людей считает, что глобализация – это когда полномочия и влияние просто выхватываются из рук местных сообществ и государств и переносятся на международный уровень. Действительно, одно из ее последствий состоит именно в этом. Суверенные государства утрачивают часть экономических полномочий, которыми они прежде обладали. Но глобализация приводит и к противоположному результату» [2, с. 30].

Другие ученые – В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова – считают, что глобализация это «процесс социальных изменений последних двух десятилетий, заключающийся в формировании единого всемирного рынка (т.е. победы либерализма в общемировом масштабе), всемирной информационной открытости (Интернет), появлении новых информационных технологий, а также увеличении глобальной культурной связи между людьми и народами» [3].

Ведущим фактором глобализации выступает развитие образования, науки, культуры. Г.С. Таскаев выделяет спектр тенденций, которые связываются с процессами глобализации:

«развитие мировых идеологий, интенсивная борьба за установление мирового порядка; скачкообразный рост числа и влияния международных организаций, ослабление суверенитета национальных государств; появление и развитие транснациональных корпораций, рост международной торговли; интенсивные массовые миграции и формирование мультикультурных сообществ; создание планетарных СМИ и экспансия западной культуры во все регионы мира» [4, с. 13]. Можно сделать вывод, что в мире произошел социокультурный сдвиг.

Основными параметрами современной глобализации можно назвать следующие взаимозависимости: экономическая, политическая, информационная, глобализация коммуникации, культурная глобализация, взаимозависимость с точки зрения безопасности, общность экологических угроз.

Когда говорят об экономической глобализации, речь идет о возникновении экономических отношений всемирного характера, в которых задействована современная молодежь как самая мобильная часть общества.

Глобализация коммуникации ведет к эре информационных технологий. К. Чейз-Данн полагает: «Социальное пространство приобрело новое качество с развитием электронной коммуникации. Доступность, стоимость и скорость общения сделали локальное общезначимым. Быстрое уменьшение стоимости коммуникаций качественно изменило отношения между государствами и сознанием людей, и это может стать основой для формирования более мощного и глобального гражданского общества» [5, с. 141].

Политическая глобализация предполагает институционализацию международных политических структур, в то время как культурная глобализация имеет две стороны. С одной стороны, происходит распространение индивидуальных западных ценностей на большую часть населения мира, особенно среди молодежи, с другой стороны, распространяются западные институциональные практики, такие как рациональность, ценности экономической эффективности, политическая демократия.

Характеризуя культурную глобализацию, У. Бек подчеркивает, что расширение мирового рынка имеет далеко идущие последствия для культур, идентичностей и стилей жизни. Он пишет: «Глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры, процессом, который называют “культурной глобализацией”. При этом речь идет главным образом о фабрикации символов

культуры – о процессе, который, кстати, наблюдается уже давно. Некоторые из общественных наук и часть общественности усвоили на это явление точку зрения, которую можно назвать конвергенцией глобальной культуры. Ключевое слово – макдональдизация. Все больше и больше пробивает себе дорогу универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения» [1].

Главная проблема культурной глобализации заключается в следующем: приводит ли она к культурному единообразию или к новым различиям. По этому вопросу нет единой точки зрения. Ряд исследователей пишет об американизации, европеизации культуры, считает, что западная культура с ее экономической рациональностью начинает доминировать во многих странах. У. Бек пишет: «Происходит культурная и социальная революция, являющаяся следствием экономической глобализации, – говорит диктор “Си-эн-эн”. – Служащий в Америке затронут этим в той же мере, что и человек на улице Москвы или менеджер в Токио. Это означает: то, что мы делаем в Америке и для Америки, имеет силу повсюду в мире. Наши новости – это глобальные новости» [1]. Культурный аспект глобализации связывают с экспансией культуры западного образца, что ведет к потере большинством государств национальной культуры и самобытности.

Отечественные исследователи полагают, что происходит трансформация национального сознания современной российской молодежи под влиянием процесса вестернизации. Исследователи отмечают: «Молодежь России оказалась совершенно незащитной перед натиском американской массовой культуры, насаждающей в сознание подрастающего поколения культ наживы, насилия, разврата, наркомании. Наиболее восприимчивой к суррогатной западной продукции оказалась молодежь в силу недостаточности жизненного опыта, несформированности вкусов, ценностных ориентаций» [5, 272]. Действительно, нельзя отрицать тот факт, что среди современной российской молодежи наблюдается факт принятия западной культуры, выраженной в предпочтении западной музыки, фильмов, стиля одежды. Мы полагаем, что процесс «вестернизации» сознания и образа жизни российской молодежи не является кардинальным, меняющим ее менталитет. Благодаря фундаменту российской культуры молодежь сохранит основы российского менталитета и отечественной культуры. Анализируя культурный аспект глобализации, Э. Гид-

денс приходит к заключению: «Глобализация является причиной возрождения местной культурной идентичности во многих регионах мира. Ответ на вопрос, почему, к примеру, шотландцы стремятся получить больше самостоятельности в рамках Соединенного Королевства... следует искать не только в их историко-культурных традициях. Местный национализм оживляется в ответ на глобализационные тенденции, на ослабление контроля со стороны традиционного государства» [2, с. 30].

Настоящее время отличается трансформацией всей экономической и общественной жизни, где наибольшую ценность приобретает информация. Эра глобальной информатизации связана, в первую очередь, со становлением всемирной сети Интернет. «Огромные возможности процессов обработки, накопления и передачи информации, возникшие в результате слияния информационной и коммуникационной технологий – ключевой аспект глобализации. Данные технологии являются своеобразным строительным фундаментом глобализации, во многом обеспечивая возникновение и дальнейшее развитие рассматриваемых экономико-, политико-культурных тенденций» [6, с. 23].

Таким образом, под глобализацией следует понимать интенсификацию социальных отношений, которая связывает различные страны, народности. В результате сформировалось глобалистское мировоззрение (которое у молодежи во всем мире проявляется более активно, чем у других демографических групп.) М.О. Мнацаканян, характеризуя природу глобалистского мировоззрения, пишет: «Важнейшие и особенно широко распространенные и воспринимаемые человеческим сознанием элементы и звенья глобалистского мировоззрения – новые информационно-коммуникативные технологии, Интернет, мобильные общемировые связи и иные средства и возможности общения людей между собой во всех уголках земли» [7, с. 155].

Технический прогресс изменяет состояние ментальности, прежде всего молодежной. Молодежь в большей степени, чем другие демографические группы, включена в транснациональные потоки информации и товаров. Подавляющее большинство пользователей Интернета – это молодые люди, у которых происходит изменение сознания и поведения под влиянием данного источника информации. Согласно социологическим исследованиям, проведенным Е.В. Реутовым и Т.В. Трошиной, пользуются Интернетом ежедневно 90,8%

опрошенных в возрасте 15–24 лет, 73,8% – в возрасте 25–39 лет, 41,8% – 40–59 лет и только 5,6% – от 60 лет и старше, что позволяет сделать вывод: доля пользователей с увеличением возраста снижается [8, с. 142]. Авторы полагают, что 48% пользователей Интернета склоняются к мнению, что именно он дает наиболее полную и объективную информацию о событиях в общественной жизни.

Молодежь в возрасте 15–24 лет практически тотально пользуется глобальной сетью. Вот результаты социологического исследования, проведенного нами среди студенческой молодежи Нальчика и Краснодара. На вопрос «Сколько времени в день Вы проводите в Интернете?» были получены следующие результаты: 68% – Интернет работает круглосуточно, 23% – более 5 часов, 6% – не больше часа. Таким образом, в настоящее время в структуре медиапредпочтений молодого поколения Интернет постепенно заменяет традиционные СМИ, и эта тенденция будет возрастать. Интернет-пространство предлагает реализацию множества потребностей: информационной, коммуникативной, творческой. Популярность Интернета стала возможной в связи с тем, что он дает возможность уйти от реальности, построить желаемую виртуальную картину мира. В результате у молодого поколения складывается искаженная картина мира без критического отношения к поступающей информации. Наибольшую опасность Интернет сегодня представляет для молодого поколения в силу подвижности молодежного сознания и подверженности его манипулированию. Виртуализация сознания приводит к интернет-зависимости, к оторванности от окружающего мира, эгоцентризму. Э.М. Думнова пишет: «Поскольку Интернет прочно вошел в нашу жизнь и является своего рода символом современной эпохи – информационного общества – проявление феномена интернет-зависимости приобрело системный характер» [9, с. 139]. Причину этого она усматривает в том, что интернет-пространство предлагает возможность реализации множества потребностей, в результате чего у пользователей складывается нереальная, искаженная картина мира. К аналогичному выводу приходит и И.С. Шаповалова: «Интернет становится не просто важным источником информации для молодежи, а превращается в альтернативную реальность, и, судя по отмеченному молодыми людьми контенту – антагонистическую и часто неуправляемую. Сила виртуальной синергии, беспределности коммуникаций и возможности любой, часто компенсаторной самопре-

зентации создает иллюзию глобальности преимуществ такой реальности над реальностью “обычной” жизни и иллюзию необходимости следовать ее призывам и законам» [10, с. 150–151].

Противоречивость результатов глобализации проявилась в первую очередь в формировании менталитета молодежи. Как уже указывалось, информационная глобализация привела к развитию новых коммуникативных практик, переработке большого объема информации, в результате чего сознание молодежи оказалось подверженным виртуализации, что сказалось на ограничении межличностных контактов в семье, социальной группе.

Молодежь постсоветского периода ориентирована на восприятие глобализированных субкультурных образцов. И.М. Ильинский считает, что в ситуации американской глобализации образование молодежи играет самую главную роль в сохранении и дальнейшем развитии духовных оснований общества, утратившего ориентиры, путем воспитания жизнеспособного поколения [11]. Другие исследователи говорят о глобальном производстве различий. Глобализация привела к большому противостоянию социокультурных систем «Восток – Запад». Тенденция унификации культуры на основе западных образцов встретила неприятие в ряде восточных стран.

Сегодня высшее образование является важнейшим инструментом внедрения новых идей в умы молодежи. Обеспечение успешного функционирования образования служит гарантией гармоничного функционирования общества в целом.

В условиях глобализации формируются новые ориентиры в области образования, приобретающие интернациональный характер. Глобализация высшей школы выражается в увеличении роли наднациональных институтов. У. Бек считает, что вместо того, чтобы субсидировать «немецкие» фирмы, политики должны вкладывать деньги в сферу знания и образования, давая гражданам возможность овладения способностями и ориентирами, которые помогут им разбираться в транснациональных ландшафтах и противоречиях мирового общества. Он приходит к заключению: «Поэтому один из великих политических ответов на глобализацию гласит: создание и совершенствование общества образования и знания; увеличение, а не сокращение сроков получения образования; ослабление или ликвидация его привязки к определенным рабочим местам и профессиям и ориентация процессов

профессиональной подготовки на ключевые квалификации, находящие широкое применение; под этим понимается не только “гибкость” или “пожизненное обучение”, но и социальная компетенция, умение работать в команде, отсутствие боязни конфликтов, понимание культуры, многоплановое мышление, готовность к неуверенности и парадоксам Второго модерна» [11]. Согласно У. Беку обучение должно сочетаться с теми видами деятельности, посредством которых люди берут свою жизнь в собственные руки. Необходима транснационализация университетских процессов образования и образовательных программ («global studies»), которые должны способствовать осмыслению студентами трудностей транскультурных коммуникаций и конфликтов и учить преодолению их. «Для этого в эру индивидуализации уже недостаточно довольствоваться “гибким усвоением заданных норм” со стороны молодежи, все гораздо глубже. Требуется формирование собственного “я” как деятельностного и ориентирующего центра. Каждый молодой человек должен учиться вести свою жизнь, всецело опираясь на самого себя, рассчитывая на собственные силы» [11].

Болонский процесс – это процесс постепенного сближения и гармонизации системы образования европейских стран для создания единого европейского пространства высшего образования. Болонская декларация указывает: «Сорбонская декларация от 25 мая 1998 года... подчеркнула центральную роль университетов в развитии европейских культурных ценностей. Она обосновала создание Зоны европейского высшего образования как ключевого пути развития мобильности граждан с возможностью их трудоустройства для общего развития континента» [12].

Сегодня представляется актуальным воспитать новое поколение, которое способно к сотрудничеству на основе общечеловеческих ценностей для успешного решения глобальных проблем человечества. Существенную роль в этом играет высшее образование. В настоящее время аналитики Запада предлагают глобализационный проект образования по высшим учебным заведениям, где за основу берется процесс интернационализации.

Таким образом, анализ феномена менталитета молодежи позволяет сделать вывод о ее трансформации под воздействием целого ряда взаимосвязанных факторов глобализации. Наблюдается изменение сознания современной молодежи, что ведет к изменению ценностных приоритетов.

1. Бек У. *Что такое глобализация?* М., 2001. URL: <http://refdb.ru/look/2033800-p16.html>
 2. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь.* М., 2004.
 3. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. *Глобальный капитализм: три великие трансформации.* М., 2009.
 4. Таскаев Г.С. *Глобализация как тенденция нового времени.* М., 2011.
 5. *Глобализация и социальные институты.* М., 2010.
 6. *Глобализация. Общество. Личность / под ред. И.В. Ершовой.* Архангельск, 2014.
 7. Мнацакян М.О. *Глобальный мир и глобалистское мировоззрение.* М., 2013.
 8. Реутов Е.В., Трошина Т.В. *Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования.* 2015. № 4.
 9. Думнова Э.М. *Менталитет и ментальность в социокультурном пространстве бытия российской молодежи.* Новосибирск, 2013.
 10. Шаповалова И.С. *Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования.* 2015. № 4.
 11. Ильинский И.М. *Образовательная революция.* М., 2002.
 12. *Болонская декларация.* URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/>
1. Beck U. *What is globalization?* Moscow, 2001. URL: <http://refdb.ru/look/2033800-p16.html>
 2. Giddens E. *Escaping the world: how globalization is reshaping our lives.* Moscow, 2004.
 3. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. *Global capitalism: three grate transformation.* Moscow, 2009.
 4. Taskaev S. *Globalization as a trend of the new time.* Moscow, 2011.
 5. *Globalization and social institutions.* Moscow, 2010.
 6. *Globalization. Society. Personality / ed. by I.V. Ershova.* Arkhangelsk, 2014.
 7. Mnatsakanyan M.O. *Global peace and globalist worldview.* Moscow, 2013.
 8. Reutov E.V., Troshina T.V. *Online practices and information preferences of the population // Sociological researches.* 2015. № 4.
 9. Dumnova E.M. *Mentality and mentalité in socio-cultural space of the Russian youth existence.* Novosibirsk, 2013.
 10. Shapovalova I.S. *The influence of Internet communications on the behavior and the intellectual development of youth // Sociological researches.* 2015. № 4.
 11. Ilinskiy I.M. *Educational revolution.* Moscow, 2002.
 12. *Bologna Declaration.* URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/>

Кравченко Олег Георгиевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79787953783)

Юзьвак Сергей Анатольевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79788540825)

Непрерывное образование в системе МВД России: основные подходы и содержание

В статье рассматриваются основные подходы, позволяющие изучать непрерывное образование в системе МВД как функциональную развивающуюся систему, динамика которой определяется социокультурными процессами. Раскрывается содержание понятия «непрерывное образование», определяется место постдипломного образования в системе непрерывного профессионального образования, способного реализовать самосовершенствование сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: непрерывное образование, постдипломное образование, сотрудник органов внутренних дел, система МВД, основные подходы, содержание образования.

O.G. Kravchenko, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79787953783;

S.A. Yuzvak, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79788540825.

Continuing education in the system of the Ministry of the Interior of Russia: main approaches and content

This article discusses the main approaches to study continuing education in the Interior Ministry as a functional developing system, which dynamics is determined by the socio-cultural processes. The content of the concept of «continuing education» has been explained, the position and place of post-graduate education in the system of continuing professional education, able to implement self-improvement of employees of MIA departments were proved.

Key words: continuing education, postgraduate education, employee of the MIA department, Ministry of Internal Affairs system, basic approaches, content of education.

На современном этапе развития российского общества определяющими векторами модернизации постдипломного образования сотрудников органов внутренних дел являются непрерывность и системность повышения их профессиональной компетентности, доступность образования, инновационность, гибкость, ориентированность образования в целом и его отдельных составляющих на стихийно изменяющуюся действительность, компетентностный подход к обеспечению саморазвития и самореализации личности на всех этапах профессионализации. Поэтому главной в системе непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел является подготовка специалистов, имеющих инновационное мышление, надлежащую мотивацию к самосовершенствованию и самообучению на протяжении жизни.

Весомый вклад в разработку теоретико-методологических положений обеспечения непре-

рывности образования в системе МВД осуществили и осуществляют отечественные и зарубежные ученые И. Горлинский, Б. Дамбаева, Т. Купавцев, А. Порожняков, И. Сташевская, В. Шалин и др.

Основными методологическими принципами по исследованию феномена непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел, по его организации и содержательному наполнению являются системный, акмеологический и компетентностный подходы, которые в контексте исследования выполняют инструментальную функцию, т.е. позволяют изучать дополнительное профессиональное образование как функциональную развивающуюся систему, динамика которой определяется социокультурными процессами.

Основные положения системного подхода для решения педагогических проблем рассмотрены и реализованы в работах И. Блауберга, Ф. Королева, Н. Кузьминой, В. Новичкова, В. Садовского, В. Шадрикова, Е. Юдина и др.

Системный подход предназначен для исследования систем и процессов, познания закономерностей изучаемых объектов и явлений. Он позволяет не только исследовать части и целое систем любых типов и видов, но и осуществлять проектирование, моделирование новых систем, формировать механизмы их целенаправленного функционирования и развития.

По мнению Н. Кузьминой, системный подход является методом научного познания и означает, что явление объективной действительности рассматривается с позиций закономерностей системного целого и взаимодействия его составляющих частей, образует особую гносеологическую призму или особое «измерение» реальности [1].

Как отмечает В. Беликов, использование системного подхода для решения проблем образования предполагает выполнение следующих требований:

- определять образование как систему;
- исследовать каждый компонент системы образования с целью выяснения и обеспечения полноты ее состава;

- определять всю совокупность структурных связей;

- разбираться в механизме функционирования отдельных звеньев системы образования, ее организации, управлять этим механизмом на научной основе;

- определять тенденции и предусматривать уровни развития системы образования как важное условие совершенствования процесса в целом [2].

Системный подход позволяет раскрыть детерминированность непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел изменениями, происходящими в социокультурном контексте Российской Федерации. В связи с этим следующим методологическим основанием к рассмотрению феномена постдипломного образования является акмеологический подход, который в начале третьего тысячелетия является одним из перспективных для современной системы непрерывного образования. «Сущность акмеологического подхода заключается в осуществлении комплексного исследования и восстановлении целостности субъекта, который проходит степень зрелости, когда его индивидуальные, личностные и субъектно-деятельностные характеристики изучаются в единстве, во взаимосвязях для того, чтобы способствовать достижению более высоких уровней, на которые может подняться каждый» [3, с. 48].

Важную роль в разработке основ теории по различным проблемам акмеологии играют труды таких ученых, как А. Бодалев, А. Деркач, Н. Кузьмина, А. Маркова, С. Пальчевский, С. Степанов и др.

В исследованиях Н. Кузьминой предложено определение предмета акмеологии – изучение целостности человека в период самореализации его зрелости и осознания субъектом самого себя [4]. Проблемам акмеологии посвящены и труды А. Бодалева, в частности его монография «Вершина в развитии взрослого человека, характеристики и условия достижения» освещает феномен акме и определенные условия его формирования. Исследователь рассматривает роль социальной макро- и микросреды в достижении человеком вершины своего развития; акме и индивидуальность человека; акме и популярность; акме и проблему саморазвития [5].

Таким образом, акмеологический подход позволяет перевести систему образования из режима функционирования к развитию, при этом значительно повышается качество дополнительного профессионального образования, потому что у всех субъектов учебного процесса систематизируются познавательные мотивы, обучение становится внутренней потребностью, а творческое переосмысление действительности является ведущим.

Далее наше внимание сфокусировано на характеристике основ компетентностного подхода к определению характеристик постдипломного образования сотрудников органов внутренних дел как объекта исследования.

Методологическим и теоретическим аспектам компетентностного подхода посвятили свои исследования многие отечественные и зарубежные (ученые и практики В. Байденко, А. Бермус, И. Зимняя, Б. Оскарсон, Дж. Равен, Ю. Татур, А. Хуторской и др.).

Новый концептуальный ориентир – компетентностный подход – вызывает немалый интерес педагогического сообщества. Составляющими непрерывного образования на основе компетентностного подхода являются личностные компетенции – преодоление проблем и стрессов, толерантность, коммуникабельность, инициативность, нестандартность, аргументированность и профессиональные компетенции, присущие подготовке именно сотрудников системы МВД. Реализация основных положений компетентностного подхода в системе последипломного образования сотрудников органов внутренних дел позволяет решить важные проблемы дополнительного профессионального образования – предотвратить их слабую практическую подготовку.

Компетентностный подход способствует формированию компетенций – знаний, умений и навыков, а также способов и приемов их реализации в деятельности, общении, развитии. Компетенции обеспечивают продуктивное выполнение профессиональной деятельности, они необходимы будущим специалистам для адаптации в современной профессиональной

среде, самореализации. Реализация компетентного подхода предусматривает переход от накопления у сотрудников органов внутренних дел нормативно определенных знаний, умений и навыков к формированию и развитию способностей действовать мобильно, креативно, используя передовой опыт в процессе последиplomного развития профессиональной компетентности.

Совокупность рассмотренных подходов в их взаимодействии является основой парадигмы личностно ориентированного образования, концептуальная идея которой – личностный и профессиональный рост человека, самообразование в течение жизни, творческая самореализация и повышение уровня профессионализма каждого дипломированного специалиста, в том числе профессионально-компетентной личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Реализации личностно ориентированной парадигмы образования способствуют такие тенденции развития учебных систем, как признание каждого уровня образования органической составляющей системы непрерывного образования; расширение форм открытого обучения с целью повышения уровня способности личности к самообразованию; переход к субъект-субъектным отношениям в учебном процессе; реализация педагогических технологий, способных активизировать самореализацию личности. «Личностный подход требует изучения и учета индивидуальных, возрастных особенностей, природных возможностей и социальных условий, в которых происходит реальное становление и развитие личности... личностно-ориентированная педагогика выводит на первый план самого человека, его ценности, его умение прогнозировать и контролировать себя» [6, с. 56].

Поскольку формирование личности, ее качественные изменения происходят только в процессе определенной деятельности (учебная, профессиональная), необходимо спроектировать постдипломное образование сотрудников органов внутренних дел таким образом, чтобы оно способствовало целенаправленному формированию их личности как субъектов целостного процесса развития профессиональной компетентности, прежде всего профессионально-коммуникативной.

Сделанный вывод обосновывает необходимость рассмотрения в логике исследования сотрудника органов внутренних дел как субъекта дополнительного профессионального образования. Организация и содержательное наполнение постдипломного образования сотрудников системы МВД напрямую зависят от следующих критериев: с одной стороны, оно непосредственно определяется социокуль-

турными изменениями, которые происходят в структуре Российской Федерации, с другой – представитель системы внутренних дел как личность осознает пределы своей индивидуальности, обладает совокупностью личностных и профессиональных качеств и имеет внутреннюю интенцию профессионального обновления.

Понятие «образование» в последнее время значительно изменило свой смысл. В сегодняшних условиях образование рассматривается широко, определяется различными контекстами, которые можно обобщить так: образование – ценность (государственная, общественная, личная), система различных учебных заведений и образовательных учреждений; особый процесс, разноуровневый результат; социокультурный феномен; социальный институт, влияющий на состояние сознания общества.

Не делая попытки дать определения понятию «образование», отметим, что в контексте нашего исследования перечисленные подходы к его определению играют роль регуляторов в выявлении сущности феномена непрерывного и последиplomного образования.

В отечественной науке наиболее распространенные термины «андрагогика», «образование в течение жизни», «образование взрослых», «непрерывное образование», «повышение квалификации», каждый из которых имеет свои ключевые характеристики и отличительные признаки. Например, результатом повышения квалификации считаем достижение высокого уровня профессиональной компетентности, длительность использования новых технологий, потребность в непрерывном образовании. Именно система непрерывного профессионального образования способна реализовать самосовершенствование сотрудников органов внутренних дел.

Непрерывное образование России охватывает учебные заведения начиная с детского сада, общеобразовательную школу, профессиональные технические училища, высшие учебные заведения I–IV уровней аккредитации, курсы повышения квалификации, переподготовку, стажировку, обучение в аспирантуре, докторантуре, адъюнктуре.

Наиболее распространенным при определении самого понятия «непрерывное образование» является подход, согласно которому непрерывное образование – это образование, охватывающее всю жизнь человека и включающее в себя формальные (школа, институт), неформальные (образовательные курсы, народные университеты, клубы, кружки) и информальные (самообразование, жизненный и социальный опыт) виды образования в соответствии с цивилизационно-гуманистической направленностью развития и социально-экономических потребностей общества, интересов и способностей личности.

На наш взгляд, под непрерывным образованием следует понимать такую систему образования, которая дает каждому человеку возможность формировать и достраивать свой профессиональный/образовательный и культурный «багаж» в соответствии с личными нуждами и потребностями общества в целом, ведь, по мнению Е.Н. Карелкина, «формирование мотивации и ценностных ориентаций обучающихся является неотъемлемой частью развития личности человека» [7, с. 155].

Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на достаточно высокую степень стандартизации, сущность непрерывного образования остается индивидуальной для каждой страны и зависит от уровня ее социально-экономического развития, исторических условий функционирования системы образования, ее структуры и т.п.

Таким образом, анализ системы непрерывного образования свидетельствует, что идеи такого образования, с учетом образования взрослых, распространены во многих странах, большинство из которых разработали собственные образовательные программы. Сегодня система непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел приобретает в Российской Федерации важное значение, поскольку, во-первых, информация, знания, мотивация, а также необходимые для этого навыки становятся решающим фактором развития, конкурентоспособности и эффективности рынка труда. Во-вторых, россияне живут в сложной социально-экономической среде, где полноценное развитие личности невозможно без

умения активно участвовать в общественных процессах и адаптироваться к культурному, этническому и языковому разнообразию. И только образование в широком смысле этого слова может помочь успешно реализовать эти задачи.

Обобщая взгляды ученых на базовое понятие исследования, утверждаем: непрерывное образование вызвано к жизни процессами опережающего характера во всех сферах общества, актуализирует необходимость в специалисте, умеющем ориентироваться в быстро меняющемся мире, и выдвигает новые требования к уровню квалификации – профессиональной компетентности сотрудника органов внутренних дел.

Таким образом, констатируем, что изменения, которые происходят в экономической, социально-политической и культурной жизни российского народа, усилили потребность в компетентном, толерантном, креативном сотруднике органов внутренних дел как активном субъекте. Это активизирует ориентацию последипломного образования на самоорганизующуюся личность, способную к постоянному наращиванию своих потенциалов. Результативность такого обновления непрерывного образования во многом зависит от профессионализма сотрудника системы МВД, его способности к личностно-профессиональному росту. Поэтому обучение сотрудников органов внутренних дел в системе дополнительного профессионального образования должно осуществляться, исходя из их потребностей, возможностей, сил и способностей.

1. Методы системного педагогического исследования: учеб. пособие / под ред. Н.В. Кузьминой. М., 2002.

2. Беликов В.А. Образование. Деятельность. Личность. М., 2010.

3. Акмеология: учеб. / под общ. ред. А.А. Деркача. М., 2004.

4. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. СПб., 2002.

5. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М., 1998.

6. Андреев В.И. Педагогика: учеб. курс для творческого саморазвития. 2-е изд. Казань, 2000.

7. Карелкин Е.Н. Социально-психологические особенности студенческой молодежи // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4(26). С. 155–157.

1. *Methods of system pedagogical research: study aid / ed. by N.V. Kuzmina. Moscow, 2002.*

2. *Belikov V.A. Education. Activities. Personality. Moscow, 2010.*

3. *Acmeology: textbook / gen. ed. by A.A. Derkach. Moscow, 2004.*

4. *Kuzmina N.V. Subject of acmeology. St. Petersburg, 2002.*

5. *Bodalev A.A. The highest stage of adult development: characteristics and conditions of achievement. Moscow, 1998.*

6. *Andreyev V.I. Pedagogics: training course for creative self-development. 2nd ed. Kazan, 2000.*

7. *Karelkin E.N. Social and psychological features of student's youth // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2014. № 4(26). P. 155–157.*

Кунина Мария Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: j_kunina@mail.ru)

Ярмолинец Лариса Григорьевна

кандидат филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков
Кубанского государственного университета
физической культуры, спорта и туризма
(тел.: +79184310030)

Связь юридического и спортивного дискурсов в рамках объединяющего их параметра институциональности

В статье рассматривается проблема институциональных отношений в сфере дискурсивных практик юриспруденции и спорта. В тексте производится анализ влияния интенсификации современных социальных процессов на интегрирование дискурсивных практик. В исследовании выводится объединяющий параметр двух дискурсов – сфера институциональности, выявляется тенденция не только взаимной интеграции, но и размытия границ дискурсивности; производится обоснование причины размытия языковой предметности в масс-медиа.

Ключевые слова: дискурс, спорт, юридический дискурс, социальные институты, интегративные процессы, массовые коммуникации.

M.N. Kunina, Master of Philology, Assistant Professor of the Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: j_kunina@mail.ru;

L.G. Yarmolinets, Master of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism; tel.: +79184310030.

Connection of legal discourse and the discourse of sport as part of their unifying parameter institutionality

The article examines to the problem of institutional relations in the field of discursive practices of law and sport. The text is analyzed the impact of the intensification of modern social processes on the integration of discursive practices. The study shows the parameter combining the two discourses – the field of institutional, and identify trends not only mutual integration, but also blur the boundaries discursivity. The article made justification causes blurring the language of objectivity in the media.

Key words: discourse, sports, legal discourse, social institutions, integrative processes, mass communications.

Современные исследователи трансформации правовой реальности указывают на существенное расширение юридической практики в кореллирующие области. Так, с позиции Н.Г. Храмцовой, «правовой дискурс как юридический феномен предопределяется другими правовыми компонентами – правовым мышлением и его результатами, через которые это мышление себя проявляет – юридическую речь и язык» [1]. Юридический дискурс направлен во внешнюю для себя область, т.к. сфера применения юриспруденции значительно шире ее предметности. Одновременно востребованность в других областях делает перспективной обратную корелляцию –

из внешней области в юридическую. За счет включенности в правовой дискурс происходит легитимизация предметного поля других дискурсивных практик. Собственно, «для институционализации дискурса необходима его легитимация в правовом поле: требуется создание законодательных актов, которые регулируют деятельность соответствующего социального института» [2, с. 98]. Рассмотрим процесс институциональной интеграции спортивного и юридического дискурса.

Дискурсивные практики, связывающие спорт и правовые отношения, подразделяют следующие основные сферы взаимодействия: институциональное развитие видов спорта, измене-

ние их статуса, корректировка правил, норм и принципов оценивания, институт судейства, сфера медицины и допингового контроля, международные отношения, связанные с проведением глобальных мероприятий (олимпиад, чемпионатов и т.д.), отношения между спортивными организациями, а также правовые отношения между конкретными спортсменами и юридическими лицами (спортивными клубами, федерациями, агентствами). В связи с этим спортивный дискурс приобрел существенные интенции к закреплению себя в правовой сфере. С позиции современных исследователей дискурсивных практик [3; 4], интерес представляют интегративные процессы стабильных институциональных дискурсов и динамично развивающихся, определяемых спецификой социальных процессов. Данный принцип взаимного проникновения характерен для спортивной и юридической языковой практики.

На институциональном уровне корреляция обоюдна. Спорт, будучи интегрированным в современные процессы социальных взаимодействий, приобретает языковые компоненты. Вместе с тем, интеграция спорта не происходит бесследно. Так, юридический дискурс, подчиняясь необходимости соответствовать практической области, вбирает в себя терминологию прикладных сфер. Юридический дискурс актуален в сфере заключения договоров, контрактов, проведения мероприятий, закрепления правовых норм, регламентирующих деятельность в отношении отдельных видов спорта. При этом современные исследователи отмечают, что как таковой юридический дискурс, напротив, консервативен. «Привязанность к традиции, консерватизм выражены и в языке права, который изобилует традиционными церемониальными формулами, архаизмами, латинизмами и французскими заимствованиями, сложными синтаксическими оборотами, профессиональными жаргонизмами и т.п. Благодаря своему языку *common law* для не-юриста по сей день остается *terra incognita*», – пишет И.В. Палашевская [3, с. 244].

Сочетаясь с включенностью в массовую коммуникационную среду, юридический дискурс частично утрачивает свою «закрытость». В настоящее время в спортивном дискурсе выходит на первый план необходимость обличения информации в ту форму подачи, которая является наиболее эффективной, т.е. решает актуальные прикладные задачи. Здесь значение имеет не только уровень спортивных достижений, но и достижений личных (профессиональный институциональный дискурс

коррелируется с дискурсом межличностным). Так, вопрос о допинговых скандалах многомерен. Не последнее значение здесь играет этическая составляющая, которая реализуется за счет принципа правомерности. В самом деле, в современной спорт-индустрии не секрет, что большинство спортсменов употребляют различные препараты (в том числе витамины, стимуляторы и т.д.), которые являются разрешенными или запрещенными по договоренности. Конвенционализм приобретает юридическую силу. Так формируется право. На уровне социальной оценки происходящего, как правило, речь идет именно о соотношении того или иного факта с категорией правомерности, носящей условный характер.

Категоризм дисквалификации соотносим с приговором как таковым, имеющим конвенциональное основание и проецирующим социальные последствия. Спорт становится массовым зрелищем, а значит, людям нужно именно то, что объединяет их независимо от уровня культуры, образования, политических или религиозных предпочтений. Это сфера личных эмоциональных переживаний. Современный спорт эмпатичен, а следовательно, направлен на получение максимального количества сопереживания или отрицания. Но уход в сферу личностно эмоционального субъективизирует спорт, который нуждается в институциональной опоре. Попытки отразить своеобразие и цельность личного переживания мира обогатили традиционно-культурологическую проблематику, но в то же время стали причиной усиления субъективистской тенденции в спортивном дискурсе. Поиск языка, способного передать всю глубину и неповторимость человеческого существования, ставит в новые условия решение давних, можно сказать, наболевших проблем спортивного дискурса. Такое положение не только способствует постановке новых задач, тем самым расширяя проблемное поле, не только по-своему расставляет акценты в рассмотрении фундаментальных социальных вопросов, но и становится истоком зарождения нового культурного пространства. В результате интегрирования спортивный дискурс расширяется за счет неспортивных носителей информации и технологии. Спортивная языковая картина мира представляет собой совокупность определенных компонентов, в которую входят представления, понятия, концепты из данной области человеческой деятельности» [6, с. 188].

Наиболее явным интегрирующим основанием, позволяющим контролировать процесс конвергентного слияния спортивного и юри-

дического дискурса, становится объективная институциональность. Спорт экономически детерминирован, имеет политические последствия (в идеале, не основания), вне религии, но на уровне мифологизации дополняем духовными составляющими. Спорт давно отражается на семейных отношениях различного порядка. И, наконец, спорт представляет собой систему правоотношений, проецирующую определенное отношение к праву в принципе. Лозунг «за честный спорт» дискурсивен, а его отражение до сих пор не может быть некой статичной закреплённой данностью. Правоотношения в спортивной сфере развиваются, что накладывает отпечаток не только на сам спорт, но и на юридический дискурс.

Специфика юридического дискурса – опора на систему знаний, объективированную правовыми отношениями. По сути, идеальная форма права стремится к принципу справедливости. Вместе с тем, интегрированность права в такие массовые сферы, как спорт, имеет две взаимообратные тенденции. Спорт получает опору на право, в то время как система права

становится зависимой от специфики интегрированного дискурса (в частности, спортивного).

На настоящий момент интергративные процессы юридического и спортивного дискурса претерпевают существенную интенсификацию. Это связано с интенсификацией коммуникативной динамики основных социальных институтов. Защитные механизмы языковых форм институционализируются, в результате чего принципиально выявляемы две сферы: массовые коммуникации (отражение в массовом социальном сознании) и профессиональный дискурс. Если первая сфера соединяет эмоционально обыденное и особенное, то в профессиональном дискурсе на первом месте система институциональных отношений в их особенности.

Тем самым становится возможным констатировать следующий факт. Дискурсивная конвергенция сферы спорта и юриспруденции содержит в себе сберегающий потенциал, который как альтернатива языковой дисперсии дает возможность межинституционального взаимодействия без размывания границ предметности.

1. Храмова Н.Г. Правовое мышление и язык права – объективные основания правового дискурса // Пробелы в рос. законодательстве. 2009. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-myshlenie-i-yazyk-prava-obektivnyye-osnovaniya-pravovogo-diskursa> (дата обращения: 16.05.2016).

2. Ромашова И.П. Модель институционального дискурса с позиций социодинамического подхода // Вестн. ОмГУ. 2013. № 1(67). С. 94–100.

3. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.

4. Фуллер Лон Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М., 2007.

5. Палашевская И.В. Социокультурное отношение к агентам юридического дискурса // Вестн. КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. № 2. С. 241–246.

6. Седых А.П., Сосоевко С.С. К вопросу о современном французском спортивном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-1(30) С.184–190.

1. Hramtsova N.G. Legal thinking and legal language as the objective grounds of law discourse // Gaps in Russian legislation. 2009. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-myshlenie-i-yazyk-prava-obektivnyye-osnovaniya-pravovogo-diskursa> (date of access: 16.05.2016).

2. Romashova I.P. Model of institutional discourse from the stand point of sociodynamic approach // Bull. of Omsk state university. 2013. № 1(67). P. 94–100.

3. Karasik V.I. Language keys. Volgograd, 2007.

4. Fuller Lon L. Morals of the law / transl. from English by T. Danilova; ed. by A. Kuryaev. Moscow, 2007.

5. Palashevskaya I.V. Sociocultural attitude to the agents of the legal discourse // Bull. of KSPU of V.P. Astafyev. 2010. № 2. P. 241–246.

6. Sedykh A.P., Sosoyenko S.S. To a question of a modern French sports discourse // Philology. Questions of theory and practice. 2013. № 12-1(30). P. 184–190.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 27.05.2016
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40,7
Тираж 1050 экз. Заказ 473
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249